ПЯТЬ ПРЕМИЙ Hugo • ДВЕ ПРЕМИИ Locus

Вернор Виндж

ДЕТИ НЕБА

Семена, посеянные в прошлом, могут прорасти плевелами, удушив будущее...

Дети неба
Вернор Виндж

Аннотация
Вернор Виндж. Дети неба
Глава 00
Глава 01
Глава 02
Глава 03
Через десять лет после Битвы на Холме Звездолета. Глава 04
Через десять лет после битвы на Холме Звездолета. Глава 05
Глава 06
Глава 07
Глава 08
Глава 09
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43

Глава 44
Глава 45

Аннотация

«Пламя над бездной».

«Глубина в небе».

И теперь – «Дети Неба».

Научно-фантастическая сага, самое популярное детище Винджа, произведение, открывшее новые горизонты в жанре НФ и до сих порождающее бесчисленные дискуссии. Им восхищаются лучшие фантасты современности – Грег Бир и Дэвид Брин. Его единогласно сравнивают с легендарным циклом «Гиперион» Дэна Симмонса.

Но теперь соратнице и возлюбленной Фама Нювена предстоят новые, смертельно опасные приключения на планете Стальных Когтей.

Начинается противостояние обязательств и стремлений, доверия и обмана, великих страстей и мелких расчетов.

А над планетой дамокловым мечом нависает флот вернувшейся Погибели…

Вернор Виндж
Дети неба

Глава 00

Как привлечь внимание самого богатого дельца в мире?

Хранитель всю свою жизнь, которую отлично помнил, предлагал услуги только монархам. И в страшном сне ему не могло присниться, что придется искать расположения какого-то купца, — но вот он здесь, с единственным оставшимся у него слугой, ищет адрес в заводском районе Восточного Дома.

Последняя улица оказалась той, с которой только что свернули. Наверняка самый большой богач мира здесь вообще не появляется!

В глухих стенах переулка тяжелые двери. Сейчас все они закрыты, но ясно, что в пересменку здесь сущий ад. Каждые несколько футов висели плакаты, но не реклама, как в других местах, а требования и объявления. «ПЕРЕД РАБОТОЙ ВЫМОЙ ВСЕ ЛАПЫ», или «АВАНС НЕ ВЫПЛАЧИВАЕТСЯ», или знак-стрелка с надписью «ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРИЕМЕ НА РАБОТУ». Стрелка указывала на широкую двустворчатую дверь в конце переулка. Все было великолепно, роскошно, глупо. И все же…

идя вперед, Хранитель внимательно приглядывался к бойницам наверху. Явно штукатурка на дереве. Будь это камень — тогда в самом сердце торгашеского Восточного Дома стоял бы настоящий укрепленный замок.

Хранитель сбавил темп и жестом велел слуге сделать то же самое. Читиратифор шел по переулку, вознося хвалу возлюбленному господину. Хранитель еще не успел дойти до массивных двустворчатых дверей, как они широко распахнулись. За ними расположилась крупная стая — девятка или десятка, — преграждающая путь подобно цепи часовых. Хранитель подавил желание поднять головы к бойницам: нет ли там лучников?

Крупная стая посмотрела на пришедших взглядом дурака и заговорила громкими официальными фразами:

— Хотите получить работу? Читать умеете?

Читиратифор прекратил распевать цветистые формулы знакомства и ответил:

— Разумеется, читать мы умеем. Но мы пришли, чтобы…

Стая-привратник его не слушала:

— Не умеете — ничего страшного. У меня здесь есть бланки заявлений. — Два элемента сбежали

по лестнице, держа в зубах по клочку бумаги. — Я вам все объясню, вы подпишетесь. Магнат хорошо платит, дает хорошее жилье. И один выходной каждую декаду.

— Послушайте, уважаемая стая, — ощетинился Читиратифор. — Мы не ищем работу. Мой господин, — он сделал почтительный жест в сторону Хранителя, — пришел рассказать Великому Магнату о новых товарах и новых возможностях.

— Если писать не умеете, достаточно отпечатков лап… — Собеседник прервал свою речь — слова Читиратифора наконец до него дошли. — Не ищете работу? — Стая рассматривала их минуту, оценила модный наряд Читиратифора. — Да, в такой одежде не приходят к этой двери. Я должен был увидеть сразу. — Стая задумалась. — Вы не туда пришли. Приходящие с деловыми предложениями благоволят обратиться в Деловой Центр. Вам следует вернуться на пять кварталов и свернуть на площадь Великого Магната. Погодите, я дам вам карту.

Привратник не шелохнулся, но Хранитель понял, что стая даже больше, чем кажется, и продолжается в глубь здания. У этих восточных даже самые странные отклонения встречаются.

Читиратифор сдвинулся обратно в направ-

лении Хранителя, и ближайший элемент прошипел:

— Две мили тащиться, чтобы зайти с другой стороны этого дурацкого здания!

Хранитель кивнул и обошел своего слугу, встав прямо перед привратником.

— От самого Западного Побережья мы спешили на помощь Магнату. И мы требуем вежливого ответа, а не мелочных проволочек!

Ближайший элемент привратника робко отступил назад. Вблизи Хранитель отчетливо слышал, что это не военная стая. Привратнику никогда не приходилось убивать ничего живого, разве что на парадных обедах. Он был столь неискушен, что даже не чуял вставшей перед ним смертельной опасности. Слегка переместив свои элементы, привратник заявил:

— И тем не менее, сударь, я обязан следовать полученным инструкциям. Приходящие по делу посетители благоволят проследовать к парадному входу.

Читиратифор дышал убийством, Хранитель жестом призвал его к порядку. Но тащиться вокруг здания к парадному входу ему никак не хотелось — и не только из-за неудобства. Он теперь понимал, что и этот-то вход удалось найти

по счастливой случайности. Вряд ли шпионы Резчицы заходят так далеко от дома, но чем меньше народа сможет установить связь между Хранителем и Магнатом, тем лучше.

Он вежливо отступил из личного пространства привратника. Этот вход ему вполне подойдет, если удастся поговорить с кем-нибудь поразумнее.

— Наверняка ваши приказы не относятся ко мне.

Привратник задумался на пять секунд, взвесил эту возможность.

— Я полагаю, что относятся, — заявил он наконец.

— Хорошо. Но пока мы будем ждать карту, вы могли бы запросить того, в чьи обязанности входит разрешать затруднения. — Было у Хранителя несколько приманок в запасе. — Скажите вашему начальнику, что посетители доставили известия о вторжении извне.

— Чего-чего доставили?

— У нас свидетельская информация о *людях*… — Еще несколько непонимающих взглядов. — Да черт побери, дружище, я про чудовищ-богомолов!

Упоминание богомолов вызвало не начальника привратника: вышедшая к ним пятерка была

в иерархии куда выше! Ремасритлфеер задал несколько недоверчивых вопросов, потом велел пришедшим следовать за ним. Через несколько минут они миновали привратника и пошли по ковровым полам коридоров. Оглядываясь, Хранитель все время сдерживался, чтобы не показать улыбок. Внутреннее убранство было шедевром дурного вкуса и неуместного богатства, иллюстрацией глупости нувориша. А вот проводник был совсем другого сорта. Ремасритлфеер был в основном худощав, но на мордах и боках виднелись шрамы, под шкурами угадывались тугие мышцы. Глаза у него были по большей части бледно-желтыми и не слишком дружелюбными.

Путь был неблизкий, но проводник говорил мало. Наконец коридор закончился дверью шириной в один элемент — вход скорее в логово зверя, чем в кабинет самого богатого простолюдина в мире.

Ремасритлфеер открыл дверь и просунул одну голову:

— Чужеземцы здесь, ваше превосходительство.

Изнутри донесся голос:

— Надо говорить «ваше сиятельство». Сегодня почему-то мне «сиятельство» больше нравится.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

Но четверо оставшихся элементов Ремасритлфеера досадливо покрутили головами.

— Тогда не будем тратить мое время. Запускай их всех сюда, места хватит.

Проникая сквозь узкую дверь, Хранитель смотрел во все стороны, никак не показывая особой заинтересованности. Под потолком рядами висели керосиновые лампы. Он вроде бы заметил телохранителей на антресолях вверху. Да, большой зал, но набитый весь — чем? Не кричащими безделушками, как коридор. Здесь были шестерни, приборы, наклонные чертежные доски, покрытые незаконченными чертежами. Книжные полки шли вдоль стен так высоко, что до верхних можно было достать только с подвесных люлек на веревках с блоками. Один элемент Хранителя оказался рядом с ближайшими книгами. Никакой великой литературы — в основном конторские книги. Те, что подальше, в кожаных переплетах, напоминали своды законов.

— Подойдите ближе, чтобы я вас целиком видел! — продолжал невидимый голос. — Какого черта не пришли через вход для посетителей? Я что, этот тронный зал зря строил?

Последние слова голос сварливо пробурчал.

Хранитель пробирался сквозь беспорядок. Два

элемента его пролезли под большой чертежной доской. Остальные добрались до середины зала через пару секунд. Пришлось пережить момент неразберихи, пока Читиратифор отошел с дороги, и потом Хранитель впервые взглянул на Великого Магната.

Эта стая была неудачно подобранной восьмеркой. Пришлось дважды пересчитывать, потому что ее мелкие элементы очень суетились. У двоих было что-то вроде пластмассовых козырьков зеленоватого оттенка, которые носят бухгалтеры всего мира. Двое других переворачивали страницы конторской книги. Явно они подсчитывали его деньги, или списывали издержки, или что там вообще делает эта деловая публика.

Магнат бросил несколько раздраженных взглядов на Хранителя и Читиратифора.

— Вы заявили, что знаете что-то там про богомолов. Для вашей же пользы надеюсь, что это нечто важное. Кстати, я о них знаю много, поэтому врать не советую.

Он одной из морд показал на Хранителя, подзывая его поближе.

Обращаться как с царственной особой.

Хранитель подполз на брюхе двумя своими элементами — теперь весь Магнат смотрел на

него. Четверо малышей, щенята моложе двух лет, прекратили орбитальное мельтешение вокруг бухгалтерской четверки. Двое из них отступили поближе к старшим, а двое других подошли к Хранителю на пару футов. Они были составной частью личности Магната — но едва-едва и только когда хотели этого. Мыслезвуки у них были непристойно громкими, Хранителю пришлось себя сдержать, чтобы не отшатнуться назад.

Через пару секунд невежливого вынюхивания Магнат спросил:

— Ну, так откуда и что вы знаете про чудовищных богомолов?

— Я был свидетелем, как с небес спустился их звездолет «Внеполосный». — Хранитель назвал человеческое имя звездолета, простые и чужие звуки. — Я видел, как его молнии за один день повергли великую империю.

Магнат кивал. Почти все стаи Восточного Побережья считали, что эта версия победы Резчицы — фантазия. Очевидно, Магнат к ним не принадлежал.

— Ты мне ничего нового не сообщил, друг. Хотя мало есть стай, которые знают имя летающего корабля.

— Я знаю куда больше, ваше сиятельство. Я

говорю на языке богомолов. Я знаю их тайны и их планы.

И у него в третьем вьюке лежит один из их *компьютеров*, но этим преимуществом он пока делиться не имел намерения.

— Да неужто? — Магнат недоверчиво улыбался, весь, вплоть до щенков. — Кто же ты такой?

На этот вопрос пришлось бы ответить честно рано или поздно, даже если бы ответ оказался фатален.

— Меня зовут Хранитель, ваше сиятельство. Я был…

Головы Магната дернулись вверх:

— Ремасритлфеер!

— Я, ваше сиятельство!

Смертоносная маленькая пятерка сгруппировалась у единственного выхода.

— Отменить все встречи. Сегодня никаких посетителей, кто бы они ни были. За пересменкой пусть проследит Салиминофон.

— Слушаюсь, ваше сиятельство!

Старшая четверка Магната отложила свою бухгалтерскую книгу, и весь Магнат целиком уставился на Хранителя.

— Не сомневайтесь, сударь, что это утверждение будет проверено. Осторожно, но весьма

достоверно проверено. — Но видно было, что Магнат горит энтузиазмом, что он *желает* верить. Сейчас им управляли щенки. — Вы были главным разведчиком Резчицы и осуждены за предательство.

Хранитель поднял головы:

— Все это чистая правда, ваше сиятельство. И я горд своим «предательством». Резчица стала союзником королевы богомолов и ее личинок.

— Личинок? — сделал большие глаза Магнат.

— Да, ваше сиятельство. «Богомол» и «личинка» относятся к разным стадиям развития одних и тех же тварей, *человеков* или *людей*, как они себя называют. «Богомол» — вполне подходящий термин для взрослых. Это такое же двуногое создание, верткое и злое, но еще и одиночное.

– *Настоящие* богомолы — это насекомые, причем всего лишь вот такой высоты.

Один из щенков широко зевнул, показав чуть меньше двух дюймов.

— Богомолы с неба достигают пяти футов в холке.

— Я знаю, — ответил Магнат. — Но личинки — это что? Молодь взрослых монстров?

— Совершенно верно. — Хранитель выдвинул свои два передовых элемента доверчиво-близко

к стае-собеседнику. — И есть еще нечто, чего вы, быть может, не знаете, отчего аналогия становится очень близка к идеальной. Истинное вторжение с неба началось почти за год до Битвы на Холме Звездолета.

— До марша Резчицы на север?

— Да. Тайно приземлился гораздо меньший корабль, тридцатью пятью декадами ранее. И вы знаете, что было там на борту? Он был набит коконами богомолов!

— Значит, будет и настоящее вторжение, — сказал Магнат. — Как личинки насекомых, выйдя из яиц, заполняют окрестность, так эти *люди* заполнят весь мир…

— Они нас всех сожрут! — вставил Читиратифор.

Хранитель уставился на слугу недобрым взглядом.

— Читиратифор слишком далеко продолжает аналогию. В настоящий момент личинки молоды. Взрослая только одна особь — королева богомолов, Равна. Но смотрите, ваше сиятельство: почти за два года с момента прибытия Равны и «Внеполосного» она подчинила себе Домен Резчицы и расширила свою власть на все царства северо-запада.

Два старших элемента Магната лениво шлепали счетным устройством, перекидывая туда-сюда маленькие костяшки. Счеты, конечно.

— А как эти богомолы — то есть этот единственный богомол, Равна, — осуществляет такую власть? Они громкие? Они умеют задавливать чужие мыслезвуки своими?

Это звучало как проверочный вопрос.

— Отнюдь нет, милорд. Люди, как и насекомые, не издают звуков, когда мыслят. Совсем никаких. Воспринимаются как ходячие трупы. — Хранитель помолчал. — Ваше сиятельство, я не хотел бы недооценивать угрозу, но если мы будем работать вместе, то сможем победить этих тварей. Люди — глупы! Это и неудивительно, поскольку они — синглеты. Я думаю, что даже самый умный среди них будет не умнее плохо подобранной четверки.

— Правда? И даже Равна?

— Да! Им недоступна самая простая арифметика, которой владеет любой уличный торговец. Слуховая память — даже на звуки речи, которая им слышна, — практически нулевая. Как и богомолы-насекомые, они живут паразитизмом и воровством.

Все восемь составляющих Магната сидели ти-

хо-тихо. Хранителю слышны были окраины его мыслей — смесь расчетов, удивления и неуверенности.

— Не сходится, — сказал наконец Магнат. — Часть того, что ты говоришь, мне уже известна из моих собственных изысканий. Но богомолы — непревзойденные изобретатели. Я проверял их взрывчатый черный порошок. Я слышал о катапультах, работающих на силе этого порошка. И у них есть изобретения, которые я пока не могу воспроизвести. Они умеют *летать*! Вот этот их «Внеполосный» сейчас лежит на земле разбитый, но у них есть летатель поменьше, размером почти как лодка. В прошлом году его видели к северу от города стаи, которым можно доверять.

Хранитель и Читиратифор переглянулись. Вот *это* действительно дурная весть. А вслух Хранитель сказал:

— Я вполне понимаю ваши сомнения, ваше сиятельство, но парадокса здесь нет. Богомолы просто воруют то, что дает им преимущество. У меня есть… источники, свидетельствующие, что они этим занимались уже очень давно. Наконец их жертвам это надоело, и богомолов выгнали с неба, оттуда, где они жили. Многое из того, что у них есть, они не понимают и воссоздать не

могут. Эти устройства в конце концов сработаются. *Антигравитационный флаер,* который вы назвали летателем, — один из таких примеров. Более того, эти твари украли — и продолжают красть — наши изобретения. Вот, например: вы говорили о черном порошке? Его вполне могла изобрести какая-нибудь сообразительная стая. Может быть, та же самая, что изобрела на самом деле эти «катапульты» — *пушки.*

Магнат ответил не сразу; он был ошеломлен. С тех самых пор, как Хранитель услышал о Магнате, он заподозрил, что с этой стаей может быть связана одна тайна. И если так, то эта стая сделается верным приверженцем дела Хранителя. Это была всего лишь гипотеза, но…

Наконец Магнат обрел голос:

— Я думал… взрывчатый черный порошок; и катапульты… я вспоминаю…

Он на миг куда-то ушел мысленно, разделившись на старых и молодых. Щенки бегали вокруг, повизгивая, как забытый фрагмент. Потом Магнат собрал себя вместе.

— Я сам… я был когда-то изобретателем.

Хранитель показал на механизмы, заполняющие помещение:

— Я вижу, вы им и остались, ваше сиятельство.

Магнат будто и не слышал.

— Но я разделился. Мой брат по делению двинулся в конце концов на Западное Побережье. У него столько было идей… ты не думаешь, что?..

Есть! Угадал!

Но вслух Хранитель выразился куда более осторожно:

— У меня еще остались источники, ваше сиятельство. Быть может, они смогут прояснить и этот вопрос.

Глава 01

Как много в мире невозможного.

Равна видит сон. Она знает, что это сон, но проснуться не может. Она только смотрит, внимает и захлебывается ужасом. Вокруг нее висит флот Погибели, корабли сбиваются в кучки там и сям — как жуки, завязшие в грязи. Изначально флот насчитывал сто пятьдесят звездолетов и облака беспилотников. Беспилотники разобрали на запчасти. Многие корабли погибли, другие тоже разобраны на запчасти. Там, где это нужно было Погибели, экипажи расформировали и разобрали по другим кораблям или просто выбросили. Перед глазами проплывают сотни трупов: людей, дирокимов, даже наездников, лишенных тележек.

До намеченной жертвы флоту Погибели осталось почти тридцать световых лет. Это обыкновенная солнечная система… но туда скрылись Равна и Дети. И это одна из причин, почему это видение не может не быть сном. Тридцать световых лет — это невероятно далеко в этой части вселенной, где ничто не может передвигаться

быстрее света. Равна *никак* не может знать, что происходит сейчас с вражеским флотом.

А флот дрейфует в смерти, но сам еще жив. Если присмотреться к сбившимся в кучу кораблям, видно: что-то движется, продолжается строительство. Когда-то флот был рукой живого бога, сейчас он — средство этого бога воскресить. Даже в этой ловушке, в этой цисте страдания он планирует и строит, секунду за секундой и год за годом, работая так же усердно, как заставляет свои живые экипажи. Если придется, он способен делать это веками, выводя новые экипажи для замены естественной убыли. Эта программа в конце концов породит корабли-рамскупы — лучшее из того, что может достигать околосветовой скорости в Медленной Зоне.

А быть может, ничего этого не понадобится, потому что Погибель видит Равну и Равна видит Погибель, и говорит ей инкапсулированный бог:

Правила меняются. Я иду. Иду. И буду куда быстрее, чем ты думаешь.

Равна задергалась и проснулась, ловя ртом воздух.

Она лежала на полу, правая рука болела от неудобной позы.

Наверное, я упала. Что за страшный сон!

Равна с трудом залезла обратно в кресло. Она была не в каюте «Внеполосного-II»: там бы автоматика сделала пол мягким еще до того, как она к нему прикоснулась. Оглядываясь, Равна попыталась понять, где она, но помнила только свой сон.

Провела рукой по боку кресла. Дерево, местная работа. Но стены — зеленоватые, плавно переходящие в такой же зеленоватый пол. Значит, посадочный модуль Детей, в подземелье Нового замка Резчицы. И это она так долго соображала! Уронив голову на руки, она ждала, чтобы кабина перестала вертеться. Когда головокружение прошло, Равна села ровно и попыталась подумать. Если не считать последних минут, все выглядело вполне разумно.

Она спустилась в катакомбы — проверить гибернаторы Детей. В этой части замка сочетались разные технологии — от допороховой эпохи до последнего слова техники Края: резьба на стенах нанесена молотком и зубилом, а освещают их лампы с «Внеполосного». Два года назад гибернаторы сняли со страумского посадочного модуля и поставили здесь поодаль друг от друга, чтобы обеспечить теплоотвод.

Половина гибернаторов сейчас уже была пу-

ста, их пассажиры пробудились. Это почти все старшие Дети. Сейчас эти ребята жили в Новом замке или рядом с ним, некоторые ходили здесь в школу. Если как следует прислушаться, можно услышать взрывы смеха, сплетающиеся с бормотанием стай Стальных Когтей.

Так зачем же я пошла в модуль?

А, да!.. Снаружи она пробыла очень недолго, глядя в окна гибернаторов на лица малышей, которые еще спали, ждали во сне, пока наберется достаточно взрослых, чтобы обеспечить уход. В основном оживления будут рутинные, но некоторые из гибернаторов по результатам тестов оказались на грани поломки. Как спасти детей, лежащих в этих неисправных гибернаторах? Вот это и была причина сегодняшнего визита: пересмотреть протоколы по Тимору Ристлингу. Его пробуждение было первой попыткой работы с истощенными гибернаторами.

Изначально модуль был построен по технологиям Верхнего Края. Из этой техники мало что могло функционировать в Медленной Зоне, и передать свои журналы на стабильно работающую аппаратуру «Внеполосного» модуль не мог. Чтобы добраться до этих записей, необходимо было явиться на модуль лично.

Равна с нелегким чувством оглядела грузовой отсек модуля. С этим помещением и его зелеными стенами очень многое было связано. Модуль был построен по технологиям Верхнего Края, но потом побывал в Верхней Лаборатории, в Нижнем Переходе, и там его… можно сказать, модифицировали. Если посмотреть вверх, увидишь элементы этой модификации: свисающую с потолка грибницу. Магическую Контрмеру. Сейчас она казалась мертвее сухой паутины, но когда-то эта Контрмера потушила свет солнца, убила того, кого любила Равна, и — быть может — спасла Галактику. Остатки этой грибницы внушали тревогу даже страумским Детям.

Неудивительно, что в таком месте снится плохое.

Но сейчас Равна вспомнила, в какой именно момент навалился на нее этот кошмар.

Последние два дня ее донимало неотвязное чувство вины, усугубленное дефицитом сна. Она понимала, что лишила Тимора возможности нормальной жизни. Не нарочно и не из-за незнания. *Но я его выбрала для первого оживления из поврежденного гибернатора.* Проблема была не в том, что у него нога вывернута, не в том, что он мог отстать в развитии от других детей. Проблема

была в том, что за несколько декад после оживления Тимор не вырос.

А от надежного совета Равну Бергсндот отделяли тысячи световых лет. Все, чем она располагала, — «Внеполосный» и вот этот неизвестный модуль. Она помнила, как возилась с данными почти час, сопоставляя записи гибернатора Тимора с последними медицинскими тестами «Внеполосного», и наконец поняла, в чем была ошибка. Ни один человек и ни одна машина Здесь, Внизу не могли знать этого наперед. И холодная жестокая правда состояла в том, что случай Тимора дал ей *очень ценную информацию*.

Поняв это окончательно, Равна уронила голову на руки. Она слишком устала, чтобы думать, как можно эту ошибку исключить, и ее выводила из себя вполне вероятная перспектива, что снова придется рисковать жизнью — не своей.

Так я просто заснула — и кошмар мне приснился?

Равна уставилась на зеленоватые переборки, ощущая, что вымотана до предела. Она вздохнула. Ей часто снились кошмары про флот Погибели, хотя таких необычных еще не бывало. Что ж, спасибо подсознанию: оно откопало что-то такое, что отвлекло от Тимора, пусть даже на секунду.

Равна отключила интерфейсную тиару от модуля и вылезла из грузового отсека. Три года назад, когда Сьяна и Арне Олсндот привезли сюда Детей, на этом месте был открытый луг.

Она постояла минуту среди тонких пилонов, оглядела прохладные сухие катакомбы. Можно ли себе представить космический корабль, над которым построен замок? В Медленной Зоне — можно.

Ей придется возвращаться сюда снова и снова, пока не оживут все Дети, — но на сегодня, слава Силам, всё. Два пролета вверх по лестнице — и она окажется во дворе замка, на летнем солнце. Дети как раз будут выходить с уроков, играть друг с другом, со своими когтистыми друзьями. Если остаться с ними поболтать, то можно провести здесь остаток дня. И когда она доберется до своей каюты на «Внеполосном», уже будет ясный солнечный вечер. Выходя на лестницу, она уже могла себе представить, что настроение бывает и хорошим. Можно будет передохнуть — просто поиграть с детьми. И как-нибудь и Тимору тоже можно будет помочь.

Но еще не выйдя с лестницы на свет, Равна припомнила из своего сна один момент и остановилась, оперевшись о стену. Тот разум во флоте

Погибели ей сказал: «Правила меняются». Если граница Зоны сдвинулась и снова стало возможным передвижение быстрее света, то — да. Погибель может и вправду скоро прибыть. Такая мысль преследовала ее и наяву, и во сне. На борту «Внеполосного» имелись зонографы, и они еще со времен Битвы на Холме Звездолета отслеживали основные физические законы. Тревожных сообщений до сих пор не было ни разу.

Машинально опираясь о стену, Равна обратилась к «Внеполосному», попросив показать окно зонографа. Тут же появилось изображение — подурацки самоформатирующийся график. Да, вот обычный шум. А вот масштабирование — и этого не может быть! Равна глянула на пятьсот секунд назад и увидела, что трек дает пик. На почти десять миллисекунд физика Зоны превысила калибровку зонда — законы стали такими, как могут быть в Переходе. Теперь Равна заметила пульсирующую красную границу. Это был сигнал шевеления границы Зоны — сигнал, который так тщательно был установлен. И этот сигнал она должна была получить в самый момент пика. Не может этого быть. Здесь какая-то путаница. Равна стала смотреть настройки, ощущая, как растет ужас. Да, вот она, путаница: тревога Зоны

включалась только в том случае, если Равна находилась на «Внеполосном». Почему логика корабля сама не отловила эту дурацкую ошибку? Ответ на этот вопрос Равна знала и десятки раз уже излагала его Детям. Они не могли понять, что если расцарапал себе колено, то сам и виноват. *Мы живем в Медленной Зоне. У нас практически нет автоматики, а та, что есть, безнадежно проста и лишена интеллекта.* Здесь, Внизу, если ты не хочешь неожиданностей, должен предусматривать всё сам.

Детям этот ответ не нравился. Для них эта идея была еще более дикой, чем для самой Равны. В том мире, где они родились и выросли, так просто не могло быть.

Она сердито глянула на зависшие вокруг в темноте дисплеи. Сигнал тревоги — тревоги Зоны, конечно, был, но тревога могла быть *ложной*. Да должна была быть! Такой короткий всплеск, меньше чем десять измерений зонда. Переходной процесс у прибора. Да. Конечно.

Равна повернулась и пошла вверх по лестнице, все еще выискивая что-то на графике, ища аргументы в пользу случайного сбоя. Есть куча диагностических тестов, надо бы погонять какие-то из них.

Она подумала об этом, поднимаясь еще на пять ступеней вверх, сворачивая с марша лестницы на следующий. Впереди виднелся квадрат дневного света.

После Битвы на Холме Звездолета физика Зоны оставалась незыблема, как основания гор… но у этого сравнения было фатальное следствие: случаются землетрясения. И их толчки-предвестники. И то, что сейчас Равна видела, может быть крошечным и внезапным сдвигом в основах местной вселенной. Она посмотрела на временной график слежения за Зоной. Всплеск случился именно тогда, когда у нее была эта странная дремота в модуле Детей. Значит, тогда. Почти одну сотую секунды скорость света не была предельной скоростью, и Модуль мог знать текущее состояние флота Погибели. Почти целую сотую секунды Контрмера могла функционировать.

А тогда ее сон — попросту *известие*.

Но даже если так, она все равно не знает, сколько у них осталось времени. Может быть, всего лишь часы. Но если даже годы и десятилетия — все равно надо беречь мгновения.

Использовать их.

— Равна, привет! — донесся детский крик с другой стороны двора, от школы.

Через секунду они ее окружат.

Я не могу.

Она наполовину отвернулась, отступая к лестнице. Кошмары иногда оборачиваются явью. И не только негодяям приходится принимать суровые решения.

Глава 02

В последний день каждой декады уроков не было — обычно из-за этого десятые дни были для Тимора Ристлинга скучны невероятно. Но иногда Белль показывала ему мрачные углы Нового замка, или Равна Бергсндот брала его с собой на ту сторону проливов на Скрытый Остров.

Сегодня оказался вообще потрясающе интересный день — когда другие ребята разрешили ему участвовать в своих затеях.

— Будешь дозорным, Тимор, — сказал ему сразу Ганнон.

Ганнон Йоркенруд и организовал экспедицию и особо пригласил Тимора, хотя это значило, что часть дороги до Холма Звездолета его придется нести. Ганнон и ребята даже помогли Тимору перебраться через поле валунов у подножия обрывов. А вокруг повсюду вопили морские птицы.

Дети спустились к воде, под нависающие береговые обрывы. Пена волн сливалась наверху с морским туманом, закрывая пеленой дома Скрытого Острова, расположенного в паре километров от материка. Видно было, как отлив утаскивает

воду от берега, оставляя поле скользких камней, нагромождение гигантов. Нигде не было сухого места — во время прилива все здесь под водой.

Белль шлепала рядом с Тимором и вокруг него, бурча про себя, как часто бывало:

— Эта грязная вода мне все шкуры заляпает.

Она была сплошь белой, что среди Стальных Когтей редкость — хотя одна ее составляющая, старый самец, возможно, имела в молодости черные пятна на шкуре.

— А ты, дубовые головы, вообще могла не ходить, — огрызнулся на нее Ганнон.

Они с Белль не ладили.

Белль издала одновременно шипение и смех.

— А ты меня попробуй не пустить. Я на таких кораблекрушениях уже много лет не бывала. Как ты сообразил, что они выбросятся на берег именно здесь?

— Мы — люди. У нас свои методы.

Кто-то из Детей засмеялся. Они растянулись цепочкой по узкой извилистой тропе между камней. Один из них сказал:

— На самом деле Невил его увидел на мониторе «Внеполосного», разглядывая окрестности. Равна и стаи про этот корабль знают, но последних сведений, куда его несет, пока не видели.

— Ага! Стаи Резчицы, наверное, в Береговой гавани. А мы как раз будем первыми, когда начнется всерьез.

С тропы выброшенный на берег корабль не был виден — только волны разбивались о скалы. Но впереди, зависнув над одной точкой, кружился смерч морских птиц. Тимор ощутил укол непонятной ностальгии. Иногда попадалось в этом мире что-то напоминавшее о прежнем. Эти птицы были совершенно чужие, но сбивались в стаи точно так же, как на родине.

Вода теперь доходила ему до щиколотки, затекала в кожаные туфли, будто ледяными руками хватала.

— Парни, подождите!

— Видишь? Я же тебе говорила, что тут идти противно.

Это Белль танцевала вокруг него, испытывая дискомфорт.

Ганнон оглянулся:

— Чего на этот раз?.. — И пожал плечами. — Ладно, здесь мы тебя и поставим на камень.

Ганнон и двое других ребят вернулись и закинули Тимора на выступ ближайшего огромного валуна. Белль залезла двумя элементами по оставшимся трем и влезла в ту же расщелину.

— Отсюда сможешь до верха долезть? — спросил Ганнон.

Тимор извернулся, стараясь заглянуть за мокрое закругление камня. Очень он не любил говорить, будто чего-то не может.

— Справлюсь.

— О'кей, мы тогда вперед. Пойдем подружимся с собачками разбитого корабля. А ты заползай на верхушку этого камня, и если увидишь стаи Резчицы или Равну Бергсндот, пусть твоя стая нам покричит. Усвоил?

— Ага.

Ганнон и его спутники пошли дальше. Тимор минуту смотрел им вслед, но лишь Овин Верринг обернулся помахать ему рукой. Ну что ж, эти ребята стали старше его, и он не должен удивляться, что они не слишком расположены его с собой брать. С другой стороны, его поставили дозорным.

Он сдвинулся вдоль полки туда, где просматривались естественные упоры для рук. Белль пониже суетилась, стараясь найти способ забраться остальных трем. Опа, а вот над ним как раз сидит на насесте пара морских птиц. Он помнил лекции про птиц и гнезда. «Гнезда» — нечто вроде самоформирующихся яслей, только без ава-

рийных рычагов безопасности. Если эти птицы решат, что он посягает на их дубликаты, то могут слететь и на него наброситься.

К счастью, птицы ограничились громким карканьем, а потом взлетели одна за другой, влившись в смерч, кружащийся над кромкой воды. Про себя он отметил, что это почти там, куда идут ребята. Эй, а он сам тем временем залез почти на вершину камня!

Тимор аккуратно обогнул скользкий черный выступ, очень стараясь не вляпаться в птичий помет.

Над краем показалась одна из голов Белль:

— Эй, а помочь?

— Извини.

Он лег животом на камень и протянул руки к передним ногам первого элемента. Это был ее единственный самец, Ихм. Когда Тимор вытащил его наверх, Белль ему помогла вытащить себя остальную. Она залезла на середину камня и села на задние лапы, всю дорогу жалуясь, как у нее они замерзли. Тимор неуклюже повернулся и наконец-то взглянул на разбитый корабль. Корабль (в сущности, плот) еще был в проливе, но метр за метром подползал к скалам.

Три элемента Белль сидели, прислушиваясь.

Остальные двое сели по бокам Тимора. Он решил, что это те, которые наблюдают за кораблем. Зрение у Стальных Когтей было хуже людского, но если они распределялись, то глубина восприятия бывала больше.

— Слышишь, как ломаются бревна на скалах? — спросила Белль.

А уж *слух* у них был на световые годы лучше невооруженного человеческого.

— Вроде бы.

Тимор присмотрелся к носовой части плота. Камни ведь ломают бревна? Особенно если на камнях нет системы уклонения. А в этом мире вообще ни на чем нет такой системы.

Средние бревна треснули вдоль, и две половины судна лезли на камни отдельно. Это, разумеется, не могло быть особенностью конструкции.

Он прищурился, стараясь разглядеть подробности. На плоту высоко громоздились бочки. И теперь он увидел там *множество* Стальных Когтей, хотя они были одеты в коричневатые лохмотья и в основном сидели между бочками. Иногда четыре или пять из них собирались группой и пытались что-нибудь сделать с такелажем. Да. Они отчаянно пытались отвести свое судно

от камней.

— Они терпят бедствие, — сказал он.

Белль заухала — так смеются Стальные Когти.

— Еще какое! Ты разве не слышишь, как орут те, кто в воде?

Теперь, когда Белль сказала, он увидел в воде головы.

— Это же ужасно! Ведь кто-то же должен попытаться их спасти?

Тимор не сомневался, что Ганнон и другие ребята особой помощи оказать не смогут.

Он почувствовал, как Белль пожала плечами.

— Если бы их не занесло так далеко на север или если бы был прилив, все бы обошлось.

— Но разве мы не должны помочь этим стаям в воде?

Одна из голов Белль повернулась в ту сторону:

— Каким стаям? Это же тропиканцы. Индивидуальные элементы, вероятно, не глупее любого северного синглета, но они просто не образуют стай — разве что случайно. Посмотри на этот плот! Барахло, кое-как слепленное бессмысленными одиночками. Иногда этих идиотов смывает из джунглей, и океан приносит их сюда. Я так скажу: чем больше их в пути сдохнет, тем лучше. — Она забурчала в своем обычном

тоне: одновременно и сплетни, и жалобы. — Нам наших ветеранов войн хватает, обломков и осколков. Но мы хотя бы их ради приличия держим не на виду. А этот прибывающий мусор нам никак не нужен. Будут шататься по городу, гадить в переулках, тупые синглеты и двойки. Ободранные, вонючие, безмозглые воришки и попрошайки…

В остальном было еще меньше смысла. Некоторые стаи великолепно говорили по-самнорски, в том числе Белль, но иногда, когда основное внимание стаи направлено было на другое, какая-то часть ее начинала нести ерунду. Тимор заметил, что Белль внимательно смотрит на терпящий бедствие плот и длинные шеи дергаются взад-вперед. Она даже больше Тимора загорелась, когда Ганнон Йоркенруд их позвал с собой. Он глянул примерно в середину сектора ее обзора — там в пенистом прибое качались бочки.

— Но если от тропиканцев столько мороки, почему тебя так интересует их корабль?

— Именно он и интересен. Эти крушения происходят с незапамятных времен, я сама помню о них легенды. Каждые несколько лет к берегу прибивает целую ораву тропиканцев. Они всегда создают проблемы — те, что выживают. Но на их плотах бывает иногда что-нибудь полезное. В

других вариантах нам этого не увидеть: в тропиках столько болезней и Хоров, что ни одной стае там не выжить.

Она замолчала, потом заговорила снова:

— Эй, смотри, кое-где бочки на камни выбросило. Я слышу, как они разбиваются. — Два элемента подползли к краю камня. Старший держался позади и наблюдал, ориентируя всех остальных. — Ладно, Тимор, ты останешься тут. А я пойду гляну.

Двое ее младших уже торопливо сползали и соскальзывали вниз, рискуя поцарапаться.

— Но погоди! — крикнул Тимор. — Мы же должны наблюдать отсюда!

— Наблюдать я могу и близко, — ответила она. — А ты оставайся тут.

Двое младших уже скрылись за краем валуна. Еще двое помогали старому Ихму пробираться по скользкому камню. Белль издала аккорд, который Тимор понял как уклончивое бормотание.

— Ты будешь единственный дозорный, да? Помни, Ганнон на тебя надеется.

— Но…

Белль уже вся скрылась из виду. Слышать она его, конечно, слышала, но вполне могла никак не реагировать.

Тимор вернулся на середину камня. Здесь действительно была хорошая позиция для дозорного, хотя без Белль выкрикивать направления придется только своим голосом. Насколько видно было в морском тумане, со Скрытого острова спасательные лодки не шли. Расположенная к югу отсюда Береговая гавань была намного ближе, но акватория ее смотрелась лесом мачт и рей, совершенно неподвижных. И помочь потерпевшим крушение Стальным Когтям мог только Ганнон с ребятами.

Тимор посмотрел туда, где сходились вода и каменный берег. Там и сям мелькали элементы Белль. Она пробиралась по узким проходам и почти погружалась в пену. Двигалась она осторожно, стараясь не ступать в ледяную воду, и все же оказалась в нескольких метрах от тропиканцев, упавших за борт. Она им может помочь? Стальные Когти — отличные пловцы; Равна говорила, что они произошли от морских млекопитающих. Но сейчас, глядя на Белль, Тимор подумал, что арктические воды для них слишком холодны.

И все же Белль два своих элемента загнала в прибой. Остальные держали их за плащи, чтобы не унесло волнами. Может быть, она может спа-

сти одного-двух элементов.

Но тут он заметил, что она отчаянно тянется к деревянной бочке, застрявшей между выступающими из воды камнями. Из дырок в бочке торчала какая-то зеленая ткань.

— Ой, Белль! — сказал сам себе Тимор и сдвинулся к южной стороне камня, чтобы лучше видеть.

Вот они. Ганнон и ребята добрались наконец до воды, сейчас он их видел почти всех. Еще с ними была пара стай, но приятели Ганнона со Стальными Когтями не водились. Стаи держались робко, сбиваясь близко и жалуясь так громко, что даже Тимор их слышал с пятидесяти метров. Детям тоже было не очень уютно. Штаны у них промокли, Овин и еще некоторые заметно дрожали. Ганнон забрался на небольшой выступ и жестами звал остальных за собой.

Метрах в десяти от ребят болтался большой кусок плота. Он то погружался, то выныривал, иногда так близко подплывая к выступу, что Тимор боялся, как бы он кого-нибудь из Детей не стукнул. Морскому делу Тимора еще не учили — эти уроки были только для старших, для тех, кто хотел стать путешественниками или дипломатами. Но здешние мачты и паруса совсем не

напоминали правильные ряды, как на Скрытом острове или Береговой гавани. Если только эти части не регенерируют — а у Стальных Когтей такой технологии нет, — то эта система плотов была совершенно неуправляемой. Наверное, после того, как в шторм попала.

Белль не интересовало ничего, кроме бочки с сокровищами, но Ганнон и другие ребята что-то орали толпе на плоту. И две стаи на берегу что-то кричали. Тимор совершенно не мог разобрать слов, но шум, который издавали тропиканцы, был *очень* громок. Он был не похож на межстайную речь. Это мог быть какой-то другой язык или просто перепуганный визг.

Тимор представлял себе, чем ребята могли бы помочь. Он снова посмотрел в сторону Береговой гавани. Опа! Что-то двигалось вдоль изгиба каменистого берега — будто четыре-пять стай тащили телеги. А высоко над ними — антигравитационный скиф! И не важно, что конструировали его не люди и его то и дело мотало, как падающий лист. Это было напоминание о родине.

Антиграв плавно снизился вдоль обрывов, осторожно обходя восходящие потоки. Он спускался впереди приближающихся стай с хорошим запасом, но прилично не долетая до Тимора. На

миг Тимор подумал, почему Странник — единственный возможный пилот — не подвел его ближе. Но тут скиф перевернулся, царапнул фонарем камни, перевернулся снова и плюхнулся. Последнее время он часто стал падать. К счастью, корпус был прочнее дерева и крепче камня.

Открылся верхний люк, и появилась человеческая голова. Как и следовало ожидать, Джоанна Олсндот — почти всегда пассажиркой летала она.

Тимор обернулся крикнуть Ганнону и ребятам. Прибыла помощь!

Ганнон Йоркенруд болтался у края своего скального выступа, чуть-чуть не доставая до выброшенного на мель большого обломка. Овин Верринг и несколько других держались подальше от воды, но Ганнон и ребята бросали что-то в сторону плота. Кричали или смеялись — и бросали снова и снова.

Они кидаются камнями в тропиканцев.

Тимор вскочил и заорал:

— Эй, вы! Прекратите!

Конечно, слова его унесло ветром, но размахивающие руки привлекли внимание. Ганнон помахал ему в ответ — решил, будто Тимор сообщает, что их обнаружили. Метатели камней

отошли от воды. Тимор поскользнулся на камне, плюхнулся в лужу — одну из многих на его поверхности.

Наверняка он заработал расположение Ганнона. Минуту назад это было бы счастьем, а сейчас почему-то стало противно.

Кораблекрушение второго года было первым после появления Детей на этой планете. Джоанне Олсндот было всего шестнадцать, но сразу после этого крушения она сумела завоевать репутацию Плохой Девчонки. Достижение выдающееся — если учесть, что другие Дети годами безобразничали, но такого титула не получили.

Странник Викллрэкшрам слышал, что произошло кораблекрушение, и они вместе с Джоанной прилетели на помощь. Конечно, Плохая Девчонка так не поступила бы.

Они хлопнулись на землю, далеко опередив береговые патрули Резчицы. Джоанна вылезла из люка и бросилась к обломкам еще прежде, чем Странник успел выключить антигравитацию. Флаер у нее за спиной поднялся на миг и хлопнулся снова — она едва глянула. Плот тропиканцев уже разбился на скалах.

Она увидела, что уже прибыли другие спасатели, а с ними — непонятно откуда взявшаяся

толпа Детей под предводительством Ганнона Йоркенруда. И Дети — черт бы их побрал! — кидались камнями в тонущих Стальных Когтей!

Джоанна бежала, шлепая по ледяной воде Внутренних Проливов, огибая валуны, крича шайке Ганнона, чтобы немедленно прекратили.

Но мальчишки при виде ее быстро покинули свою позицию на камнях и бросились к тропе, ведущей наверх. Все они были младше Джоанны и не дотягивали до нее по росту. Кроме того, Джоанна славилась своей вспыльчивостью и была единственной из Детей, кто реально дрался в Битве на Холме Звездолета.

Джоанна окинула долгим взглядом скалистый откос, высматривая, не пакостничает ли здесь еще кто-нибудь. Еще одно Дитя, очень маленькое. Тимор Ристлинг, неуклюже сползая с камня, помогал Белль Орникакихм. Вот же коварная стая бестий. Тимор и Белль скрылись из виду, и у Джоанны мелькнула мысль. Странник спустился от антиграва и весь впятером пытался вытащить Джоанну из воды, доходящей до щиколотки.

— Ладно, чего ты? — отмахнулась она. — Вода вполне тихая.

Холод, конечно, пронизывал до костей, но здесь, среди камней, укрощенное море плескалось буль-

кающим прудом.

Странник повел ее по гальке примерно в метре от воды.

— Не всюду здесь так мелко, есть ямы и обрывы. Если идти так беспечно, может получиться очень, очень плохо и сразу.

Парадоксально, что такие наседкины слова говорил профессиональный путешественник, привычно бросающий вызов смерти. Но, честно говоря… за четыре-пять метров от берега взлетала белая пена, и поверхность моря была почти неразличима — бурление воды превращало день в сумерки.

Прибыл береговой патруль. Сразу пять стай стали привязывать веревки, чтобы вытащить обломки плота из перемалывающих камней.

А на обломках бревен теснились десятки Стальных Когтей. Джоанна никогда раньше тропиканцев не видела. Действительно необычные, как и говорили ей местные жители. Эти чужеземцы не объединялись в стаи — толпа синглетов, в которой каждый делает, что ему вздумается. Некоторые из них совместно хватались за брошенные с берега веревки, другие просто жались в ужасе к бревнам. Она посмотрела на море. Кое-где из воды торчали головы, мелькал иногда синглет

на оторванном от плота бревне. Десятки этих созданий смыло за борт.

Джоанна обратилась к ближайшему элементу Странника — это оказался Шрам, все еще самый крупный экземпляр в стае.

— Смотри! Те, что в воде, вот-вот утонут! Их надо вытаскивать первыми.

Странник сделал общий кивок согласия:

— Но не знаю, можно ли тут помочь.

— Да черт побери, можно, конечно! — Джоанна показала на бухту спасательного каната, который привезли патрульные стаи: — Хватай веревку! И скажи этим патрулям, чтобы занялись ими в первую очередь!

Обычно Странник не знал нерешительности. Но сейчас он задержался на секунду, потом побежал вдоль берега позади работающих у воды патрулей и что-то громко рокотал, обращаясь к ним.

Даже после трех лет практики Джоанна совершенно не научилась разбирать межстайную речь. Слова сливались в аккорды, иногда неслышимые для человеческого уха. Когда удавалось отделить звуки друг от друга, уже пора было разбирать следующий аккорд. Сейчас Странник выкрикивал что-то вроде требования. Несколько

раз всплыло имя Резчицы. Ага, то есть он ссылается на высший авторитет.

Две из патрульных стай оставили свои места и помогли Страннику оттащить от камней неиспользуемые веревочные петли. Со стороны Береговой гавани бежали еще стаи. Они не были похожи на береговой патруль и старались обойти Джоанну и Странника подальше. Как и всех прочих, их больше всего интересовал плот. Да, конечно, там больше было кого спасать, но тем, кто в воде, нужна была *немедленная* помощь. И всего только три стаи — считая Странника — сейчас занимались их спасением, крутились на берегу, снова и снова забрасывали в воду веревки с поплавками на концах. Барахтающиеся синглеты тянулись к ним изо всех сил. Они выглядели почти как морские млекопитающие — в более тихих и теплых водах им бы ничто не угрожало. А здесь одна надежда была на спасательные веревки: когда какому-нибудь синглету удавалось поймать конец, его быстро вытаскивали на галечный пляж. Джоанна и стаи смогли спасти дюжину пловцов, но поначалу голов было не менее тридцати. Остальных, очевидно, сгубил холод или унесло дальше к северу.

Тем временем прочие стаи вытаскивали остат-

ки плота. Тропиканцы на борту спешили прочь, а береговые патрули и местные граждане рыскали в обломках. Джоанна только теперь поняла, что главной задачей «спасательной операции» было добраться до груза.

В волнах больше не было видно уцелевших. Все стаи, работавшие с веревками, кроме Странника, включились в лихорадочный поиск сокровищ. Выжившие тропиканцы сбивались в дрожащие кучи на ровном куске пляжа, и в самой малой было не меньше двадцати особей. Это были не стаи — просто синглеты, сбившиеся в кучу ради тепла.

Джоанна подошла к краю этой толпы, пытаясь уловить межстайную речь. Ничего узнаваемого она не услышала. Но это, в конце концов, и не были настоящие стаи. Иногда, впрочем, телом можно было ощутить, будто гудит воздух: эти существа не были немы в диапазоне, который стаи называли средним звуком — от сорока до двухсот пятидесяти килогерц.

Странник следовал за Джоанной, но держался от ближайших тропиканцев не ближе пятидесяти метров.

— Ты не слишком сейчас популярна, — сказал он.

— Я? — удивилась Джоанна, не сводя глаз с необычной толпы. Практически ни на ком не было одежды, а шерсть у них свалялась кое-где в войлок, как ей и рассказывали. У некоторых из этих созданий почти не было волос — только возле лап. — Мы же их спасли!

— Да не у них ты непопулярна, — сказал Странник. Джоанна подобралась чуть ближе к толпе — десятки голов стали поворачиваться вслед за ней, нервно щелкая челюстями. — Эй! Я же не говорил, что они тебе симпатизируют! Зуб даю, из них никто не осознает, что ты их спасала.

В ее сторону вытянулось несколько шей, несколько тварей прыгнули к ней, опершись на чужие спины. Ей показалось, что это нападение, но когда Стальные Когти коснулись земли, вид у них был не агрессивный, а удивленный. Джоанна попятилась на пару шагов.

— Да, понимаю, о чем ты. Они как фрагменты после боя — перепуганы и безмозглы.

И могут напасть просто с перепугу.

— Примерно так, — согласился Странник. — Но имей в виду, что эти ребята — не остатки стай. Вряд ли кто из них входил когда-нибудь в нормальную когерентную стаю. Их мыслезвуки — бессмысленное завывание.

Джоанна пошла по краю толпы. Была какая-то дистанция, которая этих синглетов устраивала. Если она подходила ближе, они начинали двигаться ей навстречу. Странник был прав — это не были инвалиды войны. Боевые обломки, которых ей случалось знать, жаждали влиться в согласованную стаю. Они бы дружелюбно отнеслись к Страннику, стараясь заманить его поближе. Если бы они знали людей до своей травмы, они бы и к ней тоже отнеслись по-дружески.

— Так что с ними будет? — спросила она.

— Правильный вопрос. И вот почему береговой патруль не слишком тобой доволен. У нас, как ты знаешь, такие кораблекрушения случаются регулярно раз в несколько лет. Груз в основном бросовый — не то, чем занимается серьезная торговля.

Джоанна окинула взглядом туманный берег. Действительно не хватало патрулей, чтобы сдержать спасенных. Тропиканцы вяло болтались на месте и вроде бы робели когерентных стай, но не иссякал поток лохматых мореходов, которым удавалось воспользоваться зазорами в кордоне патруля и сбежать вдоль пляжа. Если какая-нибудь стая бросалась в погоню, в образовавшуюся брешь тут же согласованно проникали пять

— десять беглецов, и не всех удавалось загнать обратно. Она посмотрела на Странника:

— Так патрульные предпочли бы, чтобы их утонуло больше?

Странник склонил пару голов набок, глядя на Джоанну.

— Именно так. — Пусть он консорт королевы, но дипломатии в нем не было ни на грамм. — У Резчицы полно хлопот и с местными фрагментами, а эти — просто пустые хлопоты.

Джоанна ощутила внутри что-то холоднее осеннего моря. С отношением стай к фрагментам ей очень трудно было мириться.

— Так что же с ними будет? Если их кто-нибудь попытается загнать обратно в море… — выкрикнула она гневно.

Но ведь Равна Бергсндот тоже такого не потерпит, Джоанна не сомневалась. Ни за что не потерпит, если Джоанна до нее вовремя доберется.

Она повернулась и быстро зашагала обратно к антиграву.

Странник повернулся в полном составе и пустился за ней.

— Ты не волнуйся, этого не случится. На самом деле Резчица давно уже издала постоянный де-

крет, что все уцелевшие имеют право бежать в Береговую. Эти патрули ждут подкреплений, чтобы отвести их туда.

Примерно треть мореходов уже исчезла, труся по берегу синглетами и парами. Скорее всего им проще будет выжить, чем фрагментам, с которыми имела дело Джоанна. Как правило, фрагменты согласованных стай — это взбудораженные ментальные калеки. Многие из них умирают голодной смертью — даже при общем физическом здоровье. Старшие синглеты — выброшенные из стай — живут недолго.

Джоанна не замедлила шаг. Постепенно у нее в мозгу оформлялась идея…

— Ты что-то сумасшедшее задумала? — спросил Странник.

Он говорил иногда, что с ней за год увидел больше необычного, чем мог бы увидеть без нее за десять, — потому и держится с ней. Он и в самом деле был странником, путешественником, и потому такое заявление значило немало. Воспоминания его уходили на века в прошлое, рассеиваясь недостоверными преданиями и мифами. Мало стай столько бродили по своему миру и столько видели. Ценой такого авантюризма было то, что Странник был программой

наблюдения, выживающей в любых условиях, а не разумом, сохраняющим постоянство. Джоанне сильно повезло, что сейчас эта программа была реализована в виде стаи со столь достойными правилами жизни. На этой планете в числе первых она узнала Странника и Описателя. Эта небольшая удача спасла ее и в конечном счете всех оставшихся Детей.

— Поделишься своим планом? — спросил Странник. — Но тебе наверняка нужно, чтобы я тебя куда-то отвез на антиграве.

Об этом нетрудно было догадаться: Джоанна шагала к флаеру, который приземлился — то есть рухнул — у подножия обрыва такого высокого и гладкого, что ни стае, ни человеку без посторонней помощи на него не влезть.

Странник забежал вперед, возглавляя шествие, и продолжал говорить:

— Ладно, но имей в виду: тропиканцам здесь жить трудно. Стаи, которые они образуют, получаются очень расхлябанные, если они вообще пытаются их образовать.

— Так тебе случалось жить в Тропическом Хоре?

Об этом Странник никогда так прямо не говорил.

Он помедлил с ответом.

— Да, жил какое-то время на окраинах — ну, в коллективах тропиканцев. Истинный Хор глубоких джунглей для когерентной стаи очень быстро становится фатальным. Ты можешь себе представить, что окружают тебя такие толпы и никто не держит приличного расстояния? Даже подумать немыслимо… хотя если рассказы про непрерывные оргии правдивы, то это неплохой способ рассеяться. Но я сейчас сужу по опыту прежних кораблекрушений. После них пару лет по городам и деревням шляется больше синглетов, чем можно было бы объяснить старением и жертвами несчастных случаев, — даже больше, чем после войны между Свежевателем и Булатом. Но в конце концов проблема решается сама собой.

— Не сомневаюсь. — Они шли теперь между камнями величиной с дом, перебираясь через валяющиеся на дороге обломки поменьше. Не самое безопасное место для прогулок: все эти камни свалились откуда-то сверху. Иногда после весеннего таяния можно увидеть, как на берег сходит каменная лавина. Сейчас это промелькнуло у Джоанны на заднем плане сознания — еще одна причина побыстрее улететь. — Значит, год-

другой — и все эти бедные животные вымирают почти начисто и у Домена Резчицы нет проблем?

— Ну нет, ничего похожего. Или почти ничего похожего. За много веков Резчица и ее народ поняли, что если подождать доброй прохладной осени и поворота поверхностных течений на юг, можно от большинства уцелевших избавиться почти дружественным образом: просто починить им плот или сделать новый. В конце концов, это же нетрудно — такую ерунду состряпать из выносимого реками плавника?

— Ты хочешь сказать, что уцелевших тропиканцев можно просто завести на борт и выпустить в море?

— Не совсем, хотя иногда этого бывает достаточно. Резчица — в давние времена, еще когда Резчиком была, установила, что тропиканцы похожи на соек — любят блестящие предметы. Спички любят, хотя для них это бессмысленно — отсыревают во влажной атмосфере моментально. Они любят самые дурацкие вещи, и местный народ уже давным-давно сообразил, какие именно. Так что мы этой дряни наваливаем им на плоты, добавляем провизию — и заманиваем их на борт во время прилива. Потом оттолкнуть плот в южное течение — и проблема решена!

Джоанна тронула серебристый гладкий металл антиграва — открылся боковой люк, и спустился трап. Воздушное судно было рассчитано на существ с колесами, и для людей или Стальных Когтей вход был нетруден. Она влезла внутрь и устроилась в своем обычном слоте (который уже не так хорошо подходил к человеческой фигуре).

Странник подошел, перелезая через камни, и вереницей поднялся по трапу.

— Джоанна, они же не полноценные личности, и ты это знаешь.

— Уж кто-кто, но ты в это не веришь. Или веришь?

Пятерка вдумчиво рассаживалась по кабине. Пользовательский интерфейс антиграва в Крае был гибок и удобен, но здесь, в Медленной Зоне, по умолчанию перешел в вид, подстроенный под его исходных пользователей. То есть наездников. Хотя их вообще могло ни одного живого не остаться на этой планете. Неудачный вариант — потому что в этом исходном интерфейсе приборы управления полетом были раскиданы по периферии кабины. Может быть, экипаж людей смог бы управлять антигравом — если бы эти люди всю жизнь обучались бороться с нестабильностями этой системы полета. Стая же, тем более такая

опытная и рисковая, как Странник, эту машину вести могла — но едва-едва.

Дверь закрылась. Странник занялся настройкой антигравитационной ткани и оглянулся на Джоанну, думая над ее последним вопросом. Когда он ответил, то придал своему человеческому голосу некоторую грусть:

— Нет, Джоанна, они больше, чем животные. Моя любимая Резчица могла бы сказать, что и *меньше* тоже, но ты знаешь, что я в это не верю. Я сам достаточно часто распадался на куски. — Он ткнул в одно из десятков отверстий управления на консоли, антиграв приподнялся правым бортом, потом левым, скользнул в сторону, зацепил за обрыв. Странник выправил машину, и она ушла от обрыва в сторону, подпрыгивая все же на торчащих камнях. Но Странник уже поймал ритм, и машина запорхала, набирая высоту, только изредка цепляя за обрыв. Уже два года назад, когда стало ясно, что для управления антигравом нужен кто-то вроде Странника, у него возникло хобби пугать пассажиров до усёру. Отчасти это был специфический юмор путешественников, а отчасти — предлог летать где хочется. И Джоанна эту игру понимала, хотя Равна и пребывала в заблуждении. Она с ним поговорила и теперь

была вполне уверена, что когда лодка сходит с ума, это не Странник дурит. Проблема в том, что антигравитационная ткань слабеет и становится менее разумной. Лучшие рабочие части ткани приходилось заменять из запасов «Внеполосного», и все чаще и чаще. Страннику все время приходилось заново запоминать летные характеристики судна, и времени для того, чтобы дурить в старом стиле, у него не было.

Скиф скользнул на пять метров вниз, но достаточно далеко от обрыва. Он сейчас был в двадцати метрах над скалами — достаточно высоко над землей и далеко от препятствий, чтобы не бояться рысканья. В конце концов, не такой уж плохой получился взлет.

Поднимаясь генеральным курсом вверх, Странник почти полностью обернулся к Джоанне.

— Забыл спросить. Что ты собираешься делать?

— Мы дадим этим морякам достойный дом, — ответила Джоанна.

Фрагментарий Резчицы расположился в низких стенах долины Маргрума, недалеко от Береговой гавани, куда согнали тропиканцев. Полетный курс Странника вел более или менее прямо к Фрагментарию. То есть аппарат болтался во всех

направлениях, но *в среднем* курс его был прямым. На больших высотах можно было бы попытаться перейти на сверхзвуковую скорость, но при коротких прыжках вроде этого флаер уступал в быстроте бегущей стае.

Снаружи корпус выглядел серебристым металлом, но изнутри Странник поддерживал полную прозрачность, хотя так ее назвать можно было лишь с натяжкой. Снятая с обездвиженного корабля антигравитационная ткань упорно оставалась непрозрачной — лоскутное одеяло коричневатых тонов. Кое-где заплат было столько, что похоже было на местную звукопоглощающую обивку, сшитую сумасшедшей стаей. Именно этот узор определил любимое место Джоанны. Нельзя сказать, чтобы там удобно было сидеть — приходилось наклоняться вперед, чтобы не зацепить потолок, и ремни безопасности тоже пришлось приделывать кустарно. Зато хорошо было отсюда смотреть вниз.

Они как раз пролетали над Детьми, которых она видела возле места крушения. Пять мальчиков и две девочки. С этой высоты можно было узнать каждого. Да, это были они. Джоанна покачала головой, бормоча себе под нос.

— Ты это видишь? — спросила она у Стран-

ника.

— Конечно, вижу. — Странник прижал три морды к прозрачным пятнам. Видеть он мог в разных направлениях без проблем. — И что там видеть?

— Детей. Они бросали камнями в тонущих одиночек. — Она в уме прокрутила их имена, дав себе обещание не забыть. — Овин Верринг. Даже и не снилось, что он на подобное способен.

Овин был в точности ее возраста. Они в школе шли вровень и были друзьями без всяких признаков влюбленности.

Скиф резко нырнул, его тряхнуло. Джоанна научилась когда-то беречь язык, чтобы не прикусить, летая на этом приспособлении, и сейчас едва заметила акробатический этюд — разве что неприятно было пролетать мимо твердых предметов.

Странник восстановил контроль над машиной. Он тоже, кажется, не заметил тряски.

— Честно говоря, Джо, я не думаю, что Верринг кидался камнями. Он держался позади.

— Так что же? Должен был остановить других…

Они миновали еще одного мальчишку, поменьше, отставшего от прочих. С ним рядом шла пятерка. Кажется, только три стаи связались с

этими юными правонарушителями.

— Видишь? Даже маленький Тимор Ристлинг здесь был с этими. Он у них стоял на стреме!

Сейчас Тимор был калекой. В Верхней Лаборатории он был вполне здоров, но она его жалела даже тогда. Он был примерно возраста ее брата, но происходил из семьи интеграторов нижнего уровня — далеко внизу по сравнению с гениальными учеными и археологами, которые оживляли старый архив. Ближайшей аналогией для мира Стальных Когтей было бы сказать, что родные Тимора — уборщики, выметающие блестящий мусор, который оставляли более талантливые их собратья. Мальчик в школе никогда особо не успевал: у него просто ум не был приспособлен к технологическому мышлению. Казалось бы, что немилость судьбы заставит его добрее отнестись к потерпевшим крушение беднягам. М-да.

— А вот это наверняка та стая, с которой он шляется.

Вокруг него сбилась в кучу белая пятерка. Белль Орнрикакихм была жуликоватым неудачливым политиком, оставшимся от дочеловеческой империи Резчицы. Стыд и срам, что она держит Тимора в когтях. Мальчик заслуживает Лучшего

Друга подостойнее, но он уже взрослый, и не обязан выслушивать по этому поводу нотации.

Скиф опередил группу людей. Теперь можно было смотреть назад почти прямо в лица тех Детей, кто шел впереди. Ага, Ганнон Йоркенруд, машет своим приятелям и балагурит. *Ганнон штопаный…* В Верхней Лаборатории он был на год старше Джоанны. Перепрыгивал через классы, готов был уже школу окончить. Ганнон был гением, даже еще более талантливым, чем ее младший брат. В четырнадцать лет Ганнон владел *ангильным боркнингом* не хуже любого другого исследователя, и все были согласны, что когда-нибудь он будет лучшим боркнером Страумского царства. А здесь от таланта этого *штопаного* толку ноль.

Антиграв набрал высоту, вильнул и полетел чуть быстрее. Внизу появились еще патрули и обычные горожане, идущие к северу от Береговой, направляясь, наверное, к месту крушения. И даже несколько человек, один из них бежал.

— А смотри, вон там Невил, — сказала Джоанна.

— Он бросал камни? — удивился Странник.

— Нет-нет, он со стороны Береговой.

Невил Сторхерте был старшим из Детей. Конеч-

но, и самым разумным. В Верхней Лаборатории Джоанна была в него по уши влюблена, но по необходимости — издали. Он тогда вряд ли даже знал, что она существует. Она была соплячкой, а он — почти выпускником. Еще год-другой — и он стал бы одним из страумских исследователей. Родители его были руководителями Лаборатории, а Невил — несмотря на молодость — имел природную способность к дипломатии.

Каким-то образом он узнал, что Ганнон и другие собрались сюда. Остановить их он бы не успел, но она видела, что он не бежит, чтобы оказаться на месте крушения первым. Вместо этого он повернул прочь от берега, направляясь к группе Детей. Приближаясь, он стал махать Ганнону и остальным, без сомнения, выдавая им по первое число. Она наклонилась ниже, стараясь разглядеть получше. Морские туманы плыли на берег, и ребят почти не было видно, но все-таки заметно было, что Невил остановил всех этих пакостников и даже поджидал, пока подтянутся Тимор и Белль. Подняв голову, он помахал Джоанне. *Спасибо, Невил*. Не так уж плохо быть не одной.

Джоанна наклонилась назад и выглянула с южной стороны скифа. Хотя пейзаж наполовину скрывал туман, все же видна была деревня

Береговая и ее маленькая гавань, прямо в устье Маргрума. Антиграв поднялся в безоблачное небо летнего дня, и видно было во все стороны света. Русло Маргрума уходило в глубь материка, поворачивало на сто восемьдесят и возвращалось обратно. Зеленели долины в каменных стенах, пятна высокого снега тянулись по летним горам. Исторически сложилось, что Маргрум отделял земли Резчицы от земель Свежевателя. Битва на Холме Звездолета это изменила.

Фрагментарий Резчицы лежал впереди, прямо над туманами. Он создавался как временный военный госпиталь — попытка Резчицы оказать уважение стаям, пострадавшим ради ее дела. Но это учреждение переросло первоначальную цель. Странник утверждал, что никогда в этой части света ничего подобного не было. Естественно, далеко не все понимали его теперешнее назначение.

Здания Фрагментария расположились на небольшой террасе сбоку долины. Вдоль ровного участка тянулись изгороди куда выше, чем у местных крестьян. Дома поставили тесно, чтобы оставить как можно больше места для упражнений и игр. Резчица шутила, что на самом деле это для Странника, чтобы ему было проще призем-

ляться. Если учесть, как часто они с Джоанной сюда летали, это было недалеко от истины.

Пока машина спускалась, мотаясь, вниз, Джоанна заметила среди бродящих по площадке особей несколько подозрительно шелудивых. Как же они пробрались через изгороди?

Вполне может быть, она не первой принесет весть о кораблекрушении. Джоанна стала мысленно переделывать заготовленную речь.

Глава 03

Обычно Джоанна бывала тут же окружена всеми синглетами, которые лишь находились на спортплощадке. Сегодня же к ней обратились лишь несколько наиболее разговорчивых, а в основном пациенты были заинтересованы гостями-тропиканцами. Никого из псарей видно не было.

Джоанна и Странник миновали спортплощадку, пошли мимо зданий, которые Равна Бергсндот называла «домами престарелых». Элементы стай редко живут больше сорока лет. В этих домах жили особи слишком старые, чтобы работать со своими стаями. Остальные части их личностей навещали их, иногда оставались по нескольку дней, особенно если старики эти были важной интеллектуальной или эмоциональной составляющей стаи. Это было очень грустно, потому что без нормальных технологий состояние ни одного из этих фрагментов улучшить было нельзя. Остальная личность навещала фрагмент все реже и реже, потом инкорпорировала молодой новый элемент и больше вообще не появлялась.

Там и сям поднимались головы и провожали ее взглядами. Некоторые стаи-посетители — те, кто достаточно ценил свою прежнюю идентичность, чтобы объединяться с бывшим элементом, — выкрикивали приветствия и даже целые предложения на самнорском. Народ здесь был благодарный, но при всем при том времена слишком походили на темные века человеческой предыстории. *Как раз то время, которое сейчас Здесь.*

Контора псарей находилась наверху склона в конце территории, за спортплощадкой и казармами для телесно здоровых фрагментов. Можно было срезать путь, но Джоанна и Странник держались подальше от корпуса военных преступников. *Вот это* было учреждение, существующее во многих странах Стальных Когтей, хотя обычно это бывал публичный позорный столб, где выставлялись частично казненные враги государства. Резчица никогда подобного садизма не проявляла. Странник часто заверял Джоанну, что Детям повезло приземлиться во владениях самого доброго деспота в мире. С тех пор как Свежеватель был реабилитирован, а Хранитель сбежал, во владениях королевы оставался только один военный преступник, и это

был созданный Свежевателем монстр, властитель Булат. Исходный Булат был обрезан до трех элементов, и остатку выделена собственная тюремная камера с небольшой спортплощадкой. За два года Джоанна не видела его ни разу. Она знала, что ее брат приходит иногда поговорить с этой тройкой, но у Джефри и Амди были с Булатом свои счеты. Она надеялась, что приходят они не для того, чтобы мучить калеку. Булат был тщательно сведен с ума — компромисс между осторожностью Резчицы и требованием Свежевателя, чтобы этот остаток не был уничтожен. Сейчас тройка яростно вопила, чтобы ее выпустили. Очевидно, остаток слышал, что что-то происходит, а тюремщика, чтобы выпустить на спортплощадку, при нем не было.

— А где псари? — спросила Джоанна.

Даже Заботницы не было поблизости, хотя она была педантичной службисткой.

— Гармоний тут. Слышу, как он говорит.

Странник одной мордой показал в сторону административного корпуса.

— Он здесь?

Блин. Гармоний, главный псарь-селекционер, стая старой школы и большая зараза. Теперь Джоанна слышала вокруг межстайное бульканье,

достаточно громкое. До того она по ошибке принимала его за бессистемные крики, доносящиеся от бараков пациентов. Да, как раз эта стая говорила по телефону. Наверное, это хорошо, потому что внешний совет мог прояснить Гармонию мозги.

Джоанна подняла щеколду внутренних ворот и прошла со Странником внутрь. Административный корпус на самом деле служил спальней для дежурных — чаще всего это была Заботница. Он мог вместить две-три стаи, но сейчас в нем слышался, кажется, только один голос. Входная дверь была открыта. Джоанна пригнулась и неловко влезла внутрь в середине Странника.

Гармоний находился дальше в глубине, в своем официальном кабинете. Не таком большом, какой бы ему, наверное, хотелось, но это была комната с телефоном, и главный псарь занял его в самый первый день своей работы. Джоанне было приятно, что никто ему не сказал, как легко было бы перенести телефон в любое другое помещение, не только она эту стаю недолюбливала.

Гармоний как раз вешал трубку, когда Странник и Джоанна засунули головы в кабинет.

— А, ну-ну! — заявил Гармоний сердечным тоном. — Вот пришел источник стольких моих проблем! — Он показал на пол перед своим

столом: — Окажи мне любезность присесть, Джоанна.

Джоанна устроилась на полу — сейчас, чтобы видеть головы Гармония, надо было смотреть вверх. Ну, все лучше, чем стоять согнувшись, убирая голову от потолочных балок. Странник расположился в коридоре, сунув внутрь лишь одну голову. Он сможет так участвовать в дискуссии, не подвергая помехам мыслезвуковое общение элементов.

Джоанна приготовила небольшую речь, но этот телефонный разговор мог изменить положение.

— Насколько я понимаю, — пустила она пробный шар, — вы уже слышали о кораблекрушении?

— Разумеется. Я только что закончил обсуждение этого вопроса с самой королевой.

— А! — Интересно, что сказала Резчица? У Гармония слишком самодовольный вид, чтобы это было что-то хорошее. — Там почти двести уцелевших тропиканцев, сударь. Странник утверждает, что это существенно больше, чем бывает обычно при крушении кораблей с юга.

Гармоний раздраженно шевельнул головами:

— Да. И насколько я понимаю, в основном эту проблему создала ты.

— Ну, я тоже помог, — жизнерадостно вставил Странник.

Гармоний махнул мордой в сторону Странника, призывая помолчать. Главный псарь все время старался Странника игнорировать. Эти две стаи были настолько различны, насколько это вообще возможно для стай. Один собран, как человеческий кулак, другой настолько свободный, что иногда казалось, может рассыпаться на части поменьше. К несчастью для Гармония, Странник был консортом королевы, и был им уже два года. Часть королевы происходила от Странника. И осторожный Гармоний никогда не сказал бы такого, что могло бы быть доложено в неблагоприятном свете. Все его головы повернулись к Джоанне:

— Не сомневаюсь, тебя интересует, где сегодня мои помощники.

Он имел в виду других псарей — они в основном были очень хорошие ребята.

— В общем, да.

— Причина их отсутствия — ты. Что я как раз сейчас и обсуждал с королевой. Что ты превратила это крушение из обычного счастливого случая в серьезную проблему, уже нехорошо. Но направить их сюда искать убежища — непро-

стительно.

– *Что?* Я ничего такого не делала!

— Послушайте, господин старший псарь, я там был. И Джоанна не делала ничего подобного. Да вряд ли хоть один тропиканец знает хоть слово по-самнорски.

Гармоний весь встал на ноги. Несколько элементов поправили на нем форменные куртки. Двое их встали частично на стол, энергично жестикулируя в сторону Джоанны:

— В таком случае прости меня. Просто именно этого ожидал бы от тебя я, и так решили и мои помощники. Каждый из них спустился сейчас туда и сдерживает атаку тропиканского отребья. Мы решили, что этих созданий науськала ты.

Джоанна, скрестив руки, подалась вперед. Она знала, что основная масса южан осталась на берегу и их под конвоем патруля ведут к Береговой. Ускользнувших не может быть более тридцати или сорока, и они бродят где-то в холмах. А что она дала тропиканцам идею пробиваться сюда — просто чушь. Гармонию уже случалось выдвигать против нее дикие обвинения (приписывая ей мысли, которые она как раз и собиралась предложить). На этот раз Джоанна решила, что обезоружить себя не даст.

— Господин старший псарь, я не направляла сюда тропиканцев, но ваши сотрудники правы в том, что эта мысль кажется мне разумной. Тропиканцы — создания, во всем подобные вашим собственным элементам, — как синглеты, которым мы здесь, во Фрагментарии, помогаем.

— Здесь на псарне, — поправил ее Гармоний.

Псарничество было существенным элементом цивилизации Стальных Когтей. Нечто среднее между брачным посредничеством, селекцией животных и восстановительным врачеванием. Джоанна псарей в основном уважала, даже тех жестколапых, которые вида ее не переносили. Требовалось истинное искусство, чтобы сообразить, какие щенки в какую стаю должны быть включены и надо ли создавать новую стаю с нуля. Еще больший талант нужен был, чтобы составить нормально функционирующую стаю из взрослых синглетов и двоек. Среди местных псарей были гении этого ремесла, но Гармоний красные куртки в их число не входил. Он был экспертом с Восточного Побережья, который как-то сумел одурачить Резчицу, находившуюся в расхлябанном состоянии из-за потери самых старых своих элементов. Красные куртки с востока суровее относились к индивидуальным элементам,

чем местные стаи. В некотором смысле они были последователями старой школы Свежевателя — хотя в глаза Резчице Джоанна никогда бы такого не сказала.

— Всегда, когда ты встреваешь, ты одного понять не можешь, — продолжал Гармоний. — Вбила себе в голову, будто фрагменты являются пациентами. Я понимаю, это основано на фундаментальной человеческой слабости, и ты тут ничего не можешь поделать.

Джоанна с трудом удержалась от язвительного замечания: «Если бы мы, Дети Неба, не попали в эту дотехнологическую глушь, то умели бы заменять любую часть тела с такой легкостью, которую вы, г-н Гармоний, представить себе не можете».

К сожалению, это бы послужило поддержкой главного тезиса Гармония. И за неимением уничтожающего ответа Джоанна не стала мешать продолжению речи.

— Мы, стаи, можем *выбирать*, какими нам быть. Мы живем куда дольше жизненного цикла одного элемента и всегда можем выбрать наилучший вариант своего бытия.

Тут Странник хотя бы нашел, что ответить:

— Я достаточно давно существую, чтобы знать,

что это не всегда так.

— Да, если стая такая расхлябанная, как ты, — ответил Гармоний.

— Да, правда. Но к этой расхлябанной стае прислушивается королева. Так что скажи мне, Гармоний, ты просто прогонишь толпу, которую сегодня вынесло на берег?

— Да.

Красные куртки улыбался.

— Их больше обычного, — заметил Странник. — Станут Хором — станут громкой помехой. Распадутся на синглеты и двойки — будут бродить по нашим городам, создавая еще большую помеху. Этого ни крестьяне, ни купцы не одобрят. А их убийство не одобрит Резчица.

Гармоний продолжал улыбаться:

— Не было бы этих сложностей, если бы вы двое просто предоставили действовать природе в отношении лишних особей. — Он пожал плечами. — Никто же не говорит об убийстве выживших. Я отлично понимаю, что в конце концов оставшиеся уплывут прочь с тем блестящим мусором, что мы им навалим. Резчица меня информировала, что так бывает примерно раз в тридцать — сорок лет. — Он пристально и согласованно посмотрел в сторону Странника: — Не

только к тебе прислушивается королева. — И махнул в сторону телефона: — Замечательный прибор. Определенно лучшая игрушка, которую вы, двуногие, принесли цивилизации.

Черт побери, — подумала Джоанна. — *Я могла и Резчице, и Равне позвонить, пока мы летели. А вместо того бездарно злилась*.

Но Гармоний продолжал говорить:

— Мы с королевой согласились, что принимать лишние тела на королевскую псарню было бы абсурдно. Без существенного расширения нам просто места не хватит. Что еще важнее, наличие на территории тропического Хора прямо противоречило бы назначению нашего учреждения. — Он сделал паузу, будто бы приглашая Джоанну или Странника возразить. — Однако вам нет необходимости тревожиться о том, что они наводнят улицы и рынки Нового замка или Скрытого острова. Я предложил ее величеству альтернативные возможности, и она их с энтузиазмом благословила. Тропиканцы будут помещены в новый анклав, специально для них построенный.

— Второй Фрагментарий? — спросил Странник.

— Отнюдь. Он будет находиться на южном

краю Холма Звездолета, далеко от любых мест, где такие создания могут быть причиной неприятностей. Персонал там тоже не будет нужен, ибо предназначено заведение для содержания, а не лечения.

— То есть концентрационный лагерь?

— Ни в коем случае. Посольство! Тропиканское посольство. Иногда абсурд бывает лучшим решением. — Слова Гармония сопровождал гогочущий смех — Стальные Когти умеют издавать такие звуки. Обычно это очень мило, но не в его исполнении. — Конечно, нужны будут какие-то изгороди, и поначалу охрана периметра будет отличной тренировкой для солдатских стай на жалованье королевы. Но в комплекс будет включена небольшая ферма, достаточная для выращивания злаков и картофеля. Мы же знаем, что мяса тропиканцы не любят.

Джоанна сердито глянула на эту стаю. Стальные Когти всеядны, но все они любят мясо. Вегетарианцами у них бывают только самые бедные. Но если других возражений у нее нет, то Гармоний выиграл спор. Она посмотрела на Странника, помолчала и наконец сказала:

— Что ж, я полагаю, это решение.

— На самом деле, — добавил Странник, —

вполне может быть даже и хорошее решение — в зависимости от деталей. Следует понимать, что эта ситуация может продержаться несколько лет. Я не уверен, что…

— А это, — перебил Гармоний, — слава небесам, не моя проблема. Свои заботы по поводу будущего можете изложить королеве, что вы, я уверен, не преминете сделать.

— Да, пожалуй, — ответил Странник.

Джоанна почувствовала, что один из его элементов тянет ее за пояс, намекая, что пора отступать. Странник опасался, что она захочет оставить за собой последнее слово, — он ее хорошо знал. Ладно, на этот раз она ему покажет, что он ошибается.

Джоанна встала, следя, чтобы не стукнуться головой о потолок.

— Что ж, господин Гармоний, весьма вас благодарю за решение этой проблемы столь своевременное и столь изящное.

Видишь, я тоже могу быть дипломатичной.

Она наклонилась чуть глубже, но не в поклоне — просто намереваясь выйти из кабинета.

Гармоний сделал едва заметный жест: «Не уходи пока».

— У меня, знаешь ли, была прекрасная беседа

с ее величеством. Мне кажется, что некоторые вопросы морали и общественного здоровья мы с ней понимаем очень похоже. В конце концов, псарничество — одна из основ счастья нации. И у нас на востоке лучше понимают это, чем большинство местных стай. Очень много принесла вреда реакция на излишества Свежевателя. И еще вы, люди, привнесли вашу запутанную этику, создавая хаос.

— Ну как же, — ответила Джоанна с жестом, которого (как она была уверена) Гармоний не узнает. Надо было убраться подальше от этого типа.

К сожалению, Гармоний был из тех, кто любит мусолить одно и то же. Или же он решил, что настало время развить достигнутый успех.

— Тебе следует понять, Джоанна, что твоему сумасшедшему влиянию на королевскую псарню приходит конец. У нас просто нет ресурсов для Фрагментария в твоем понятии.

Это заставило ее отреагировать:

— Вы бросаете ветеранов войны, жертв несчастных случаев?

Она, преодолевая сопротивление челюстей Странника, шагнула вперед.

Гармоний будто и не заметил ее тона.

— Нет-нет, не так. Королева выразилась совершенно недвусмысленно. Хотя шансы неблагоприятны и зачастую слияние взрослых фрагментов порождает нецелесообразные стаи, все равно мы должны сделать для наших ветеранов все, что можем. А вот бессмысленных глупостей больше не будет. *Элементы* стай стареют, заболевают неизлечимыми болезнями, и они умирают — прошу прощения, но я должен это сказать. Как бы ты ни пыталась принимать желаемое за действительное, элементы умирают. И наша работа на псарне не должна продлевать этот процесс — да и у нас просто нет для этого возможностей.

— Но старики в любом случае умирают, Гармоний. Почему не сделать им приятными эти последние пару лет жизни?

Красные куртки пожали плечами.

— Вот почему когда я пришел на эту должность, то считал, что твои дурацкие идеи безвредны. Но заметила ли ты? Из-за твоего нездорового подхода нормальные стаи стали цепляться за свои умирающие части. И этих больных и непродуктивных частей становится у нас все больше и больше. Их состояние не улучшается. Всем ясно, что и не улучшится никогда. Но они занимают площадь, отвлекают от работы — в том числе

и от взрослых синглетов, которых ты вроде бы любишь и которых мы могли бы спасти. Иногда приходится принимать тяжелые решения, и сокращение необходимо.

Странник засунул в кабинет одну голову:

— Может оказаться непросто оправдать твои «тяжелые решения» перед мягкосердечными западными стаями, которые не хотят бросать свои старейшие элементы.

Гармоний рассудительным жестом задрал вверх пару голов.

— В конечном счете это будет решение самой стаи. Мы только будем сообщать ей оценку ее состояния и указывать, что у нас нет больше средств для поддержания ее неизлечимых элементов. Стая будет свободна в решении предоставить нам возможность разобраться — или же взять ответственность на себя, как всегда делают достойные стаи.

Традиционно это значило, что когда элемент стаи не мог больше выдерживать нормальной охоты, то его — «оставляли». Такой был в межстайном языке эвфемизм для смерти элемента.

— А те, с кем вы разбираетесь, как вы их убиваете? — спросила Джоанна, делая еще шаг в комнату, так что Гармоний наконец понял угро-

зу.

Два его элемента бросились вперед, демонстрируя агрессию, но остальные смотрели на Джоанну несколько беспокойно.

— Н-ну, есть традиционные способы, совершенно безболезненные и беззлобные. Вы, двуногие бедняги, заключенные в единственном смертном теле, не можете понять наших взглядов, да я и не ожидаю от вас такого.

Теперь он весь осмелел. Пять пар зубастых челюстей покачивались перед Джоанной.

Странник весь тащил ее назад за полы куртки. Уже без всякого намека — просто изо всех сил тащил ее прочь из кабинета. Но интонации его были дипломатичны, и голос никак не выдавал усилий.

— Спасибо, что известил нас заранее, дорогой Гармоний.

Красные куртки изящно помахал головами:

— Это было очень приятно — хотя информировать вас предложила мне королева.

— Я ее поблагодарю лично, — ответил Странник, — в следующий раз, когда мы будем вместе.

В словах Странника был подтекст, от которого главный псарь замолчал. Для стай «быть вместе» означало в буквальном смысле «быть единодуш-

ными». Связь сильнее любой, которую могла бы представить себе Джоанна. Она позволила своему зубастому другу увести себя прочь.

Джоанна молчала, пока они не вышли из здания, за пределы даже слуха Стальных Когтей.

— Надеюсь, ты говорил серьезно, Странник. Насчет разговора с Резчицей.

— А, это да. Гармоний слишком всерьез относится к своим красным курткам. Самая противная порода из всех, что на Восточном Побережье попадаются.

Но Странник скорее развеселился, чем разозлился.

— Садист он и сволочь, — сказала Джоанна.

Странник оглядывался на многоэтажные бараки, стоящие по обе стороны тропы. Отсюда не видна была даже спортплощадка и долина за ней.

— Ты знаешь, территория действительно становится перенаселенной, — заметил он.

Остаток дня прошел в довольно необычном занятии: в спорах до крика со Странником. К счастью для слуха Джоанны, крик исходил от нее. Как может ее лучший в этом мире друг так равнодушно отнестись к запланированным во Фрагментарии убийствам? К закату она была

убеждена: он будет излагать это дело перед Резчицей, лишь чтобы ее, Джоанну, ублаготворить. Он и правда не понимал, почему прореживание старых элементов будет убийством. И не хотел, чтобы Джоанна выходила сама на разговор с королевой.

— Это же интимные вещи, Джоанна. Сама понимаешь, секс и разговор разумов.

Он сладострастно повел головами.

Обычно такого предлога было достаточно. В местных любовных интригах ей точно места не было — но если Странник считает, будто от нее и ее чуждых человеческих понятий могут быть только лишние хлопоты…

— Ладно, если так, — сказала она. — С Резчицей общайся ты. Но сделай так, чтобы она поняла! Красные куртки с этой их кровожадной чушью ничуть не лучше прежнего Свежевателя.

— Обещаю, что я это сделаю. Сделаю все, что смогу.

И пятерка нервно потопталась на месте, а потом смылась один за другим в двери. Трус.

Надо было с ним ехать в город Новый замок и самой говорить с Резчицей. В Страннике нужного огня нет.

К счастью, у Джо еще сохранились крохи здра-

вого смысла, и она осталась в здании, когда Странник давно уже весь вышел. Можно же позвонить Равне Бергсндот. Равна, как и Резчица, королева страны. Пусть она не относится к своему титулу серьезно, но у нее в этом мире самая большая власть. Она может сказать Резчице, что делать и как поступать, и за счет Высших Сил ее слово будет законом. Да, но беда в том, что Равна слишком склонна к компромиссам. Она готова поступаться чем угодно, лишь бы это не осложняло борьбу с Погибелью.

Джоанна вышла в сгустившиеся сумерки, сделала несколько глубоких вдохов. На северо-западе еще держались цвета заката, но повсюду вокруг небо темнело синевой, и уже появились на востоке первые звезды. Джоанна часто проклинала этот мир, но летом он ей нравился. Можно было почти забыть, как бывает опасна неукрощенная природа. Иногда даже можно было забыть о своей потере. Хижина, которую они делили со Странником, была по местным стандартам резиденцией высшего класса. Если планы Равны греть воду лучевым ружьем со звездолета удастся реализовать, такие дома станут намного удобнее любого местного замка прежних времен.

Может быть, надо идти в город Новый замок.

Там живут большинство Детей и все малыши, только научившиеся ходить. И ее брат тоже может там оказаться. Но нет, на этой декаде Джеф и Амди в северных лесах, на сборах скаутов. Но есть и другие Дети, с которыми можно договориться. Невил? Он, наверное, все еще в Береговой. С ним действительно идеально бы пообщаться: он бы понял. Плохо, что телефонные линии не протянули так далеко, а то бы она обязательно ему позвонила.

Она спускалась с холма, подальше от Нового замка и окружающего его города. Действительно же не с кем сегодня поговорить, получается. Может быть, оно и к лучшему, а то она зла как черт. Стаи бывают очень милы, куда приятнее в общении, чем многие люди. Но даже самые милые не видят в своих элементах личностей.

Джоанна пошла быстрее, лелея застарелую злость. Сегодня было много поводов, чтобы она проснулась, и Джоанна с ней просто так не расстанется. Ей случалось видеть, как умирают элементы. И она видела в них живые разумные существа, хотя никак не могла убедить в этом стаи.

Ну, если разговоры ничего не могут изменить, может быть, помогут действия. Какое-то время

она вертела эту мысль как погремушку, представляя себе, что бы могла сделать, будь у нее хоть какие-то из тех возможностей, которыми обладал каждый житель Страума, даже ребенок, перед тем как они упали Сюда. Звездолет Равны — ерунда по сравнению с теми средствами. Она бы возвысила фрагменты до разумности и дала бы им инструменты, от которых бы у стай вроде Гармония слезли с морд наглые ухмылки.

Приятно воображать такой поворот судьбы. И все это было возможностью, а не сном, до падения из Верхнего Края. До ужаса в Верхней Лаборатории.

Джоанна огляделась, поняла, что прошла больше километра, дошла до края долины Маргрума. Луна уже взошла, осветив дальний берег долины, повисший в воздухе над вечерним туманом. Тропа, официально называвшаяся Дорога королевы, стала извилистой, металась взад-вперед, спускаясь по северному склону долины. Днем здесь мельтешили бы фургоны и погонщики керхогов спорили бы за право проезда.

Пока Джоанна воображала себе возможный реванш, ноги уже пронесли ее половину обратной дороги к Фрагментарию — может быть, они у нее были умнее головы. Гармоний жаловался

на недостаток площади, а Резчица соглашалась. Ну что ж, площадь можно обеспечить. И можно заставить всех смотреть и слушать!

Джоанна прибавила шагу. Сейчас голова и ноги стали действовать заодно — надо же, какое местное по духу выражение! — поскольку она поняла, насколько большие перемены может осуществить сама. И где-то в глубине сознания что-то тихо подсказывало: может, лучше ничего не делать, чем сделать то, что она собирается сделать. Но эту подсказку очень легко было заглушить.

Последний поворот перед Фрагментарием. Верхняя часть облачного слоя только что накрыла здания, и видны были только несколько тусклых огоньков — наверное, бараки старых элементов. Административного здания все равно не было бы видно — оно на той стороне комплекса. Дорога королевы продолжала виться вниз, к Береговой, но поворот на Фрагментарий был уже метрах в пятидесяти, и Джоанна пошла в туман.

— Привет, Джоанна!

Голос звучал чуть впереди.

Тихо пискнув от неожиданности, Джоанна почувствовала, как ее разум быстро заметался среди вариантов бежать, драться и вести светскую беседу. Она вгляделась в туман — ага. Светская беседа.

Перед ней была стая-четверка. Даже пятерка, если считать щенка во вьючной корзине.

— Здравствуй, — ответила она. — Мы знакомы?

Четверо взрослых элементов сдвинули головы. Даже пары метров тумана достаточно, чтобы заглушить мыслезвуки, и стая пыталась думать ясно. Через секунду тот же голос ответил:

— Не понимаю, Джоанна. Прости.

Джо повела рукой в сторону — кажется, стаи воспринимают это движение как свой жест головой: «ничего страшного». Хотя, конечно, стая могла в темноте и не видеть.

Через секунду они пошли дальше по тропе. Как всегда, туман играл со звуками, и слышно было жужжание — возможно, частота основного ритма мыслезвуков. А может, просто нервное гудение.

— Я… гм-м, — говорила стая, будто подыскивая самнорские слова, — я… — Аккорд звуков межстайной речи, вполне вроде бы знакомых. — Я… работа… Новый замок… я… работа плюс камень.

— Ты каменщик в городе? В Новом замке?

— Да! Правильное слово. Правильное слово.

До появления людей, до Академии Детей работа каменщика была по-настоящему высокотехноло-

гичной и оставалась весьма уважаемой и сейчас. Джоанна заметила, что они не одни: еще одна стая рысила за ними, и за ней могла быть еще одна. И наверняка каменщик их слышал, так что Джоанне они казались скорее загадочными, нежели зловещими.

— Повернуть. Я здесь… поверну, — сказал каменщик.

Они стояли возле поворота на Фрагментарий, и Джоанна пошла за стаей по мощеной тропе. Проходя мимо керосиновой лампы, Джоанна сумела лучше разглядеть две другие стаи. Одна всего лишь тройка, другая — четверка, но два элемента едва ли вышли из щенячьего возраста. Загадка разрешилась.

Приближаясь к баракам старых элементов, обе другие стаи начали булькать. Изнутри отозвались разные голоса, и обе стаи бросились в сторону здания. Каменщик остался с Джоанной. Подойдя ко входу, он снова заговорил:

— Ты вряд ли меня помнишь, но если не считать моего щенка, я был с тобой и Фамом Нювеном, когда вы вошли в Новый замок. В тот день, когда Фам заставил померкнуть солнце.

Джоанна обернулась к стае, пораженная внезапной беглостью ее речи. Из тени вышел, хромая,

старый лысеющий элемент. Каменщик его обтек собой, и все головы сдвинулись вместе. Очевидно, эта стая была одним из телохранителей Резчицы в Битве на Холме Звездолета.

Джо улыбнулась. Эту конкретную стаю она все равно не помнила, но…

— Помню этот день, как же. Вы были снаружи? И правда видели, как погасло солнце?

Вызвать благоговейный ужас в нетехнологической цивилизации может почти любая техника, но то, что сделал Фам, преодолевая законы природы за сотни световых лет… это даже Детей поразило. Неудивительно — процесс забрал на себя всю выделяемую солнцем энергию.

Вся пятерка, даже щенок, согласно закивала.

— Через тысячу лет может остаться только миф в разуме стаи, которой буду тогда я, но это будет величайший миф на свете. Глядя в темноту солнца, я почувствовал Стаю Стай. — Каменщик, включивший в себя оставленный элемент из Фрагментария, секунду помолчал, потом вздрогнул. — Частично для меня здесь слишком холодно. Не зайти ли нам внутрь? Там сейчас собралось несколько целых стай. Они не говорят по-самнорски, но я могу перевести.

Джоанна пошла было за ним в помещение,

но тут поняла, что большинство созданий там, внутри, не воссоединенные. Они действительно «оставленные». Если она там останется больше пары минут, то проболтается, что на уме у Гармония… и слишком многие ее поймут. Остановившись у дверей, она помахала каменщику рукой:

— Как-нибудь в другой раз зайду.

Стая на миг замерла в нерешительности:

— Хорошо, но ты должна знать. Одна из моих элементов очень больна, но я с ней намного умнее. Лучше думаю. Каждый вечер я прихожу сюда, а тогда на следующий день работаю лучше. Отчасти потому, что, пока я умный, продумываю завтрашний день. Отчасти потому, что мой новый щенок учится у моего старого элемента. Богатые поступают так все время. — Все головы смотрели на Джоанну. — Я думаю, потому они и остаются богатыми. И спасибо тебе, что предложила королеве Резчице создать это заведение.

— Не за что, — кивнула Джоанна.

У нее перехватило горло при этих словах, она повернулась и зашагала прочь в темноту неловкой походкой. *Черт, черт побери!*

Она брела в тумане несколько минут, и за это время чувство вины снова вскипело гневом. Ду-

ша кипела совершить какой-нибудь акт мести, смачную оплеуху дать Гармонию и его традиционалистским подпевалам. Что-то такое сделать, что и Резчицу встряхнет пощечиной, раз она сама не понимает.

Наконец она дошла до высокой изгороди, окружающей спортплощадку и бараки для здоровых телом. Пошла вдоль нее, ведя пальцами по доскам. Значит, Гармоний вообразил, что *места* не хватает. Да, тут тесно. Подлечить свой старый элемент, помочь ему захотели куда больше стай, чем можно было предвидеть. Наверняка Гармоний жаловался и на напрасный расход разных ресурсов, а *это* для Резчицы очень существенно. Но Резчица богата. А если недостаточно богата, Равна может подбросить малость из арендной платы за технику «Внеполосного». Такой бедный этот мир, такой глупый. В Верхнем Крае стоимость ухода за отдельными софонтами — одна из самых малых статей расхода, проходящая обычно незаметно. Богатства тратятся на другие вещи…

Она чуть не споткнулась о какую-то тварь, прокапывающуюся под изгородью. Элемент вытащил лапы и морду из земли, челюсти щелкнули как раз там, где только что было лицо Джоанны, — но дальнейшей атаки не последовало.

У этого создания не было резервов — это был синглет. А, нет. Еще вон парочка, прячущаяся в подсвеченном луной тумане. И все тропиканцы. Сперва было несколько сердитых взглядов, потом шелудивые создания попятились, потом побрели прочь — и в разные стороны. *Никогда* не бывает, чтобы стая вот так случайно распалась. Сколько же этих смутьянов шатается вокруг Фрагментария? Мысль собрать всех тропиканцев за одной оградой не была так уж совсем глупа.

Джо шла дальше к баракам здоровых тел. Из здания доносились самые разные шумы. Снаружи, на этой стороне ограды, иногда двигались случайные тени, слышался вой. Должно быть, псари Гармония по всей долине изображают собаколовов, и Джоанна здесь одна. Но эта мысль не пугала — совсем наоборот. Тропиканцы не так чтобы особенно дружелюбны, но ничего не помнят дольше секунды. А все фрагменты в бараках, куда она идет, — ее друзья. По крайней мере в пределах своего интеллекта.

Да и вообще… здесь в одиночестве ей как раз представилась возможность достойного реванша. И она пошла быстрее, выбрав направление соответственно своей цели. Идея сумасшедшая, но создаст достаточно «площадей», на нехват-

ку которых Гармоний жаловался. Она покажет этому сукину сыну… сынам — и самой Резчице заодно, — что с фрагментами нельзя обращаться как с мебелью.

Из бараков неслась громкий, сердитый, бессмысленный шум. Джоанна часто здесь бывала, и зимой по необходимости после темноты, но никогда не слышала столько сердитого уханья. Конечно, фрагменты никогда не бывают цивилизованны, как полные стаи. Тут бушевали эмоции и капризы сотен животных, и в бараках в основном жили нормальные, здоровые фрагменты, отчаянно рвущиеся объединиться в когерентную стаю. Вот почему необходим забор и зарешеченные двери. Фрагменты одновременно и побаивались бежать, и стремились в большой мир на поиски стаи, согласной на слияние. За последние два года Джо сделала подбор союзов своим занятием — Заботница даже называла ее «самым младшим псарем». Она могла заходить в бараки и болтать с синглетами и парами, слегка понимавшими по-самнорски, и даже когда разговор был невозможен, фрагменты радовались близости кого-то, такого же умного, как стая, с которым можно почувствовать себя рядом, притвориться, что вместе. Много раз ей удавалось

породить стаю, спаривая дуэты или сводя дуэт с синглетом. Не менее часто она уговаривала поврежденные стаи со Скрытого Острова, или из Нового замка, или Береговой гавани, что у нее есть для них идеальное дополнение.

Вот в результате таких усилий и ее, и достойных псарей попытки к бегству если и бывали, то не очень отчаянные.

Сегодня звуки были совсем иные.

Керосиновая лампа на воротах освещала десятки фрагментов, топчущихся внутри у входа. И с каждой секундой подходили новые и тыкались в изгородь.

Когда Джоанна появилась на виду (или на слуху, что для Стальных Когтей важнее) у фрагментов, послышались обычные приветствия: «Джоанна, привет! Джоанна, привет!» Но эти выкрики были заглушены гневным бормотанием, воем и лаем, звучащим почти как собачий.

Однако наиболее членораздельные выкрики имели смысл. Случайные самнорские слова вполне соответствовали фразам на межстайном, которые она могла понять.

— Отпусти! Мы хотим свободы!

Теперь она увидела возможную причину этой безрассудной тяги к странствиям: тропиканцы

проникли *внутрь*. Она видела только парочку, зато в самых громких группах. Очевидно, их настроение и столкнуло лавину.

Никогда Джоанна не видела, чтобы наружу рвались столько фрагментов сразу. Они не только бились в изгородь, они еще и подкапывались под нее. Прямо у входа группа синглетов громоздилась один на другого, стараясь добраться доверху. Будь это обычная стая в куртках с лямками для лап, вполне могли бы выбросить себя наружу. А так пирамида дорастала до двух с половиной метров и рассыпалась.

— Эй, Джоанна! Помоги!

Голос шел из толпы тех, кто пытался перелезть через ворота.

— Чиперс! — воскликнула Джоанна.

Она узнала белое пятно шерсти на затылке. Этот синглет говорил по-самнорски лучше всех, иногда даже в его словах бывал смысл. Бедняга был бы большим плюсом для любой стаи, но он принадлежал к одной из утилизированных стай-монстров Булата, и его воспоминания отталкивали всех, с кем его сводили. Сам Чиперс был ласков и дружелюбен, умен, насколько может быть умен синглет, что еще больше омрачало ситуацию для Джо. Она опустилась на колено,

чтобы смотреть синглету в глаза через щели в изгороди.

— Что случилось, Чиперс?

— Выпусти нас, выпусти!

Джоанна отшатнулась. Как ему объяснить? Нюансы редко бывают сильной стороной синглета.

— Я… — начала она искать предлог и вдруг подумала: «А какого черта?»

И медленно встала. Да, это действительно будет реванш. И положит конец перенаселению, а Чиперс и его друзья получат то, что хотят.

Она посмотрела на ворота. Заперты снаружи, но всего лишь на простой бревенчатый засов, на высоте почти двух метров над землей. Сбежавший синглет до засова не достал бы. Она краем сознания отметила трех тропиканцев на этой стороне изгороди — они наблюдали за Джоанной. Без сомнения, они слишком рассеяны, чтобы понять работу этого механизма, но любая когерентная стая по эту сторону изгороди легко отперла бы ворота — просто забралась бы по себе. Джоанне открыть ее и того легче.

Джо шагнула вперед, заранее злорадствуя по поводу воображаемых последствий. Она потянулась к засову, но заколебалась. Последствия, именно последствия. Не без причины ведь этих

бедняг здесь заперли. Куда им еще деваться? В городах Домена очень немногие могли бы найти себе новые разумы, но остальных бы шпыняли и били — кого убили бы, кого обратили бы в рабство. Не зря был создан Фрагментарий. Сама она воевала, чтобы из госпиталя военного времени сделать такое учреждение. Отпустить пациентов — это была бы месть прежде всего самим пациентам. Она глянула налево, где вверх-вниз прыгал Чиперс, нетерпеливо ее торопя. Фрагменты, если бы их не накрутили сегодня как следует, от идеи бегства шарахнулись бы.

Джоанна отступила от ворот назад. Нет, есть вещи, которые даже для нее слишком психованные. Даже когда она вне себя от злости.

А ведь могла бы. И Гармоний тогда…

Что-то налетело на нее слева, сбив с ног. Все три тропиканца пролетели мимо, залезли друг на друга, пока она поднималась с земли. Может, они видели, что она хотела сделать, а может, сами такие умные. Как бы там ни было, верхний подсунул морду под брус и сбросил его. Изнутри наперли, калитка распахнулась, разбросав пирамиду в разные стороны. Сбившаяся внутри толпа пролетела мимо, кто-то снова сбил Джоанну наземь, но большинство аккуратно ее обошли.

Кто-то даже сказал на ходу «Привет!».

Джоанна съежилась в клубок, защищая лицо локтями и коленями.

Наконец топочущее стадо пронеслось мимо, крики и радостные вопли отдались эхом в холмах — сбежавшие бросились в обе стороны, на север и на юг по Дороге королевы.

Джо поднялась на ноги. Сырую почву растолкли в кашу. Отворенная калитка висела на одной петле. И около входа осталось с полдюжины особей.

— Ребята! — обратилась к ним Джоанна. Неудивительно, если при таком бегстве остались раненые.

Но даже вблизи никакой крови не было видно. Никто из оставшихся Стальных Когтей не хромал, кроме одного, которого она прозвала Грязным Генриком и у которого была перебита передняя голень, когда его стаю раздавил камнепад. Нет, просто эти шестеро не могли решить, бежать или оставаться, они мельтешили около входа, нервно поскуливая и глядя в темноту.

Минуту Джо постояла у ворот, чувствуя ту же неуверенность, что и оставшиеся фрагменты, и передумывая собственные мысли секундной давности — до того, как тропиканцы решили вопрос явочным порядком. Наконец она сказала:

— Ребята, надо решать, потому что я сейчас эту калитку прикрою.

Самнорского никто из них не понимал, но когда она уперлась руками в калитку и стала ее закрывать, до них вроде бы дошло. И все, кроме Грязного Генрика, быстро брызнули внутрь. Генрик остался наполовину там, наполовину здесь, дергая носом и принюхиваясь к запахам ночи. Его стая была лесорубом — может, он и не пропадет под открытым небом.

Он подергался туда-сюда, потом понял, что калитка закрывается, а он на дороге. Тихо пискнув, он отступил внутрь.

Джо пришлось приподнять калитку, преодолевая сопротивление гнутой петли, и тогда ее удалось закрыть. Брус засова она оставила валяться на земле. Так что Генрик, если очень захочет, сможет протолкнуться наружу.

А сейчас… Джоанна постояла минуту молча, пытаясь осмыслить, что сейчас случилось и что по этому поводу она должна чувствовать. В конце концов она тряхнула головой и пошла по тропе, ведущей в административное здание. Надо позвонить в несколько мест.

Другие Дети назвали события этой ночи «Прорывом Джоанны». Некоторым казалось, что это

все очень весело. Последствия? Возможно, именно такие неприятные, как представляла себе Джоанна, хотя не такие зримые и очевидные. Примерно год после события в переулках и на помойках городов и деревень наблюдался наплыв синглетов и двоек, неумелых попрошаек и еще более неумелых грабителей и взломщиков. Некоторые вернулись во Фрагментарий. Очень немногие нашли убежище в новом «посольстве» тропиканцев, хотя сами тропиканцы куда меньше удовольствия получили от этих рекрутов, чем от того, что устроили хаос среди местных синглетов.

А большинство беглецов просто исчезли в бескрайних просторах дикой природы. Странник полагал, что довольно много исчезнувших выжили и создали стаи.

— Могу тебе сказать по собственному опыту, — говорил он Джо пару десятидневок спустя, когда как-то застал ее плачущей, — что когда по-настоящему припрет, латаешь себя частями, с которыми бы никогда даже мысли общей не имел. Да ты на меня посмотри.

Это превратило ее всхлипывания в икающий смех. Она лучше многих людей понимала, о чем он говорит. И все равно она была уверена, что

жизнь большей части беглецов оборвалась в дремучих северных лесах.

А последствия для самой Джоанны Олсндот? Некоторые идиоты-одноклассники подумали, что это была шутка такая. Младший брат был потрясен до глубины души. Она была старшая сестра, она исправляла *его* глупости. Если глупости делает *она* — это противоречит порядку вещей.

Резчица на некоторое время перестала с ней разговаривать. Ее величество знала, как ничтожны шансы у синглетов в дикой природе. Она разрешила Фрагментарий, заботясь о своих ветеранах, — и планы Гармония были попыткой создать место для этих здоровых синглетов, чтобы содержать их безопасно. И королева понимала, что бегство было пощечиной не только Гармонию красные куртки, но и самой Резчице.

Может, сыграли свою роль добрые слова Странника, сказанные Резчице, но Фрагментарий не закрыли. А одно счастливое следствие было именно таким, как представляла себе Джоанна: места в учреждении стало куда больше. Резчица не стала вышибать старые элементы на улицу. Каменщик и прочие сохранили место для своих устаревших частей, пусть те и были обречены.

Проблема перенаселения потеряла остроту — а Гармония выставили неумелыми и надутыми кретинами, какими он и был!

В любую минуту первых дней после Прорыва Джоанна легко могла заявить о своей невиновности. В конце концов, улики против нее были косвенными, и громче всех о ее вине разглагольствовал Гармоний. Единственными свидетелями были синглеты с очень перепутанными мозгами, и некоторые из них и правда думали, будто это *она* распахнула калитку. Она чуть не рассказала Страннику правду — да очень скоро догадалась, что он и так знает. Джоанна даже едва не выложила все Равне Бергсндот. Обидно было думать, что Равна считает ее просто глупой девчонкой — бедняжке со слишком многими такими приходилось иметь дело. Но дни шли за днями, и репутация Джоанны росла и крепла. Да, она была очень рада, что не сделала того, что приписывает ей молва. Но черт побери, это же случилось, и, быть может, в будущем личности, подобные Гармонию, дважды подумают, стоит ли связываться с Сумасшедшей Девчонкой с Холма Звездолета.

Через десять лет после Битвы на Холме Звездолета
Глава 04

Ремасритлфеер работал на Великого Магната уже более двух лет. И для него, Ремасритлфеера, который никогда не был терпим к дуракам, даже таким богатым, как Магнат, это было постоянным источником сюрпризов. Не успевал он выполнить одно задание, тут же сыпалось еще более головоломное и зачастую куда более опасное и захватывающее, чем мог даже мечтать Ремасритлфеер с его жилкой авантюриста. Может быть, именно поэтому он продолжал работать на стаю-психа.

Но этот последний безумный взбрык мог бы положить конец их отношениям. Исследовать тропики! Задание куда опаснее и куда безумнее — в буквальном смысле — всего, чего случалось требовать Магнату. Однако, честно говоря, первые дни оказались великолепны: Ремасритлфеер полностью выжил и в двух отношениях превзошел все достижения всех исследователей за всю мировую историю.

К несчастью, с тех пор прошло четыре декады. Магнат просто не понимал, когда надо остановиться. И блестящий успех выродился в смертную скуку декады за декадой неудач.

— Должен же этому прийти конец, в конце концов!

Эти слова очень точно выразили настроение Ремасритлфеера, но сказаны были его пассажиром. Пассажиром в этом *последнем* путешествии, если есть еще в мире милосердие. Читиратифор, отлично одетая шестерка, едва помещался на пассажирской платформе шара. Гондола «Морского бриза» была тесной, и каждый фунт приходилось учитывать. Изоляция вокруг пассажирской платформы была так тонка, что озабоченность Читиратифора ощущалась просто болезненно. Через перегородку виднелись там и сям когти и челюсти. Пассажир долбил раму гондолы всей своей силой. Слышны были звуки отрыжки — некоторые из его элементов блевали вниз, в грязную воду.

Ремасритлфеер просемафорил вниз парусному флоту Магната. Там стали травить фал чуть быстрее, давая ветру сносить «Морской бриз» в сторону болотистой суши. С самого начала этого жуткого испытания дважды в декаду запускался

шар. В предрассветные часы на вспомогательных кораблях Магната смешивали железные опилки с кислотой, а выделяющимся газом наполняли резервуар «Морского бриза» или его дублера. Потом, когда начинался утренний ветер, Ремасритлфеер поднимался и плыл по воздуху, как никто и никогда в истории (если не считать Небесных Личинок).

— Через несколько минут будем над сушей, сударь, — бодро сообщил он Читиратифору.

Тот издал ртом какой-то шум, потом сказал:

— Знаете, надо бы сегодня постараться. Мой господин говорит, будто Магнат заявляет, что тропики его обогатят так, как ни одной стае прошлого сниться не могло. Если мы не будем сегодня убедительны, он будет здесь плавать веками, разбазаривая наши сокровища.

Наши сокровища? Читиратифор и его господин Хранитель — наглая парочка. Но некоторый смысл в их словах был. Они предложили серьезные улучшения, которые только и привели в рабочий вид изобретения Магната — в частности, эти шары. Ремасритлфеер чувствовал, как они его презирают. Они решили, что могут Магната использовать, и их серьезно расстраивало, когда Хозяином не удавалось вертеть.

А хуже всего было, что в данном конкретном случае Читиратифор и Хранитель были абсолютно правы.

Ремасритлфеер посмотрел в сторону суши. Пока что погода была идеальная, но к северу громоздились высокие облака. Если они направятся на юг, то день может оказаться напряженным. Сейчас они просто загораживали дальний горизонт — покрытый джунглями бассейн Шкуры. Даже в самый ясный день глаза одной стаи не могли бы все это увидеть. Шкура тянулась на север, уходя за горизонт, и ее бассейн был широкой сетью больших рек, образуемых слиянием все меньших и меньших, восходящих к горным ручейкам на границе арктического холода. У этих земель были свои тайны и свои опасности. Здесь разворачивались бесконечные смертельно опасные приключения и многие экспедиции самого Ремасритлфеера — но их не сравнить с нижним течением Шкуры, с тайнами и опасностями той земли, над которой он сейчас летел. Шар не поднимался выше тысячи футов, и детали терялись во влажном тумане — если только не смотреть прямо вниз. Внизу тянулись илистые воды, иногда кочки болотной травы. Трудно было сказать, где кончаются собственно воды Шкуры.

Обычные корабли далеко обходили едва скрытые водой грязевые мели, тянущиеся более чем на сотню миль в море. Цвет мелей и их запах дали Шкуре имя задолго до того, как глаза какой-либо стаи увидели устье реки. Чтобы подобраться так близко, как флот Магната, нужны плоты или корабли специальной конструкции.

А я подобрался даже ближе! — подумал Рема-сритлфеер.

Редкая привилегия, из тех, которые он будет потом ценить — но где-нибудь уж подальше отсюда. А пока что — ну, на родине он видал выгребные ямы, очень похожие на это месиво, а вот запах весьма своеобразный: смесь гнили, телесной вони и экзотических растений.

«Морской бриз» ровно шел на север, ненамного быстрее, чем могла бы двигаться стая. Ветер и фал вместе держали шар на высоте, защищая его пассажиров от страшной смерти, постигшей всех предыдущих исследователей, и заодно берегли от жары и сырости тропических джунглей. Трава внизу сменялась деревьями, и хотя стволы все еще были под водой, но ярд за ярдом на север они становились толще, задерживали больше ила из Шкуры.

— По большей части то, что мы сейчас видим,

всегда над водой, кроме как в бурю и очень высокий прилив, — сказал Ремасритлфеер.

Сейчас были видны почти все морды Читиратифора — стая всматривалась вниз.

— Далеко еще? — спросил он.

— Еще немного на восток.

Ремасритлфеер наблюдал за землей, за кораблями Магната, за вытравленным фалом. И можно было не сомневаться, что Магнат наблюдает за ним. Если бы тот остался дома, этой глупости сейчас уже был бы положен конец.

Внизу появился рисунок деревьев, знакомый по прошлым полетам, и Ремасритлфеер дал кораблю сигнал перестать травить фал и сдвинуться на восток. «Морской бриз» мягко качнулся на фале, а Ремасритлфеер в манере гида сообщил:

— А сейчас перед вами предстанет пропавший город из легенд: Великий Хор Тропиков!

Может быть, это был город. Куда ни посмотри, Стальные Когти — сотни особей. И, пролетая на шаре, он их видел еще и еще. Тысячи. Больше. Может, действительно столько, сколько легенды говорили. И нигде не видно ни одной когерентной стаи, только простейшая бессмысленность огромной толпы. А звук… звук можно было терпеть. «Морской бриз» висел над землей в нескольких

сотнях футов, слишком высоко, чтобы доходил мыслезвук. Звуки, долетающие до гондолы, лежали в диапазоне нормальной межстайной речи. Может быть, это и был какой-то язык, но аккорды тысяч мембран стирали любой смысл, который слова могли нести. Какая-то жутковатая месса экстаза.

И она раздавила надменность Читиратифора. Ремасритлфеер почувствовал, как качнулась гондола, когда тучная шестерка сбилась в кучу. И в голосе стаи звучал благоговейный ужас.

— Сколько их! И как близко! Это… это и правда Хор.

— Ага, — радостно отозвался Ремасритлфеер, хотя в первые разы он так же был поражен, попав сюда.

— Но как они едят? Как они спят?..

«В непрерывном гомоне», — не сказал он, но Ремасритлфеер эту мысль почти услышал.

— В деталях мы не знаем, но если спуститься ниже…

— Нет! Не надо!

Ремасритлфеер про себя усмехнулся и продолжал:

— Если спуститься ниже, мы бы увидели, что эти твари полуголодные. И все же тут есть зда-

ния. Видите?

Он издал указывающий звук. И правда, виднелись какие-то глинобитные строения, от некоторых остались лишь фундаменты, торчащие из-под более поздних построек, а на тех громоздились постройки еще более поздние. Ни одна когерентная стая таких случайных строений не нагородит. В них едва можно было признать искусственные конструкции.

Местами поколения глиняных построек уходили вглубь на пять-шесть уровней: хаотическая смесь компостной кучи, пирамиды и многоэтажного сарая. Внутри наверняка есть дыры и проходы: видно было, как входят и выходят особи Стальных Когтей. Ремасритлфеер знал эту местность по прошлым полетам. Кое-где просматривалась определенная система, словно несколько дней шла работа по разумному плану, а потом ее сметало прочь хаосом или новым планом. Через пару декад опять все поменяется.

— Еще сотню футов — и на месте, — сказал он и дал сигнал кораблю Магната бросить якорь. Управление привязным шаром редко бывало настолько точным, но сегодня морской бриз был гладок, как тонкий шелк. — Подойдем и встанем над Большой Торговой Площадью.

Пассажирская платформа шевельнулась — Читиратифор набрался храбрости высунуть над ограждением еще пару морд. И недоверчиво спросил:

— И *вот это* вы называете площадью?

— Название дал Магнат.

Более объективный взгляд увидел бы открытую площадку грязи пятьдесят футов в поперечнике. У Магната талант коммивояжера — употреблять слова, переопределяющие реальность.

Несколько секунд Ремасритлфеер был слишком занят, чтобы болтать. Он потянулся через край гондолы сбросить вниз причальный конец. В тот же самый момент он громко заорал приветствие бегающим внизу Стальным Когтям. На площади всегда торчали дозорные, хотя иногда, кажется, они забывали, зачем они тут.

Но сегодня реакция была почти немедленной. Трое выбежали на середину открытого пространства — с очень разных направлений, и явно они были синглетами. Только когда они оказались в нескольких футах друг от друга, появилась какая-то координированная деятельность. Они неловко мотались вокруг, клацали зубами на веревку, которую им спустил Ремасритлфеер. Наконец двое остановились, и третий залез по ним и сумел

веревку поймать. Потом все трое вцепились в нее челюстями и замотали вокруг глиняного столба.

Читиратифора это проявление сотрудничества не вдохновило.

— Теперь же мы в ловушке? Они просто могут стянуть нас вниз.

— Ага, но больше они не пытаются. Когда они так делают, мы просто бросаем веревку и улетаем.

— А, да. Конечно. — Читиратифор ничего не говорил, но мыслезвук слышался интенсивный. — Ну, тогда продолжаем. Нам предстоит быть свидетелями провала, и мне нужны подробности для исчерпывающего доклада нашим работодателям.

— Как прикажете. — Ремасритлфееру не меньше хотелось прикрыть наконец тропическое фиаско Магната, но не нравилось ему соглашаться с вислоухими этими типами. — Момент, я только приготовлю товар на обмен.

Ремасритлфеер пригнулся к дну гондолы, открыл люк сброса. Груз висел прямо внизу в деревянном чане. Похоже, при спуске шара его водой не заплеснуло.

— Готовы, ребята? — направил Ремасритлфеер свои слова в котел.

— Так точно! Ага! Поехали!

Слова возвращались, налезали друг на друга, ответ десятков — может, и всех — существ из чана.

Ремасритлфеер зачерпнул с десяток извивающихся каракатиц в корзину обмена. Огромные глаза смотрели на него, ему махали десятки щупалец. Во всем этом бормотании не было слышно ни капельки страха. Он сунул одну морду в корзину, почти к самой поверхности. Каракатицам было очень тесно, но в ближайшее время это станет наименьшей из их проблем.

— О'кей, ребята. План вам известен. — Он оставил без реакции согласные выкрики энтузиазма. — Значит, вы говорите с тем народом, что внизу…

— Да, да! Мы просим для вас безопасной посадки. Расширение обмена. Портовые права. Да, да, да!

Их речь сливалась в музыкальные аккорды. Десятки мелких созданий, с жадной памятью, каждое умнее любого синглета, но мысли у них так мечутся, что не понять, насколько они на самом деле умны.

— Ну, добро! — Ремасритлфеер оставил попытки наставления. — Удачи!

Он пристегнул корзину обмена к причальному концу и стал травить веревку.

— Пока-пока!

Звон аккордов шел из корзины и из чана — соплеменники перекликались. А далеко внизу под корзинкой грязная площадка была все еще пуста, если не считать нескольких одиночек. Вообще-то это хороший признак.

— Чего сразу весь котел не послать? — спросил сверху голос Читиратифора.

— Магнат хочет посмотреть, как пройдет это, а потом, может, послать еще новых с другими инструкциями.

Читиратифор секунду помолчал, очевидно, разглядывая корзину. Она покачивалась, опускаясь все ниже и ниже по причальному концу.

— Ваш хозяин — полный псих. Да вы и сами знаете.

Ремасритлфеер не ответил, и Читиратифор продолжал говорить:

— Видите ли, Магнат — это самодельное лоскутное одеяло. Половина его — скряга-бухгалтер. А вторая половина — четверо сумасшедших щенков, которых бухгалтер выбрал как раз за безумное воображение. Может, это было бы неплохо, если бы главным был скряга. Но нет — им управ-

ляют четыре безумца. Вы знаете причину, почему мы здесь болтыхаемся?

Ремасритлфеер не мог удержаться от искушения показать, что и он тут что-то понимает.

— Потому что он пересчитал морды?

— Что?.. Да! Бухгалтер в нем дал оценку численности Стальных Когтей в тропиках.

— Их может быть больше ста миллионов.

— Ага. А четверка психов сообразила, что любой другой мировой рынок — пылинка на этом фоне.

— Ну так, — ответил Ремасритлфеер. — Магнат всегда на переднем крае поиска новых рынков, и чем больше, тем лучше.

На самом деле он одержим новыми рынками — почти все его поступки вызваны этим.

Два элемента Ремасритлфеера продолжали наблюдать за спуском каракатиц, монологи которых были все еще ясно слышны. Еще пара минут — и корзина приземлится.

А с пассажирской платформы несся сердитый говор:

— У Магната много дурацких идей, в том числе — что можно, что-то продавая, стать сильнее. Но на этот раз… что из того, что в тропиках их — сколько вы сказали? — да сколько бы ни было. Они, эти миллионы, — животные. Толпа. Разве

что их поубивать и землю использовать, иначе тропики бесполезны. Я вам говорю — конфиденциально, конечно, — что моему хозяину эта тропическая авантюра уже надоела. Она истощает наши силы, сводит на нет преимущества новых технологий, которые принес Хранитель, производственную базу ослабляет в Восточном Доме. И надо эти глупости прекратить *немедленно*!

— Хм. Надеюсь, ваш начальник моему такого не высказывал с такой страстью. Магнат не очень хорошо реагирует… когда им пытаются командовать.

— Ну, не беспокойтесь. Хранитель — дипломат куда лучше меня. А я простой работяга — как, впрочем, и вы — и честно высказываю свое мнение.

Ремасритлфеер сам не очень был дипломат, но вполне мог понять, когда его прощупывают. И чуть не выдал этому шестерному кретину, куда он может засунуть своего Хранителя с его хитрыми планами.

Нет. Спокойствие.

Минуту помолчав, Читиратифор сменил тему:

— Говорящие каракатицы почти спустились к земле.

— Ага.

А каракатицы в чане тоже верещали, проявляя интерес. Очевидно, слышали снизу своих собратьев.

— Ваш начальник говорил моему, что это будет определяющее испытание. Если не выйдет, все возвращаемся домой. Я это расценил бы как очень хорошие новости — но все же кто, кроме сумасшедшего, будет ставить на имитирующих речь каракатиц?

Вопрос выглядел вполне резонным, но, к сожалению, у Ремасритлфеера не было ответа, при котором Магнат не выглядел бы полным идиотом.

— Ну, на самом деле это не настоящие каракатицы.

— А выглядят отлично. Обожаю каракатиц.

— Попробовали бы вы их воду на вкус, были бы другого мнения. Мясо практически несъедобно.

Ремасритлфеер никогда не ел этих извивающихся созданий, но стаи Южных Морей, рыбачащие на атоллах дальнего запада, о разумности и о мерзком вкусе этих тварей узнали примерно в одно и то же время. И любовь Магната к фантастическим слухам послала Ремасритлфеера через полмира на эти острова — поговорить с тузем-

цами и привезти домой колонию этих странных животных. То, что сперва представлялось таким же абсурдным приключением, как теперешнее, оказалось самым интересным событием за всю жизнь Ремасритлфеера.

— И эти создания действительно умеют говорить.

— Несут такую же чушь, как любой синглет.

— Нет, они умнее. — *Может быть*. — Они настолько разумны, что Магнат решил провести вот этот эксперимент.

— Осуществляя свой тайный план, ага. Мне плевать, в чем он состоит, лишь бы сегодняшняя попытка была последней…

Читиратифор на секунду замолчал — глядел, как корзина обмена проходит последние футы, спускаясь к слякотной земле. На нее смотрели — внимательно. На краях открытого места, где кружились и вихрились несметные толпы, головы поворачивались, тысячи глаз следили за «Морским бризом» и спускаемым с него грузом. Декады опасных полетов шара — и множество дорогих безделушек — потребовались, чтобы организовать для этих обменов площадку и кое-как соблюдаемые правила.

— Послушайте, расскажите мне! — Читирати-

фор не устоял перед любопытством. — Что, во имя неба, делаете вы с этими каракатицами?

— Блестящий план моего босса? — Ремасритлфеер не допустил в голосе ни малейшей тени сомнения или сарказма. — Скажите мне, Читиратифор, вы понимаете, где мы?

Читиратифор ответил шипением:

— Мы застряли прямо над сердцевиной самого, прах его побери, большого Хора в мире!

— Именно так. Ни один исследователь так близко не мог подобраться. Флот Магната стоит на якоре в двух тысячах футов от берега. И ближе никто никогда не подходил. Сами знаете, сколько путешественников пытались добраться до сердца тропиков по суше или по воде Шкуры. Их ждали болезни и жуткие звери, но это можно пережить. Я, например, выжил. Но все, кто уходил дальше на юг, исчезали или возвращались частями, почти безумные, и передавали истории, которые сложились в легенду о тропиках. И вот сейчас мы с вами оба здесь, всего в тысяче футов над центром всего этого.

— И к чему вы ведете?

Читиратифор попытался произнести эти слова высокомерно и нетерпеливо, но голос у него дрогнул. Может быть, наконец-то он как следует

рассмотрел тварей внизу, непрестанное бурление толпы вокруг поляны. Если учесть жару, неудивительно, что создания эти украшали только случайные безделушки да пятна краски. Но даже не в одежде дело: почти никого из них нельзя было бы принять за жителя севера. Шерсть у тропиканцев была редкая, у некоторых на лапах меховые оторочки, но бока и животы почти голые. И было их столько, что даже сюда, наверх доносились мыслезвуки. Огромный Хор — вот что, пожалуй, больше всего выбивало здесь из колеи и вгоняло Читиратифора в состояние, близкое к панике.

Сейчас почти все взгляды Ремасритлфеера были направлены на корзинку обмена. По протоколу эти трое Стальных Когтей не должны ее трогать, пока не ослабнет веревка, но он был готов ко всему. Приостановив спуск, Ремасритлфеер очень внимательно переглянулся с двумя головами, выглядывающими с противоположных сторон гондолы. Корзина на высоте двадцати футов. И время приземляться, а потом… он понятия не имел, что случится потом.

— К чему я веду? Ну, вот вы можете себе представить, каково было бы там внизу, на земле?

— Безумие, — сказал Читиратифор, и было

трудно понять, это его ответ или его реакция на вопрос. А потом он спросил: — Когерентная стая там, внизу, окруженная миллионами Хора? Разум распадется в секунду. Как кусок угля бросить в котел расплавленного чугуна.

— Да, таков был бы результат, если бы бросили в Хор вас или меня. Но в результате прошлых обменов мы получили там, внизу, расчищенное место. Там их всего трое, и они держат веревку. Ближайшие элементы толпы не ближе тридцати футов. Ситуация была бы неуютной, и вам пришлось бы сбиться в кучу, не давая разуму рассыпаться, но выжить внизу стая смогла бы.

Читиратифор испустил недоверчивый звук, переходящий в тон страха.

— Мыслезвук давит со всех сторон. Эта поляна — крохотный пузырь рассудка в сердцевине ада. Хор не выносит чуждых элементов. Окажись я на земле — эта благословенная полянка тут же исчезнет.

— Но наверняка этого никто не знает? Если у Магната получится спустить стаи на землю так, чтобы им не грозила опасность, торговля пойдет куда быстрее.

— Теория, которую легко проверить. Высадите стаю… — Читиратифор замолчал, выбирая слова

поаккуратнее, — какого-нибудь приговоренного преступника и предложите ему свободу, если он только спустится на эту полянку и поболтает с этими милыми созданиями.

— К сожалению, у нас нет сейчас приговоренных преступников. Магнат считает, что говорящая каракатица — наиболее удачный из оставшихся вариантов.

Эти рассуждения не казались убедительными и самому Ремасритлфееру. Таков Магнат: идей у него море, но обычно они абсурдны. Единственные, кого смог на это уговорить Магнат, были сами каракатицы, готовые бесконечно разговаривать с новыми незнакомцами. Совершенно непонятно, как подобные создания могли выжить. Одной невкусности для этого недостаточно.

Читиратифор заставил себя рассмеяться:

— Это и есть то блестящее решение, за которым гонялся Магнат? И вы честно доложите, как все будет?

Ремасритлфеер сделал вид, что не заметил снисходительного тона.

— Конечно.

— Ну, тогда опускаем каракатиц! — гулко засмеялся Читиратифор.

Ну, маленькие друзья, удачи вам.

С высоты тысячи футов пройти последние — хитрая штука, но Ремасритлфеер достаточно долго тренировался. Этим ребяткам не помешает мыслезвук Хора — разумы каракатиц молчат как мертвые. Основной вопрос другой: как отреагирует сам Хор на присутствие говорящих существ, к нему не принадлежащих? Часть Ремасритлфеера, наблюдающая за краями поляны, видела какое-то непонятное напряжение, передающееся по толпе. Он и раньше уже такое видал. Хор не является когерентным разумом, и все же некоторые его части думают друг другу, и эти мыслезвуки расходятся на сотни футов, создавая рисунок внимания такой широкий, какой вряд ли где увидишь, кроме как в линиях часовых.

— Мыслезвук Хора, — донесся голос Читиратифора, исполненный благоговейного ужаса. — И он все громче!

Читиратифор в страхе кружился на пассажирской платформе. Вся гондола из-за него плясала и подпрыгивала.

— Соберитесь! — прошипел Ремасритлфеер.

Но на самом деле мыслезвук Хора действительно казался громче — смесь похоти и ярости, радости и пристального интереса, захлестываю-

щее безумие. Если все эти Стальные Когти там, внизу, способны думать совместно… они, быть может, и сфокусироваться могут на такую высоту. И уничтожить всех на борту «Морского бриза».

Но тут он заметил, что хотя мыслезвуки стали громче и более едиными, поменялось и еще что-то. Исчезли почти все звуки низкой частоты. Ушли стоны и обрывки межстайной речи, бесконечно вскипающие над толпой. На низких частотах стало так тихо, что слышно было, как вздыхает Шкура, обтекая глинистые мели и заросшие деревьями дельты.

И даже каракатицы — и те, что в котле, и те, что в корзине, прекратили журчащую болтовню. Как будто весь мир замолк в желании смотреть и видеть, что сейчас будет.

Широко расставленные глаза Ремасритлфеера доложили ему, что корзина должна уже быть на земле. И в тот же миг шнур, который он вытравливал, ослаб в челюстях. Есть, посадка!

И ясно, как колокольчики, слышны были звонкие голоса каракатиц на месте посадки. Они выдавали именно тоны продажи, которые разработал для них Магнат. Именно то самое, что сказал бы сам Ремасритлфеер, если бы у него хватило храбрости приземлиться в середине

этого ада (хотя Ремасритлфеер говорил бы одним голосом, а не дюжиной, как маленькие морские твари).

Трое дежурных возле корзины не выдали немедленной реакции, и на низких частотах продолжалось то же жуткое молчание. Потом взметнулся мыслезвук, от которого чуть не застыли сердца Ремасритлфеера. Гнев звучал так громко, будто исходил из его собственного разума. Мириады шелудивых тел со всех сторон сломали хрупкий протокол, который Ремасритлфеер так долго выстраивал, бросились все дружно на корзину обмена.

От хлестнувшего гнева разум Ремасритлфеера онемел, но он видел и запомнил, что было потом: толпа бросилась вперед чудовищной волной, слоем от пяти до десяти тел. Они перли со всех сторон, и открытое пространство исчезло за две секунды. Где-то внизу в этой толпе лежала и корзина. Вопили мириады голосов, нападавшие громоздились кучей, и почти минуту держалась горячка безумия. Потом толпа отхлынула, оставив нечто вроде согласованного открытого пространства. Каким-то чудом причальный канат «Морского бриза» остался на месте, но корзину размолотили в щепки.

— Что случилось? Где они? Что случилось? — зазвучали голоса оставшихся каракатиц в деревянном чане.

— Я… извините, ребята.

Торговая площадка восстановилась почти полностью. Те, кто еще оставался, хромали прочь к своим товарищам. И ни следа каракатиц не было видно во взбаламученной грязи.

Читиратифор удовлетворенно вздохнул:

— Превосходный эксперимент. В точности как я и предсказывал. В общем, самое время обрезать причальный конец и убираться прочь от этого сумасшествия.

* * *

Четырьмя часами позже Ремасритлфеер, уцелевшие каракатицы и Читиратифор вернулись на пароход Магната. Три из этих четырех часов ушли на борьбу с таким штормом, какого Ремасритлфееру не доводилось еще видеть. И даже сейчас ветер полосовал палубу «Стаи Стай» так, что убрать шар было почти невозможно. *Черт возьми, лучше бы причальная команда обрезала его к чертям, пока оставшийся газ молнией не подожгло.*

Ремасритлфеер опустил головы, толкая чан по

палубе в укрытие. Дождь его промочил насквозь. Поразительно, что он еще сохранил возможность думать.

А каракатицы всё жаловались:

— Ну почему, почему, почему ты нам не дал опять попробовать? Попробовать?

— Заткнитесь вы! — прошипел Ремасритлфеер.

В приказах Магната были оговорены многократные попытки. До прихода шторма Ремасритлфеер, по крайней мере четыре его составные части (у пятой были к каракатицам какие-то странные материнские чувства) готовы были пожертвовать и остальными этими маньяками-самоубийцами. Но из-за шторма и скепсиса Читиратифора не все было сделано в согласии с планами Магната. Ранний отлет, вероятно, спас им всем жизнь.

Он привязал чан и насыпал в воду корма. У него за спинами почти весь Читиратифор сгрудился у релинга, блюя в воду. Далеко за завесой дождя виднелись темной тенью болотистые берега. За последние несколько декад Ремасритлфеер достиг большего, чем любой исследователь за всю историю тропиков, но сейчас он понимал, что никогда не будет стоять там на твердой земле. И

ни одна стая не сможет этого сделать и вернуться, чтобы рассказать.

Ремасритлфеер встряхнулся. Сейчас помыться и высушиться. А потом самая трудная на сегодня работа: убедить Магната, что как бы ни был велик рынок, как бы ни было сильно желание, все же бывают мечты, которым просто *не суждено* сбыться.

Через десять лет после битвы на Холме Звездолета
Глава 05

Домен Резчицы протянулся вдоль северо-западного берега континента. Северная часть домена — земли вокруг Холма Звездолета были завоеваны вместе с империей Свежевателя. Они располагались в двухстах километрах к северу от полярного круга. Мир Стальных Когтей отличался мягкостью климата и красотой, очень напоминая Старую землю первой цивилизации человечества. Конечно, «мягкость климата и красота» — понятия относительные. Арктическая зима, даже на побережье с его согревающими океанскими течениями, — штука страшная. Острова скрываются подо льдом, наметает сугробы снега, ночь тянется бесконечно и обычно такая бурная, что и звезд не видно.

Зато лето… Равна Бергсндот даже не представляла себе, что в природе бывает такой контраст. Снег почти полностью сходил, оставаясь лишь на высоких вершинах и на ледниках. В этом году весенние дожди шли обильно, и яркая зелень

брызнула по лесам и пустошам, по крестьянским полям, по всему миру ниже линии деревьев. А сегодня стало еще красивее. Дожди кончились, небо очистилось, только несколько пушистых тучек висели над морскими островами. Здесь, в ясный летний день, солнце не заходило круглые сутки. В полдень оно залезало почти до половины неба, да и все остальное время казалось бесконечным полднем.

И было тепло! И даже *жарко*!

Равне и Джоанне повезло выбрать именно этот день для посещения рынков на южной стороне Скрытого острова. На фуникулере они спустились с Холма Звездолета и потом на пароме переплыли полуторакилометровый внутренний пролив, отделяющий столицу прежнего Свежевателя от материка. Сейчас они спускались по широким мощеным улицам, радуясь солнцу, теплу и свету.

Почти все городские стаи выходили без курток и штанов. Рабочая команда из трех стай выстроилась по одной стороне улицы, прокладывая дренаж. На такой простой работе, как копка канавы, три стаи могли работать совместно с некоторой надстайной координацией, и землю поддевали лопатами и перегружали в ведра с идеальной синхронностью.

Это уже не были рабы времен Свежевателя и Булата. Когда Равна и Джоанна проходили мимо, сверхстая вроде бы их заметила и на момент восстановила свои три когерентных личности, выкрикивая приветствия человеческими голосами. Равна узнала ту стаю, что в середине, — планировщик города у Свежевателя-Тиратект.

Джоанна поболтала с двумя, которые не очень хорошо говорили по-самнорски. Равна перебросилась словами с планировщиком города, узнала, зачем вообще ведется этот ремонт, ответила на вопрос стаи об инструментах, которые уже больше года обещали.

— У нас, естественно, перебои с поставками энергии. Но вы их получите вовремя, чтобы со снегом разгребаться.

И люди пошли дальше, к самой высокой улице Скрытого острова.

— Джоанна, а ведь сегодня, пожалуй, самый погожий день за все время, что мы здесь.

За линией крыш высоко поднимались внутренние холмы острова. Новый замок на Холме Звездолета, казалось, будто вышел из волшебной сказки, и крутые склоны, уходящие вниз от замка, корпус «Внеполосного» сверкали яркой зеленью.

Младшая улыбнулась:

— Да, такого точно не бывало.

Мимо в обе стороны проходили стаи, стараясь как можно дальше держаться друг от друга. Фургонам и керхогам сюда въезд был запрещен, и места для стай как раз хватало. Даже люди кое-где были видны впереди — старшие из беженцев-Детей, теперь выросшие и работающие на местных предприятиях. На миг Равна едва не представила себе…

— Это почти как где-нибудь в цивилизации.

Джоанна продолжала улыбаться, но с несколько озадаченным видом.

— В Верхней Лаборатории ничего такого не было.

Насколько было известно Равне, Верхняя Лаборатория представляла собой сеть бараков на безвоздушной планете красного карлика.

— А до того, — продолжала Джоанна, — до того мы жили в основном на Страуме. Города и парки. А тут? Я к здешним местам привыкла больше, чем к другим каким-нибудь, но чем они тебе напомнили о цивилизации?

У Равны о цивилизации Страума было свое мнение — и десять лет практики удерживать это мнение при себе. Поэтому она сказала только одно:

— Есть различие в деталях, но сходство в главном: здесь и люди, и инопланетяне, что за пределами цивилизации случается редко. Улицы здесь чистые и достаточно широкие. Я знаю, что стаям нужно дополнительное пространство, но… тут почти что исторический городской парк на какой-нибудь планете с многообразным населением. Можно сделать вид, что технологию просто не выставляют напоказ — вроде как держат в тех лавочках, по которым мы сегодня собираемся пройтись. Такое место вполне может быть на Сьяндре Кей — приманка для радостных туристов.

— Тогда меня устраивает, потому что я приехала искать подарок на день рождения!

Равна кивнула:

— Значит, у нас есть для этой поездки конструктивная цель.

Дети серьезно относились к своим «дням рождения». Как бы ни были спорны календарные даты, это был мост, соединяющий с прошлым. Равна спросила, подумав:

— А у кого это день рождения?

— А как ты думаешь?

Что-то было в облике Джо такое, что ответ делало очевидным.

— Невил?

— Ага. Сегодня его нет в городе — изучает возможности торговли в Восточной Долине. С людьми он отлично умеет ладить, не сомневаюсь, что не хуже поладит со стаями. В любом случае есть возможность раздобыть ему подарок, о котором он даже знать не будет.

Равна засмеялась. Ей столько терпения понадобилось на этих двоих, но вот Джо уже двадцать четыре, а Невилу как раз исполняется двадцать шесть. Среди старших детей это была самая идеальная пара.

— А что ты собираешься ему найти?

— Что-нибудь великолепное и очаровательное, конечно же.

У Джоанны были некоторые мысли. Оказалось, что она чаще здесь бывает, чем Равна, и допрашивала и Резчицу, и Странника о вещах, которые можно было бы вывозить из этой части планеты. Скрытый Остров не стал столицей Империи, как планировал прежний Свежеватель, но оказался сердцем Домена Резчицы — и на этой стороне Длинных Озер именно сюда надо было приходить за всякой экзотикой.

Так что они вдвоем заходили в одну лавку за другой, прошлись по летним рынкам, располо-

женным на мощеных площадях. У Джоанны был список — не только от Резчицы и Странника, но еще от ее подруг Рейны и Гиске — обе уже замужем, — и от самого Невила. Джоанна купила какую-то мозаичную ткань с пейзажами — как их видел бы каждый из элементов ее носителя.

— Не очень человеческое, — заметила Равна.

— Да, но Невилу нравится мазня пуантилистов. А мне напоминает протоцифровую живопись.

В другой лавке они рассматривали полудрагоценные камни в оправе из золота и бронзы. Равна, теоретически говоря, была царственной особой, но никаких бесплатных подарков ей не предлагали — даже не было просьб об «официальной поддержке» со стороны соправительницы Домена. Для средневекового правителя Резчица была очень передовым государственным деятелем.

— Можно сделать что-нибудь на заказ, вот даже из этой мозаичной материи.

— Ага, — согласилась Джоанна, и они свернули в Крошечный переулок, в глубине которого разместилась мастерская «Ларсндот, Иглз и К°».

К двухэтажному зданию пристроили летнюю веранду — навес на столбах. Венда Ларсндот-младшая стояла на коленях возле клиента, закалывая бархат вокруг его новых щенков.

— Привет, Джоанна, привет, Равна! — Семилетняя девочка просто просияла, но не поднялась. — Не могу сейчас разговаривать, эти надсмотрщики над рабами мне разогнуться не позволяют.

И она что-то чирикнула покупателю — что-то обнадеживающее.

— Но завтра ты в школу придешь? — спросила Равна.

Девочка — старшая во втором поколении — закатила глаза к небу:

— Конечно, конечно. Это у меня будет выходной. Мне шить нравится больше, чем мультики делать. Папа вон там, а мама в мастерской.

Это и были Бен и Венда Ларсндот, главные надсмотрщики Венды-младшей.

Бен был занят еще сильнее дочери. Народу было битком — для стай, — и наверняка от шума разум должен был глохнуть. Может, в такие погожие дни разыгрывается покупательская горячка?

Равна с Джоанной помахали Бену и пошли в мастерскую. У «Ларсндота, Иглза и К°» работниками были стаи. «Иглз» — это была в основном молодая стая-шестерка, изначально бывшая владельцем заведения. Иглз от партнерства выиграл, потому что профессия закройщика — одна из «проблематичных». Столь близко находиться к другой

стае — это вызывает оцепенение ума, и потому есть всего несколько вещей, которые стаи могут делать в такой близости: драться, заниматься любовью и просто балдеть. Люди же для работы вблизи просто идеальны. Каждый человек не глупее стаи, и каждый может осмысленно работать даже вплотную к клиенту. Идеальная комбинация — хотя Равна опасалась, что Ларсндоты слишком далеко зашли. Встроиться в систему, стать нужными местному населению — это было невероятно важно. Но все-таки люди должны строить техническую цивилизацию, а не снимать мерки и подгонять ткань.

Сегодня дела было больше, чем могли переделать люди. И три закройщика из Стальных Когтей сидели на платформах с толстой мягкой обивкой. На полу перед каждым клиентом находился одиночный элемент закройщика, изо всех сил подгоняющий одежду. Для человеческих глаз процесс был комичен. Отделенные элементы были одеты в просторную форму, в пасти держали иглы в больших рукоятях, а портновские мерные ленты висели у них на шеях. Они не были совсем умалишенными — остальная часть стаи сидела на платформах, глядя вниз, и старалась поддерживать контакт, не оглупляя покупателя.

У элементов на полу была большая практика и существенное руководство сверху, но в способности к тонкой работе они лишь немного превосходили собак. Губы и челюсти могли давать сжатие, как пара слабых пальцев. Лапы у них тоже были неуклюжие, хотя часто на них надевали инструменты или металлические когти — с чем и было связано человеческое название местной расы.

У этих портных опыта хватало. Те части, что стояли внизу, умели снять с себя мерную ленту, умели передать ее клиенту. Следуя указаниям закройщика с платформы, клиент — если не слишком терял разум от пребывания среди себя чужака, — мог нормально держать ленту, пока портной его измерял. В иных случаях клиент придерживал ткань, а отделенный элемент портного брал булавку в зубы и аккуратно прикалывал.

Равна и Джоанна прошли через старую секцию дома, которую строили, *не думая* о людях. Пришлось наклоняться, чтобы не зацепить потолок, и неловко пробираться по короткому коридору в портняжную. Внутри в местном доме запах стай становился невыносимым. Равне в Верхнем Крае приходилось контактировать со многими расами, но всегда при хорошей вентиляции. Здесь

таких удобств не было.

Впереди слышался смех Венды-старшей. Она в основном и вела дело, если не считать бухгалтерии. Как и большинство беженцев, она не очень хорошо владела устным счетом.

— Джоанна, Равна, привет!

Венда стояла возле рабочего стола — они выстроились в линию под высокими окнами дымчатого стекла, освещенные солнцем. В фирме «Ларнсдот, Иглз и К°» было три швеи, и сейчас все три были заняты. Венда сновала среди них, поправляя мерки, подавая новые штуки ткани, в том числе и драгоценного плетения «Внеполосного» — последний результат системы реализации графики.

Силка, младшая дочь Венды, сидела рядом с ней на столе, явно «помогая надзирать».

— Привет, Венда! Мне как раз нужен совет. — Джоанна положила мозаичную материю на смотровой стол. — Я хочу что-нибудь сделать для Невила, на его день рождения. Смотри, не слишком глупо смотреться будет на человеке?

— Силка, побудь пока здесь.

Как ни удивительно, трехлетняя девочка послушалась. Она глаз не могла оторвать от действий шьющей стаи.

Венда подошла к столу, боком протиснувшись между тяжелыми деревянными табуретами. Она уважительно кивнула Равне, потом подняла образец ткани, повертела в солнечных лучах.

— Да, это настоящий товар с нижнего берега, правда, Джоанна?

Они стали обсуждать ткань. Венде, когда детей отправили из Верхней Лаборатории, было шестнадцать, и она проснулась одной из первых. Получалось, что она старше всех беженцев, ровесница Невила Сторхерте. То есть ей было двадцать шесть. Лицо и голос у нее были довольные, но в волосах виднелась седина, на лице — признаки старения. Равна с самого начала изгнания читала человеческую историю как одержимая. В естественном состоянии без лечения человек начинал увядать немедленно, как только наступало взросление. Венда никогда не жаловалась, но тяжелее других — и уж точно тяжелее мальчиков ее возраста — несла бремя жизни Здесь. При этом она еще была счастливее многих других. Будучи достаточно взрослой перед бегством, она почти закончила обычный курс продления жизни. Ее возрастная группа продержится пару сотен лет.

Самые младшие ребята — и уж новое поколение точно — этого курса даже не начинали. Они

будут стареть быстро и едва ли проживут хотя бы сто лет. *Может быть, не доживут и до новых технологий, которые могли бы их спасти.* В этом случае их единственной надеждой могло быть возвращение в гибернацию.

Один из закройщиков подошел и встал вокруг стола. Четверо его взобрались на табуретки, наклонились рассмотреть ткань со всех сторон. Стая эта была пятеркой, в основном старой. По-самнорски он кое-что понимал, но говорил на межстайном, аккуратно выбирая слова. Для Равны эти звуки были едва лишь членораздельны, но было понятно, что портному приятно поболтать с Джоанной. Этот портной был ветераном долгого перехода Резчицы к побережью и Битвы на Холме Звездолета. У Джоанны было больше знакомых стай, чем у всех, кого знала Равна, и она среди них считалась выдающимся героем. Может, поэтому Резчица простила Джо, когда та во втором году впала в безумие.

В конце разговора Джоанна, Венда и стая-портной сообразили причудливый фасон накидки и штанов, который, как уверяла Венда, удовлетворит и моду, и Невила. Лучшего свидетельства отсутствия универсальной эстетики Равна не видела никогда.

— А эти пряжки я тебе принесу, — закончила Джоанна.

— Отлично, отлично, — закивала Венда. — Но важнее всего мне сейчас знать мерки Невила.

— Ладно, сниму их. Но понимаешь, это сюрприз. Он знает, что будем праздновать, но…

— Ага. А если снять мерки, он наверняка догадается.

— Найду способ.

И Венда вместе с Джоанной засмеялись.

Джоанна продолжала смеяться и на улице.

— Нет, Равна, честно, никакого второго смысла.

Но, даже перестав смеяться, она улыбалась как сумасшедшая.

День тянулся вечно. Тени поворачивались, поворачивались, но даже не удлинялись к закату. Равна и Джоанна остановились пару раз возле среброкузнецов, но Джоанна хотела чего-то неповторимого. Сейчас они находились у северного конца верхней улицы. Лабиринт торговых палаток стоял настолько тесно, насколько могли выдержать стаи, не больше нескольких метров друг от друга.

— Похоже, иностранцев больше обычного? — отметила Равна.

Это лишь отчасти был вопрос. Стаи Восточного Дома можно было узнать по забавным красным курткам. Другие отличались рассеянными позами или скандальным заигрыванием. Объяснение всех деталей — еще одна причина, по которым Равна любила гулять с Джоанной Олсндот.

Сегодня Джоанна не была таким уж идеальным экскурсоводом.

— Я… да, я думаю, ты права. — Она оглядела хаос палаток. — Не обратила внимания. — Увидев улыбку на лице Равны, она спросила: — А что?

— Знаешь, сегодня ты останавливалась поболтать лишь с каждой четвертой стаей, которая нам встречалась.

— Ну, так я же всех не знаю… постой, ты правда думаешь, что сегодня я не отвечала своему обычному социальному стандарту? Ну, не знаю. — Они прошли еще несколько шагов в сторону от палаток. Когда Джоанна снова посмотрела на Равну, на лице у девушки все еще была улыбка, но к ней примешивалось некоторое удивление. — А знаешь, ты права. Я не чувствую теперь того, что чувствовала раньше. Странно это. Ну, вся наша жизнь. Так все трудно и так долго.

Когда Равну Бергсндот одолевала жалость к себе, она пыталась представить, каково живется

Джоанне и ее маленькому братцу. Как все Дети, эти двое были сиротами, но их родители пролетели весь путь до приземления на планете. Их убили на глазах у Джоанны, а потом на ее же глазах перебили половину ее одноклассников. К тринадцати годам она прожила год под открытым небом, зачастую среди друзей, иногда среди них бывали предатели. Но она и ее младший брат руководили «Внеполосным» в битве на Холме Звездолета.

Некоторые из Детей восприняли местную жизнь со слишком большой готовностью, забывая цивилизацию. Другие никак не могли привыкнуть к своему падению с Неба. А вот такие, как Джо, внушали Равне веру, что они — если дать им время — сумеют преодолеть суровую судьбу.

Купеческие лавки остались позади, и они шли теперь через ту часть города, где в последние годы поставили общественные здания. Джоанна будто не замечала ничего, была где-то далеко и улыбалась этой блуждающей улыбкой.

— Сперва туго пришлось, а потом мы разоблачили Хранителя и победили властителя Булата. А с тех пор… — В голосе ее зазвучало удивление. — В общем, отличное время идет. Столько надо

сделать! И Фрагментарий, и Академия Детей, и…

— Ты вся погрузилась в создание нового мира, — подсказала Равна.

— Я знаю. Но сейчас все даже еще лучше. С тех пор как мы начали встречаться с Невилом, жить стало куда веселее. Меня заинтересовали личности *человеческого* типа. Мы с Невилом стали… ближе друг другу. И я хочу, чтобы этот его день рождения был особенным.

Ха!

Равна протянула руку, тронула Джоанну за плечо.

— Так что когда…

Джоанна засмеялась:

— Ах, Невил такой традиционалист! Я всерьез думаю, что он ждет от меня предложения. — Она посмотрела на Равну, улыбаясь теперь и весело, и хитро. — Смешно сказать, но как раз после этого дня рождения я именно так и поступлю!

— Так это ж чудесно! Ох, какая будет свадьба! — Они остановились, радостно улыбаясь друг другу. — Уж не сомневайся, что Резчица придумает новые церемонии.

— Ага, она мою репутацию использует немилосердно.

— Ну и отлично. Это на самом деле значит для

нас даже больше, чем для Стальных Когтей. Вы с Невилом очень популярны — он среди Детей, ты среди них. Может быть…

Может быть, сейчас как раз время.

— Что может быть?

Равна вытащила Джо на середину улицы — ей не хотелось, чтобы к ним принюхивались проходящие стаи.

— Да просто мне жуть до чего надоело быть королевой-соправительницей.

— Равна! Это же так полезно было все эти десять лет! И Резчица сама это предложила. В истории этого мира есть прецеденты, и в нашей тоже.

— Да, — согласилась Равна. — На Ньоре.

В Век Принцесс была старшая принцесса и младшая, Теки. Сам Век Принцесс повторялся в истории любой известной человеческой цивилизации — в той, в частности, которая породила и Сьяндру Кей, откуда родом Равна, и царство Страум, родину Джоанны.

Страумцы не очень любят оглядываться назад, но Равна им рассказала о Веке Принцесс. В Академии она с помощью этой истории строила мост между людьми и Доменом.

— Ты должна радоваться, что ты соправительница, Равна. Ручаюсь, что ты играла в королеву,

когда была ребенком.

Равна замялась — как-то неловко было признаваться.

— Да, наверное. Я поняла, что реальность… обескураживает, и для начала мне было необходимо стать равной королеве. Но сейчас вы, ребята, уже твердо встали на ноги. А мне нужно сосредоточиться на внешних срочных делах. У нас всего несколько столетий до того, как в город ворвутся по-настоящему плохие парни.

Равна не рассказывала детям о своем сумасшедшем сне или о глюке зонографа. Повторений не случалось, а данные были весьма ненадежные. Но она стала работать изо всех сил и так же изо всех сил старалась не выглядеть сумасшедшей.

Равна отвернулась от Джоанны. Несколько шагов она смотрела только под ноги, аккуратно ступая по булыжникам.

— А может быть, и того меньше. У флота Погибели не осталось работающих рамскупов, но наверняка они могут несколько килограммов разогнать до субсветовой. Может, у них сохранилась и связь с богом, может, они даже нашли способ прикнопить нас на световой скорости. И я все время должна сейчас посвятить тому, чтобы мы были готовы их встретить.

Джоанна не ответила. Равна еще несколько шагов помолчала, потом повторила главное:

— То есть я должна больше времени проводить на «Внеполосном». В конце концов, я библиотекарь, и в такой ситуации, как сейчас, любое отклонение от этой работы будет пустой тратой сил. И лучше всего будет, если соправителями у Резчицы будете вы с Невилом.

Пораженная Джоанна уставилась на Равну:

— Ты с ума сошла?

Равна улыбнулась:

— В этом в разное время обвиняли нас обеих.

— Ха! — возразила Джоанна и обняла Равну за плечи. — Если мы обе и спятили, то очень по-разному. Равна, ты нам *нужна*…

— Знаю. Я мать-вожатая ячейки скаутов, оставшейся от всего человечества.

Эта старая и капризная жалоба должна была бы вызвать у Джоанны улыбку, но девушка осталась серьезна до свирепости.

— Равна, ты мать всех нас, кто остался здесь. Десять лет назад мы были несмышленышами, а для стай — диковинными животными. Ты нас удержала всех вместе и была нам матерью — иначе бы большинство из нас умерли бы в спячке, а немногие выжившие одичали бы в здешней

глуши!

— Я… ну ладно. — *Надо перегруппироваться.* — Я делала то, что надо было сделать. Сейчас мы должны подготовиться к будущему. Я единственная из всех нас, кто обучен работать с системами планирования «Внеполосного». Вот почему мне сейчас нужно посвятить этому все время. Руководить должны вы с Невилом. Я же не руководитель, а *библиотекарь*.

— Ты и то и другое. Именно библиотекари и археологи всегда возвращали утраченную цивилизацию.

— Тут другое. Ни в каких развалинах ничего искать не надо — все ответы есть на «Внеполосном». — Равна указала в сторону холма. — Вначале я вам была нужна, но теперь Дети вроде тебя стали взрослыми. От меня более чем когда-либо нужно техническое планирование, но быть руководителем… я просто устала.

— Твои решения популярны, Равна.

— Некоторые. Другие нет, или непопулярны вначале — год или два. А то и пять — десять.

А некоторые могут быть неверны столетиями — а потом внезапно и страшно стать *верными*.

— Я не понимала, что тебе так… одиноко. У нас всех есть ты, и я думала, что ты чувствуешь то же

самое. — Джоанна посмотрела на сумки с образцами тканей и подарочными безделушками, тихо засмеялась. — Ладно, сменим тему. Я невероятно счастлива с Невилом. От него жизнь светлее стала. И я просто не думала, как было бы без этого, в одиночестве. Ты часто вспоминаешь Фама?

— Иногда. — *Всегда*. — У нас было что-то хорошее, но слишком много было другого с ним связано. Сила, которая им владела, внушала страх.

— Ага. — Джоанна познакомилась с Фамом Нювеном как раз перед концом и видела, насколько страшным может быть страшное. — Нас тут сто пятьдесят, Равна. Мы все тебя любим — по крайней мере почти всегда. Ты думала когда-нибудь, что теперь, когда нас много, может найтись кто-то один, с кем… с кем ты могла бы быть вместе?

Впереди шла небольшая группа Детей возраста Джоанны и постарше. Шли в ближайший паб. Равна мотнула головой в их сторону:

— Ты серьезно?

Девушка смущенно улыбнулась:

— Ну вот смотри, я же кого-то нашла? Я только говорю, что ты о нас думаешь как о детях. Думаешь… ну, ты и правда проживешь дольше любого из нас.

— Не говори так. Вы теперь стареете, но это только пока. Когда-нибудь у нас появятся ресурсы, чтобы восстановить достойную медицину. Сегодняшняя ситуация — временная.

— Верно. И если ты нас поведешь, мы эту технологию обретем в конце концов. И тогда нас будут десятки тысяч. И если уж в этой куче ты не отыщешь Того, Кто Нужен, то причину надо будет искать в тебе.

— Да, ты права, наверное.

— Конечно, права! Ты только не забывай, насколько мы тебе благодарны, даже когда протестуем. А мы с Невилом постараемся тебя поддержать.

— Я не против протестов, я даже за.

— Ты меня поняла. Для таких людей, как Венда и Бен, твой голос очень важен.

— Ладно, отложим вопрос про тебя и Невила. Сейчас не будем.

— Ф-фух! — преувеличенно громко вздохнула Джоанна, но Равна видела, что она всерьез. — Да, Равна, и знаешь что? *Пожалуйста*, не говори Невилу про этот разговор. Он сразу бросится что-нибудь делать.

Квартал таверн располагался вблизи центра Скрытого острова, сразу к югу от Старого замка.

На самом деле замок был не такой старый, хотя и старше прибытия Детей лет на пятьдесят. Замок Свежевателя был местом страха, легендой континента. Свежеватель — еще не преобразованный Свежеватель — строил относительно своей расы грандиозные планы. До прибытия людей в этом мире еще даже порох не открыли, а печатный станок был новинкой. А Свежеватель строил одновременно и тоталитарное государство, и нечто вроде научного метода. Ходили слухи, что его чудовищные стаи все еще прячутся в Старом замке. Равна знала, что это неправда, хотя у Свежевателя-Тиратект были свои сторонники, шпионы, дублирующие тайных агентов самой Резчицы.

Солнце ползло к северу, тени протянулись теперь через всю улицу.

Женщины прошли мимо первой из пивнушек.

— Только вчера здесь были, — сказала о ней Джоанна. — Сейчас клиенты — в основном пастухи с материка, празднующие перегон скота.

Впереди были пивные, с большей вероятностью могущие привлечь купцов с Длинных Озер или шпионов из Восточного Дома. Тут полно было сплетен, вопросов и непривычности. Равна заметила эту стаю через улицу: очень похожая на те, что шатались за ними по рынку.

Джоанна перехватила ее взгляд.

— Ты не бойся, это Бородани, из ребят Резчицы. Я его по ушам низкой частоты узнаю. — Она помахала стае рукой и засмеялась. — И ты говоришь, что здесь действительно похоже на город Среднего Края?

— Слегка. Иногда я могла бы обмануть себя на пару минут. На Сьяндре Кей с полдюжины основных рас, хотя ничего похожего на стаи. Мы, люди, всего лишь третья по численности. Но мы популярны. И есть туристские городки, имитирующие старые людские времена, и они привлекают не только людей, но еще по меньшей мере две других расы.

— И там народ прогуливается, да? Мы могли бы почти представить себе, что ищем приключений в каком-нибудь дорогом клубе?

— У вас в Страумском царстве бывала такая романтика?

— Вообще-то да, но я же, сама понимаешь, была скороспелкой-ботаником. А тебе приходилось реально такое испытывать?

— Ну да. Пару раз.

Застенчивой студенткой колледжа, пока не получила диплом и не была направлена в Организацию Врими. А там, во Врими, общение

было исключительно с негуманоидами — по крайней мере до появления Фама.

— Так эти таверны очень похожи на бары, которые были там в цивилизации?

— Гм… не слишком похожи. «Бары» на Сьяндре Кей были переполнены — до «Хора», по меркам стай. Для людей и некоторых других рас это было отчасти связано с ухаживанием, знакомством. А здесь…

— Здесь все друг друга знают с самого раннего детства, и нас тут слишком мало, чтобы заполнить эти пивные. Но все равно забавно себе представить. Вот, например, это заведение.

Это заведение было «Знак богомола». Само слово было написано местными рунами под метровой высоты изображением странного насекомого на двух ногах. Равна никогда не видала настоящего, но слыхала, что эти твари — вездесущее проклятие прибрежных городов. Правда, самые крупные из настоящих богомолов были не больше пяти сантиметров. Где бы ни рассказывали истории о приземлении людей, всегда возникал вопрос, как странно выглядят эти инопланетяне. А поскольку видео не существовало и показать его было невозможно — просто некая стая рассказывала доверчивым слушателям,

тоже стаям, — то людей часто уподобляли «большим-большим богомолам». Сама вывеска «Знака богомола» — деревянная доска — была привезена из бара в Длинных Озерах. И получилось остроумно, потому что именно этот паб стал у людей излюбленным.

Изнутри слышалась музыка.

— Видишь? Точно как ночной клуб в цивилизации? — спросила Джоанна.

Человеческая музыка, человеческие голоса и звучание нескольких инструментов — или одного синтезатора. Внутри не будет ни синтезатора, ни инструментов, ни даже, может быть, поющих людей. Слова — это были какие-то детские стишки, а музыка — не совсем детская мелодия. Все эти звуки вполне могла бы издавать одна стая. Нет сомнения, что она аранжировала нечто, взятое на «Внеполосном». На почве этой планеты людская культура восстанавливалась с нуля, из воспоминаний машины и искажений, внесенных расой средневековых стай.

К входной двери главного зала вели аккуратно выкрашенные деревянные ступени. Джоанна побежала вверх, Равна за ней. Они уже прошли полпути, когда открылась дверь и на верхнюю площадку высыпала группа людей-подростков.

Один из них обернулся обратно к бару, говоря что-то вроде:

— А ты подумай, подумай. Так больше смысла получается, чем…

Равна отодвинулась, пропуская их. Лестница была рассчитана на одну стаю и была лишь чуть пошире одиночного элемента. Ребята Равну не видели, но когда заметили Джоанну, тут же замолчали. Когда они проходили мимо, она услышала слова одного из них:

— Это твоя сестра, Джеф.

Голос Джоанны прозвучал несколько резковато:

— А что это вы тут делаете?

Шедший впереди — по голосу, похоже, Ганнон Йоркенруд — ответил:

— Сообщаем людям правду, юная госпожа.

Да, это был Ганнон. Мальчишка увидел Равну — и ухмылка сползла с лица. Чудо из чудес — он даже *постарался казаться незаметным*! И бочком пробрался мимо, не глядя в глаза.

Трое ребят, идущих за ним, были помоложе: один семнадцати лет, один девятнадцати, и оба из трудных детишек. Они оба притихли, молча прошли мимо и торопливо спустились. И у всех были эти короткие штаны и дурацкие низкие

башмаки, что вошли в моду в начале лета. В дождливый и холодный день должны зябнуть коленки и ноги промокать.

А наверху на лестнице слышался голос Джоанны:

— Так что стряслось, Джефри?

Слова были сказаны без нажима, но Равна отметила, что девушка встала посередине лестницы. А наверху, естественно, находились Джефри и Амди. И человек, и стая были иллюстрацией понятия «неприятный сюрприз». Стая — Амдиранифани — была расстроена серьезнее, и даже Равна это видела. Джефри держался чуть лучше.

— Привет, сестрица, привет, Равна. Давненько не виделись.

Амди спустился по лестнице, ткнулся головой в Джоанну и двумя в Равну.

— Как я рад вас видеть! — сказала стая детским голосом. Амдиранифани был восьмеркой — практически предел численности для ясно мыслящей стаи. Когда Равна впервые его увидела, он состоял из одних щенков. Они были такие маленькие, что половину Амди можно было унести на руках, а другая половина кувыркалась у ног, задавая вопросы и хвастаясь. Они с маленьким Джефри были так близки, что местные их считали одной

стаей и дали им имя Амдиджефри. Но больше их так ни одна стая не звала. Сейчас каждый из элементов Амди вырос в большую особь с несколько избыточным весом. На первый взгляд он физически подавлял. На второй — становилось ясно, что Амди слишком стеснителен, чтобы кого-нибудь запугивать. А на третий — если удавалось его хорошо узнать или он хотел показать себя — становилось понятно, что Амди — пожалуй что самое разумное существо Здесь.

Равна потрепала по голове ближайшего элемента, улыбнулась стае, потом Джефри.

— Да, и я рада вас видеть.

— И как раз вовремя, — вставила Джоанна, не поддаваясь на небрежный тон брата.

Равна махнула ей рукой: «Все в порядке». Цивилизованности у Джефри явно не было в избытке, и Равна не хотела возвращения к его бунтарским годам. Но Джоанна будто не заметила:

— Так что случилось, братец?

Мальчик ответил слегка раздраженно:

— Ты же знаешь, я всю весну был на берегу с группой Мери Лиссндот, разведывая специальные металлы, которые «Внеполосный» считает…

— Знаю, Джеф. И что ты трахал Мери и всех вообще девиц, до которых дотянуться мог. Но ты

уже — сколько как вернулся? И ни слова?

Раздражение проявилось полностью:

— Джо, отстань. Ты не мой владелец.

— Я твоя сестра! Я… — Она от возмущения не находила слов.

Равна заметила, что Амди сжался, отступил, будто пытаясь спрятаться за Джефри. Она лихорадочно думала, как предотвратить грядущую катастрофу. Так хорошо было все у Джефри в последний год. А, вот что.

— Отлично, Джефри. Я видела отчеты экспедиции. Хорошая работа. — *Хотя, может, слишком неуклюже выбран повод.* — Но меня больше интересует, что происходит у этих твоих… — Она махнула рукой в сторону ушедших по лестнице. *Сказать «твоих друзей»? Надеюсь, что нет.* — Что это за «правда», которую говорил Ганнон?

— Да так, ничего.

— Да-да, ничего, — закивал всеми головами Амди.

— Тогда ладно.

Равна пошла по лестнице вверх. Джефри было девятнадцать лет — взрослый человек по меркам и Сьяндры Кей, и Страума. И не важно уже, что Джеф был хорошим мальчиком, добрым и смелым. И не должно быть важно, что в последние

годы он был самым непослушным в прыщавой толпе. Слава богу, что Джоанна показала на него Невилу. Там, где даже Джоанна не могла его уговорить, там ровный и дипломатичный Невил достигал успеха. При некотором везении теперешняя проблема могла оказаться просто временным регрессом.

— Мы просто хотим посмотреть, как там дела у всех, — сказала Равна и махнула в сторону входа за плечами Амди и Джефри. — А мы втроем можем поговорить в любое время, когда захочешь.

Джефри на секунду смешался, но потом ее доброжелательные слова изменили его настроение.

— Да понятно. Давайте поговорим. Все это както — ну, странновато.

Он обернулся и придержал дверь паба для Равны и сестры.

Внутри было *тепло* — напоминание, что даже в летний день в тени бывает холодно. Стоял запах дыма и пряностей и обычный запах тела от стай. Джефри протиснулся мимо Джо и Равны, повел их по низкому узкому коридору, где дым был еще гуще. Стандартам гигиены и противопожарной безопасности еще только предстояло прийти в этот мир.

Равна просто молча шла по коридору, ошелом-

ленная сумасшедшими гравюрами на стенах — представления стай о том, как выглядит жизнь в Крае, — и думая о переменах, которые за какие-то десять лет произошли в ее Детях. Забавно, ей всегда представлялось, что Джоанна высокая, даже когда девочке было всего тринадцать. Но тут дело было в ее личности — она даже сейчас была ростом всего метр семьдесят, едва-едва выше Равны. А Джефри? Он всегда казался маленьким. Но он и был низкорослым, когда приземлился Фам и спас его от властителя Булата. Она помнила, как сиротка тянул к ней ручки. А сейчас видно было, как ему приходится пригибаться, чтобы не зацепить потолок. Если этот парень выпрямится, то метра два в нем будет.

Музыка становилась громче. Мелькал цветной свет — наверное, из этих сумасшедших канделябров на стенах. Джефри шагнул в дверь, Равна, Джоанна и Амди за ним.

В «Богомоле» был сводчатый потолок и обитые войлоком ниши на возвышении вдоль стен. Сегодня клиенты были в основном люди. Две-три стаи на возвышениях, но стая-бармен только одна на весь основной зал. А музыка — что неудивительно — исходила от бармена.

— Так быстро вернулись? — крикнул кто-то

Амди и Джефри, потом увидели Равну и Джоанну. Послышался нервный смех. — Ух ты! Мы тут вели предательские разговоры всего пять минут назад, и вот уже тайная полиция явилась!

— Я их на лестнице встретил, — ответил Джефри.

— Из чего следует, что надо было через *выход* идти, как все порядочные люди.

Это сказала Хейда Ойслер. Она все еще смеялась над своей шуткой про тайную полицию. Некоторых эта шутка покоробила, но уж так всегда было — чувство юмора Хейды бывало ее злейшим врагом. По крайней мере здесь не было замкнутых лиц, которые увидела Равна на лестнице. Хейда подтянула несколько стульев и помахала рукой, приглашая пришедших сесть.

Они сели, и блуждающий элемент бармена уже оказался рядом, принес пиво. Равна посмотрела на сидящих за столом. Десять ребят… нет. Десять взрослых. Джефри и Хейда здесь самые молодые. Но родителей пока среди них нет, хотя есть одна недавно женатая пара.

Джоанна взяла кружку, подняла ее в насмешливом приветствии Хейде:

— Раз тайная полиция прибыла, считайте, что вы на допросе. Какие преступные замыслы

лелеем?

— Да обычные безобразия.

Но тут у Хейды кончились остроумные ответы, и это было удачно: когда Хейду начинало нести, могло стать очень неловко.

Были обычные шуточки для взрослых насчет Тами и Уилма — которые на самом деле оказались, по сути, правдой.

— Да мы тут просто рассуждали насчет «Группы изучения катастрофы».

— Ага.

Джоанна поставила пиво на стол.

— А что это? — спросила Равна. — Звучит жуть до чего официально, а я думала, что в курсе всего «жуть до чего официального».

— Да это только потому… — начала Хейда, но ее перебила, выручив, Эльспа Латтерби:

— Это три громких слова, за которыми приличное умение принимать желаемое за действительное. — Никто ничего не сказал, и Эльспа, пожав плечами, заговорила дальше: — Понимаете, мадам…

— Эльспа, прошу тебя, называй меня Равна.

Вот всегда я это говорю, а некоторые, как Эльспа, всегда забывают.

— Да, прошу прощения, Равна. Так вот, я го-

ворю, что вы со Стальными Когтями сделали все, чтобы заменить нам родителей. Я знаю, как много Резчица и Свежеватель-Тиратект тратили на нашу Академию. И мы изо всех сил стараемся реализоваться — в этом мире. Самые молодые из нас вполне довольны. — У нее на лице мелькнула улыбка. — У моей сестренки есть Бизли и людские товарищи для игр. У нее есть я, и она не очень помнит наших родных. Гери эта планета представляется чудесной.

Равна наклонила голову:

— Все так. Но для старших здешняя жизнь — это эпилог к какому-то холокосту?

Сама Равна часто видела ее именно так.

Эльспа кивнула:

— Наверное, это неправильно, но так многие думают. Не все, конечно. Мы помним родителей и цивилизацию — неудивительно, что некоторым из нас потеря так горька. У катастроф бывает такой эффект, когда никто из живущих за них не отвечает.

Джефри не дал себе труда брать человеческий стул, а сел на насест, который обычно используют Стальные Когти. Оттуда он смотрел мрачно.

— И неудивительно, что такие люди называют себя «Группой изучения катастрофы», — сказал

он.

Равна улыбнулась всем:

— Я полагаю, все мы раньше или позже перебывали членами этого клуба — те из нас, кто серьезно относится к новейшей истории.

Элемент бармена ушел, и Амди возник весь вокруг двух столов — голова там, голова здесь, частично взобрался на высокие табуреты. Он любил смотреть со всех сторон — и его было достаточно, чтобы это хорошо получалось. Двое на стульях склонили головы набок, но голос Амди шел будто отовсюду.

— Так что это получается немножко похоже на меня и некоторые другие эксперименты господина Булата. Очень много жизней ушло на наше создание. Я вышел отлично, может быть, но остальные все еще в жутком состоянии. Иногда мы собираемся и стонем-плачем, как нас жутко обижали. Но вряд ли мы можем с этим что-то сделать.

— Ты прав, Амди, — кивнула Эльспа. — Но ты хотя бы можешь за это ненавидеть конкретное чудовище.

— А у нас, — сказала Равна, — есть для того Погибель. Она чудовищнее всего, что может себе представить ум любого жителя Края. Мы

знаем, что битва с этим злом убила ваших родителей в Страумском царстве и косвенно погубила Сьяндру Кей. Чтобы преградить путь Погибели, много цивилизаций в Галактике принесли себя в жертву.

Все покачали головами, а один из мальчиков, Овин Верринг, ответил:

— Мы этого знать не можем.

— О'кей, в последнем мы не можем быть уверены. Разрушение было так обширно, что разрушило и наши возможности его измерить. Но…

— Нет, я вот о чем: мы вообще мало что можем об этом знать. Вот смотрите: наши родители были учеными. Они вели исследования в Нижнем Переходе — место опасное. Они играли с неизвестным.

«Все правильно понимаешь, мальчик», — подумала Равна.

— Но это делают миллионы других рас, — продолжал Овин. — Наиболее обычный способ рождения новой Силы. Мой отец решил, что сам Страум в конце концов колонизирует покинутую систему какого-нибудь коричневого карлика в Нижнем Переходе и мы тоже перейдем. Он говорил, что мы, страумеры, всегда стремились в неведомое, что мы — те, кто рискует. — Очевид-

но, он заметил смену выражения на лице Равны и заторопился: — А потом что-то получилось очень плохо, не так, как думали. И это тоже не могло не случаться с тысячами рас. Экспедиции вроде нашей Верхней Лаборатории часто бывали либо поглощены тем, что живет Там, либо просто уничтожены. Иногда погибала и исходная звездная система. Но что случилось с нами — что заставило нас спуститься Сюда? Это не вяжется с тем, что мы знаем о той ситуации.

— Я… — Равна осеклась. *Как это сказать? «Ваши родители были жадными, небрежными, и им исключительно не повезло»?* Она любила этих детишек — ну, почти всех, и готова была сделать почти все, чтобы их всех защитить, но когда она на них смотрела, иногда думала только о том, до какой катастрофы довела их жадность родителей. Она посмотрела на Джоанну, ища помощи.

И как часто бывало, когда приходилось туго, Джоанна бросилась в прорыв:

— Я немножко больше помню, чем большинство из нас, Овин. Я помню, как родители готовили наше бегство. Верхняя Лаборатория — это не была обычная попытка Перехода. У нас был брошенный архив, мы занимались археологией самих Сил…

— Мне это известно, Джоанна, — перебил Овин несколько резко.

— И этот архив пробудился. Мои родители знали о возможности, что нас водят за нос. Да, я понимаю, это знали все взрослые. Но в конце концов мои сообразили, что риски выше очевидного. Мы откопали что-то такое, что могло быть угрозой Самим Силам.

— И они тебе такое сказали?

— Не тогда. На самом деле я не знаю точно, как папа с мамой сумели провести все приготовления. Изначально нас, Детей, было триста. Каким-то образом вытащили гибернаторы из медицинского хранилища, погрузили на контейнеровоз. Как-то выписали нас всех из школы — вы это все помните.

Кивающие головы.

— Если это просыпалась Сила, она бы не могла не заметить, что задумали твои родители.

— Я… — Джоанна осеклась. — Ты прав. Их должны были поймать. Должны были быть и другие, работающие с ними для организации нашего бегства.

— Я ничего не заметила, — сказала Хейда.

— И я, — добавил чей-то голос.

— И я, — сказал Овин. — Помните, как мы жи-

ли? Временно герметизированные обитаемые станции, на голове друг у друга? Я видел, что мои родители стали раздражительными, ну, перепуганными. Но не было места для каких-то тайных операций. Кажется разумным — и это один из аргументов «Группы изучения катастрофы», — что наше бегство было просто ходом в Чьей-то игре.

— В Академии мы говорили о Контрмере, Овин. Вам действительно была оказана особая помощь. В конечном счете именно Контрмера… — *с участием Фама и Старика,* — преградила путь Погибели.

— Да, сударыня, — ответил Овин. — Но это и показывает, как мало мы знаем и о героях, и о злодеях. Мы застряли Здесь. И мы — те, кто старше других, — чувствуем, что потеряли все. А по официальной истории вполне можно было бы героев и злодеев поменять местами.

— Да? И кто же распространяет такую чушь?

Равна не сдержалась, слова выскочили сами. Вот тебе и бархатное руководство.

Овин как-то сжался.

— Да никто конкретно.

— Да? А те трое, с которыми я сейчас разминулась на лестнице?

Джефри заерзал на табуретке:

— На лестнице ты и меня встретила, Равна. А эти трое просто повторяли сплетни. С тем же успехом можно обвинить нас всех.

— Если это «просто каждый», то кто придумал название «Группа изучения катастрофы»? Кто-то за этим стоит, и я хочу знать…

Она почувствовала прикосновение к рукаву. Джоанна подержала руку секунду — достаточно, чтобы прервать поток гневных слов. Потом девушка сказала:

— Такого типа сомнения существовали всегда.

— Ты имеешь в виду — сомнения в угрозе со стороны Погибели?

— Да, в разной степени, — кивнула Джоанна. — Я знаю, что ты и сама сомневалась. Например, сейчас, когда флот Погибели остановлен Контрмерой, останется у него дальнейший интерес губить мир Стальных Когтей?

— У нас нет иного выбора, как верить, что остатки флота желают нас уничтожить.

Мой сон…

— Ладно, но даже тогда остается вопрос, насколько они опасны. Флот от нас в тридцати световых годах, вряд ли способный передвигаться быстрее светового года за сто лет. У нас на подготовку тысячелетия, даже если они желают

нам зла.

— Какая-то часть флота может оказаться быстрее.

— Тогда у нас «всего» несколько веков. Технические цивилизации строились и быстрее.

Равна закатила глаза:

– *Отстраивались* они быстрее. И у нас может и этого времени не быть. Вполне возможно, что флот может построить малые рамскупы. Может быть, снова подвинутся Зоны… — Она заставила себя перевести дыхание и продолжала уже чуть спокойнее: — Весь смысл, вся цель того, чему мы учим в Академии, что мы должны быть готовы как можно скорее, ничего не жалея для этого. От нас требуются жертвы.

Вокруг заговорил детский голос — Амди:

— Я думаю, именно это и обсуждает «Группа изучения катастрофы». Ее участники отрицают, что Погибель когда-либо была угрозой людям или Стальным Когтям. А если она действительно угроза, говорят они, то такой ее сделала Контрмера.

Молчание. И даже музыкальный фон бармена стих. Очевидно, Равна последней должна была понять чудовищный смысл утверждения. И наконец она тихо сказала:

— Амди, не может быть, чтобы ты серьезно.

По Амди пробежало странное выражение: смущенное раскаяние. Каждый из его элементов был четырнадцати лет от роду, вполне взрослая особь, но разум его был моложе, чем у любой известной Равне стае. При всей своей гениальности, Амди был существом стеснительным и очень подобным ребенку.

Джефри на той стороне стола успокаивающе потрепал по холке одного из Амди.

— Конечно, он не хочет сказать, что *он* так считает, Равна. Но он говорит правду. ГИК исходит из положения, что мы не знаем ни что произошло в Верхней Лаборатории, ни как нам удалось сбежать. Исходя из того, что нам известно, они утверждают, что можно поменять местами хороших и плохих. В таком случае действия Контрмеры десять лет назад были бойней галактического масштаба — и никакие страшные монстры нам сейчас не угрожают.

— Ты сам тоже так думаешь?

Джефри возмущенно взметнул руки:

— Да нет, конечно! Я только озвучиваю то, что другим мешает сказать вслух… назовем это «дипломатичность». И сразу говорю: ручаюсь, что никто из присутствующих в это тоже не верит. Но для ребят в целом…

— Особенно некоторых старших, — вставил Овин.

— …такая точка зрения весьма привлекательна. — Джефри секунду пристально смотрел на нее, словно ждал возражений. — Привлекательна — поскольку получается, что наши родители не создавали этой чудовищной «погибели». Не были полными дураками. И еще она привлекательна тем, что жертвы, нами приносимые, оказываются… излишними.

Равна постаралась ничем не выдать волнения:

— Какие именно жертвы? Изучение программирования низкого уровня? Изучение счета без машин?

— В частности, то, что нами командуют другие и говорят, что делать! — влезла в разговор Хейда.

Эти ребята даже названий не знали дотехнологических методов построения консенсуса. Пропуск этой стадии был одним из выбранных Равной упрощений. Она надеялась, что доверие, взаимная преданность и общие цели будут достаточны, пока эти ребята не станут более технологичными… и более людьми.

— Что нами командуют — это тоже часть вопроса, — согласился Овин, — но для некоторых более важный вопрос — медицинская ситуация. — Он

посмотрел на Равну в упор: — Идут годы, ты правишь, и ты все еще выглядишь молодой, такой вот, как Джоанна сейчас.

— Овин, мне всего тридцать пять лет! — Речь шла о человеческом стандартном тридцатимегасекундном годе, который был принят и на Страуме. — Неудивительно, что я молодо выгляжу. У себя на Сьяндре Кей я была бы еще среди самых младших специалистов.

— Да, и через тысячи лет ты будешь выглядеть так же молодо. А мы все — даже старшие — уже будем сотни лет как мертвы. На некоторых из нас уже виден процесс распада — ну, волосы теряют, как будто после радиационного поражения, жиреют. Самые молодые едва прошли начальные процедуры продления жизни. А наши дети будут вымирать как мухи, на десятки лет раньше нас.

Равна подумала о седеющих волосах Венды Ларсндот.

Но это не значит, что я не права!

— Послушай, Овин. В конце концов мы усилим и ускорим медицинские исследования. Но нет смысла ставить их в начало. Я тебе могу показать схемы развития, которые генерирует «Внеполосный». На пути эффективной медицины — миллионы ловушек. Какой метод лечения

окажется удачным — и для кого, — мы никак не можем знать заранее. А крах медицинской программы задержит нас как трясина. У нас не менее двадцати рабочих гибернационных камер, и я не сомневаюсь, что расходные материалы мы для них создадим. Если нужно будет, заморозим любого, кому будет грозить смерть от старости, умирать не придется никому.

Овин Верринг поднял руку.

— Я понимаю, госпожа Равна. Думаю, что все мы понимаем — в том числе Шелковинт, Гибкарь и Кошк, которые нас молча слушают. — На верхних этажах таверны послышалось смущенное шевеление. А бармен сказал с другого конца зала:

— Это чисто ваше дело, двуногие.

— Потому что вы, стаи, на самом-то деле и не умираете! — не удержалась Хейда.

Овин слегка улыбнулся, но жестом попросил Хейду помолчать.

— Но тем не менее видна привлекательность «Группы изучения катастрофы». Она отрицает, что наши родители напутали. Отрицает, что есть необходимость в жертвах. Мы, беженцы, не можем на самом деле знать, что случилось или же кто виноват в том, что мы попали Сюда. Экстремисты — и я не думаю, что кто-нибудь из нас

говорил с ними, зная, кто это; о них всегда информация из третьих рук, — экстремисты говорят: мы не можем сомневаться, что наши родители играли на стороне добра. Значит, Погибель вовсе не монстр, и все приготовления и жертвы играют на руку… ну, чему-то, что на стороне зла.

Джоанна резко встряхнула головой:

— Да? Овин, это же не логика, это мусор!

— Может быть, именно потому мы никого не можем найти, кто сказал бы это от своего имени, Джо.

Равна слушала этот разговор.

Что я могу на это сказать такого, чего еще не говорила?

Но и промолчать она тоже не могла.

— Когда эти отрицатели говорят: «мы не можем знать», — они врут. Я знаю. Я была на Ретрансляторе, работала на Вриними. Погибель творила зло почти полгода до старта «Внеполосного». Она расползлась от вашей Верхней Лаборатории — вероятно, в течение нескольких часов после вашего бегства. Она захватила Верхний Край. Разрушила Ретранслятор. Она гналась сюда за Фамом, мной и наездниками, и кильватерная волна этой погони уничтожила Сьяндру Кей и большинство живущих в Крае людей. — Но это

она им уже рассказывала и повторяла, повторяла, повторяла. — Защита от Погибели началась, лишь когда мы прибыли сюда. Да, то, что сделали Фам и Контрмера, было ужасно — в большей степени, чем мы можем измерить. Контрмера оставила нас на мели. Но она остановила Погибель и оставила нам шанс. Вот это те *факты,* которые отвергаются. И нельзя сказать, что они за пределами познаваемого. Я там была.

И все сидящие вокруг стола ныне выросшие Дети уважительно склонили головы.

Глава 06

У Равны было достаточно времени обдумывать этот страшный сюрприз, полученный в «Знаке богомола». Точнее, она просто ни о чем другом думать не могла. Все, что она говорила и делала раньше, выглядело совсем по-иному, если смотреть глазами отрицателей.

Вначале все Дети жили в Новом замке на Холме Звездолета, всего в ста метрах от академии. Младшие все еще там жили со старшими братьями и сестрами или стаями Лучших Друзей. Почти все остальные — выросшие и создающие семьи — жили на Скрытом Острове или в особняках, выстроившихся улицей к югу от Нового замка.

Но Равна продолжала жить на звездолете «Внеполосный-II» — тридцать тысяч тонн нелетающего мусора, но с технологией со звезд.

Наверное, она казалась сумасшедшей или не от мира сего, раз скрывалась на борту непревзойденной в этом мире мощи.

Но я обязана здесь быть!

Потому что «Внеполосный» — это маленькая библиотека, а Равна — профессиональный

библиотекарь. Миниатюрный архив на борту содержал технологические приемы мириадов рас Медленной Зоны. Человечеству Земли понадобилось четыре тысячи лет, чтобы от выплавки металлов пройти путь к звездным путешествиям, и это было более или менее случайное блуждание. В войнах и следующих за ними катастрофах люди вели себя как большинство рас. Они много раз отбрасывали себя в средневековье, иногда даже в неолит, а на некоторых мирах доходили до вымирания. Но зато — по крайней мере там, где человечество вообще выживало, — обратный путь к технологии случайным блужданием не был. Как только археологи раскапывали библиотеки, ренессанс становился делом нескольких столетий. Имея в распоряжении «Внеполосный», Равна может уменьшить это время меньше чем до ста лет. *Даже до тридцати, если не будет невезения!*

Но сегодня в «Знаке богомола» стало ясно, что ее преследовало невезение. *Как же вышло, что я этого в упор не видела?* — спрашивала себя Равна снова и снова. У детей всегда были вопросы. Много раз за эти годы она и Стальные Когти им рассказывали о Битве на Холме Звездолета и о том, что ей предшествовало. Они все ходили на

Луга Резни, видели землю, где Булат перебил половину Детей. Но о другой стороне этой битвы, о том, как Фам остановил флот Погибели, и о заплаченной за это цене они знали только со слов Равны. Об этом у Детей всегда было много вопросов, и еще о том, что случилось с их родителями в начале катастрофы. Дети прибыли из мира, где у них были родители и друзья, и проснулись в окружении Стальных Когтей и единственного взрослого человека. О том, почему так вышло, они знали только от нее. Глупая Равна, ты думала, что этого будет достаточно?

Сейчас у них было уже что-то большее, нежели сомнения. Нечто, названное ими «Группой изучения катастрофы».

Через несколько часов после беседы в «Богомоле» между Равной, Джоанной и Джефри (и Амди, разумеется) произошел еще один разговор. Они были первыми Детьми, которых Равна встретила Здесь. Десять лет назад им пришлось вместе пережить несколько страшных часов. С тех самых пор отношения у Равны с ними были особыми — даже когда Джефри стал подростком и вообще всякое соображение потерял.

Сейчас Джоанна бушевала по поводу «Группы изучения катастрофы» — но еще больше она

злилась на Джефри, потому что он не рассказал ей о самой большой лжи этой группы.

Джефри огрызнулся в ответ:

— Ты хочешь устроить охоту на ведьм, Джо? Выжечь каленым железом всех, кто верит во что-нибудь из заявлений ГИК? Так это окажется почти каждый. — Он замолчал, покосился нерешительно в сторону Равны. — Я не про худшее из всего, Равна. Мы знаем, что вы с Фамом — не на стороне зла.

Равна кивнула, стараясь выглядеть спокойно.

— Я знаю. Я понимаю, насколько естественны некоторые из этих сомнений. — Ага, понимает. Задним умом. — Жаль только, что я не знала этого раньше.

Джоанна наклонила голову.

— Я сожалею, что раньше тебе не сказала. ГИК говорит совершенно омерзительные вещи, но мы с Невилом думали, что это так глупо, что само по себе сдохнет. А сейчас это как-то куда больше организовано. — Она глянула на Джефри. Разговор происходил на мостике «Внеполосного» — подходящее место для очень небольшого и очень тайного совещания. Амди не было видно — он прятался вокруг под мебелью. — Вы с Амди наверняка знали, что ГИК оказалась куда хуже, чем

мы думали.

Джефри хотел было огрызнуться, но передумал и неохотно кивнул. На самом деле, вдруг поняла Равна, ему было стыдно. Джефри был упрям не меньше сестры и сейчас злился в бесцельной досаде. Их родителей можно было бы в прискорбном хаосе Верхней Лаборатории даже назвать героями. Они чудо совершили, чтобы доставить сюда детей.

Когда Джефри заговорил, голос его звучал мирно:

— Ну да. Но как Овин сказал, худшие заявления идут просто из третьих рук… а дураки вроде Ганнона Йоркенруда их повторяют.

Джоанна покачала головой:

— Ты все еще водишься с этим неудачником?

— Поаккуратней. Ганнон был моим другом еще в Лаборатории, ясно? Я с ним мог говорить о таком, чего даже учителя не понимали. Может, *теперь* он и стал неудачником, но…

Злость на лице Джоанны сменилась откровенной тревогой.

— Это уже слишком, Джеф. Эта самая ГИК вдруг оказывается реальной угрозой.

Джефри пожал плечами:

— Не знаю, Джо. Последнее только что вроде

бы как выскочило. Сперва два-три человека из экспедиции Мери, потом больше, когда я сюда вернулся. Но даже если есть какой-то заговор, давить на Ганнона или ему подобных — это значит выставлять членов Исполнительного Совета солдафонами, подавляющими любую мысль, и Ганнон сможет обвинить Совет в том, в чем сам грешен. С него станется.

Равна кивнула.

— А что ты думаешь, Джефри, вот по какому поводу: допустим, у этого недовольства есть законные основания — о которых, кстати, я *собираюсь* говорить. Но не может ли быть, что это все — действия клики старших Детей, задумавших какое-то безобразие и ради собственных целей раздувающих существующие проблемы? Вот ты как раз и мог бы выяснить, что тут что. Все знают, что ты… гм…

Джефри глянул на Джоанну и улыбнулся — улыбка у него всегда была хорошей.

— Да говори прямо, — сказал он. — Все знают, что я был жутким геморроем и иногда еще бываю время от времени. Проявление подростково-беженского страха, сами понимаете.

— Как бы там ни было, — сказала Равна, — а ты очень располагаешь к доверию. Если ты от-

несешься к этой злобной чуши сочувственно, а заговор отрицателей существует на самом деле, я не сомневаюсь, что они на тебя выйдут непосредственно. Это та роль, которая… которую ты…

— Хочешь сказать, что я могу вынюхать, кто из моих друзей за этим стоит, и сдать их с потрохами? — Яда в голосе Джефри не было, но вид у него был не слишком довольный. К счастью, Джоанна промолчала, все сестринские нотации оставив при себе. В конце концов Джефри покачал головой: — Да. Я это сделаю. Все равно не думаю, что существует какой-то реальный заговор, но если он есть, я его найду.

Равна только сейчас заметила, что задержала дыхание.

— Спасибо, Джефри.

Если такие, как Джефри Олсндот, на ее стороне, то с ситуацией вполне можно справиться.

Джоанна улыбалась — видно было, что она тоже испытывает облегчение. Она что-то попыталась сказать брату, а потом мудро промолчала. Вместо этого она огляделась вокруг стола.

— Амди, ты же все слышал? Есть проблемы?

Молчание, и ни одна голова не показалась. С Амди бывало так, что его отвлекала какая-нибудь математическая задача, вечно торчащая у него

в головах, и он уходил в свои мысли так, что ни Архимеду, ни Накамору не снилось. А иногда — особенно в ранние годы — он просто засыпал.

— Амди?

— Я тут. — Детский голосок Амди шел с уровня ковра. Звучал он то ли вяло, то ли слегка сонно. — Мы с Джефри пока еще одна команда.

Эта беседа Равны с Джо, Джефом и Амди оказалась лишь первым из нескольких личных разговоров. Так как Странника в городе не было, следующей оказалась Резчица.

Соправительница Равны правила Северо-Западом уже более трех столетий. Никто из ее отдельных элементов не был, конечно, настолько стар, но она очень тщательно следила за собственной цельностью и память стаи хранила все еще с тех времен, как она была простой художницей в хижине у моря. Для самой Резчицы империя выросла из ее искусства, из желания строить, плавить и гравировать. Она, Резчица, была истинным средневековым властителем. Учитывая, что она еще была достойной личностью (хотя иногда и чертовски упрямой), ее власть оказалась невероятной удачей для Равны и беженцев.

В настоящее время королевы-соправительницы делили между собой Холм Звездолета — Равна

на звездолете «Внеполосный», Резчица — в Новом замке, куполе посадочного модуля Детей.

Идя к воротам замка, Равна всегда поражалась символам равновесия властей, которого они с Резчицей достигли. У Равны были технологии, но она жила по холму ниже. Чуть выше и между ними располагалась Академия людей и Их стай (или стай и Их людей), где каждый изучал то, что требовало от него будущее. И наконец на самом верху — Резчица в Новом замке. Глубоко под куполом замка попадались случайные изделия технологий, пришедшие вместе с Детьми. Здесь стояли камеры гибернации и посадочный модуль с остатками своей автоматики. В модуле было место, где погиб Фам Нювен, и слизь кремниеподобной плесени, которая была когда-то Контрмерой.

Сегодня Равна шла в верхние коридоры, освещенные солнцем из десятков узких окон. Но камеры, плесень и страшный сон были все время где-то рядом.

Равна говорила с Резчицей в Зале Тронов. Вначале Новый замок был всего лишь оболочкой, ловушкой, которую властитель Булат поставил на Фама и Равну. Интерьеры сделала Резчица, закончив строительство. Зал Тронов был са-

мым заметным дополнением — просторный и многоуровневый. В дни аудиенций тут могли поместиться все Дети плюс немалое количество стай.

Сегодня здесь было пусто, если не считать одной стаи и одного человека.

Стражники закрыли двери за Равной, и она пошла по длинной ковровой дорожке к тронам и алтарю. Из теней по обе стороны дорожки возникла Резчица, сопровождая ее.

Равна кивнула стае: королевы-соправительницы соблюдали тщательно выработанный неформальный стиль общения.

— Насколько я понимаю, твой агент-бармен уже сообщил тебе о том очаровательном сюрпризе, что ждал меня в «Знаке богомола».

Резчица слегка засмеялась. Многие годы она пробовала различные голоса и манеры, наблюдая за реакцией людей. И говорила она по-самнорски совершенно свободно и казалась полностью человеком — даже когда Равна глядела на семерку странных созданий, составляющих вместе ее соправительницу.

— Бармен? — переспросила Резчица. — Шелковинт? Он из свежевательских психов. Мой агент на платформе сидел, он мне все и рассказал, в

том числе и что имел сказать Ганнон Йоркенруд перед твоим приходом.

Я бы про Шелковинта в жизни не догадалась.

Странные людские слова были весьма популярны в качестве имен у местных стай. Миньоны Свежевателя любили более сатанинские их вариации.

Соправительница жестом предложила Равне сесть. В промежутках между большими аудиенциями Резчица рассматривала этот зал как свою личную берлогу. Вокруг алтаря стояли подбитые мехом скамьи и беспорядочные груды одеял. От потертой мебели пахло телами Стальных Когтей, пролитой выпивкой и недогрызенными костями. У Резчицы одной из немногих была собственная радиосвязь с оракулом, которым и был «Внеполосный». «Алтарь» имел весьма практическое назначение.

Равна плюхнулась на ближайший человеческий стул.

— Как мы такое событие прохлопали, Резчица? Эта самая «Группа изучения катастрофы» орудовала под самым нашим носом!

Резчица устроилась поудобнее вокруг алтаря, частично на насестах возле Равны, и по очереди пожала плечами:

— Это чисто человеческое дело.

— Мы всегда знали, что есть разумные разногласия насчет того, что осталось от флота Погибели, — сказала Равна, — но я не понимала, как же это связано с нашей тяжелой медицинской ситуацией. И никогда не думала, что Дети усомнятся в причине катастрофы, которая их сюда привела.

Резчица минуту помолчала, потом что-то смущенное появилось в ее внешности. Равна обвела стаю подозрительным взглядом:

— А что? Ты знала?

Резчица сделала неопределенный жест.

— Что-то знала. Ты же понимаешь, что даже Джоанна кое-что из этих историй слышала.

— Да! И не могу поверить, что ни ты, ни она не выносили этого на Совет!

— Гх-м. Я слышала только блуждающие подспудно слухи. Хороший руководитель далеко не на все реагирует, что слышит. Если не можешь использовать шпионов, то надо больше тереться среди Детей. Оставаясь мудрецом-отшельником на далеком звездолете, будешь получать неприятные сюрпризы.

Равна подавила желание спрятать лицо в ладонях и завыть.

Я же не лидер!

— Послушай, Резчица, меня все это очень тревожит. Наплевать, что это «сюрприз». Плевать, что этот неприятный факт означает, что многие из моих ребят презирают меня. Но не видишь ли ты угрозы в *организованной* неприязни?

Соправительница слегка сгорбилась — аналог вдумчиво наморщенного лба.

— Прости, я думала, ты с таким уже встречалась, Равна. Да, я получаю доклады от стай — Лучших Друзей: то, что тебе сообщили Овин Верринг и компания, верно. Все это слухи, преувеличенные при пересказе. Я не встречала твердого ядра верующих — хотя… может быть, твердое ядро состоит из людей, не имеющих среди Стальных Когтей тесных контактов.

— …Да. — Эта точка зрения открывала целый мир возможностей. — Ты слыхала когда-нибудь о «Группе изучения катастрофы»?

— Только уже когда Ганнон начал о ней шуметь.

— И о действительно крайних заявлениях, что Погибель — не зло, что на самом деле зло творил Фам? Я полагаю, это тоже нечто новое.

Резчица минуту помолчала.

— Да. Это тоже новое, хотя версии послабее бы-

вали. — И она добавила почти агрессивно: — Но среди Стальных Когтей очень трудно бывает отследить слухи, особенно когда есть межстайный секс. Переходные личности выдвигают понятия, которые в иных условиях невообразимы. А потом и показать не на кого.

Этот аспект вдохновения Стальных Когтей вызвал у Равны короткий смех.

— У нас, людей, тоже есть поговорка, что слухи живут своей жизнью, но у вас это получается по-настоящему.

— Ты считаешь, что есть заговорщики?

Равна кивнула:

— Боюсь, что могут быть. В этом мире ты считаешься очень современным правителем, но твоя концепция «шпионы повсюду» — она, как бы сказать…

— Ага, я знаю. По цивилизованным меркам мое наблюдение до жалости слабо. — Резчица ткнула одним носом в сторону радиоалтаря, своей частной линии к архиву «Внеполосного». Зимой она питала ее от тренажера — беговой дорожки, летом энергию давало солнце, проникающее в высокие окна. Так или иначе, Резчица практически жила вокруг своей рации, изучая все подряд.

Резчица была не единственной стаей, имеющей

аппарат шпионов. Равна попыталась поставить вопрос дипломатично.

— Здесь тот случай, когда любая информация была бы полезна. Не могла бы ты, быть может, проконсультироваться со Свежевателем-Тиратект…

— Нет! — отрезала Резчица, издав звук щелкающих челюстей. Она не оставила подозрений, что Свежеватель готовит переворот. Потом она добавила: — Что нам нужно на самом деле — это пара дюжин беспроводных камер. Камеры и сети — вот основа повсеместного наблюдения. — Звучало так, будто она изучала какой-то очень старый текст. — Так как у нас еще нет нужных сетей, я бы остановилась на увеличении числа шпионских глаз.

Равна покачала головой:

— У нас всего-то в целом дюжина свободных камер.

Конечно, многие элементы «Внеполосного» могли бы работать как камеры и дисплеи. К сожалению, если взять лом и выковырять куски из программируемых стен, очень много функций будет загублено. Те двенадцать камер, что имелись в наличии, были из низкотехнологичных резервов. Равна узнала раздраженное выраже-

ние, пробежавшее по Резчице.

— Придет день, когда мы сможем делать цифровую электронику, и все это поменяется, Резчица.

— Да. Придет день. — Стая стала насвистывать мелодию, похожую на заупокойную службу. У нее у самой было три камеры, но она явно не собиралась их предлагать. Вместо этого королева сказала: — А ты знаешь, что мой знаменитый советник по науке сидит на девяти камерах?

Тщательник изо всех сил старался создать сети, хотя ему не хватало распределенных вычислительных мощностей. Камеры передавали информацию из его лабораторий на логические схемы на борту «Внеполосного». И этот фокус ускорял оценку материалов десятикратно. Каждый раз, когда удавалось использовать логическую мощь звездолета, получался выигрыш. Эти лаборатории были самым большим успехом последних лет.

— Ну хорошо, — согласилась Равна. — Я согласна отдать пару тестирующих систем Тщательника на декаду-другую. Очень уж хочется узнать, есть за этой ложью отрицателей какой-то заговор или нет.

— Тогда посмотрим, какие я могу взять камеры.

Три элемента Резчицы вспрыгнули на насесты возле радиоалтаря. Она что-то про себя бормотала, не на стайном языке, но и не на самнорском — Резчица использовала персонификатор «Внеполосного» для создания звуковой замены обычному визуальному интерфейсу. Для стаи результат получался почти такой же удобный, как «тиара» Равны — хрупкий наголовный дисплей, который Равна опасалась носить повседневно.

Резчица прислушалась к гудкам и пискам «Внеполосного».

— Ох уж этот Тщательник. «Внеполосный» говорит, что мой дорогой советник по науке использует камеры не только для разработки твоего продукта. Гм-м. Ты слыхала когда-нибудь о «капельном конвертере масса-энергия»?

— Нет… но звучит опасно.

— Потому что и вправду опасно. — Резчица еще побурчала, очевидно, «проглядывая» определения. — Без адекватного контроля процесса «конверсия» обычно превращается в нечто, называемое «конверсионный поток». И это не одну цивилизацию загубило. К счастью для большинства других, очень трудно его создать раньше, чем будет осознана его опасность. — Она задала еще несколько запросов. — А, хорошо. Вот, по-

следняя декада. Тщательник оставил проект, раз в жизни последовал здравому смыслу. — Пауза, потом почти человеческий смех. — Тщательник кипятком плеваться будет, если мы у него камеры заберем. Это будет забавно.

Советник по науке был одной из стай-отпрысков Резчицы. Они оказались ее собственными опасными экспериментами.

Равна изо всех сил постаралась мыслить без прямодушия:

— Я ручаюсь, что мы этот отвлекающий маневр сможем сохранить в секрете. Две или три из них могут официально «сломаться». — Очень немногие из местных понимали, что долговечно, а что нет. За много лет она сломала почти все свои наголовные дисплеи, кроме одного, а вот простые камеры могли бы выдержать и падение с двадцати метров. — Тщательнику не придется скрывать свое возмущение.

— Мне это нравится! — По лицам Резчицы пробежала рябью улыбка, и один из ее элементов на высоком насесте погладил Равну по голове. Королева высказала «Внеполосному» еще несколько фраз. — Ладно, берем три камеры. И подумаем, куда и как их лучше поставить.

— Это нужно сделать быстро. Разойдутся све-

дения, что мне сообщили. Если за этим кто-то стоит, он ведь начнет действовать сейчас, не дав нам собраться?

— Именно так.

Три камеры едва ли создадут систему наблюдения, как бы удачно их ни расставили. Равна решила впрямую спросить об остальных:

— А те три, что ты используешь для слежения за Свежевателем? Сейчас для нас самая большая угроза — люди.

— Нет, они останутся на месте. Если *на самом деле* существует заговор, то за ним стоит высококлассный заговорщик, а не твои наивные Дети. Самое коварное создание из ныне живущих — Свежеватель.

Прежний Свежеватель тоже был стаей-отпрыском Резчицы и самой смертоносной, если и не самой злонамеренной, из всех ее попыток создавать гениев.

— Но это же Свежеватель реформированный. Только двое из этой стаи происходят от тебя.

Резчица громко фыркнула:

— И что? Остальных трех выбрал прежний Свежеватель…

— Прошло десять лет.

— Мы сосуществуем. Три камеры, которые я

скрыла в Старом замке, — они мне дают причину… нет, «доверять» — неточное слово. Относиться к нему толерантно.

Равна улыбнулась:

— Ты всегда жалуешься, что он знает, когда ты за ним наблюдаешь.

— Гм. Я *подозреваю,* что он знает. Подозревай его всегда, Равна, тогда не разочаруешься. Может быть… если бы я могла внедрить свои стаи в его замок, мы могли бы убрать камеры. Все равно свои живые глаза мне там нужны — Свежеватель должен остаться в верхней строке любого списка подозреваемых, и я не хочу отвлекать эти камеры на кого-либо, менее вероятного.

— Ну хорошо.

Исходный Свежеватель был жуткой тварью, сочетавшей в себе все крайности истории человечества. И Равна относилась бы к нему так же параноидально, как Резчица, если бы у нее не было своего особого источника информации. Этот источник — одна из очень немногих тайн, о которых она не говорила никому, даже Джоанне. И не собиралась ее раскрывать сейчас, чтобы выпросить у соправительницы три камеры.

Резчица ткнулась в стул Джоанны одним своим элементом и положила его лапу ей на руку.

— Ты разочарована?

— Да, прости. Слегка. Мы освободили три камеры, но целей наверняка больше.

— А я все равно буду следить за Свежевателем пуще прежнего.

На это Равна ничего не могла ответить, не раскрывая своего источника.

— Послушай, Равна. Помимо камер, я еще поставлю на эту работу некоторых моих агентов из внешних земель. Надо здесь докопаться до дна.

Резчица и правда хотела помочь. Она больше любой другой стаи, кроме разве что Тщательника, понимала, что движет Равной.

Женщина опустила руку, погладила ближайшее тело Резчицы. Это оказался Гвн — ну, так это имя звучало для человеческих ушей. Обычно имена элементов бывали просто кличками, полученными от псарей, и смысла не имели даже для Стальных Когтей. Маленький Гвн был возраста всего нескольких декад — необходимое дополнение для равновесия юности и старости в когерентной стае. Этот младенец был настолько еще юн, что с остальной Резчицей имел лишь общие ощущения. Еще Равна знала, что щенок этот не является биологическим потомком ни одного тела Резчицы или Странника. В контактах

со Стальными Когтями щенки часто создавали проблему, особенно если стая за собой следила небрежно. Резчица о своей душе заботилась намного лучше, чем о душах своих дочерних стай. Она поддерживала постоянную цель уже около шестисот лет. Равна об этом могла не волноваться. Она гладила тонкую плотную шерстку щенка, и ей было приятно. Если в Резчице и была перемена, то лишь такая, которую она для себя сама замыслила.

Глава 07

Тщательник был вне себя.

— Это возмутительно! — Шесть его тел сбились в кучу, и два залезли на их плечевые лямки, чтобы морды были на уровне лица Равны. — Их украли! Это предательство, и я этого не потерплю!

Равна только что прибыла в каменоломни Восточной Стороны. Наверху, над штольнями, казалось, что все тихо, никто не кричит «в укрытие!», не подает сигналов, не слышно взрывов. Самое время провести милый разговор с советником по науке.

Двинувшись вниз по открытой лестнице, она помахала людям, которые помогали советнику в работе. Они ответили вполне радостно. Может быть, Тщательник не так уж сердит.

Равна не успела спуститься и до половины стены, как услышала возмущенные крики советника по науке. У входа в лабораторию ее опередили двое помощников советника, проскользнув почти вплотную.

Сейчас она сидела с этим психом у него в кабинете. Ей и в голову прийти не могло, что он

так разозлится. Кстати, никогда ни одна стая так резко не напускалась на нее с криком. Она попятилась к открытой двери, загораживаясь от щелкающих челюстей.

— Это временно, Тщательник! Тебе скоро твои камеры вернут.

По крайней мере она на это надеялась. Если отобрать эти камеры у Тщательника слишком надолго, у самой Равны тоже программа работ застопорится.

Хорошая сторона тут была та, что Тщательник ей голову не откусил. А плохая — что стая продолжала на нее наседать и перестала говорить по-самнорски. Слышались рваные и резкие звуки — вероятно, ругань. Вдруг старейшее из тел Тщательника, которое с белой головой, замолчало. Через полсекунды воцарилось пораженное молчание — как преувеличенная пауза комедианта.

— Камеры? — Громкость снизилась на несколько децибел. — Ты про те три видеокамеры, которые сегодня официально отказали, когда пришли громилы Резчицы и забрали их?

— Д-да.

Хотелось надеяться, что мир за пределами кабинета Тщательника не догадался о смысле

этого обмена и государственные тайны не были разглашены в припадке раздражения.

Тщательник слез с себя, покружился минуту, кидая злые взгляды. Он в бюрократических играх был полным дураком, зато в своем деле был гением и настоящим инженером. Пока его удавалось направлять в нужную сторону и не давать слишком завидовать чужим льготам, ему цены не было.

— Честно, Тщательник, — продолжала Равна тихим убедительным голосом. — Ситуация вынуждает. И как только сможем, мы тебе эти камеры вернем. Я знаю — уж точно не хуже тебя, — насколько они важны.

Советник по науке продолжал сердито рысить по комнате, но голос у него был ровный:

— В этом я не сомневаюсь. Это единственная причина, по которой я согласился с конфискацией и с легендой, которую должен передать работникам. — Несколько раз щелкнули челюсти, но не в сторону Равны. — Но боюсь, мы говорим о разных вещах. Видеокамеры были законно конфискованы вашими высочествами с некоторыми объяснениями. Следовательно, ни ты, ни Резчица не имеете отношения к исчезновению *радиоплащей*?

— Что? Нет! — Плащи были бы практически бесполезны для наблюдения, к тому же их ношение опасно. — Тщательник, мы никогда об этом даже не думали.

— Значит, я был прав. Где-то предательство.

— Как могли плащи исчезнуть? Ты же их держал в своем частном хранилище?

— Я их вынул из хранилища, когда агенты королевы ушли с моими камерами. У меня была идея, как их использовать… на самом деле разумная идея: способ, как их носить, не доводя себя до смерти. Понимаешь, может быть, если бы я не весь их надел и не накрывая плеч, то… — Тщательник встряхнулся, не давая мысли увлечь себя в сторону. — Но это не важно. Важно то, что я выложил плащи на опытном производстве, они были готовы к применению. Я все еще кипел по поводу конфискации, и помимо того много было отвлекающих моментов. Давай-ка я подумаю…

Тщательник сдвинул все головы вместе — типичная картина сосредоточенности для Стальных Когтей.

— Да. Ты знаешь, как у нас организовано опытное производство.

Длинные ряды простых деревянных скамей. Сотни стендов для опытов, на каждом простая

комбинация реагентов, все рассчитано планирующими программами «Внеполосного» путем сопоставления реальных ресурсов Стальных Когтей с собственными архивными данными. В некоторых помещениях часами не бывало ни человека, ни стаи, а потом автоматика звездолета выдавала шквал беспроводных запросов к приемникам из диспетчерской. Помощники Тщательника проходили указанным маршрутом, некоторые эксперименты убирая полностью, другие перенося на новые стенды, некоторые подставляя под камеры прямого наблюдения «Внеполосного».

— Я был один с радиоплащами, увлеченный своей новой идеей. — Все головы Тщательника посмотрели вверх. — Да! И тут появились эти клоуны из тропиканского дурдома.

— Они вошли туда, где эксперименты?

— Нет. Такое случалось, но сейчас мы их не пускаем дальше зоны для посетителей. Ага. Я от них отделывался отбросами вроде неподключенных проводных телефонов… в общем, мне пришлось выйти говорить с их «послом». — Тщательник сошелся вместе. — Вот ручаюсь, в этом дело! Мне пришлось выйти из комнаты почти на пятнадцать минут. Вот не надо было с этим

типом вежливость разводить. Надо ли нам в самом деле с ними так церемониться? Не отвечай, и так ясно.

Но сегодня они были громче, и их было больше обычного, — продолжал Тщательник, — целая банда, раскрашенная по-разгильдяйски, то есть по-своему. — Отчасти Тщательник подался к двери, перегоняя собственные мысли. — Шантрапа. Пока они отвлекали моих работников, один из них наверняка плащи слизнул! Черт побери! Пойдем скорее!

И он весь вывалился за дверь, Белоголовый последним. Стая застучала когтями к наружной лестнице, испуская во все стороны звуки тревоги.

За другой стаей Равне, быть может, трудно было бы угнаться, но у Белоголового был артрит, а Тщательник не совсем потерял головы — стая старалась не опережать старика.

А еще Тщательник кричал по-самнорски:

— Остановите тропиканцев! Остановите их!

Охрана наверху выходной лестницы уже опустила ворота.

Пока Равна и Тщательник бежали по террасе каменоломни, он все время что-то по-самнорски бормотал. Результирующее сквернословие

слагалось из переводов стайных ругательств и нехороших самнорских слов:

— Сучьи порождения! Надо было понять, что это всеми гребаные тропиканцы. Я слишком протестовал насчет камер и проморгал, дубина. Решил, что Резчица снова меня нагрела.

Впереди раздались крики:

— Мы их взяли!

Стаи и люди в каменоломне не были вооружены, но стали барьером вокруг… вокруг кого-то.

Тщательник проскользнул сквозь толпу мыслезвуков, Равна сразу за ним. Посол Божидар и его компания еще были в каменоломне. Они осматривали самые зрелищные участки лабораторий, где долгое скучное планирование и утомительные опыты наконец-то приводили к чудесам.

Между хозяевами и подозреваемыми ворами осталось открытое пространство. Божидар и его компания столпились возле летающей машины Тщательника, «Взгляд Сверху». Это было не антигравитационное судно, а нечто, на взгляд Равны, более странное: воздушный винт и корзина, подвешенная под остроконечным шаром.

Тщательник помотался секунду перед толпой, что-то булькая на языке Стальных Когтей. Равна без помощи «Внеполосного» эту речь понять не

могла. Вроде бы он просил всех перестать вопить на высоких частотах. В холодном сухом воздухе — таком, как здесь и сейчас, — такие звуки летят на приличное количество метров, и если все стаи одновременно начинают суетиться и орать, им становится очень трудно думать.

Равна шагнула было к тропиканцам, но передумала. Эти Стальные Когти выглядели испуганными и нервными, смотрели расширенными глазами. И стояли плотно, тесно прижатые к корзине экипажа воздушной лодки. Самозваный «посол» был единственной четко определенной группой, но острая сталь виднелась на передней лапе не у одной особи. Пусть эти ребята без тесной ментальной связи, но они достаточно побыли на севере, чтобы усвоить местные обычаи.

Тщательник заорал на самнорском и на местном. По-самнорски: «Кто-нибудь видел, что замышляют эти мерзавцы?»

Часть его тел глядела на лодку, и вдруг до Равны дошло, что тропиканцы действительно могли бы еще секунда — и улететь!

Вперед вышел пятнадцатилетний подросток Дел Ронсндот.

— Я… я им показывал «Взгляд Сверху». Я думал, им позволено.

— Все нормально, Дел, — сказала Равна. Такие экскурсии были предусмотрены.

— Они попросили показать им лодку? — спросил Тщательник.

— Да, сударь. Все посетители хотят ее видеть. Когда мы научимся, может быть, сможем их катать.

Он глянул на тропиканцев и вроде бы понял, что такая щедрость не будет допущена.

— Они просили взять на борт кого-нибудь из их стай?

От двух тропиканцев донесся громкий аккорд, а потом человеческий голос:

— Мастер Тщательник, если вы подозреваете злой умысел, то вам следует обратиться ко мне непосредственно.

И посол шагнул вперед. Он принял имя Божидар и был теперь обширен. Частично он восходил к дате образования посольства и зачастую менял состав. Так же часто он вел себя как клуб синглетов, любящих покрасоваться и себя показать. Одет он был в разномастные куртки, некоторые вполне элегантные. И трудно было при виде этого хвастуна и позера не улыбаться. *Равна, не забывайся. Помнишь бабочек-солдафонов?* Она достаточно видела иных рас, чтобы понимать,

как обманчива бывает внешность.

Тщательник так разозлился, что потерял осторожность и послал два своих тела вперед, вторгаясь в личное пространство посла.

— Что ж, справедливо, господин посол. Так куда вы девали мои радиоплащи?

Два тела клацнули зубами в сторону Божидара, и хотя их противники были в трех метрах от них, жест очень напоминал тыканье пальцем в грудь у людей.

Божидар остался спокоен.

— А, я про эти плащи слыхал. Но ведь они наверняка могут быть найдены? — Он показал одной мордой в сторону Холма Звездолета. — А я ваших драгоценных плащей не видел с той прекрасной демонстрации в Последний Закат Весны. — Он раздвинулся в стороны. — Какие у вас, северян, прекрасные праздники! Для нас весна — это просто дождей больше…

– *Молчать!* — Тщательник повернул одну голову к своим помощникам, людям и стаям. — Привести сюда солдат с длинными пиками. Поставим этих воров на допрос.

Тропиканцы бросились на Тщательника, блестя сталью на когтях. В любой битве они были обречены на поражение, но двум передовым

телам Тщательника глотки распорют.

Равна шагнула вперед и вскинула руки жестом, которого стаи в большинстве своем боялись.

— Стойте! — крикнула она во все горло. — Никто никого допрашивать не будет. Либо мы уважаем ваше посольство, либо выкинем вас всех к чертям из Домена.

Тщательник подался назад, бурча про себя.

Посол выделился из толпы — явно для сохранения ясности мысли. Он издал тихое ворчание, и остальные чуть успокоились. Головы Божидара качнулись в сторону Равны.

— Вот так прямолинейно и притом — как это сказать? — исполнено здравого смысла. Я благодарен, ваше высочество. Я пришел сюда, рассчитывая на приятную и дружелюбную экскурсию. Но она хотя бы не станет кровавой баней.

— Не очень на это рассчитывай, — буркнул Тщательник.

Равна опустила руки и наклонилась вперед, чтобы глаза были на одном уровне с глазами Божидара.

— Наши радиоплащи исчезли не более часа назад, господин посол. Так насколько вы заинтересованы в сохранении здесь вашего посольства? Согласны ли вы и ваши спутники на обыск?

Она показала рукой на толпу тропиканцев с их подозрительно многочисленными карманами.

Головы посла взметнулись вверх — очевидно, жест отрицания.

— Возможно, вопрос следует ставить так: насколько Домен заинтересован в продолжении торговли с тропиками?

В прошлом торговля с тропиками сводилась к почти непризнаваемому молчаливому бартеру, где предложение и ответ растягивались на годы случайных кораблекрушений. «Тропическое посольство» возникло как благотворительная организация для уцелевших синглетов, не посольство, а издевательская шутка. Но шутка начала свою жизнь всерьез и теперь получила, быть может, некоторое влияние на юге.

Равна скрестила на груди руки и посмотрела на посла в упор. Поразительно, какое действие оказывает на некоторые стаи беззвучный взгляд двуногого.

Что бы ни было тому причиной, но посол пожал плечами:

— Да ладно. Естественно, нам нечего скрывать.

Равна вздохнула про себя с облегчением. *Теперь только узнать, кто на самом деле совершил кражу*. Она обернулась к толпе у себя за спиной. С

десяток человек стояли, возвышаясь над толпой стай. А позади всех…

— Привет, Невил! Ты давно здесь?

Жених Джоанны быстро вышел вперед, и пара его друзей за ним.

— Только пришел. Я был наверху каменоломни и вдруг увидел, что тут все озверели. — Он остановился возле Равны, все еще тяжело дыша. — Последние слова я слышал. Хотите обыскать этих друзей?

— Да, — закивал Тщательник. — Вы, люди, можете подойти близко, не смущая наших деликатных гостей. — Он саркастически ткнул мордой в сторону тропиканцев, но этому жесту не хватало воодушевления. — Я уверен был, что это они, — буркнул он про себя.

Невил присел, чтобы разговор был менее публичен — ни один человек не умеет направлять шепот так хорошо, как стая. Равна придвинулась ближе.

— Божидар слишком как-то легко сдался, — сказал Невил. — Ты уверена, что вся его свита здесь?

Тщательник сделал большие глаза, вскинул голову, посмотрел на тропиканцев долгим взглядом.

— Их так трудно сосчитать… — Он посмотрел

еще раз. — Господний Хор, Невил! Ты думаешь, они отщепили новую стаю?

Равна посмотрела на гостей. Тропиканцы всегда выглядели странновато со своей клочковатой шерстью, раскрашенными телами и разнотипной одеждой. Сейчас, уже не прижатые к летающей лодке, они разделились на какие-то подобия стай, в основном четверки. Если они пришли сюда с дополнительными элементами, а потом отщепили их в отдельную стаю… Такого типа игра с душами сбивала стаи Домена с толку и оставляла в недоумении.

Тщательник разглядывал тропиканцев, переводя взгляды с одного на другого.

— Не знаю, сколько их пришло, но… посмотри на раскраску. Тебе не кажется, что в тех двух стаях в конце есть пропуски? Тропиканцы! Извращениям их конца нет.

Вполне возможно, что Божидар и слышал каждое слово, но, так или иначе, он стал терять терпение:

— Я сказал, ваше высочество: мы согласны на обыск. Выполните уже эту унизительную процедуру, если нетрудно!

— Одну минуту, господин посол. — Равна поднялась, прервав тесное совещание с Невилом и

Тщательником. — Я понятия не имею, Тщательник. Эти цветные росписи совершенно ничего мне не говорят.

Жаль, что Странника здесь нет. Он знает, что могут с собой делать тропиканцы.

Невил обернулся, помахал рукой одному из своих друзей, подзывая вперед. И прошептал:

— Тут Били кое-что видел странное, когда мы были наверху каменоломни.

Били Ингва присел рядом и кивнул:

— Ага. Какая-то пятерка затаилась вокруг лебедок. И карманы у нее были набиты. Когда я попытался присмотреться, она рванула вся к причалу. И что интереснее всего — похоже, у них у всех на шкуре были синие полосы, как краска вот у этих ребят, только их стерли.

Тщательник затрубил торжествующе:

— Я знал!

И он завертелся в возбуждении. Еще секунда — и полетят приказы во все стороны.

Невил встал, посмотрел на Равну:

— Ваше высочество?

Да, — поняла Равна. — *Время проявить власть соправительницы.*

И она сдерживающим жестом положила руку на одну из голов Тщательника:

— Прошу вашего терпения, господин советник по науке. — Она встала и обернулась к толпе, которая неуверенно клубилась по залу: — Внимание! *Внимание!* — В классе такая интонация помогала, и здесь тоже, слава богу, помогла! — Мы сейчас проведем обыск, на который только что согласился господин посол. Как посоветовал Тщательник, личный обыск пусть проведут люди. — *Кто именно?* Она вдруг еще сильнее обрадовалась появлению Невила. Он с Детьми в хороших отношениях и прирожденный лидер. — Под руководством Невила Стортхерте. — И Невилу, в сторону: — Джоанна здесь?

— К сожалению, она сегодня на материке.

— Ладно. Обыщите наших гостей.

Невил кивнул и стал собирать команду. Равна посмотрела на Божидара:

— Господин посол, мы очень скоро вас освободим.

Лидер тропиканцев широко улыбнулся:

— Отлично.

Совершенно очевидно, он никак не опасался, что будет доказана его вина.

Тщательник досадливо пританцовывал, булькающие аккорды прерывали шипящий самнорский шепот.

— Все это *бесполезно*! Надо было позвонить на причал, объявить тревогу на всем острове и с «Внеполосным» связаться.

А еще нужно было бы наблюдение с воздуха. Равна посмотрела на летающую лодку, бывшую фоном для всей этой конфронтации.

— «Взгляд Сверху» может взлететь? — Она показала на воздушный шар. — И есть у него на борту рация?

— Что? Нет, рации нет, но двигатель заряжен… гм, гррм. Да! — Он стал выкрикивать приказания наземным командам, мешая аккорды с самнорской речью, разной громкости и в разные стороны. Равне удалось уловить следующее: — Позвоните Резчице! Невил, свою деятельность отодвинь от «Взгляда»! Я ему сейчас работу дам. — И тихо, на ухо Равне: — Корабль полностью готов к полету. Интересно, знал ли об этом вон тот дерьмоголовый?

Он побежал к плетеной корзине, а двое его помощников подошли к ней с другой стороны и стали работать с газовыми клапанами, споря с Тщательником о каких-то деталях.

Люди Невила и тропиканцы отодвинулись на двадцать метров. Подозреваемые угрюмо снимали навесные карманы и куртки. Ага, затейливая

раскраска украшала почти всю голую кожу. Некоторые из тропиканцев с любопытством разглядывали воздушный корабль, но деятельность Тщательника их никак не волновала.

Один из ассистентов Тщательника прибежал со свободной лабораторной рацией. Ближайший элемент Тщательника взял коробку и передал остальным, чтобы погрузили. Потом Тщательник остановился, будто забыл что-то очень важное.

— Эх, если бы Джоанна здесь была. С комбинированным экипажем куда лучше получается. — Имелось в виду, с человеком и стаей. — Невил! — крикнул он.

Равна встала ногой на край корзины:

— Нормально, я тебе помогу не хуже всякого другого.

Пожалуй, это было правдой: она несколько раз летала вместе с Тщательником. Кроме того, ей не хотелось здесь оставаться и критиковать действия Невила.

А Невил Сторхерте направился к ним. На секунду Равна подумала, что он будет возражать. Но мальчик — нет, взрослый человек, всего на восемь лет ее моложе — всегда восхвалял ее незаменимые организационные умения. На этот раз, кажется, он понял, что ему уже дали работу, и вре-

мя пошло. Поколебавшись, он помахал рукой:

— Ладно. Доброй охоты!

Она помахала в ответ, потом загнала остальные тела Тщательника вверх, в узкую корзину лодки.

На этот раз Тщательник спорить не стал — залез на борт, все время что-то крича наземной команде. Корзина, как всегда, неприятно закачалась, когда Равна прошла по ней к креслу на корме. Она еще не успела пристегнуться как следует, когда наземная команда обрезала фалы и шар двинулся прямо в небо.

Это было почти как антиграв — но ровнее, чем флаер Странника. Просто земля упала вниз. Глядя через край корзины, Равна видела выложенное барахло тропиканцев. Уж никак там не спрятать целый комплект радиоплащей.

Тщательник завел пропеллер и повернул руль. Судно поплыло над темными прудами, образовавшимися на месте старых карьеров и покрывшими лабораторные контейнеры стабилизированного водорода. В спокойных водах отражались стены каменоломни. Если еще дальше перегнуться, будет видно отражение лодки в воде.

…Но не сейчас. Равна пристегнулась к ремню безопасности и поползла вокруг кормы. Вдоль борта стояли ящики с приборами, в основном

плетеные и пропитанные для водостойкости, и задвижки, которые можно было открыть лапами или челюстями. Равна стала открывать ящики один за другим, заглядывая в каждый: гелиограф (рацій все же не хватало), карты, две подзорные трубы. Вдруг до нее дошло, что одну вещь надо проверить прежде всего прочего. Положив подзорные трубы, она обернулась к кормовой палубе.

— Ваше высочество! — окликнул ее Тщательник. Она огляделась — шар уже поднялся над стенами каменоломни. — Давайте вы займетесь управлением, а с подзорными трубами я лучше справлюсь. — Тут он заметил, что она пытается стащить кожух кормового балласта. — Ваше высочество, подзор… что вы делаете?

— Мысль пришла в голову — а что, если они сунули плащи в балластные контейнеры?

— А? — Стая на секунду задумалась, несомненно, представляя себе, как эта погоня могла бы разрушить именно то, что они хотели восстановить. Шансов было немного, но…

— Я проверю средние и носовые.

По одной паре за раз элементы Тщательника освобождали рычаги управления, которые держали зубами или лапами, и засовывались в

водяные танки, установленные по длине корпуса. Руль загулял свободно, пропеллер замедлил вращение, так что стали видны три лопасти. «Взгляд Сверху» медленно повернулся в почти недвижном воздухе, показывая носом на внешние острова, потом на северный канал, потом на Холм Звездолета. Судно было достаточно высоко, и Равне был виден купол Нового замка.

— В контейнерах только вода, — сообщил Тщательник, возвращаясь к рычагам.

— И здесь тоже.

— И хорошо. Только время уходит. — Он выставил горизонтальный и вертикальный рули на нужный курс и прибавил оборотов винта. Корма «Взгляда Сверху» слегка приподнялась, и шар пошел вниз, поворачиваясь к причалу Северной Стороны острова. — Ты не могла бы провести корабль вокруг Северной Стороны, пока я буду смотреть?

— Вполне.

Летать в такую тихую погоду было просто. Пульт заднего кресла включал в себя два челюстных рычага и еще пару, вынесенную вперед настолько, что их можно было использовать как педали. Все вместе они позволяли управлять рулями и винтом. Не так просто, как интерфейс

«показывай и лети», но Равна натренировалась.

Тщательник выставил вперед две подзорные трубы. Выгнутые окуляры можно было поворотом подогнать к любой стороне головы. Посередине каждого тубуса имелась защелка, пристегивающаяся к плечевой лямке обычной куртки элемента. Через несколько секунд трубы были установлены на двух телах Тщательника, и еще два элемента оглядывались, указывая цели для наблюдения.

— Так, хорошо. Подвинься чуть севернее… ага. Если не считать моей строительной баржи, у причала почти никого нет.

Причал Северной Стороны был в основном занят *серьезным* проектом Тщательника по строительству воздушного судна: созданием жесткого аппарата. Надстройка «Взгляда Сверху — 2» уже виднелась конструкцией шпилей и балок, поднимающейся от строительной баржи. После завершения постройки, где-то через полгода, «ВС-2» будет иметь больше двухсот метров в длину и сможет перевозить дюжину стай через весь континент без посадки.

Больше половины тел Тщательника работали с двумя подзорными трубами как с биноклем, оглядывая пирсы и стоянки лодок. Остальные ле-

жали на дне корзины, будто уснули. Скорее всего они работали вместе с остальными, создавая из виденного единый проанализированный образ.

Тщательник что-то про себя бормотал — для Равны по крайней мере его аккорды смысла не имели.

— Ха! Вот кто-то мокрыми лапами наследил на набережной. Видишь, вон просвет в каменной кладке? Там какая-то стая была недавно, уплыла на каком-то однокорпусном дневном рыбаке. Так что теперь мы знаем, что искать! — Два элемента с подзорными трубами отступили от борта. Остальные растянулись к клапанам балласта. — Теперь быстро вверх, ваше высочество!

Он выпустил часть воды, и лодка поплыла вверх.

Равна свернула к северо-западу, через внешние проливы. Островов в канале было множество, в основном лесистых и необитаемых. Если вор туда успел добраться, то почти наверняка улизнет.

Тщательник посмотрел на пружинные часы на куртке Белоголового.

— Полетели к Гряде — единственное место, куда может успеть вор в этом направлении. — Он снова навел трубы, сканируя открытую воду до-туда, где вокруг далеких островов висел морской

туман. — Хм, а вот пара двухкорпусных, на нашего парня никак не похоже.

Несколько секунд они летели выбранным курсом, винт нес их со скоростью примерно пять метров в секунду. В плетеной корзине было холодно и темно, но хотя бы набегающий поток воздуха отклонялся носовым обтекателем.

Равна закрепила рули и стала искать рацию, принесенную Тщательником. Эти рации были одним из довольно странных изобретений «Внеполосного». Конечно, никаких встроенных процессоров, прибор был полностью аналоговый, шумящий на всех частотах радиодиапазона. Это не важно. Звездолет наблюдал за окружающим пространством, вылавливая все сигналы.

— Корабль! Ты видишь, где я? — спросила Равна в микрофон.

— Да, Равна, — отозвался приятный мужской голос, *вероятно, похожий на голос Фама*. Но даже крупицы какого-либо ума в этом голосе не слышалось. Автоматика «Внеполосного» была всего лишь лучшей вычислительной системой, которая может работать в Медленной Зоне. Сейчас Равна уже почти привыкла к этому интерфейсу, и большего она сделать не могла, когда на ней не было тиары.

Она описала проблемную ситуацию в понятных звездолету терминах.

— И следи за радиопередачами в районе моего местоположения.

— Слежу, — ответил «Внеполосный».

— Какие ты видишь передачи в пределах… четырех тысяч метров?

— Вижу многочисленные…

— Лабораторию Северной Стороны не учитывать.

— Вижу одну, твою текущую передачу.

— Какие-либо радиосигналы с острова Гряды?

— На радиочастотах с острова Гряды слышится только естественный фон.

— Хорошо. В дальнейшем: сообщать о любых искусственных радиосигналах, полученных в пределах… — *Гм. И правда нужен интерфейс получше.* Она выбрала грубую оценку: — Десяти тысяч метров от северной оконечности Скрытого Острова.

— Веду наблюдение. Отчеты передавать непрерывно?

Равна секунду подумала.

— Нет. Докладывать об аномалиях и транслированных передачах.

На этой окраине Домена вполне законно могло

использоваться несколько раций — в рамках неуклюже развивающейся операции, которой управлял «Внеполосный».

— Отлично, — отреагировал «Внеполосный». — Сейчас ничего необычного не вижу.

— Не думаете ли вы, ваше высочество, что могли бы доверить мне работу с радиоинтерфейсом?

Тщательник был с голосовым общением почти так же искусен, как Резчица.

— Нет, ты все свое внимание обрати на землю.

Тщательник вокруг корзины что-то пробурчал. Путь привел их к низким берегам Гряды, и советник по науке навел трубы на подножие высоких вечнозеленых деревьев:

— Ничего нет. Ни следа на песке, а это единственная суша, куда они могли бы сейчас добраться. Вор либо затаился на Скрытом Острове, либо ушел по проливам к материку. И нам его теперь никогда не догнать. Никакого от нас толку.

Тщательник часто бывал таким — впадал в уныние и на время сдавался. Но Равну только начинала интересовать эта проблема. Наличие в распоряжении «Взгляда Сверху» и «Внеполосного» открывало некоторые возможности.

Она поговорила с «Внеполосным». Он сообщил о направляющемся в глубь материка воздушном

потоке на высоте пятисот метров и в нескольких сотнях метров к югу. Сбросив еще чуть балласта, Равна переложила рули и пустила винт с максимальной скоростью, которую мог дать его электромоторчик. Лодка пошла вверх, Равна направляла ее согласно указаниям со звездолета. И это было забавно, если забыть, что она превратила себя в сервомеханизм безмозглой автоматики собственного звездолета.

Они поднимались будто по невидимой лестнице, поворачиваясь на сто восемьдесят градусов. Тщательник смотрел во все стороны, потом сосредоточил внимание на Внутреннем Канале, между материком и Скрытым Островом. Каждые несколько секунд он делал замечания об открывающейся внизу местности.

— Все еще никаких следов… ух ты, какая скорость! Госпожа, ваш маневр сделал бы честь самой Джоанне! — Звездолет доложил, что «Взгляд Сверху» летит со скоростью около двадцати метров в секунду. — И я вижу всю береговую линию материка! Помяните мое слово, мы этого вора поймаем!

Они плыли дальше, скорость относительно воздуха была та же, но они уже летели к югу вдоль Внутреннего Канала. «Внеполосный» новых пере-

дач не регистрировал. Конечно, это было смелое предположение, что вор попытается *надеть* радиоплащи. Для Стальных Когтей эти устройства были почти что религиозной святыней. Надень их — и ты можешь лишиться разума от перегрева, но если этого не случится, ты станешь богоподобной стаей, которая способна оседлать мир, оставив километры между своими элементами! Самому Божидару могло хватить самоуверенности надеть плащи в процессе их кражи, но его миньоны вряд ли бы на такое решились.

Она смотрела на береговые обрывы — плечи, на которых держался Холм Звездолета. Если вор каким-то образом добрался до берега, он спрячется в вечнозеленой растительности круч. «Внеполосный» сообщил, что через несколько часов разразится летний ливень. Под его прикрытием вор может добраться до места планируемой встречи с тропиканцами. Равна посмотрела на пену умирающих весенних листьев среди вечнозеленых крон. Почти всюду земля была скрыта. «Внеполосному» эти обрывы не видны. Но все же…

Она вызвала звездолет еще раз.

Все внимание Тщательника было на подзорных трубах; очевидно, он не заметил, что говорила

звездолету Равна. Одной мордой он показал вниз:

— Там войска Резчицы выходят на берег материка! Им надо сказать, что берег к северу мы осмотрели. Вызовите их, ваше высочество.

Тут советник по науке обратил внимание, что она не звонит.

— Ваше высочество!

— Одну секунду, Тщательник. Может, мы обнаружим плащи, хоть они и не включены.

— Но мы должны известить Резчицу! — Даже держащие трубы элементы обернулись к ней. И тут он вздрогнул и стал принюхиваться к собственному меху. — Ух ты! Вы почувствовали, ваше высочество? Как легкий электрический удар, но сразу по всем телам.

Равна ничего не чувствовала — может быть, потому, что у нее не было шести покрытых шерстью тел. Но объяснить она могла.

— «Внеполосный» только что стукнул нас очень ярким импульсом. Даже если плащи отключены и скрыты от прямого импульса препятствием, они могут дать эхо.

— А! — Что у Тщательника хорошо — ему по-настоящему нравятся красивые неожиданные решения. — В таком случае мне только приятно

быть вашим личным приемником радиоимпульсов.

Равна улыбнулась в ответ и послала вызов звездолету.

«Внеполосный» ответил:

— Кроме известных раций, не откликнулось ни одно устройство.

Тщательник высунул морды по обе стороны корзины и невооруженным глазом стал рассматривать проплывающую внизу местность.

— Я бы предложил посылать импульсы регулярно. Тропиканцы ни за что не догадаются об этой хитрости, ваше высочество. Рано или поздно мы попадем туда, где «Внеполосный» отыщет краденое.

Равна согласовала с «Внеполосным» план наблюдения, получила еще несколько сообщений о воздушной обстановке и передала Резчице слова Тщательника. Лодка продолжала двигаться на юг, поднимаясь еще на сотню метров, и почти поравнялась с линией телефонных столбов, идущих к югу вдоль Дороги королевы.

«Взгляд Сверху» уже не мчался так быстро, но все равно хорошо опережал поисковые партии Резчицы. Всего в сотнях метров от линии столбов и параллельно ей шла улица особняков, где жили

старшие Дети и богатые стаи. Это, быть может, было самое видимое достижение последних десяти лет. Равна не знала, плакать по этому поводу или смеяться. Деревянно-кирпичные дома строились просторными, каждый вполне мог вместить супружескую пару, маленького ребенка — существующего или планируемого — и пару друзей-стай. «Внеполосный» поддерживал в этих домах тепло, направляя низкоэнергетичный луч на башни для нагрева воды, стоящие рядом с каждым домом. Так что эти коттеджи были целый год комфортабельны и уютны, с холодной и горячей водой и удобствами внутри. Приличная часть технической ренты «Внеполосного» уходила на оплату этих коттеджей для Детей. Дети второго поколения думали, что эти дома просто райские. А их родители считали такие дома лишь маленьким шагом прочь от чистилища.

— Ха, еще один импульс пришел, — сказал Тщательник.

Равна вызвала корабль — никаких радостных известий.

— Мы почти у Береговой гавани, Тщательник. Я думаю, что дальше вор не мог уйти.

В любом случае проливы между Скрытым Островом и материком были куда сильнее забиты

транспортом, чем грязные воды Северной Стороны. Очень мало было бы надежды высмотреть там подозреваемое судно.

— Да. Я думаю, надо развернуться и... — Тщательник поднял подзорные трубы, показывая вперед на поднимающиеся холмы, — но еще не сейчас! Тропиканцы, похоже, сами себя перехитрили. Там что-то странное творится возле их дурдома. Можешь туда подлететь тихо?

Комплекс посольства находился сразу к югу от коттеджей — огороженное стадо разваливающихся сараев, примостившихся на краю долины Маргрума.

— Посмотрим. — Она послала быстрый вызов на «Внеполосный», потом обернулась к Тщательнику. — В этом направлении бриз понесет нас на юг до самой земли.

Она еще десять секунд дала работать винту, и этого времени хватило, чтобы вывести корабль на курс, ведущий к комплексу. Высота над вереском была не больше двенадцати метров. Равна выключила мотор, бриз подхватил судно, окруженное жуткой тишиной.

— И как?

Ни одной головы не поднял Тщательник от своего интенсивного наблюдения.

— Прекрасно. Эти сволочи что-то задумали. Они столпились к северо-западу от комплекса.

— Что, опять с санями играют?

Прошлой зимой были сильные снегопады, и тропиканцам полюбились большие сани. С присущей толпе недальновидностью они стали собирать деньги — нищенством и работой, чтобы купить саней побольше. И купили как раз к весенней распутице.

— Нет! — ответил Тщательник. — Они собрались у изгороди, возле магистральной телефонной линии. Интересно, насколько мы близко можем подобраться, чтобы они нас не видели?

Равна оглянулась назад. Уходящее к северу солнце заглядывало под закругление баллона.

— Мы подходим к ним против солнца.

Сейчас не видна была тень от «Взгляда Сверху», но на вереске внизу виднелось круглое сияющее пятно, где эта тень могла бы быть — у самого края долины Равна стравила чуть водорода. «Взгляд Сверху» опустился, и яркое пятно оказалось *внутри* комплекса.

— Блестяще, ваше высочество! Вы можете нас всю дорогу вниз держать в солнце?

— Думаю, что да.

Когда пятно рассеянного света ушло за ком-

плекс, Равна стравила еще чуть водорода. Господи, да это как будто программа наведения работает! Равне понравилось, что такая удобная вещь встроена в самую основу вселенной.

Шар находился в пятистах метрах от комплекса и терял высоту. Равне пришлось встать с сиденья, чтобы заглянуть через нос корзины. Тень «Взгляда Сверху» была сейчас отчетливо видна, окруженная гало отраженного света. Она стравила еще газу, чтобы тень оказалась у тропиканцев за спиной.

Их там была группа, стоящая на краю Дороги королевы, там, где она ближе всего подходила к посольству. Эта толпа, да еще те, кто остался в лаборатории, составляли почти все население посольства, хотя подсчет всегда был приблизительным. Некоторые тропиканцы вернулись на юг, когда обломки их кораблей наконец ушли обратно в море. Остальные, вероятно, многие годы участвовали в прорывах Фрагментария.

Уже видны были их рваные куртки и штаны, краска на обнаженных головах и мембранах. Набралось бы их тут стай на двадцать, перемешанных полностью. Ага, оргия на марше.

До них было всего метров двести, но никто из них не смотрел на «Взгляд Сверху». Равна стравi-

ла еще водорода, чтобы тень шара не попалась стаям на глаза.

Тщательнику уже не были нужны подзорные трубы. Он выставил пять голов над перилами корзины, глядя вниз, а Белоголового повернул к Равне.

— Тсс! — прошептал Белоголовый. — Я их *слышу*!

Еще несколько секунд — и Равна их тоже услышала. Звуки в тишине доносились ясно и становились громче по мере приближения — бульканье и шипение Стальных Когтей. Аккорды были для Равны бессмысленны, но она и местный язык понимала слабо, даже когда стаи очень старались говорить ясно.

А у Тщательника таких ограничений не было. Белоголовый придвинул нос ближе к лицу Равны, чтобы передние мембраны звучали еще тише:

— Слышишь, что они говорят? Эти сучьи отродья уже знают о краже! Вот точное доказательство, что они это и устроили. Никто из их отряда не мог еще успеть вернуться из лаборатории!

«Взгляд Сверху» повис над ними. Тонкое наведение больше не было нужно, и Равна, покинув кресло пилота, наклонилась через край корзины. Шар пролетал вровень с витой башней комплек-

са. Прямо под ним, не дальше сорока метров в сторону, собралась толпа тропиканцев. Все они были чем-то взволнованы. И тут Равна увидела лежащий на земле телефон. От него к ближайшему столбу тянулся тонкий провод.

— Вот как, — сказал Тщательник.

Да, это объясняло, чем они взволнованы и почему собрались возле дороги. Узелок на память: никогда не давать этим тварям половину решения.

И только теперь кто-то наконец заметил «Взгляд Сверху». Во многих местах виднелись поднятые вверх головы, и Стальные Когти засуетились, подняв невероятно громкий шум для существ размером с собаку.

Тщательник заорал в ответ, и Равна просто присела и заткнула уши пальцами. Битва шумогенераторов продолжалась несколько секунд, становясь с обеих сторон все громче. Ей показалось, что тропиканцы бегут внизу за ними? Поднять голову и получить полную морду крика она опасалась.

«Взгляд Сверху» скользил над долиной Маргрума. Равна видела, как тропиканцы выстроились у края обрыва, подпрыгивая в очевидной ярости. Люди бы грозили кулаками.

— Безмозглые балаболки! — возмущенно пыхнул Тщательник. — Единственная у них тема — как мы оскорбили их посла и как они имеют право втыкаться в наши телефонные линии. Жулики! Жулики! Жулики!

Последние слова вместе с аккордами были направлены противнику.

Равна сбросила немножко балласта и включила винт, пуская «Взгляд Сверху» в длинный поворот с набором высоты, чтобы взять курс на север над Внутренним Каналом. Всем Силам на удивление и на таком огромном расстоянии Тщательник продолжал перекрикиваться с тропиканцами, обмениваясь характеристиками.

Глава 08

Шли дни. Дело с украденными радиоплащами так и не разрешилось. Обыск отряда посла в лабораториях Тщательника ничего не дал. В конце концов обыскали лабораторию на Северной Стороне, все доступные якорные стоянки на ближайших островах и материковом берегу — без результата. Равну восхищало, как элегантно направлял Божидар возмущение тропиканцев. Он не всегда был так умен. За последние восемь лет объект, которого называли послом, подбирал и совершенствовал свой состав. Сейчас у него были почти уважительные оправдания, почему его люди подключились к телефонной линии: они ожидали звонка посла в один из ближайших домов Домена. Когда владелец дома не передал в посольский комплекс ничего, тропиканцы забеспокоились о безопасности своего посла и потому подключились к телефонной сети (очень грамотно, кстати, для первой попытки) и начали поднимать шум по всей линии. Обычно советы «Внеполосного» по маршрутизации делали систему вполне работоспособной, но много зависит

от пользователей, прислушивающихся к этим советам.

Жалуясь и оправдываясь, Божидар в то же время отказался разрешить обыски на территории посольства. Резчица ответила осадой. Это длилось примерно декаду — и кончилось тем, что Божидар согласился дать разрешение на обыск здания взамен года бесплатного доступа к телефонной сети.

Естественно, обыск в посольстве результатов не дал.

Вот это сочетание скрытности с клоунадой было и эффективно, и подозрительно. Тщательник и Невил лоббировали высылку тропиканцев из Домена, и черт с ним, со стратегическим сырьем. Джоанна считала, что тропиканцам никогда бы не хватило ума на серьезную кражу. Резчица считала, что ими манипулирует Свежеватель (а то как же!) или, быть может, давно пропавший Хранитель. Свежеватель все отрицал.

Равна тем временем сосредоточилась на *своей* главной проблеме. Всеми силами она старалась умерить недовольство, из которого росли симпатии к «Группе изучения катастрофы». Приходилось осуществлять перемены и проводить реформы. К несчастью, даже в самых простых

проектах попадались скрытые ловушки. Вот, например, идея дать Детям больше доступа к «Внеполосному». В конечном счете это могло замедлить ход исследований, но за все приходится платить. Равна без труда смогла очистить главную грузовую палубу корабля. Она теперь открывалась прямо на уровень земли, и оставшуюся аппаратуру можно было хранить в Новом замке. И еще меньше проблем было — просто попросить автоматику корабля — превратить внутренние стены в дисплеи. Сводчатый грузовой трюм превратился в уютный зал заседаний. Дети с удовольствием украшали помещение.

И вскоре грузовой трюм стал грубой имитацией тех мест, которые Дети помнили с того времени, когда мир еще не рухнул. Появился выборный комитет (демократия поднимает голову), определяющий интерьер на каждую декаду. Дети и их Лучшие Друзья — стаи являлись толпами. Поскольку они находились внутри корабля, «Внеполосный» мог настроить акустику так, чтобы стаи сидели в паре метров друг от друга, не вторгаясь друг другу в мыслезвук. Это для большинства стай было ново и отдавало магией, отчего место становилось еще более популярным.

Таким образом, Новый зал встреч имел оше-

ломительный успех, с непредусмотренными побочными эффектами, тоже положительными. Так? Не совсем. Серьезная скрытая ловушка. Впервые она проявилась, когда Равна освобождала грузовой трюм. Когда вагонетки с барахлом из трюма (в основном техника из Края и для Края, которая, может, когда-нибудь пригодится) прибыли в Новый замок, стражники Резчицы блокировали груз почти на полдня. Резчица, сообщили Равне, находится на берегу и без радиосвязи, и она не сказала, где следует хранить груз и следует ли его принимать вообще! *Административный идиотизм,* — подумала тогда Равна. Такие штуки иногда устраивал Тщательник, но служители Резчицы обычно бывали умнее. Кроме того, она осмотрела подземные помещения замка вокруг модуля Детей. Места достаточно!

Резчица по закону распоряжалась в замке, точно так же, как Равна была хозяйкой на «Внеполосном». Это было оговорено их соглашением соправительниц, но Равне никогда прежде не отказывали в доступе в катакомбы. И Резчица знала о планах Равны на грузовой трюм.

В конце концов Равна добилась того, чтобы груз увезли, но в последующие дни — впервые за десять лет совместной работы — она ощутила

между собой и Резчицей дистанцию и холодок.

Об этой проблеме Равна спросила у Странника. Он, как консорт королевы и родитель некоторых ее элементов, должен был высказать какую-то догадку!

— Резчица стесняется что-нибудь по этому поводу сказать, Равна.

— А? — изумилась она, вспомнив всегдашнюю прямоту Резчицы. — С чего бы это Резчица стеснялась мне пожаловаться?

— Потому, я думаю, что она знает: зря она на тебя злится.

— Вы… вы это обсуждали?

— Ага. В основном она думает, что этот твой Новый зал нарушает баланс репутаций между вами. — Он постучал друг до друга парой носов, и вид у него был несколько смущенный. — Я понимаю, что это… людское слово «ребячество» хорошо передает смысл. Я бы тебя предупредил, но был уверен, что Резчица признает глупость своего поведения в этом деле. Она не всегда такая, но у нее новый щенок пока еще не совсем согласован с остальными. — Он просиял: — Я с ней поговорю! Втроем соберемся и…

— Нет, я сама с ней поговорю. Надо было мне подробнее объяснить ей эту идею с самого нача-

ла. Новый зал заседаний не станет заменой Залу Тронов. Это просто неофициальное место — такое, где каждый может приблизиться к миру, который мы хотим построить.

Так что Равна пришла на прием к своей королеве-соправительнице в Зал Тронов на Холме Звездолета. Даже это уже была перемена — до тех пор она чувствовала себя вправе завалиться почти без предупреждения.

Какое-то время она разговаривала с Резчицей, подчеркивая, каким модным местом стал Новый зал заседаний, как он приводит Детей и их стаи к пониманию и желанию участвовать в том, что стараются сделать Равна и Резчица.

— Получилось лучше, чем я думала, Резчица. Есть стаи, не связанные с Детьми — среди них традиционалисты из города Резчицы, — приходящие в Новый зал. В конечном счете он может стать чем-то вроде дипломатического центра.

Резчица в основном свернулась в клубок возле рации. На энтузиазм Равны она вежливо кивнула:

— То есть чем-то вроде капитолия?

— Да… то есть нет, не центром власти. Резчица, стаи и Дети всегда имели доступ к данным корабля. — Она сумела слегка засмеяться. — Вот

почему столько Стальных Когтей стали такими специалистами по людям и Краю! А Новый зал просто облегчает им этот доступ.

Резчица слегка покачала головами:

— Но твой звездолет *является* центром власти, что бы ни говорили ты или я. Глядя с парапетов Нового замка, я вижу телефонные кабели, и все ведут к твоему звездолету.

— Но мы же используем «Внеполосный» для коммутации и логического обеспечения доступа…

Резчица будто не слышала:

— И твой звездолет скрыто управляет доступом к радиосвязи и трансляцией — без нее наши мелкие рации барахтаются в болоте малого радиуса действия.

— Это только до тех пор, пока не будет приличных торсионных антенн.

На самом деле Равна надеялась, что миру Стальных Когтей не придется продираться через эпоху управления аналоговыми частотами. Центральное управление справится, пока не появится цифровая обработка сигнала.

— И мы, Стальные Когти, почти ничего из тех энергетических схем, что видели в твоих архивах, не создали. Лучевая пушка твоего корабля

согревает нам воду и дома.

Равна воздела руки:

— Но если бы не подсказки «Внеполосного», десятки лет ушли бы, пока мы бы создали что-то подобное.

— Я знаю, — ответила Резчица. — Но сегодня, когда я смотрю и вижу «Внеполосный» с его лучевым ружьем, так удачно расположенным над сердцем Домена…

Равна села в ошеломленном молчании. После Битвы на Холме Звездолета Резчица выбрала Старый замок Свежевателя как свою резиденцию, и Равна переставила «Внеполосного» на Скрытый Остров. В первый год королева сообразила, что как бы ни был наспех построен Новый замок на холме, он и есть подходящий центр великой империи. Она переехала сюда и попросила Равну переехать следом, снова вернув корабль на холм, стражем, который всем будет виден. Переместить звездолет было непросто; Равна представить себе не могла, что корабль снова будет летать. И вот теперь?..

Резчица переглянулась сама с собой. Противоречивые мысли?

— Прости. Я знаю, я сама просила помощи «Внеполосного». И я знаю, что ты удалила каскад

усиления лучевого ружья. Я никогда бы не сочла твою службу кораблю угрозой. Только последнее время я вижу риски некоторым новым прозрением.

— Наша зависимость от твоего корабля во всем делает его единственной точкой разрушения — таков, кажется, ваш технический термин, который я, естественно, узнала из текстов в архиве «Внеполосного». Разве это не считается непредусмотрительным — ставить работу всей системы в зависимость от одной детали?

Для Равны ответ на этот вопрос всегда был очевиден. У нее есть жесткий срок, и он, быть может, меньше даже ста лет. Она наклонила голову.

— Я понимаю. Но разве мы не говорили об этом прежде? Я думала, мы согласились. «Внеполосный» мы используем для поддержки работы Тщательника и как можно более быстрого прогресса.

Резчица вздохнула:

— Да. И вообще мы слишком далеко ушли по этой дороге, чтобы что-нибудь менять.

Слава Силам!

Равна вдруг поняла, что катастрофы удалось избежать. Дело было куда хуже, чем говорил Странник.

— Резчица, если ты в смысле равновесия считаешь зал встреч на «Внеполосном» отрицательным явлением, скажи мне, и я его уберу.

— Нет, Равна, я согласна с твоими доводами. Меня устраивает твой Новый зал встреч.

– *Наш* Новый зал встреч, Резчица. Благодарю тебя. — Равна попыталась сменить тему. — Так как там инспекция границ?

После пропажи плащей Резчица попыталась ввести что-то вроде государственной охраны горных перевалов между ледяными вершинами.

Резчица качнула головами в улыбке.

— Все сделано, и куда быстрее, чем я полагала возможным. — Она пожала плечами. — Это не существенно. В данном случае реальная угроза — это не иностранцы. Я уверена, что плащи из Домена не вынесли.

— А, да. Свежеватель.

— Ты имеешь в виду *преобразованного* Свежевателя, — с хитрецой сказала Резчица. — Как его ни реформируй, но именно он всегда жаждал получить эти плащи. Они питают его мессианские стремления.

— Ты могла бы вышибить его из Совета.

— Я думала что-нибудь против него предпринять. Но вряд ли ты понимаешь, насколько он

умен. На самом деле я думаю, он так же умен, как и до того, как убили четыре его составляющие. Тиратект, «скромная училка», была выбрана отлично. И у него по-прежнему полно политических связей на Скрытом Острове и к северу от него. Он слишком тонко работает, чтобы его поймали, и слишком силен, чтобы его отодвинуть.

— Но нет же никаких улик, что он какое-то отношение имеет к краже.

— Есть некоторое количество косвенных улик. Странник их заметил. И Тщательник заметил бы, не сосредоточься он так на тропиканцах. Немногие воры сумели бы уйти от твоего преследования, Равна. Ты снова показала замечательную полезность «Внеполосного».

— Вот как?

— Я узнала детали от Тщательника больше, чем он рассказал Совету. Вы использовали множество приемов, о которых тропиканцы даже не могли подозревать. Никто, не знающий как следует технологию «Внеполосного», не мог бы ускользнуть от твоего поиска. Тщательник мог бы. Может, и я могла бы — проведя кучу предварительных исследований. И есть Свежеватель, который за эти годы мало ли что мог бы вытащить из «Внеполосного» и которого я все равно подозреваю в

краже «Олифанта».

Равна хотела было возразить, потом решила, что и так сегодня слишком провоцирует параноию Резчицы. На самом деле тот, кто украл компьютер «Олифант», получил оракула в некоторых отношениях не менее важного, чем «Внеполосный». Владение им делало осуществимым почти любой коварный план. А Резчица была абсолютно уверена в том, что ее самый умный отпрыск — законченный негодяй.

Я должна сказать спасибо, — подумала Равна. *— Пусть лучше у Резчицы будет мания насчет Свежевателя, чем насчет Нового зала встреч.*

Когда Равна спустилась из Нового замка, оставалось час или два до полуночи. Вересковая пустошь погрузилась в сумерки. На южном небе показалась звезда — это был кружащий по орбите грузовой корабль, что привез сюда посадочный модуль Детей.

Темнота и ясное небо принесли глубокую прохладу, которой летом почти не бывало. Когда Равна добралась до «Внеполосного», поднялся ветерок, ледяными иголочками пронизывающий свитер местного производства. У Детей такая одежда называлась «несказанно тупая». Эта ткань действительно совершенно не умела

усреднять температуру.

Свет из грузового отсека «Внеполосного» — Нового зала — ложился на склон тепло и радостно. Равна стояла на краю светлого пятна и смотрела внутрь. Даже сейчас там были стаи и Дети. Наверное, просто играли, но все равно приятно было смотреть. И Резчице это место тоже в конце концов понравится.

Но разговаривать Равна сейчас не хотела ни с кем. Она миновала освещенное место, огибая корабль. После кражи плащей вопросы охраны очень тщательно обсуждались на заседаниях совета. Невил при активной поддержке Тщательника и мрачном согласии Джоанны считал, что сейчас может случиться вообще что угодно, в том числе налет грабителей и бандитов. Равне это казалось глупостью, но на самом деле неизвестно, кто против них действовал. Может быть, помогли бы дополнительные камеры наблюдения. Может быть, нужно усилить охрану численно.

Пока разработаем всю нужную технику, получим все минусы национального государства.

Как бы там ни было, ничего не могло случиться перед внимательными глазами ее корабля. Равна подошла к корпусу, и «Внеполосный» бесшумно открыл для нее люк. Она вошла, и корабль от-

нес ее в ее комнаты. Там она сменила тяжелый свитер и штаны на одежду, которую носила на борту. И одно это действие снова ей напомнило о ее особых преимуществах. Очень скоро придется перебираться из этой берлоги. Это стало личным императивом, пусть она даже никому об этом не говорила. Жизнь за бортом «Внеполосного» замедлит ее работу, но сейчас Равна поняла, что оставаться на борту может оказаться еще деструктивнее.

Но пока что сегодня у нее более чем достаточно работы, которая требует всей техники, доступной на мостике звездолета.

Что замышляет Свежеватель-Тиратект? У Резчицы эта стая под очень сильным подозрением. На самом деле Равна знала, что некая малая часть этих подозрений верна. Коварный монстр (пусть и преобразованный) наверняка сообразил, что Резчица прослушивает его помещения. Но причина, по которой Равна это знала, давала ей уверенность, что за теперешними загадками стоит не Свежеватель.

Она присела на кресло любимого фасона и вызвала комплект наблюдения «Внеполосного» — систему Верхнего Края, которую скрывала от всех.

«Внеполосный-II» был рассчитан на работу возле Дна Края и даже в Медленной Зоне (где они сейчас застряли). Но *построен* он был в Среднем Крае, где технология балансировала на грани разумности. И почти ни одна из высших функций корабля Здесь не осуществлялась. Конечно, Здесь ни один корабль не мог летать быстрее света. И антигравитация тоже медленно умирала. Переводчики естественных языков создавали тексты просто смехотворные. И даже если местная физика разрешала какое-либо явление, программное обеспечение корабля зачастую не умело его использовать. Вот почему в проекте «Внеполосного» так много использовалось Очень Тупых Решений классических проблем.

И тем не менее бывали приятные сюрпризы. После гибели Фама, после Битвы на Холме Звездолета Равна провела инвентаризацию того, что осталось. Среди обломков попадались высокотехнологичные устройства, продолжавшие как-то функционировать. Равна открыла их Джоанне, потом Резчице и потом Исполнительному Совету, когда он был создан, но одну вещь скрыла: комплекс для наблюдения. Она и Дети оказались в ловушке в мире средневековых чужаков. Единственным представителем иных миров была

наездница Зеленый Стебель, да и та ушла почти сразу. *Как же мне тебя не хватает, Зеленый Стебель.*

Эта мысль все еще возникала иногда — Зеленый Стебель была с Равной в самые тяжелые моменты в космосе.

Так что поначалу кое-какие секреты Равна сохранила. Открывать этот секрет сейчас было бы уже поздно. В Крае «камеры» представляли собой больше, чем могли вообразить цивилизации ранней технологии. Камерами могли быть: слой краски, создания, похожие на насекомых, и даже бактериальные инфекции. А доставка информации наблюдателю могла быть еще необычнее, посредством облака возмущений — акустических, визуальных, термальных, которые для восстановления исходной информации требовали колоссальной обработки.

Одна из таких аппаратных систем пережила импульс Контрмеры. Еще поразительнее, что «Внеполосный» был в состоянии восстановить информацию. С самого начала Равна должна была решить, за кем установить особое наблюдение. И выбор не был труден. Прежний Свежеватель создал странную культуру, изобретательно жуткую и жутко изобретательную. И казалось, что он

именно так опасен, как утверждает Резчица.

Поэтому в эти ранние годы Равна инфицировала все элементы Свежевателя-Тиратект системой наблюдения. Физически эта система была безвредной, и создавать свои дубликаты устройства не могли, но их было достаточно, чтобы отслеживать его, сколько будет нужно.

Можно было надеяться, что достаточно.

В последующие годы Равна часто жалела — хоть сожаление никогда не переходило в отчаяние осознания роковой ошибки, — что не инфицировала этой системой кого-нибудь другого. Однако «преобразованный» Свежеватель был самым большим неизвестным и потенциально — самой большой угрозой, и камеры Равны открыли ей, что каким бы странным созданием ни был Свежеватель-Тиратект, он не работает против Резчицы, Равны и их планов. Не один раз после этого ей хотелось открыться Резчице. Вот и теперь, после недоразумения с Новым залом, Равна подумала, рискнет ли она когда-нибудь рассказать Резчице правду.

Последние подозрения Резчицы по поводу Свежевателя и радиоплащей были весьма правдоподобны — для тех, кто не знал о системе наблюдения Равны. Корабль постоянно обраба-

тывал получаемые от Свежевателя данные, записывал реконструированные образы, отслеживал заданные условия опасности. Равна эти записи тщательно просмотрела сразу после кражи радиоплащей, и реформированный Свежеватель показался ей таким же невежественно-невинным, как всегда. Что еще она могла сделать?

Интересно, что эта стая собирается делать прямо сейчас, сегодня?

Не слишком четкая мысль, потому что кадры «реального времени» от этой системы были странными и размытыми. Но все же Равна запрос сделала.

Прошло несколько секунд. У этой системы эффективность катастрофически падала с расстоянием, и за пределами ближайших окрестностей сигнал искажался почти безнадежно. К счастью, Свежеватель уходил из зоны хорошего приема лишь несколько раз в год — Резчица его держала жестко. Доклады инфекции поступали несинхронизированными каплями через ближайшие случайно размещенные устройства, оказывающиеся в пределах прямой видимости. Передача данных для одного изображения могла занимать тысячу секунд — а для следующего менее секунды.

Иногда важные данные проявлялись потом, и тогда «Внеполосный» перестраивал потоки изображений, иногда весьма неожиданно.

Сегодня прием был плохим, но системы обработки сигналов «Внеполосного» подбирали ключи, картинки постепенно становились яснее, приобретали цвета и яркость. Несколько мгновений движения — и снова поток застывал. Равна попыталась подрегулировать параметры.

Свежеватель находился где-то в нижних цокольных этажах Старого замка. Он туда уходил два-три раза в год. Несколько лет назад Равна пришла к выводу, что Свежеватель наверняка знает расположение камер Резчицы. Заключение было тревожное, но потом она поняла, что в основном эти путешествия «вниз» были в рамках хобби Свежевателя — злить родителя своей стаи.

Бывали и исключения: Свежеватель делал некоторые вещи, которые хотел от Резчицы скрыть. Например, Резчица запретила Свежевателю попытки реабилитации *его* создания, Булата. В этом Резчица отступила от своего мирного договора со Свежевателем — единственный такого рода инцидент, известный Равне. Останкам Булата позволили жить, но лишь в виде дрожащей и жалкой тройки. Умалишенную стаю держали в

изоляции, во фрагментарии для ветеранов.

Одно время казалось, будто Свежеватель может возобновить войну из-за нарушенного обещания Резчицы. Но он воспользовался ситуацией, чтобы выиграть множество уступок — в том числе переоборудование Старого замка. Однако Равна знала, что коварный Свежеватель не оставил мысли восстановить Булата. В ранние годы Свежеватель часто спускался под цоколь для встреч с Заботницей, псарем Фрагментария. Эта стая была безусловно лояльной Резчице и, вероятно, возражала против любого жуткого эксперимента прежнего Свежевателя. Они с Заботницей действительно устроили заговор, но лишь с целью уговорить Резчицу восстановить целостность Булата. Может быть, они и преуспели бы, но проблема Булата трагически разрешилась изнутри: бедняга довоевался сам с собой до смерти, обессмыслив планы заговорщиков.

Равна была уверена, что Резчица посмотрела бы не столь снисходительно. Сама по себе встреча в катакомбах Старого замка — уже состав измены. Эти помещения пропитаны ужасом. Когда-то Резчица попыталась сделать переучет всех комнат замка. Ее стаи нашли как минимум пять уровней и много заброшенных туннелей, до

сих пор не обследованных.

В прошлые годы катакомбы интриговали Детей невероятно. Когда им исполнялось десять-одиннадцать, они все отчаянно рвались исследовать «Свежевателевы пещеры смерти». Если учесть естественное выветривание и провалы, то входов было полно, и каждые пару лет находили новые. Рано или поздно кто-нибудь из ребят мог свалиться и погибнуть, и это было самой большой ежедневной тревогой Равны — до появления этой секты отрицателей.

В сегодняшней экспедиции почти весь Свежеватель нес лампы на солнечных аккумуляторах. Света они давали едва ли больше смоляных факелов, зато не поглощали кислорода и не дымили. Равна узнала пещеру с низким потолком, которую проходил Свежеватель. Такого грязного места она в жизни не видела и надеялась больше не увидеть. Ей помнилось, как там воняет, хотя столько лет прошло. Темный пол был истыкан каменными заглушками, похожими на небольшие крышки люков. В картинке, которую синтезировал «Внеполосный» из разных голов Свежевателя, можно было разглядеть шестиугольный узор десятков — сотен — таких крышек, уходящих в темноту.

Поток изображений застыл: «Внеполосный» ждал сигнала или — что более вероятно — углубился в его анализ. Равна не торопила. Она хотела получить видео высокого разрешения, а это требовало времени: собрать все кусочки изображения и интерпретировать. Кажется, из этой серии изображений может что-то выйти. Иногда бывает, сколько ни жди, а ясности не будет.

Так что она лениво уставилась на неподвижную картинку. Справа на одном изображении отсутствовала одна «крышка люка». Это очень ее пугало, когда там бродили ребята. В темноте в такую дыру можно упасть и шею сломать.

Равна машинально сопоставила изображения от нескольких элементов Свежевателя, и этот синтез позволил ей заглянуть в дыру. Дно терялось в темноте, но Равна знала, что каждая дыра примерно два метра в глубину и заканчивается болотом сточных вод. И если «Внеполосный» не восстанавливал изображение по опыту, эта дыра была не пуста.

Видны были кости и высохшая плоть. *Фу*. Не приходится сомневаться, что прежний Свежеватель был чудовищем. Эти дыры были комбинацией подземной тюрьмы и склада. Свежеватель, а после него Булат делили пленника на составля-

ющие элементы и каждый из них заталкивали в отдельную дыру. Им давали пищу и воду, физически мучили или просто оставляли сходить с ума в безмысленном заключении. Этот процесс Свежеватель называл «пересборкой», потому что когда отдельные элементы сходили с ума или впадали в ступор, их можно было собрать в «специально спроектированные» стаи, смешивая и сопоставляя с частями других пленников. Некоторые из этих пересобранных стай все еще бродили по Домену. В основном это были печальные умственно увечные уроды, несколько было припадочных психопатов. Пересборка была самым мерзким, самым *идиотским* достижением Свежевателя.

Наконец видеопоток двинулся дальше, и несколько точек съемки прошли мимо страшной дыры. В окошке под рукой Равны появилась схема текущего расположения элементов стаи с указаниями, какие поля зрения показаны на главном изображении. Как всегда, увечный элемент Свежевателя двигался впереди. Его уши с белыми кончиками показывались то там, то здесь почти на всех видах от других элементов. Белоухий был тормозом для стаи Свежеватель-Тиратект из-за перелома таза. Возили его другие элементы на тележке в подвеске из одеял.

В последние годы у Белоухого затуманилось зрение. Тело старело, а до лечения катаракты еще десятки лет должны были пройти. Поэтому зрение Белоухого первым показывало, что впереди, но изображение было еще более туманным, чем реконструкция «Внеполосного». И все же *что-то* было на пути стаи.

Равна переключилась обратно на синтез от всех элементов — впереди оказалась другая стая, на самой границе освещенной зоны. И это был Амди!

А где же Джефри? Равна внимательно всмотрелась во все окна. Ничего не было видно в темноте. Она отмотала несколько секунд обратно, проделала некоторый анализ образов… нет, Джефа и следа нет. Она подавила импульс повторить анализ, повысив распознаваемость человекоподобия.

Свет ламп постепенно выделил из темноты присевшего Амди. Тележка Белоухого подкатилась на удивление близко, и остальные элементы Свежевателя-Тиратект раздвинулись, встав вокруг Амдиранифани полукругом.

Снова застыл видеопоток. Окно диагностики сообщало, что задержка связана со слухом Свежевателя. До сих пор звук анализатор не уделял

достаточно внимания звуковому каналу связи. Равна слышала стук когтей Свежевателя по камню, скрип тележки, но мыслезвук Свежевателя — ультразвук в диапазоне 40—250 кГц — в основном игнорировался. Образы, свидетельствующие об удивлении или гневе, были бы опознаны и доложены, но детальный анализ потока мыслей был бы невозможен для «Внеполосного» даже в Крае.

Сейчас «Внеполосный» слышал аккорды и бульканье-шипение межстайной речи.

Еще через секунду пошло видео и синхронизированный звук — а внизу, титрами, давался наиболее вероятный, по мнению «Внеполосного», перевод.

Свежеватель-Тиратект:
Уделяю тебе [время/любопытство],
[малыш/малыши].
Зачем тебе эта встреча?
Амдиранифани:
Я [?] очень грустно. Я [?] [?] боюсь.
Что [?] мной [?]

Равна еще несколько раз прокрутила разговор. Сопоставляя догадки «Внеполосного» с тем, что знала сама, она часто могла понять речь Сталь-

ных Когтей. Последние слова Амди были очень ясны: «Что со мной будет?»

Но тут Амди переключился на самнорский:

— Можно мы будем говорить по-человечески, господин Тиратект? Мне этот язык больше нравится, а на межстайном мне трудно правильно сказать, в чем мое дело.

— Конечно, милый мальчик. Вполне можем по-самнорски.

Человеческий голос Свежевателя был, как всегда, сердечен — манера умного садиста.

Наверняка же Амди распознал насмешку в тоне Свежевателя? В конце концов, восьмерка эта знала Свежевателя-Тиратект еще с тех пор, как Свежеватель был в силе. Но сейчас они все восемь сбились в кучу и подвигались вперед по сантиметрам, почти ползя на брюхе.

— Я очень боюсь. Очень много печального. Если бы не так много, я бы справился, а так я просто глупец, предающийся жалости к себе.

Смех Свежевателя-Тиратект прозвучал почти ласково.

— Ах, бедный Амдиранифани! У тебя способности гения. Когда обычные стаи сталкиваются с несколькими бедами сразу, страдания у них не очень умножаются. Они дополнительной тяже-

сти просто не чувствуют. А у тебя способность к страданию больше. Но даже при этом…

Окно диагностики показало серьезные проблемы с трансляцией. Очевидно, некоторые передающие устройства закрепились на вечерних светлячках, а этих насекомых становилось меньше, когда охлаждался вечерний воздух. Шли секунды, гипотезы «Внеполосного» не сходились. Наконец появился красный флажок, извещающий, что при таких принимаемых данных ясной картины сложить не удается.

Равна вздохнула и подняла уровень приемлемой неуверенности, потом махнула программам, чтобы продолжали анализ. Иногда эти наблюдения слишком напоминали волшебные сказки дотехнической эпохи: чародейка Равна склонилась над хрустальным шаром, пытаясь изо всех сил высмотреть истину в туманных пророчествах авгуров.

Через секунду «Внеполосный» показал свои вероятные предположения: картинки отдернулись назад на пару секунд и перезапустились. Свежеватель говорил:

— И все равно, мой мальчик, что за проблемы тебя беспокоят?

Амди придвинулся чуть ближе.

— Вы создали Булата, Булат создал меня.

Тихий смех.

— Конечно. Я создал Булата и в основном — из собственных элементов. А Булат тебя собрал из новорожденных щенков, рожденных от гениев. Он их покупал, крал и добывал разбоем на всем континенте. Ты редчайшая стая среди стай, рожденная вся сразу, вся из щенков. Как двуногие.

— Да, как человек. — Изобразительные средства «Внеполосного» показали слезы на глазах Амди. — И вот я умираю как человек, пусть даже люди не начинают умирать, пока они еще дети.

— Ах это, — сказал Свежеватель. Равна отметила, что Белоухий подал тележку вперед и вытянул шею в сторону Амди. *Ух ты.* Перекрывающиеся мыслезвуки должны быть достаточно громкими и сбивать с толку эмоции обеих стай. Но голос Свежевателя — *представленный программами наблюдения, не забывай ни на секунду* — был так же хладнокровен. — Мы же об этом уже говорили раньше? Одновременное старение — это трагедия, но твоим элементам все еще всего лишь четырнадцать лет. Неприятные времена ожидаются для тебя лет через двадцать в будущем, когда мои грандиозные планы наконец-то…

Амди перебил не совсем уместным:

— Я любил господина Булата. Но я не знал, конечно, что он чудовище.

Свежеватель пожал плечами:

— Таким я его сделал. Боюсь, это моя ошибка.

— Я знаю, но вы же ее искупили! — Амди запнулся и заговорил тише. — А тут вот еще и проблема у Джефри. Вы…

Равна подняла голову. *Что там такое с Джефри?* Но Амди не стал договаривать.

Помолчав минуту, Свежеватель сказал:

— Да. Я что смогу, сделаю по этому поводу. Но какая же тебя подстерегла *новая* проблема?

Амди издавал звуки человеческого плача, так плачет потерявшийся ребенок.

— Я узнал, что два моих тела — краткоживущие с Великих Равнин.

Равна не сразу смогла вспомнить. Краткоживущие с Великих Равнин? Расовая группа такая, не отличающаяся с виду от прочих Стальных Когтей, хотя имеют склонность к врожденному сердечному заболеванию. Редко живут более двадцати лет.

В других окнах кивали головы Свежевателя:

— Эти два твоих элемента испытывают боли в груди?

— Да, и зрение у них портится.

— Да, краткоживущие, — сказал Свежеватель. — *Это* и правда проблема. Я посмотрю… — Звуковая дорожка запнулась — очевидно, «Внеполосный» разбирался в вариантах, восстанавливая смысл. — Я посмотрю в записях Булата, но боюсь, что ты можешь оказаться прав. У псарей это известная дилемма: краткоживущие с Великих Равнин часто обладают превосходным геометрическим воображением. Но при всем при том это все же не одновременное старение.

Амдиранифани била дрожь.

— Когда эти два моих элемента умрут — я уже не буду собой.

— С этим каждой стае приходится иметь дело, мальчик мой. Если нас не убивают сразу, то замены — рутина нашей жизни.

— Для *вас* — может быть! Для обыкновенных стай. Но я появился в мире весь сразу, а раньше меня не было. Господин Булат установил равновесие, когда меня собрал. Если я потеряю двоих, даже одного потеряю, я буду…

— Псари Резчицы смогут подобрать что-нибудь подходящее. А может быть, ты почувствуешь, что шесть — как раз удобный размер для твоего разума.

Тон Свежевателя был открыто сочувственным,

но — вполне в соответствии с его обычной манерой — в чем-то пренебрежительным, будто он отмахивался от собеседника.

— Нет, не надо! Стоит мне потерять одного из восьми, я тут же развалюсь, как арка без замкового камня. Умоляю вас, господин Тиратект! Вы создали господина Булата. Вы создали «Группу изучения катастрофы». Вы заставили Джефри всех предать. Среди этих чудовищных злодейств нельзя ли сотворить немного добрых чудес?

Равна смотрела, оцепенев, не пытаясь даже остановить поток или посмотреть на окно журнала. Сейчас, когда сцена перешла все границы правдоподобия, она разыгрывалась без малейшей задержки. Амди уже не говорил, слышался только звук людского плача. Это вроде как укладывалось в картину. Восьмерка распласталась в позе униженного отчаяния, реформированный Свежеватель тоже ничего не говорил, но «Внеполосный» показывал на дисплеях нечто невероятное: все пять тел Свежевателя-Тиратект подползали к Амди. Те двое, что принадлежали исходному Свежевателю, подталкивали вперед тачку Белоухого. Некоторые оказались меньше чем в метре от ближайших элементов Амди. Это было настолько неимоверно, насколько вообще

бывает что-то неимоверным. Свежеватель-Тиратект был неприятно известен своим брезгливым, отстраненным поведением. Обычные стаи, дружественные, часто посылают одного-двух своих элементов поближе друг к другу для краткого обмена мыслезвуком. Это как у людей приветствие объятием или легким поцелуем. Свежеватель-Тиратект никогда не опускался до подобной фамильярности. Эта стая всегда держалась на дальнем конце стола или пряталась за самой толстой звукопоглощающей обивкой.

А в этом невероятном, фантастическом видеоролике Белоухий потянулся вперед и прижал два элемента Амди к своей шее. Несколько других были почти так же близко. Наивному человеку могло показаться, что две группы животных ласково утешают друг друга. В стаях Стальных Когтей это была очень глубокая близость.

И любое сходство с тем, что происходит на самом деле, чисто случайно!

Равна сердито выключила все дисплеи, погрузив их в черноту.

Она долго сидела, всматриваясь в уютную теплую темноту собственного кабинета. Слишком она увлеклась этим анализом. Попытка «Внеполосного» извлечь смысл из почти чистого шума

была безумием. И все же… вряд ли программы корабля вставили определенные существительные без какой-то причины. Она понимала, что обречена возвращаться к этой сцене снова и снова, пытаясь отделить программные глюки от шума сигнала и от того, что открывается под ним. Может быть, что-то можно получить, начав с внешних неоспоримых фактов: например, что Джефри — не предатель.

Она снова проглядела данные, только сейчас не смотрела лгущий видеоролик. Вместо этого она обратилась к журналу программы наблюдения. Как она и подозревала, условия передачи сегодня менялись от плохих до отвратительных. И все же они уже бывали такими, а ей удавалось получить разумные результаты. Она убрала журналы состояния сети и перешла к анализу, выданному программой, — то есть к деревьям вероятности, показывающим рассматриваемые варианты и их взаимосвязи. Четкое видео, которое смотрела Равна, было лишь наиболее вероятной интерполяцией, вытекающей из джунглей прямых и косвенных предположений. Например, Амди почти определенно заявил, что за «Группой изучения катастрофы» стоит вполне известная личность. Равна нашла этот узел анализа, раз-

вернула его — появились доводы и вероятности. Да, а Свежеватель был назван этой личностью просто из-за контекста и чего-то такого в позе Амди. Аналогично Амди, вероятнее всего, сказал, что «кто-то» предал «что-то», — но программа сгенерировала эти конкретные существительные из длинного списка кандидатов.

Забавно, что Джефри даже попал в этот список, не говоря уже о том, что наверх пробился. Так что же за логика его туда затянула? Равна посмотрела рассуждения программы, залезая в такую глубину, где не бывала раньше. Как она и предполагала, вопрос «почему “это” было предпочтено “тому”?» вызвал комбинаторный взрыв. Результаты можно разбирать веками — и ничего не понять.

Равна откинулась на спинку стула, завертела шеей, стараясь снять напряжение. *Что же я упускаю из виду?* Естественно, программа могла просто сломаться. Аварийная автоматика «Внеполосного» была заточена под работу в Медленной Зоне, но в программе наблюдения содержались фрагменты кода для Края, не входящие в список применимых утилит корабля. Просто так случилось, что она здесь заработала.

Но ведь если бы случилось что-то серьезное,

были бы предупреждения? Равна небрежно посмотрела журнал регистрации ошибок. Высокоприоритетные сообщения были именно такие, как она ожидала: «Обработка неадекватных данных» — и дальше всякая ерунда. Она полезла в низкоприоритетные информационные сообщения. Как и ожидалось, в одном только этом вечернем сеансе ее работы их был буквально миллиард. Равна отсортировала их парой различных способов и какое-то время сосредоточилась на просмотре результатов…

И застыла в кресле, вытаращившись на этого притаившегося монстра:

442741542471.74351920 Только для информации:
Число срабатываний датчика Свежевателя: 140269471
442741542481.74351935 Только для информации:
Число срабатываний датчика Свежевателя: 140269369
442741542491.74354327 Только для информации:
Число срабатываний датчика Свежевателя: 140269373
442741542501.75439121 Только для информа-

ции:

Число срабатываний датчика Свежевателя: 140269313

442741542511.75439144 Только для информации:

Число срабатываний датчика Свежевателя: 140269265

442741542521.74351947 Только для информации:

Число срабатываний датчика Свежевателя: 140269215

…29980242 строк опущено.

— Объяснение!

Собственный голос показался ей придушенным.

Появилось окно, определяющее соответствующие поля, указывающие на источник этих извещений, на анализ сенсорных устройств на каждом элементе Свежевателя-Тиратект.

Кратко говоря, эти извещения говорили именно то, что она подумала. Во всей стае Свежевателя осталось чуть меньше ста пятидесяти миллионов датчиков. Исходная инфекция измерялась триллионами, и даже этого было едва ли достаточно. Если степень заражения падала до пары сотен миллионов… то ее «наблюдение» превратилось

в самообман!

Сколько времени уже это тянется?

Она вызвала интерполяцию и попросила три наилучших модели истории отказа. Их и оказалось три, но первая была почти достоверной: с первого дня ее наблюдения почти десять лет назад маленькие шпионы отказывали все больше и больше — пологий спад с временем полураспада меньше года. В Крае такая инфекция работала бы лет сто. Да и поддерживающие программы обладали бы достаточным интеллектом, чтобы сообщить ей, что она работает с мусором. *Неудивительно, что эти устройства не попали в Манифест Утилит.* Равна перехитрила сама себя.

Она сгорбилась в полном отчаянии. Сегодняшний день — как моментальный снимок ее жизни за последние декады. *Но если пересмотреть прошлые наблюдения, теперь уже зная им цену, понятно будет, насколько можно доверять Свежевателю.* Она открыла глаза, смахнула слезы и посмотрела на повисшую в воздухе неумолимую кривую распада. Несколько лет назад система наблюдения содержала ровно триллион датчиков. За эти годы извещения об отказах накапливались, но на невидимых малоприори-

тетных уровнях. А тем временем более высокие уровни продолжали выдавать Равне — назовем вещи своими именами — фантазии. Она могла бы вообще этого не заметить, если бы реальные угрозы не сделались столь многочисленны, что фантазия стала выдавать дикое вранье.

Если я решу, что прошлые наблюдения тоже фальшивка… об этом придется сказать Резчице. Ага. И уничтожить то доверие, которое еще между нами держится.

На миг она потерялась в этих мрачных раздумьях. Случалось ли ей когда-нибудь так сильно запутаться? Нет. Бывало положение еще хуже?.. Ну, куда страшнее было наблюдать за Битвой на Холме Звездолета. А через несколько часов потерять Фама — это было еще печальнее. Но в смысле отчаяния — ничего не бывало хуже после уничтожения ее родной цивилизации на Сьяндре Кей.

Тогда я выдержала.

Тогда с ней был Фам.

Равна открыла глаза — только что миновала полночь. Внешние окна смотрели на темный ландшафт — давно уже в свои права вступила осень.

Но одну вещь она должна была сделать, как бы

та ни была иррациональна. Она этого не делала уже больше года. Ее не поняли бы ни Дети, ни Стальные Когти, и у нее не было никакого желания поощрять суеверия. Но именно сейчас настал момент, когда необходимо было навестить Фама.

Глава 09

Кладбища — места жутковатые. На Сьяндре Кей таких мемориалов было несколько. Люди в Крае тоже в конце концов умирали. Смертность была сравнима с периодом полужизни соответствующих цивилизаций, которые в основном перемещались все выше и выше и в конце концов — если не делали какой-нибудь сверхглупости, как жадные глупцы Страума, — трансформировались в Силы.

Огромные кладбища существовали в малоподвижных цивилизациях, для которых прошлое значило больше любого настоящего. Равна вспоминала нечто подобное на территориях Гармоничного Покоя: кладбище постепенно превращало территорию в мавзолей с кое-где попадающимися живыми обитателями.

Кладбище на Холме Звездолета было идеей Равны — она придумала его, вдруг поняв, почему в историях Века Принцесс кладбища играют столь важную роль. Место она выбрала до того, как вокруг Нового замка вырос город с тем же именем. Участок в два гектара тянулся поперек

верескового склона, и от него открывался вид на северо-западные острова до самого «Внеполосного» на юге. Но еще десять лет — и город может окружить кладбище со всех сторон, расширяться будет некуда. *А если выйдет по-моему,* — подумала Равна, — *и нужды не будет расширять эту печальную территорию.*

Дети иногда приходили сюда, но днем, когда тепло. А самые младшие вообще не понимали, что такое кладбище. Старшие не хотели понимать, но и друзей своих забывать не хотели.

Равна в основном приходила после наступления темноты и когда у самой на душе бывало всего темнее. Если из этого исходить, сегодня было самое время.

Она шла вдоль главной аллеи, и под ногами поскрипывал окостеневший от мороза мох. Ночь арктической осени даже здесь, где сказывались океанские течения, могла варьироваться от холодной до морозной. Сегодня еще было довольно умеренно. Тучи пришли на закате, наслаиваясь над землей глубже и глубже, удерживая дневное тепло. Бриз с холмов почти стих, ощущаясь лишь как едва заметное холодящее дыхание. «Внеполосный» сказал, что чуть позже начнется дождь, но пока что небо было темным и сухим, и воздух

был прозрачен до самых вод внутреннего канала. Светились случайные огни на северной оконечности Скрытого Острова. Где-то совсем рядом иногда вспыхивали голубые огоньки — светлячки. Крошечные насекомые устраивали световые феерии лишь две-три ночи в году и обычно более ранней осенью.

Чем дальше шла Равна, тем чаще становились голубые вспышки. Чтобы осветить ей путь, их было слишком мало… но все равно приятно было смотреть.

По обе стороны главной аллеи кладбища шли ряды могил, и на каждой — надгробный камень с вырезанным именем и звездой. Внешний вид выбрали по картинке, найденной в архиве человеческой классики на «Внеполосном». Четырехконечные звездочки — это был древний религиозный символ, вероятно, наиболее часто встречающийся в историях человечеств, хотя и не очень ясный в подробностях. В этих четырех рядах насчитывалась сто пятьдесят одна могила — почти все население кладбища. Полторы сотни Детей, от неполного года до шестнадцати, убитые в одну летнюю ночь, сожженные прямо в спячке. Пустошь к югу от города называлась Лугами Резни, но на самом деле поле убийства лежало

под центром Нового замка, в центральном его зале, где до сих пор стоял над обугленным мхом посадочный модуль.

Равна никого из этих Детей не знала. Когда они погибли, она не знала даже об их существовании.

Она замедлила шаг. Здесь могло бы быть и больше мертвых Детей: многие из уцелевших гибернаторов пострадали от огня. Оживление Тимора позволило узнать, что можно делать без риска. Лишь немногие из прилетевших ребят еще спали под замком в гибернаторах плюс еще четыре выкидыша из нового поколения и две жертвы несчастного случая. Когда-нибудь она их всех пробудит. И Тимора тоже когда-нибудь вылечит.

Как бы это странно ни звучало, на кладбище покоились и несколько Стальных Когтей. Изначально это были всего двенадцать стай, полностью погибших в Битве на Холме Звездолета. В последние годы это стало меняться из-за организованного Джоанной Фрагментария для старых элементов — к большой досаде фракции красных курток.

И еще была тринадцатая стая, похороненная прямо рядом с могилой Фама: шесть небольших

знаков, каждый с именем своего элемента, и знак побольше, означающий всю группу — Джа-ке-рам-а-фан, и взятое стаей имя — Описатель. Описателя Равна тоже не знала, но знала его историю от Странника и Джоанны: Описатель, доблестный и глупый изобретатель, убедивший Странника подружиться с Джоанной. Стая, которую Джоанна оскорбляла и поносила, которая была убита за свои усилия. Равна знала, что и Джоанна по ночам иногда сюда приходит.

Всего десять лет — и столько ушедших в память. Сьяна и Арне Олсндот. Наездник Синяя Раковина.

И еще сюда приходят несколько стай, среди них Амди. Естественно, вместе с Джефри.

Равна дошла до огромного ледникового валуна, отмечающего конец тропы. Надгробие Фама образовывало плечо вершины, закрывая могилы детей от северных ветров. Но сегодня воздух был почти недвижен. Светлячкам даже не было нужды прятаться в вереске. На самом деле они гуще всего держались в воздухе возле могилы Фама, и много их пульсировали синхронно. Каждые несколько секунд молча вспыхивало голубое, омывая Равну приветственным приливом. Столько их она видела только однажды — и тоже возле

этой могилы. Наверное, дело в цветах, которые она здесь посадила, теперь разросшихся. Дети вместе с Равной посадили цветы и вокруг могил своих товарищей, но те так не принялись, как здесь. И это было странно, учитывая открытость могилы Фама с севера.

Равна свернула у конца тропы, обошла камень вокруг, направляясь к облюбованному месту сбоку от него. Странная штука — религия. В Верхнем Крае религия — вещь опасная и практичная, создание богов и обращение с ними. Здесь, в Медленной Зоне, откуда пошел род человеческий… здесь религия — естественно возникшая смесь, в основном подчиненная местной эволюционной биологии.

Но забавно, как быстро слабость возвращает нас на старые пути.

Между медленными импульсами голубого света было темно как в погребе, но Равна знала, где она. Протянув руку, она тронула знакомую выпуклость гладкого гранита. До чего же он был холодным… пока она не согрела камень теплом ладони. Что-то такое было и в самом Фаме. Вполне возможно, что он вообще никогда не существовал, но примерно год она была с ним знакома. Вполне возможно, что Сила создала Фама в шутку

и начинила ложными воспоминаниями о героическом прошлом. Как бы там ни было на самом деле, а в конце Фам повел себя как истинный герой. Иногда она приходила сюда, чтобы молиться *за* Фама. Но не сегодня — сегодня была одна из ночей отчаяния. Хуже того, сегодня для отчаяния была объективная причина. Но Фаму случалось справляться и с худшим.

Она молча прислонилась к камню и какое-то время стояла так.

А потом услышала хруст шагов на главной аллее. Она отвлеклась от надгробия, посмотрела в ту сторону, вдруг очень обрадовавшись, что не плакала. Вытерла лицо и надвинула чуть глубже капюшон куртки.

Приближающаяся фигура на секунду закрыла какой-то огонек из Нового замка, и Равна подумала на миг, что это Джефри Олсндот. Потом дружно засветились светлячки, голубой туман открыл ей иное. Не Джефри. Невил Сторхерте не совсем того роста, и — со всей откровенностью — совсем не так красив.

— Невил?

— Равна? Я… я не хотел застать тебя врасплох.

— Ничего страшного. — Она не знала, то ли смутиться, то ли радоваться сочувственному

лицу, вдруг возникшему из пустоты. — Чего тебя сюда занесло?

Невил тревожно потер руки, посмотрел поверх Равны на массивный валун. Свет потускнел, и остался только его голос:

— Я на Лугах Резни потерял лучших друзей. Леду и Джоси. Мне все мои одноклассники дороги, но эти были особенно. Ну, я иногда прихожу… вроде как к ним.

Иногда Равне приходилось себе напоминать, что Дети — уже не дети. Иногда они сами ей об этом напоминали.

— Понимаю, Невил. Когда дела плохи, я тоже люблю сюда приходить.

— А дела плохи? Я знаю, что есть много о чем беспокоиться, но твоя идея с грузовым трюмом оказалась чудесной.

Естественно, он не мог знать о гневе Резчицы и тем более об ужасном провале особого наблюдения за Свежевателем.

Невил продолжал озадаченным голосом:

— Равна, но если есть проблемы, ты не должна о них молчать. У нас же для того и создан Исполнительный Совет.

— Знаю. Но боюсь, что в этом случае…

Я так напортачила, что меньше всего я могу об

этом говорить с некоторыми членами Совета.

Светлячки снова замигали, Равна увидела вопросительное и разумное лицо Невила. С тех пор как Джоанна и Невил вместе — а это как раз с тех пор, как Невил вошел в Совет, — ей редко случалось с ним беседовать, кроме тех случаев, когда он был вдвоем с Джоанной. Где-то в самой глубине души она боялась, как бы Джоанна не истолковала ее интерес превратно. Сегодня она от этой мысли чуть не засмеялась.

Сейчас у меня проблемы куда серьезнее всего, о чем я привыкла волноваться.

— Есть вещи, которые никак нельзя выносить на рассмотрение всего Совета.

Сейчас ей не было видно его лицо. Осудил бы он ее за действия за спиной Совета? Но голос у него был сочувственный:

— Кажется, я понимаю. У тебя очень трудная работа. Я могу подождать, пока ты расскажешь…

— Я не об этом. У тебя минутка найдется, Невил? Я бы рада… мне действительно нужен совет.

— Конечно, найдется. — Он засмеялся застенчиво. — Хотя не знаю, чего может стоить мой совет.

Импульс света. Как будто вдруг они оказались в поле голубых цветов; такого огненного представления светлячков Равна никогда не видела — так

ярко горело оно на большом валуне почти до самого верха. Равна забралась на полку, которую нашла много лет назад, и показала Невилу на место, почти столь же удобное. Невил кивнул и полез вверх в гаснущем свете. Мальчик — то есть мужчина — поднимался уверенно. Он залез на камень, на полметра ниже Равны и почти на метр в стороне. Вот и хорошо. Рыдать у него на плече она будет разве что метафорически.

Секунду они помолчали. Потом Невил спросил:

— Дело в «Группе изучения катастрофы»?

— Началось с нее. На этом месте я впервые поняла, как я тотально напортачила.

— Это напортачили мы с Джоанной. *Мы* должны были держать тебя в курсе, что делают наши…

— Да-да, я знаю. Джоанна уже себя за это ругает. Но ГИК — это было только начало.

И тут Равна неожиданно для себя рассказала обо всем, что ее гнетет. И так это было хорошо, и не только потому, что появилась возможность рассказать то, что она никому не говорила. Дело еще и в том, что Невил задавал разумные вопросы и у него возникали идеи — почти готовые решения. Он тут же понял, почему Резчице так не нравится превращение грузового трюма в

место встреч.

— Новый зал встреч — это одно из лучших новшеств за последние годы, Равна. Но я понимаю, о чем ты. У Резчицы впечатление отрицательное, но это только повышает важность задачи: не отменить Новый зал, но превратить его в нечто такое, что Резчице будет приятно.

Именно об этом Равна уже думала, но приятно было услышать такие слова от него. Когда он договаривал, она успела заметить выражение его лица. В Невиле Сторхерте всегда была какая-то дерзкая скромность, и сейчас Равна поняла, откуда это противоречие. У мальчика есть *харизма*. Даже неотработанная и неосознанная, она просто из него сочилась.

— Твоя мать была главным администратором в Верхней Лаборатории?

— Вообще-то это был папа. Мама была его заместителем — и замещала, когда бывала на него зла.

Равна о страумской Верхней Лаборатории была низкого мнения. В лучшем случае это были добрые намерения, приведшие к космического масштаба катастрофе. Но эта Лаборатория была вершиной цивилизации Страума. Это была умопомрачительная гордыня, но с другой стороны,

там собрались самые лучшие и талантливые представители этой цивилизации. Очень может быть, там были и другие герои, кроме родителей Джоанны и Джефри.

— Наверное, твой папа был суперзвездой-управленцем.

Лидер более талантливый, чем все прочие представители этого бедного мира.

Невил смущенно засмеялся.

— Был, конечно… пройдя такой суровый отбор. Помню все обручи, через которые родителям приходилось прыгать все мои школьные годы. Но папа говорил, что это не важно, что в Лаборатории столько гениев, что «администрировать» ее — это как кошек пасти… ты знаешь, что это? На Сьяндре Кей кошки были?

Равна улыбнулась в темноте:

— Конечно. Кошки куда старше, чем Сьяндра Кей.

У Невила Сторхерте остались только школьные воспоминания, но он вырос посреди настоящих лидеров. И очевидно, в нем самом была эта магическая искра. *А я дура, предающаяся жалости к себе и не замечающая ресурсов, которые все время со мной.* Сделав глубокий вдох, она резко перешла от дружеского доверия к полной откровенности

в самом главном:

— Знаешь, Невил, самое важное дело на всей планете — а может быть, даже в этой части Галактики — успеть поднять цивилизацию и встретить флот Погибели.

— Согласен.

— Но появление ГИК заставило меня понять, насколько наша перспективная цель отвлекла меня от повседневной жизни. И я, боюсь, столько наделала ошибок, что мы можем проиграть главную битву еще до ее начала.

Ответом ей было молчание, но в мгновенном бледном свете она увидела, что молчание это задумчивое и внимательное, и продолжала речь:

— Невил, я пытаюсь исправить свои ошибки, но все, что я пока пытаюсь сделать, дает нежелательный побочный эффект.

— Реакция Резчицы на Новый зал встреч?

— В частности.

— Может быть, в этом я могу помочь. У меня нет личного канала связи с Резчицей, но у Джоанны точно есть. И я ручаюсь, что мы с друзьями придумаем такие перемены в Зале, которые убедят Резчицу в нашем уважении ко всему Домену.

— Да! Это будет прекрасно! — *Спасибо тебе.* — Но есть и другие перемены. Большинство из них

пугают меня куда сильнее, чем эта история с Новым залом.

Может быть, ты мне скажешь, что в моих делах никуда не годится, а что можно как-то исправить.

И она изложила одну за другой все свои идеи реформ, и реакция Невила на каждую из них была как теплое солнце: иногда он соглашался, иногда нет, но всегда становилось светлее.

Об учреждении формальной демократии — Невил поддержал.

— Да, это мы должны сделать, и достаточно быстро, потому что среди нас уже много взрослых. Но я думаю, это должно вырасти естественно, а не быть навязано сверху.

— Но единственная традиция, которая есть в опыте Детей — то есть вас всех, — это погружение в полную автоматизацию и большие рынки. Как же такая идея возникнет изнутри?

Невил засмеялся:

— Да, вместе с ней возникнут и горы всякой ерунды. Но… я верю в своих товарищей. Сердца у них добрые. Заведу об этом разговоры. Может быть, Новый зал поможет нам понять, как что делалось в успешных демократиях Медленной Зоны. И сообразим, как это сделать здесь, не вы-

зывая недовольства Резчицы.

Насчет переезда Равны с «Внеполосного»: как ни неожиданно, Невилу это почти так же не понравилось, как и ей самой.

— Ты нам нужна на борту, Равна. Всякий, кто задумается над этим вопросом, понимает: ты единственная, умеющая использовать корабельные средства организации. Если нам нужно создать цивилизацию прежде, чем мы умрем от старости, то ты нам нужна там. — Он на секунду замолчал. — С другой стороны, ты права: это злит тех, кто не продумывает вопросы до конца, и раздражает всех, кто сидит на холоде. Мы, Дети, родились в комфортабельной цивилизации. Сейчас мы утратили ее — она только подмигивает нам зеленым с Холма Звездолета. Так что, может быть, имеет смысл тебе на время оттуда выехать. Но нужно выбрать время, какую-то точку поворота, когда это сильнее всего привлечет к тебе сердца. И если ты оттуда уедешь, нашим высшим приоритетом будет создать тебе достаточную связь с «Внеполосным».

— Хорошо. Так что мы должны начать рассчитывать, когда именно переехать. Ты можешь ли…

— Могу. Я прощупаю почву очень тихо. И пред-

ложил бы, чтобы ты с другими это не обсуждала. Потому что такие вещи, раз предложенные, становятся императивом.

Оставался самый трудный, самый пугающий вопрос: приоритет медицинских исследований. И здесь реакция Невила оказалась самой неожиданной и самой утешительной.

— Ты хочешь выделить туда ресурсы, отобрав их у общетехнологической программы, Равна? А разве это в долгосрочной перспективе не замедлит все работы, в том числе по биологии?

Равна кивнула:

— Н-ну, да. В основном нам нужно построить собственные компьютеры для управления процессом и объединить их в сеть. Тогда пойдет развиваться и прочая технология, и продление жизни станет вопросом чисто техническим. Но тем временем вы, ребята, будете стареть. А дотехнологическое старение — это просто умирание, увядание, год за годом. Я уже это вижу у старших Детей. *Я* выгляжу моложе некоторых из них. Это похоже на ту проблему, что я живу в роскоши на «Внеполосном», — только выглядит куда более мерзко.

— Я… — Невил какое-то время боролся с собой, потом сказал: — Да, ты права. Я вполне еще ни-

чего, но у меня, вероятно, природное здоровье. А в будущем это станет серьезной проблемой. Хорошая сторона в том, что среди ребят, которых я хорошо знаю — а это почти все, — она сейчас не главный источник недовольства.

— Правда? Я так боялась…

Теперь, когда ГИК выставила рога, я вижу чудовищ под кроватью.

— Я думаю, что стоит и дальше придерживаться твоего долгосрочного плана исследований. Но стоило бы провести общее собрание, где ты объяснила бы и перемены, и предлагаемый тобой график нашего развития.

— Ладно, — кивнула Равна. — Ты прав. — В сущности, он предлагал ее же реформы, но с хорошей добавкой конструктивного здравого смысла. — Проведем его в Новом зале, когда вы его перестроите как надо.

— Да. У меня что-то уже должно быть к началу зимы. И в любой момент после, как только ты сочтешь…

— Отлично, — ответила она. — Чем быстрее, тем лучше.

Продвижение почти на всех фронтах. И мысль вернулась к провалу, от которого она впала сегодня в такое отчаяние. На секунду она зако-

лебалась: особое наблюдение за Свежевателем было тайной от всех без исключения. Но сейчас наконец было с кем ею поделиться.

— Есть еще одно дело, Невил.

Она рассказала про Свежевателя и инфекцию слежения.

Он тихо присвистнул:

— Понятия не имел, что Краевая техника наблюдения может здесь работать.

— Ну, в долгосрочной перспективе вышел полный провал, — ответила Равна и описала последний сеанс, в подземельях замка Свежевателя. Услышала сама, как возвышает голос. Вот *это* было уже совсем плохо. — И как теперь сознаться Резчице? Я просто не могу!

Поднялся очень легкий ветерок, и светлячки потеряли синхронность. Теперь это были отдельные световые точечки. По капюшону Равны стали постукивать редкие капли — начало дождя, предсказанного «Внеполосным».

Невил помолчал долгую секунду и наконец ответил:

— Да, это проблема. Но само по себе наблюдение — я думаю, это было правильно. У Джоанны эта стая всегда была под сильным подозрением. А судя по твоим словам, у тебя были годы вполне

достоверных данных.

– *Неизвестное* количество лет.

— Верно. Но мой отец говаривал, что невозможно быть настоящим лидером, не идя на существенный риск. Это значит — делать иногда вещи, которые позорно проваливаются. Смысл в том, чтобы сделать все для успеха, а из неудач извлекать уроки. Когда Резчица будет довольна ходом дел, *тогда* к ней с этим и приди.

Равна вгляделась в темноту — эти усилия были вознаграждены парой крупных капель в лицо. Она слизнула холодную воду — и вдруг засмеялась.

— А пока что погода рекомендует отложить это заседание на открытом воздухе.

Она протянула руку потрепать Невила по плечу, и руки их встретились. Конечно, обе руки замерзли, но его была теплее, и это было очень приятно.

— Спасибо, Невил, — тихо сказала она.

Он на секунду задержал ее руку:

— Это просто поддержка, которую ты заслужила — ты нужна нам всем. — Тут он убрал руку, смущенно засмеявшись. — И ты права насчет погоды!

Он встал, соскользнул с полки на камне и по-

светил тусклым светом, облегчая ей спуск. Слава богу, не стал ей руку протягивать.

Они пошли по мшистой дороге, держа расстояние в добрых полтора метра. Дождь усилился до ливня, ветерок превратился в порывы бури. Светлячки уступили ночи, и Равна вдруг сообразила, что дорога до «Внеполосного» уже раскисла, придется идти по грязи в темную и бурную ночь. И все же, все же… такого душевного покоя и такого оптимизма Равна давно уже не испытывала.

Глава 10

В окрестностях Холма Звездолета стала показывать зубы осень. Солнце так же светило полдня, но все больше появлялось туч, все упорнее налетали с океана шквалы, и каждый был чуть холоднее предыдущего. Дождь переходил в крупу, к ней стал примешиваться снег. Хуже этого могла быть только непролазная грязь поздней весны, но та несла обещание зелени и тепла. Осень обещала иное: смертельный холод арктической зимы. Но зима была подходящим временем для одного из любимых проектов Равны. На Северных Ледяных Клыках декады тьмы стояли сухие, ясные и температура держалась ниже 185°К. Космическая цивилизация сочла бы такую температуру немногим лучше комнатной, но «Внеполосный» вытащил из архивов побочных технологий некоторые исследования по метаматериалам. Если создать такие температуры на гектаре, можно вычерчивать логику в макроразмерах, а потом, воспользовавшись лазерной интерференцией, создавать полупроводниковые схемы микронного масштаба. Последние три попытки были

дразняще близки к успеху, но провалились. Может быть, этой зимой выйдет иначе…

Конечно, этот проект обсуждался Исполнительным Советом. Тщательник был одержим экспериментом, своей Холодной Лабораторией. И хотя эта третья попытка не была тайной, Невил предложил Равне не особенно распространяться об этом Детям. Ледяные эксперименты могли оказаться коренной переменой, могли перенести мир в годы автоматики раньше намеченного, положив конец дискомфорту будней. С другой стороны, попытка была уже третья, и «Внеполосный» скромно оценивал шансы на ее успех.

Равна тоже была одержима, как и Тщательник. Зная теперь о «Группе изучения катастрофы», она понимала, насколько мрачные последствия имел бы провал зимней попытки. Но после вечера со светляками на могиле Фама она несколько успокоилась, понимая, что дело на правильном пути. Каждый день Невил приходил с новым наитием, часто с вопросами, которые нельзя было бы вынести на Совет, иногда с такими, о которых она сама никогда бы не подумала. Потому что Невил оказался идеальным дополнением к Джоанне. До приземления «Внеполосного» Джоанна была здесь одна, окруженная Стальными Когтями.

Для них она стала героиней. У нее были близкие друзья на самых высоких и на самых низких уровнях. Стаи ее любили за то, что она сделала в битве, и даже за сумасшедший прорыв, который она организовала в старом Фрагментарии, с чего и началось движение частных больниц. Равна не уставала удивляться, как много стай говорят, что знают ее лично. Даже те стаи, что не были ветеранами.

Но хотя у Джоанны было достаточно друзей среди Детей, она и Джефри все еще держались от них отдельно: оба они провели страшный первый год в одиночестве. А вот Невил оказался между Равной и Детьми идеальным мостом. Он был прирожденный лидер и всех ребятишек знал еще по Верхней Лаборатории. Он был в курсе всех их дел, он будто заранее знал, что они одобрят, чем возмутятся, что им понравится, и понимал почему.

— Как тебе Новый зал встреч? — спросила Равна.

— Очень нравится!

Тимору Ристлингу было уже четырнадцать, но выглядел он по-прежнему на шесть или семь лет. Он ходил прихрамывая, его била спастическая дрожь. Равна очень боялась, что у него есть и мен-

тальные ограничения: Тимор отлично считал без калькулятора, но отставал почти во всем прочем. И не очень помогало, что его Лучшим Другом была вспыльчивая четверка, считавшая мальчика своей синекурой. Белль Орнрикак тащилась за ними, и в глазах ее был расчетливый блеск.

Впрочем, сейчас ограничения Тимора были почти незаметны. Он держал Равну за руку и чуть ли не тащил ее вперед. Дрожь можно было счесть проявлением восторга перед тем, что сделано было по предложениям Невила в грузовом трюме «Внеполосного».

Помещение было тридцать метров на двадцать. Равна и Фам отлично воспользовались его малой частью на пути сюда, спрятавшись там от таможенников Гармоничного Покоя. Сейчас здесь было почти пусто, и внутренняя сторона лежала на уровне земли. Поперек грузового люка построили деревянно-кирпичную стену, изолирующую от непогоды.

Интерьер Невил перестроил частично из местных материалов, частично переделав стены в точки доступа и игровые станции. Он декорировал помещение в стиле, бывшем, по его признанию, жалкой имитацией страумского. Тимор провел Равну по полу, выложенному раз-

ноцветной плиткой, показывая чудо за чудом.

— Вон видишь наверху? — Он задрал голову, чуть покачиваясь в своем неустойчивом равновесии. — Это небо Страума-Главного. Я его помню перед самым отлетом в Верхнюю Лабораторию. У меня там друзья были в начальной школе.

Она знала, что при отлете ему было четыре года, но почему-то эти воспоминания остались.

— Тут очень мило, Тимор.

— Да нет, тут *красиво*! Спасибо тебе, что его для нас построила.

— Не я одна это сделала, — ответила Равна.

На самом деле практически все детали были не ее. Почти все придумали Невил с друзьями, но Невил счел, что пусть лучше вся слава достанется ей.

Белль прошмыгнула вокруг Равны поближе к Тимору. Стая в основном смотрела на станции, где были запущены охотничьи игры, но голос у нее был скучающий:

— Я слыхала, что это совсем не похоже на настоящий Край. Эти штучки Детям очень скоро надоедят.

— А вот и нет! — ответил Тимор излишне громко. — Мне тут очень нравится, и это еще не все! Пойдем покажу.

Он отвернулся, оставив Белль смотреть на экраны с жадностью игромана. Только когда Равна прошла мимо, стая опомнилась и пошла следом.

Тимор увел их с площадок игр и спорта вверх по пандусу. Здесь оживленные звуки игровой зоны глушились активной акустикой «Внеполосного». Вокруг проекционного дисплейного пространства сидело десять или двенадцать старших Детей. Может быть, незнакомая игра или… тут она заметила Невила, стоявшего чуть позади стульев. Как будто тоже только что пришел. Она двинулась было к нему, но Тимор дернул ее за рукав:

— Ты видишь, что они делают?

В пространстве между стульями и стеной плавали какие-то изощренные модели. Возле каждого из ребят висели в воздухе окошки. Модели были похожи на что-то сетевое, но…

Равна покачала головой.

— Овин объяснит!

И Тимор потянул ее туда, где сидели Овин Верринг и Эльспа Латтерби.

Овин при ее появлении поднял голову, на лице его мелькнуло удивление и, быть может, нервозность. Он ее не ждал.

— Равна, здравствуй!

— Привет! — сказала Эльспа, слегка помахав рукой.

Равна улыбнулась в ответ.

— Так что это вы делаете? — Она оглядела всю группу. Кроме Хейды Ойслер, здесь собрались самые серьезные Дети. — Это не игра?

— Нет, — покачала головой Эльспа. — Мы пытаемся научиться…

Хейда пришла ей на помощь:

— Ты не задумывалась, почему мы не настаивали на праве пользоваться автоматикой «Внеполосного»?

— Немножко.

На самом деле большинство Детей сопротивлялось изучению программирования почти так же сильно, как и освоению более примитивных навыков.

— Причин две, — сказала Хейда. — Во-первых, тебе он нужен для твоих проектов, но не менее важно — этот звездолет глуп как булыжник.

— Это лучшее, что может здесь существовать, Хейда.

— А мне очень нравится! — вставил Тимор.

— Ладно, — усмехнулась Хейда, — не как булыжник. Как этот… каменный наконечник для стрелы. Важно, что толку от него ноль, если…

Овин покачал головой и перебил:

— Хейда в своей воспитанной манере пытается сказать, что… — он на секунду задумался: вероятно, пытался подобрать менее невоспитанные слова, — сейчас, когда мы получили доступ в неучебные часы, может быть, нам бы следовало научиться приспосабливаться и использовать технику «Внеполосного» наилучшим образом. Пока что мы визуализируем проблему — обычно это самое трудное. Давай мы тебе покажем.

Он обернулся к остальным. Все они вдруг жуть до чего заинтересовались деталями висящего перед каждым изображения. То, что Равна видела, выглядело как программирование изобразительного искусства, но выполненное каким-то невероятным обходным путем. Эльспа Латтерби подняла голову:

— Есть, все чисто. Давай, Овин.

Конструкция, формирующаяся в пространстве между ребятами, на предмет искусства не была похожа. Она состояла из тысяч световых точек, соединенных цветными линиями.

Мне кто-нибудь объяснит, что это? — подумала Равна.

Похоже на имитацию сети, но никаких надписей. А вообще-то можно было бы предположить

степенную зависимость между связями. Возможно, это…

Овин заговорил снова:

— Это чертовски трудно было сложить с помощью интерфейса «Внеполосного», но мы тут визуализировали карту сети трансдукции тела современного человека. Да, это то, что было в архиве корабля, среднерасовое по Сьяндре Кей. У нас, страумеров, могут быть существенные отличия. Тем не менее… — Он увеличил один из кластеров сети. Остальные сдвинулись в сторону, не исчезая, но давая место. — Вот это, — продолжал Овин, — относится к зоне двигательной стабильности.

Равна кивнула, стараясь не дать улыбке сойти с лица. Она начала догадываться, к чему все это клонится. Уголком глаза она видела, что Невил обходит внешний край группы, двигаясь в ее сторону.

На помощь!

Очевидно, улыбка была одобрительная, потому что Овин продолжал объяснять:

— Это всего лишь пробный эксперимент для куда большего класса проблем — в основном медицинских. Если мы в достаточной степени изучим интерфейс программирования «Внепо-

лосного», то сможем заставить корабль генерировать патологии двигательной зоны и сравнивать их с симптомами, которые есть…

— …у меня! — договорил Тимор. Он сидел на полу, когда Овин начал демонстрацию, но сейчас сумел подняться на колени, чтобы Равна его видела. — Они тогда вылечат, что у меня поломалось.

Овин опустил глаза к мальчику:

— Попробуем, Тимор. Здесь, Внизу, ничего не бывает наверняка.

— Да знаю я! — с раздражением ответил Тимор на эти общие слова.

Овин снова обернулся к Равне.

— В общем, если… то есть как только мы это все сделаем, запустим «Внеполосный» на выбор целей для лечения и моделирующие эксперименты. — И вдруг Овин потерял уверенность, посмотрел на Равну, будто ожидая одобрения. — Нам кажется, мы что-то нашли, Равна. А ты как думаешь?

Равна еще секунду глядела на имитацию сети — это было куда легче, чем смотреть в глаза Овина Верринга. Талантливые все эти ребята, дети гениев. Старшие до полета в Верхнюю Лабораторию получили отличное страумское образование. А Здесь? Здесь они оказались относительно необ-

разованными. Здесь эксперименты сами себя не проводят. Здесь нужно выполнять промежуточные этапы, нужно создавать инфраструктуру.

Она посмотрела на Овина Верринга и увидела, что *он* видит сквозь ее попытку смягчить резкость. Улыбка у нее стала жалкой, и она сказала:

— Овин… как мне тебе сказать? Ты…

И тут явилось чудесное спасение — Невил. Он потрепал Овина по плечу, Равне улыбнулся, успокаивая.

— Все будет нормально, ребята, дайте я с Равной поговорю.

Будущие медицинские исследователи явно вздохнули с облегчением, хотя вполовину не с таким, как Равна. Она улыбнулась им всем:

— Я вернусь, ребята. — Посмотрев вниз, она добавила: — Обещаю, Тимор.

— Я знаю, что вернешься, — ответил он.

И она позволила Невилу увлечь себя прочь. Слава богу. Очевидно, у него был какой-то контроль над средой Нового зала, потому что не прошли они и пяти метров, как она почувствовала изменение качества звука и поняла, что, даже когда они стоят здесь, посередине зала, никто другой их не слышит — только они.

— Спасибо, Невил. Это было ужасно. Как они

додумались попробовать…

Невил сердито махнул рукой.

— Моя вина. Черт побери, в Зале столько этих игр для Медленной Зоны, но я решил, что лучшие из нас хотели бы посмотреть, как можно применить выученное нами в Академии.

— Я думаю, мы оба этого хотели. Мне и в самом деле нужна помощь в перспективных разработках.

— Да, но я должен был догадаться, что они займутся невозможным. Мы оба знаем, каким безумием было бы на этом этапе отвлекать силы на серьезные биологические исследования.

Равна повернулась так, что только Невил видел, как она огорчена.

— Я пыталась это объяснить Овину.

Невил покачал головой:

— Знаю. Овин… его иногда заносит. Он думает, это просто, как урожайность повысить. Надо вот всем сесть вместе и…

— Вот это я и говорю. — Все сильнее и сильнее это казалось существенным. — И чем раньше, тем лучше. — *Собери всех, объясни проблему и попроси тебя поддержать*. — Я могу попросить выработать формальные процедуры для срочных врачебных случаев, правила использования

оставшихся гибернаторов до появления нормальной медицины.

— Да!

— Я должна вернуться, сказать это Овину и остальным и попытаться объяснить.

Она посмотрела через его плечо на дилетантов-менеджеров корабля, которые все еще толпились возле своей имитации сети. Никто, кроме Тимора, в сторону Равны не смотрел.

Невил заметил ее нерешительность.

— Если хочешь, я могу им все объяснить. В смысле общую идею — и что ты продолжаешь работать над деталями.

— Ты можешь? — Все это были друзья Невила, и он их понимал лучше, чем могла бы Равна. — Ох, Невил, спасибо тебе!

Он отмахнулся:

— Да ладно. Сейчас сделаю.

Равна вышла из пузыря звуковой изоляции. Невил повернулся к Овину и прочим, и она помахала им рукой. Потом пошла к выходу, ведущему на мостик. Так много должна была она сформулировать, отточить в своей речи, чтобы сделать из нее призыв и знамя, за которым мог бы пойти каждый — в том числе и Резчица.

Незаметно прошла декада. Снег снаружи уже

лег на землю, держался даже на улицах Скрытого Острова. Больше стало сумерек и настоящей темноты. На небе начинали господствовать луна и полярное сияние.

Если не считать путешествия с Тщательником на Доменную Вершину и в Холодную Долину, Равна почти все время проводила в помещении, на мостике «Внеполосного». Работы был непочатый край. На севере выгладили дно Холодной Долины, стаи Тщательника почти закончили вырезание тысячи квадратных метров чертежа, два микролазера с «Внеполосного» уже были на месте. Когда станет по-настоящему холодно, они начнут рисовать первые свои компоненты стомикронного масштаба… десять тысяч схем сумматоров. *Ура! На самом деле!* Цель дурацкая, но главное — обоснование принципа. В прошлую зиму до прихода весны не удалось добраться и до этого.

Работа над речью продвигалась — ожидался шедевр реалистического оптимизма. Каждый день приходил Невил и приносил кучу подробностей, что делается с Новым залом. И для речи Равна уже установила дату, она работала целеустремленно, и ощущение было прекрасное!

За это время прошло только одно заседание

Исполнительного Совета, и Резчица опять была в плохом настроении. И Тщательник цеплялся к мелочам. Такого политически невежественного деятеля Равна в жизни не встречала. Забавно, если учесть, от кого он произошел. Хотя ему доставалось почти все внимание Равны и большая часть поддержки «Внеполосного», он непрестанно жаловался на отсутствие внимания к фабрике микросхем в Холодной Долине. И был прав — если отвлечься от политической необходимости обеспечить себе поддержку в будущем. И все же она выделила Тщательнику дополнительное время и внимание, предоставив Невилу разбираться с деталями.

Были и другие причины не проводить заседания Совета. Равна пересмотрела ранние годы наблюдения за Свежевателем и все еще была уверена, что следящая инфекция давала в первые несколько лет точную картину. Это и полная абсурдность последнего сеанса показали, что относиться к Свежевателю столь параноидально — глупость. И все же ей было как-то неуютно видеть его на заседании Совета.

И последнее: Странник и Джоанна отправились в экспедицию, которую Равна считала опасной и ненужной авантюрой. Они взяли антиграви-

тационный флаер и рыскали вдоль Восточного Дома за пять тысяч километров от Домена. Это было за пределами дальности радиосвязи, но они настроили один из немногих оставшихся коммуникаторов «Внеполосного» на передачу в диапазоне от пяти до двадцати мегагерц. Радиопередача направлялась в небо, а ионосфера планеты отражала ее через весь континент. «Внеполосному» на Холме Звездолета хватало интеллекта выделить сигнал, даже когда северное сияние висело над Доменом ярчайшим занавесом, и отправить куда более мощный ответный сигнал на рацию Джоанны.

Единственное заседание Совета в полном составе было в основном посвящено этой экспедиции.

— Я рад, что мы сюда прилетели, — донесся голос Странника. — Рассказы о Магнате не преувеличены. Он действительно начал промышленную революцию.

Свежеватель на своем привычном месте в дальнем конце стола поднял одну голову:

— Ага! Хранитель показывает когти!

Резчица издала тихое шипение, но иной реакции не было. На самом деле Восточный Дом был единственным местом, где точно видели незадачливого Хранителя. Это было восемь лет

назад, вскоре после серии крупных пропаж из лабораторий Тщательника: принтеры, прототип телефона, даже один из трех переходников принтера. Те кражи вызвали еще больший скандал, чем недавняя кража радиоплащей, хотя двух грабителей поймали — оба бывшие помощники Хранителя. И после этих краж Магнат стал постоянным источником «инноваций».

— Мы об этом уже говорили, — сказала Равна. — Магнат может считать себя нашим соперником, но любая утечка технологий просто ускоряет общий прогресс. Не забывайте о главной угрозе.

О флоте Погибели, что идет на нас.

Свежеватель исподтишка себя оглядел — так ухмыляется стая.

— Главная угроза не будет иметь значения, если до того вырежут Домен.

— Вот почему мы с Джо полетели проверять, — ответил Странник. — То, что мы видим, наводит на мысль, что за эти годы Магнат добился гораздо большего, чем объявляет. Теперь его истинные операции слишком масштабны, чтобы их скрыть. Я думаю, что Магнат или Хранитель имеют в Домене шпионов на самом верху.

Тут Резчица подняла головы. Два ее элемента — три, если считать щенка, маленького

Гвна, — смотрели на Свежевателя недовольно.

— А это настоящие технические инновации, — сказала Джоанна. — Я думаю, что утечки исходят из лабораторий Северной Стороны.

— Как? — перебил ее Тщательник, возмущенно взвизгнув.

— Вы с этим Магнатом знакомы? — спросила Равна.

— Еще нет, — ответил Странник. — Даже управляющие его фабрик редко его видят. Он мало занимается будничной работой.

— Мы действуем очень осторожно, — добавила Джоанна. — А я так вообще не показываюсь.

— Отлично! — вырвалось одновременно у Равны и Невила.

То, что Джоанна, как могла, делала доступное только двуногим, давало связке Джоанна — Странник огромное преимущество — по крайней мере так утверждала Джо. Равна далеко не была убеждена, что это оправдывает ее участие в разведывательной экспедиции.

— Хотелось бы мне, чтобы вы уже вернулись, — сказал Невил.

— Все в порядке у меня, Невил. Я же говорю — не высовываюсь.

В рации раздался странный звук — похоже,

аккорд от Странника. Равна улыбнулась, представив себе, как девушка и стая столпились у коммуникатора. На восточном побережье сейчас раннее утро. Интересно, где же они прячутся?

Свежеватель-Тиратект улыбался и покачивал головами.

— В чем дело? — спросила у него Равна.

Стая пожала плечами:

— Разве не очевидно? Нет нужды иметь шпионов во главе организации Тщательника. Кто украл компьютер «Олифант»? Я знаю, что *я* с помощью «Олифанта» мог бы организовать все это…

Визг Резчицы резанул бы уши, если бы «Внеполосный» не глушил звуки. Три ее тела встали передними лапами на стол, щелкнув когтями по дереву.

— Ты признаешься в измене? — спросила она.

Свежеватель показал много зубов, и ответ его был таков:

— Не будь идиоткой. А, я и забыл: ты и есть идиотка, которая не убила Хранителя, когда была возможность. И еще ты идиотка, которая позволила ему сбежать и до сих пор обвиняет в краже «Олифанта» *меня*.

Еще одно тело Резчицы встало на стол заседа-

ний. Было время, когда в таких стычках Равна могла сыграть роль миротворца. А теперь? Мелькнула мысль, не полоснет ли ее Резчица, если она попытается вмешаться.

Невил оказался смелее или быстрее, а то и просто глупее. Пока Резчица рвалась вперед, он уже вскочил на ноги.

— Все в порядке, ваше величество! — Он протянул было руку, но сообразил, что пытается уговорить существо, серьезно отличающееся от человека. — То есть это еще одно бремя из тех, что приходится нести мудрому правителю.

Этот лукавый средневековый подход вроде бы помог. Резчица не отступила, но движение вперед замедлилось.

— В словах Свежевателя есть смысл, — произнесла Джоанна невозмутимо — быть может, потому, что лязг зубов и стук когтей не прошли через низкокачественный радиоканал. — И правда может быть, что Магнат — это на самом деле Хранитель плюс «Олифант». Но его успехи могут объясняться и шпионами в лабораториях Тщательника.

Это удовлетворило всех, кроме Тщательника.

— Нет у меня шпионов в лаборатории!

Но тем не менее он был вполне рад поговорить

о технических средствах борьбы с этим несуществующим шпионажем. Мониторить доступ пользователей к Внеполосному было относительно легко. Проблема была скоррелировать, кто когда обращался к кораблю и когда какие изобретения появились за пределами Домена.

Вид у Невила становился все более и более недовольным.

— Надо нам это дело выяснить. И что-то надо выяснить на стороне Магната. Вы прямо сейчас собираетесь улетать из Восточного Дома, Джо?

— Так намечалось. — Послышался приглушенный разговор между Джоанной и Странником, слишком рассеянный, чтобы «Внеполосный» мог его выделить. — Аппаратура в хорошем состоянии, и у нас есть отличное укрытие за городом. Мы готовы еще здесь остаться, если это поможет, особенно если вы нам дадите какие-то указания, что где искать.

Невил разрывался между долгом и чувством. Равна понимала, с каким нетерпением он ждет возвращения Джоанны.

— Есть какие-то указания, которые мы им можем передать? — спросила Равна.

— Есть лабораторные журналы Тщательника, — сказал Странник. — Мы могли бы поискать

совпадения в деталях.

Резчица — вернувшаяся на свои места — обратила внимание на еще один аспект:

— Из того, что говорят Джоанна и Странник, следует, что Магнат постоянно набирает силу. Если они сейчас вернутся, нам может оказаться трудно снова подобраться так близко.

— Надо нам было там завести целый отряд шпионов, — сказал Свежеватель-Тиратект.

Резчица согласно пожала плечами. Эти двое почти заговорили между собой.

И заседание стало почти нормальным, каким должно быть заседание Исполнительного Совета — только без Джоанны и Странника, которых еще по меньшей мере двадцать дней не будет.

Двадцать дней. Джоанна и Странник вернутся уже после главной речи Равны. С того вечера на могиле Фама у нее не было возможности толком поговорить с Джоанной. Девушка почти все время отсутствовала, занимаясь скрытым наблюдением, а когда она возвращалась, то в основном проводила время с Невилом. И сейчас у Равны тоже практически не будет шанса поговорить с ней с глазу на глаз.

А Резчица, похоже, злится пуще прежнего.

Для своей будущей речи Равна написала много

черновиков. Очень много вопросов надо было обсудить. Некоторые из них были радостные, хорошие новости — например, что Новый зал будет использоваться для повышения общественной активности, построения формальной демократии. Были и горькие истины: угроза Погибели, нависшая над будущим, необходимость решить базовые технологические проблемы до того, как начать исследования по продлению жизни. Были предложения, делающие горькие истины более приемлемыми. Без Резчицы, а теперь и без Джоанны и Странника все зависело от суждений Равны и советов Невила. Снова и снова он показывал ей нюансы, которые она бы сама просмотрела. Например: «Расставь вопросы так, чтобы закончить хорошими новостями, дающими реалистические причины для оптимизма». Или: «Можно соединить эту речь с твоей идеей Общественного Совета, Равна. Мой отец говаривал, что люди ответственные легче переносят плохие новости, если в трудные времена от них что-то зависит». Поэтому собрание будет объявлено как случай для произнесения ее речи и как возможность для Детей и Стальных Когтей участвовать в этом процессе.

— Я говорил об этом с Резчицей, Равна. Она

считает, что получится.

И эта новость была из самых лучших. Резчица по-прежнему избегала Равны, но хотя бы косвенно участвовала в планировании.

Невил с друзьями сообразили, как сделать так, чтобы Новый зал казался больше, и показывали Равне десятки вариантов его отделки. В конце концов она это перегрузила на него и сосредоточилась на шлифовке речи, стараясь воплотить предложения Невила о том, чем речь должна завершаться.

Потом настал канун «большого собрания». Равна уже думала об этом событии в терминах обратного отсчета: сейчас пятнадцать часов до собрания. Она последний раз проговаривала его с Невилом, еще раз проглядывала то, что ей нужно было знать о подготовке Нового зала, еще раз репетировала свое выступление.

— Ты не волнуйся, если речь получится не стопроцентно совершенной. Я там буду, а формат Общественного Совета позволяет мне встать и задать вопрос, возвращающий ход собрания на нужные рельсы. И твои друзья смогут тебя поддержать.

— Ты прав, — согласилась Равна. — Я просто нервничаю.

Она посмотрела на окошко часов, по которому хронометрировала репетицию своей речи. Оно тоже показывало обратный отсчет — 14:37:33 до начала. Равна и Невил находились на мостике, но настроили дисплей так, чтобы он выглядел, как будет выглядеть трибуна в Новом зале в… ладно, в 14:36:55. Равна посмотрела на Невила. У него тоже лицо было озабоченно-серьезным — и она решила, что он тревожится потому, что она волнуется так явно. Здорово повезло Джоанне заполучить этого парня.

— Невил, хочу тебе сказать спасибо за все. Без тебя я бы до сих пор металась.

Он покачал головой:

— Нельзя все делать одной, Равна. А то, для чего ты работаешь, — абсолютно необходимо. И тут все мы, все Дети, должны тебе помогать. Если возьмемся все вместе, не можем не победить.

Это по стилю походило на ее речь, и вдруг Равна поняла, что Невил, очевидно, говорит совершенно искренне, хотя в ее ушах эти слова отозвались банальностью.

Вот уж точно слишком много репетировала.

Она встала и осторожно обошла условную трибуну, направляясь туда, где сегодня был вход мостика. Махнула двери рукой, чтобы открылась,

и обернулась к Невилу.

— Тогда до завтра. — Она улыбнулась: — Чуть-чуть раньше 14:35:21.

Невил встал. Может быть, в его улыбке можно было прочитать некоторое облегчение.

— До завтра, госпожа начальница. — Он остановился на расстоянии вытянутой руки. — Спи спокойно и не волнуйся.

— Спасибо, Невил. Доброй ночи.

— Доброй, — улыбнулся он.

И ушел.

В том, что заснуть не удалось, не было ничего неожиданного. На самом деле Равна даже не сразу легла. *Но я молодец, что не стала репетировать еще раз.* Она отступила от помоста и трибуны и села за свои обычные средства анализа. Сейчас «Внеполосный» все время крутил программы настройки обнаружения угроз — иногда так интенсивно, что это замедляло научные программы Тщательника. В последнюю декаду Равна меньше следила за мониторингом безопасности. Это подтверждало одну из ее теорий тревожности — а именно, что у человека мнительного есть свой максимальный уровень тревоги. И когда появляются иные заботы — например, подготовка к собранию, — обычные мании ослабевают.

Тем не менее она села отвлечься на просмотр журналов регистрации. У «Внеполосного» имелась приоритетная система угроз, но — как показывали прошлые неудачи — при категоризации события всегда была вероятность ошибки.

Поскучав над протоколами, она вдруг заметила, что уже и близко не одержима своей речью. Ага! И в журналах тоже ничего такого уж криминального не обнаружилось!

Она пошла листать дальше, заглянув в результаты более низкого приоритета.

Вот что-то интересное в разделе «старых угроз»: «Внеполосный» все еще высматривал следы украденных радиоплащей. Эти устройства никак не походили на изделие Края — коммуникатор, который использовали Странник и Джоанна, или даже на голосовые рации, которые построил Тщательник. Они размазывали мыслезвуки своего носителя по широкой полосе радиочастотного спектра. Результирующий сигнал имел довольно-таки малую дальность и был практически недоступен «Внеполосному» для анализа. Страх, ненависть, вожделение — это корабль еще мог распознать, но чтение мыслей было едва ли возможно.

Ничего этого корабль не слышал, но все же

«Внеполосный» обнаружил нечто, очень похожее на шум плаща. Скоррелировав его с меняющимися следами полярного сияния, корабль предположил, что источник находится высоко в Ледяных Клыках, примерно семьдесят километров на восток. Сигнал доходил спорадически, и его громкость едва ли была достаточно высока, чтобы подозрение стало основательным. Если это и был радиоплащ, то только один. Сигнал был даже слабее, чем должен был бы звучать плащ на таком расстоянии, и надевали его лишь на несколько минут в день.

Равна некоторое время повозилась с этими результатами. Сигнал был и правда недостаточный для сколько-нибудь информативного анализа. Попросить его провести такой анализ — только снова нарваться на умение корабля выдавать желаемое за действительное. *Спасибо, не надо*. Но какой вообще смысл в использовании *одного* радиоплаща? Если вся остальная стая не наденет остальных, то эффект единственного плаща — хлопок одной ладонью.

Равна откинулась на спинку кресла, представляя себе: шайка воров крадется прочь из Домена, пробираясь по крутым горным перевалам. Они бывают смертельно опасны даже на пике лета.

Воры могли погибнуть в лавине. Могли попасть в засаду обыкновенных бандитов. Так или иначе, но все плащи пропали, кроме одного. Получалось почти правдоподобно, но этому оставшемуся плащу нужен носитель, нужен иногда свет для питания. Например, так: плащи — штуки красивые, солнечные элементы темны, как бархат, но с золотым блеском. Какая-то примитивная стая могла надеть плащ как трофей, понятия не имея о его магии.

Печальная ирония. Равна сделала себе заметку — это надо будет вынести на Исполнительный Совет, а того лучше — представить прямо Резчице. Так они смогут снова начать разговаривать. Как бы там ни было, следует послать к источнику сигнала поисковую партию до наступления зимы.

Обратный отсчет показывал 13:25:14. Она провела целый час, ни разу не подумав о своей речи. *Серьезно, надо бы еще раз ее пересмотреть, может, еще раз отрепетировать.*

Никогда она так не нервничала перед разговором с ребятами. Но раньше она говорила с ними один на один или с небольшими группами, а сейчас будет обращаться ко всем. Если она правильно подаст все идеи, над которыми они

с Невилом так упорно работали, очень много проблем решится сразу.

Но если у меня не получится…

Глава 11

Утро выдалось темное и ветреное — возможно, последняя буря года и леденящее прощание осени. Равна настроила окна мостика на мрачную панораму снаружи и поглядывала на них рассеянно, пока одевалась. Вниз по склону до самого обрыва клубился туман, приоткрывая иногда серое на сером — Скрытый Остров и внутренний канал. С севера пришел косой дождь. Сенсоры корабля показали, что это дождь, не град, но он замерзал, расплескиваясь по Холму Звездолета, покрывая льдом улицы Нового замка.

В окнах видны были Дети и Стальные Когти Домена, идущие на юг из города Новый замок и на север по Дороге королевы. На западе видны были и другие, возникающие из тумана на верхней площадке фуникулера. Равна остановилась на секунду, увеличила эти неясные фигуры, собранные кучкой стаи, сопровождающие их. Наверное, они где-то час назад приплыли со Скрытого Острова — только чтобы успеть вовремя к началу речи Равны. *Как раз в 00:55:43*.

По крайней мере в Новом зале им будет тепло

и уютно.

Зрелище ее отвлекло на другую мысль:

Не следует ли и мне одеться так же просто?

Не так вот. Она оглядела себя спереди и сзади. Почему-то наряд не выглядел настолько как мундир, когда они с Невилом выбрали фасон. Даже хотя Резчица не говорила с ней, она свои желания передала через Невила: королева намеревалась надеть все свои короны и регалии и надеялась, что Равна будет выглядеть так же официально. *Что ж, пусть так*. Для Детей Неба эти церемонии были вполне прозрачны, но если Резчица не согласится считать Новый зал встреч разновидностью зала тронов, ее враждебность может никогда не исчезнуть.

Равна разглядывала себя еще секунду. На самом деле у такого стиля была почтенная история — пусть даже в этом мире понимает это одна только Равна. Сама Блиссе носила нечто такое, когда вышла завоевывать поддержку археологов и инженеров-программистов.

Отлично выглядишь и не забывай об этом.

Взяв свою повязку-тиару, Равна вышла.

00:03:51 до начала.

Переход из командного пункта вел в пространство над внутренней стеной грузового трюма.

Сегодня здесь создалась атмосфера кулис классического театра. Равна здесь была одна, расхаживала взад-вперед по этому темному коридору, не давая себе труда поменять уровень освещения. По одну сторону от себя она держала окно со своей речью, в особенности со вступлением. *Не вздумай загубить вступление!* По другую сторону были окна, которые Невил вывел непосредственно в Новый зал. Это были временные виды, показанные «рыбьим глазом», и ограниченны более, чем было бы разумно. А может быть, так и следует. Равна могла выглянуть в зал, как исполнитель прежних времен в щелку занавеса, оценивая публику.

Все места были заполнены. Невил тоже где-то там, в первых рядах. Только Резчица и Равна должны были выйти изнутри корабля. Невил сказал, что таково было желание Резчицы — королевская психология, очевидно.

00:00:50. Негромкий металлический стук стали по полу за спиной. Резчица. Равна обернулась и поклонилась королеве-соправительнице.

— Готовы к великому дню, ваше высочество?

Очень многое Равна хотела Резчице сказать.

Если сегодня все получится, может быть, ты снова станешь прислушиваться ко мне и снова

будешь моим другом.

Резчица кивнула несколькими головами. Это была улыбка, хотя в полутьме что-то в ней было странное.

— Конечно. Хотя вижу, что больше всех приготовилась ты. — Она мотнула одной головой в сторону стены, очевидно, имея в виду находящийся за ней зал. — Какое ты для себя… необычайное место оборудовала.

— Для нас, Резчица. Для всех нас.

00:00:00. Тиара без необходимости тихо прозвенела в ухо.

Какая точность. Хотя плюс-минус пара минут погоды не сделали бы.

Но Равна до ужаса боялась, что если она не двинется точно по графику, то никогда не заставит себя выйти на сцену. И она не стала ничего говорить, а просто наклонила голову, пропуская Резчицу в широко открывшиеся двери.

Резчица вошла, и по стае тут же расплескался солнечный свет — полностью искусственный, конечно. Портал был широк, чтобы стая могла пройти шеренгой, и Резчица вошла в него плечом к плечу. Кстати, места хватило бы и для Равны, но лучше, как дала понять королева через Невила, чтобы сперва появилась она, а потом отдель-

но — Равна.

Поэтому Равна ждала, пока Резчица вся пройдет и скроется из виду, направляясь к ждущим ее тронам слева. На секунду Равна заколебалась в ужасе. *Вот так и создаешь себе ситуацию «сделай или сдохни».* Она шагнула вперед. Как ни странно, но традиционная форма придала ей силы и помогла двигаться решительным шагом.

Когда она шагнула в свет, грянули невидимые бравурные фанфары. Ничего от Стальных Когтей в этой музыке не было. Эта торжественная мелодия почетной встречи восходила к давней человеческой истории.

Ой, нет! Глюк номер один!

Уж если кого должны были встречать приветственные фанфары, то это Резчицу.

Равна повернулась направо, двинулась к собственному трону. Потом вспомнила, что собиралась сперва повернуться и поклониться Резчице.

Ладно, глюк номер два. Но маленький.

Она всегда знала, что глюки будут.

Сцена была значительно выше зала. Проходя по ней, Равна глянула на публику и попыталась небрежно помахать рукой. Получилось скорее что-то вроде потрясания палкой, но в ответ раз-

дались дружелюбные аплодисменты. На миг она глянула вверх — *боже мой,* какой огромный получился зал. Она знала точные размеры последних сооружений, но Невил и его друзья создали несколько хитрых оптических иллюзий и сыграли на перспективе, так что помещение выглядело даже больше, чем было. Игровые уголки исчезли. Вдоль стен вытянулись изящные арки, уходящие в потолок так высоко, что будь там птицы, они бы не казались неуместными. Искусственный солнечный свет лился сквозь хрустальный купол — Равна узнала стиль. Архитектура дождевого леса эпохи Среднего Возрождения на Ньоре. Принцессы брали строительные материалы из старых развалин — иначе они не могли бы создать хрустальный верхний свет. Эта сцена тронула ее сердце, хотя для большинства стай она ничего не значила — да и для детей Страума немного.

К счастью, трибуна выступающего оказалась именно там, где Равна репетировала свою речь на мостике. Ее собственный королевский трон находился всего в нескольких шагах от трибуны, намного ближе к ней, чем троны Резчицы. Других сидений на сцене не было. Равна надеялась, что участвовать будет весь Исполнительный

Совет, но Джоанна и Странник все еще были на Восточном Побережье. Очевидно, Невил не сумел убедить Резчицу допустить на сцену еще кого-нибудь. Ну ладно. Значит, Резчица хочет, чтобы это выглядело так: две королевы — и Народ.

У ступеней, ведущих к ее трону, Равна замялась. Это было чудовищное сооружение высотой в два метра, не считая ступеней, тонущее в фальшивых самоцветах и драгоценных металлах, украшенное символами, мало что значащими за пределами некоторых человеческих легенд.

Ну вот не хочется мне туда лезть.

Пусть хозяйка этого представления — Резчица, но все же…

Равна посмотрела на ту сторону сцены. Сиденья Резчицы по необходимости отличались от трона Равны. Стае нужно отдельное место для каждого ее элемента. Троны Резчицы были подняты на ту же высоту, что и трон Равны, но места занимали, естественно, больше, и отдельные сиденья выстроились короткими прямыми рядами, не так, как расположилась бы стая для усиленного размышления. И это был глюк номер три, куда как более серьезный.

Равна запоздало поклонилась Резчице. При этом будто огромная тень шевельнулась на стене

за помостом. И это была… сама Равна. Ее собственное изображение, увеличенное до десяти метров. Даже от взгляда на него у нее голова слегка закружилась — не было такого места в зале, где бы этот образ не подавлял. Передают, наверное, с зафиксированной камеры слежения. И даже когда Равна оглянулась на Резчицу, то увидела, что великанша на стене — это она сама, а не ее соправительница.

Вот тут на сцену должен был выйти Невил, объявить двух королев и очень важное выступление Равны. Но его нигде не было видно.

Однако ведь Резчица разрешит ему открыть собрание?

Она поклонилась Резчице еще раз, ища при этом закрытый голосовой канал.

Но тут Резчица смилостивилась. Она несколько неловко поерзала на своих тронах человеческого стиля, сдвинув головы поближе. И когда она заговорила, ее голос будто шел отовсюду, разговорные интонации звучали так, будто она где-то всего в паре метров от тебя. Хотелось надеяться, что так оно звучало для всех.

— Милости прошу всех в Новый зал встреч. Пусть даст он нам всем чистосердечие и да вручит власть тем, кто ее заслуживает.

Лицо Равны было одиноким на гигантском экране, но Резчица сидела лишь в нескольких метрах от него. Равна видела, что одежда сегодня на ней такая, как полагается по местным понятиям королеве, но не очень отличается от ее повседневных меховых плащей и курток. А выражение — для стаи это в основном поза ее элементов, — выражение сидящей на тронах Резчицы было сардоническим.

— Итак, сегодня моя королева-соправительница Равна желает вам рассказать, что может принести вам ее правление и чего она ожидает от вас.

Резчица вытянула морду в сторону Равны и грациозным взмахом пригласила ее на трибуну.

На миг Равна застыла в полном замешательстве. Столько уже всякого, мелочей и, может, не мелочей, вышло неправильно. *Не так все должно было быть!* Но все равно у нее была речь и были идеи, над которыми она трудилась, как раб на плантации. Сейчас ей принадлежало внимание всех, до кого она хочет достучаться.

Равна повернулась и взошла на трибуну. Открылось окошко со светящимися знакомыми словами ее речи. На миг она забыла о них и просто посмотрела на аудиторию: сто пятьдесят человек

и стай, наверное, пятьдесят. А пол был метра на три, не меньше, ниже трибуны, уходил в туман, в искусственную даль. Зал был убран куда проще, чем любая деталь сцены, — простые деревянные скамьи для людей и сиденья для элементов. И все лица смотрели вверх, и все — даже почти все стаи — были ей знакомы.

И Невил был здесь же, прямо в первом ряду! Он был одет в ту же простую стеганую одежду, что и все Дети, и прямо сейчас казался замерзшим, промокшим, и вода с него капала — как и с остальных, пришедших с утреннего дождя.

Но все же он был здесь, просто из-за трибуны не видно. Рядом с ним сидел Тимор Ристлинг, на этот раз без своей ворчливой стаи — Лучшего Друга. Мальчик улыбался во весь рот. Кажется, его полностью покорило изображение Равны на стене. Потом он увидел, что она уже на трибуне и на него смотрит, и стал махать рукой. Равна вскинула руку помахать в ответ им обоим, и Невил тоже радостно улыбнулся до ушей.

Теперь надо было говорить речь. Равна сдвинула текстовое окно так, что, куда бы она ни смотрела, видела большие, прозрачные слова. Будь она Невилом, Резчицей или Джоанной, могла бы экспромтом выдать новое начало

речи — такое, чтобы смягчило все накладки, оказало честь Резчице и, быть может, вызвало бы у всех добродушный смех. Но она, будучи всего лишь Равной Бергсндот, знала, что если отклонится от написанного текста, то погибнет. Текст был ее спасательным плотом.

Вот тут ей на выручку пришли все репетиции. Она глянула на свои туманные слова, произнесла их, обводя глазами лица в зале.

— Спасибо, э-гм, Резчица. — *Смотри-ка, экспромт!* Она улыбнулась сочувственной улыбкой. — Спасибо вам всем, что пришли сюда, несмотря на погоду.

Это уже не был настоящий экспромт, потому что «Внеполосный» прогнозировал сегодняшний штормовой фронт.

— Мы, люди, живем здесь, на планете Стальных Когтей, чуть более десяти лет. Стаи спасли нас и стали нашими лучшими друзьями. Но мы должны помнить, и люди, и стаи, что наш прилет сюда стал эпизодом огромной и трагической катастрофы. — Она сделала соответствующий жест, показав рукой в небеса за пределами хрустального купола. — Зло, что гналось за людьми до самого мира Стальных Когтей, все еще ждет, пусть и ослабленное, в ближнем межзвездном

пространстве.

И Равна стала излагать данные «Внеполосным» оценки состояния флота Погибели в тридцати световых годах от планеты. Она не стала упоминать о возможности дальнейших сдвигов Зон. Настоящий сдвиг мог просто закончить игру, а у Равны не было и намеков на него, если не считать странного глюка, о котором сообщил «Внеполосный» много лет назад. Нет, она рассказала почти все то же, что говорила Детям в дни, когда они выходили из гибернации. Невил ей сказал, что многие ребята потеряли перспективу. Напоминание, сделанное в этом внушительном антураже, может помочь им вспомнить, насколько необходимы их жертвы.

— Всего через двадцать лет первые лучи света от флота Погибели долетят до этой планеты. Будет ли это само по себе опасностью? Возможно, хотя сомнения у меня есть. Но *после* этого в течение нескольких десятков лет возможна доставка малых грузов, пусть всего миллиграммов, а корабли Погибели могут разогнаться до субсветовых скоростей. При достаточно высоких технологиях даже крошечные грузы смогут нанести миру Стальных Когтей ощутимый вред.

Это общее рассуждение было извлечено из

недостоверной части архива корабля — экстраполяция на основе последней информации от флота Погибели и о самых экзотических системах оружия, когда-либо применявшихся в Медленной Зоне.

— Что совершенно определенно: если сторонники Погибели все еще желают нам вреда, то в следующем веке, и уж наверняка за несколько тысяч лет, они смогут перебить в этом мире всех, если только… — Здесь она сделала театральную паузу, как во время всех своих репетиций, и обвела слушателей стальными глазами. — Если только мы, люди и стаи вместе, не поднимем эту планету на высший технологический уровень, который только может существовать в Медленной Зоне. Это лучший наш шанс, возможно — единственная наша надежда. И она стоит тяжелых жертв.

Произнося эту речь, она продолжала оглядывать зал, иногда кивая в сторону своей соправительницы-королевы. Равна не запускала никаких средств анализа, но речь была настолько отрепетирована, что у нее было время замечать реакцию слушателей. Ее глаза останавливались на тех, чье мнение ей было наиболее важно. Невил — не очень хороший образец для анализа,

но приятный — кивал головой в нужных местах, хотя все это он за последние дни слышал уже не раз. Остальные: Овин Верринг и Эльспа Латтерби — слушали очень внимательно, но время от времени переглядывались и качали головой. Портные, Бен и Венда Ларсндот — эти сидели в задних рядах со своими детьми. Они давно перестали слушать, изо всех сил заставляя ребят сидеть тихо. Вели себя так, будто все это уже слышали. *И ведь слышали — в сотнях разговоров за все эти годы.* А некоторые, вроде Ганнона Йоркенруда, кривились в ответ на ее слова.

Я должна говорить дальше.

Если бы только они с Невилом могли предвидеть эту реакцию, когда планировали выступление, или если бы у нее хватило соображения внести поправки на ходу, она бы сейчас сумела плавно перейти к следующему пункту и донести до слушателей общий смысл.

От этой мысли она запнулась и чуть не сбилась. Нет, нельзя. Единственная ее надежда — переть вперед. Пусть ее слова — не пение сирен, но логика в них есть, и она это знает.

— Какова же самая большая жертва, которую мы должны принести ради нашего выживания? Это та жертва, которую на моих глазах каждый

из нас приносит каждый день. Это очень тяжело, хотя я и пытаюсь убедить сейчас вас, что приемлемых альтернатив нет. Эта жертва — относительно низкий приоритет, который мы даем биомедицинским исследованиям.

Вот *это* уже привлекло внимание всех. Даже стаи кое-где вытянули шеи.

Начни с плохого и переходи к хорошему — но какой же это долгий путь! Однако Равна уже подводила к своим идеям отремонтировать побольше гибернаторов и создать чрезвычайный медицинский комитет.

— Сейчас мы умеем лечить только малые повреждения. У нас только основные эпигенетические триггеры. В конце концов все это переменится, но тем временем — что нам делать со старением? Наши предки мирились с ним тысячи лет…

Слово «но» ей уже произнести не удалось.

— Мы не твои вонючие предки!

Это крикнул Джефри Олсндот. Он сидел в глубине зала, и она его раньше не видела, но сейчас он вскочил в ярости.

Джефри?

Вокруг него сгрудился Амди, вытянув головы в выражении, которого Равна не могла понять.

Джефри орал во все горло:

— Как ты смеешь диктовать нам, ты, защищенная и самодовольная? Мы ради тебя умирать не станем, Равна! Мы…

Он продолжал орать и жестикулировать, но звука не было — акустика «Внеполосного» заглушила его голос.

Вскочили Ганнон Йоркенруд и еще кто-то:

— Ты, королева недоделанная, мы ради тебя умирать не ста…

И их голоса тоже пропали.

И еще кричали так же безмолвно Тами Ансндот и другие. Равна огляделась в поисках управления звуком, но оно было встроено в общую автоматику зала.

Я не хочу никому затыкать рот!

Глаза сосредоточились опять на словах ее речи — еще же столько абзацев произнести! На миг она ощутила беспомощный ужас — а потом увидела, что в первом ряду встал Невил.

Слава богу. Они с Невилом рассчитывали, что он потом и будет говорить, когда дойдет до вопросов и ответов. Если бы только дойти сейчас до них и выбраться из этого кошмара.

Она махнула рукой, призывая его подняться на трибуну.

Невил взбежал по ступеням на возвышение, но

не стал обходить вокруг, чтобы занять ее место. В зале все еще стояли Джефри и другие, но уже не кричали, зато недовольный ропот шел, казалось, от всех зрителей одновременно.

Невил повернулся к залу и поднял руки, призывая к спокойствию. Помедлив секунду, все возмутившиеся опустились на скамейки.

— Ребята, это *наш* Новый зал. Это его Равна *для нас* построила. Вот мы и должны им воспользоваться, чтобы делать *правильные* вещи, а не орать.

Ропот и сердитые возгласы стихли — естественным образом, насколько могла судить Равна, — и все смотрели на Невила, уделяя его разумным словам внимание, которого они заслуживали.

Равна глянула через плечо на огромный нависший над сценой экран. Камера все еще была нацелена на нее. Может, она переключится на Невила, если отойти от трибуны. И Равна шагнула в сторону, потом спустилась с помоста — но даже когда она села на один из боковых стульев, на экране было ее лицо, теперь нахмуренное.

Зрителям же была видна человеческих размеров фигура Невила, стоящая на трибуне. Но хотя бы голос его не глушили:

— Вот это, пожалуй, самое важное насчет Но-

вого зала: именно здесь мы, беженцы, заявляем свое мнение и подаем свой голос.

Он посмотрел влево от себя, где была Резчица.

Королева вежливо кивнула ему парой голов, и голос ее звучал откровенно примирительно:

— Ты совершенно прав, Невил. Давно уже пора людям и стаям Домена обрести право быть услышанными.

Невил посмотрел вправо, на Равну:

— Равна, а ты?

— Ну конечно! Я…

Но он снова обернулся к залу, и Равна позволила ему вести выступление. Это было лучше, чем ее репетиции.

— И вот я думаю, вопрос таков: что ставить на голосование? — Он усмехнулся, и в зале откровенно засмеялись. — Я думаю, много есть разного. Например, важно вот что: когда мы встаем говорить, наши голоса всегда должны быть слышны.

Согласие прозвучало громко и, к счастью, не было заглушено.

— Я думаю, что самым важным вопросом являются медицинские исследования. И не только для того, чтобы мы выглядели молодыми и красивыми. — Он снова осветился улыбкой и стал вдруг очень серьезен. — Тимора Ристлинга вы

все знаете.

Невил махнул в сторону переднего ряда, где сидел Тимор. Когда Невил на него показал, следящая камера наконец проснулась, включила логику, и Тимор вдруг воздвигся на заднике сцены. И не только как портрет. Видны были жалко скрученные конечности, слабая дрожь рук. Мальчик посмотрел на огромное изображение — и захлопал в неожиданном ликовании.

Невил улыбнулся ему в ответ и посмотрел снова в зал.

— Сколько из вас помнит Тимора таким, каким он был в Верхней Лаборатории? Я помню, хотя ему тогда было едва ли четыре года. Его родители поддерживали логику загрузки устаревших систем — работа почетная, и они ее делали хорошо. И у них были все основания верить, что сын их вырастет таким же почтенным членом общества. Но вышло не так. — Голос Невила стал печальным. — Вышло так, что в той ситуации, в которую мы попали здесь, он чуть не погиб. — Невил посмотрел на аудиторию и сказал с обдуманной решительностью: — Такого бремени не должен нести никто: ни Тимор, ни кто бы то ни было.

Эти слова были встречены приветственными криками.

В последующие декады Равна Бергсндот мысленно прокручивала этот момент собрания снова и снова и поражалась, как причудливый рисунок фактов опрокидывал ее предвзятые понятия, как недоумение постепенно сменялось пониманием. Она помнила, как стояла, махала рукой Невилу, пытаясь привлечь его внимание, пытаясь вернуть его туда, куда он, по ее мнению, вел — к разговору об усовершенствованных гибернаторах.

Но Невил уже шел дальше, оседлав волну одобрения, идущего, казалось, со всех сторон.

— Так что — да, нам есть что ставить на голосование. Но это всего лишь один из симптомов системной проблемы, которую мы должны решить. Не важно, по каким причинам, но тут вокруг слишком много секретности. Не должен Исполнительный Совет заседать тайно. Может быть, вообще не должно быть Исполнительного Совета. Я ради этого готов отдать там свое место.

В аудитории несколько человек вскочили, желая говорить. Невил остановился и обратился к одному:

— Джефри?

Джефри встал, подбоченившись. Голос у него был злой, на Равну он старался не смотреть. Амди

окружил его плотным кольцом, только какая-нибудь голова показывалась время от времени.

— Хочешь один вопрос для голосования? Только это не то, нужен ли нам Исполнительный Совет или ты в нем, Невил. Настоящий вопрос в том, будет ли нами править мегаломаньячка, загоняющая нас всех в могилу!

И на миг воцарилось полное молчание. На миг, наверное, каждый был так же ошеломлен, как Равна. Потом вскочил Ганнон Йоркенруд, громко крича в поддержку Джефри. Но и остальные тоже повскакивали, и вдруг Венда Ларсндот и Ганнон Йоркенруд заорали друг на друга.

Невил снова поднял руки, и через несколько секунд хаос стих. Венда сердито села, потом сел Йоркенруд и другие. Еще несколько секунд Невил выдержал паузу нарастающей тишины. А потом сказал:

— Ясно, что нам многое нужно обсудить — больше вопросов, чем мы можем решить сегодня. У нас еще есть будничные вопросы управления Доменом. Наверное, можно найти компромисс. Для будничного правления у нас есть стабильный и проверенный ресурс. — Он повернулся и поклонился Резчице: — Госпожа королева, согласны ли вы править без консультаций Исполнительного

Совета? Решать все непротиворечивые вопросы жизни Домена?

Двое из Резчицы глянули на Равну. Остальные, включая щенка, смотрели на Невила и на зрителей. Позы королевы выражали серьезное внимание. Но Равна уже десять лет работала с Резчицей и сейчас за торжественно-серьезным видом умела угадать приятное удовлетворение.

— Вполне устроит, господин Сторхерте. При этом, естественно, мне будет дорог любой совет от каждого из вас.

— Разумеется. — Невил склонил голову, почти что поклонился Резчице. И повернулся к Равне. Но никакого подобного вопроса он ей не задал — тон его стал утешительным, примирительным. — Равна, мы очень многим тебе обязаны. Ты поддержала Резчицу в войне против Булата и прежнего Свежевателя. Мы все помним твою любовь в первые дни нашего изгнания, как ты добилась, чтобы Резчица и ее стаи заботились о самых младших из нас. Даже и теперь нам отчаянно нужен твой опыт в работе с архивами «Внеполосного». — Он запнулся, будто не зная, как продолжить. — И в то же время мы… мы думаем, что ты слишком сосредоточилась на потенциальных угрозах, которые от нас очень да-

леко. Мы считаем, что ты угодила в ментальный капкан, что утраты и одиночество привели тебя в… — Он оглядел величественную реконструкцию архитектуры Века Принцесс. — В некую собственную фантазию.

Он снова смотрел на нее сочувственно и испытующе — и тут-то Равна наконец *поняла*. Она чувствовала на себе взгляды всех Детей и всех стай. Может быть, некоторые ее ненавидят — похоже, что Джефри точно. Но большинство просто видят на ней флотскую форму, видят имперский зал — и заключают, что ее великие планы — безумие. Она почти видела, как к этому выводу приходят те, кто сидит в зале, пока длится молчание Невила. И потом его тихий и сочувственный голос произнес:

— И я думаю, вот какой вопрос мы должны сегодня поставить на голосование: попросить тебя на время отойти от административной работы. Ты по-прежнему будешь очень ценна для нас благодаря своей интуиции и умению работать с архивами корабля, но править будет Резчица, — и голосование в этом Новом зале. Ты понимаешь, какой вопрос я ставлю на голосование, Равна?

Впервые за несколько минут Равна посмотрела Невилу Сторхерте прямо в глаза. Он не

дрогнул. Ничего не было в его взгляде, кроме твердого уважения — к ней и к миру. Равна открыла рот — выкрикнуть опровержение этой чудовищной чуши… но не нашла слов. Минуту или две подумать, а без этого — только нечленораздельное гневное бормотание. *Но я могла бы его остановить*. Пусть у Невила Сторхерте в руках управление всякими мелочами сцены и звука — все, что отдала ему Равна для создания этого Нового зала, но управление всем звездолетом «Внеполосный-II» полностью в ее руках. Сейчас она возьмет на себя управление залом, вышвырнет вон эту мишуру Века Принцесс и заставит всех и каждого слушать… что? Взбешенные речи обезумевшей? Она заметила, что Резчица напряглась. Королева понимала, что на уровне голой силы плеть держит Равна.

Но я не сумасшедшая.

И поэтому Равна, когда заговорила, сказала так:

— Понимаю, Невил. Отлично понимаю.

— Спасибо, Равна.

Голос Невила был полон сочувствия и облегчения.

Теперь он снова повернулся к зрителям.

— Так что я думаю, есть у нас вопрос для го-

лосования. Серьезная перемена, которая всем нам поможет строить будущее безопасное и процветающее. Нужно ли обсуждение перед голосованием?

Оказалось, что да, но не очень долгое. Высказал свое мнение Йоркенруд, потом Джефри. На *этот* раз оно было более детальным и конкретным, чем выкрики Джефри с места. Равна чуть не заплакала посреди его выступления. Насколько она могла понять, Невил не использовал акустический контроль корабля, чтобы кому-нибудь не дать говорить, но мало кто мог что-нибудь сказать против, да и то смущаясь. Все вокруг свидетельствовало о мании величия у Равны, и когда она чуть повернулась в сторону, увидела, что камера снова направлена на нее. И ее мрачная гримаса чудовищных размеров смотрела в зал со стены.

Голосование прошло без сюрпризов. Сумасшедшую сделали безопасной, повысив до статуса технического советника.

Раздались приветственные крики, Дети выбегали в проходы и шли вперед. Вокруг Равны образовался пузырь пустоты. К счастью, на огромном экране ее лица больше не было. Казалось, что там, где она сидит, — одна сплошная тень.

Невил сошел с помоста. Говор стал громче — каждый хотел подойти пожать ему руку. Невил улыбался и махал кому-то. Наклонившись, он поднял Тимора высоко в воздух.

— Мы это делаем для него! И для всех нас!

Он поставил мальчика на пол, и оба они скрылись в толпе поздравителей. Через несколько секунд Тимор вылез из этого хаоса, на миг всеми забытый. Оглядевшись вокруг, он неуклюже побежал через открытое пространство, к той тени, где была скрыта Равна.

Вблизи стало видно, что Тимор плачет. И выглядел он потерянным и опустошенным, а не вдруг спасенным, как заявил Невил.

Как я себя чувствую, так он выглядит.

Она наклонилась ему навстречу. Он обхватил ее за шею двумя руками, и в ухе у нее раздался его недоумевающий голос:

— Равна, Равна, что случилось?

Глава 12

Ощущение от следующих дней было у Равны до странности безмятежным. Ей сказали, что Джоанна и Странник летят с Восточного Побережья домой, но заседание Исполнительного Совета не планируется. Резчица была недоступна. В настоящее время у нового «технического советника Домена» обязанностей было мало. Ее попросили покинуть квартиру на борту «Внеполосного» — эти помещения будут использоваться для дополнительной медицинской поддержки, обещанной Невилом. Очевидно, она подразумевала улучшение аппаратуры гибернации, хотя Равна не очень себе представляла, как это должно быть сделано.

Равне был выделен один из новых коттеджей на Дороге королевы. Били Ингва показал ей новое жилье и помог перебраться. Очевидно, он был главным помощником Невила — уважительный, улыбчивый Били.

— Невил думал сам показать тебе твой дом, но он не знал, сколько бывает у администратора работы, — сказал он с обезоруживающей

усмешкой.

Разговор происходил на втором этаже дома. Как во всех коттеджах, в этом было паровое отопление и внутренний водопровод. И у этих новых был еще один ватерклозет на верхнем этаже.

На верхнем этаже была еще и главная лестница и черная лестница. Еще была гостиная с широкими стеклянными окнами. На юго-запад открывался внушительный вид на ту сторону Внутреннего Канала.

— Это первый дом со стеклянным покрытием оптического класса. Почти как настоящий дисплей, ну только что меню слегка ограничено. — Он махнул рукой в сторону ледяных разводов, покрывающих края стекла. — Насчет льда не волнуйся, он тут же уберется, как только воду подключим. Твоя башня нагрева уже во «Внеполосном» зарегистрирована.

Равна кивнула. Когда корабль будет греть ей воду, не важно, сколько тепла уходит в эти окна — разве что «Внеполосный» будет утечку тепла воспринимать как обратную связь для поддержания постоянной температуры. Чудеса центрального отопления и централизованной вычислительной сети.

Били вроде бы понял через минуту, что другого

ответа не будет.

— Ну, я пойду вниз, помогу ребятам заносить твои вещи.

Ингва спустился вниз, и слышно было, как он что-то крикнул из входной двери. Тут же начался стук и треск — люди трудятся над тяжелыми предметами. Равна спустилась вниз следом за ним, но Били твердо не дал ей участвовать в работе. Да и ящики были внушительные — не такие, с которыми могли бы справиться Стальные Когти или люди некрупной комплекции. Били подобрал себе четырех помощников из самых сильных старших парней. Равне им было особо сказать нечего — разве что Ганнон Йоркенруд время от времени скалился в ее сторону.

Ой, сколько же тут было мебели, посуды, занавесов, одежды! Ничего из этого на самом деле не принадлежало Равне, не входило в ее имущество на корабле. На борту у нее было несколько сувениров, а все остальное — расходный материал, поставляемый «Внеполосным». То, что вносила сейчас бригада Били, было создано стаями, хотя и с использованием технологий, принесенных в Домен звездолетом.

Первый этаж быстро заполнился многочисленными предметами. Били улыбнулся Равне во весь

рот, восхищенный масштабом работы.

— Слушай, я знаю, что это в голове не укладывается, но для жизни в примитивных условиях много нужно всякого барахла. Мы тебе помощников выделим для готовки и стирки.

Слуг.

Равна ушла на верхний этаж. Прошла по лакированному паркету, остановилась у окна, осмотрела ручки. В ранние годы многим детям приходилось трудно с первозданной материальностью, с системами такими глупыми, что ты должен был их понимать, а не они тебя. Она помнила, как часто малыши мерзли без необходимости. В те ранние дни ей приходилось напоминать ребятам, что свой комфорт нужно сознательно продумывать. А Здесь истина еще жестче: продумывать — недостаточно. Физических усилий не избежать.

Новое ее положение резко ограничило возможности работы с «Внеполосным», но было куда более роскошным, чем у большинства Детей. Маневры Невила не кончились с успехом его переворота. Разумеется, Били все это понимал, хоть и улыбался и старался угодить.

На лестнице послышался шум — бригада переносчиков Ингвы обнаружила второй этаж. Но не

мебель доставили туда первой. Равна повернулась и увидела, как вносят большой свернутый ковер, то подталкивая, то подтягивая. Ингва и Йоркенруд с помощниками наконец-то положили громоздкий рулон посреди комнаты. Вслед за ними по лестнице поднялась стая с молотками. Равна узнала Шелковинта, прислужника Свежевателя и бывшего бармена. Он еще и ковроукладчик?

— Привет, Равна, привет, привет! — сказал Шелковинт, кивая головами всем собравшимся. Работая на публику, он измерил пол, потом развернул ковер, четверых из себя поставив по углам, один элемент остался смотреть сбоку. Ковер подвинули в нужное положение. — Ой, не совсем ровно.

Он еще раз попробовал… и в третий раз — и наконец прибил ковер обойными гвоздями, извлеченными из наспинной сумки одного из элементов. Края все равно лежали не совсем правильно, но никто ведь не говорил, что Шелковинт *умелый* ковроукладчик. С другой стороны, сам ковер был великолепен. Не из тех простых и прочных изделий, что выходят с ткацких фабрик.

Равна наклонилась и потрогала ворс. Искусное плетение изображало какую-то классическую

сцену мира Стальных Когтей. Многочисленные искаженные изображения для Равны были бессмысленной путаницей, но само изделие казалось крайне дорогим — тысячи часов традиционного стайного труда.

Равна встала. Заметила, что Били испытывает легкое нетерпение от всех этих подгонок.

— А? Великолепно смотрится, да? — спросил Шелковинт. Обращался он к ней, но два его элемента смотрели на Били бесстыдным взглядом.

— Да… красиво, — ответила Равна.

— И хорошо! — заявил Били. — Мы хотим, чтобы наш технический советник был доволен. Давайте теперь заносить остальную мебель.

— Кажется, вы обо всем подумали, Били, но…

— Да?

Улыбка его стала вопросительной.

— Здесь ничего нет… чем думать.

Так это звучало бы по-страумски.

Били кивнул:

— Да, понятно. Вычисления, доступ к данным, связь? Завтра домашний телефон поставим, Равна. Но не забудь, это все, что есть у каждого из нас за пределами корабля.

Ганнон Йоркенруд издал какой-то звук, и Равна увидела его глумливую усмешку. Остальные

ребята Били остались стоять с непроницаемыми лицами.

— Да ты не волнуйся, Равна. Мы для тебя оборудуем специальный доступ в Новом зале.

— Били, есть вещи, которые мне нужны все время. Если я должна быть техническим советником…

Ингва поднял руки примирительным жестом:

— Знаю, знаю! Нам действительно нужна твоя помощь. Выработка приоритетов этой помощи как раз будет самой важной работой Невила на ближайшие дни. И он сразу предоставит тебе список задач. Он мне обещал. — Били глянул в сторону окон. День клонился к вечеру, солнце уже зашло. — Надо здесь заканчивать, а то ты замерзнешь.

Они уже спускались по лестнице. Кажется, только Шелковинт заметил, что Равна за ними не пошла. Она махнула стае рукой, отпуская, и та ушла тоже. Внизу снова начался стук и скрип, но это уже звучало как работа с трубами. Неужто Били, Ганнон и другие ребята такие рукастые? Или это в основном Шелковинт?

Она подавила желание спуститься и посмотреть, что они делают, а вместо этого подошла к широким окнам. Раньше стекло казалось не иска-

жающим, но теперь она увидела едва заметную рябь — это уже шел из отдушин теплый воздух.

Равна оглядела окрестности. В этой стороне было лишь несколько коттеджей, и ничто не загораживало вид. За темнеющей землей и почерневшим морем нависло бесцветное теперь небо. Виднелось несколько ярких звезд. Прикованная к этой планете, Равна по расположению самых крупных звезд определяла времена года, время суток и… а вон там, возле двух звезд над морем, было самое важное место во всем небе. Ничем не примечательный кусок небосвода, где даже в самые темные и ясные ночи виднелось лишь несколько бледных звездочек.

Всего в тридцати световых годах — около сотни звездолетов. Эта угроза нависала над ней уже десять лет, сказываясь в каждом решении, требуя принуждать, убеждать и запугивать и Детей, и Стальных Когтей ради невозможного: выстоять против Погибели и победить.

А сейчас? Сейчас уже не ей принимать эти страшные решения, и как ни странно, она ощущала… покой.

Вестей от Невила не было ни завтра, ни послезавтра. Кое-кто из Детей навестил ее в новом доме, но никто надолго не задержался. Старшие

смотрели на всю эту роскошь — и будто ощущали невидимые стены.

Бури предыдущей декады ушли в глубь материка, препятствуя возвращению Джоанны и Странника. Их антиграв отбросило на сотни километров к востоку — не все неприятности были на совести Невила.

На «Внеполосный-II» Равна приходила каждый день. Били Ингва дал ей временные права доступа из Нового зала. Когда миновал вечер мании величия, Невил снова вернул трюму его исходный вид. Как Равна и ожидала, популярность примитивных игровых станций завяла — то, что мог создать и показать «Внеполосный», было жалким и слабым по сравнению с тем, что помнили старшие Дети. Сейчас играть приходили в основном стаи и младшие Дети, — и Тимор. Мальчик практически дневал и ночевал рядом с одной из станций, раздражая даже Белль Орнрикак, хотя она тоже подсела на игры. Иногда Тимор даже не замечал Равну, а когда замечал, вываливал на нее бесконечный фейерверк игровой эзотерики. Единственный сочувствующий ей мальчик был теперь увлечен и счастлив до экстаза.

А другие ребята если и разговаривали с ней, то неохотно. Может быть, когда они ее видели, то

вспоминали, как она выглядела на том страшном собрании. Так что Равна сидела в общественной зоне и пыталась работать через предоставленный интерфейс, тщательно следя, чтобы не выйти за пределы полномочий, предоставленные «временным правом доступа». Это, естественно, означало полный запрет на администрирование системы. Разрешение на вычислительно-поисковые работы было на самом низком уровне, и некоторые архивы были ей невидимы.

Когда она пришла в третий раз, к ней подошла Венда Ларсндот и попросила помощи.

— Иглз просто влюбился в идею массового производства. Я вот пытаюсь посмотреть, что говорит по этому поводу «Внеполосный». Там вагоны информации про швейные машины с числовым программным управлением, а мне нужно что-то попроще и не такое высокотехнологичное.

Равна устроила Венде экскурсию по гибридным инструментам планирования, которые надстроила над архивами корабля. Именно это она навязывала Детям годами, хотя это было ужасно нудно — по крайней мере для вкусов страумеров. В таких поисках попадались миллионы тупиков, и «Внеполосный» не мог их все отсечь. Но *эту* проблему решить можно было легко! В бешеной

гонке на опережение с Погибелью Равна решила пропустить этап механической автоматизации. Оказалось, что большинство дотехнических цивилизаций изобретали механические считыватели для приспособлений, повторяющих узор. Тогда для решения проблемы Венды нужно было только найти приспособление, которое можно будет легко состыковать с имеющимися ткацкими станками. Равне достаточно было только верно определить ограничения, накладываемые миром Стальных Когтей, и решение много времени не заняло. Корабль откопал некую расу насекомых, изобретших механизм для управления точным подобием местных ткацких станков.

— Ух ты! — сказала Венда, глядя на узоры первого прохода. — Так нам достаточно будет нанять хорошего художника — и выдавать тысячечасовые куртки меньше чем за день!

Равна улыбнулась, глядя на нее.

— Все равно может не получиться. Тут куча мелких движущихся деталей, а наши ткацкие фабрики не совсем такие, как эта. «Внеполосный» не очень умеет координировать мелочи. — Она показала на флаги неопределенности конструкции, подвешенные над шестернями и кулачками. — Может, придется просить Тщательника

сделать станок специально для этого.

— Ничего, мы заставим его работать.

Венда уже погрузилась в рассмотрение вариантов и списков деталей. И как-то стала снова выглядеть на двадцать лет.

Равна оторвалась от работы и заметила, что Эдви Верринг и несколько ребятишек еще моложе столпились рядом. Эдви неуверенно ей улыбнулся:

— Слушай, Равна, тут у нас в игре что-то непонятное…

Уже очень давно у нее не было времени на такое. А помогать ребятам разбираться с играми было весело. Той неумолимости, что есть в реальной жизни, в играх не было, не нужно было везение, как для работы с Вендой. Если что-то не так, можно просто отступить и чуть подрегулировать параметры игры. Иногда библиотекари — даже с ограниченным правом доступа — обладают силой богов.

— Равна?

Взрослый голос вернул ее из глубин игрового самолета Эдви Верринга.

Она подняла глаза — рядом стоял Били Ингва. *Сколько же я времени уже играю?*

Венда тоже была здесь, работая над своим

устройством для ткацкого станка.

— Извини, что беспокою, но…

Тут она увидела разные флажки сообщений.

— Ой, не заметила…

— Ничего страшного. Просто Невил просил передать — он рад был бы с тобой поболтать, если ты сможешь оторваться от этих важных дел.

Он улыбнулся, глядя на Венду и на геймеров.

Примерно половину Нового зала разгородили на кабинеты. Ингва провел Равну по узким коридорам — конструкция из местных бревен и легкой пластиковой обшивки, которую «Внеполосный» все еще умел экструдировать.

Равна несколько отстала от Били, чувствуя, как через оцепенение прорывается ярость. Рано или поздно им с Невилом предстоит разговор, но она не могла себе представить, как он посмотрит ей в глаза, что сможет сказать…

Равна остановилась, и Били оглянулся на нее:

— Равна, еще чуть дальше.

…так почему же именно мне так трудно думать об этой встрече?

Равна помолчала, кивнула и пошла дальше. Конечно, кабинет Невила был сразу за углом. Он ничем не отличался от других, если не считать того, что функция отображения показывала его

имя деловым шрифтом по-самнорски.

У себя в кабинете Невил Сторхерте оказался все тем же — таким же красивым и спокойным, как всегда. Он сидел перед простым рабочим столом, окруженным простыми серыми стенами.

— Заходи, заходи! — сказал он, показывая Равне на один из пустых стульев рядом со столом. Обернулся к Били: — Это займет минут десять. Можешь тогда вернуться?

— Конечно.

Били вышел.

Впервые с Того Дня Невил и Равна оказались наедине лицом к лицу. Равна сложила руки на груди и посмотрела на Невила долгим взглядом. Но слова не приходили.

Невил кротко смотрел в ответ и через несколько секунд приподнял бровь.

— Значит, ты ждешь объяснения? Извинения?

— Прежде всего правды.

Но она не могла справиться с волнением, и голос был сдавленный.

— Хорошо, правды. — Невил на секунду отвернулся. — Правда в том, что ты сама это на себя навлекла, Равна. В первые годы ты сотворила неимоверное добро. Ты до сих пор самый важный человек в этом мире. Вот почему тебе так долго

предоставляли свободу рук — из-за того, что каждый, кто умеет думать, понимает, в каком мы у тебя долгу. Именно поэтому твои… странности привели к такой… такой трагедии.

— Ты на самом деле не веришь в Погибель?

Невил раздраженно пожал плечами:

— Я верю, что мы не в том положении, чтобы точно знать, что там случилось Наверху. Наше присутствие здесь — верное свидетельство, что в Верхней Лаборатории случился гибельный инцидент. *Твое* присутствие и то, что видно из файлов «Внеполосного», — хорошее свидетельство, что твои родные миры и мои, вероятно, уничтожены. Молчание во всем небе — доказательство, что Край постигла какая-то страшная катастрофа. Но твоя одержимость «Погибелью» выходит за рамки разумной логики.

— Остатки ее флота всего в тридцати световых годах, Невил.

Сторхерте мотнул головой:

— Тридцать световых лет, ага. Примерно сотня кораблей, движущихся со скоростью нескольких километров в секунду, без когерентной системы наводки и без рамскупов — все это по твоим сведениям! Через несколько тысяч лет они могут где-то упасть на планету. Когда это

наконец случится, все факты, которые лежат за этой неопределенностью, будут древнейшей историей. А тем временем…

— Ты принимаешь желаемое за действительное, Невил. Флот…

— Нет, Равна, я все это уже от тебя слышал. Это твоя мантра, твой предлог прятаться на борту этого корабля. И проблема только обострилась за все эти годы, потому что мы, старшие, можем уже позаботиться о младших. Ты могла бы все еще стоять у руля, Равна, если бы полностью не потеряла контакт с нами.

Равна уставилась на него, едва замечая, что челюсть у нее отвисла.

— Никто не жаловался…

— Ты бы не стала слушать. — Он помолчал. — Пойми меня: я умеренный. Мы, Дети, помним своих родителей и знаем, что они не были дураками. Верхняя Лаборатория собрала лучшие умы Страумского царства. Они не пробудили бы Великое Зло. И при этом когда мы смотрим на бортовой журнал твоего корабля, что мы видим? Что ты и Фам Нювен всюду приносили с собой катастрофу. Ты признаешь, что Фам Нювен был инфицирован какой-то частью некой Силы. Ты ее зовешь Контрмерой и признаешь, что она уничтожила

цивилизации куда хватает глаз. Некоторые из нас смотрят на эти факты и заключают, что все твои слова могут быть правдой — только добро и зло переставлены. — Он пренебрежительно махнул рукой: — Я такую позицию считаю экстремизмом, таким же сумасшедшим, как твой, но и близко не таким опасным.

— Не таким… *опасным?*

— Равна, ты совсем сошла с рельсов, ты все больше и больше ресурсов отвлекала ради своей мании. Поэтому — да. Я тебе лгал. И я рассказал Резчице о *твоем* обмане. Я подстроил твое падение. Но каким бы грубым он тебе ни казался, это был самый мягкий способ совершить перемену. Тебя отстранили от власти, но оставили возможность приносить пользу. — Он смотрел ей в глаза. Может быть, оценивая реакцию, может быть, ожидая ее. Реакции не было. Он тогда наклонился вперед и продолжал более сердечным голосом: — Равна, ты нам *нужна*. Тебя любят все младшие. Ты — единственный взрослый, который у них есть. На уровне холодной логики ты нужна потому, что ты — единственный выживший профессионал, при этом — библиотекарь. Некоторые из моих друзей умны и самоуверенны, они всю жизнь прожили, пользуясь нормальны-

ми вычислительными мощностями. Они не одну проблему решили — но в Верхнем Крае. Сейчас они начинают осознавать свою беспомощность. А ты по сравнению с ними — совсем на другом уровне. — Невил отклонился назад, глядя на нее пристально. — Равна, пусть ты и ненавидишь меня до печенок, но мне отчаянно нужна твоя помощь. Вот почему я постарался сделать твое новое жилье как можно более уютным. Вот почему я попытался минимизировать унижение, которое ты, быть может, испытываешь. Пусть ты уже не можешь быть главной, я надеюсь на твою помощь. Проекты у нас будничные и приземленные, но они необходимы, чтобы этот мир выжил.

Равна резко мотнула головой:

— И ты хочешь, чтобы я это делала с доступом игрового уровня, который мне сегодня дал Били?

Невил улыбнулся ей. Впервые за весь сегодняшний разговор, и улыбка эта наверняка значила больше, чем все его дружелюбие до переворота.

— Прости. На большее у него не было полномочий. Я обсуждал этот вопрос с Резчицей — она понимает, что ты лучше всех могла бы исследовать все компьютерные мощности, которыми располагает «Внеполосный». Мы тебе скоро выделим кабинет вроде этого, чтобы тебя не отвлекали

по дурацким мелочам. Но мы просим соблюдать два ограничения: твоя работа не должна лишать других пользователей непрерывности доступа. И второе: Резчица, да и, откровенно говоря, я тоже не хотим, чтобы ты брала на себя управление. — Он снова запнулся. — У тебя же есть какая-то официальная власть над «Внеполосным»? Это на такой маленькой машинке может называться «администратор системы»?

Равна на миг задумалась.

— Обычно говорят «сисадмин».

А ты, Невил, значит, понятия не имеешь, что это такое?

Было время, когда она была так же невежественна. Это Фам Нювен и наездник Синяя Раковина показали ей, какая это очень специальная и очень страшная наука — командовать звездолетом.

— Ну в общем, хотел тебе сказать спасибо, что ты оставалась в пределах доступа, который дал тебе Били сегодня. Стало ясно, что худшие опасения Резчицы беспочвенны. — Он слегка смутился — также впервые за этот разговор. — И все-таки мы тебя просим теперь передать эти полномочия.

— Тебе.

— Да. Мы просто приведем ситуацию в соответствие с общим голосованием. — Она не сразу ответила. — Так будет лучше, Равна, и это не более того, с чем ты согласилась во время собрания.

Она вспомнила последние минуты собрания, прямо перед голосованием. Вспомнила свою ярость, почувствовала, как она возвращается. Тогда Равна воздержалась от физической силы.

Равна склонила голову. Сегодня она опять от нее воздержится.

Глава 13

Ясная погода ушла в глубь континента, и на побережье накатился новый штормовой фронт. Так что пока на Новый замок падал первый снег, у Джоанны со Странником появилась возможность двинуться из своего лагеря на юг. В этот день Равна легла спать рано, волнуясь, что эта пара совершает большую ошибку. Ветер на Холме Звездолета усиливался — что, если они прилетят, а вьюга только разыграется? Куда безопаснее переждать на земле, пусть даже так далеко. Три года назад Странник застрял в глуши на пять декад, пока шторма с идеальной синхронностью плясали на местах взлета и посадки. На этот раз… ну, она знала, что путешественники слышали только отрывочные слухи о том, что здесь произошло. И только надеялась, что любопытство не пересилит у них здравомыслия.

Беспокойство и ветер не давали ей спать несколько часов. Когда она наконец задремала… то здорово проспала. И такое стало слишком уж часто случаться с тех пор, как она переехала в коттедж. Всю жизнь у нее были удобные

внешние напоминалки. Теперь от организма требовалась самодисциплина, к которой он пока не приучился.

На этот раз ее разбудил приглушенный стук. Секунду она полежала, думая, что это может значить, — и вдруг сообразила, что кто-то ломится во входную дверь. Она побежала по холодному полу, прочь из спальни. В окнах мелькнуло темнеющее небо, на соседних домах лежала снежная шапка, снег покрывал и улицу. Ветер, пока Равна спала, успел стихнуть.

Она уже добежала до передней лестницы, когда наконец хилая щеколда сломалась и дверь с треском распахнулась. Ворвался холодный воздух, и в этом вихре влетела фигура в тяжелой парке.

— Черт, какая хлипкая конструкция!

Голос был Джоанны, а когда фигура двинулась к лестнице, руки сбросили с головы капюшон. Да, это была Джоанна.

Она прошла через прихожую, стягивая парку на ходу. За ней вошла пятерная стая. У Стальных Когтей в арктические зимы густая шерсть, но в такой холод даже они надевают плотные куртки. Все же Равна узнала Странника. Два его элемента рассматривали разбитую щеколду, еще два осторожно закрывали дверь. Пятый поглядывал

на Джоанну.

Парка полетела на пол.

— Этот гребаный паразит! Этот предатель, выкидыш, говнюк! Этот…

Дальше высказываемая Джоанной критика стала более резкой. Были слова, которые Равна не ожидала от нее услышать, — хотя, быть может, в страумском диалекте они считаются более мягкими.

Наконец в словесной буре образовалась пауза.

— Ты про Невила, что ли?

Джоанна уставилась на Равну секунд на пять, пытаясь вернуть себе дар речи. Наконец она сказала:

— Свадьба *отменяется*. Если ты еще сама не догадалась.

— Может быть, поднимемся наверх и поговорим?

Равна пошла вперед, Джоанна затопала за ней. Где-то на полпути приглушенный голос сказал:

— Ты прости, что наследила.

Из-за ее спины раздался голос Странника:

— Мы говорили с Невилом. И еще у меня был разговор с Резчицей — от сердец к сердцам.

Может, тогда мне не придется все объяснять. Только самые щекотливые моменты.

— Вы давно вернулись?

— Пять часов уже, — ответил Странник. — Рискнули — и риск оправдался. Всего двенадцать часов в воздухе поболтались, а потом ветер стих начисто, снег перестал — и вот мы здесь!

Поднявшись на второй этаж, Равна включила осветительные панели. Джоанна покачалась на краю ковра, потом опустилась на него, оперлась спиной на стену, сидя на голом деревянном полу. Странник, обходя комнату, помог ей снять сапоги, явно при этом любуясь ковром.

— До нашего коммуникатора доходили только отдельные фрагменты, — сказал он. — Мы…

— Равна, тебя облапошили, — перебила Джоанна.

Равна вздохнула:

— Как я могла быть так наивна?

Джоанна мотнула головой:

— Ты же знаешь: я ему так верила, что готова была замуж пойти.

Голос Странника прозвучал утешительно, хотя слова и не утешали:

— Невил нас всех весьма удивил. Гений политики. Он достиг потрясающих результатов с минимальными усилиями. Я всерьез думаю, что он…

Его перебила Джо:

— Жалко, что тебя там не было, Равна. Какой у нас был с ним прямой и прочувствованный разговор! Не будь рядом с ним Ингвы и Йокера этого, он бы пары зубов мог недосчитаться. — Она посмотрела на Равну — и лицо у нее сморщилось. — Я люблю его, я его любила, Равна! Не могу поверить, что он плохой. Наверное, он и п-правда думает, что поступает п-правильно…

Она ссутулилась и заплакала, всхлипывая.

Джоанна перебралась на длинный диван — теперь у нее был просто измученный вид. Большой элемент Странника — тот, который со шрамом, — сидел рядом, положив ей голову на колени. Остальные тела стаи лежали на ковре в традиционных позах созерцания.

— Надо мне найти Джефри, — сказала Джо. — Он такой маленький был, когда мы улетали из Верхней Лаборатории. Талантлив он был почти как Йокер, только не обучен совсем. Никогда не думала, что ему там нравилось. Как он мог предать…

— Он не единственный отрицатель, Джо, — напомнила Равна, вспомнив злые голоса, требующие ее отставки.

— Ага. Я на этих хныкалок просто не обращала

внимания. А кстати, с тех пор… с тех пор как я в этом мире, стаи мне кажутся куда лучшими друзьями, чем люди. — Она смотрела вдаль, задумавшись. — И я думала, что Невил меня переубедил. — Она посмотрела на Странника. — Но знаешь, если от кого я ожидала идиотизма меньше, чем от всех прочих, то это от Резчицы. Понимаю, она могла разозлиться, когда Невил ей рассказал о твоей тайной слежке за Свежевателем, но — о Силы! — зачем она потом дала Невилу обвести себя вокруг пальца, как всех прочих?

От Странника донесся тихий смешок:

— Милая Резчица! Она не дала бы себя обмануть, не проходи она сейчас через перемену жизни.

Джо закивала:

— Меня беспокоит ее новый щенок.

— Да, Гвн. Сохранить его было ошибкой. Не очень серьезной: для этого Резчица и ее псари слишком опытны, и в обычных условиях его присутствие было бы просто неудобством. Но сейчас, когда маленький Гвн участвует в стае, наша соправительница чуть более… мстительна, чем раньше. — Четверка Странника на полу рассматривала рисунок ткани, а сейчас все они сразу посмотрели на Равну. — Я понимаю, почему ты

не сообщила о слежке за Свежевателем Резчице. Но говорить Невилу…

— Было моей самой большой ошибкой?

Стая кивнула всеми головами.

— Когда Невил открыл ей глаза, она разозлилась куда сильнее, чем если бы не было Гвна. Мне она в некоторых деталях изложила рационализацию своей злости. Она считает, что использует Невила.

— Не знаю, — задумчиво сказала Джоанна, лениво поглаживая голову одного из четверки. — Там, в Верхней Лаборатории, Невил был первым парнем в школе. Я его уже тогда любила — ну просто втрескалась в него. Но он из семьи профессиональных руководителей и политиков. Его родные были директорами лабораторий, лучшими в Страумском царстве. И от природы, и в результате обучения Невил — звезда.

— Да, но моя Резчица веками наблюдала хитрецов и в себя хитрость ввела селекционной работой, — возразил Странник. По нему пробежала улыбка. — Имея с ней общих щенков, я немножко ее сам унаследовал. — Четверка залегла на ковре пониже. На миг комнату заполнил древний человеческий мотив — это Странник «напевал» себе под нос. — Но сказывается вли-

яние Гвна. Резчица искренне верит, что Равна стала маньяком власти.

Джоанна резко выпрямилась:

— Почему?

— Она рассмотрела убранство Нового зала, слова Равны и ее платье.

— Которые все вместе любезно свел Невил? — спросила Джо у Равны, и та кивнула.

— Это Резчица поняла, — вставил Странник, — но она говорит, что все равно это верное отражение склонностей Равны. Она и правда на тебя сердится. Мне очень жаль.

Равна склонила голову:

— Да… я слишком погрузилась в Век Принцесс. Невилу даже не особенно пришлось преувеличивать, чтобы выставить меня психом.

Никогда уже Век Принцесс не будет мне казаться красивым.

— Не переживай, Равна. — Джоанна сдвинула элемента в шрамах в сторону и подошла к низкому столику взять Равну за руку. — Невил всех перехитрил. — Она села на ковер рядом с креслом Равны, положила голову на их сцепленные руки. — Всех. И вот это и есть самое неожиданное. Что из того, что у Детей есть с тобой разногласия или что они жалуются, когда ты делаешь ошиб-

ки? Большинство ребят тебя любят, Равна.

— Да, Невил мне такое говорил. Он…

— Ну и отлично. Ручаюсь, что для него самая трудная проблема — не дать Детям сопоставить эту привязанность с их собственным здравым смыслом.

Она надолго замолчала, глядя в пол.

— Заметила наконец ковер? — спросил Странник.

Джоанна бросила на него недовольный взгляд.

— Ага. — Она обвела взглядом окна, резные безделушки, которые Били расставил на стенных полках. — У тебя красиво, Равна. Невил тебя обставил роскошнее, чем во внутренних покоях у Резчицы.

— И наверняка он хочет, чтобы Равна работала тоже в отдельном помещении, — сказал Странник.

Равна кивнула. Джоанна недовольно буркнула:

— Мы знаем, что он великий манипулятор. — Она встала и подошла к окну. Далеко над горизонтом в тучах образовалась промоина, и лилось в нее полярное сияние. Помолчав, Джоанна сказала: — Знаешь, что нам нужно?

— Поспать в конце концов? — предположил

Странник, но Равна заметила, что глаза у него открыты и все глядят на Джо.

— Верно, но я в перспективном плане. Если Невил — великий политик, мы должны стать политиками еще лучшими. Должна быть целая наука хитрости. Равна знает архивы «Внеполосного». Мы не дураки, мы умеем учиться.

Джоанна посмотрела на Равну выжидающе, и вдруг Равна поняла, что девушка считает, будто библиотекари — эксперты *во всем*.

— Джоанна, я могла бы установить программу поиска информации по хитростям, но…

— А! Ты думаешь, Невил знает достаточно про корабль, чтобы тебя на этом поймать?

— Я тебе не рассказала, что вчера случилось, — ответила Равна. Они отвлеклись на разговор об уже происшедшей неприятности. — Невил мне объяснил мое положение.

— И что?

Вдруг у Джоанны стал настороженный вид.

Равна описала «скромное» положение Невила, его мольбу о помощи.

— А потом он говорит, что раз я проиграла голосование и согласилась покинуть свой пост, будет только правильно, если я ему отдам полномочия системного администратора над кораблем.

— Это именно так, как оно звучит? — спросил Странник.

— Равна, но ты отказалась?

— Я передала ему полномочия сисадмина, но…

Джоанна закрыла лицо руками.

— И он теперь будет видеть все, что мы делаем? Сможет заблокировать доступ к любому архиву, если захочет? Переписать все записи?

— Не совсем так. Я ему дала то, о чем он попросил — буквально. Мне повезло вывернуться: пришлось бы мне врать активно, он бы наверняка меня поймал.

Джоанна выглянула сквозь раздвинутые пальцы:

— А… а что тогда значит сисадмин?

— Буквально то, что значит: официальная власть над всей автоматикой «Внеполосного». Чего Невил не понял, это что «Внеполосный» — корабль. У него должен быть капитан, а власть капитана должна существовать независимо от администрации.

— Правда? На страумских судах вроде бы не так.

Равна вспомнила оказавшийся почти смертельным конфликт между Фамом Нювеном и Синей Раковиной.

— Может быть, но на «Внеполосном» — именно так. — *В Страумском царстве вечно стараются срезать углы*, подумала она, но не сказала вслух. — У «Внеполосного» система памяти — *n*-раздельная. Сисадмину доступна лишь меньшая часть. Если она начинает действовать вопреки остальным — тогда у лица, обладающего правами командира, есть несколько вариантов.

Джоанна опустила руки, и на лице ее отразился триумф.

— У тебя… есть права командира?

Равна кивнула:

— Фам их передал условно — как раз перед высадкой на Холм Звездолета. Это было почти последнее, что он для меня сделал.

— Так ты же как «Богиня на мостике»! — Стая переглянулась сама с собой, смущенно. — Извини. Это такой приключенческий роман с вашей Сьяндры.

Равна такого названия не помнила, но не удивилась. Почти у всех цивилизаций исторических романов больше, чем реальной истории. Как бы там ни было…

— Я такие ссылки удаляю из всего, что может прочитать Невил и компания.

— Права командира это позволяют?

— О да. В любом случае — в местах, в которых вероятно его обращение. У «Внеполосного» не хватит вычислительной мощности ревизовать весь архив. Но смысл в том, что пусть Невил занимается своим делом, лезет и вынюхивает…

— А все в невидимом ящике!

— Верно. И он ничего не должен заметить, разве что нам сильно не повезет или мы сами себя обнаружим каким-то внешним эффектом.

Глава 14

Через несколько дней Равне был предоставлен свой собственный кабинет на борту «Внеполосного»… и возможность начать изучение хитрости. Архивы «Внеполосного» в основном относились к технологиям. Но все равно «хитрость» была бы слишком широким понятием для поиска. Обычно в Крае, где взаимодействие практически всегда было игрой с положительной суммой, «хитрость» означала не более чем знание своего клиента и умение заключить практичную сделку. Именно этим мирно занимались ее прежние работодатели в организации Вриними. Победители становились баснословно богатыми, а проигравшие — ну, всего лишь несколько богатели. Другая крайность: в самых несчастных уголках Медленной Зоны зачастую игрались настоящие игры с отрицательной суммой. В таких мирах только святые могли верить в прибыльный бизнес, и ради любой прибыли надо было ощипывать других. В таком мире прошло детство Фама Нювена — по крайней мере так он помнил.

Увы и слава богу, здесь такие крайности были

неприложимы. Хитрость, которая интересовала Равну, — это были несиловые маневры и политика, что так хорошо получалось у Невила. Небольшой архив корабля по общественным наукам охватывал сотни миллионов лет, в Медленной Зоне и в Крае, данные от миллионов различных рас. Корабль выдал шаблон классификации запроса, она его заполнила, оставив пока в стороне стайную природу Стальных Когтей — групповой разум встречается так редко, что легко может исказить результаты. Но все остальные параметры ситуации, включая присутствие космонавтов-изгнанников, должны были встретиться много раз. Теперешняя ситуация на планете Стальных Когтей была игрой с едва-едва положительной суммой, балансирующей на краю, но готовая ракетой устремиться к веку просвещения.

Равна посмотрела на окно команд, где видны были все шпионские программы, запущенные Невилом. Почти все они были нацелены на нее, и все они были неуклюжими и затратными. Как бы там ни было, они увидят только, что Равна ведет сельскохозяйственные исследования, которые ей велено вести.

Она ввела шаблон в генератор слогов, дав ему низкий приоритет. Это, вероятно, была излиш-

няя предосторожность, но если она слишком загрузит систему, остальное все начнет еле ползать — один из «побочных эффектов», которых она должна тщательно избегать. Поэтому заказанная операция поиска займет какое-то время. Равна посидела пару минут, наблюдая за процессом. Да, это не лучший способ использовать ее время. Ей надо бы быть в Новом зале, обращаться к Детям, встречая огонь огнем, с невинным видом подрывать положение Невила.

Равна махнула рукой, убрала все дисплеи и вышла из своего «личного кабинета». Он был даже больше, чем кабинет Невила, но на двери было размашисто написано предупреждение: «НЕ ВХОДИТЬ». Естественно, у Невила такого знака не было. С другой стороны, как указал Странник, наверняка у него была задняя дверь.

Кажется, Джо и Страннику был приятен каждый час этой кампании. Равна не была так от природы одарена, но она была рада, что сейчас эти двое живут в ее доме. Спасибо «щедрости» Невила, места более чем достаточно. Джоанна фыркала по поводу такой иронии судьбы.

Равна вышла из лабиринта коридоров и спустилась по специально поставленным деревянным ступеням в главный зал, где Невил оставил иг-

ровые станции. В последние дни эта зона Нового зала почти не посещалась. Оставшиеся игроманы — это были несколько стай и, конечно же, Тимор и Белль. Странно, Тимор не за своей обычной станцией. Она обошла зал, глядя на играющих. Обычно, когда Тимор бродил по залу, то с целью давать пространные советы любому геймеру, который его не прогоняет.

Она обернулась, направляясь к пандусу, ведущему на средний уровень, где находилось большинство станций программирования. Они набрали популярность, когда стали очевидными ограничения игр. В прежние времена ребята нос воротили от программирования Медленной Зоны. Осознание потребности в медицине такое отношение переменило. И для Детей и Стальных Когтей очень полезно было собираться и работать с «Внеполосным» в почти цивилизованном месте. Отчасти они занимались играми, но в основном — исследованиями, которые требовали работы со всей доступной автоматикой. *Надо было мне этот зал создать много лет назад*.

Но тогда все ее внимание было поглощено самообеспечением колонии и организацией Академии Детей. В те времена она сочла бы Новый зал баловством.

Сверху слышалось множество звучащих по-человечески голосов и вежливая настойчивость Тимора Ристлинга:

— Но я только хочу у тебя спросить…

— Потом, потом, дай я намечу, какие на сегодня проекты.

Голос был, похоже, Овина Верринга.

Наверху было темно — здесь тоже импровизированные конструкции загораживали светильники Невила. Равна замедлила шаг, глядя на разыгрывающуюся сцену. Перед Овином стояла группа из пяти или шести старших ребят, самые настойчивые из желающих форсировать медицинские исследования. По существу, та группа, для которой Невил и затеял свой переворот.

К этой группе и обращался Овин, он возился с интерфейсом большого дисплея, который в этот момент как раз не активизировался.

— Хотел вам показать обучающую программу, которую вчера нашел. Нам надо лишь…

— Овин, я только хотел тебя спросить, можно ли… — вмешался Тимор.

Овин отмахнулся:

— Тимор, потом. — Он продолжал воевать с интерфейсом, обращаясь к группе: — Автоматика у «Внеполосного» жалкая, но найденная мной про-

грамма обещает показать, как решать простую…

— Я просто думал, можно ли мне… — начал снова Тимор.

Теперь Овин обратил на него все свое внимание, глянул сердито, и Равна была готова броситься на помощь. Кажется, Овин Верринг не из тех, кто обижал Тимора, но прах ее побери, если она позволит ему начать сейчас.

— Тимор, послушай! Дай мне минуту, ладно? Я хочу, чтобы этот дисплей показал ребятам учебный ролик. А потом спрашивай, что тебе захочется.

Тимор глянул на подставку дисплея, будто только сейчас его заметил.

— А, вот этот? — Он протянул руку. Его пальцы мелькнули в служебном пространстве, ниже, чем сейчас работал Овин. — Он просто слегка поломан, — сказал мальчик таким тоном, будто что-то объяснял.

Овин Верринг отступил от расширяющегося дисплея, где соткалось изображение — Равна узнала инициирующую среду программиста. Смотри-ка ты, Овин нашел такую, которой она еще не видела, «Алгоритмы для придонных фидеров». Его аудитория уже вчитывалась в примечание и крутила первый урок: «Ограниченный

поиск».

Овин секунду смотрел на картинку:

— Ага! Именно это я и… — Он глянул на Тимора: — Ладно. Так что ты хотел спросить?

— Можно мне эту станцию занять? В смысле только на сегодня.

Мальчик показал рукой на ту сторону помещения, где уже расположилась вокруг Белль Орнрикак, забив место для Тимора. Это была единственная станция, где сейчас не было очевидного пользователя.

Верринг задумался.

— Ну ладно. Давай.

Тимор радостно завопил и бросился к Белль.

Равна медленно выдохнула и вошла с таким видом, будто только что поднялась.

— А, Равна, привет! — Овин обошел своих слушателей — все они тщательно погрузились в обучающий ролик — и подошел к ней. Он легким движением руки показал в сторону Тимора и Белль: — Раз сейчас у меня вроде как отобрали мою рабочую станцию… можем минуту поговорить?

— Конечно.

После свержения Равны Овин вел себя попросту дружелюбно. Последнее время большинство

сторонников медицинских исследований стали намного дружелюбнее.

— Мы для… как начальный этап проекта мы хотели бы переоборудовать больше гибернаторов. Но встроенные инструкции бесполезны, и пока что мы не можем получить от «Внеполосного» что-либо вроде списка пожеланий, хотя гибернаторы — технология древняя и простая.

Ага. Прозвучало как фрагмент из ее речи — той части, которую ей не пришлось произнести. Значит, Невил его поставил на эту задачу? Она посмотрела на команду Овина — все усердно старались понять урок.

Ладно.

— Насчет инструкций ты прав, Овин. Здесь, Внизу, они к ремонту не способны. С другой стороны, корабль владеет невероятным объемом информации об устройстве гибернаторов. Если ты сможешь выработать список поиска, использующий то, что ты видишь во встроенных инструкциях, и должным образом скормить это «Внеполосному»…

— И ты действительно будешь помогать? Даже после…

Равна кивнула.

— Есть один важный момент: надо будет

решить, какой уровень медицинского риска считается допустимым.

И ее взгляд почти непроизвольно обратился на ту сторону зала, где сидел Тимор.

— А… — Тут Овин проследил за ее взглядом: — А! Я помню. Ты хотела отложить все работы такого рода еще и из-за риска.

Он смотрел на Тимора Ристлинга.

А Тимор настроил дисплей станции на крупный формат — наверное, Белль так легче было воспринимать, что он делает. Это были ненужные старания, потому что четверка свернулась на полу вокруг его стула, все глаза были закрыты. Но сейчас Тимор этого не замечал, он увлеченно размахивал руками. Это была не какая-то обычная игра, а что-то… куда более простое. Равна видела простые точечные маркеры, составляющие строки поперек плоскости. Внизу надписи вроде как на каком-то синтетическом машинном языке, трехбуквенные сокращения и числовые операнды.

— Похоже, что он написал какой-то двоичный счетчик, — тихо сказал Овин. — Печально. Недопустимо тратить силы человеческого разума на такие тривиальные задачи.

Овин глянул на Равну и вроде бы передумал

продолжать тему. Она улыбнулась:

— И меня тебе тоже жалко, Овин?

— На самом деле мне жалко *себя* и… — Он жестом показал на своих друзей, выбирающихся из учебного ролика по придонным фидерам. — Такая трата сил.

Хотя дневного света и нет, все же у северной зимы есть свои отметки времени. В околополуденные часы наступают светлые сумерки. В ясные ночи, кроме этих сумерек, повисало от горизонта до горизонта полярное сияние, поминутно меняющееся. Качалась вдоль горизонта луна в своем десятидневном цикле. Приходили раз в три-четыре дня зимние бури, иногда не до конца затихающие до прихода следующего штормового фронта. Многие здания превратились в забавные холмы под снегом, и ровный пейзаж прорезали только улицы, которые абсолютно необходимо было держать чистыми.

Нижнюю часть корабля замел снег. Остальное — изгибающиеся кроны двигателя, обводы корпуса — светились зеленым, когда бывал свет. Площадка у главного входа была вытоптана постоянным потоком людей и стай.

Дважды в декаду Невил проводил общие собрания в Новом зале, и каждый день Дети из группы

Овина и других групп работали в корабле, честно стараясь овладеть его автоматикой. Одной группе удалось оживить носитель, доставивший сюда посадочный модуль. Невил по этому поводу устроил большое торжество — и Равна не могла не признать, что наличие спутника на орбите улучшит ситуацию. Он был почти мертвым корпусом, но жизни в нем хватало, чтобы работать удаленным сенсором и радиорелейной станцией.

Исполнительный Совет больше не собирался, его члены занимались каждый своей работой. Лаборатории Тщательника в Холодной Долине не были напрямую затронуты переворотом Невила — в основном потому, что необходимые эмуляции были уже проведены и экспериментальное оборудование установлено. Тщательник явно нервничал по поводу будущего, но продолжал играть в одной команде с Невилом и Резчицей, а радиотрансляция с орбитального модуля очень упростила работу в Холодной Долине.

А Равна, Джоанна и Странник декада за декадой развивали свой маленький заговор со второго этажа своего особняка.

— Только вопрос времени, — говорила Джоанна. — Невил каждый день теряет поддержку. Это

говорят программы Равны. И это вижу я, когда говорю с Тщательником, с Гибкарем и Ларсндотами. — Она оглядела Странника и обнаружила недостаточный энтузиазм согласия. — В чем проблема?

— Эхе-хе. Кто-то должен уравновешивать твои колебания настроения. — Странник, лежа на величественном ковре Равны, смотрел с нескольких точек обзора. Этот ковер ему очень нравился — он говорил, что это шедевр с Длинных Озер. Сейчас три его головы покоились на ворсе, любуясь вытканными пейзажами. — Я согласен с проекциями Равны. И еще более мне приятно, что Равна может вести контршпионаж против Невила.

— Ага! — Равна улыбнулась до ушей. — Злоупотребление правами командира — я даже себе представить не могла, как это забавно.

— Мне также приятно, что один из моих друзей оказался таким великолепным политиком. Я не про тебя, Джоанна, ты все та же Бешеная Девчонка.

Джоанна нахмурилась:

— Мы этому мерзав… этому нашему товарищу Невилу дадим хороший урок… как это сказать? Ага, цивилизованного руководства. Видишь? И я

могу быть обходительной.

Равна сказала:

— Ну не хочешь же ты сказать, что это я — великолепный политик? Я не способна ни на какие из этих тонких маневров из руководства «Внеполосного». Да я об собственный язык бы споткнулась, если бы попыталась. А кроме того, Овин Верринг и прочие работают изо всех сил. Я не хочу их дурачить.

Странник кивнул всеми головами:

— Да, и они это знают. После Невиловского переворота ты для них делаешь все, что можешь, и это куда больше, чем все, что делает Невил.

— И это они тоже знают! — добавила Джоанна.

Невил поставил нескольких старших ребят помогать в исследованиях. Это были его лучшие друзья — в основном студенты старших курсов из Верхней Лаборатории. Но попытка продлилась едва ли декаду. Друзьям Невила было чуждо само понятие ограниченности «Внеполосного». Ганнон Йоркенруд почти целый день пытался «договориться» с кораблем — такое слово употребил он сам. Едва не пристукнул Тимора, когда мальчик попытался дать ему совет по методам доступа. И наконец ушел в дымящейся ярости.

Странник улыбался:

— Ты не играешь в мелкие игры, но ведешь большую игру. Дети знают, что ты им друг. Все больше и больше они понимают, что твои методы планирования работают, а те короткие пути, по которым они пытаются двигаться, результата дать *не могут*.

— Ну хорошо, — ответила ему Джоанна. — Если ты согласен, что все так хорошо, что тебя беспокоит?

— Пара вещей. Моя милая Резчица меня отвергает. Кончились ути-пути.

Голос его стал менее жизнерадостным.

— Мне очень жаль, Странник, — ответила Равна, хотя даже после десяти лет она не совсем понимала межстайную романтику. Она могла подразумевать множество *очень разных* вещей.

Странник слегка пожал плечами:

— Ничто не вечно. Мы отличных щенков сделали друг другу. Но сейчас вот этот маленький Гвн сильно меняет ситуацию. Резчица стала более подозрительной и более злопамятной, чем была когда-либо. Когда по-настоящему любишь другую стаю, когда у вас близость с элементами друг друга, тайны иногда переходят от стаи к стае в момент интимности. Как правило, обмениваются настроением и отношением, а сейчас…

сейчас между нами только разговор. — Головы его обернулись к Джоанне. — Но хотя бы разговор все еще есть.

Джо наклонила голову — ее агрессивный оптимизм несколько угас.

— Ага. И все еще не могу добраться до маленького братика. — Джефри и Амди были у Доменной Горы, это примерно шестьдесят километров к северу. Там располагался базовый лагерь лаборатории Холодной Долины, а также лабораторные запасы стеклянных шаблонов и высокочистого углерода. — На горе есть радиосвязь, но открытая. — Она посмотрела на Равну. — Спорить могу, он там пробудет всю зиму. Я думаю, ему очень стыдно.

Равна кивнула. Самое острое, самое болезненное воспоминание от этого переворота было в момент, когда Джефри встал и выступил против нее. Она посмотрела на Странника и попыталась найти менее щекотливую тему для обсуждения.

— А вторая вещь, которая тебя тревожит?

— А, да. Это перспектива нашего неминуемого успеха. Ты слишком чисто сфокусировала политологические исследования «Внеполосного». Политика — вещь хорошая. Когда она работает правильно, разногласия урегулируются без мор-

добоя. Но когда режим знает, что дни его сочтены, он может поменять правила и сделать так, что проигрыш дебатов его волновать не будет.

Джо вскинула голову:

— Ты говоришь о применении силы? Между Детьми? Мы все вместе выросли, Странник. Невил — хитрая крыса, но я думаю, он делает то, что считает правильным. В глубине души он не на стороне зла.

Прошла декада. Пришла с моря еще одна буря, и за ней настали дни, когда луна медленно плыла под северным сиянием.

Равна больше пятнадцати часов в день проводила в Новом зале встреч и в своем тесном кабинете. Группы программистов набирались опыта, но лучше всего с «Внеполосным» работали младшие Дети. Звездой был Тимор Ристлинг. Он умел добираться до глубин автоматики корабля, он утверждал, что умеет программировать без пользовательских средств разработки, хотя в этом Равна сомневалась. Снова и снова Тимор исправлял у Детей мелкие ошибки или объяснял им то, чего они не могли понять.

Все больше детей подходили к Равне поговорить — кто-то извиниться, кто-то просто сказать доброе слово. Некоторые хотели требовать новых

выборов и просили ее согласия.

Помимо работы с ребятами, у нее были и другие… проекты. Была сельскохозяйственная задача — над ней Равна работала так, чтобы мог увидеть Невил. Способность «Внеполосного» проводить генетические модификации ограничивалась очень простыми решениями, но именно здесь у корабля был один из величайших успехов. Модифицированные кормовые культуры принесли больше технической ренты, чем все прочие услуги «Внеполосного», вместе взятые. Стаи Домена Резчицы стали процветать, когда сотни малых ферм — практически это были частные заказники — слились в большие усадьбы. И город Новый замок тоже никогда бы так не вырос без больших стад скота, которые теперь стало возможно содержать.

Но Невил хотел более прямых результатов — новой и вкусной еды для людей. Это была хитрая задача, потому что «Внеполосный» не имел достаточно вычислительных мощностей, чтобы предусмотреть экологические катастрофы, возможные при внесении в среду растений, полностью совместимых с человеком. В конце концов Равна внесла мелкие модификации в местную кормовую траву — вполне в границах

естественной селекции — а потом задействовала другой из эпигенетических триггеров, который в большинстве людей есть со времен самых первых цивилизаций, полетевших к звездам. Дети, которые включат этот триггер, будут способны есть новую культуру и нахваливать. Комбинация этих изменений должна быть безопасна и для людей, и для мира Стальных Когтей, хотя Равна не пошла бы на это, будь она по-прежнему у руля: любое приспосабливание человека влекло за собой риск, хотя и небольшой, повысить его подверженность местным болезням.

Наконец проект ее был готов, если не считать мелких показушных деталей. И теперь, когда она была в кабинете одна, у нее было достаточно времени пересмотреть свои шпионские программы. Это была не та высокотехнологичная магия, которую она использовала для Свежевателя, но эта хотя бы работала. Фам Нювен был самый хитрый из всех положительных героев, которых она знала, и до мозга костей — Медленнозонный программист. В самое параноидное свое время Фам установил на «Внеполосном» изощренную систему ловушек и внутренней охраны. Это внесло свой вклад в адскую атмосферу тех жутких времен, и снятие ловушек убрало некоторые из

самых неприятных глюков «Внеполосного». Но сейчас Равна обнаружила, что программы безопасности дают ей некоторую защиту, которую она бы сама не смогла организовать. Последний дар Фама, понятый только сейчас.

И Равна могла непосредственно проверять страхи Странника о том, что Невил — негодяй. Используя права командира и программы Фама, она могла заглянуть в каждую операцию Невила с кораблем, читать его почту и все его разговоры. Она могла даже видеть многое из того, что делается на орбитальном модуле.

Да, Невил, Били и их внутренний круг впадали в отчаяние. Они расширили операции наблюдения, даже внедрили своих людей в группы, которые собирались требовать новых выборов. Но разговоров о насилии не было, только хитрости и грязные трюки. И руководство «Внеполосного», и Странник рекомендовали, чтобы Равна начала переговоры с людьми Невила о компромиссе, достаточно мягком, чтобы никто не счел исход выборов нестерпимым позором.

Все это все больше и больше удерживало Равну на корабле, заставляя спать урывками и работать до сумерек следующего дня. На севере Тщательник уже был готов выпускать свои сумматоры!

К несчастью, это значило, что ему нужны новые результаты с «Внеполосного».

Равна возилась с этой проблемой целую ночь, надеясь, что программы ребят оставят системе какой-то ресурс. Она могла бы воспользоваться правами командира и невидимо понизить приоритет у Детей. Но это могли бы и заметить… и в любом случае это ощущалось бы ею самой как предательство. И она решила не трогать их приоритет. Наконец она усталой походкой ушла по задним коридорам за грузовым трюмом, слишком вымотанная, чтобы идти через Новый зал, где пришлось бы разговаривать.

Снаружи уже гас свет полдневных сумерек. Для глаз элементов стай это была бы полная темнота, а для человеческих ландшафт смотрелся как серое на сером, и чуть более светлые наметы последнего снегопада громоздились под изогнутыми шипами звездолета, переходя в темнеющие голые крутые скалы и снова в снега, укрывшие морской лед далеко внизу.

Равна поднималась по склону к городу. Начинался предсказанный кораблем снегопад, но тихий и безветренный. Когда он кончится, придется потрудиться, разгребая сугробы, но пока что он лишь едва ощущался. Равна зажгла наручный

фонарь и пошла дальше. Прежние снегопады сузили путь, но на дороге было лишь немного людей и совсем мало стай.

Она знала, что до прилета людей жизнь в Домене зимой практически останавливалась. Даже в последние годы, при освещении и отоплении, большинство предприятий в темноте и холоде работали медленнее. Но впереди, в сердце города, идут занятия в Академии. И там почти все младшие Дети, и первого, и второго поколения. Их менее всего подавляла зимняя депрессия. У самых младших людей энергии столько, что если дать и свет, тепло и пищу, они отлично будут жить. До создания Нового зала центром общественной жизни зимой была Академия. И там даже сейчас можно найти с десяток стай, оглушенных теплом и весельем. Равна подумала, понимает ли Невил, что Академия все еще дает ей некоторое преимущество.

Свет лампы отражался от потока снежинок, падающих все гуще и гуще. Равна дошла до окраины города. Десять лет назад именно здесь она впервые ступила на планету Стальных Когтей. Города еще не было, а замок только строился. Эта земля стала полем битвы. Сейчас здесь был средневековый город. И даже не средневековый.

Здания из камня, дерева и плетеных веток, но по их стенам проходят трубы и высоко торчат над крышами башни для горячей воды. Никто не бросает мусор из окон на улицу, и даже в разгаре лета не застаивается в канавах сточная вода. При строительстве города Тщательник воспользовался корабельными архитектурными архивами, чтобы проложить канализационные трубы под улицами, и лучевой пушкой «Внеполосного», чтобы заставить воду течь круглый год. Эти мелочи превратили город в самое удобное и уютное место на всей планете.

И вот сейчас, здесь, на Дороге королевы, Равна может вот-вот заблудиться! Видно не дальше двух метров перед собой, а дурацкий наручный фонарь оказался совсем бесполезен. Свежий снег уже замел все следы, остались только самые глубокие колеи, и даже собственные следы Равны засыпал. Посмотрев вверх, она увидела размытое синеватое свечение — наверное, свет в высоком окне. Ха. В ливень, даже ослепляющий в полночь, можно было бы подойти к ближайшему зданию и идти, держась за стенку, узнавая местность. Сейчас снег от предыдущих бурь, лежащий сугробами, не пропускал ни к чему знакомому.

Она двинулась дальше, приняв допущение, что

где проще всего идти, там и находится середина улицы. Звездами ей служили одиночные лампы в окнах. Примерно в ста метрах должна быть площадь с фонтаном.

– *Сс-сс…*

Звук был лишь чуть громче шороха снежинок и совершенно точно совпадал с ним по тембру. Либо уши ее подводят, либо какая-то стая тихо пытается привлечь ее внимание. Равна свернула с предполагаемой середины дороги на звук. В сугробе оказалась расщелина, зазубринка, отмечающая переулок или поперечную улицу. Равна посветила туда фонарем.

Странное шипение прекратилось. В середине светлого круга сидела на корточках в снегу стая. Один из элементов махнул ей головой.

— Я Шелковинт. — Это было сказано шепотом и, как подозревала Равна, узконаправленно на нее, чтобы нигде больше не было слышно. — Хотел бы знать, можем мы быстренько поговорить?

Равна шагнула вперед и рассмотрела стаю. Да, Шелковинт. Два его элемента она узнала по белым сияющим полосам от носа до лба.

— Чего тебе надо?

Шелковинт попятился от нее, изогнув головы в жесте, приглашающем ее следовать.

— Не так громко, — попросил он. — Один из ребят Били Ингвы сейчас в… примерно в тридцати метрах за тобой. Я предпочел бы не информировать его, что ты пошла в обход.

Он уже засыпал снегом ее следы.

Вот как. Она не знала, что за ней следят. Черт побери, новая Равна должна была бы это предположить.

Она приглушила свет до тусклой точки — чтобы только видно было, куда ставить ногу, и не терять из виду ближайшие элементы Шелковинта. Стая вела ее по переулку, потом два раза свернула — вся она шла вместе. Равна знала, что снег глушит мыслезвуки на расстоянии всего пары метров, и стая, если бы не сбилась в кучу, просто лишилась бы разума. Подняв глаза, Равна уже не увидела голубоватых огней. Наверное, одна из безоконных улиц, шириной в одну стаю. На Скрытом Острове они попадаются всюду и здесь, в новом городе, тоже бывают.

— Так вот, — начал Шелковинт. — Надо, чтобы никто не знал. Тот человек просто пойдет по главной дороге и может добраться до самого замка, пока сообразит, что тебя потерял. — Стая коварно засмеялась — слишком много смотрела человеческих драм. — А тут, чуть подальше, мой

хозяин хочет с тобой говорить.

Спроси его напрямую.

— Свежеватель?

— Это тайна, не надо вслух!

Судя по голосу, Шелковинт возмутился.

Наконец-то необходимость должной осторожности до нее дошла — здесь, в переулке глухих стен. Она считала, что в последних данных наблюдения за Свежевателем мало что есть, кроме шума, и сейчас ей придется проверить свою теорию достаточно рискованным способом. Равна пробиралась следом за Шелковинтом, но поглядывала, где можно свернуть. Снег лежал глубокий и нетронутый — по такому глубокому и рыхлому она, быть может, обгонит стаю.

Наконец Шелковинт замедлил шаг:

— Хозяин в нескольких метрах отсюда, госпожа.

В приглушенном свете наручного фонаря ей показалось, что его головы изящно склонились, приглашая ее вперед.

Деваться было некуда.

— Спасибо, Шелковинт.

Она погладила его по ближайшей голове и двинулась вперед.

Тени, мерцающие покровы выпавшего снега.

Так как смог Свежеватель попасть на вершину Холма Звездолета незамеченным? Тут же не Скрытый Остров с его лабиринтом тайных ходов.

Она включила фонарь поярче и быстро огляделась. Снег лежал сугробами по шею, над ним — полубревенчатые стены. Это был не тупик, а скорее Т-образный перекресток — и у одного выхода сидела, сгрудившись, другая стая. Пятерка. Один ее элемент на тележке.

Равна подошла к стае и слегка поклонилась.

— Здравствуй, Свежеватель-Тиратект, — сказала она, назвав его полным именем.

Жалкая попытка напомнить тебе о твоих лучших трех пятых.

Как обычно, стая заговорила жеманно и велеречиво:

— И я приветствую тебя, Равна Бергсндот. Я надеялся на разговор наедине, и вот стихии помогли мне его добиться.

Равна попыталась ответить небрежно:

— Ты, как и всякий другой, можешь получить предсказание погоды с корабля.

— Да, конечно. С другой стороны, я не хотел бы откладывать этот разговор слишком надолго. Прогуляешься ли ты со мной? — Морды показали на дорожку за спиной стаи: — Этот переулок чуть

дальше выходит на Дорогу королевы. Надеюсь, мальчик-шпион Невила даже не подумает, что ты уклонялась от пути.

— Что ж, веди.

Свежеватель встал на ноги и с усилием развернул тачку. Равна потянулась помочь.

— Нет-нет, я это отлично умею.

Можно сказать, голос у него был ледяной. Во всяком случае, обычной скользкости в нем не было. Стая в целом была здоровой, но вид тачки, на которой лежал изувеченный элемент, вызвал у Равны видение средневекового старика, с трудом доживающего свой век. Многие псари посоветовали бы избавиться от такого ослабленного тела.

Стая шла вперед, хотя и не без труда, но не медленнее, чем пробирающийся по снегу человек. Каким-то образом этот калека сумел возникнуть необнаруженным посреди бури в самом сердце самого защищенного города Резчицы. Равна не смогла сдержать любопытства:

— Как ты это сделал, Свежеватель? Я думала, ты на Скрытом Острове…

Характерный хитрый смех.

— Там я и был, тщательно упакованный в Старый замок. Полиция Резчицы охраняет входы эшелоном в три стаи, ее тайные камеры наблюда-

ют за моими «самыми глубокими» убежищами. Да, знаю я про ее камеры. Ха-ха. И знаю, что *Резчица* знает. Но она меня не видит, когда я в других комнатах или в катакомбах. У меня есть дороги из замка, и у меня все еще осталась горстка истинно верных слуг. При замерзшем Внутреннем Канале меня легко можно тайно доставить на материк.

Равна вспомнила, что Свежеватель этот трюк уже использовал в прошлом, навещая на материке остатки Булата. Она не сказала тогда Резчице, отчасти потому, что визит казался невинным, отчасти чтобы не раскрывать свои «магические» системы наблюдения.

— Тайно перебравшись по льду, ты попал на материк. Понимаю. Но ведь еще шестьсот метров до того места, где мы сейчас стоим. Как ты добрался сюда незамеченным?

— На фуникулере бы меня увидели, тут сомнений нет. — Он хитро глянул на Равну. — Но кто знает, Равна? Я мастер маскироваться. Может быть, я пришел раздельно. — Он дал ей свыкнуться с этой мыслью. — Но тебе я расскажу по секрету: считай это свидетельством моей доброй воли. — *Или свидетельством тщеславия, свойственного всем творениям Резчицы.* — Видишь ли, когда вы с Резчицей и Тщательником

поздравляли друг друга с системой водоснабжения и канализации города, *меня* куда больше интересовала карта разломов, которую составил для этой работы «Внеполосный». С этой картой было легко — на самом деле годы труда, потому что работать под носами у Резчицы — это был кошмар, — выкопать лестницу. Узкую, почти как мои туннели старых времен на одного элемента. Помнишь их?

— Да, — коротко ответила Равна. Амди и девятилетний Джефри чуть не сгорели заживо в одном из них — хотя тогда это было по приказу Булата. — По тем туннелям ты бы тачку не провез.

— Верно. На лестнице я для моего Белоухого — калеки — использую специальную подвеску. Но даже при этом тащиться вверх — мучительно. Правда, Шелковинт?

— Да, хозяин.

Голос раздался прямо у нее за спиной. Равна вздрогнула и обернулась: Шелковинт практически шел по ее следам, оказавшись едва ли в двух метрах от Свежевателя. Это поразительно близко для стай. Конечно, снегопад значительно ослабляет мыслезвуки — но, вероятно, Шелковинт был из старых белых курток, знати Свежевателя. Их тренировали отдавать куски своей идентично-

сти, если хозяин потребует.

— Мне пришлось поднимать Белоухого на сто пятьдесят одну ступень вверх. Спускаться вниз будет труднее. Домой мы попадем только завтра после полуденных сумерек.

Равна обернулась к Свежевателю и попыталась говорить непринужденно:

— Хорошо, ты мне открыл истинный секрет. Чего ты хочешь?

— Всего лишь помочь, госпожа моя. Именно эти слова я твердил твоей соправительнице с первого дня, как ты и она увидели нового меня.

— Но ты же не стал делиться этим с Резчицей?

— Увы, она так недоверчива! — Он замолчал, протаскивая тачку через неглубокий сугроб. — А теперь, боюсь, мы имеем дело с новой Резчицей. Нет, в ней не появилось зла, но, быть может, дело еще хуже. Появилась *глупость.*

И он прибавил к словам грустный смех.

— Глупость? Резчица отлично понимает, что Невил пытается ею вертеть.

— Конечно, — согласился Свежеватель. — А она думает, что контролирует ситуацию. И она в корне не права, и… ну, в общем, я здесь, чтобы спасти вас обеих. Я умнее, чем когда-либо была Резчица. А ты…

— Я полная дура, не видевшая даже самых очевидных деталей этого заговора.

Тачка Свежевателя остановилась. Все его элементы смотрели на Равну, а голос вдруг стал простым и естественным:

— Нет, Равна, ты не дура. Ты слишком невинна, слишком чиста сердцем для жизни в этом реальном мире. Если не считать увечных стай и святых, среди своего народа я такого просто не видал. Скажи, эта черта присуща звездным культурам? Есть такие места, где разумы вроде твоего выживают?

Я изо всех сил стараюсь измениться.

А вслух она сказала:

— Среди вас, стай, тоже есть невинные. Например, Тиратект.

— Хм. Но она же как разум не выжила? — Свежеватель пожал плечами, глядя на себя с разных сторон. — Она, растворившись, стала чем-то вроде совести, колючкой в моих постелях. — Он показал одной мордой на своего изувеченного элемента. Задняя часть этого тела была закрыта одеялами, но глаза, большие и темные, смотрели прямо на Равну. — Если Белоухий умрет прежде остального меня, в Домене может вдруг стать очень интересно. — Он театрально вздохнул. — А

пока что я был бы счастлив быть твоим личным и тайным советником. Располагай мной.

Несколько шагов они прошли молча. *О Силы!* Последствия, хорошие и плохие, разбегались во все стороны. Что, если Резчица решит, будто Равна и Свежеватель сговариваются против нее? Что, если Свежеватель использует Равну, как раньше Невил? Когда-то она нашла маленькую программку анализа угроз — та еще сотни вариантов могла бы предложить.

Надо поговорить со Странником и Джо.

А пока что, здесь и сейчас, что ей сказать?

Эта коварная стая просто предоставила ей вариться в собственном соку…

— Хорошо, Свежеватель. Твои советы будут приветствоваться. Хотя я и не обязана буду их принимать.

— Конечно, конечно. Цель этой первой встречи — установить доверительные отношения. У меня есть для тебя одно серьезное наблюдение и несколько мелких фактов. Видишь ли, Невил очень тебе навредил.

— Это и есть серьезное наблюдение?

— Ты даже и сейчас не знаешь истинного положения. А Резчица — моя слишком уверенная в себе родительница — в таком же неведении. Она

думает, что Невил — обыкновенный простодушный дилетант.

— Ты считаешь его чем-то большим?

— Самого по себе? Ну нет, конечно. Но есть вещь, которой вы обе не видите: Невил — орудие, и те, кто его направляет, многократно превосходят его умом.

— Да ну? Я знаю всех Детей. Ни один из них ему и в подметки не годится.

— Согласен. Старшие партнеры Невила — Стальные Когти. И вовсе не из Домена.

Свежеватель не замедлил шага, а Равна остановилась на миг под снегопадом.

— Не может быть! — Она побежала рысцой, догоняя. — У старших Детей почти ни у кого нет близких контактов со стаями. И уж точно их нет у Невила Сторхерте.

Невил относился к стаям достаточно сердечно, но Равна подозревала, что он во многом расист — как все окраинные страумеры, рвущиеся к достижению своей особой формы Перехода.

Свежеватель пожал плечами:

— Я не говорил, что они его друзья. Они его используют, а он думает, что использует их. Комбинация опасная, особенно если вы с Резчицей не будете о ней знать.

Равна снова замедлила шаг. Голова раскалывалась от вариантов — но в этом заявлении что-то не состыковывалось.

Свежеватель шага не замедлил. Он что-то сказал на межстайном. Равна не могла различить отдельные аккорды, поняла только, что это был вопрос. Через секунду откуда-то спереди донесся ответ.

— Ага, — сказал Свежеватель, снова обращаясь к ней. — Боюсь, что надо заканчивать. Мы почти у выхода из этого удобного переулка, а ты должна оказаться на дороге раньше невиловского шпиона. Вскоре я сообщу тебе все детали.

Один из его элементов подошел к ней и взял челюстями за варежку, увлекая вперед.

— Но… но… — Потратил столько минут на подходы, а на детали у него теперь времени нет! Свежеватель как он есть. Равна уперлась каблуками. — Постой! — прошептала, почти прошипела она. — Это же чушь? Международный заговор Стальных Когтей? И кто участвует? И откуда ты знаешь подробности?

Свежеватель не ослабил хватку на варежке, но голос его раздавался вокруг Равны:

— Ну как ты думаешь, милая моя? Заговорщики считают, что я с ними.

Еще двое его элементов зашли сзади и бережно вытолкнули Равну на дорогу.

— А теперь — брысь!

Последние слова слились с шорохом снегопада.

Глава 15

И Джоанна, и Странник согласились, что новости Свежевателя следует передать Резчице немедленно. На следующий вечер Странник доложил:

— Я ей сообщил заявления Свежевателя, умолчав о подробностях, где и когда состоялась встреча.

— Она тебе поверила? — спросила Равна.

— Что она сделает со Свежевателем? — спросила Джоанна.

Странник тихо засмеялся.

— Не думаю, что Свежевателю следует чего-нибудь бояться, чего не боялся раньше. По крайней мере сейчас Резчица миролюбива. Она мне сказала, что всегда считала, что Свежеватель сговаривается с Хранителем или Магнатом (или с обоими), и не удивилась, что они изо всех сил стараются манипулировать Невилом. А меня просила тебя поздравить, Равна.

— С чем?

— Скажи этой глупой Равне, что она на шаг приблизилась к пониманию, какая коварная эта

угроза — Свежеватель, — вдруг произнес Странник голосом Резчицы. Скорее не имитация, а воспроизведение.

Равна поняла, что у нее отвисла челюсть.

— Так зачем было Свежевателю приходить сейчас ко мне с этой историей?

Странник пожал плечами:

— Резчица считает, что это просто садизм прежнего Свежевателя. В конце концов, подробностей он тебе не сообщил. Я лично не думаю, что Свежеватель-Тиратект на самом деле садист. Он только *хочет* быть садистом.

Джоанна от этого отмахнулась:

— Но если тут не только игры Свежевателя, если Хранитель *действительно* вертит Невилом…

Это замечание резко вернуло Странника на практическую почву. Он секунду помолчал, потом сказал серьезным голосом:

— Да. Пожалуй, ты права. Надо будет выжать из Свежевателя детали.

У Джоанны был несчастный вид:

— Мы знаем, что Невил — самоуверенный сукин сын, а вот Хранитель — монстр. Маленький мягонький политик вроде Невила против него шансов не имеет. Может быть… может быть, надо Невила предупредить? Бывают игры, в которые

слишком опасно играть.

Глава 16

— Так что значит это слово — «карга»?

Белль одной мордой показала на страницу в книжке Тимора: «Сказки Старой Ньоры».

— Да я не знаю, — ответил Тимор, нахмурив лоб, как всегда, когда бывал озадачен. — Можем посмотреть в следующий раз, как на «Внеполосном» будем.

Когда она только познакомилась с этим представителем Детей, такой вопрос вызвал бы приступ паники. Глаза бы у Тимора полезли на лоб от ужаса, когда он бы понял, что не может сразу дать ответа на вопрос. Лучшее доказательство для Белль, что эти самые люди когда-то были чем-то вроде всезнающих.

Теперешний Тимор, столкнувшись с таким вопросом, спросил бы кого-нибудь, или пошел бы в общедоступное место на борту корабля, или соорудил бы ответ из подручных материалов. Сейчас он листал книгу туда-сюда, ловкие человеческие пальцы переворачивали страницы.

— Вот, смотри, — сказал он. — Вот тут, на тринадцатой странице, мудрый археолог говорит про

даму, которую на предыдущей странице назвали «каргой». Он говорит, что она «бельдам».

— Белль значит «красивая», — сказала Белль. Это было ее взятое имя — одно из первых, выбранное себе стаей на человеческом языке. Храбрый был поступок, тем более что это было сразу после того, как ее вышибли из кабинета министров Резчицы, и ее имя «Мудрый Королевский Советник» стало звучать издевкой.

Тимор скривил рот в улыбке.

— Знаю. А дама она потому, что так называли женщин при дворе короля. Так написано в сказке «Принцесса и болотные лилии». Значит, «бельдам» — это красивая придворная женщина.

— Вот как.

Может, она могла бы стать «Бельдам» или даже «Карга Бельдам». Это красиво звучало бы в аккордах и трелях.

Она стала размышлять об открывающихся возможностях, а Тимор продолжал читать сказку вслух. Было время, когда Белль всерьез училась по таким книгам — две королевы печатали их массово. Такие позволяли ей понять хитроумные планы Равны Бергсндот. Еще до ее низложения.

А в этой вот книжке сказки, если отвлечься от противной тропической обстановки и неизбеж-

ных человеческих странностей, очень похожи на народные сказки Стальных Когтей. Равна в своих речах то и дело поминала Ньору, утверждая, что именно по этому образцу старается действовать здесь, и это подстегивало интерес Белль к книжкам о Ньоре. Но хотя Тимору эта последняя книга и нравилась, оказалось, что она откровенно выдумана. Подслушивая разговоры других Детей, Белль постепенно поняла, насколько глупа Равна Бергсндот. История Ньоры для нее значила что-то очень серьезное, а для Детей — не больше чем любой миф из этой вот книжки. Если бы кто-нибудь спросил Белль (Каргу Бельдам, еще красивее звучит), она бы ответила, что Равна Бергсндот движется к своему падению.

Которое и произошло.

Одна была большая разница между Равной и Белль: Равна все еще живет почти во дворце. Белль постепенно поняла, какая за этим стоит политика. Придет время, когда Невил Сторхерте уже не сможет не замечать Белль и ее Тимора…

— Мне жаль, что у слова «карга» оказалось такое значение, — сказал Тимор, закрывая книгу и протягивая руку, чтобы обнять Белль за ближайшие плечи. — Еще одну сказку прочитаем?

Обычно Белль больше внимания обращала

на то, что говорит это Дитя. Но все, что сейчас помнили любые ее элементы, — как Тимор ее оглядывал по кругу минут пять назад, когда она углубилась в свои мысли. Тимор мог трещать часами о том и о сем, даже когда не читал вслух. Это было ненатурально (по крайней мере для Стальных Когтей): говорить о стольких разных вещах и не издавать даже малейшего мыслезвука. На миг она подумала, не сознаться ли, что не слушала. Иногда, кажется, он об этом догадывался. Но нет. Лучше потом забраться сюда, когда он заснет, и узнать, что же такое эта самая «карга». Может, надо будет сегодня прочесть всю эту книгу и закрыть вопрос. Но тогда следующие несколько вечеров придется *всерьез* скучать.

Снаружи по улице грохотало что-то большое. По звуку судя, упряжка из шести керхогов тащит несколько телег. Что-то должно быть действительно большое, раз слышно через шумопоглощающие стены. Слышались резкие скрипы и звонкие щелчки, будто колеса фургонов швырялись щебенкой в стены домов. Их маленький дом стоял на окраине города, прямо на Буксирном Пути. Когда улицу только построили, Белль подумала, что у Резчицы имперское безумие: так широка и так идеально выровнена была дорога.

Теперь, зная, какие грузы по ней идут в Береговую гавань, Белль признавалась (себе), что у нее мнение переменилось.

Она лениво подумала, что надо бы выйти на улицу да наорать на погонщиков. Но вместо этого занялась кое-чем более практичным.

— Тимор, ты не считаешь, что это несправедливо? Почему мы с тобой живем в этой лачуге?

Наплевать, что здесь можно сделать светло и тепло одним движением лапы, даже в северную зиму. Наплевать, что здесь уютнее и удобнее, чем было в любом королевском дворце до прилета Детей Неба. *Сравнение* с некоторыми другими — вот что делало это обиталище нищей лачугой.

Тимор погладил ее по плечам, желая успокоить. Странно: он уже с ней так давно, что это и правда успокаивает. Белль попыталась отмести эту мысль. *Он* должен возмущаться этим положением даже больше, чем она. Белль привалила огромная удача иметь собственного человека. И огромной неудачей оказалось, что Тимор Ристлинг — самое неприхотливое, самое спокойное и самое *разумное* создание из всех, кого она в жизни знала.

— Можем жить в общежитии, Белль, с другими ребятами и их Друзьями. Или могли бы, вероятно,

делить жилье с какой-нибудь новой семьей. Ну, вроде Ларсндотов на Скрытом Острове. Я думал, ты хочешь, чтобы у нас свое жилье было.

Если бы Тимор был кем-то из прочих советников, когда Белль еще носила имя «Мудрый Королевский Советник», она бы наверняка решила, что это чертовски умный контрудар. Но у Тимора, она знала, дело было в абсолютной наивности. Конечно же, Белль хотела иметь свое жилье! А как еще она может сохранить его для себя, чтобы он не завел себе человеческих друзей или даже какую-то другую стаю? Тимор уже почти девять лет был ее талоном на еду. Если она утратит статус официального опекуна, то жить даже в этом доме она себе не сможет позволить.

— Нет, — ответила она и изобразила звук человеческого вздоха. — Я просто думала, что ты заслуживаешь лучшего. Ты знаешь, я ведь думаю только о том, как лучше тебе.

— Белль! — Тимор отложил книгу и втиснулся между четырьмя ее телами. — Если ты правда хочешь квартиру получше, я могу пожаловаться Равне. Просто не хочется этого делать.

Да кому эта Равна нужна? — подумала Белль, но вслух говорить не стала. Эта самая Бергсндот теперь отстранена от власти — в лучшем случае

игрок второго плана. С другой стороны, сам Тимор стал важной фигурой, даже если не понимает этого. В Новом зале встреч Белль, лежа у его ног и притворяясь, что спит, часто подслушивала разговоры людей.

Насколько Белль могла понять, родители Тимора были приблизительно того же социального статуса, что сборщики мусора в Домене. Тимор унаследовал их способности — и каким-то образом здесь эти способности оказались редкими и драгоценными. Невил и его друзья Тимора недолюбливали. Им не нравились его наивные мнения, не нравилось влияние его на других ребят. *Так или этак, а Тимор — мой рычаг!* Главное было — выбрать нужное время и нужный вопрос, чтобы применить его против Невила и его приятелей. Она уже для этого заронила семечко:

— А может, стоит пожаловаться Невилу? Или этому приятному молодому человеку Били Ингве?

Мальчик зевнул.

— Да, наверное. — Его слегка передернуло дрожью. — Устал уже, читать не могу больше. Мне надо спать.

Когда Тимор был всего лишь щенком, она его каждую ночь укладывала, и это стало ритуалом,

который теперь потерял смысл. Но мальчик остался маленьким, каким был всегда — не вырос, как другие Дети. И были еще другие проблемы: он очень быстро слабел, и сна ему было нужно больше, чем любым известным ей стаям или людям. Даже если он останется ей верным, она все-таки может оказаться в проигрыше.

Белль проводила Тимора вверх по лестнице в маленький спальный чердак. Наверху тут был один из этих чудесных выключателей света. Легкий толчок мордой — и синеватое сияние из керамического квадратика на стене.

— Ха, а свет тускловатый, — сказала она.

— Нормальный, — отмахнулся Тимор. — Но в комнате холоднее обычного. Наверное, отопление испортилось.

Это случалось достаточно часто. Маленький домик был один из первых с башней отопления, поэтому и отопительные приборы были из самых неуклюжих.

Сегодняшний холод — это уже было что-то существенное и могло стать предметом жалобы. Белль проверила стеклянные окошки — плотно закрыты, не тянет. Ближайший уличный фонарь сломался, поэтому особенно смотреть некуда. Когда они наконец пойдут жаловаться, у них будет

очень неплохой список.

Остальные ее тела хлопотливо укрывали Тимора.

— Возьмем еще одеял, — сказала она, сверху накрыла их потертым зеленым стеганым одеялом — единственным ее призом с последнего настоящего кораблекрушения. Тимор тогда чуть не рассорился с ней насовсем — обвинил ее в грабеже умирающих. Ха! Кто там умирал? Ни одной стаи не было. А то, что осталось от тропиканской толпы, теперь отлично существует в своем полубезумном режиме. И вообще никто никогда не искал утерянные в море товары.

Она тогда своей старой костяной иглой сшила из зеленой ткани стеганое одеяло и набила его опавшими перьями лягвокур. Работа была грубая, стежки неровные — ни у одного ее элемента не было в памяти умения шить. Через восемь лет швы разлезлись, ткань прогрызли насекомые. Но теперь Тимор не соглашался его выбросить.

— Тебе тепло? — спросила она.

— Да, сейчас тепло. — Он погладил ее по ближайшей голове.

— Я тогда немного послушаю. — Это тоже входило в ритуал. Один из элементов Белль сдвинулся к спинке кровати и сел на одеяла. Другой

лег на пол перед кроватью. Остальные два сели на несколько футов поодаль, слушая и наблюдая. Белль выключила свет. — Доброй ночи, Тимор.

— Доброй ночи, Белль.

В комнате стало по-настоящему темно. В такую зимнюю ночь, когда разбит уличный фонарь и нависли тучи, которые она раньше заметила, наверное, даже для Тимора слишком темно и ничего не видно. С другой стороны, все, что происходит в комнате, ей было слышно, и когда она испускала звуки в диапазоне мысли, можно было услышать стены и пол. Если постараться, можно было различить даже контуры лица Тимора. А сердце и легкие мальчика так шумели, что без усилий можно было опознать его форму под одеялами.

Восемь лет назад, когда Тимор только-только вышел из спячки, он каждую ночь плакал, пока не засыпал. Плакал по погибшим родителям, по многому такому, чего объяснить не мог. В эти первые годы Белль иногда садилась двумя телами на его кровать и его обнимала. Сейчас он уже много лет не плакал, и она сказала, что он слишком большой, чтобы так его обнимать, но все равно он любил, чтобы она лежала в темноте и слушала.

Она не возражала. Белль всегда строила планы и интриги. Никогда она не умела быстро думать стоя, даже когда еще была Белль Орнрикакихм, а не Белль Орнрикак. Когда Ихм умер, она понизилась до четверки. Стая из четырех может быть умной личностью, но чаще бывает тупа и лишена воображения. Иногда, сидя вот так в темноте, медленно-медленно строя планы, она думала: а не обманывает ли она себя, считая эти планы умными?

Тимор еще не спал и ворочался, но она знала, что он на самом деле устал. Забавно, как она хорошо понимает его мысли, хотя они и безмолвны. Иногда безмолвный он даже бывал полезен почти на уровне элемента: никуда не забираясь, он умел достать выше, чем она. Человеческие пальцы решали проблемы, с которыми никак бы не справились морды Стальных Когтей. И в то же время он был умен, как целая стая. И у него, как у всех людей, бывали самые странные идеи.

Умной стае сила этих идей была бы ясна.

Если бы только мне снова стать королевским советником! Эта дурацкая Резчица всегда благоволила Тщательнику и Хранителю, своим дочерним стаям. Если бы я догадалась, что Хранитель — изменник, я бы его разоблачила и

сейчас была бы в королевстве второй. Эх!..

Она подбиралась к кошмару своих пробуждений, который приходил все чаще и чаще: ей не выбраться из ловушки, которую она сама для себя построила. Силы ума у нее нет, а когда Ихм погиб, утрачен был последний ее элемент, обладавший фертильностью.

Пока Ихм был жив, была возможность обмена щенками с какой-нибудь другой стаей. Но она недостаточно активно искала союза, а может быть, и пятеркой она тоже была недостаточно привлекательной. А сейчас от нее остались четыре старых, бесплодных уродливых самки. Никакие интриги не вынесут ее так высоко, чтобы можно было выбрать щенка из приличного помета. Если честно, выбор у нее не особенно велик. Можно пойти во Фрагментарий и зачерпнуть в себя отбросов. Можно убежать от себя. Или просто вымереть по одному элементу, уйти в ничто, умереть, как неизбежно умрет когда-нибудь бедняжка Тимор.

А Тимор все еще не спал. Может быть, была одна из тех редких ночей, когда он не засыпал дольше, чем Белль. А потом она заметила, что он дрожит. Наверное, в комнате для него слишком холодно, даже под всеми одеялами. Он не жаловался, но

жалуется он вообще редко. Значит, что-то серьезно разладилось в функционировании дома. Завтра она пересмотрит свое расписание и страдания Тимора забьет в глотку Невила Сторхерте. Они с Тимором потребуют вместо этой норы что-то действительно приличное…

А если Тимор действительно заболеет от холода? Он такой хрупкий и может умереть *весь сразу*. И она останется ни с чем.

Ладно, значит, что-то сегодня надо с этим сделать. Можно позвонить и пожаловаться — но это если телефоны работают. Она задумалась на миг, как подводится к дому энергия. Учителя в Академии Детей говорили об этом в таком обилии подробностей, какое четверная Белль не могла толком запомнить. Горячая вода превращается в пар, который может «производить работу». Поэтому вдоль всей Дороги королевы проложили водопровод и сделали отводы к каждому дому на соседних улицах. Магия небесного народа сделала так, что не нужно было тысячи костров, чтобы вода не замерзла или чтобы она кипела. У звездолета «Внеполосный» был где-то внутри бесконечный огонь, и корабль умел доставлять тепло этого огня в любую точку, видимую из его верхнего люка. Учтите это, враги Домена! Белль

часто недоумевала, почему Равна и Резчица не используют как следует пугающую смертоносную силу «Внеполосного». Когда-то, когда еще Ихм был ее элементом, Белль решила, что для этой людской слабости есть только одно объяснение: существует ограничение скорости, с которой можно выдавать наружу тепло. Рассуждений она не помнила, но вывод сохранила в оставшемся своем разуме. Но как бы там ни было, а из всех домов возле Дороги королевы открывался вид на корабль. Никогда не должно быть нехватки тепла, а еще пар питал всякие магические мелочи вроде лампочек. И телефонов?

Она соскользнула с кровати Тимора и вся тихо пошла к лестнице. Она уже почти вся вышла на ступени, когда донесся голос Тимора, тихий и полусонный:

— Ты хорошая, Белль.

— Э-э, да, — ответила она. — Доброй ночи.

Что он этим хотел сказать?

Внизу в гостиной она снова включила свет. Лампа засветилась, но так слабо, что едва было видно. Очевидно, давление пара почти нулевое. Белль прошла через комнату, легко обходя безделушки, которые собирают они с Тимором. Да и книжек тут тоже слишком много. Белль отки-

дывала их с дороги, высвобождая телефон. Он был сделан и для людей, и для стай. Четверка с ним легко справляется. И ума у нее хватит высказать праведное возмущение от имени Тимора Ристлинга. Бедное Дитя из-за таких ужасных жилищных условий может *умереть*! Так или иначе, им должны дать дом, которого они заслуживают. *Только не трать свой гнев на диспетчер звонков корабля.* «Внеполосный» идеально (по крайней мере на низких частотах) имитировал человеческий голос, но этот голос был почти так же туп, как говорящий синглет. И однажды она ошиблась, приняв диспетчера за настоящего человека. И орала на него минут пять — естественно, без всякого толку. Нет, нужно просто сказать, что Белль Орнрикак, Лучший Друг Тимора Ристлинга, звонит по срочному делу… кому? Невилу? В любом случае возмущение лучше приберечь для реальной личности.

Она придержала базу и поднесла трубку к одному из ушей низких частот. Гудка не было, не было тех щелчков и треска, к которым она успела привыкнуть. Белль прошипела ультразвуковое ругательство. Значит, для телефона тоже нужно давление пара! Она заметалась по комнате, колотя по всему, до чего можно достать лапой,

но тихо, чтобы не тревожить Тимора. Еще часы пройдут, пока она сможет обрушить свой гнев на тех неумелых, что тут командуют. Настоящий политик сумел бы за это время отточить риторику, но она была не в настроении. И на самом-то деле… Белль открыла все рты и мотнула головами. Мороз кусал за языки, становилось по-настоящему холодно. Без плащей даже стае будет неуютно.

Она опустилась на пол, попыталась разобраться с мыслями. Почему пропало давление пара? Ну, потому что вода перестала быть горячей? Может быть, «Внеполосный» что-то напутал, может быть, не нацеливает сюда нагреватели. Но так как не слышно было ничьих жалоб с улиц, неисправность может касаться только вот этого дома. Можно выйти на улицу и поспрашивать. Может быть, Тимор переночует тогда в одном из домов, где тепло еще есть.

Белль несколько минут посидела в темноте, пытаясь сообразить все за и против этого плана. Такая срочная необходимость действовать посреди ночи наверняка покажет, как сильно обижают Тимора. С другой стороны, кто-нибудь вроде Равны или Невила может воспользоваться поводом и насовсем поселить Тимора с другими.

Эта мысль немедленно исключила любой план

просить помощи у соседних Детей. Но сейчас, там, где Белль сидела у окна, *она* тоже замерзала. *Все эти планы бессмысленны, если Тимор умрет*. Эта мысль внушала незнакомый ужас, хуже даже, чем молчание разума, которое ощущалось в последние дни Ихма.

Белль встала, туго затянула плащи на телах. Выходя из задней двери, она уже строила планы, как представить ситуацию соседям. Это были Дети, супружеская пара — имен их она не помнила. На самом деле она изо всех сил старалась, чтобы они не попадались Тимору, а сейчас придется быть любезной-разлюбезной.

Она закрыла за собой дверь на засов — и тут же ее поразило качество воздуха. Такой холод для незащищенного человека мог быть смертелен, но не так уж было плохо для зимней ночи. Облака закрывали любые возможности появления северного сияния, звезд или луны, но Белль чувствовала, как ее окружает густой туман, влажность, несущая глубокую тишину в верхних регистрах звука. И еще слышалось шипение, тихое и механическое. И тут Белль вдруг поняла: наверное, «Внеполосный» по-прежнему посылает луч на местный нагреватель, но где-то течь, и пар уходит туда, а не в дом. На секунду ею овладела

гордость понимания, и пришла мысль: *Я даже, быть может, это починю!*

Она обошла дом сбоку, думая, как же все-таки можно будет это починить. Негативизм ныл и жаловался, как всегда: она же ничего не знает про паровые технологии, не говоря уже про ремонт утечки. Но найти утечку по звуку она может легко. Может быть, просто сунуть туда камень подходящего размера.

И очень темно, и тихо-тихо на высоких звуках. Если не считать шипения утечки, слышно было только дыхание самой Белль и царапание лап по льду. Без эхолокации ей приходилось нащупывать себе путь, как какому-нибудь глухонемому человеку.

Она соскользнула вниз по ложбине на Северной Стороне дома. Течь была где-то в паре ярдов впереди, почти на уровне земли. Сюда доходил тусклый свет от далекого фонаря на улице, и он отблескивал на какой-то веревке, свисавшей сверху со стены. Телефонный провод дома. Перерезанный.

Она сделала еще два шага, прежде чем поняла, что это значит, — и тогда в ужасе на секунду застыла. Живя среди всей этой небесной магии, забываешь то, что помнил в прежней жизни,

от чего зависит, жить тебе или умереть. Туман маскирует мыслезвук. В давние дни ради войны и коварства надо было ждать тумана как подарка погоды. Сейчас пробей паровую трубу — и тумана сколько хочешь.

Белль затряслась от усилий, вслушиваясь и всматриваясь. Что ей делать? Убийцы могут быть всюду, но они пока ничего не делают. Может быть, если она просто не заметит ничего, они ее не тронут. Наверняка им ни к чему бесполезная стая-четверка.

Она повернулась, надеясь, что выглядит это естественно, хотя два ее элемента стали поворачиваться не в ту сторону, рвясь удрать прочь от дома. Возвращаясь к задней двери, она наигрывала человеческий мотивчик — достаточно низкие частоты, чтобы пробились через туман. Она ловила эхо и одновременно слушала куда более высокий диапазон, вылавливая что-нибудь похожее на мыслезвук. Теперь, когда она искала целенаправленно, все сходилось — эхо от живых тел и еле слышный шум мысли. Даже можно было разглядеть силуэты голов на тусклом белом фоне снежного склона. Поблизости была одна стая, хотя, быть может, очень маленькая — четверка. Наверное, еще пара стай затаилась за снежным

гребнем.

И все же они ничего не предпринимали. Если вот сейчас она снова повернется, то сможет выйти на улицу. А они пусть берут чего хотят.

А чего же они хотят? Чужаки обошли домик сзади. Тимора? Им нужен Тимор? Почему, зачем? Но сейчас он один, и она спокойно может уйти.

Или заорать так, чтобы все соседи сюда сбежались. Быть может, сбежались бы.

Она еще секунду поколебалась, медленно, как всегда, думая. А потом ее объединила одна мысль, отогнавшая все другие.

Никто не украдет у меня Тимора.

Она завизжала так, что у любого человека, оказавшегося рядом, полопались бы барабанные перепонки. «СПАСИТЕ СПАСИТЕ СПАСИТЕ!» — заверещали самнорские слова.

Ближайшая стая бросилась на нее, и Белль поняла, что это *восьмерка.* Вопль Белль отразился от контуров тел, и стали видны элементы нападающего и его аллюр. Десять лет прошло, но она узнала этого негодяя! *Читиратифор.* Она готова была выкрикнуть его имя вслух одним аккордом, но что-то блеснуло, и Орн растворилась в боли. Голова ее полетела на камни. Остальную Белль окружили, оглушенную шумом и кровью. Она

вроде бы стала двойкой. Единицей.

И не успела даже крикнуть:

— ТИМОР!

В этот вечер Равна задержалась в кабинете на корабле допоздна. Для Невила и его шпионской программы она изо всех сил трудилась над своим сельскохозяйственным заданием. А на самом деле она использовала мощности корабля, чтобы проверить все, что могла придумать, по обвинению Свежевателя. Если даже у Невила были какие-то трюки, для которых он не использовал «Внеполосный», она все равно была в курсе всех его приходов и уходов и могла отслеживать весь окружающий электромагнитный шум. Если бы он передавал что-то через орбитальный модуль, в этом шуме можно было бы выделить сигнал.

Равна лениво барабанила пальцами по столу, поглядывая, не застопорились ли анализы, и просматривая запросы поиска решений. Досадно было иметь возможность прибрать себе больше ресурса — и не осмеливаться на это. Хотя еще часа хватит. Равна покажет результаты Джо и Страннику. Они сегодня вечером должны вернуться из лаборатории Холодной Долины с последними вестями от Тщательника о микросхемах. Такие бы результаты отпраздновать как следует, а они

наверняка проведут вечер, волнуясь из-за Невила и Свежевателя.

Появился маленький флажок:

«Запрос указания: расширить ли окно релевантности, чтобы включить в него местные аномалии?»

Наблюдение в инфракрасном диапазоне показывало отказ одной из старых тепловых башен на Холме Звездолета. Эти первыми построенные башни никогда не были особо надежными, и Равна велела кораблю следить за их выходом из строя. Так почему это ее сейчас волнует? Она нашла объяснение: да, физической опасности нет, но обитатели могут остаться без тепла, если ничего не предпринимать. По таким вопросам решения должны принимать Невил и К°. Может быть, она справится сама — надо будет только сказать Невилу, что по ошибке предупреждение попало к ней. Появился еще один флаг, обозначающий отказ телефонной линии. Странно. Как-то трудно представить себе, что эти проблемы взаимосвязаны…

Внизу послышались крики. Обычно корабль лучше подавлял шум от игровых станций. Через секунду кто-то заколотил в дверь. Дисплеи автоматически переключились на сельскохозяй-

ственные исследования, которыми она якобы занималась.

— Равна, ты нам нужна!

Кто-то — Хейда Ойслер, судя по голосу, — колотил в стену так, что деревянные засовы трещали.

— Равна!

Да, это Хейда. И куда громче обычного.

Только через несколько часов она вспомнила, как умеют подражать голосам Стальные Когти. Это была Хейда *или* какая-то стая.

Но здесь и сейчас Равна открыла дверь.

И это правда была Хейда. Ухватив Равну за рукав, она потащила ее в коридор:

— Равна, нужна твоя помощь. Немедленно!

— Что? Что такое? — спросила Равна, которую Хейда тащила к лестнице.

— Гери Латтерби пропала!

И вниз, в главный зал. Несколько присутствующих ребят собрались возле присевшего за стол человека в уличной одежде. Овин Верринг обернулся, увидел Равну.

— Ты ее привела!

Теперь Равна узнала сидящего человека — это была Эльспа Латтерби. Ребята перед Равной расступились, пропуская ее. Эльспа сидела, согнувшись и опустив голову. Стол был покрыт ее

рвотой.

Равна тронула ее за плечо.

— Эльспа?

Женщина подняла голову. Левая сторона лица у нее была исцарапана, рядом с глазом — кровавая рана. Будто она упала и лицом ударилась.

— Гери… мы уже почти пришли домой. Вдруг какие-то потрепанные когтистые оборванцы налетели, схватили Гери, мы с Бизли побежали следом… не догнали…

Равна осторожно погладила ее по волосам.

— Мы ее вернем, Эльспа. — Она оглядела рассерженные и испуганные лица собравшихся. Иногда бывали проблемы с набегами фрагментов. Даже случай ограбления был три года назад. Но чтобы *похищение*? Ладно, это потом. — Лисл? Ты у нас лучший медик, помоги Эльспе.

Названная девушка держалась позади, слишком стеснительная, чтобы проталкиваться вперед. Но Лисл Армин была одна из немногих, кто по-настоящему верил в страстные речи Равны о важности первой помощи. Сейчас усилиями Лисл и корабельных средств диагностики Эльспа должна поправиться. А насчет Гери…

— Овин! Начинай звонить. Должен быть в процедурах Чрезвычайной Ситуации список

автоматического обзвона. Организуем поиск…

— Линии не работают!

У Овина глаза были остекленелые.

Ну конечно.

— По рации связались с Резчицей и Невилом?

— Д-да, — ответил он. — Резчица посылает городские силы. А Невил…

— Эй, слушайте все! — В дверях Зала встреч стоял Били Ингва, махнул всем рацией. — Я скоординировался с Невилом. Он этих тропиканцев засек, они бегут на юг!

Дети бросились к выходу толпой.

Нельзя быть в двух местах сразу. Равна рискнула и оставила корабль, чтобы быть с Детьми.

Дорога королевы шла вдоль откосов, полого спускаясь к Маргрумскому обрыву. Вдоль дороги стояли особняки, фонари на шестах отбрасывали яркие круги света. К группе подходили еще Дети, и вскоре их догнали стаи из городских войск Резчицы.

Из уст в уста передавались рассказы о нападениях по всему городу.

Били и его рация принесли нечто более близкое к фактам — но не так много.

— Да, было несколько нападений на Детей и городские стаи.

— Кто? — крикнули сразу в нескольких местах.

— Мы пока не знаем! Гери и Эльспа, но с Эльспой все в порядке. Эдви Верринг и его Лучший Друг…

Идущий впереди Овин Верринг споткнулся: Эдви был его двоюродным братом. Повернувшись, Овин протолкался к Били:

— Что с ними?

Били понизил голос:

— Мы не знаем, Овин. И Эдви, и Гери пропали. Части Помойки и Бизли не найдены или найдены мертвыми.

— Вот сволочи! — сказал кто-то.

Стаи — «Лучшие Друзья» бывали разные. Приятели, болельщики — и действительно лучшие друзья, как Странник. Бизли и Помойку Равна помнила — идеальные компаньоны для самых молодых.

— Слушайте! — крикнул Били. — Все свидетели говорят, что напали тропиканские психи. Мы этим занимаемся, Невил уже почти спустился к посольству!

Туда же шли все остальные — и войска Стальных Когтей.

Группа выходила из зоны недавнего строительства. Последний фонарь отмечал южный конец

дома Равны. В окнах не было света, и антиграва не было на обычном месте за домом.

Равна перешагнула замерзшие колеи:

— Одолжи мне на секунду рацию, Били.

Ингва посмотрел на зажатый в руке прибор:

— Мне нужно быть на связи с Невилом.

Она протянула руку:

— Буквально на секунду.

Разговор не заставил Били замедлить шаг, но он оглянулся на идущих рядом Детей. Били не обладал чутьем Невила, но понимал, как надо себя вести, когда публика на тебя смотрит.

— Ладно, только очень прошу: покороче.

Он отдал Равне прибор. Это была одна из аналоговых раций Тщательника, а не настоящий коммуникатор. Но сейчас это было без разницы: Равне нужно было только связаться с кораблем. К счастью, это вполне можно было сделать в пределах тех полномочий, что ей выделил Невил.

Она попросила «Внеполосный» опросить все существующие рации и передать, где они находятся. Да, Невил уже на территории тропиканского посольства. Резчица в фургоне, едет по внутренней дороге. Тщательник на Северной Стороне, пытается взлететь. Джоанна и Странник… их антиграв еще на земле в лаборатории

Холодной Долины. Равна передала им сообщение, заканчивающееся словами: «...и понадобится активный поиск». Потом попросила «Внеполосного» передать им все приоритетные пункты.

— Равна, заканчивай, пожалуйста. Невилу эта рация нужна для спасательных работ, а у нее уже аккумулятор садится.

Когда она отдавала рацию, оттуда зазвучал голос «Внеполосного». Били секунду послушал и объявил:

— Внимание всем! Новые жертвы. Белль Орнрикак убита, тропиканцы захватили Тимора!

Из всех жертв Белль была менее всего известна, а еще полгода назад Тимора посчитали бы самой меньшей из человеческих потерь. Но сегодня — Дети застонали. Кто-то из них побежал вперед, стараясь угнаться за стаями-солдатами, ровной рысью пробегающими мимо. Но мерзлые колеи дороги не особенно способствуют бегу двуногих — ребята просто устроили на дороге пробку. Равна догнала их, убедила идти быстрым шагом по краю дороги. Даже Хейда сбавила темп.

Коттеджи почти все остались позади. Фонари были только у немногих, но Равна убедила остаться с ними один взвод стай, и нефтяные факелы солдат освещали путь. И сегодня этот свет

был нужен по-настоящему, даже людям. Небо было полностью темно — ни северного сияния, ни луны, ни звезд. Она не смотрела сегодня погоду, но облачный покров наверняка сплошной и толстый.

Процессия прошла еще тысячу метров. Билл сообщил — то есть «Внеполосный» передал, что больше жертв нет. Все остальные Дети пересчитаны. Джо и Странник в воздухе и летят на юг.

Сейчас на южном горизонте что-то такое виднелось — может быть, просвет в облаках. Свет, очень похожий на северное сияние. Ребята показывали его друг другу, и кто-то сказал:

— Цвет странный.

Хейда влезла на придорожный сугроб, встала, покачиваясь, на его гребне.

— Это зарево! Пожар!

По эту сторону Маргрумского обрыва гореть могло только одно: тропиканское посольство.

Пожар был невелик. Похоже было, что горела только небольшая зона возле центральной башни. При свете солдатских факелов особого ущерба видно не было. Главные ворота были открыты. Две стаи в военном строю охраняли вход. Поодаль в темноте виднелись четыре резервных стаи. Здесь же было множество штатских стай и часть

Детей — мельтешили перед воротами, и солдаты их дальше не пропускали.

Равна подошла к воротам, за ней Овин, Хейда и другие Дети с «Внеполосного».

Били решительно вышел вперед, говоря в рацию:

— Да. Понял. — Чуть не доходя до линии постов, он махнул рукой всем прочим, прося отойти. — Ребята, прошу прощения, там все еще следы смотрят.

Равна шагнула еще на пару шагов, оказалась с Ингвой лицом к лицу.

— Что с Тимором, Гери и Эдви? Они могут там быть.

Слова эти выскочили сами — Равна действительно не собиралась конфликтовать.

Били понизил голос:

— Отведи этих людей, Равна. Пожалуйста. Веди себя ответственно.

— Пропустите Равну, господин Ингва. Королева о ней говорила особо.

Это сказала стая из тени, за линией постов. Один из камергеров Резчицы.

Может, Били и помрачнел — в тусклом свете трудно было сказать, — но выражение это мелькнуло и исчезло. Он махнул рукой Равне,

пропуская, потом остановился и крикнул пришедшей толпе:

— Все в порядке, Равна там нам поможет. Она была бы очень вам благодарна, если бы вы нам дали место для работы, люди.

Равна не стала задерживаться, чтобы ему возразить, но…

Этот Били Ингва нравится мне все меньше и меньше.

Тот самый камергер и Ганнон Йоркенруд отвели Равну в глубь территории посольства. У обоих были лампы, и Йоркенруд размахивал своей во все стороны, а голос у него был ликующий и злобный:

— Мы этих гадов взяли к ногтю!

В другой руке у него был топор — окровавленный?

Равна впервые попала в это так называемое посольство. Главное здание вполне соответствовало рассказываемым легендам. Кое-как собранное из кусков металла и полированного камня, предметов, отбитых от общественных зданий и превращенных в декорации интерьера. Акустической обивки на голых стенах не было, зияли дыры, которые могли означать недавние изъятия. В ямах валялся мусор. Высоты потолков

почти хватало на то, чтобы человеку идти, не сгибаясь, но тропы среди мусора были недостаточны для уединения стаи, и не было расширений, где две стаи могли бы вежливо разойтись. Здесь и там в проемах стен видны были солдаты Резчицы, обыскивающие другие коридоры.

Они миновали выбитые двери. Воздух стал здесь теплым и влажным, пахло немытыми телами и ладаном. Камергер повел их по лестнице, окружавшей центральную башню. Ганнон шел следом, продолжая злобный рассказ на тему «как мы им сегодня врезали».

Лестница кончалась дверью с разбитым замком. Камергер потянул ее, приоткрыв, и ветер повеял мимо пришедших в открывшуюся комнату. Послышалось межстайное бульканье камергера с какой-то стаей внутри. Равне показалось, что она услышала аккорд, означающий и «слишком тут тесно», и «заходите». Камергер повел мордами, показав на Ганнона и Равну:

— Вы двое заходите, будьте добры, я останусь здесь.

Он частично сбежал вниз по лестнице — элементы распределились на максимальную ширину, когда стая еще могла думать. Тот, что оказался внизу лестницы, мог разговаривать с

солдатами в центральном зале.

Равна и Ганнон вошли, сквозняк захлопнул за ними дверь.

Равна огляделась, примечая разбитые окна и свисающую с потолка горелую ткань. Когда-то — несколько минут назад? — потолок был намного ниже из-за висящего шелкового балдахина. Несомненно, что здесь стояло то же болотное тепло, что и во всем посольстве. Теперь тут было холодно и пахло дымом. Вокруг кучи мусора, вываленного из гардероба, стояла Резчица. У ее ног еще догорали угли, но вся она — даже ее щенок — смотрела в сторону Равны.

— Мы найдем Гери-Эдви-Тимора, — сказала она три имени как один аккорд. — Я обещаю тебе, Равна.

Невил кивнул:

— Мы знаем тех, кто это сделал, и отлично догадываемся, где они сейчас. — Он надел последнюю оставшуюся тиару корабля, но лицо у него было в саже. Глаза за тиарой были слегка расширены, и впервые Равна увидела у него на лице ужас. — Тропиканцы, видимо, планировали это уже не первую декаду. Они отлично знали привычки этих троих ребят и их Лучших Друзей. — Он яростно пнул что-то под грудой бумаг, взял себя

в руки, провел по лицу слегка дрожащей ладонью. — Я скоординировался с Джо и Странником. Они с антиграва ищут похитителей. Тщательник говорит, что в ближайший час поднимет в воздух «Взгляд Сверху».

Равна подошла поближе, посмотрела, что пнул ногой Невил. Элемент стаи. Два элемента. Один лежал в огромной луже крови, другой растянулся, как на пике прыжка. Оба они лежали недвижно, недоступные уже наказанию. При жизни они были частью чего-то такого, что высоко себя ставило. Мало кто из тропиканцев одевался так по-королевски.

Равна обвела глазами Резчицу.

— Это две части от Божидара, — сказала ей королева.

— Только эти два элемента и оставались, когда Ганнон сюда добрался.

Йоркенруд сказал за спиной у Равны:

— Все остальные наверняка удрали не меньше часа назад. И сани свои взяли, и все вообще.

Невил глянул на Ганнона:

— Ганнон тогда этого не знал, но я принимаю всю ответственность на себя. Я оплошал. Был шанс, что Дети здесь, и мы не могли ждать, пока Резчица…

— Послушай! — перебил Ганнон. — Я ничего не сделал такого, чего не надо было бы. Мы ворвались, погнались за ними — мы думали, это целая стая. Эта тварь сказала, что Дети у них, что они им горло перережут. Отсюда пахло дымом, и мы ворвались — он напал. Мы убили его двух — и тут только сообразили, что это все!

Равна обернулась к нему:

— И Детей здесь тоже нет?

Ганнон вызверился на нее злобно, но сдержался.

— Нет, никого из них.

Она подошла к Резчице, обнюхивающей вокруг трупов. Божидара она никогда особенно не любила, но…

— Я не знала, что стаи такое умеют.

Резчица пожала плечами, но Равна решила, что она пытается скрыть произведенное на нее впечатление: глаза Адского Щенка глядели ошеломленно.

— Тропиканцы — психи, — ответила Резчица. Она понюхала того, что лежал в луже крови. — Я думаю, это был вербальный центр стаи. Другие менялись, эти оставались. И эти двое всегда больше других обращали внимание на письменные материалы.

Для Невила это было неожиданностью.

— Не знал. Там, внизу, были еще пожары поменьше: разлили и подожгли ворвань, хотя на все здание огонь не распространился. — Он обвел глазами сожженные бумаги: — Может быть, они в последний момент сообразили, что оставляют что-то секретное?

Головы Резчицы повернулись к нему:

— Эти двое вместе могли быть достаточно умны, чтобы решить, что жечь первым. — Она встряхнулась. — Значит, Божидар себя искалечил, чтобы сохранить тайну.

* * *

И некоторое везение: облачный покров прорвался, и следующей настоящей буре предстояло еще два дня добираться с моря. Большой воздушный корабль Тщательника отделяло от первого полета еще десять дней, но советник по науке сумел снарядить на поиски свою маленькую электрическую воздушную лодку и крейсировал в пределах, которые позволял заряд аккумулятора. Поиск с воздуха за этими пределами зависел от шлюпок-антигравов и фотографий очень низкого разрешения с орбитального модуля. Домен Резчицы тянулся на миллионы гектаров снежных

полей, голых камней и замерзших проливов, но остались кровавые следы на снегу там, где схватили Гери, Эдви и Тимора, и не все свидетели были убиты. Лучшие наземные следопыты обыскали все ближайшие лесные тропинки. Видеосъемки со спутника вывели их на наиболее вероятные места и дальше, к горным фермам — территориям почти диким, только с обозначенными границами.

А тем временем Джоанна и Странник делали то, чего не мог бы ни один дирижабль: следовали за главным отрядом убегающих тропиканцев. Они прятались за облаками и горными стенами, следя за каждым движением бегущей толпы. Когда началось бегство, похитители еще не могли успеть в посольство. Может быть, где-то было оговоренное рандеву.

Но основная группа двигалась вдоль Дороги Восточного Леса, ни для каких рандеву не останавливаясь. Тропиканцы из посольства всегда выглядели глупцами, играли со своими большими санями в самую неподходящую погоду. А вот сейчас и погода, и местность были идеальны для бешеного санного бега. Перевалив через перевал Длинной Ручки, они все попрыгали на санки и покатились в бесконечном слаломе,

прерываемом лишь случайными переворотами и хаосом столкновений. Но даже при этом следующая вьюга догнала их, когда они налетели на приграничный гарнизон Восточных Ворот, и оставшиеся восемь саней у них были забиты выжившими. Через гарнизон они прорвались, оставив за собой поврежденных, но случаев тотальной смерти не было.

В теории тропиканцы вышли теперь из-под юрисдикции Домена. Практически — оказались там, где преследователи наконец-то двинулись их останавливать.

Через несколько часов после разгрома у Восточных Ворот Джоанна и Странник оказались у Равны, прямо на втором этаже особняка. Снаружи бесилась вьюга, белые вихри колотились в окна. Внутри было уютно и тепло. На столе у окон лежал груз, которого ждала Равна из Холодной Долины: десять тысяч сумматоров, размещенных на пятидесятисантиметровом диске из прессованного углерода. Их все еще надо было доставить к Тщательнику для испытаний, но Джо и Странник доставили на север схемы для следующего шага: настоящие процессоры и модули памяти. Если сумматоры выдержат испытания, то откроется путь, который десятилетними трудами создавали

Равна и Тщательник.

Эта доставка ожидалась как самое радостное событие года. Но теперь, когда Джо преподнесла ей черный углеродный диск, Равна едва нашла время повертеть его под лампой, полюбоваться на почти микроскопические схемы. Очень скоро она передаст устройства Тщательнику, и он начнет их тестировать. А сейчас — пропали трое самых младших Детей. Три стаи в основном убиты.

Равна сидела с Джо и Странником на мягком ковре в теплом доме, и было ей тяжело и холодно, как снаружи, в метели.

Может быть, Джоанна и плакала сегодня, но сейчас на ее лице была видна только усталость.

— Мы преследовали бы тропиканцев и в горах и в лесу, но буря нас догнала.

Большую часть сведений она уже доложила по радио. Завтра она будет снова это докладывать, когда Дети соберутся в Новом зале. Джоанна сердито ударила по большой подушке, которая лежала у нее на коленях. Странник растянулся вокруг нее, и вид у него тоже был усталый и подавленный.

— Мы *никого* не спасли, — продолжала Джоанна. — Мы не нашли *ничего*. Единственное, что было хорошего, — что работали вместе с Джефри.

Он руководил наземной погоней, и впервые за много лет мы работали вместе.

— Джефри лучше всех людей ориентируется в лесу, — добавил Странник. — Они с Амди спустились с Доменной горы, высматривая следы мелких убегающих отрядов. И были как раз впереди основной группы тропиканцев, когда разразилась буря.

— Так что тропиканцы оказались зажаты между ним и войсками Резчицы? — спросила Равна.

Она следила за погоней вместе с большинством Детей, просто по сообщениям от «Внеполосного».

— Да, мы их действительно взяли в клещи. Иначе они могли бы оторваться от нас в буре. — Джо снова ударила по подушке. — Но надо было побольше их захватить живьем. Будь проклят этот Ганнон Йоркенруд — всех перебил, кто ему попадался. Я этого так не оставлю!

Равна кивнула. На самом деле Джоанна уже высказалась по этому поводу громко и публично, и ее слова слышала почти сотня Детей на «Внеполосном». Нападение Йоркенруда было неэффективным — разве что привело к полной потере когерентности у тропиканцев.

— Да, — ответила Равна, — мы видели. Через камеру, которая была у Резчицы. Тропиканцы

расположились вокруг саней, почти сбившись в разумные группы. А Ганнон с компанией влетели…

— Да! И — хлоп! — все тропиканцы бегут в разные стороны, *синглетами*. — Джоанна посмотрела в пространство сердитыми глазами. — И в такой буре мы никак не могли наловить их много. — По лицу ее пробежала тень. — Синглеты из тропиков — в северной вьюге. Наверняка они все погибли.

— Джефри и Амди притащили сети, — сказал Странник. — И несколько штук поймали. — Он с удивлением покачал одной головой: — Что за невероятная команда! Джефри в лесу ориентируется почти как стая, а Амдиранифани — пухлый и слишком мирный гений, который даже живой еды не любит. Ручаюсь, что про сети подумал он. И поймали тропиканцев больше, чем войска Резчицы и идиоты Невила.

— Что вы нашли в санях?

Джоанна покачала головой:

— Подождем до Невиловского большого собрания, там узнаем. Мы еще были в воздухе, а Амди и Джефри возились с сетями. На телегах были в основном Ганнон и компания. Вот клянусь, даже проведя десять лет Здесь Внизу, они все

еще думают, будто мир построен только для них. Если предметы не дают намеренного отклика или хотя бы не подчиняются голосовым командам, они считают это неисправностью. Эти шуты гороховые топорами превратили в щепу сани и грузовые ящики.

— Я видела кое-что, что они вывалили на землю. Мусор, но кое-где попадались радуги.

— Подумаешь, — ответила Джоанна. — Тропиканцы многие годы воровали технические изделия, в основном блестящую ерунду. Мне нужны какие-то настоящие следы. Где Гери, Эдви и Тимор? Как нам их вернуть… — Голос ее оборвался, она тихо и грустно закончила: — И сможем ли мы их вернуть? — Она посмотрела на Равну. — Никогда не видела Джефри в таком расстройстве, даже когда он был еще маленький. Будто время Лугов Резни вернулось.

Глава 17

Прошла декада. Не нашли никаких следов Гери, Эдви или Тимора, но было нечто новое, происшедшее на кладбище: сотня стай и все оставшиеся Дети пришли и встали в снежных ветреных сумерках, провожая в последний путь Белль, части Помойки и почти всего Бизли. К добру или к худу, это было похоже на новую для стай традицию. Невил сказал всего несколько слов благодарности павшим Лучшим Друзьям и пообещал, что украденные Дети будут найдены. В память погибших высказались несколько человек и стай. Нашли даже что сказать хорошего о вечно сварливой Белль Орнрикак. Остатки Бизли стояли у могилы стаи, грустные и недоуменные.

Убийства и похищения объединили Детей как никогда прежде. Все дрязги стихли, все собрались вместе. Хотя от пропавших Детей не было и следа, какие-то нити нашлись. Среди краденых безделушек и игрушек на тропиканских санях нашли запасы еды, в том числе сиропно-зерновые палочки, годящиеся в пищу только людям. Кто-то собирался переправить украденных Детей

куда-то очень далеко. Невил сознался, что его руководство оказалось совершенно не готово к беде и спасательная операция обернулась позорным провалом.

Стало ясно, что у Домена есть внешний враг, явно интересующийся двуногими. Список подозреваемых открывался именами Хранителя и Магната. Что-то очень опасное существовало за границами Домена. На этот раз враг воспользовался марионетками — но что будет в следующий раз?

Невил и Резчица были вынуждены усилить сотрудничество. Добровольцами для наблюдений вызывались и люди, и Стальные Когти. Младшие Дети не появлялись без двойной охраны. Джефри и Амди оставались в городе, создавая систему патрулирования. Невил назначил специальную комиссию для выработки новых правил.

Два раза в декаду он на собраниях подводил итоги работы комитетов планирования. Безуспешные пока биологические проекты отодвинули в сторону ради нужд непосредственной безопасности.

Это отлично укладывалось в предупреждение Странника о том, на что может пойти режим, желающий оставаться у власти. Но сам Странник

был сейчас менее циничен:

— События были Невилу политически выгодны, но я не вижу, как он мог бы такое устроить.

— Не он сам, — ответила Джоанна, — но если Невил затеял интригу с Хранителем, то это как раз из тех событий, что могло бы произойти. — Она посмотрела на Равну: — Ты мне говорила, что у Невила в посольстве вид был ошеломленный.

— Да.

Джо кивнула:

— Я думаю, Невил заключил сделку с дьяволом и теперь не может ее разорвать. — Она на секунду замолчала. — А может быть, он абсолютно невиновен. Я сегодня снова говорила с Джефри. Если он пробудет в городе достаточно долго, я, быть может, разберусь, что у него под черепом варится. Джеф и Амди изо всех сил стараются не допустить, чтобы такое повторилось, — но я тебе скажу, этим простакам за невиловскими интригами не угнаться. Джефри говорит, что на самом деле нам нужны эти ручные пушки, о которых говорил Невил на вчерашнем собрании. С таким черным союзом, который предполагает Свежеватель, Джефри не примирился бы никогда. Но что-то Джеф недоговаривает. У Свежевателя было что еще тебе сказать?

Равна покачала головой:

— Нет, и ты это знаешь.

Они уже об этом говорили. Свежеватель показывался на собраниях, как правило, поддерживая Невила, и без своих обычных завуалированных инсинуаций. Помощи, которую он обещал Равне, пока видно не было.

Бешеная Девчонка с суровым видом скрестила руки:

— А я скажу, что Резчица должна взять Свежевателя за шивороты и поставить на допрос. — Она сердито посмотрела на Странника: — Что скажешь? Ты же видел сегодня королеву?

Странник оглядел сам себя по кругу — *смущенный*?

— Честно говоря, наш последний разговор был несколько более, так сказать, интимным, чем у нас бывало в последнее время. И до меня вдруг дошла одна очень верная мысль. Королева, боюсь, дальше будет действовать еще более ошибочно.

— Из-за этого щенка?

— Да. Гвн стал старше, но ситуация не стабилизировалась. Резчица знает, что он представляет собой проблему, но он настолько теперь стал ее частью, что ничего сама она сделать не может. Она мечется по кругу между совершенно разны-

ми состояниями ума, и я ее застал в приступе нежности.

— Угм. Сказал бы ты ей, чтобы выбросила этого мелкого Гвна, — сказала Джоанна, что никак не было похоже на ее мягкосердечное отношение к индивидуальным элементам стаи.

— Ха. Даже в разгар приступа любви, подозреваю, такое предложение вызвало бы очень отрицательную реакцию. Прежняя Резчица никогда бы не дала себе так далеко забрести. Она знала, заводясь со мной, что отказывается от нескольковековой стабильности, но мы никогда не думали, что ее так занесет. Хорошая сторона в том, что она знает о существовании проблемы и старается с этим как-то справиться. Думаю, что ей в конце концов удастся. А тем временем она мечется от крайности к крайности. Она полностью поддерживает планы Невила ужесточить систему безопасности. Иногда она видит в Невиле подходящего союзника. Иногда она к нему относится так же подозрительно, как и мы, считает его марионеткой Хранителя — или Свежевателя. Конечно, она не может наложить когти на Хранителя, но рассматривает именно то, что предложила ты: Свежевателя поставить на допрос!

Прошло пятнадцать дней. Свежеватель-Тиратект сидел где-то в Старом замке на Скрытом Острове под необъявленным домашним арестом. Равна думала, учитывая известные ей тайны, что на самом деле его там может и не быть. Но одно было определенно: с Равной он все еще не говорил.

Она продолжала скрыто следить за деятельностью Невила в сети. Невил и Били были так же неуклюжи и осторожны, как всегда. Их попытки за ней шпионить были бы смехотворны, даже не будь у нее прав командира. С другой стороны, у Невила был полный контроль над орбитальным модулем и над присвоенными им коммуникаторами. И были перекрестные ссылки данных, которые Равна проследить не могла.

Вопреки трагедии и паранойе Равна находила и положительные моменты: первый полет «Взгляда Сверху — 2». Этот монстр, размерами напоминающий небольшой межпланетный торговый корабль, хотя он и был ограничен нижними слоями атмосферы и грузоподъемностью обладал меньшей, чем антигравитационная шлюпка, все равно как транспорт был относительно быстр. Невил был прав, когда сказал, что «ВС-2» революционизирует спасательные опера-

ции Домена.

Тем временем Равна работала над своим проектом Холодной Долины и занималась разработкой огнестрельного оружия, которая была ей официально поручена. Оба проекта требовали совместной работы с Тщательником. По его запросам она приезжала к нему на Северную Сторону, и это было почти как в добрые старые времена — до «Группы изучения катастрофы», до Невила и убийств.

Коттедж Равны был менее чем в пяти тысячах метров от Северной Стороны, но чтобы туда попасть, ей приходилось идти к фуникулеру и спускаться вниз к Внутреннему Каналу. Пролив был почти еще весь покрыт льдом, но от дождя на нем образовывался десятисантиметровый слой ледяной каши. Перебраться через нее — это была неприятная комбинация плавания на лодке и езды на санях. Остальная часть дороги тоже была немногим лучше, хотя стаи Свежевателя прокопали вдоль улицы дренажные канавы в ледяных сугробах. Так что только через полтора часа после выхода из дому Равна оказалась в кабинете Тщательника у каменоломни Северной Стороны. Она все еще просыхала с дороги, когда Тщательник вылез из своих реторт и электроники.

— Привет, Тщательник! Зачем я тебе понадобилась лично? Оружие или *Холодная Долина*?

Очень надеюсь, что Холодная Долина.

Если бы не теперешние опасности, она бы только ею и занималась.

— И то и другое, — буркнула стая. — Или ни то и ни другое. Начнем с веселого. Ты совсем высохла? А то мне все закапаешь.

— Высохла.

— Тогда ладно.

Он подвел ее к испытательному стенду возле стены. Там громоздились коннекторы и кабели, самодельные батареи и регуляторы напряжения — доисторическая техника, на которую у Равны и Тщательника ушли годы. Почти невидимый, лежал посреди всего этого сантиметровый мазок углерода на стекле. Тщательник с помощниками осторожно выделили эту пластину из массива десяти тысяч таких же, потом подключили силовые провода и шины данных.

— Мы только сегодня утром закончили устанавливать, — сказал Тщательник. — Я кое-что уже протестировал, но хочу, чтобы ты видела.

Он сгрудился возле стенда, перебрасывая носами переключатели, сам исправляя свои ошибки. Часть Тщательника сильно постарела. Белого-

ловый почти оглох в нижних частотах, и Равна поняла, по тому, как его близко окружают его товарищи, что на ультразвуковых частотах мыслезвука у него те же проблемы. Тщательник же заявлял, что если будет суетиться, подбирая элементы помоложе, то потеряет целеустремленность. Может быть, он и прав — если посмотреть, что стало с Резчицей.

— Вот! Видишь? Правильно настроил. Двоичный код двенадцати на верхних шинах, двоичный код семнадцати на нижних. — Он повел носом на узор лампочек, потом показал на третий ряд под первыми двумя: регистр выхода. — Двенадцать плюс семнадцать — двадцать девять!

— У тебя получилось, Тщательник! — почти прошептала Равна.

Тщательник приосанился, но потом от самого честного своего сердца ответил:

– *У нас* получилось. Это сделали ты, я и инженерные программы «Внеполосного». Мы втроем, и еще группы на севере и здесь. — Головы его мотались почти как у маньяка. — Я целый день провел, возясь с этой схемой. Я попросил «Внеполосного» прислать тесты на разных скоростях, проверил результаты. Наш маленький сумматор работает надежно на скорости сто тысяч опе-

раций в секунду, и работает уже *часами*! — Он глянул на нее. — А конструкция, которую мы сейчас делаем в Холодной Долине… — та, что доставили Джоанна и Странник как раз перед похищением, — это гигантский шаг по сравнению с ним, но уверен, она тоже заработает. Там те же стомикронные размеры. Представь себе, что мы объединяем синхронизирующие часы, память и систему команд в одно целое!

Равна кивала головой. Следующий шаг — профильтровать конструкции процессоров тысяч цивилизаций, найти оптимальную для гротескно-примитивной ситуации Холодной Долины.

— Но такую штуку, — сказала она, — куда муторнее будет подключать к проводам.

— Ага, как вязать ткацкие узлы. Тысячи часов. Но через год у нас будет десять или двадцать собственных процессоров. Тогда начнем делать чипы для видео. Это еще более муторная будет работа для лап и рук…

— Но за десять лет создадим свою автоматику. — И подключать провода будут машины. Это будет начало того, что она обещала Детям. Хилое начало, но его будет достаточно. — И тогда начнем уменьшать размеры.

Этот переходный момент всегда отмечает на-

чало технологической цивилизации.

— Ага, ага.

Тщательник давно был знаком с историей из архивов «Внеполосного».

Минуту они смотрели друг на друга, скалясь, как идиоты. Довольные-довольные идиоты. Ей бы очень хотелось поиграть с коннекторами, самой создать автоматическое сложение. Такие вещи сами по себе не впечатлили бы никого из Детей, кроме разве что Тимора. Он…

Ему бы понравилось.

И эта мысль снова вернула ее к теперешнему ужасу. *Потом поиграешь с железками.*

Она отступила от чуда, и улыбка ее погасла.

— Кажется, ты еще о чем-то хотел поговорить, Тщательник?

Головы стаи еще секунду покивали, но наконец и Тщательник спустился на землю. Он подошел к окну, посмотрел вниз, в каменоломню, может быть, на синие вспышки там, где его бригады сваривали ребра и фермы. Началась работа над большим воздушным кораблем, очевидно, с именем «Взгляд Сверху — 3». Насчет имен у Тщательника воображения не было.

Но когда Советник по науке отвернулся от окна, то не для разговора о «ВС-3».

— Ты знаешь, эта идея Невила насчет миниатюрных пушек — реально глупость.

Это был основной технологический ответ Невила на похищения, и приоритет эта программа имела даже выше, чем новый воздушный корабль. «Личная защита для всех» — таков был лозунг этого проекта. Большинству Детей эта идея весьма импонировала. Конечно, Равна всегда знала, что очень маленькую пушку можно сделать: все ранние цивилизации через это прошли. Беда была в том, что такие пушки легко выпускать массово, а у Домена без того военное превосходство в регионе. И лучше не давать другим странам ключ, пока это не будет необходимо. Кроме того, у «Внеполосного» было множество идей, как можно будет повысить эффективность личного оружия, когда Домен сильнее разовьется технологически.

— Тщательник, ты же слышал, что Резчица одобряет идею личных пушек.

Например, на последнем собрании, что проводится два раза в декаду.

Стая раздраженно хмыкнула.

— Мы с тобой такое оружие обсуждали. В принципе эта идея умеренно дурацкая, в текущей ситуации, быть может, необходимая. А глупа на

самом деле реальная конструкция.

Он послал свой элемент через комнату за чертежом и сунул чертеж в руки Равны.

Графику делала Равна по общему описанию Невила. Она уставилась на лист бумаги.

— Да, я включила подавитель вспышки и глушитель. — Их не было в списке пожеланий Невила. — Ты хотел ствол подлиннее?

— Ну да. Ты же не хочешь, чтобы эта штука плевалась *тебе* в лицо? — Тщательник повредил слух Белоголового в экспериментах с первыми полевыми пушками. — Но это мелочь. Ты посмотри вот на это — как ты его называешь? — рукоять.

Эта деталь тоже была идеей Невила, но Равне она казалась достаточно разумной.

— Сделано по образцу топорища для челюстей, Тщательник.

Но если повернуть боком, нижняя половина была очень похожа на рукоять давно исчезнувшего пистолета Фама.

— Глупости! — Весь Тщательник, кроме одного элемента, подскочил и вырвал бумагу у нее из рук. — Для человека с его пальцами и длинными руками просто держать, стрелять и перезаряжать такую штуку. Но для стаи — смотри: элементы-помощники должны обойти вокруг и встать с

каждой стороны, высовывать морды *впереди* стреляющего. Идея патронов и обойм разумная, но я не могу себе представить, как подлезть под дуло, чтобы перезарядить обойму.

Равна посмотрела на картинку. И правда надо было прогнать предложения Невила через конструктор «Внеполосного», учитывающий особенности других видов. А так получилось оружие для людей.

— Можешь предложить какие-либо изменения?

— Могу над этим подумать. — Он снова выглянул в окна, вниз. — Уж если приходится тратить время, так хотя бы с толком. — Тщательник вытащил из седельной сумки чистый лист и начал рисовать. — Вот так. Ствол подлиннее улучшит точность, а еще — облегчит стрельбу, зарядку и чистку…

Несколько минут они оба — в основном Тщательник, потому что Равна без помощи «Внеполосного» была конструктором туповатым, — набросали некоторое количество характеристик. Неудивительно, что получился не пистолет, а скорее нечто вроде орудия, обслуживаемого расчетом.

— Но я уверен, что человек в одиночку тоже с

этим отлично управится. А теперь…

Он посмотрел вверх, будто прислушиваясь. Равна слышала только продолжающийся грохот камнедробилки — но один из элементов Тщательника, все еще оставшийся у окна, прильнул к стеклу, стараясь глядеть прямо вниз.

Значит, он кого-то ждет. Равна подошла к окну и тоже прильнула к стеклу, закрыв руками отражение ламп. Сквозь дождь сверкали вспышки сварки. На карнизах лаборатории блестела сосульками замерзающая вода. Проследив за взглядами Тщательника, Равна увидела пролет шаткой деревянной лестницы, поднимающейся зигзагами от каменоломни к лаборатории и кабинету Тщательника. В сумерках виднелись поднимающиеся цепочкой темные фигуры. Очевидно, три стаи. Вспышка сварки высветила среднюю — семерку в тяжелых дождевиках, в том числе один маленький ехал на плечах самого большого.

Королева Резчица.

Первый телохранитель Резчицы вошел на площадку, расположенную за дверью Тщательника. Равна его не узнала. Через минуту он распределился по периметру здания, ведя круговое наблюдение. После этого по одному появилась

Резчица. Она постояла минуту у портика, снимая плащи и отряхивая воду, пробившуюся через шерсть. На Равну она посмотрела испытующим взглядом, потом вошла в дверь, впустив холодный воздух.

— Худшее время года — весна, — сказала она. — Уж хотя бы зимой нас не навещала. — Два ее элемента смотрели прямо на Равну. Адский Щенок таращился на лабораторные приборы горящими проказливыми глазами. — Но у вас куда более экстремальные внешние условия, не правда ли, Равна?

— Да, верно. Настолько экстремальные, что адекватная защита предохраняет посетителей от тех неудобств, что испытываем мы.

У нас действительно вполне цивилизованный разговор!

Тщательник отодвинулся к дальней стене лаборатории, за экраны, достаточно толстые, чтобы он мог участвовать в разговоре, не препятствуя мыслям Резчицы.

Она кивнула в его сторону:

— Мы здесь одни?

— Да, моя королева. И все, что может нас подслушать, временно отключено.

Щенок прыгнул на лабораторную скамейку

и стал обнюхивать коннекторы и аккумуляторы. Остальная Резчица расположилась вокруг Равны.

— С тобой куда проще было работать, чем с Невилом.

Равна кивнула. Резчица секунду помолчала.

— Прости, я хотела сказать комплимент. Даже извинение. Я знаю, что *со мной* стало трудно иметь дело. Конечно, мой… Странник достаточно сплетничал насчет моего умственного состояния?

Как на это ответить? Равна попробовала нечто вроде честности:

— Странник говорил, что твое новое добавление… отвлекает.

Резчица тихо засмеялась:

— Какое восхитительное преуменьшение! — Шесть ее взрослых элементов смотрели на маленького Гвна. Адский Щенок смотрел в ответ невинными глазами, всей своей позой говоря: «Что случилось?» Конечно, это было человеческое впечатление Равны. А Резчица продолжала: — Всего век назад я бы не пошла по этой дороге. Ни за что бы не согласилась с безумным псарничеством Гармония красные куртки. Но это было до того, как наш милый Странник сделал из меня

авантюристку. Сейчас у меня в головах каша круче, чем бывала за все время, что я себя помню. Гвн меня едва не уничтожил еще до того, как я осознала опасность. Я все еще ищу равновесия. У Странника есть предложения, но пока что… — В основном она смотрела на Равну, когда сказала: — Просто чтобы ты знала: даже когда мы не будем согласны, я буду верить тебе, Джоанне и Страннику больше, чем кому бы то ни было.

Равна кивнула. *О Силы небесные*!

— Спасибо.

— А тем временем сложилась опасная ситуация, с которой надо что-то делать.

Она замолчала, будто задумалась. Тщательник от противоположной стены спросил:

— Ты имеешь в виду Невила и его интриги?

Два тела Резчицы подняли головы:

— Да. Я тщательно присматриваюсь к Невилу с момента низложения Равны. Он хочет подчинить себе Домен, но он не такой умный, как сам думает. Вопрос в том…

Голос Резчицы задумчиво затих. Тщательник пришел ей на помощь:

— Вопрос в том, что Невил — чья-то марионетка, какой-то стаи, куда умнее, чем он.

На этот раз поднялись все головы Резчицы:

— Тщательник! Будь добр, перестань перебивать. И без того твои одержимые мыслезвуки трещат по всей комнате и думать мешают.

— Виноват! Виноват!

Ее головы снова повернулись к Джоанне, щенок последним.

— Убийства и похищения идеально сыграли на руку Невилу. Было ли это случайно? Если да, то мы — мы с тобой, Равна, — не должны особо переживать по поводу его амбиций. Но ты знаешь намеки Свежевателя, что это все — работа Хранителя. Если это так — или, хуже того, Свежеватель ведет двойную игру, — то нас переиграли. — Она замолчала, думая. — Невил хотел бы заставить нас поверить, что за нападением стоят тропиканцы. Я десять лет наблюдаю за этой толпой в посольстве. Очень трудно поверить, что они могли бы такое организовать.

— Божидар был достаточно умен, — ответила Равна. — По-своему. Джоанна думает, что в тропиках многое могло поменяться за последние десять лет из-за торговли с нами.

Резчица недоверчиво и коротко взвыла, потом пояснила:

— Что это изменило бы в Хоре на десять миллионов Стальных Когтей?

Равна улыбнулась:

— Примерно так же ответил Странник.

— Я знаю. Я сегодня говорила с ними обоими. Сегодня моя очередь приносить извинения и искать примирений. Но если Невил — чья-то марионетка, то Божидар и его толпа — ключ к этой операции. Мы не меньше пяти лет вынюхиваем возле Восточного Побережья, пытаясь узнать больше про Магната, Хранителя или кто там еще есть. Мы смотрим не в ту сторону? Если за Божидаром кто-то стоит, это объяснит нам многое. Такую возможность надо проверить.

— Послать Джо и Странника к тропикам! Ой, прости.

Резчица махнула головой в сторону Тщательника:

— Вот как он говорит. Это надо было сделать очень давно. А прямо сейчас Джо и Странник перелетают устье Шкуры.

Равна знала, как огромны континентальные тропики, даже если не считать Великих Песков.

— Отрицательный результат ничего не докажет.

Маленький Гвн клацнул зубами в воздухе, но тон стаи остался рассудительным.

— Это правда, но это будет начало. Учитывая,

что случилось, мы должны уделять тропикам внимания не меньше, чем Длинным Озерам и Восточному Дому.

— Да.

— И я хотела предпринять эту рекогносцировку до того, как Невил и его друзья узнают, что мы ее задумали. У Джоанны и Странника была та же мысль. Невил думает, что сегодня мы направляемся к Доменной Горе, а на самом деле мы собрались куда дальше.

Один полет на шестьдесят километров, другой — на несколько тысяч, но для антиграва они примерно одинаковой трудности. И все же…

— Я… мне хотелось бы, чтобы мы все сперва имели возможность это обсудить… Королева.

— Зачем? Они оба хотели взглянуть. Это первое путешествие займет всего день-другой, не как прежние экспедиции к Восточному Побережью. До возвращения они будут хранить радиомолчание.

— Я думаю, есть серьезный шанс, что Невил все равно узнает об этой экспедиции.

— И что? — возразила Резчица. — Это тоже аргумент для нас действовать быстро. В истории с убийствами и похищениями меня полностью обыграли. И с тех пор Невил только и делает, что

напирает. Я хочу знать, с кем мы имеем дело, пока нас снова не застали врасплох. — Она огляделась. — И поэтому тоже нам нужно поговорить. Хватит тебе вести себя как дура. Невилу нужны твои технические советы, но если он поймет, что мы работаем вместе, это тебя не защитит. Если он — орудие Хранителя, то реакция почти наверняка будет насильственной. И я хочу, чтобы у тебя были телохранители. Здесь со мной четыре стаи, которые тебя доставят домой — это в дополнение к тем, которых ты, очевидно, до сих пор не заметила. — Она улыбнулась, увидев выражение лица Равны. — Сегодня я усиливаю твою охрану.

Кивали в улыбке все ее головы, в том числе маленький Гвн.

Три часа спустя Равна наконец вернулась в свой особняк на Холме Звездолета. Сегодня произошло столько событий, сколько еще не бывало за один день после Битвы на Холме Звездолета — и никто, совсем никто при этом не пострадал! Мозг Равны работал сверхурочно, мечась между торжеством, планами и тревогами. Очень скоро из Холодной Долины пойдут тысячи и тысячи процессоров и видеокомпонентов — куда больше, чем можно будет подключить к приборам, которые строит Тщательник. Потребуется несколько лет тяжело-

го ручного труда, пока комбинация интегральных микросхем и конструкторских программ «Внеполосного» создаст новую технику, но после этого жизнь Детей и Домена преобразится. Польза для каждого будет неимоверная. Поэтому вопрос, быть может, надо ставить так: насколько Невил представляет собой зло? Если он не партнер в убийствах и похищениях, то могут, конечно, быть реальные компромиссы, которые не унизят его, и при этом позволят развивать проекты, которых хочет Равна.

А если Невил — марионетка Хранителя или еще кого-то? Может быть, удастся убедить его разорвать союз. А если нет… наверное, все будет определяться тем, что найдут Джо и Странник в этом новом поиске. *Жаль, что сейчас с ними не поговорить.* По крайней мере день или два, чтобы сохранить тайну экспедиции. Но что они могут найти за один разведывательный полет, даже в сердце Хора? Вероятнее всего, это только начало серии полетов — а такое никак в тайне не сохранишь.

Равна бродила по дому, перебирая варианты. Через окно видны были новые охранники, предоставленные Резчицей. Ничего в них скрытого не было. Перемена настроения королевы — или

ее успех в контроле собственного настроения — были триумфом почти таким же, как и другие события этого дня. Но оно будило тревогу, отъедавшую края у вызванного успехами оптимизма. Слишком много завязано на настроение Резчицы и ее стабильность. У королевы все же бывают приступы гнева, провалы внимания и памяти. Битва Резчицы с собственной паранойей еще не окончена.

Мысли Равны разбегались во всех направлениях: новые догадки, новые тревоги. Если бы только у нее был доступ отсюда к «Внеполосному»! *Надо было мне пойти туда сегодня.* Там было то, чего ей сейчас не хватает.

Прошел час. Два. За окнами второго этажа замерзала глянцевым льдом изморось, застывала коркой, сверкающей под случайными лучами уличного фонаря. *Поспать надо бы.* Завтра она поговорит с кораблем, может, найдет способ пообщаться с Джоанной и Странником.

В конце концов она смогла себя уложить.

Лежа в темноте, она слушала, как дом погружается в ночной мороз. Очень шумные все эти дома. В детстве «в доме» и «на улице» были незаметно разделены, и все слышимые звуки были намеренно введены в среду. Обычно это были

звуки, издаваемые живыми существами: летучие мыши, птицы, котята. Конечно, звуки и среду можно было сделать какую хочешь. Сестра Линн была без ума от Тишины — еще одна несносная черта сестрицы. Они с Линн всегда воевали из-за звуков.

Здесь, в дикой природе — Равна считала дикой природой всю планету, — звук когда-то был царством Стальных Когтей с их невероятным слухом и акустическими ухищрениями. Там, где Стальные Когти не участвовали в строительстве, звуки могли быть любыми. Первые декады, пока к ней не вселились Джоанна и Странник, Равна почти не спала. Ночью кто-то топал. Слышались щелчки и стоны, и, как бы она их ни объясняла рационально, звучали они очень угрожающе. И повторялись они ночь за ночью. Некоторые стали почти успокаивающими…

Наверное, она заснула на какое-то время…

Какие-то новые скрипы. Как будто кто-то есть на входной лестнице.

Равна тихо перешла в гостиную. Тихо? Любая стая ее бы услышала! С другой стороны, если крикнуть, то охранники с улицы будут здесь в секунду.

Она подвинулась к окну, следя, чтобы не был

виден ее силуэт. Тишина, блеск снега…

И ни единой стаи. Ни следа.

Скрипы на лестнице прекратились. Равна чуть повернула голову: отсюда она частично видела лестницу. Пусть стая неслышима для нее, но на помощь человеческим ушам могут прийти человеческие глаза.

Стены были не совсем темными, и… она увидела тени, очень похожие на головы двух элементов. Стая кралась вверх.

Если я поверну голову, они услышат, услышат плоскость лица.

Равна повернулась и бросилась к задней двери.

Приглушенный визг, стук лап по ступеням передней лестницы. Равна рванула дверь, проскочила вперед и захлопнула ее за собой. Шипение взломщика стало громким, и в тот же миг его тела ударили в дверь. Равна уперлась в панель. С этой стороны запереть дверь было невозможно, и только сила и вес Равны держали ее закрытой. Она пошарила вокруг, нашла выключатель. Лестница была как раз ширины плеч, и хотя дом был построен для людей, потолок всего метр пятьдесят. Ступени завалены походным снаряжением и мусором, который притаскивали из своих экс-

педиций Джоанна и Странник. Они хвастались, что всегда путешествуют налегке, но любили прихватывать сувениры.

Чуть дальше, чем на расстоянии руки, находился пучок шестов, каждый заканчивался коротким зловещим лезвием. Равна попыталась достать до него ногой, чуть отодвинувшись от двери. Стая теперь колотила в унисон. Дверь приоткрылась, просунулась лапа с когтями. Равна резко захлопнула дверь, что-то хрустнуло. Элемент издал резкий свист боли, лапа отдернулась. Настал момент тишины — очевидно, пока тот, кто там за дверью, успокаивал боль. Равна развернула шесты, уперла их тупые концы в перила лестницы. Два или три лезвия она всадила в дверь, остальной пучок оказался у нее в руках, развязанный. Отлично! Она все шесты, кроме одного, всадила в разные места двери. И когда снова с той стороны начали стучать, дверь уже была заклинена куда надежнее, чем когда Равна ее изо всех сил подпирала.

Потом она перебралась через ящики и мешки, толкая оставшийся шест впереди себя. Он был слишком неуклюжим, чтобы человеку с ним маневрировать, и наплечные лямки для человека бесполезны, и древко внизу неуклюже изогнуто.

И все же шест был длинный и с острым предметом на конце.

Вещей, которые притащили Странник и Джо, больше всего было внизу: палатки, снаряжение, упряжь, сапоги. *Сапоги*. Равна натянула старые сапоги Джо и выглянула в окошко наружной двери. Смотрела она в поле за домом. Далеко на холме виднелись редкие огни города. Вокруг тьма кромешная, но никаких признаков других членов банды не было.

Может быть, они все в доме — шума наверху достаточно. У кого-то были топоры. Верхняя дверь задрожала, от нее полетели щепки. Блеснуло прорубившееся лезвие.

Равна обернулась к наружной двери. Шириной всего в один элемент, заперта на засов. Равна приподняла засов и толкнула — заело! Пригнувшись, Равна надавила изо всех сил, дверь приотворилась. Равна вылезла на холод. Стая позади прорубилась через верхнюю дверь. Рухнули ящики и коробки под ногами атакующего, почти завалив проход.

Драгоценные секунды. Она воткнула плечевой шест в лед, опираясь на древко, чтобы не упасть, выпрямляясь. Под сапогами Джо свежезамерзший лед ощущался гладким как стекло. Равна

двинулась вперед, опираясь на шест, скорее скользя как на лыжах, чем шагая. Из дома донеслось громкое бульканье.

Если добраться до дороги, опередив бандитов, там могут найтись свидетели и даже защитники. Равна согнула колени и оттолкнулась шестом. От каждого толчка она катилась почти пять метров, опираясь для равновесия шестом на слегка шероховатый лед. Отталкиваясь, она продолжала скользить. *Надо ли звать на помощь?* Вряд ли ее еще видно от задней двери и из верхних окон. Может быть, она оторвалась от преследователей!

Прямо внизу лежала Дорога королевы, пустая, освещенная уличными фонарями. Равна оттолкнулась вперед — и оказалось, что на склоне вода замерзла не стеклянной гладкостью. Вспыхнула боль в ударившемся о лед бедре, и Равна поехала, вертясь, по этой стиральной доске.

Ее вынесло на свет, прямо под фонарь. Перевернулась, встала на колени. Как-то она умудрилась не выпустить шест с лезвием. В ближайших домах на дороге стали зажигаться окна, навстречу ей… Амди и Джефри! Они бежали бегом, когти Амди сверкали льдом, и два его элемента страховали Джефа от падения. Стая-девятка остановилась вокруг нее, Джефри протянул ей руку.

— Давай, — сказал он.

Она ощущала вокруг себя, как помогает ей Амди, поддерживая Джефри. Всего минуту она ощущала теплоту там, где ее обнимали его руки, и пронизывающий холод повсюду, где их не было.

Потом она увидела, что по крайней мере одна стая катится вниз по ступеням ее дома. Другая скользила, растянувшись, по переулку. Вдруг руки Джефри напряглись, дернули ее вверх, отрывая от земли.

— Держу! — крикнул он тем стаям.

Остальные стаи окружили их, мельтеша, повсюду стальные шипы и арбалеты. Краем глаза она увидела закрытую фуражную телегу, выползающую в свет фонаря.

— Держи, чтобы не брыкалась!

Кто-то схватил Равну сзади за шею и с размаху ударил головой о борт телеги.

Глава 18

Джоанна любила летать на антиграве, но иногда — как, например, сейчас — это бывало слишком захватывающе. Проглотив пытающееся выскочить сердце, она глянула через кабину на Странника:

— Сколько у нас высоты осталось?

— Не волнуйся! — пришел жизнерадостный ответ. — Клиренса пока хватает.

Джоанна выглянула в дождливую темноту. Они пролетели, болтаясь и трепыхаясь, через сотни километров тропиканской территории. Как раз перед дождем внизу появились огни — приготовление пищи? Жертвоприношения? Подробностей она не видела, запаха дыма не ощущала, поэтому решила, что шлюпка на высоте не менее тысячи метров. Может быть, внизу все еще джунгли, но Странник утверждал, что слышит несмолкаемый рокот голосов. Если внизу город, то он не меньше урбанизированных территорий Страума.

Шлюпка дернулась вперед, чуть не перевернувшись. В этом полете такое бывало часто. Странник бросился выравнивать антиграв. Если

бы у него не получилось, они бы снова застряли в полете брюхом кверху, а это утомительно. Но на этот раз он справился и вернул шлюпку в правильное положение. Они безмятежно летели еще несколько секунд сквозь темноту, как будто на настоящем самолете.

— На самом деле, — сказал Странник, — высота семьсот пятьдесят метров.

Все его глаза следили за мигающими дисплеями. У Джоанны от одного взгляда на них начиналась головная боль, а в этом полете они все время напоминали о более серьезных проблемах. За много лет больше половины датчиков отказали полностью или стали гнать ошибки. И почти единственными устройствами отображения земли остались для Джоанны и Странника их собственные глаза, смотрящие из открытых окон и сквозь участки корпуса, не перекрытые заплатами антиграва.

По расчетам до более или менее безопасного места приземления, где болотистые берега реки переходили в океан, оставалось около десяти километров. Обычно наилучшая навигационная информация поступала со спутника, висящего на стационарной орбите, но сегодня они ею не пользовались.

— Ты опять придумываешь цифры из голов? — спросила она.

Собакообразная голова повернулась к ней, морда погладила ее по руке.

— Ага, — ответил он, — но только последние значащие цифры. — И естественно, теперь, когда они опустились действительно низко, Странник *слышал* землю. — Небольшая неточность того стоит. Наверняка Невил и компания даже не заметили, что мы летим сегодня не к Доменной Горе.

— Ага.

Завтра они быстро глянут — и уносить ноги.

— Ерунда, в общем, — сказал Странник. — Только давно надо было это сделать.

Ливень не ослабевал, но ветра практически не было, и шлюпка плыла в воздухе со скоростью нескольких метров в секунду. Странник утверждал, что управление улучшается, когда на полу кабины скапливается вода.

Они спустились по-настоящему низко; в воздухе стоял легкий запах сточных вод и животных. Эти запахи не были неожиданностью: моряки и фрагменты тропиканцев говорили о самых больших на планете городах, невероятно густонаселенных. Бездумная урбанизация, уничтожившая

когерентную мысль, — не зря ее назвали Хором Хоров.

— Они громче обычного, — сообщил Странник. — Какая-то толпа поет вместе. Но вроде бы им это нравится, судя по звуку… ха, это может быть непрерывный секс.

Они спустились так низко, что Джоанна снова увидела огонь, но он почти все время был скрыт, только иногда вспыхивал там и сям, да вставала кое-где стена дыма. Джоанна посмотрела направо и *вверх*.

— Странник! Это что-то летающее?

Шлюпка качнулась — два тела Странника повернулись посмотреть, куда она показывает.

— Ничего не вижу. Но шумы действительно странные.

Поскольку орбитальный модуль оживили, были попытки спутникового наблюдения за континентом — в том числе за тропическими землями, которые ни одна стая никогда не исследовала. Проблема была в том, что оптика модуля состояла практически из световых датчиков, дававших разрешение на местности около тысячи метров — куда хуже того, что показал на подлете «Внеполосный» десять лет назад. Сейчас антиграв должен был перелетать устье Шкуры.

Здесь располагались самые плотно заселенные поселки — как по наблюдениям «Внеполосного», так и по морским легендам.

Таинственный свет погас, но Джоанна поняла, что слева от нее, мерцающее, еле заметное, находится созвездие огней. Что-то большое и неподвижное — форму не определить в такой дождь.

— Мы на четырехстах метрах, прямо на пути к нашему болотистому ночному укрытию. Слушай, я тебе говорил, как я — или почти-я — провел здесь декаду пару сотен лет назад? Вот тогда я ближе всего подобрался к Хору. — Он снова замолчал, прислушиваясь. — Шум толпы стих. Наверное, болото уходит в глубь суши дальше, чем мы думали. Могли бы, наверное, сесть прямо здесь.

— Но давай не надо? — попросила Джоанна.

— Ладно, не станем. Но завтра будет интересно. Даже не орудуй тут Магнат, столько тут всякого, чего мне много лет до смерти хотелось увидеть…

Раздался громкий шум. Шлюпка сделала сальто и понеслась к земле.

— Странник!

— Это не я! — крикнула пятерка, явно борясь с рычагами управления. Такого Джоанна не помнила, разве что в те разы — как в давнем-давнем

«случайном» полете Странника к луне, — когда он сам создавал ситуацию. — Подъемная сила слева упа…

Шлюпка перевернулась и закачалась туда-сюда на единственной опорной точке с правого борта. Бывало, что антигравитационной ткани удавалось договориться с законами физики, как ушлому адвокату. Возможно даже, что сейчас подъемной силы окажется больше, чем раньше.

А может быть, и нет: что-то щелкнуло, и они снова начали падать. Странник собрался вокруг Джоанны, двое из его элементов высунули головы, щелкая челюстями на дожде. Каким-то чудом он ни одного из себя не потерял и через секунду вернулся, зажимая тугую ткань.

— Держи! — сказал он. — Не выпускай!

Она взялась за край оставшейся антигравитационной ткани. Та задергалась в руках, будто живая, стараясь вырваться. Остальное подхватил Странник всеми своими пастями, дернул ее туда-сюда, чтобы удержать лодку в воздухе, но теперь уже без всякого автоматического управления.

— Не вылезем! — крикнул он.

Но они уже не падали — *опускались*, просто намного быстрее, чем это безопасно для здоровья.

Что-то стукнуло их справа, потом слева, снова

справа… и ошеломляющий удар снизу. Может быть, Джоанна потеряла сознание. Помнила потом, как голос Странника сказал прямо ей в ухо:

— Звучишь живой. Это правда?

Значит, это не бред.

— Да, — ответила она наконец.

— Ха! Еще одна идеальная посадка.

— Ты-то цел, Странник?

Стая ответила не сразу. Элементы устойчивее к ударам, чем взрослый человек, но у стаи в целом больше шансов на невезение.

— Кажется, моя Ллр переднюю лапу сломала. — Снова запинка. — Не обращай внимания. Мы сели в безопасном месте, далеко от звука Хора.

— Но до болот не долетели.

— Верно. — Он тихо засмеялся. — Даже ты, наверное, слышишь разницу. Мы спустились среди каменистых препятствий. Надо вылезти и оглядеться.

Он частично уже был снаружи, на земле.

— Ага.

Что-то все еще держало ее. Она задумалась, что было нелегко — в голове еще шумело. А! Она отстегнула ремни и выползла под дождь. Странник был прав: они приземлились на что-то твердое. Джоанна пошарила вокруг. Мелкие лужи,

ила нет. Может быть, выглаженный ледником камень или — пальцы нашли правильно расположенные трещины — булыжная мостовая.

Джоанна встала. Теплый, как кровь, дождь промочил ее сразу до нитки.

Стая сгрудилась у ее ног. Большой элемент Странника, Шрам, прижался к ней приятной теплотой.

— Посмотрим, что от шлюпки осталось.

Зажегся свет, смутно очертив одну из голов Странника. Фонарь был повернут вниз, и Странник так держал его в пасти, что свет шел в одном направлении. Он осветил шлюпку, и два его элемента тыкались в нее носами, наверняка проверяя звуком.

— Ну и ну, — сказал он. — Летать на этой штуке — нелегкая будет работа.

Шлюпка никогда не была особо красивой, а за многие годы от ремонтов Странника превратилась в лоскутное одеяло. Но сейчас у нее треснул корпус. Оставшаяся антигравитационная ткань рваными лоскутами тянулась вверх.

Странник вдруг резко потушил свет.

— Слышу разговор стай, — сказал он шепотом, направляя голос только ей в ухо. Джоанна почувствовала, как он вкладывает фонарь ей в

руку: — Включи его так, чтобы только для твоих глаз хватало света.

Джоанна кивнула. Она сделала свет фиолетовым и таким тусклым, что едва могла видеть землю под фонарем. Для стай, которые тут есть, он должен был быть невидимым. Странник весь, кроме Шрама, отполз назад в шлюпку и вытаскивал вьюки с аварийным запасом. Им уже случалось несколько декад прожить, пользуясь этим снаряжением.

Снова голос Странника:

— Я думаю, стаи, которые я слышу, ищут нас. Мы наверняка жуткий грохот устроили, когда садились.

Джоанна ответила почти беззвучным шепотом. Но Шрам, чья голова была на уровне ее пояса, наверняка все расслышал.

— Это обычные стаи?

— В том-то и дело. Мы должны были оказаться в середине бессмысленного хаоса Хора, а то, что я слышу, — это межстайный язык Восточного Побережья.

Так что если даже больше ничего не найдут, на главный вопрос этой экспедиции ответ есть. Проблема теперь в том, как передать эти вести Равне и Резчице. Ну и выжить тоже было бы

неплохо.

— Коммуникатор у тебя есть? — спросила она.

— Вот он.

Странник подталкивал ее дальше, прочь от места катастрофы. Тусклый фиолетовый свет показывал, что они идут между двух каменных стен. Кирпичных даже, с отличными прямыми углами и водостоками каждые несколько метров. Это была улица, и где-то над ними находились крыши с водосточными проемами.

— Конец пути открыт — и там уже нет голосов. Есть в такой ситуации некоторые преимущества, знаешь ли.

Странник ее веселил. Он так поступал, когда ситуация бывала… напряженной. Ну, у него за спиной пара столетий вполне удачного опыта выживания. Она решила подыграть:

— Ты о том преимуществе, что мы все еще дышим?

— И о том, что я все еще мыслю. Не разрушен ментально голосом Хора. Если найдем укрытие, то сможем действовать почти как привыкли. Ну, только не летать, конечно.

— Ага, да. И сможем доложить.

— Верно. А тут может оказаться наилучшее место для разведки. Может, мы тут выясним,

действительно ли эти ребята вертят твоим бойфрендом.

— Он мне не бойфренд!

Она чуть не сказала это в полный голос.

— Да не важно, — отозвался Странник. — В любом случае… — Голос у нее в ухе прервался. — Погоди секунду.

Джоанна повела фонарем вокруг себя. Ллр отстала. Она хромала на одну лапу, вьюк частично сполз со спины. Джоанна наклонилась и отстегнула его.

— Спасибо…

Но Джо на этом не остановилась. Она обхватила Ллр за задние лапы и подняла ее на руки.

— Эй, погоди! — сказал Странник. — Это уже лишнее.

Джоанна не ответила, просто пошла дальше, перебросив сумку через плечо, а Ллр брыкалась у нее на руках, как большой беспокойный младенец. Через секунду Странник вздохнул, сдаваясь, Ллр у нее в руках успокоилась и чуть прикусила ухо Джоанны — но лишь мягким кончиком пасти.

Они прошли еще тридцать метров по улочке, теперь уже быстрее. Это было хорошо, потому что теперь даже Джоанна слышала где-то позади

межстайное бульканье. Странник говорил, что слышит еще и «резкое шипение», очевидно, не являющееся элементом речи. Прямо впереди что-то показалось чуть более яркое, чем фиолетовый отблеск дождя. Каменная стена.

— Ты вроде говорил, что выход открыт? — спросила Джоанна.

— Тут поворот, — донесся шепот Странника. — Направо.

Теперь Джоанна услышала странный шум, о котором говорил Странник. И что-то яркое зажглось у них за спиной.

— Вперед! — сказала она Страннику, и они побежали к концу переулка. И как только они свернули, шум стал резче и яркий свет ударил сквозь завесу дождя, осветив стены у них за спиной.

От света они ушли, но прозвучал аккорд, который означал: «За ними!» — и послышался цокот металлических шипов.

Джоанна и Странник продолжали бежать, и Ллр передавала Джо указания, куда поворачивать.

Высоко перед собой она увидела отдельные вспышки света — это преследователи водили туда-сюда своим шипящим прожектором. Что-то вроде электрической дуги. Тщательник хотел

такие делать, пока Равна не нашла конструкцию низкой мощности, которую сделать легче. Такие дуговые приборы были яркими, достаточно яркими для Стальных Когтей — если наводить их аккуратно и не слепить себя.

Странник вел ее в ровном беге вдоль каменной тропы, расположенной чуть выше луж. Отраженный свет бешеной дуговой лампы противника выхватывал кирпичную кладку и деревянно-кирпичные стены — очень похоже на северные дома, только поросшие мшистой плесенью. Может быть, здесь северный стиль долго не держится. Они свернули за деревянные сараи, скрывшись от ищущего света.

Джо почувствовала, как напряглись когти Ллр, предупреждая. *Медленней*. Теперь их со Странником не видно, и надо только быть потише.

— Но нам нужно пробраться дальше, — сказала Джоанна.

Ллр Странника погладила ее по плечу, соглашаясь. Теперь они двигались так: стая шагала вперед на метр или два, прислушиваясь к шумам, потом давала Джо сигнал податься вперед вместе с Ллр. Звук погони за спиной несколько стих. Похоже было, что вокруг ходит несколько стай, переговариваясь друг с другом тихо, будто сами

смутились от поднятого ими шума.

Метр за метром Странник уходил прочь от восточных стай. Впереди на стене, прямо там, где они были бы через минуту-другую, запылал свет, потом ушел в сторону, через секунду на миг вернулся и снова исчез.

Джоанна села на каменную дорогу, переместив часть веса Ллр себе на колени.

— Может, стоит здесь на время спрятаться.

Слова она произнесла почти одними губами, но для Странника звука было достаточно. Он покачал головой или двумя, потом ответил:

— Видишь, как тут все разрушено, в ту сторону? — От некоторых зданий остались лишь груды гниющих бревен. — Я слышу впереди шум Хора. Похоже, мы выходим из какой-то зоны безопасности, которая защищает этих восточных придурков. Хотелось бы уйти так, чтобы их стряхнуть, но не так далеко, чтобы Хор разрушил мой разум.

— Понятно.

А что она еще могла сказать?

Шрам Странника пополз чуть вперед, высунул морду посмотреть на преследователей. И застыл. Джо ощутила, как напряглась Ллр.

— Хм. Джо, ты должна это видеть.

Она поставила Ллр на землю и подползла к Шраму сзади, почти распластавшись по осклизлому камню. Увидела четыре стаи метрах в пятидесяти. Одна из них светила дуговым фонарем. Просто чудо, что короткое замыкание еще никого не сожгло. Стая водила фонарем по кругу, и Джо отлично рассмотрела остальных. Две стаи ощетинились странного вида пиками, направленными в землю. Ха! Они были очень похожи на миниатюрные пушки, хотя совершенно не такие, как в конструкции Невила. И посреди всего этого стояла в командной позе многочисленная стая. Ее речь была почти неслышимой, но отрывистой и требовательной. Что же в этой стае такого знакомого? *Неужели это…*

Дуговой свет неосторожно полоснул по всем стаям. Стая-вожак была в легких плащах — практически просто карманы на ремнях. Один элемент повернулся так, что был виден его левый бок и белая полоса от задних лап до морды.

Десять лет назад именно его зубы шипели у горла Джо, а другой элемент тыкал ножом ей в бок, и стая злорадно предвкушала, как замучает ее до смерти.

Странник, очевидно, заметил, как ее поразило узнавание. Тихо сказал его едва слышный голос:

— Похож на Хранителя, правда?

Джоанна кивнула — сомнений у нее не было. Значит, это действительно Хранитель дергает за ниточки. *Кого?*

Странник похлопал ее по плечу:

— Они ослеплены. Пробираемся.

Он показал на брешь в бревнах впереди.

Если бы за ними гнались люди, это могло бы и не пройти, но свет был повернут в другую сторону от Джо и Странника, а стаи были ослеплены. Кажется, Хранитель по какому-то поводу ругался — может быть, как раз из-за дугового света в глаза.

Джо поползла по булыжникам, Странник вокруг нее. Наверное, он генерировал шум, поглощающий звук: таким синтезом он владел лучше многих стай. Через несколько секунд они вышли из пределов слышимости преследователей.

— Тихо и медленно, — сказал Странник.

Они тихо поползли вперед, медленно, и Ллр успевала без труда. Дома вокруг все еще были северного стиля, но дерево сгнило и рассыпалось. В бледно-фиолетовом свете фонаря видно было, что некоторые бревна почти полностью съедены грибком. Теперь и вода несла миазмы: пища, сточные воды, гниение, запах тел мириадов

Стальных Когтей. А впереди слышался распев — или это только ей кажется?

Странник будто почувствовал ее напряжение.

— Ты тоже что-то слышишь, — сказал он. — Они все время шумят.

— Как ты это выносишь?

— Дождь и туман почти полностью демпфируют мыслезвук, но мы движемся к чему-то… чему-то чудовищному. — Джоанна видела, как Странник реагировал на посадку звездолета. Даже тогда его захватил энтузиазм любопытства, но сейчас в его словах слышался страх. Потом он снова потянул ее вперед и вроде бы обрел свое обычное присутствие духа. — Я и ближе могу, намного ближе. Куда ближе, ручаюсь, чем Хранитель и его компания.

Да, похоже, что погоня их потеряла. Джоанна видела иногда вспышки дуговой лампы, но это было далеко слева. Еще она слышала тихие разговоры, но это вроде бы справа. Преследователи шли вперед, но не прямо к ней и Страннику. Они боялись вызвать реакцию Хора? Может быть, самая тут большая загадка, как Хранитель и его приятели вообще выживают в этой среде. Что мешает Хору залить эту территорию и уничтожить все когерентные стаи?

Джо посветила фиолетовым фонарем на груду щебня впереди. Это не были развалины домов северного стиля. Мокнущая масса выглядела как мусор, собранный в кучи, похожие на гнезда. Когда-то Джоанна видела гнездо хорьков — мельком, пока его обитатели пытались ее убить. Она вздрогнула от страха, представив себе, какими были бы эти твари, будь они размером с элемент стаи.

Она направила свет вверх. Фиолетовый луч терялся в струях дождя, за пределами нескольких метров уже ничего не освещая. И там, где уже было почти не видно, повисло что-то, похожее на длинную и низкую паутину.

Изгородь! «Паутина» — это были веревки между деревянными столбами. Вертикальные пряди от верхней веревки связывали ее с каждой из нижних. Как такая штука может кого-нибудь остановить? Веревки отравлены? Подойдя ближе, Джоанна увидела, как обветшала и порвалась сеть, особенно возле земли, где явно прорывались существа размером с небольшой элемент.

Странник дернул ее за рукава, пригнув к земле. Через секунду по изгороди полоснул луч дуговой лампы.

— Прости, — тихо сказала она. Потом спроси-

ла: — Как ты?

— Нормально. Проверим теперь, решатся ли Хранитель и компания пойти за нами за изгородь.

Земля за изгородью была открытой и ровной. Даже если Хранитель не станет за ними гнаться, увидеть их — и расстрелять — он сможет. А дальше, на пределе зрения, она видела кучи… чего-то такого. Может, так на самом деле выглядят строения тропиканцев. Голоса Хора гудели громко, но ни одного элемента видно не было.

Джоанна со Странником добрались до изгороди. Веревки были сплетены из растительных волокон. Прорвать дыру будет просто. Они поползли вдоль изгороди…

Преследователи распределились. Они не могут не знать, что Странник и Джо возле изгороди, даже если не знают, где именно.

— Они нас найдут, — прошептала она.

— Да-да, — только и ответил Странник.

Он все еще искал наилучшую точку прорыва. По крайней мере здесь открытая зона за изгородью не была так широка, как раньше.

Они проползли еще три метра — и Странник резко ткнул мордой вверх, показывая. С верхней веревки свисал знак. Керамические диски с

узорами — такими объявлениями пользовались задолго до приземления людей. Днем или ночью любая стая услышала бы эхо диска. В свете своего фонаря Джоанна видела узор на этой поверхности: символ смерти, пентаграмма черепов. Кто-то считал, что соваться за эту изгородь очень даже не стоит.

— И чтобы никакой стрельбы! — Хранитель сурово посмотрел на своих любящих пострелять помощников. — Там уже не наша территория.

Группа стай выпрямилась с достаточно послушным видом. Может, они и любят пострелять, но не такие психи, чтобы перечить хозяину. Обычно эти ребята патрулировали западную сторону Резервации, следя, чтобы никто не перешел границу. Конечно, ни одна стая добровольно не *выйдет* из Резервации, но тропиканцы то и дело просачиваются в нее, тупые синглеты. Вот в чем суть Хора: это не настоящая тирания. Его поведение описывается только в среднем. Всегда есть малая доля отклонений: достаточно бестолковых или достаточно злобных, чтобы сделать почти что угодно. Охранники вроде тех, кто сегодня с ним работает, должны таких вылавливать и доставлять на биржу конвокации. И это работа противная. Куда проще непослуш-

ных нарушителей просто отстреливать. На той стороне Резервации это легко. *И даже отличное развлечение*, подумал Хранитель. На *этой* стороне такая стрельба была бы услышана служителями Магната, которые тут же об этом доложат, и у Хранителя возникнут проблемы.

Именно сегодня мне меньше всего нужны здесь магнатовские ребята с пистолетами. Нечего им тут вынюхивать.

Высказав свои указания, Хранитель сбавил градус убийственной злости. Сегодня его стаи должны быть на пике формы.

— Те двое, что мне нужны, где-то между нами и оградой. Где конкретно — искать не будем. Идите широким фронтом. В конце концов мы их прожектором нащупаем.

Две стаи с пистолетами принужденно улыбнулись. Они уже бывали на таких выходах. Но одно дело — убивать тупых синглетов, и совсем другое — выдавить мыслящую стаю на территорию Хора.

— Идите тихо, слушайте мои сигналы.

Идти тихо придется, пока не донесется очередная волна Хора. Тогда уж можно шуметь как хочешь.

Хранитель смотрел, как стаи распределяются в

неровную линию, готовую к стычке, и подвигаются к ограде. Оператор прожектора остался позади, направляя луч на подозрительные тени и звуки.

Хранитель двинулся вперед за своими солдатами, приготовив винтовку. В то же время он полез в карман и включил звук на коммуникаторе, но так тихо, что сам едва слышал.

И сказал с упреком:

— Они не там спустились, где ты говорил.

И уцелели в катастрофе.

Через полусекундную паузу донесся голос Невила. Как обычно, человек был полон дерзких ответов.

— Тебе еще повезло, что я заметил, как они снижаются к твоей дороге. И еще больше повезло, что я подготовил их шлюпку. Свалил их прямо там, где ты сказал.

Хранитель не стал отвечать сразу. Он уже знал, что молчание часто побуждает Невила Сторхерте развивать тему и это бывает информативно. Через секунду Невил добавил кое-что интересное:

— Тут еще одно: наши, так сказать, цели прихватили со шлюпки коммуникатор.

Что? Они теперь слышат наш разговор?

Хранитель не дал этому вопросу выскочить. Он уже знал, что «коммуникаторы» звездного

народа ничем не похожи на радиоплащи. И если Невил не перепрограммировал их, то у каждого из них свой отдельный «канал» в орбитальной трансляции. Так что вслух он сказал:

— Это интересно. Я так понимаю, ты блокируешь их вызовы?

— Конечно, хотя сейчас они только тащат это устройство с собой. Но дело не в этом, а в том, что я тебе могу сказать, где они.

Хранителю для его целей необходимы были два неимоверно мощные орудия, но они же и выводили его из себя донельзя. Одним из них был Невил Сторхерте. *Как я рад, что его здесь нет, — я не смог бы удержаться и его бы убил.* И Хранитель был горд собой, когда смог вежливо спросить:

— И где же?

— Тридцать один метр от тебя — от твоего коммуникатора. Азимут сорок семь.

В технической речи двуногого слышалось наглое самодовольство. Невил считался мастером скрытности, но это только с людьми. А любой стае было ясно, как сильно презирает и ненавидит он Стальных Когтей.

К счастью, Хранитель последние десять лет тщательно собирал любую доступную информацию о людях и Крае. В их знании — огромная

сила, хотя иногда трудно было отделить знание от религиозной чуши. В любом случае Хранитель умел работать с числами лучше любого «Дитяти Неба», лишенного технической помощи.

Он посмотрел туда, где стояла в свете прожектора ограда Резервации. Джоанна и Странник должны быть сейчас около ограды, на правом фланге поисковой партии.

Хранитель послал звуковой луч нескольким стаям, направляя их к куче щебня, где должна была прятаться его дичь.

В любом случае сегодня его ждет триумф, хотя дело вышло более рискованным, чем предполагалось. Два его величайших врага должны были погибнуть при падении, но вот — пришлось гоняться за ними по темноте и надеяться, что ни свет, ни шум не привлекут внимания Магната. Но и в этом было некоторое садистское торжество. Сейчас Странник и Джоанна прижаты к ограде. Пройти ее — верная смерть. Их разорвут на части — физически, ментально, или то и другое вместе. Остаться там, где они сейчас, — Джоанна снова попадет к нему в лапы. И на этот раз ее не спасет хитрая унизительная ложь Странника, потому что он сам будет так же беспомощен, как человеческая девчонка. *Так или этак, победа за*

мной.

Хранитель подобрался к поисковикам поближе. Ему была мучительна каждая секунда, проведенная в тропиках, тем более под этим мерзким открытым небом. Сегодня… сегодня каждая секунда была наслаждением.

— Они знают, где мы, — сказал Странник.

Джоанна кивнула. Хотя смотрел он на просторы за оградой, она знала, что он говорит о преследователях. Оглядываясь через плечо, она видела мельком элементы поисковых стай. Они вроде бы приближались, а прожектор смотрел почти туда, где она лежала, только выше. И отражался от знака с мертвыми головами.

— Они напали на наш след. Может быть, можно пробраться обратно другим путем… обойти их.

Предложение даже прозвучало жалко.

— Нет, — ответил Странник. — Ты знаешь, тебе бы Хор ничего сделать не смог, поскольку у тебя ума нет.

Такой у него бывал юмор. Джоанна подумала, нет ли у этого юмора серьезной подоплеки. Ходили рассказы, что случается с животными в тропических городах. Эти города пожирают и ум, и плоть.

Но она попыталась ответить в тон:

— Да и ты можешь уцелеть, потому что у тебя ума *почти* нет. — Он не ответил, и Джоанна вернулась к суровой реальности: — Не вижу смысла ждать милости от Хранителя.

Никогда больше я к нему в лапы не попаду.

— И я не вижу. — Странник уже не балагурил, но и несчастного тона Джоанны у него не было. Но Странник был профессиональным странником, а они всю жизнь кичились своим бесстрашием. — Знаешь, — задумчиво сказал он, — всю мою жизнь, сколько могу я ее проследить в прошлое до мифов о моем существовании, о тропиках рассказывали всегда одинаково. Это место смертельно для разума, и только тогда можно туда отправляться, когда хочешь раствориться в радости. Но посмотри, что мы видим сейчас. — Он показал в косые струи, сверкавшие под прожектором: — Практически ни одного тропиканского элемента. Мы слышим распев, но дождь и влажность гасят настоящие мыслезвуки почти до нуля. Посмотри, как сбилась в кучу каждая из стай Хранителя. Ручаюсь, что на Хор этот ливень еще сильнее действует, а слышимый нами распев — это Хор, спрятавшийся от дождя в укрытие! Сейчас рванул бы я по этой улице, а там нашел бы нам укрытие.

— Если тебя не подстрелят бандиты Хранителя…

— Чушь, — отмахнулся Странник.

Джоанна решила, что Странник сам не верит в то, что говорит, и собирается умереть, чтобы уберечь ее. С другой стороны, голос у него был заинтригованный, расчетливый, как бывало, когда он задумывал что-нибудь слишком рискованное.

— Честно говоря, Джоанна, когда мы с Описателем тебя спасали на Лугах Резни, это казалось куда более сумасшедшим предприятием. И еще… всегда мне было интересно, на что похож Хор. Представь себе: войти туда и выйти живым.

Шрам расширял дыру в изгороди, чтобы вся стая могла проскочить с ходу.

— Ох, Странник!

Она шепнула так громко, что даже сама услышала, — хотя это уже не имело значения. Потянулась к нему, пытаясь удержать. Очень было похоже, будто снова стала бедной маленькой сироткой.

— Да не волнуйся. И хуже бывало. — Он высвободился, но не бросился прочь немедленно. Может быть, ждал, пока луч прожектора отойдет подальше. — Свети своим невидимым светом. Попытайся увидеть, где я остановлюсь на той стороне. Как найду безопасное место — махну тебе.

— Ладно.

Она потрепала его по спине. Странник прав, даже если хорохорится немного. Джоанна подтянула коммуникатор и прочее снаряжение поближе и посветила фиолетовым фонарем за изгородь.

Прошла секунда. Пылающий луч сдвинулся, оставив на сетчатке горящие пятна. Странника это не остановило — он бросился в расширенную дыру ограды. Джоанна прищурилась, и тут вернулся большой свет, выхватив из темноты бегущую четверку. Странник заметался из стороны в сторону, чтобы стаи-стрелки не могли прицелиться.

Распев Хора стал громче. Наверное, влажность все еще ослабляла мыслезвуки, но Джоанна слышала что-то вроде толпы совсем рядом. Новая засада после засады Хранителя? Она повернула бледный свет направо — там в сиянии дождя рысила цепочка фигур. Они шли, минуя Джоанну, в общем направлении на Странника. Цепь их стала колонной, толпой, сутолокой, элементы шли плечом к плечу, чего она никогда у Стальных Когтей не видела.

Странник свернул, убегая, но всюду вдоль дальнего края открытого пространства тропиканцы

отталкивали его на середину. Они не бежали — шли почти прогулочным шагом параллельно ограде. И их становилось больше. Каким-то образом Странник Викллрэкшрам сумел сохранить разум. Он бежал весь вместе, но хромота Ллр мешала ему набрать скорость. Хотя это уже ничего не решало. Тропиканцы теперь стали огромной толпой, скользящей вдоль ограды как гигантские ножницы, и режущая точка контакта двигалась быстрее, чем могла бы бежать любая стая. Рэк упал под полосующие когти. Последнее, что увидела от Странника Джо, было тельце Ллр, подброшенное в воздух как лакомство для гигантского хищника.

– *Странник!*

Кажется, она выкрикнула его имя вслух.

Странник исчез, но толпа не побежала через ограду. Она как одно целое неслась вдоль нее. Не совсем аккуратно от нее уклоняясь — слишком тесно было в толпе. Там и сям элементы тропиканцев выдавливало сквозь барьер. Почти все они влезали обратно, некоторые бесцельно брели дальше внутрь.

Треск Хора стал ревом даже для ее ушей. Высокие частоты должны бы рвать на части громил Хранителя, но когда Джоанна оглянулась, по

одну сторону от нее стояла стая с пистолетами, а дуговой прожектор освещал дождь, заливающий другую.

Небрежный, звучащий по-человечески голос сказал:

— Беги, Джоанна, беги. Прямо в Хор. Хочу это видеть.

Хранитель.

Совет казался разумным, даже учитывая его источник. Джоанна прорвалась сквозь ограду и бросилась в Хор.

А, черт! Вот тебе и психология «от обратного». Двуногая бежала. Хранитель, не думая, вскинул винтовку и навел ей в спину, одновременно крича своим солдатам:

— Не стрелять!

Губы взялись за спусковой крючок, когда наконец-то здравый смысл до него достучался. Есть *причина*, почему за стрельбу на ту сторону границы полагается смерть. Это ставит под удар работу восьми лет… *а, ладно, придумаю вранье-легенду, Магнат куда большему вранью верит.*

Эту мысль он подавил. Хватит сегодня рисковать. Вполне достаточно будет просто понаблюдать на расстоянии.

Джоанне Олсндот просто повезло, что она рва-

нула сквозь ограду, как раз когда пробегающая толпа чуть поредела. Вбежала на территорию Хора на двадцать футов, сорок. Толпа снова стала гуще, мыслезвуки еще громче, чем когда разрушили Странника. Хранитель и его подельники припали к земле, каждая стая сдвинула головы вместе. Если бы не дождь, кто-нибудь из них мог бы и распасться даже на той стороне границы.

Каким-то образом Хранитель сумел приспособить какие-то глаза и уши к слежению за убегающим человеком. Мыслезвуки богомола не остановят, но сейчас ее колотили десятки Стальных Когтей — грубая физическая сила Хора. Она рухнула на колени, кто-то из элементов заметил, что она другая, — и в ход пошли зубы. По всем элементам самого Хранителя разливалась радость. Ох, как он этого долго ждал. И он знал, чего ожидать, — благодаря своему прилежанию и настойчивости. Всегда ему было интересно, что будет делать Хор с людьми, поскольку ментальное разрушение невозможно. И потому когда один из первых похищенных людей перестал быть полезным, он организовал его «бегство» из Резервации. Как и сейчас, поначалу было колебание. А потом Хор поступил так, как со всеми животными всех размеров, — разорвал тварь

на части, играя с ней точно так же, как играл с частями расчлененных стай. Но в животных Хор интересовался только пищевой ценностью. Беспомощный двуногий отлично ублажил едоков, да и Хранителю послужил куда лучше, чем в качестве пленника.

Сейчас он смотрел, как разыгрывается та же пьеса. Джоанна снова поднялась. Шум стоял такой, что он не слышал ни ее дыхания, ни хныканья, но дуговой свет показал струящуюся по лицу кровь. Она сделала шаг от изгороди, пошатнулась, размахивая снаряжением и крича, будто думала, что поток ее обойдет. Прошла еще десять футов, почти до нор, граничащих с Резервацией. Из наблюдений он знал, что и там спасения не будет, — пасти ждут. Она снова упала и не поднялась на этот раз. Толпа налетела на нее волной хищников на кусок мяса. Он видел, как взлетали вверх обрывки и куски, в основном от снаряжения.

Пятнадцать минут прошло, пока плотная толпа сменилась полной разреженностью, — необычно долгое время. Жрущая масса кипела под прожектором, откатывалась в норы. Потом толпа убралась, и только влажность и дождь не давали услышать ее ухода. Потом и дождь ослабел. Не

слышно было ни одного движения. Хранитель слушал очень тщательно… нет, ни звука человеческого дыхания. Только стонущие выдохи тысяч безмысленных Стальных Когтей.

— Так что там случилось? — спросил голос Невила в коммуникаторе Хранителя, и в голосе слышалась плохо скрытая неловкость.

Хранитель ответил не сразу. Он смотрел на кучи промокшего вонючего мусора. Где-то под этим всем, футах в пятидесяти за оградой, лежал труп той твари, что сгубила его прошлую жизнь и угрожала сгубить будущую. Пятьдесят футов. Совсем рядом, и все равно нельзя подойти и самому разгрызть мозговые кости. Он глянул с хитрецой на своих верных солдат. Чтобы их туда послать, нужна угроза мучительной смерти. Ни одна стая, увидев Хор, никогда не поверит легендам о его нескончаемой радости. Шансы вернуться из этой вылазки на пятьдесят футов — пусть даже в минуту разрежения толпы — нулевые. И кроме того, Хранитель работает так близко к Дому Магната, лишь когда речь идет о жизни и смерти.

Подумав секунду, он сообразил, что можно еще кое-что сделать. И ответил своему дрессированному богомолу:

— Где коммуникатор Джоанны?

Он вообще еще функционирует?

— Остановился от тебя метрах в двадцати, когда она начала кричать. Сейчас не движется. Могу… могу попробовать тебе ее вызвать.

— Да.

Для уверенности.

Коммуникатор Хранителя молчал, и по открытому полю покатился голос Невила. Кажется, он шептал, но громкости хватало слышать.

— Сс-т! Сс-т! Джоанна, что там у тебя? Телеметрия показывает неисправность лодки. Джоанна?

И так несколько секунд. Хранитель оценил притворство Невила как весьма искусное. Учитывая все прочие свидетельства, необходимости в нем не было, но все-таки Хранитель восхитился мастерством.

Глава 19

Падая второй раз, Джоанна знала, что не встанет. Первые укусы были пробными, легкими. Она видела такое поведение у элементов когерентных стай — непосредственно перед тем, как они жадно нападали на незнакомое мясо. Теперь у нее лицо и руки стали скользкими от крови. Размахивать снаряжением как плетью — это только сильнее возбуждало толпу. Закрыв лицо руками, она перевернулась лицом вниз, а сзади ее прикрывал рюкзак. Но лапы и челюсти переворачивали ее снова и снова. Они рвали одежду, выдергивали из рюкзака предметы.

Однако жор так и не наступил, хотя толпа наваливалась на нее массой. Как будто они боролись друг с другом за право ткнуть мордой и слегка ущипнуть. Джоанна пыталась сохранить пространство между рукой и лицом, откатываясь туда, где, по ее представлениям, Хранителю и компании она уже не будет видна. Давящая тяжесть стала вроде бы легче, щипки и уколы — менее болезненными. Как воспоминания.

Так. Что теперь?

Она лежала на спине, но все равно голова кружилась. Вокруг было темно. Джоанна пощупала вокруг, нашла коммуникатор и то, то осталось от рюкзака. Земля была скользкая и липкая. И как-то вдруг стало очень одиноко. А может быть, она умерла.

Ладно, и что теперь делать?

— Сс-т! Сс-т! Джоанна, что там у тебя? Телеметрия показывает неисправность лодки. Джоанна?

Это был голос Невила — громкий шепот.

Она потянулась к коммуникатору — потом застыла и постаралась не шевелиться. Есть предательство — и Предательство. До сих пор ее худшие подозрения состояли в том, что Хранитель вертит Невилом. До сих пор она не верила, что Невил способен на Предательство.

Джоанна уставилась в темноту, туда, где был коммуникатор.

У меня даже сейчас нет доказательств… только уверенность.

Из коммуникатора Хранителя снова донесся голос Невила.

— Ответа нет, — сказал двуногий. — А что там со Странником?

— И Странник, и личинка вполне мертвы, — ответил Хранитель.

На самом деле могли остаться один-два элемента Странника, но практика показывает, что такое не возвращается.

Невил секунду помолчал, потом вздохнул:

— Что ж, это хотя бы упрощает ситуацию.

Хранитель про себя улыбнулся. Хотя виделись они редко, он изучал Невила Сторхерте тщательно. Сторхерте был хищник еще молодой. До последнего времени он не убивал *никого и ничего*. Он сейчас думал, что им движет суровая необходимость. До понимания своей истинной натуры он пока что не дорос.

Вслух Хранитель сказал:

— Да, это упрощает ситуацию. — *Если забыть о мести, моя самая опасная ложь сейчас стала надежнее.* — И теперь должна появиться возможность разобраться с другим нашим крупным врагом.

— Ага. С удовольствием передам тебе Равну Бергсндот.

Джоанна полежала еще несколько минут, но Невил ничего не имел добавить.

В сложившемся положении прикидываться мертвой было просто. Толпа ушла, но будоражащий распев никуда не делся. Может быть, его хватит, чтобы не дать группе Хранителя идти на

поиски ее трупа.

Продолжался сильный безветренный дождь, вода просачивалась через наваленную сверху кучу мусора, ощущалась на теле маслянистой пленкой.

Через некоторое время шум Хора снова стал громче. Послышалась приближающаяся поступь десятка тысяч лап. Ничего осмысленного не было слышно — только сливающийся ропот голосов. Обнюхивающие все подряд элементы подходили так близко, что их мыслезвук, на много килогерц выше диапазона человеческого слуха, все-таки отдавался в теле. Стальные Когти столпились над ней, как и раньше, толкая мордами, но не было сейчас болезненных укусов — только осторожные прикосновения мягких губ. Запахи и звуки ошеломляли, но орда прошла мимо, и почти никто ее не тронул.

Отлично. Значит, ее не съедят. А шум толпы будет идеальным прикрытием, если только ей позволят двигаться. Джоанна задумалась на минуту, проверяя, что на ней есть, что выдаст ее Невилу. *Нож?* Без него никак. *Фонарь?* Она рискнула его тоже оставить при себе. Потом перевернулась, склонив голову, поднялась на четвереньки и целенаправленно поползла на-

встречу Хору, прислушиваясь к ощущениям.

Толпа оказалась волной шерсти и плоти — но налетавшие на нее тела не кусались. На самом деле они хотели убраться с ее пути, но толкотня не давала такой возможности. Потом вдруг, будто передали вверх какую-то информацию о движении, давление ослабло, и толпа ее стала обтекать. Джоанна медленно ползла через рычащий и ворчащий поток. Фонарь она держала во рту, и он освещал толпу слабым фиолетовым светом. Осклизлые стены коридора то и дело петляли, бывали иногда развилки и слияния. Стальные Когти лезли из всех отверстий, кроме самых нижних — может быть, те были сегодня под водой. Джоанна заметила, что когда она подходит к развилке, толпа становится непроходимой, а потом снова расступается.

В этих хлюпающих катакомбах она провела, наверное, час. Когда она наконец вылезла, дождь сменился моросью и туманом. За спиной виднелись огни, неясные во мраке. Она задержала на них взгляд, заметила возникающие иногда темные клубы — очевидно, дым. Еще она видела на стене факелы в подставках. Когда морось слабела, видны были даже ровные края кирпично-деревянных стен — стандартная архитектура

северных земель. Землевладение Хранителя. Остальной горизонт — неразличимая стонущая темнота Хора.

Она тихо уходила, прихрамывая, от огней Хранителя, в темноту Хора.

Ох, Странник, Странник!

Какое-то время она тупо брела, едва отмечая у себя медленно кровоточащие раны, вспоминая гибель Странника снова и снова. Фиолетовый фонарь давал достаточно света, чтобы, глядя под ноги, не влететь в стену или в яму с водой. Она держала свет таким тусклым, потому что некоторые из Стальных Когтей видели и фиолетовый свет, хотя всего лишь туманным пятном на краю поля зрения. В одной экспедиции к Восточному Дому они со Странником на этом нарвались. Но сейчас это было уже не важно, и она прибавила света, увидела нескольких тропиканцев, бегущих каждый своей дорогой. Интереса к ней не проявил ни один. Скорее ее даже пытались избегать. Она шла, очевидно, посередине городской улицы. Город увязал в грязи и горячке противоречий, непрерывно разрушаясь и восстанавливаясь из собственных глинистых руин.

Она шла по полого спускающейся улице. Кое-где камни покрывали раскисшие под дождем

грибы, в других местах вроде как гниющие листья. Куда же ведет этот спуск?

Дурацкий вопрос, когда терять больше нечего.

И все-таки, продолжая идти, Джоанна продолжала думать. *Почему я еще жива?* Хранитель, похоже, смертельно боится зайти на территорию Хора. Но полагает, что Хор уничтожит Джоанну так же верно, как уничтожил Странника. Хранитель не глуп. В основе его веры наверняка лежат прецеденты и наблюдения.

Слева усиливался шум Хора. Простое решение загадки могло состоять в том, что жива она очень временно. Толпа густела, прибывая из неясно видимых стен. Надвигалась она так же косо, ножницами, как поймали Странника. Слева и впереди виднелась узкая расщелина. Может быть, надо попытаться спрятаться там.

Поздно — толпа ее уже настигла. Но прикосновения были только случайны, и вместе с Джоанной медленно продвигалось вперед и ее личное пространство. Она все еще не могла объяснить, почему выжила, но ясно было одно: после первого нападения что-то было обнаружено, связанное именно с ней, и передано тем, кто в контакте не участвовал.

Через некоторое время толпа прошла, и снова

Джоанна оказалась на улице почти одна.

Огни «безопасной» зоны Хранителя скрылись за путаницей города. Джоанна продолжала спускаться, и сквозь отчаяние осторожно стали пробиваться планы. *Если* она выживет, если сможет как-то дать знать Равне и Резчице… Эта дорога должна в конце концов выводить к Шкуре. Карты показывали, что река здесь течет на юг, чуть к западу от курса антиграва.

Грязь под ногами была глубиной по щиколотку. Пробираясь по топкой дороге, Джоанна услышала потрескивание. Такие звуки могли без труда издавать Стальные Когти, но… нет. *Двигались здания*. Плавные повторяющиеся движения, вверх-вниз на сантиметр-другой. Она подошла к краю улицы и положила руку на промокшую массу стены. Да, вверх-вниз, но и по горизонтали чуть-чуть. Она прошла по стене, продолжая за нее держаться. Какая-то неровность попалась на дороге — и улица тоже включилась в те же плавные движения. Не держись Джоанна за стену, могла бы растянуться от неожиданности.

Край улицы плавал в воде Шкуры.

Хотя непонятно было, где дома с фундаментом сменяются плавающими плотами, звук от тихо покачивающейся улицы становился громче. То

ли песчаный берег, то ли причал, она уходила в медленно струящуюся Шкуру. Местами свет фонаря отражался от темной ряби на воде. То, что было причалено там, уплыло прочь или просто рассыпалось. В других местах косо клонились дома в два-три ряда — очевидно, результат беспечного причаливания прибывшего плота на занятое место. После сильных дождей или одного тайфуна все это может быть сметено прочь, и даже дорога разрушится.

Джоанна сегодня видела тысячи Хористов, но ни одной лягвокурицы и ни единого съедобного растения. Значит, сюда должны завозить и отсюда вывозить грузы, пусть как угодно неумело и нелепо. Впереди дорога сужалась, но плоты становились больше. Джоанну осенила безумная догадка: она поняла, куда ходят некоторые из этих плотов.

Она шла вперед, иногда посвечивая за спину фиолетовым лучом, поглядывая на толпу, когда слышала ее приближение. Впереди был тупик: оконечность полуострова. Слышно было, как плещется рядом Шкура. Свет позволял ясно увидеть «здания», обвешанные такелажем на неровных мачтах. Там и сям из неразберихи высовывались острые морды. С полдюжины Стальных Когтей

сошли с плотов и побежали к Джоанне, шипением выражая недовольство. И кружили близко, пощипывая за ноги.

Тем временем сверху по улице вернулась основная толпа. Ну что ж, теперь она правда попалась. Но когда подошли эти сотни, окружив ее, элементы, которые шипели и хватали за ноги, отступили, слившись с остальными. Толпа металась и клубилась, пространство вокруг Джоанны исчезло, когда подошли еще сотни, вливаясь в эту ограниченную зону. Иногда раздавался всплеск, будто какого-нибудь хориста случайно столкнули в реку.

Пустого места вокруг Джоанны уже не осталось. Тела давили со всех сторон, хотя и пытались сами сопротивляться давящим сзади. А потом, будто отпустили пружину, давление исчезло и снова появилось свободное пространство.

Но все равно эта волна толпы не спадала — быть может, потому, что был только один очевидный путь наружу. Джоанна смотрела, как эти создания вертятся вокруг. У них в глазах читалось приглушенное любопытство, будто они ждали какого-то наития.

Сама его жду, — подумала Джо.

Пустое пространство вокруг расширилось. Эти

создания стали сбиваться в кучки и группы. Судя по их позам, это были почти… да, почти стаи. Одна такая импровизированная пятерка подошла к ней. Ее элементы были почти голые, хотя у некоторых имелись драные седельные сумки. Четыре из них линяли, но выглядели здоровее, чем тот, у которого мех был в порядке. Этот пятый подошел к Джоанне очень близко. У него не было уха, по плечу бежал оборванный шрам. Это мог быть удар топора, остановленный броней.

И он сказал на самнорском:

— Привет, Джоанна. Некоторые из меня тебя помнят.

И менее разборчивые комментарии от остальных случайных стай. В стоящей поодаль толпе Джоанна разглядела кое-где кивающие головы — синглеты, помнящие Домен и Фрагментарий?

Она обернулась на мачты у причала, потом снова к богом посланной стае, которая только что говорила.

— Кажется, я тебя тоже помню. — Идея, которая пробивалась все время, пока она шла по слякоти сюда, вдруг показалась вполне разумной… во всяком случае, не невообразимой. Джоанна подрегулировала фонарь, чтобы он был слегка виден окружившим ее созданиям. — Как ты думаешь,

не довезет ли меня кто-нибудь до Домена?

* * *

Когда энтузиазм толпы у берега стих, уже не менее шести плотов столкнули на воду. Операция была не совсем мирная, потому что несколько обитателей плотов (сквоттеры? сторожа?) были полностью захвачены врасплох неожиданным отбытием своих домов. Некоторых прогнали, другие влились в толпу. Насколько Джоанна могла видеть, никто серьезно не пострадал.

От спасения ее отделяли тысячи километров, она болталась на плоту, похожем на обломок, с экипажем, набранным случайно. С точки зрения здравого рассудка ситуация была не менее отчаянная, чем до отплытия. Но теперь воспоминания о Страннике не глушили все прочие мысли.

На востоке показался хмурый серый свет утра — первого и, может быть, последнего для нее на величественном ландшафте Хора. Низкий, похожий на развалины силуэт города все еще занимал три четверти горизонта. Несколько огней отмечали более высокие дома безопасной зоны Хранителя. Над ними нависало что-то большое и темное, Джоанна это ощущала. *Похоже на облако, но оно стоит на месте.*

С бору по сосенке собранный экипаж поднял паруса по крайней мере на трех плотах — хотя ветра практически не было, и медленное течение Шкуры уносило их вниз по реке. Они плыли сквозь зону, где Джоанна со Странником собирались скрываться. Это вполне могло бы получиться: здесь были толстые стволы и непроницаемый навес листьев.

Джоанна чуть помахала рукой исчезающей позади загадке.

Я вернусь, Странник. Обещаю, я вернусь и найду тебя, чем бы ты ни стал.

Глава 20

Время для Равны рассыпалось, причинно-следственная связь разлетелась в пыль на целые дни. Остались отдельные звуки, картинки, запахи. Боль. Тряская дорога. Темная духота с запахом внутренностей. Мягкие руки. Голос Джефри, сердитый и громкий.

Другие фрагменты виделись будто в цвете сумерек. В одном ее окружили теплые мохнатые тела — Амди. Он говорил ей что-то — тихие, настойчивые слова. В другом — может быть, в том же — стая с драными ушами пинками отгоняла Амди и покусывала Равну как хищник, играющий с жертвой.

Осколки дней, осколки ночей. Какая-то стая сидит с ней почти все эти кусочки времени. У нее на двух мордах две совершенно одинаковые отметины. Шелковинт? Эта стая ее кормила, поворачивала ей голову во время кашля или рвоты, мыла ее, когда ей случалось обделаться. Не всегда он был любезен. Много раз он грубо вытирал ей лицо мокрой тряпкой. Впадал в ярость, щелкая зубами.

— Я тут подтирка для пленника! — сказал он однажды. Это было забавно, но он еще ругался, что она бредит. — Ты повторяешь мои слова, — прошипел он ей, приблизив голову к ее горлу. — Подтирка для пленника, подтирка для пленника… заткнулась бы ты?

Дольше всего время тянулось днем. Она лежала в теплых одеялах, привязанных поверх медленно движущейся телеги. Когда она открывала глаза, пейзаж бывал разный: крепость в снегу, Шелковинт, правящий керхогами, Ганнон Йоркенруд. Джефри, идущий за следующей повозкой, и его изможденное лицо.

Были и другие стаи. Иногда они бежали рядом с телегой, и не один фрагмент воспоминаний начинался со слов: «Ну, так скоро она сдохнет?» Это спрашивала стая с рваными ушами. Шестерка, каждый элемент тяжелый, как самый большой у Амди, но мускулистее. По-самнорски стая говорила не очень хорошо — сборная солянка нескольких людских голосов.

Шелковинт отвечал:

— Очень скоро, мой господин Читиратифор. Видите сами, как повреждена у нее морда. Она слабеет день ото дня.

Стаи говорили тихо, никто из людей, кроме

Равны, не услышал бы.

— Не вздумай торопить события, Шелковинт. — Части стаи смотрели туда, куда не доставал взгляд Равны. — Смерть должна быть естественной.

Может быть, Амди приходил поговорить, но Равна только помнила, как Шелковинт его прогонял.

Еще одна стая пришла как-то к Шелковинту — тощая, с маленькими телами пятерка. По-самнорски она не говорила, но вроде бы расспрашивала Шелковинта о неизбежной смерти Равны. Те элементы, которых она видела, смотрели светлыми недружелюбными глазами. В бульканье стаи слышалась убийственная злость.

Потом пришел самый длинный кусок времени. Он начался с визита Рваных Ушей. Стая молча шла несколько минут рядом с повозкой, просто рассматривая Равну.

— Она еще не умерла, Шелковинт.

Вздох.

— Да, господин мой Читиратифор.

— Дышит она по-другому. Глаза двигаются. Она не слабеет день ото дня, как ты утверждал. — Стая с рваными ушами сердито зашипела: — Человека должно быть *легко* убить, Шелковинт!

— Но вы велели не торопить события, господин.

Да, эта двуногая может в конце концов выжить — но посмотрите на ее вбитую внутрь морду. У нее никогда не будет ума больше, чем у синглета.

— Такой смерти может быть недостаточно. — Читиратифор отвернулся, глядя на что-то — кого-то? — в стороне от передового фургона. — Я еще вернусь к тебе, Шелковинт.

И он ушел вперед.

Еще пару минут ехали в молчании, потом Шелковинт слегка ткнул ее в спину.

— Тебе лучше, да? — спросил он.

Равна не ответила. Весь остаток дня она лежала тихо и безжизненно, глядя на все, что могла увидеть, не поворачивая головы. Они ехали по глубокой долине, и иногда мелькали параллельно курсу участки белопенной реки. Слышна была идущая впереди телега. Экипаж сзади был ей виден — это был крытый фургон для перевозки корма, всплывавший в каких-то самых несвязных воспоминаниях. За этим фургоном шли Амди, Джефри и Ганнон. В прошлые времена Джеф и Ганнон были если не друзьями, то товарищами по детским проказам. Сейчас они едва разговаривали. Когда Ганнон не видел, руки Джефри иногда сжимались в кулаки.

Солнечный свет на лесных верхушках погас.

Мелькали сверкающие снега на краях долины. Солнца было больше, чем… раньше. Когда день клонился к вечеру, Равна услыхала тревожное низкое завывание Стальных Когтей. Караван съехал с тропы, через снег, в самую глубокую тень. Спереди прибежал Читиратифор, доставая на ходу подзорные трубы. Устроился в снегу, выставил трубы в проем в листве. Погонщики сбились возле керхогов и пытались успокоить животных. Несколько секунд все молчали, только смотрели. Двигались только подзорные трубы Читиратифора. Он за чем-то следил, и это что-то направлялось сюда.

И тут наконец-то Равна тоже услышала: мурлычущее гудение паровых турбин. Тщательник на «Взгляде Сверху — 2». Шум воздушного корабля нарастал… а потом стал стихать и через минуту сменился тишиной. Читиратифор убрал подзорные трубы и начал вставать. Какая-то стая, невидимая Равне, издала предупреждающее шипение, и Читиратифор снова припал к земле. Еще несколько минут никто не двигался. Потом Читиратифор встал на ноги и раздраженно махнул погонщикам выводить караван на дорогу.

Лежа в густеющих сумерках, Равна вспомнила весь этот день по порядку. Смогла вспомнить

непрерывный поток времени, логически связать причины и следствия.

Может быть, слишком поздно, но жизнь ее возобновилась.

Притвориться беспамятной — это был бы, наверное, самый надежный план, но Равна быстро осознала, что это просто невозможно. Запах, пронизывающий все ее воспоминания, — это был запах одежды, запах *ее самой*. Без Шелковинта она бы наверняка покрылась гноящимися ранами. При всей его очевидной злости на нее, он чудеса творил несколькими мокрыми тряпками и одной, по всей вероятности, переменой одежды. Но сейчас, придя в память, она уже не могла так продолжать.

Значит, будь изувеченным синглетом и надейся, что это будет сочтено достаточной смертью.

Когда остановились на ночь, она позволила Шелковинту положить себя на землю возле колес. Позволила ему завернуть себя в одеяло. Но когда он принес еду и попытался засовывать ей в рот, она вытащила из-под одеяла руки и потянулась к миске. Шелковинт минуту сопротивлялся, потом дал ей взять миску. И с почти свирепым вниманием смотрел, как она ест, но ни слова не сказал.

В этот вечер Равна впервые рассмотрела своих тюремщиков как следует. Она насчитала не меньше четырех стай, рассевшихся вдоль длинного костра. Похоже, почти всю черную работу делали Амди, Джефри и Ганнон. У них был свой маленький костерок, куда Шелковинт принес ей еду. Даже в тусклом свете Джеф выглядел именно так ужасно, как ей помнилось. И изо всех сил старался на нее не глядеть. Амди это удавалось хуже, но у него и голов больше, за которыми следить. А Ганнон? Ганнон Йоркенруд тоже не выглядел счастливым туристом, но ел усердно.

Эти трое, пусть и не пленники, были младшими в компании похитителей. Сейчас, вернувшись в разум, Равна перебирала миллион теорий. Джефри предавал ее в прошлом… но это *должно быть* что-то другое. А Ганнон? Еще один скрытый союзник? В это намного труднее было поверить.

От зерновых палочек ее не то чтобы стошнило, но сейчас… Равна с трудом поднялась на ноги.

— Отойду, — сказала она Шелковинту.

Стая поколебалась, но на этот раз очень недолго. Потом он принес ей старые ботинки Джо и помог их надеть. Пока он помогал ей добраться до кустов, не очень шатаясь, сзади слышался смех Ганнона.

Вести себя как синглет с поврежденным мозгом было нетрудно. Без поддержки Шелковинта она бы даже шага не сделала — так ее шатало. Когда они наконец остановились, она почти рухнула на корточки. Шелковинт ее поддержал, чтобы не упала, потом весь отступил назад. Стая бы этого не заметила в темноте, но Равна увидела волну ощутимой радости, которая по нему прошла. Он больше не подтирка пленника. А может быть, не только этому он радуется.

— Вернулась наконец в разум? — еле слышно прошептал Шелковинт, будто изнутри уха. Это было что-то вроде направленного звукового пучка, который умеет издавать координированная стая. Равна неопределенно, но утвердительно хмыкнула. — Отлично! — продолжал шептать Шелковинт. — Чем меньше будешь говорить ртом, тем лучше… есть еще много что тебе рассказать.

Но ничего к этому он не добавил.

При возвращении в лагерь Равна заметила, что Шелковинт и сам слегка хромает. Он и был той стаей, что выгнала ее из дому. Которой она ногу прижала.

Пока Шелковинт укладывал ее возле телеги, она знала, что за ними следит множество голов.

Через минуту подошел второй по страшности похититель и жестом велел Шелковинту отойти. Та тощая светлоглазая стая. Слегка потыкала в нее носами, говоря по-самнорски, причем было понятно, что человеческого языка эта стая на самом деле не понимает. Равна стонала, металась и надеялась, что выглядит безумной. Через несколько минут такого общения пятерка отступила. Кажется, она точно так же была раздражена улучшением у Равны, как Читиратифор. Повернувшись, она бросила Шелковинту какой-то приказ и пошла прочь.

Ну так как? — подумала Равна. — *Достаточно ли я мертва?*

Почти весь лагерь уже улегся на ночь, и тускло горящих углей мало было для зрения Стальных Когтей. Однако главных двоих похитителей это не остановило: над передним фургоном появился зеленоватый свет. Ага, настраиваемый фонарь с «Внеполосного». Читиратифор что-то расстелил на плоской крыше фургона. Карты? Вроде бы он советовался с тощей пятеркой.

Через некоторое время они потушили свет, но по крайней мере еще одна стая бродила вокруг. Видны были мелькающие в подлеске тени. Часовой?

Шло время. Слышались крики животных, потом стихли и они. Наверняка части спящих стай продолжали бодрствовать, но слышных людям звуков они не издавали. Где-то далеко журчала река, виденная днем. Равна обернулась на звук, увидела слабую вспышку зеленоватого света, наверняка незаметную ни одной стае на привале. Значит, у какой-то стаи есть дело возле реки. И дело *техническое*, которое стая хотела сделать подальше от своих товарищей.

Еще пару раз она увидела этот свет с той же стороны, едва заметный, мелькающий в подлеске. Наконец один элемент Шелковинта повернулся во сне, загородив ей вид. Больше он ничего по секрету не говорил.

Дальше бодрствовать было трудно. Какое-то время Равна сопротивлялась сну, но без толку. Быть в сознании — приятно, но страшно опять проснуться безумной. Засыпая, она рассматривала эти варианты. Она слышала когда-то, как Шелковинт с кем-то сговаривался ее убить, но после похищения любое его *действие* ее защищало. Джефри, Амди, Шелковинт. Что, если они пытаются ее спасти? Они не объяснили ничего — во-первых, потому что она была без ума, а потом — потому что они в гуще врагов с ку-

да лучшим натуральным слухом, чем у любой известной Равне расы. Не важно, что эти трое выгнали ее из дому и схватили, когда она вышла. У Свежевателя тоже трудно понять, за кого он. Но если жизнь и смерть поставят вопрос, кто ей друг, а кто враг, выбор уже определился.

На следующий день Равна *сидела* посреди Шелковинта на средней телеге. Он здорово постарался закрепить ее подпорками и веревками, но иногда начинала кружиться голова. Она изо всех сил старалась оставаться тупой и неподвижной — *и лицо не трогать*! Нос и щека болели, но прикосновение к разбитой кости и хрящу вызывало крик от резкой боли.

Вполне очевидно, что они находились к югу от Ледяных Клыков и шли вдоль большого геологического разлома, прорезавшего этот край континента. Похожих активных разломов не существовало за время жизни человечества на Старой Земле (или на Ньоре), но вообще такие структуры на планетах земного типа нередки. В масштабе столетий такие долины подвержены сильным сдвигам земной коры и убийственным лавовым потокам. Еще чаще в долину выплескивается углекислота или метан, убивая все дышащее кислородом или вызывая огненные смерчи.

В результате образуется беспокойная мозаика экологических систем, полная парадоксов — по крайней мере так говорил примитивный анализ «Внеполосного».

Похитители либо были отчаянным народом, либо у них был отличный проводник — какая-то стая, знающая недолговечные обходные пути и понимающая коварные особенности любой жизни, которая уцелела в этом хаосе.

Обоз остановился около полудня. Стаи разбежались, охотясь за обедом. Некоторые результаты охоты были съедобны и для людей. Равна держалась подальше от людей и Амди. Шелковинт рискнул сказать еще несколько слов направленным шепотом:

— Кажется, Читиратифор насчет тебя решил. Не очень понимаю, что делать.

В этот же день путники прошли границы какого-то недавнего катаклизма. На протяжении двухсот метров плотный подлесок и раскидистые рощи сменились прозрачным лесом высоких и стройных деревьев. Снег таял под прямым солнцем, съеживался до отдельных сугробов. Как будто мир стал другим, только та же самая река ревела рядом в нескольких метрах внизу. Погонщики нервно оглядывались. Мимо телег

пробежал Читиратифор, выдавая грубые слова ободрения, которые даже Равну не убедили. Но ей перемена понравилась. Если «Взгляд Сверху — 2» пролетит сегодня, этим ребятам куда труднее будет спрятаться. Антиграв Странника был бы еще лучше — Читиратифор даже звукового предупреждения не получит.

Эта мысль была самым радостным событием дня.

Сумерки сгустились, Читиратифор ушел вперед, Равна видела, как он совещается с тощей пятеркой. Вернувшись, он махнул рукой погонщикам, проведя их еще сто метров и потом прочь с дороги, в относительно густую рощу — сегодняшний бивак.

Ужин прошел практически как накануне, хотя теперь ей дали кусочек мяса, и она была невероятно голодна. Она изо всех сил старалась скрыть свой аппетит, и Шелковинт помогал ей притворяться, но страшно раздражающим способом: резал ей мясо на тончайшие ломтики и скармливал по одному. И при этом предупредительно булькал, будто скотину кормил и уговаривал есть. Ладно. Равна изображала дурочку и очень старалась не смотреть в темноту, туда, где сидели Джефри и Амди с Ганноном.

В этот вечер ни одна стая не приходила интересоваться состоянием ее здоровья. Да, что-то было Решено. Рваные Уши и пятерка посовещались над картой еще раз, потом потушили свет. Стаи чуть растянулись, каждая спряталась, как и немногочисленные двуногие участники. Трудно было сказать конкретно, где они или кто стоит на часах, но что-то вокруг двигалось. Равна увидела уходящие в сторону реки тени. Читиратифор.

Она выждала минут десять, потом подалась к ближайшему элементу Шелковинта.

— Мне нужно. Нужно! — сказала она.

Шелковинт издал несколько жалобных звуков, но довольно быстро встал. Даже лучше: он не возразил, когда Равна двинулась в направлении журчащей реки.

Между вершинами деревьев проникал звездный свет, и его хватало, чтобы не натыкаться на низко висящие ветви. Впереди громко шумела река, маскируя все звуки. Блеска зеленоватого фонаря не было видно. Наконец Шелковинт потянул ее вниз.

— Стой, — сказал он направленным шепотом.

Значит, он не хочет рисковать ради серьезного шпионажа. Надо бы ей радоваться. Но, приседая к земле, она заметила, что Шелковинт идет по

склону вниз — сам организует наблюдение.

Она посидела столько, сколько это казалось разумным, но тут услышала тихое бульканье. Похоже было на межстайную речь, но почти все аккорды разделены, между ними писк и шипение. Будь это чуть громче, она могла бы понять. Кто-то использовал одну из раций Тщательника для голосовых частот, говорил очень аккуратно, компенсируя несовершенство передачи. Но даже и так, кто может быть в диапазоне действия рации? Самнорский… голос Невила. *Невил передавал ему данные со спутника!*

Она вскочила, сделала шаг в ту сторону…

Рот ей грубо закрыла чья-то ладонь, другая рука обхватила за талию. Ее подняли и осторожно положили на землю. Это был Джефри. Минуту они полежали на леденящей сырой земле, оба молчали. В ухе послышался голос Амди:

— Надо вернуться.

Равна кивнула. Амди окружал их со всех сторон. Они с Джефри встали и…

Снизу донесся взрыв кошачьего концерта, будто монстры рвут в клочки друг друга. Джефри бросился на землю, увлекая ее за собой. Ночь взорвалась криками стай, бегущих к реке. Дикие вопли неслись со всех сторон. Они укрылись под

каким-то кустом, а мимо проносились элементы стай.

Все происходило на берегу. Шум битвы стал громче, прерываемый свистом. Кого-то убивали.

Джефри встал на ноги и протянул руку Равне, чтобы помочь ей выбраться.

У нее ноги запутались в ветвях. Как-то она слишком далеко забралась! Она стала выпутываться, глядя туда, где шел бой. Там теперь стало громче, но и осмысленнее. Вроде реальный язык, приказы. Возникли огни. Поиск — но все еще вниз по реке.

— Я застряла! — прошептала она.

Джефри уперся спиной в нижние ветви и толкнул. Она услышала, как он полосует ножом. Амди держался у края подлеска. Он потянул, когда Джефри поднял ветви, и Равна вылезла.

Кто-то бежал от реки к ним. Шелковинт, все пятеро.

— Быстро обратно в лагерь! — велел он.

При поддержке Джефри переход занял всего секунды. Дойдя до телег, Джефри остановился, предоставив Шелковинту вести Равну дальше. Потом обошел телеги и вошел в лагерь.

— Какого хрена! — донесся голос Ганнона, но без должного храброго вызова. Когда Равна во-

шла, шатаясь, с Шелковинтом, то заметила, что Ганнон вроде бы один. Даже керхоги сбились в кучу как можно дальше от звуков битвы. Тягловые животные издавали собственные испуганные звуки — смысла в них было не больше, чем в словах Ганнона. Теперь внизу был виден яркий свет, но шум состоял из отдельных выкриков и стайного хохота.

В руку Равны ткнулся холодный нос. Она сдержалась, не пискнула и обняла голову ладонью. Это был один из Амди, но шепот исходил от всех его элементов, слышимый только в сумме:

— Равна, я очень боюсь!

— Амди, давай сюда!

Это был Джефри, уже возле своего спального мешка.

Шелковинт устроил Равну на ее постели, и оба они сидели, глядя вниз по склону. Выжившие уже возвращались — темные тени, идущие с энтузиазмом удачливых охотников. От них пахло кровью, но триумфальное бульканье было слегка неуверенным. Через несколько минут появились еще шесть теней: Читиратифор. Равна была уверена, что некоторые его головы смотрят в ее сторону, но подходить он не стал. Все уцелевшие стаи залегли на отдых, и вскоре ночь стала еще

тише, чем была до того. Не было густого храпа, и ночной шум от мелких зверушек тоже стих.

Равна стала перебирать возможности, и паника постепенно отступила. Она была уверена, что Шелковинт полностью не спит, но решительно намерен хранить молчание. А потом Равна поняла еще одну вещь: ей на самом деле нужно в кусты.

Очень долгая вышла ночь.

Глава 21

Стычка Читиратифора не задержала. Когда солнце показалось над склонами долины, караван уже четыре часа был в пути. На первом привале рваноухая стая прошлась вокруг под солнцем, будто декларируя, что предводитель не прячется, — или показывая всем, что совершенно невредим.

Равна подвела итог: у обоих погонщиков порваны куртки и раны на разных элементах. Один был шестеркой, от него осталось пять. Амди жался к Джефу, и они разговаривали на каком-то своем языке, который выработали еще в детстве. Шелковинт стоял вокруг сидящей Равны, будто охраняя пленницу. Ганнон Йоркенруд сидел на козлах одной из телег. Он был невредим, но по крайней мере на этот момент его самоуверенность испарилась. Даже угрюмым он не был — Ганнон боялся.

Светлоглазая пятерка и еще одна стая отсутствовали.

Читиратифор прошел поближе от каждого из выживших, и его бульканье звучало как комби-

нация хвастовства и выговора. Двое погонщиков подались прочь от его мыслезвука, нервно переглядываясь. Когда Рваноухий сунул морду в середину Амди, восьмерка откровенно взвыла от ужаса и попыталась спрятаться за спиной Джефри.

А Джефри… Джефри от щелкающих челюстей не отпрянул. Он смотрел на ближайшего из Читиратифора, и тон его был ровен и тверд:

— Я понятия не имею ни что ты говоришь, ни чего ты хочешь.

Это наверняка было преувеличение. Джеф знал язык Стальных Когтей не хуже любого другого человека. Но все же словесный напор Читиратифора прервался. Он побулькал на Джефри секунду и издал очень по-человечески звучащий смех.

— Я говорил с трусом. — Он ткнул одного из Амди в ребра. — Мне смешно видеть, как один из нас думает, будто двуногий — одинокий кусок мяса! — может быть защитой.

Смех Читиратифора перешел в какие-то аккорды стайной речи. Но от Амди и Джефри он отступил.

— Забыл о хороших манерах, прошу прощения. Мы союзники. — Два его элемента посмотрели в сторону Ганнона. Этот ценный кадр встрях-

нулся, к нему частично вернулась его обычная наглость.

— Именно так, господин Читиратифор. Невил велел нам полностью с вами сотрудничать — вы только говорите, что вам угодно. Извините, что мы так плохо понимаем.

— Ага. — Читиратифор повернул головы со снисходительным доброжелательством. — Да, конечно. — Он помолчал, окидывая всех троих человек оценивающим взглядом. — Итак, — продолжал он, — говоря простыми самнорскими словами, я вчера обнаружил предателей. Оба они теперь мертвы, мертвы тотально. — Он ткнул мордой в Шелковинта: — Ты. Умеешь говорить по-самнорски?

Шелковинт обтек Равну и почтительно встал перед Рваноухим.

— Да, конечно. Лучше даже некоторых людей, если на то пошло.

— Не важно. Я хочу, чтобы ты объяснял мои слова двуногим, когда они меня не понимают.

Чтобы мне не возиться с этими тупыми животными — был смысл его слов.

Шелковинт заискивающе улыбнулся. Он был просто портрет запуганной стаи, но по-самнорски говорил с хитринкой, голосом Свежевателя.

— Да, мой владыка. Я могу и в другом быть полезным. Может быть, только я остался, кто может дать вам совет про лежащую впереди местность.

Читиратифор издал радостный стайный смех, но рваный человеческий голос произнес:

— Если ты это скажешь кому-нибудь другому, я тебе глотки перережу. Это понятно?

— О да, ваша божественность. Это между вами, мной и несколькими двуногими, которые не в счет.

— Очень хорошо, — сказал Читиратифор, потом добавил что-то жизнерадостное на стайном языке. Амди промолчал, пряча головы за Джефри, но погонщики в ответ тихо засмеялись — наверняка понимали не больше камней.

Они по-прежнему шли вдоль реки. Тропа часто бывала крутой, шла рядом с порогами и водопадами. Высоко над головой поднимались стены долины. С запада маячили подсвеченные солнцем снеговые вершины. Последней телегой теперь правил Джефри, Читиратифор его прежнему погонщику дал задание разведывать дорогу. Сам Рваноухий бродил туда-сюда вдоль каравана, но на открытых местах не торопил. Может быть, Невил взял воздушный корабль под свой контроль.

Несколько раз за утро Рваноухий консультировался с Шелковинтом — по-самнорски. Он совершенно ничего не знал об этой территории, и было совершенно ясно, что ему плевать, знает ее Равна или нет.

Наверное, самой разительной переменой в этом новом порядке было то, что Шелковинт теперь разговаривал с ней совершенно открыто.

— При убийстве я не присутствовал, но я говорил с возницей первой телеги. Убили две стаи за предательство. Остатки их Читиратифор догнал и уничтожил сам. Стая по имени… — Он пробулькал пару аккордов, приблизительно произносимых как Ремасритлфеер. — Это был один из приближенных Магната. Второй — его помощник. Очевидно, оба они хорошо знали местность в этой долине.

Читиратифор был сейчас впереди и, быть может, не разбирал слов, произносимых Шелковинтом, но звук разговора вполне мог слышать.

Наверное, Шелковинт заметил удивление на лице Равны.

— Почему я сейчас с тобой разговариваю? — спросил он и пожал плечами. — Теперь, когда твой человеческий умишко восстановился, просто стало с кем поговорить. А что ты будешь

знать — дело десятое.

Шелковинт помолчал минуту, переводя телегу через рытвину, где в это время года бежала быстрая вода. Некоторые из Амди храбро пошлепали по ней, другая половина запрыгнула на телегу и прошла, не замочив ног. Головы они держали вниз, чтобы не забивать мыслезвук Шелковинта, но все же старшая стая сердито сказала:

— Вы мне эти штучки бросьте! Понятно?

В отрывочных воспоминаниях Равны мелькал образ Шелковинта, отгоняющего от нее Амди. Что бы это могло значить? Через секунду вопрос выяснился, когда направленный голос Амди сказал ей в ухо:

— Шелковинт не верит, что у меня хватит умения говорить тайно с кем-то таким слабослышащим, как человек, — когда есть хоть малейший шанс, что меня засекут. Но ты должна знать: теперь, когда Ремасритлфеера нет, Читиратифор ищет — прости — какой-нибудь интересный способ убить тебя, может быть, Джефри и даже Ганнона.

Шелковинт издал скрежещущее шипение. Амди испуганно припал на лапы, но его секретный голос продолжал:

— Ха. Он просто догадывается.

А вслух Амди сказал:

— Я буду хороший, я больше не буду штучек, обещаю.

Все, кто знал Амди, знали и то, что добровольно данные обещания он держит. Очевидно, знал это и Шелковинт. Посмотрев на Амди долгим взглядом, он ответил:

— Вот и хорошо, маленькие.

Во всяком случае, это была самая информативная, но и самая пугающая минута этого утра. Шелковинт замолчал. Может, он впал в угрюмость, или задумался, или прислушивался, проверяя, выполнил ли Амди свое обещание. Днем сделали короткую остановку поесть, но Амди ушел с Джефом и Ганноном, а Шелковинт пошел с Читиратифором разведать дорогу. И только после полудня Шелковинт опять разговорился.

— Очень неудачно вышло, что предателей мы убили именно сейчас. Входим в особо опасную зону, — сказал он. — Вот это то, что я говорил господину Читиратифору в обед. Здесь мелкие ошибки бывают фатальны.

Трое из Амди сидели у заднего борта телеги, но честно соблюдали обещание. Вслух Амди спросил:

— Так что же сказал Читиратифор стаям-по-

гонщикам?

— А, да. Эти стаи — просто городские бандиты. До сих пор эта работа была полна веселых приключений — настоящая охота, живое мясо почти каждый день. А вот сейчас им нужна вся помощь, которую может им оказать господин Читиратифор. — Шелковинт широким жестом обвел стоящий вокруг лес: — Такое мирное зрелище, не правда ли? Но почему, ты думаешь, так мало оно известно нам, Стальным Когтям? Потому что мало кто прошел через эти места целым — если прошел вообще. Прежний Свежеватель изучал долины разломов. И Булат тоже. Некоторые самые дьявольские озарения настигали их именно там. — Шелковинт повернулся к ней парой голов: — Я знаю, у вас, звездного народа, есть куда более смертоносные штуки. Но мы — ребята примитивные, делаем что можем.

Наверное, их услышал шедший между фургонами Ганнон Йоркенруд, потому что он побежал вперед и запрыгнул на фургон Шелковинта, столкнув при этом ногами элементы Амди.

— Расселись тут ехать на халяву! — бросил он. Потом устроился возле Равны и улыбнулся до ушей: — Кстати, тебя мы из чистого великодушия везем бесплатно.

Амди, выстроившийся с левой стороны фургона, возразил:

— Равна еще не настолько оправилась, чтобы идти. Читиратифор велел, чтобы ее везли на телеге.

— Я ж и говорю: мы великодушные. — Он жестом отогнал Амди прочь. — Шел бы ты к своему могучему защитнику.

Едущий на следующей телеге Джефри встал с козел. Равна знала, что Джефри последнее время питает к Ганнону особую ненависть. Сейчас выражение его лица было убийственное. Потом телега завиляла, тогда он сел и выправил керхога, снова поставив на дорогу.

К счастью, Йоркенруд на самом деле не был намерен затевать драку — больше ему хотелось поболтать с Шелковинтом.

— Выбалтываешь тайны Читиратифора, Шелковинт?

Стая пожала плечами:

— Толку ей с того.

— Значит, ты ей рассказал про радиосвязь со спутником?

— Нет, ты рассказал. Вот сейчас.

— А! — Ганнон секунду подумал, потом засмеялся. — Ты ж сам сказал, что ей толку с того

знания. А наверняка приятно было смотреть на ее реакцию. — Он ухмыльнулся Равне до ушей. — Радио — одна из кучи игрушек, которые Невил дал нашим маленьким друзьям. Отдать тебя собакам — это был аналогичный жест, а заодно убрали реальное неудобство. Со всех сторон польза. Невил знал, что весть о твоем похищении выманит из замка войска Резчицы, а нам даст шанс исчезнуть с разной снарягой, которая нам нужна.

Равна не смогла сдержаться, оскалилась в ответ:

— Так теперь Невил демаскирован?

— Отнюдь! Не знаю подробностей, как они избавились от охранников Резчицы, но ходят слухи, что тебя вовсе не похищали. Сама сбежала, потому что тебя выгнали из роскошного гнездышка на звездолете, и вот твои агенты украли аппаратуру — может, ты хочешь собственные операции начать. Когда меня официально спасут, я подтвержу любую историю, которую решит изложить Невил. — Он оглянулся на заднюю телегу: — И Джеф подтвердит, если хоть чуть-чуть свою пользу понимает.

— Такое… — Равна осеклась, не в силах найти слов. — Такое вряд ли кого-нибудь убедит.

— Да? Мы потруднее штуку проделали, когда похищали Детей.

— Эти тропиканские дураки хорошо сыграли нам в лапу, — добавил Шелковинт.

Это была не критика — просто небольшое уточняющее замечание.

Ганнон засмеялся и не мог остановиться:

— Что да, то да. Но Невил говорит, это награда за хорошо составленный план. Он хитростью подбил их драпать, как виноватых. Кто мог знать, что Божидар часть себя оставит на месте? Думал, что сможет обратиться к Резчице и всех нас выдать к чертям. К счастью, мы добрались до него раньше.

Равна посмотрела на Ганнона, и ее замутило:

— И ты похищал этих Детей и убивал их Лучших Друзей?

Какие-то остатки достоинства заставили Ганнона поморщиться.

— Не лично я… бывает, случается плохое, крошка. Нельзя было тебя ставить руководителем — теперь расхлебывать и расхлебывать.

Рядом с телегой прозвучал голос Амди:

— Равна, мы не знали.

Ганнон махнул рукой в его сторону:

— И пожалуй, эта жирная стайка не врет. Они

с Джефри были полезны, но не для грязной работы. Я знал, что их на вот эту операцию тоже не намечали.

Равна закрыла глаза на минуту, прислонилась к борту телеги. Понятно было теперь, за что Джефри так его ненавидит, но…

— Зачем, Ганнон?

Ганнон посмотрел на нее — было понятно, что смысл вопроса до него дошел. Секунду ей казалось, что он сейчас отпустит садистскую шуточку, но что-то в нем будто обвалилось внутри, и на Равну смотрели опустошенные глаза.

— Когда-то, давным-давно, я был умный. Там, в царстве Страум, в Верхней Лаборатории. Все легко было понять, что вокруг происходит. А потом я очнулся здесь и ничего не понимал, а орудия разума исчезли. Будто мне отрезали руки и выкололи глаза.

— У всех Детей так, Ганнон.

— Да, у кого больше, у кого меньше, даже у тех, кто этого не осознает. А почему, детка? Контрмера лишила нас дома, обрекла на изгнание. Ты хочешь сделать его вечным. Так вот, не будет этого. Тебя свергли. Если будешь с нами работать, помогать нашим когтистым друзьям, может быть, хозяева Читиратифора позволят тебе жить.

Ганнон смотрел на нее, и в лице его было страдание, на этот раз совсем без садизма. Потом он отвел глаза и через секунду уже снова принял обычную лениво-наглую позу. Показав рукой на лес вокруг, он спросил у Шелковинта:

— Так почему ты думаешь, что этот лес опасен? Я тут бывал в экспедициях. Умею находить гнезда хорьков и устроенные хорьками камнепады. Читиратифор послал одну стаю патрулировать. Мы нашли пару временных хижин, но организованных селений нет. Чего же мы боимся?

— Тут есть такие комары, по сравнению с которыми северный гнус — дружелюбные щенки. Скоро их увидим, как только чуть потеплеет.

— Комары? Слыхал я о них. — В голосе Ганнона слышалось веселое презрение. Потом вдруг его лицо затуманилось тревогой. — Или они заразные болезни переносят?

Ганнону не было видно, но Равна заметила, что Шелковинт переглянулся между собой, будто прикидывая, сколько можно наврать этому человеческому идиоту. Но не стал пользоваться возможностью.

— Да нет. Я по крайней мере таких не знаю, а у вас, людей, к нашим болезням почти ко всем иммунитет. По крайней мере так говорит «Вне-

полосный». Верно?

— Ну да.

— По-настоящему неприятные болезни — в тропиках, — продолжал Шелковинт. — Кусачие насекомые, которых увидим мы, невероятно надоедливы. Но опаснее всего в этом лесу… самый простой перевод будет «деревья смерти». Или «деревья-стрелы».

— Да, я про них слыхала, — сказала Равна.

Амди согласно хмыкнул. Деревья смерти фигурировали в некоторых рассказах Странника.

— Фигня! — скривился Ганнон. — Откуда ты про все про это знаешь?

Шелковинт посмотрел на него надменно:

— До того как пойти на службу к Свежевателю, я был лесным обходчиком. А сейчас я еще и специалист по таким разломам.

Равна вспомнила: Резчица характеризовала эту стаю как одну из пробных работ Свежевателя. Как бы то ни было, но в рассказывании легенд Шелковинт был специалистом.

Скептицизм Ганнона поубавился.

— Этот участок похож на мачтовый лес. Такое редко бывает, но я видал. Слыхал, что великолепные строительные бревна получаются. Или эти твои деревья смерти что-то умеют особенное?

Прячутся? Как в засаде, ха-ха!

— Вы абсолютно правы, сударь. Но это совсем не так, как можно было бы подумать. Этот лес не любит, когда его рубят или грызут… пардон, госпожа Равна, не хотел быть невежественным средневековым дикарем. Я знаю, что деревья не умеют думать. У меня просто нет терпения подбирать эти ученые словечки, этим пусть занимаются Свежеватель и Тщательник. Как бы там ни было, но в этом лесу опасны только несколько процентов деревьев.

— Сколько? — спросил Амди.

— По-разному. Процент очень небольшой, хотя деревья смерти чаще встречаются в этой долине разлома, на сумасшедших полянах. Думаю, зависит от природы местных травоядных и так далее. — Он глянул на Амди: — Ты, маленькие гении, мог бы прикинуть оценку.

— Наверное, — ответил Амди. Его будто совершенно не задевали насмешки Шелковинта, то и дело называющего его «маленькими».

Но эта подковырка заставила Йоркенруда засмеяться, отвлекшись.

— Меня должны были спасти куда раньше, чем мы сюда добрались, — сказал он. — Сколько времени должно занять у Невила — выдрать

дирижабль у псов Резчицы? — Он теперь смотрел в лес с более личным интересом: может быть, эта забавная гибель грозит не кому-нибудь другому, а именно ему. Деревья с виду принадлежали к одному и тому же типу — высокие и грациозные хвойные, с иглами от коротких и тонких до длинных и толстых. — Понятно. Такие иголки могут служить стрелами — если срезать и добавить к ним нормальный лук.

— Лук не нужен, если ты из породы стреляющих деревьев. На следующем привале заберись на нижние ветви одного из этих деревьев — я скажу, на какое можно. И увидишь в основании длинных игл напряженный узел.

— Может, так и сделаю, — сказал Ганнон. — Ты говорил про это Читиратифору?

— Конечно. Он и рассказал всем. Видишь? — Рваноухий впереди явно просвещал переднего кучера, бурно жестикулируя в сторону деревьев. — Да ты не волнуйся. Среди этих деревьев смертоносных очень мало, и если соблюдать несколько простых правил, пройдем без потерь.

На какое-то время Шелковинт замолчал. Он явно перенял у Свежевателя умение дразнить своих слушателей.

Они проехали еще пару ручьев, струивших в

реку талые воды. Местами красивые и, возможно, смертоносные деревья подходили близко к тропе, заставляя пеших выстраиваться в колонну позади или впереди телег. Амди смотрел во все стороны, но больше с любопытством, чем со страхом. В этом новом лесу практически не было подлеска — только большие, чем-то похожие на грибницу кусты вокруг некоторых деревьев. Равна мысленно видела, как Амди оценивает их с точки зрения возможного укрытия, определяет поля накрытия огнем, порождает миллион вопросов, которые тут же прорвутся, если Шелковинт позволит ему здесь ошиваться.

Ганнон тоже оглядывался вокруг и наконец не выдержал молчания:

— Слышь, ты, так что это за «немногие простые правила»?

Шелковинт хмыкнул, но дразниться перестал. У него было что сказать полезного.

— Видишь эти открытые пространства? Так вот, они смертельные. Нашпигованный стрелами, далеко не убежишь. Если на расстоянии выстрела окажется хоть одно стреляющее дерево и оно среагирует, двуногому хватит. А если их там группа, то когда сработает одно, остальные подключаются тут же, и стрелы летят с десятков

деревьев. Когда вы, космонавты, их изучите, найдете объяснение этому механизму. Может, дело в пыльце, которая освобождается и сигнализирует другим. Но срабатывают они все сразу.

— И целятся? — спросил Амди.

— Да нет. Идет волна стрельбы, расходящаяся от первого дерева. Смысл в том, что стрел могут быть тысячи. Они вырезают целые стаи до последнего элемента. Так что правило номер один: не стой на открытом месте. Видишь кусты у подножия деревьев? Это их цветы — ну, эквиваленты коронных драгоценностей у стаи. Туда стрелы практически не летят. Так что лучшая стратегия, если мы на любое время остановимся, — стоять возле кустов. И чуть чего — нырять в них, если вдруг начнется. — Шелковинт пожал плечами. — Двуногий может не успеть, но для стаи — спасение.

Ганнон задумчиво замолчал. Амди пошел разведывать впереди и вокруг, принюхиваясь к кустам. У него включился режим задавания вопросов, и он хотел знать все, что мог рассказать Шелковинт о том, что запускает атаку и как может быть организован кластер стрелков. Шелковинт не скупился на подробности — забавная комбинация технического жаргона и средневековых сказок.

Амди поглощал все и тут же задавал новые вопросы. Когда Читиратифор дал команду ставить лагерь, интерес Йоркенруда к технике безопасности был удовлетворен в самых мелких подробностях.

Очевидно, Читиратифор за обедом получил ту же инструкцию в сокращенной форме. Рваноухий определенно нервничал, ставя здесь лагерь.

Когда Равна слезла с телеги, Амди встал вокруг нее со всех сторон.

— Знаешь, — сказал он тихо и будничным тоном, но не по секрету, — это все на самом деле бессмысленно.

И двинулся в сторону Джефри.

* * *

Через полчаса после остановки на ночлег Ганнон и Джефри занимались вечерней работой. Читиратифор решил, где делать костры, но он все еще тасовал телеги и тягловых животных, пытаясь найти наиболее безопасное построение. Шелковинт его сопровождал, снабжая экспертными советами. Каждый раз, когда эти стаи подходили на расстояние слышимости, Равна слушала с интересом. Одно было ценно в рассказе Шелковинта: он мог бы отвлечь Рваноухого от за-

думанного смертельного развлечения, которого боялся Амди.

— Да, — говорил всегда выступающий по делу Шелковинт, — деревья приходится отвлекать. Две вещи, на которые они реагируют, — вибрация и физическое нападение.

Рваноухий возразил:

— Но мы же эти растения не едим, мы даже не лесорубы. Мы их не трогаем, эти деревья.

— Боюсь, что это несущественно, мой господин. Деревья смерти здесь попадаются чаще, чем мне приходилось видеть, и я подозреваю, что впереди будет даже хуже. Сегодня нам несколько повезло — возможность отработать правильную технику. На этой стороне дороги мы нашли небольшую зону, свободную от деревьев смерти, но звуки, которые мы производим, вызовут в конце концов срабатывание — это у людей такой технический термин, господин, когда оружие стреляет спонтанно. Такое частичное срабатывание мы и должны спровоцировать, чтобы себя защитить.

— Солдатам это не понравится.

— Представьте это как совершенно безопасное испытание, господин, тем более что так оно и будет. Мы встанем на западной стороне тропы,

почти под защитой корневых кустов. Я предложил бы вам нанести мелкую травму деревьям на восточной стороне.

— Травму?

— Я имею в виду, причинить деревьям рану. Эту работу можно поручить отдельному элементу, использовав телегу для его прикрытия. Все остальные укроются в корневых кустах на этой стороне дороги. И тогда будем лучше понимать, что ожидать впереди.

Рваноухий издал задумчивый звук, но они с Шелковинтом уже уходили прочь, и Равна не слышала окончания разговора. Телеги наконец расставили, керхогов укрыли чуть позади. Джефри и Амди не были видны, а Ганнон и Читиратифор двинулись в сторону Равны. Последний нес в зубах плотницкий топор. Равна вдруг поняла, что Рваноухий понял, как развлекательное убийство может решить его другие проблемы.

Стая бросила топор перед Равной.

— Так. Вот ты, — сказал Читиратифор. — Давай через дорогу и сделай надрезы на среднем дереве.

— Делай, что тебе Читиратифор велел! — Ганнон махнул рукой к восточной стороне тропы. — Да бери ж ты топор, чтоб тебя!

Он метнул топор поперек тропы — вертящееся лезвие воткнулось в землю в двух метрах от ног Равны.

При звуке голоса Ганнона Амди и Джефри подошли вокруг фуражной телеги. Наверное, кормили керхогов. Погода была такая теплая, что не было необходимости разогреваться от ходьбы, но все равно кормить голодных животных работа была грязная — не того сорта грязная работа, что любил Ганнон.

— Ты что к Равне пристал? — заорал Джефри.

Ганнона от нее отделяли добрых десять метров, так что это явно не было обычное приставание.

— Хочет, чтобы я дерево ему срубила! — крикнула в ответ Равна.

— Что?

Амди и Джефри побежали к ней, но Читиратифор небрежно встал у них на пути. Из седельных сумок он вытащил боевые топоры и лениво покачивал ими. Равна заметила, что возницы взяли арбалеты на изготовку.

Ганнон махнул Джефри рукой:

— Так-то, Джеф! Остынь.

Джефри смотрел на Равну, оставшуюся в одиночестве, взметнул глаза выше, к деревьям. Резко повернулся к ближайшему элементу Читира-

тифора:

— Она же тебе *нужна*! В этом был весь смысл экспедиции!

По всему Рваноухому проползла ленивая улыбка. Он небрежно крутанул боевой топор.

— Ошибаешься. Двуногая Равна живая мне не нужна. Она мне как раз сейчас пригодится. И пользы от нее будет больше, чем от двуногих бывает.

Ганнон нервно засмеялся и сказал Джефри:

— Так что, Джеф, расслабься.

Джефри злобно на него глянул, потом на окружающие стаи. На миг даже ветер стих, и Равна поняла, что Амди был абсолютно прав. После гибели Ремасритлфеера Читиратифору ничто не мешало выполнить *собственную* задачу. *Джефри, только не пытайся с ними драться.* Кажется, Амди чувствовал то же самое. Издавая жалобный писк, он пытался удержать Джефри, хватая за манжеты брюк.

— Ладно, — сказал Джефри и протянул руку к ближайшему из Читиратифора: — Дай тогда мне тоже топор.

— Кретин! — скривился Ганнон.

Секунду Равне казалось, что Рваноухий сейчас полоснет Джефри по руке. Но стая скрипуче за-

смеялась и подбросила в воздух один из топоров.

Джефри поймал топор на лету, отбросил пинком Амди и шагнул через тропу к Равне. Амдиранифани шел вокруг него.

Смех Читиратифора перешел в громкий хохот. Он что-то сказал Шелковинту и возницам — все они радовались развлечению. Их начальник собирался показать им, что это за такие деревья смерти, причем не рискуя никем ценным. Читиратифор что-то булькнул Амди тоном приказа.

Амди ответил на человеческом языке:

— Нет, я Джефри не брошу.

Слова были смелые, но глаза слишком белели в орбитах.

Читиратифор сердито загремел, потом добавил по-самнорски:

— Ты представляешь интерес, но наказать тебя можно. Хочешь быть семеркой? Или шестеркой?

— Да пусть его, господин, — вмешался Шелковинт. — Может стоять возле дерева с корневыми кустами. Это относительно безопасно.

Амди сжался, отступая к дереву, которое указал Шелковинт. Равна заметила, что место для лагеря выбрано очень тщательно — у всех ближайших деревьев корневых кустов не было.

Читиратифор следил за движениями Амди, и

по нему разливалась улыбка.

— Трусливый шут. — Он повернулся к Равне и Джефри, но и для них у него нашлось доброе слово. — Теперь ты, самка. Бери топор и руби дерево, что у тебя за спиной. Вот это, Шелковинт?

— Именно оно, мой господин. Это почти наверняка истинный убийца, а нижние стрелы у него отлично уже напряжены.

— Керхоги надежно укрыты?

Шелковинт посмотрел в сторону телег и животных.

— Да, надежно. — Керхоги беспокойно перетаптывались, будто и они поняли, что сейчас будет что-то необычное. — Вы идеально их расположили.

Читиратифор булькнул что-то остальным — как будто начинал представление. Равна расслышала в этих аккордах сочетание, означающее «ставки».

— А ты, самец, встань у следующего дерева слева.

— Но ничего не руби пока, — предупредил Шелковинт. — Надо посмотреть, спровоцирует ли одна атака все деревья.

Рваноухий красовался перед публикой.

— Бери топор, я сказал! — загремел он. — У тебя

неплохой шанс выжить. — Он что-то сказал слушателям, в ответ забулькали. — Четыре против одного ставят за тебя. Но если не будешь делать, что я говорю, — смерть верная.

Его возницы наставили арбалеты.

Равна взялась за топорище и вытащила топор из влажной земли. С него осыпались хлопья игл, лезвие блеснуло в предзакатном свете. Топор не боевой, но недавно заточен.

Возницы и Читиратифор следили за ней через дорогу с присущим стаям вниманием, которое всегда вызывало у нее беспокойство. Это для них было не только развлечение. Если не считать держащих арбалеты элементов, каждый из них по большей части заполз под защитное прикрытие корневых кустов. Только Читиратифор, Шелковинт и Ганнон стояли на открытом месте. Ганнон огляделся, вроде бы понял, что открыт. Повернулся и двинулся под ближайший незанятый куст.

Теперь возницы шумели снова. Они запели, и от этой смеси гармоник у Равны уши заболели. Она знала значение распева: *Давай, давай, давай!* Бывали стаи, которые точно так пели на футбольных матчах.

Она обернулась к дереву у себя за спиной. Амди справа от нее танцевал вокруг в испуганном воз-

буждении, подвигаясь ближе к корневому кусту, который мог его защитить. Ничего по секрету он сказать сейчас не хотел — по крайней мере ничего такого, ради чего он стал бы рисковать, повышая голос до уровня человеческого слуха. Джефри слева смотрел на Амди, потом на нее… и вдруг она поняла, что они с Амди играют в *игру*, как в самом своем младенчестве, но сейчас ставка в этой игре — жизнь.

Давай, давай, давай!

— Ну ладно!

Она подошла к дереву, качнула топор в руке. Древний человек описал бы его как обоюдоострый топор, насаженный на рукоять от такелажного крюка. Тут никак ей было не использовать полную силу, как было бы с настоящим, для человека сделанным топором.

Но наточен он был остро.

Дерево было примерно восьмидесяти сантиметров в поперечнике, кора гладкая, почти как кожа младенца, но светло-буйволового цвета, который у современных хомо сапиенс встречается редко. Дерево вроде бы ничем не отличалось от тысяч других таких же, которые ей попадались последние дни. Прямой ствол тянулся метров на сорок вверх — красивая гладкая башня. Нижние ветви

росли горизонтально, ближайшая сантиметрах в тридцати над головой, и снопы игл торчали из утолщений, которые Шелковинт назвал «узлами натяжения».

Давай, давай, давай!

Она подняла топор и нанесла по гладкому стволу удар — будто осторожно тюкнула. Лезвие ушло в дерево на сантиметр. Когда Равна вытащила топор, на стали был слой прозрачного сока, и еще капля выступила на стволе. Сок пах чем-то сухим и сложным, чем-то знакомым… А, просто усиленный вариант запаха, пронизывающего этот лес.

Но важнее всего, что этот запах никак не сказался на мирной тишине идущего к закату дня. Прямо над Равной висели в зеленоватой тишине неподвижные сплотки игл.

Публика на той стороне тропы восторга не выразила. Распев стих, но возницы раздраженно перебулькивались друг с другом. Шелковинту было нечего сказать, но выражение его личности было ироническим, будто он ждал, пока очевидное скажет кто-то другой.

Голос Читиратифора грянул одновременно на стайном и на самнорском:

– *Руби* дерево, двуногая! Замах — и удар! Либо мы увидим кишки этого дерева, либо твои.

Возницы засмеялись и снова наставили на нее арбалеты.

Она обернулась к дереву и стала рубить. Удары были все еще слабые, но она делала, как сказано: заносила и опускала топор, попадая примерно по одной и той же линии. При таком темпе на валку дерева мог уйти целый час, но она уже пробила в стволе глубокую зазубрину, открыв узор годовых колец, почти повсеместный для деревьев этого мира.

Она остановилась — отчасти потому, что запыхалась, отчасти потому, что услышала озабоченное сопение Амди. Заметила, что Читиратифор подался поближе к безопасности большого куста.

И лес больше не молчал. В ветвях над головой послышалось постукивание. Ближайшие ветви задрожали, кластеры игл чуть заметно затрепетали, задергались вокруг узлов натяжения, удерживающих их на месте. А сами узлы… *задымились*? Нет. Это не дым. Это густой туман пыльцы, медленно плывущий в едва заметных воздушных потоках остывающего дня. Когда пыльцу выносило на яркий свет, на отражение солнца от повисших сверху пиков, она светилась золотисто-зеленым.

На той стороне тропы веселого настроения несколько поубавилось. Стаи расширенными глазами смотрели на дрейфующую пыльцу. Она распространялась от дерева Равны, расплываясь в воздухе, и треск ветвей передавался на соседние деревья, на ту сторону проезжей дороги, создавая растущую золотисто-зеленую тревогу. Возницы жались под корневыми кустами, и даже арбалетчики теперь убрались с открытого места.

Когда потрескивание дошло до деревьев вокруг Читиратифора, он наконец-то бросил свою храбрую позу и втиснулся под выбранный им куст. Только развинченный Шелковинт остался неподготовленный. Он не выбрал себе достаточно большого куста и теперь не мог найти для всего себя достаточного укрытия.

А керхоги смотрели на них с беспокойным интересом. Если тревога дойдет достаточно далеко, телеги могут оказаться ненадежным укрытием.

Прошло секунд десять. Треск распространился далеко, откуда его и не слышно было, но ни одна стрела еще не вылетела.

Шелковинт заговорил несколько беспокойно:

— Когда начнется, может сразу хлынуть лавина стрел, господин. Может быть, мы несколько… излишне открыты.

Читиратифор посмотрел на него с интересом:

— Может, это *ты* излишне открыт, дурные твои головы. Вон под тем деревом кустик, его тебе может хватить. Закапывайся! — Он снова посмотрел на Равну: — А ты давай руби, человек.

Она снова повернулась к дереву. Уголком глаза увидела, что Амди весь припал к земле, упрямо отказываясь идти в укрытие. *Что за игра, Джефри?*

Давай, давай, давай!

Она ухватила топор за конец и середину рукояти и весь свой страх вбила в бедное тупое дерево.

Хрясь. Хрясь. Хрясь!

Иглы стрел затрещали еще громче, тревожная пыльца сгустилась почти до удушающей концентрации. Каскадом затрещали деревья, боль прострелила уши, Равна бросилась наземь, пытаясь найти укрытие хоть в самых мелких неровностях почвы. Но боль терзала ее не от стрел — от криков. Кричали элементы стай.

— Вставай, беги!

Часть Амди окружила ее, пытаясь поднять на колени. Равна встала, увидела, что остальная часть бежит к Джефри.

Хаос, в котором не было смысла. Равна под-

нялась, шатаясь, все еще пригибаясь из страха внезапной стрельбы. Но стрел не было. Нигде. И все же на той стороне дороги крики стали громче, на их фоне послышались свистящие ротовые звуки — так вопят элементы в невыносимой боли. Ни одного из возниц видно не было. Кусты, где они прятались, стали как-то ниже и шире, чем раньше, и дрожали, будто под ними что-то дергалось…

Амди тянул ее и толкал:

— Быстрее к телегам!

Она шла, пошатываясь, и видела по дороге, что не все Стальные Когти исчезли. Почти весь Шелковинт стоял у края одного из корневых кустов и рубил его ветви. Его хромой не успел отпрыгнуть, запутался.

Часть Читиратифора сумела выбраться из куста, который жевал стаю, и теперь отбивалась оставшимися ручными топорами. Он уже почти освободил из ловушки своего арбалетчика. Но тут он увидел Равну и Амди, заревел от гнева, и три его свободных элемента бросились за ними.

Равна побежала. В обычных условиях совершенно бесполезная попытка — на открытом месте элемент стаи догоняет двуногого, а стая с военной выучкой способна временно пожертво-

вать сознанием ради короткого убийственного преследования. Но та часть Читиратифора, которая не могла следовать, должна была испытывать страшные боли. Трое, бросившиеся за Равной, оказались будто на невидимой привязи. Они, не замедляя хода, свернули по кругу к остальной своей стае, где снова стали вырубаться из куста.

Шелковинт действовал успешнее. Он освободил своего попавшегося элемента, и тот захромал на трех ногах, но вся стая двинулась к Равне и Джефри.

— Я его взял! — крикнул Джефри.

Он был ближе к телегам, чем Равна, но побежал обратно и подхватил на руки хромающего элемента Шелковинта.

— Помогите! Спасите!

Это был Ганнон. Юноша приподнялся на локтях, нижняя часть тела была скрыта кустом, придавившим его сверху. С ужасом на лице он протягивал к Равне руки.

Она не знала Ганнона Йоркенруда ребенком. В лучшем случае — нахальным подростком, с каждым годом все более и более злобным. Но вначале она видела в нем того, кого и во всех прочих Детях: тот, кому она может помочь. Было время, когда он не был врагом.

Каким-то чудом она все еще не выпустила топор и бросилась на ту сторону тропы, навстречу протянутым рукам Ганнона.

— Нет, не надо! — Амди тянул ее прочь.

А кто-то другой злобно рявкнул:

— Да черт с ним, ладно!

Это была здоровая часть Шелковинта, бегущая оттуда, где Джефри положил раненого. Джефри прибежал сразу за ним, и они закружились перед Равной, закрывая ее от Ганнона.

Но делали они то, что хотела сделать она. Джефри подскочил к дереву, используя длину рук, чтобы достать куст у основания, где не было опасности задеть Ганнона. Четыре элемента Шелковинта ножами разрезали ветви, потом схватили Йоркенруда за куртку и потянули на себя.

Равна была в середине Шелковинта и тянула вместе с ним, обхватив Ганнона за плечи. Каждый удар Джефри вызывал у куста судорогу и отвоевывал Ганнону еще сантиметр свободы.

Шелковинт взвизгнул и отшатнулся, выпустив Йоркенруда. Равна успела поднять глаза, чтобы уйти от металлических шипов. Между ней и Шелковинтом ворвались свободные элементы Рваноухого, полосуя когтями. И как минимум

часть одного возницы освободилась и подключилась к атаке.

Йоркенруд выскользнул у нее из пальцев, неумолимые тиски куста победили наконец. Тело исчезло из виду, последний крик прервался хрустом.

Вокруг валялись окровавленные тела.

Равна вскочила, отшатнулась. Никогда она не была в бою. Но Джоанна ей много рассказывала. Против даже одной стаи безоружный человек не выстоит.

Не давай сбить себя с ног. Лезь куда-нибудь, куда стае не добраться.

Что-то ударило ее сзади, смело с ног. *Джефри!* И она уже смотрела вниз с его плеча, а он быстро пятился от битвы, которая ей теперь не была видна! Амди крутился вокруг частями, окровавленный. Он был безоружен, но у Джефри топор остался. Она чувствовала, как он машет топором, слышала крики. Джефри пошатнулся, обернулся, и она мельком увидела Шелковинта. *Эта* стая была вооружена, каждая пасть и каждая лапа, даже у хромого. Шелковинт и Джефри в порядке отступали под натиском — даже не стаи, а жаждущей убийства толпы, три от Рваноухого и два от возниц.

Они добрались до ближайшей телеги. Шелковинт был полностью, и — если она не посчитала кого-то дважды, — Амди оставался восьмеркой. Он разделился на три группы и бежал вперед, направляясь к керхогам.

Джефри спустил Равну с плеча на землю:

— Помоги Амди. Надо уходить.

В этом она действительно могла помочь. Один двуногий в работе с керхогами стоит не меньше четырех элементов стаи. Свое животное она запрягла в головную телегу прежде, чем Амди управился с прочими. Ее керхог оказался послушным — может быть, даже слишком, и телега уже двинулась вперед. Не хотел этот керхог слышать вопли хищников.

— Не отпускай! — крикнул Амди, рассыпаясь, чтобы привести вторую и третью телегу. Он был весь в крови, но его было точно восемь.

Джефри и Шелковинт продолжали держать оборону. Вражеская толпа бегала туда-сюда вдоль тропы позади, то и дело пытаясь прорваться. Джефри держал центр, а Шелковинт — все, кроме хромого — бегал по всей линии, полосуя и рубя, встречая отчаянный напор атакующих собственным вариантом бешеной ярости, отгоняя всех, кто пытался обойти заднюю телегу и броситься

за Равной и Амди.

Метр за метром двигались три телеги прочь от лагеря. Равна шла рядом с передовым керхогом. Он уже не тянул так бешено, и она без труда удерживала его в темпе своего шага. Она оглянулась. Сквозь собственный панический страх пробилось ужасное видение — кошмар, перед лицом которого оказался противник: два от возниц и три от Читиратифора, они были метрах в пятидесяти от деревьев, удерживающих остальные их элементы. Вне досягаемости мыслезвука. Преследование станет безмысленным и уничтожит любые шансы на выживание стаи.

Первыми сдались два элемента возницы, они повернулись и побежали к лагерю. Три от Читиратифора завизжали в гневе на это дезертирство, потом их гнев обратился на беглецов. Фрагмент этот еще раз попытался ударить на Джефри и Шелковинта — и повернул назад ради отчаянной попытки спастись.

— Те, что в кустах, — все мертвы или скоро умрут, от удушья или раздавливания, — так ответил Шелковинт, когда его спросили про Ганнона и остальных. Тон у него был еще легкомысленнее обычного. — Хе-хе. Нам только надо надеяться, что Читиратифор умрет медленно и его остатки

не бросятся за нами, пока мы не уйдем достаточно далеко.

Они пошли как можно быстрее. В момент бегства было еще светло, но теперь сумерки сгустились в ночь, и продвижение телег замедлилось. А как оказывать первую помощь, если не видишь ран? Украденные фонари были где-то на телегах, но останавливаться и их раскапывать времени не было. Когда еще было светло, Равна успела оценить общий масштаб проблемы. В той или иной степени пострадали все. За последние десять лет Равна много чего узнала о первой помощи. Руке Джефри нужна была давящая повязка. Ее она соорудила, и он понял, как повязку поддерживать. Амди выглядел жутко — кровь выступала не менее чем из трех голов — но мыслил вроде бы ясно, как обычно. Наверное, это поверхностные раны, далеко от мембран. Она перевязала ему головы полосами, оторванными от плащей. От этого Амди труднее стало слышать собственные мысли, но кровь остановилась.

— Я себя отлично чувствую, — сказал он ей. — Надо будет только внимательнее смотреть, где я. Пожалуйста, осмотри Шелковинта.

Теперь уже стемнело по-настоящему. Один из Шелковинта сидел на задней телеге и правил.

Остальные растянулись усталым лежбищем на второй телеге вместе с Равной.

— Надо остановиться, перевязать тебя как следует, — сказала Равна.

— Не, — отказался он. — Двигаться надо. Как Амдиджефри?

Равна огляделась. Джефри шагал рядом с передовым керхогом, ведя его под уздцы. Все восемь элементов Амди трусили по сторонам средней телеги и влекущего ее керхога, удерживая животное на дороге.

— Все хорошо у меня, — сказал Амди, но смотрел он на Шелковинта с тревогой: — А ты как?

— Ты отлично сегодня действовал, Маленькие.

Равна провела рукой по ближайшему его элементу:

— Но *ты* сам как, Шелковинт?

— Я сам как? Как я? Ты дура, что ли? У меня все та же нога, тобой сломанная, болит зверски. Сегодня ты нас втравила в попытку спасения Йоркенруда. А он же куда большее дерьмо, чем любой из возниц, ты это знаешь?

Равна вспомнила тот момент, когда все, о чем она могла думать, — это спасение Ганнона. Никогда она не считала себя расисткой — это страумский порок. Она наклонила голову:

— Прости, Шелковинт. Просто я его знала раньше, знала всех ребят, когда они еще были моложе. Чувствовала ответственность за них.

Шелковинт издал тихий смех.

— А ты бы так же поступила, знай ты, что это он тебя мордой приложил об телегу? Не бери в голову. Боюсь, ты бы все равно так сделала. Какие вы с Резчицей мягкосердечные…

Резчица мягкосердечная? Это с кем же сравнивать?

Шелковинт настороженно шевелился под ее руками, но не мешал трогать и ощупывать. Она мало что сейчас видела, но он был весь в крови, как Амди. Пусть продолжает разговаривать.

— Ты с самого начала был на нашей стороне, Шелковинт. Но ты же и в заговор Невила входил.

— Входил, конечно! Тебе Свежеватель не говорил, что внедрил меня туда? Такие вещи не сделаешь, если тебе не доверяют как следует.

— Ты и меня обдурил с деревьями — пока стрелы так и не начали летать.

— Ага, прямо сам получил удовольствие. Понимаешь, есть стреляющие деревья. Только не в этих краях, не поблизости. Кусты-убийцы куда реже — переходная стадия на пути, которым иногда развиваются эти леса. Я даже поверить

не мог в свое счастье, когда увидел, как тебя куст схватил. Ложь у меня была просто очевидна, хотя Читиратифор был полным невеждой. Не знаю, зачем Хранитель все эти годы с ним возился. Ремасритлфеера я бы не обманул. Но ему ты нужна была для Магната. Нам теперь надо только не попасться Хранителю и Магнату и тихо-тихо тащить свои тушки домой в Домен.

До Равны вдруг дошло, что она сидит в середине того, кто может объяснить почти все эти смертельные тайны, — и при этом точно ей друг.

Сумерки давно погасли, но луна стояла низко на юге, и ее свет крошил лесную подстилку серебряными и черными пятнами.

Когда выдался открытый участок дороги, Равна всмотрелась в сгрудившихся элементов Шелковинта. Он уже перестал так много разговаривать, хотя отдельный элемент на другой телеге смотрел внимательно в темноту, воспользовавшись просветом, как и Равна. А потом она сообразила, что, кроме этого отдельного, весь Шелковинт *сгрудился* — бессознательная реакция стаи, не осознающей, как серьезно она ранена.

— Шелковинт, давай поговорим.

Стая ответила тихим человеческим смехом:

— Ага, ага. Знаю, что у тебя миллион вопросов,

а у меня миллион ответов, хотя если бы мы точно знали, что происходит, то не влипли бы в эту кашу. — Он побурчал про себя секунду. — Мы не понимали, насколько серьезна роль Хранителя. Не сообразили, что он может строить интригу против Магната. Не догадались, что они схватят так много и за один раз.

Слова не расплывались. Фактически звуки издавала вся стая. Но произносились слова будто нараспев. *Кто-то* из элементов стаи свою долю ментальной нагрузки не тянул. Равна осторожно вдвинула между ними руки, пытаясь жестом попросить стаю раздвинуться. Пара челюстей щелкнула на нее рефлекторно, но четверка раздвинулась. И крови оказалось *очень* много.

Тот, которого стая прикрывала, лежал в луже крови. Элемент что-то бубнил про себя, боли на самом деле не чувствуя. В отраженном лунном свете он повернул голову к Равне, и в открытых глазах тускло блеснула искра. Равна провела рукой вверх по его плечу, нащупала вяло пульсирующий разрез у основания шеи, и кровь потекла у нее между пальцами.

– *Джефри!* — закричала она.

Равна, Джефри и Амди делали все, что могли, но этого было до обидного мало. Кровь она оста-

новила. Нашли поляну, уговорили Шелковинта лечь под лунным светом, чтобы обнаружить все его раны. Но один элемент уже был безмолвен, беспамятен, и спасать его было поздно.

Смерть оказалась мирной, безболезненной кончиной. Ее могло бы не случиться, если бы была боль и свистящие крики. Но нет — элемент тихо истекал кровью, а стая слишком устала и задремала, не подозревая о смертельной опасности…

Глава 22

После этой остановки они ехали всю ночь и начало следующего дня, пока усталость не свалила людей, стаи и керхогов.

Равна еще раз осмотрела у всех раны. Джефри и Амди тревожно оглядывали окрестности, но в основном смотрели в ту сторону, откуда приехали.

— Не думаю, чтобы какие-то выжившие фрагменты сейчас за нами гнались, — сказал Джефри.

— А что по этому поводу думает Шелковинт? — спросила Равна.

То, что осталось от Шелковинта, держалось гораздо живее, чем Джеф и Амди. Когда телеги остановились, стая скрылась в лесу, назначив себя дозорным. А сейчас она только шипела от боли, когда зализывала себе раны. Четверо сновали вокруг передовой телеги, потом стая вытащила из ящика рационы и начала есть. Элементы угрюмо жевали, оценивающе поглядывая на окружающие деревья.

— Боюсь, он больше ничего не может сказать. — Амди обошел вокруг Шелковинта и принес

рационы для стаи и людей туда, где сидели Равна и Джефри.

Она постаралась съесть сколько могла — очень давила усталость. Перед глазами все чуть-чуть плыло, и день выдался по-настоящему *теплым*. Тихий пронзительный звон стоял повсюду, и комары взмывали с глади каждого пруда и реки.

Наконец слова Амди достигли ее сознания.

— Я видала стаи-четверки, — сказала она, — и они вполне могли говорить.

— Вопрос в том, как они себя строили, — ответил Джефри. — Он сидел на краю Амди, в паре метров от Равны. Видно было, что он старается не смотреть ей в глаза, но все же время от времени на нее косился, иногда с вызовом. — Вроде бы очевидно: тот, что умер, был главным центром речи. Так что самнорского больше нет. И похоже, межстайной речи тоже нет.

— Будем пытаться, — сказал Амди. — У того, что осталось, какие-то речевые способности есть, я это знаю.

Амди замотал головами, но не в порядке яростного отрицания — просто от комаров отмахивался.

Джефри предупредительно отогнал их от ближайших морд Амди.

— Возможно. Но пока мы поймем, сколько осталось от его разума, пройдет время.

— Значит, он сейчас вроде как я была.

Но он никому не позволит себе помогать.

— В чем-то, — согласился Джефри. — Но во многих отношениях он вполне работоспособная стая. Отлично правил телегой. А другие его раны — мелочь.

Предмет их разговора будто не обращал на них внимания. Он встал и подошел к средней телеге. Поскольку он был всего четверкой, хромота одного элемента отражалась в походке остальных. Двое открыли дверь фургона и поискали внутри. Найдя кожаный ранец, что-то похожее на мыло и чистые плащи, они спрыгнули обратно. Стая разогнала комаров новыми плащами, потом повернулась и захромала в сторону реки.

Равна засмеялась от неожиданности:

— Мыться пошел. Не думала, что его это интересует!

Джефри встал.

— Ага. Но никто из нас не должен этого делать в одиночку.

Он двинулся вслед за четверкой, но стая испустила ему навстречу предупреждающее шипение.

Джефри сел обратно.

— Ладно, ладно. Я Шелковинта никогда не мог понять, даже когда он был целым.

Он покосился на Амди.

— Да, — согласился Амди. — Хитрый такой, смешной подпевала Свежевателя…

Он посмотрел на Джефри, Джефри на него, а Равна подумала, что у этих двоих бывают свои скрытые разговоры. Всегда казалось, что между ними происходит больше, чем видно ей. Когда они были маленькие, это было умилительно…

Комар впился в шею, другой в руку. Она их прихлопнула, но на смену им пришли тучи новых. Предсказания прежнего Шелковинта насчет кровососов оправдались. Эх, если бы он мог сказать: «Я тебе говорил»…

Она посмотрела на Амди и Джефри, увидела, что они смотрят на нее. На самом деле Амди смотрел на нее *весь*.

— Нам много о чем поговорить надо, — сказала она наконец.

Амди улегся на гниющую хвою лесной подстилки. Некоторые его элементы глядели друг на друга, другие — на Равну.

— Мы очень виноваты, Равна, — сказал он наконец.

Джефри секунду помолчал, потом зло ударил ладонью по земле.

— Но я делал то, что считал правильным! — заявил он. На секунду поднял на нее глаза. — Я не мог поверить, что за всеми убийствами и похищениями стоит Невил, но тут нам Шелковинт сообщил, что тебя похищают. Мы решили, что сможем тебя выманить из дому до того. И ты действительно сбежала…

Равна кивнула:

— Шелковинт меня выгнал вниз по лестнице и прочь из дома.

Наверняка быстрее вышло, чем при любом цивилизованном объяснении.

— Да. И чуть не удалось, но Читиратифор слишком быстро сработал. Как только ты вышла на улицу, оказалась у него под прицелом арбалета.

Равна прислонилась спиной к колесу телеги. Читиратифор очень бы не возражал против фатального «инцидента». Поэтому Джефу и Амди пришлось постараться ее схватить и потом соответствовать. В это она могла поверить.

— Ладно, Джефри, а раньше? Почему на том Невиловском собрании…

Почему ты меня предал?

В годы нескладного отрочества Джефри бы

раздраженно пожал плечами или огрызнулся бы как-то. Теперешний Джефри не скрыл страдания и гнева на лице, но голос у него был ровным — он честно пытался объяснить.

— Я думал — и помоги мне Силы, до сих пор так думаю, — что вы с Джоанной задвинули на задний план самое важное. В Верхней Лаборатории случилось что-то очень серьезное, но я знаю, что наши ученые были элитой, лучшими во всем Страуме. И не были они такими глупцами, как ты думаешь.

— Я никогда не говорила, что они глупцы!

— Такими словами — нет, но мы же тебя знаем, Равна. В наши ранние годы ты нам была близка, как Лучший Друг. Мы по твоему молчанию, по тому, что ты *не* говорила о наших родных и Верхней Лаборатории, могли понять, что ты о них думаешь.

Это обвинение Равна не могла отрицать.

Джефри сам себе кивнул и продолжал:

— Невил свел все факты вместе. Он меня убедил произнести о тебе непростительную ложь. Но, Равна, я помню Верхнюю Лабораторию. У нас, страумеров, все получалось так, как мы хотели. Мы становились чем-то… невероятным. А ядом была как раз Контрмера.

— Джоанна так не думает.

— Я люблю Джоанну, но ее никогда не интересовала техника. Она хуже знала Верхнюю Лабораторию, чем другие Дети. А теперь она как Ларсндоты — отвернулась от нашей судьбы.

— Ты — отрицатель.

– *Не называй меня так!* Почти все Дети, если их всерьез расспросить, что они помнят о Верхней Лаборатории, со мной согласятся. Они только очень стесняются поправлять кого-то… кого уважают, как тебя.

— Но даже если так, Джефри, ты признаешь, что Невил — преступник?

Джефри отвернулся, будто не желая отвечать. Через минуту сказал Амди:

— Ты же знаешь, что да, Джеф.

Наконец Джефри ответил:

— Я очень старался верить в иное. Может быть, были разумные объяснения странным вещам, которые мы с Амди заметили, когда преследовали тропиканцев. Или даже, быть может, Невил был обманут хитрым негодяем вроде Хранителя… но когда я увидел, как Ганнон разбивает тебе лицо о борт телеги… — Он снова глянул на Равну. — Потом я каждый день слышал его подробное хвастовство. И знаешь — оказывается, все злодей-

ства Ганнон творил по прямым приказам Невила. Так что да, Невил — преступник.

Амди кивал головами. *Да, да, да.* Но Джефри еще не закончил:

— А теперь я сделаю все, чтобы тебя доставить обратно в Домен и… разобраться с Невилом. Но потом… — взгляд у него был вызывающий и отчаянный одновременно, — останутся Главные Угрозы, и я боюсь, что мы станем абсолютными врагами.

О Силы! Последние десять лет Равна представляла себе будущее как долгий трудный подъем к далекой-далекой схватке на вершине. Но какие по пути стоят смертельные предгорья!

— Ладно, Джефри, давай все по очереди. Насчет быть врагами в будущем посмотрим потом.

Амди, лапушка, сразу посветлел:

— Да! Будущее само как-то о себе позаботится. — Он вскочил на ноги и растекся вокруг Джефри в уютной близости к обоим людям. Облака комарья летели за ним по пятам — насекомые и правда охотнее кусали Стальных Когтей, чем людей. — А пока у нас серьезные проблемы здесь и сейчас.

Равна подалась вперед, сосчитала носы:

— Где остальная твоя часть, Амди?

— А! Послал вон туда в кусты, — он ткнул но-

сом, — проверить, как там Шелковинт. Близко он меня не подпустит, но я слышу, как он плещется. Если что случится, прибежим сразу. А пока что нам надо решить, что дальше делать. — Он потерся о Равну и погладил ее по руке. — Надо бы переучет сделать…

* * *

Амди был прав. Думать о проблемах следующего дня или следующей декады было почти утешением. Сейчас их могут поймать, могут убить, но они уж точно не будут предавать друг друга.

В первый день они никуда дальше не двинулись. Равна по этому поводу нервничала: части нескольких стай могли все еще их преследовать. Но керхоги выдохлись, а день оставался светлым и ясным. Видимый впереди лес обещал очень мало укрытия — по крайней мере пока ехать на телегах. Несколько дней назад она бы молилась, чтобы их заметили сверху воздушные корабли Домена, сейчас она страшно боялась, что воздух контролирует Невил.

Когда Шелковинт пришел после купанья, Амди его спросил, безопасно ли разжигать костер. Остаток стаи его явно понял. И вид у него был

почти такой же самоуверенный, как когда он был пятеркой. На вопрос Амди он ответил стайным смехом. Значит, можно.

Амди побулькал с ним еще немного, попросил покараулить, пока остальные сходят к реке. Стая побрела прочь, выполнять эту просьбу — хотелось бы надеяться.

Для настоящего купания было холодно, но смыть кровь и пот вдруг оказалось более важно, чем Равна могла бы подумать. Джефри настоял, что пойдет первым, а Амди встанет сторожевой цепью между рекой и телегами.

— Ты держись пока у этого конца Амди, Равна, ладно?

— Конечно, — пожала она плечами. Этих двоих она знала с самого их детства. Стеснительность здесь была бы абсурдной.

Но когда Джеф вернулся, Амди в полном составе спустился с ней к реке и стал охранять. Равна опустилась на колени, попила воды с края быстрой струи, в стороне от стоячей воды и гнуса. Долго смотрела на свое отражение. Впервые она увидела собственное лицо после удара Ганнона. Зрелище оказалось даже хуже, чем можно было предположить на ощупь. Ну, этот удар ее чуть не убил — не стоит удивляться, что лицо выглядит

как место катастрофы.

Она сняла мерзкую провонявшую одежду. Штаны и рубашка были из парусины на подкладке, большие и бесформенные — такое могли сделать стаи по описанию фигуры человека. Явно, что *некоторые* из похитителей намеревались взять ее живьем. Какие милые ребята.

Равна намочила ткань, намылила, прополоскала. По сравнению с этим вымыться самой было легче, хотя напоминало оттирание ледяными кубиками. Амди принес в качестве полотенец и временной одежды чистые плащи, и это ощущалось как блаженство. И забавно, насколько улучшило ее внешний вид.

Вернувшись, она обнаружила, что Джефри нетерпеливо расхаживает по лагерю. Амди посмотрел на них по очереди и сказал:

— Так что, начнем переучет?

— Конечно, — ответил Джеф несколько резко. — Я просто пока охранял.

И он пошел к телегам, Равна и Амди за ним. Может, Джеф боялся, что она его обвинит в попытке что-нибудь скрыть, если он начнет инвентаризацию без нее? Равна поняла, что до сих пор до конца Джефри Олсндота не знает.

Две грузовые телеги были достаточно вме-

стительны для снаряжения и припасов. И для скрытия каких-то предметов — карт, например, которыми пользовались Читиратифор и Ремасритлфеер. Джефри взломал запертые ящики. Карт там не было, но были чистые одеяла и еще две смены грубой человеческой одежды! Отделения для припасов были более знакомы. Еда почти вся ушла, особенно та, которую могут есть люди. В этой экспедиции оказалось на одного человека больше ожидаемого, но даже если это учесть, Читиратифор ожидал близкого конца этого путешествия. Для людей по крайней мере.

Равна видала большую часть бивачного снаряжения, но редко при хорошем свете. В нем попадались предметы, сделанные не на фабриках Тщательника, но при этом не средневековые. Джефри поднял две фляжки. Они выглядели одинаково — штамповка из чистого олова или его сплава.

— Видишь логотип?

На обеих фляжках была та же гравировка — богоподобная стая, окружающая планету.

— Марка Магната, — ответила Равна.

Джоанна показывала этот символ на заседании Исполнительного Совета. В то время это казалось очень малым результатом трех декад разведки

в главной конторе Магната на Восточном Побережье.

— Двенадцатерной, — заметил Амди. — Весьма самоуверенный господин. — Бога обычно изображали как стаю из двенадцати. Больше — и уже возникают смешные последствия Хора. — Ручаюсь, никто вообще Магната никогда не видел, потому что он — сопливая четверка.

В средней телеге ехали изделия технологий — подарки Невила. Он не был излишне щедр: камера и фонари, все с «Внеполосного». Рация местного производства, работы Тщательника. Тупая как бревно, но и таких в Домене нехватка.

— Рацию придется выбросить, — сказала она с сожалением.

Ее Невил может отследить со спутника. А если у него ума хватит, он заставит орбитальный передатчик дать сильный импульс, чтобы получить эхо даже от разряженной рации.

— Да, — сказал Джефри, глянув на прибор с тревогой. — Надо от нее избавиться.

Для него, дитяти Верхнего Края, машины способны на непостижимые хитрости.

Равна подобрала камеру и посмотрела, что там под лампами.

— Камеру тоже придется бросить. — Она не

была из Верхнего Края, но любой житель технической цивилизации предполагает у таких приборов много возможностей. — А с такими лампами я уже работала, у них есть локальный безопасный режим. Я его поставлю. Если будем работать с ними осторожно, ничего плохого случиться не должно.

— Ну ладно, — согласился Джефри, но смотрел он неуверенно.

Амди все еще вынюхивал что-то в ящике.

— Я хочу знать, где были карты. Здесь, должно быть, Читиратифор и Ремасритлфеер их и держали.

Час прямого солнечного света миновал, и даже отсветы снега с далеких пиков уже гасли.

— Так какого черта нам делать? — спросил Джефри очень усталым голосом.

— Так или иначе, — сказала Равна, — надо вернуться в Домен своим ходом, избежав «спасения». Если сможем подобраться близко к «Внеполосному», я смогу…

Очень было неприятно, что она боится им рассказать все, что могла бы сделать.

Джефри не заметил колебания в ее голосе.

— Да, но не хочу я возвращаться обратно тем же путем, что мы пришли. Там еще могут быть

живы части разных мерзких стай. И вперед идти тоже не хочу. Потому что наверняка впереди есть *полные* мерзкие стаи, поджидающие нас.

Амди досадливо и нетерпеливо пискнул:

— Так помогите мне тогда найти карты!

— Ладно. — Джефри подошел туда, где Амди по себе карабкался в хаос рассыпанных в телеге вещей. — Хотя, быть может, Читиратифор таскал их с собой.

— Нет, вчера нет. Они здесь.

Джефри перегнулся через стаю и заглянул в отделение.

— Здесь правда ничего нет, Амди. Поверь моему человеческому зрению.

— Ладно, тогда над или под. Я за ним наблюдал каждый раз, когда он эти карты доставал.

— Потайное отделение. — Джефри прошел вдоль борта телеги, постукивая выше и ниже. — Должно быть, маленькое и отлично защищенное. Возьму-ка я топор и чуть эту штуку приоткрою.

Пара элементов Амди шла рядом с ним.

— Может, нет необходимости. Я в конце концов услышу. Ты стучи по дереву, а я… — Он выстроил из себя небольшую пирамиду и подался поближе к корпусу телеги. Остальные элементы влезли внутрь и залегли в разных местах. — А я буду

слушать.

Снега на высоких вершинах были теперь лишь чуть светлее на фоне серого неба. Равна услышала что-то за спиной, резко обернулась и увидела четыре темные тени, скользящие к телегам. Это был Шелковинт — вернулся из дозора. Она ему махнула рукой и подивилась, как у этой усеченной стаи то и дело случаются приступы прилежания. Шелковинт развалился вокруг, разглядывая Амди и людей. Будь это прежний Шелковинт, она не сомневалась бы, что его эти поиски забавляют. Да он и сохранил свою прежнюю личность, утратил лишь умение отбрить.

Она посмотрела на него, склонив голову набок, и спросила:

— А ты лучше умеешь?

Шелковинт издал булькающий звук — наверное, смех. Потом встал, вразвалку обошел телегу с обеих сторон и стал обнюхивать ее снизу.

Послышался металлический щелчок, но сверху из телеги.

— Отличный камуфляж звука! — сказал Амди.

— Он там что-то сделал, — сказала Равна и нагнулась посмотреть. Шелковинт стоял вокруг с самодовольным видом. Один его элемент показывал на деревянную планку, повисшую под

телегой. Равна подняла руку, нащупала впадину. Шелковистая бумага. — Ага! — Она вылезла, держа в руках что-то тяжелое и плоское. — И что?

Да, она держала плотную бумагу, но это был только пакет. Джефри помог его открыть. А внутри… самый роскошный набор одежд для элементов, которые ей случалось видеть. Чистые и будто ненадеванные.

Джефри пошевелил рукой тонкие деревянные держатели.

— Шесть комплектов. Что думал этот псих Читиратифор?

— Придерживал на возвращение к своему начальнику с победой.

— Может быть, но… — Джефри полез в мешок поглубже, вытащил небольшой украшенный диск. Даже в тусклом свете он блестел, и видна была выложенная из миниатюрных самоцветов эмблема Магната. — Стаи такими вещами пользуются как удостоверением или как мы жетоном в коммуникаторе — для подтверждения полномочий. Вот интересно мне…

Амди подошел, встал вокруг.

— Ладно, не это важно. Где карты? — Он ткнулся парой носов в потайное отделение, повел ими туда-сюда, как человек бы искал рукой. — Нашел!

Равна и Джефри положили щегольскую одежду на телегу, потом помогли Амди вытащить его находки. Отступили, чтобы Амди мог развернуть карты. Равна увидела подозрительно тонкую графику. О'кей, данные Невила, но печатал-то кто?

— Ух ты! — сказал Амди, но через секунду добавил: — Только здесь очень темно, подробностей не вижу. Надо лампу зажечь.

— Не хочу я лампы зажигать такой ясной ночью, — ответила Равна, хотя, наверное, если Невил отслеживает рацию, то это не важно.

Джефри протянул руку над головами Амди и перенес карты на ровное место в телеге у заднего борта, где свет угасающего дня был ярче. Тут же Амди оказался на телеге, вытягивая головы, чтобы лучше видеть.

— Ха! — сказал он. — И *действительно* подробные.

— Теперь если бы мы еще знали, где мы, — ответил Джефри.

Амди глянул в сгущающиеся сумерки.

— С картами такого качества по местности сможем определиться. А пока что, — трое его элементов все еще всматривались близоруко в карту, — я понимаю, что мы где-то здесь. — Он постучал по карте носом.

Джефри стоял рядом с телегой — с высоты его роста ему было хорошо видно. Посмотрев на точку, куда показал Амди, он сказал:

— Ой-ой!..

— Чего там? — спросила Равна. Ей пришлось залезть наверх вместе с Амди.

Пока она поднималась, Джефри ей объяснил:

— Тут нарисован косой крест, несколько километров отсюда. Наверняка мы чуть не налетели на отряд для торжественной встречи Читиратифора.

— Ага, — отозвался Амди.

Равна устроилась рядом с Амди и посмотрела, куда показывает Джеф. Косой крест стоял на расширении долины, от дня до трех пути отсюда — чтобы сказать точнее, надо точнее знать местоположение.

— У них форт вот так близко к Домену?

— Вряд ли форт, — возразил Джефри. — Это похоже на расширение долины, а не сужение. Косой крест посреди ровной площадки на открытом месте. Скорее всего Читиратифор или Ремасритлфеер собирались там встретиться с каким-то большим отрядом.

— А похоже, — согласился Амди. — И они даже думают, что Читиратифор идет нормально, по

графику… но только он сегодня на связь с ними не выйдет.

Равна пожала плечами:

— Значит, вперед нам нельзя. И оставаться тоже нельзя. Мы не видели никаких признаков Читиратифора. Не может же быть так опасно возвращение?

— Ну ладно, — ответил Джефри, все еще качая головой. — Но ты понимаешь, что как только противник узнает, что мы сбежали, именно по этому маршруту бросятся нас искать?

Амди все еще обнюхивал карту — их дилемма его не волновала.

— Долина не всю дорогу так крута и обрывиста, — сказал он. — Видите, вот прямо перед косым крестом целая куча дорожек и троп на восточный склон. Можно будет вильнуть. Никогда не подумал бы, что попаду в такие приключения.

Глава 23

Джоанна Олсндот бродила по странному плоту и посматривала на товарищей по плаванию. Сама она с парусами работать не умела, но бывала на борту парусного морского судна в Домене. Общая конструкция — многокорпусное судно, сплотка лодок, рассчитанных каждая на одну стаю, чтобы они могли поддерживать свою идентичность. Еще в многокорпусном судне могла быть центральная конструкция для крупногабаритных грузов, и оно бывало достаточно большим, чтобы могли разместиться несколько стай, не стесняя друг друга.

Но даже большие северные многокорпусные суда были меньше, чем каждый из десяти плотов флотилии. На плоту Джоанны толпа бродила туда-сюда, собираясь мелкими группами, которые могли тянуть румпель, пока другие залезали на рангоут (иногда падая в море). Писк, щебет, чириканье сверху могли быть указаниями, хотя внизу на них практически никто не обращал внимание.

Этим плотам наверняка предстояло развалить-

ся, и последним — где-нибудь на далеком берегу, как тем обломкам, которые выносило на скалы у Холма Звездолета.

На второй день она высмотрела одну из временных квазистай, что собрались у шкотов и осторожно пробовали тянуть паруса в ту или иную сторону. Не все эти элементы были редкошерстными тропиканцами. У некоторых имелся плотный мех, свалявшийся, неровный и наверняка неудобный в жаре, но очень северного вида.

— Привет, Джоанна, привет, привет.

На нее смотрела группа из пяти элементов, и самнорские слова прозвучали очень ясно. Когда Джоанна села рядом, квазистая ее окружила, дружелюбно болтая головами вверх-вниз.

— Я думаю, мы плывем на север, — сказала квазистая.

Это мог быть бессмысленный набор слов, потому что на самом деле судно шло на запад, а берег континента был всего несколько тысяч метров на север. Но если плыть достаточно далеко на запад, чтобы обогнуть Юго-Западный Рог, оконечность континента, то это и будет дорога в Домен. Она присмотрелась к головам получше. У ближайшей была белая отметина на затылке. Трудно было вспомнить все фрагменты, которых когда-то зна-

ла, но этот… Она протянула руку.

— Чиперс?

— Ага, слегка, может быть, слегка.

Вот это да! Чиперс по стандартам псарей подлежал списанию, но он выжил в побеге от Гармония из Фрагментария и добрался до Хора. За последующие годы это удавалось и другим, но все равно их были всего сотни среди миллионов Хора. Когда Хранитель загнал Джоанну в Хор, когда горящая убийством свора ее сшибла с ног, ее чуждый образ наверняка был передан по всему городу со скоростью звука. Там и сям он дошел до тех немногих, кто помнил, и обратно вернулось помилование. Вовремя.

Квазистая посидела с ней еще минутку, потом слилась с другими и рассыпалась. Некоторые побрели прочь к другой мачте, другие слились в свору побольше, заманивавшую морских птиц спуститься пообедать.

Теперь на плоту Джоанну вроде бы знали все. Не было больше враждебных стычек, резко оборванных, но все же свои настроения у своры были. На пятую ночь в море возник кровавый беспорядок. Джоанна затаилась, слушая ротовые выкрики смертной муки. На следующий день она видела мазки темных полос поперек бревен

у края плота.

Хочется надеяться, что они не за меня дрались.

Вероятно, нет. Драки, даже полегче, были редки, но ей пришлось увидеть пару стычек — сцепились две своры Стальных Когтей. Не видно было никакого мотива, ничего вроде пищи или секса — и постоянных групп драчунов тоже не было. Синглеты едва ли умнее собак, но что-то, похожее на мемы, в этом Хоре не могло не плавать. Через какое-то время Джоанна научилась распознавать наиболее опасные настроения толпы и выяснила самые сумасшедшие правила. Например, всегда она влипала в неприятность, если пыталась открыть любой ящик из наваленных повсюду на палубе, и больше всего в середине плота. Может быть, эта реакция была каким-то бродячим мемом, оставшимся от живших на плоту сквоттеров, или ее механизм был сложнее. Деревянные борта каждого ящика были отмечены выжженным клеймом, несколько похожим на северный знак звезды в круге. Неизвестно почему, но никто груза не трогал.

По необходимости Джоанна каждый день часами изучала толпу Стальных Когтей. Здесь не было похоже на Фрагментарий: случайный секс и

случайный обмен мыслезвуком для когерентных стай был извращением, и псари безжалостно их подавляли. Здесь только извращением и занимались. Но откровенных глупостей — вроде как мочиться в дождевые цистерны — эти синглеты не делали. У них даже были некоторые умения мореплавателей, и в ныряниях за рыбой они действовали вполне координированно. Что для Джо было хорошо, хотя вечно на сырой рыбе она не продержится.

Обычно когерентные стаи плавать не любят — очень им не нравится, как вода передает мыслезвук. Члены своры куда менее привередливы. В воде они крутились так, будто родились в море. Часть экипажа вообще была в воде почти все время — кроме тех случаев, когда поверхность рассекало что-то черно-белое и большее по размерам, чем элемент. Таких животных Дети Неба называли китами, и тропиканцы при виде их нервничали точно так же, как северные стаи.

Киты, очевидно, были шумными и относительно глупыми, потому что Стальные Когти всегда знали, когда можно без риска вернуться в воду. На четвертый день Джоанна решилась с ними поплавать. За следующую декаду она посетила все остальные плоты. Свора на каждом из них

была точно такая же. В конце концов Джоанна перезнакомилась со всеми «экипажами».

И на каждом плоту она в конце концов ставила один и тот же вопрос: «Куда мы плывем?» Ответы в основном сводились к: «На север», «С тобой» или «Большая река — это здорово!»

В конце концов она вернулась на первый плот, отчасти потому, что там был Чиперс, отчасти же потому, что хотела сделать этот плот главным судном своей флотилии. Он был определенно самый большой. В нем еще была открытая палуба возле мачт — пространство, ограниченное тумбами выдвижных ящиков, на которые *не распространялось* табу на груз, хотя в основном ящики были пусты. Если бы Джоанна не угнала флот, в этих ящиках могло бы оказаться снаряжение для настоящего экипажа.

Первая пара декад выдалась пасмурная и дождливая; с одного борта — открытое море, с другого — прибрежные джунгли. Флотилия шла генеральным курсом на запад с приличной средней скоростью. Джоанна прикинула кое-какие цифры (не в первый раз возблагодарив небеса, что Равна заставила ее освоить устный счет) и заключила, что вскоре они обогнут Юго-Западный Рог. И действительно флотилия может направ-

ляться в Домен.

Это я была так убедительна? Или флотилия все равно собиралась на север, а я только вызвала преждевременный ее отход?

Времени на размышления у Джоанны было много; больше, быть может, чем бывало за всю жизнь. И хотя размышления повторялись вновь и вновь, может быть, какие-то мысли спасут ей жизнь.

Невил оказался негодяем невообразимого масштаба. Сейчас она все видела в настолько ином свете, что поняла это. С тех самых пор, как он предал Равну, он распускал ложь. Она вспомнила все те случаи, когда он убеждал ее и Странника держаться дальше от тропиков. *Годами* они искали Магната всюду, кроме того района, где он действительно был. Но теперь, наверное, Невил хватил через край. Резчица — а Равна уж точно — знает об этом полете в тропики. И даже Невил с его поразительной убедительностью не сможет долго скрывать истинное положение вещей.

В первый раз, когда Джоанна прошла по этой логической цепочке, она воспряла духом — секунды на три, пока следствия не обрушились на ее мозг: кого еще убил Невил в ту ночь, когда подстроил им со Странником катастрофу? Если

она доберется до дома, кто из союзников может быть еще жив?

Союзники будут. А от меня требуется, чтобы хватило ума добраться домой и их найти.

Поэтому она много времени проводила, думая над всем, что говорил Невил и предполагая, что каждое слово — ложь. И следствий был целый мир. Невил сказал, что на спутнике из оптики — только датчик горизонта с разрешением всего в тысячу метров. А вдруг там что-нибудь получше? Мама говорила, что на борту не осталось ничего ценного. Так что утверждение Невила правдоподобно — но не будет ли столь же правдоподобным разрешение в один сантиметр? Увы, предположение, что Невил все врет, точных цифр не даст!

Первый раз, когда она прокрутила эти рассуждения, был единственный у моря выходной день: с тех пор очень мало бывало ясного неба, а когда бывало, то ночью. Джоанна смотрела в дождь, в пелену туч и приходила к выводу, что невиловский «датчик горизонта» вряд ли видит через облака: иначе бы ее уже не было, и думать об этом было бы некому. И даже в ясную погоду наблюдение со спутника вряд ли могло вестись с разрешением больше метра или быть ночью эффективным.

Две декады пути, небо часто ясное, ночью видны звезды. Плоты действительно брали курс на север, и Джоанна была совершенно уверена, что флотилия обогнула Рог. Днем она держалась под парусами или пряталась в уголке, который выгородила себе в набросанном в беспорядке барахле в центре плота. По ночам она осторожно выглядывала. Спутник был яркой звездой, всегда высоко стоящей в юго-восточном небе, дальше к востоку, чем был тогда, когда власть перешла к Невилу.

Как он это объясняет Резчице? Должен ли он кому-нибудь что-нибудь объяснять вообще? Каким образом это играет на руку Хранителю и Магнату?

Таких вопросов у нее было много, получить на них ответ — никаких шансов. Хорошая сторона заключалась в том, что если Невил ее ищет, то ищет не там!

И она стала менее параноидально следить за маскировкой от наблюдения с воздуха.

Может быть, еще тридцать дней — и плоты придут в прежнюю столицу Резчицы. Тогда жизнь и смерть Джоанны и ее друзей могут зависеть от того, успеет ли она разобраться, что происходит в Домене.

Еще несколько дней она перебирала возможные сценарии. Но сценарии сценариями, многого от них не добьешься. Нужны какие-то сведения, куда намечалось отправить этот флот. Нужно разобраться в грузе.

Как убедить свору ей не мешать?

Джоанна теперь побывала уже на всех плотах. Каждый из них был тропиканским хаосом и все равно ничем не был похож на те обломки, которые видела она в Домене. Кто-то когерентный применил профессиональные приемы проектировщиков. Мачты, реи и такелаж были точно как на судах Резчицы. Грузовые боксы правильной формы и единообразные — очень не похоже ни на что, ассоциируемое с Хором. Теперь у нее было время их рассмотреть, и она поняла, что выжженные отметки на боках — это вариант эмблемы Магната, изображающей Стаю Стай.

Но если не трогать ящики, свора была очень рада присутствию Джо. От нее часто бывала реальная помощь — от умных рук и от ее очень острого долговечного ножа. Во многих отношениях со сворой было веселее, чем с когерентной стаей. Эти создания вполне друг с другом ладили, играли и дрались, как детеныши, — если отвлечься от случайных приступов злости и от правила,

запрещающего трогать груз.

Иногда они могли прервать серьезную работу и начать играть с эластичными шариками вроде мячей, у которых была единственная видимая функция — забавлять свору. (Мячи в воде не тонули, но каждый день через борт уносило еще несколько штук. Когда-нибудь забава должна была кончиться.)

Иногда, особенно по ночам, Стальные Когти собирались все вместе на самой высокой части плота. И на других плотах происходило то же самое. Собравшиеся ревели, шипели, иногда исполняли отрывки страумской музыки, услышанные много лет назад в Домене. К рассвету многие спускались вниз и дурачились уже тише. Другие слезали с краев плота порыбачить. Джоанне представлялось много возможностей для мелких экспериментов. У нее было почти десять лет опыта общения со стаями, синглетами и фрагментами стай, но по правилам псарей и согласно северным понятиям о приемлемом поведении.

Здесь она обнаружила много нового и непривычного. Хоры по сравнению с когерентными стаями оказывались такими же странными, как стаи по сравнению с людьми. Высоко на плоту Джоанна нашла затененное место, где могла

стоять, видимая почти всем, кто был на борту. Она могла крикнуть, и несколько голов оборачивались в ее сторону. Немногих, понимавших по-самнорски, хватало, чтобы вся свора тут же имела представление, что Джоанна хотела сказать. Конечно, это не был супер-интеллект, но это был интеллект совершенно иного вида. В чем-то тупой как бревно, Хор отдельные виды поиска и оптимизации мог выполнить лучше любой стаи или человека с его естественными возможностями. Она могла задать Хору вопрос: «Где мячи для игры?» — и через несколько секунд все мячи плота уже прыгали в воздухе, даже те, что она заранее тщательно спрятала. И на двух ближайших плотах за сто метров от нее тоже прыгали в воздухе желтые мячи!

Хм. Хоры умели творить чудеса в локальной оптимизации, но не видели картины в целом, не умели видеть все пространство поиска для объединения результатов. Как игрушка «разномыслие», но без агрегатора. Ограничение касалось всего — от пространства идей и до пространства… рыбалки.

Когда у Джоанны возникала идея, то для ее воплощения нужно было в течение декады проповедовать Хору — и Хорам на других плотах.

Часто они просто не хотели играть. Поскольку флотилия повернула на север, море и ветер становились все холоднее, штормы все опаснее. Вода была слишком холодна, чтобы рыбачить, даже для Стальных Когтей. Настроение свор было мрачным и угрюмым. Но Джоанна день за днем достигала все более и более сложных результатов. И наконец появлялись временные Божидары, которые залезали на мачты и выкрикивали фрагменты межстайной и самнорской речи, сообщая о косяках рыб. В конце концов подключались образовавшиеся специалисты по парусам, и флоту удавалось наловить достаточно рыбы при меньшем времени нахождения в воде.

Понятие коэффициентов доверия для Хора было почти непостижимой идеей, но Джоанне приятно было думать, что после этого успеха ей доверяют больше. Члены своры заметно сильнее старались понять, что она от них просит, и быстрее стали делать то, чего она, по их мнению, хочет. Может быть, теперь ей бы позволили вскрыть грузовые ящики Магната.

Из осторожных экспериментов она выяснила, что ящики плотно закрыты, на простые права входа-выхода не рассчитаны. Нож с ними не справится. Ладно, она нашла в одном из выдвиж-

ных ящиков у мачт стальную монтировку, очень похожую на те, что используют северные стаи в качестве рычагов. Имея монтировку и сколько-то времени, она могла бы взломать какой-нибудь ящик.

После утреннего шторма — мясорубка, в которой погибло сколько-то элементов, пока наконец пресноводные моряки додумались до страховочных привязей, — Джоанна заметила, что один из грузовых ящиков частично вылез из центральной груды. Свора, как обычно, попыталась его закрепить, чтобы дальше не лез. Как всегда, получилась путаница веревок, завязанных узлами различной эффективности. Джоанна заметила в дереве ящика трещину, откуда выступала черная смола. Водонепроницаемость?

Она смотрела, как толпа возится вокруг ящика, мотает головами, подпрыгивает, какая-то еще более бестолковая, чем обычно. В другое время они бы заметили трещину, но не сейчас. Джоанна подождала, пока толпа схлынет — в основном чтобы сбиться в кучу под «украденным» парусом с подветренной стороны плота. Больше всего холодная погода сказывалась на тропиканцах, но страдали все.

Извините меня, ребята. Если бы я вас не подби-

ла угнать плоты…

С ее стороны плота Стальных Когтей осталось настолько мало, насколько вообще возможно. Джоанна взяла монтировку и побрела по палубе к треснувшему ящику.

— Отремонтирую, — сказала она.

Это слово услышали на плоту все, и, может быть, оно послужит ей какой-то защитой, переданное через тех, кто знает самнорский. Джоанна сунула монтировку в треснувшую панель — и замерла на миг. Треск дерева навлечет на нее ярость ада.

Проверить это ей не предоставили возможности — за спиной раздался низкий гудящий рев. Она обернулась — о Силы! Стальные Когти на соседнем плоту, на снастях. Наверное, туда залез идиотски усердный наблюдатель за рыбой, но сейчас он наблюдал за ней — и поднял тревогу!

В считанные секунды свора бросилась обратно, окружая Джоанну шипением. Девушка бросилась на колени, склонила голову набок и повернула руки ладонями вверх. Поза полного отсутствия угрозы, наилучшая, которую может показать Стальным Когтям человек.

Челюсти щелкали совсем рядом, приближаясь, готовые хлынуть смертельным потоком. Но тол-

па, подбежавшая следом, не напирала. То там, то здесь образовывались задумчивые кластеры. Но слишком велик был накал гнева и хаос, чтобы что-то могло получиться: квазистаи существовали едва ли секунды, потом разваливались от крика и криками разваливали друг друга.

Джоанна прислонилась спиной к треснувшему ящику. Она надеялась, что жест будет сочтен защитным — по отношению к ящику. Несколько наиболее угрожающих голов чуть отодвинулись, и рев в доступном человеку диапазоне стал тише. Она огляделась, высматривая любые группы, которые можно было бы использовать как посредников. Нет, все держатся той же сворой. Хорошо, свора так свора, ей случалось обращаться к своре целиком.

— Прошу слушать мои слова, — начала она. — Мы идем на север. Верно?

Усилия своры воспринять сказанное были так сильны, что Джоанна ощутила гудение. Наконец прозвучало одиночное слово на самнорском: «Да», — а за ним капель других слов, будто эхо: «В Домен», «На родину», «На старую родину».

Джоанна кивнула головой вниз-вверх — жест согласия для синглета.

— Я могу помочь. Но мне надо знать больше.

Свора осталась возбужденной, гудение мыслезвука становилось все сильнее. Вот ситуация, когда какой-нибудь Божидар оказался бы действительно божьим даром. Но свора не раздвигалась, она лишь качалась туда-сюда — аналог переступания с ноги на ногу. Через несколько секунд в воздухе прозвучали самнорские слова:

— Верим тебе.

Вот так Джоанне дали право заглянуть в поврежденный ящик, а через него, может быть, и в главные планы Хранителя.

На глазах всей своры, затихшей и напряженной, она расщепила деревянную стенку, вытащила просмоленный защитный слой… и по палубе запрыгал каскад желтых мячей. Толпа, забыв все на свете, стала хватать мячи, играть ими, в основном посылая их обратно в сторону Джо.

Отлично! Решение проблемы начинающегося дефицита мячей!

За желтыми мячами оказалась стенка аккуратных кирпичиков, но мягких на ощупь. Действуя монтировкой как рычагом, Джоанна освободила плотно уложенные предметы, потом вывалила весь груз на палубу. Поняв, что это, Джоанна быстро шагнула прочь с дороги и громко присвистнула. Толпа продолжала играть с мячиками

еще несколько секунд, но видно было, как прошла по ней рябь понимания. Ящик был почти полон тяжелыми плащами-куртками. Через секунду желтые мячи были забыты, вся свора бросилась навстречу обещанию тепла.

* * *

Плащей в ящике не хватило на всех. Все толкались, отпихивая друг друга от ящика, но никого не убили. Очень быстро идея взломать еще один ящик магнатовского груза пересилила табу, запрещающее подобные действия. Джоанна с ее стальной монтировкой возглавила движение. Было найдено еще много плащей, еще ящик, в основном с мячами, и очень хорошо запечатанный запас копченого мяса. К этому моменту свора уже увлеклась грабежом так, что обо всем забыла. Джоанна решила не рисковать испортить дело и не продолжать изучение дальше. Она завернулась в пару плащей и отступила в обжитую нишу подумать о том, что сейчас открыла. Значит, верхний слой груза — просто припасы, размещенные организаторами, которые планировали долгое плавание. А подлежащий доставке груз Магната — глубже? Или она угнала плоты до того, как их погрузили и укомплектовали нужным

экипажем?

По всему плоту Стальные Когти любовались новыми одеждами, примеряли их, делали из них личные навесы. И в то же время передавали друг другу копченое мясо. Никогда она не видела такого энтузиазма по поводу холодного и мертвого мяса. Главное, что это не рыба.

На краях плота собрались очень шумные компании, демонстрирующие остальным плотам свои новые плащи. Кричали они в основном на межстайном, но Джоанна слышала свое имя.

А с других плотов им сперва отвечали с деланной бравадой, но много было и беспомощно склоненных набок голов.

В конце концов свора с ближайшего плота — того, где пронырливый элемент настучал на Джоанну, — поняла идею. Команда навалилась на верхние ящики груза, полосуя когтями и зубами, колотя грузами на веревках. Так продолжалось минут пять или десять без эффекта: ящики Магната невооруженным зубам были не под силу. Своре нужна была монтировка Джоанны — или же обладатель интеллекта человека или стаи.

Напрасный штурм стих, свора отступила и села вокруг. Вот-вот распадется ее единение ради цели… но нет. Стальные Когти разошлись по плоту,

залегли, образовав что-то вроде сетки, и запели. Их ритмические вопли нарастающей высоты проносились через слух Джоанны, смолкали в вышине и снова возникали в нижних регистрах. Через несколько минут распев прекратился, Стальные Когти замолчали в нерешительности, потом резко вскочили на ноги и стали *танцевать*. Ну, или скажем, прыгать вверх и вниз. Танцевали и танцевали, в ритме, обегавшем плот вместе с волнами моря, и в такт с движениями груза. Почти незаметно вся платформа начала раскачиваться, сильнее и сильнее. Ящики на вершине кучи были не закреплены — поскольку первый штурм своры их освободил. Упал первый из них, потом второй, следующий и так далее. Результат был хуже — или эффективнее, — чем повреждение от шторма. Лавина разлетающегося дерева смела в море половину кучи. Вот тебе и магнатовское табу на груз!

Теперь море вокруг плота стало супом из ящиков и их обломков. Видны были головы в воде и Стальные Когти, повисшие на главном обломке. Очень было похоже на крушение плота, которое она помнила у берегов Домена, — только сейчас никого не било о береговые камни. Элементы отгребали от остатков своего плота, и это выглядело

как некоторая операция по спасению экипажа и груза. В свете заходящего солнца видно было, что почти все смогли добраться до уцелевшей части плота.

В этот вечер звуки с других плотов были в основном радостными. Всем удалось устроить собственную «перетряску» — хотя на полуразрушенном плоту Хор звучал хвастливее, чем на других. Бульканье и завывание стали только громче, когда поднялся ветер.

Джоанна сидела на своем обычном месте, но хорошо накормленная и тепло укутанная. Что за прелесть эти штормовые куртки — даже если они узки и коротки, а в разрезы для мембран дует немилосердно.

Она смотрела, как поднимается луна и праздничества становятся все необузданнее — обычная смесь пения, оргии и бешеного бега. И все-таки сегодня было иначе. Каждые несколько минут к ней подходили, стесняясь, синглет, двойка или тройка, и почти каждая такая группа подносила ей какой-то подарок — лишний плащ, брикет копченого мяса. Чем-то это напомнило Джоанне Фрагментарий. Там тоже из-за одиночества и тоски обитателей у нее возникали с ними теплые отношения, и хотя они не очень осознавали, что

происходит вокруг, но были благодарны ей за помощь. При всех тяготах плавания на плотах было куда лучше, чем во Фрагментарии. Здесь ее друзей не преследовал страх, что им никогда не стать снова личностями. У Хоров точка зрения на эти вопросы совсем не та, что у псарей!

Около полуночи, на пике празднования, была сделана серьезная попытка установить между всеми плотами синхронность. Зазвучал ритмичный скрип, встречаемый такими же звуками с других плотов. На короткое время эта комбинация вибрировала как единый голос, огромный, медленный, согласованный.

Джоанна задремала. Она смутно осознавала, что, хотя торжество стихло, отдельные элементы еще ходили вокруг, тыча мордами. В другие ящики без ее монтировки они не полезут. *Хм-м.* Вот не попытались бы развалить целый плот раскачкой — это действие следует объявить нежелательным… завтра.

Она глубже закуталась в теплые плащи и поддалась сну.

Неизвестно, сколько прошло времени.

— Что это? Что это? Что это?

Чья-то морда тыкалась ей в плечо.

— А?

Джоанна заставила себя проснуться. Еще не утро, точно. Луна только на полпути к закату. При ее свете Джоанна рассмотрела, кто ее окружил: тройка, в том числе Чиперс, стоящий ближе всех.

— Что это? — спросил он снова, и второй из тройки шагнул к ней, подал коробочку, блеснувшую при луне как темное стекло.

– *О Силы!* — тихо выругалась она.

Под луной блестела солнечная батарея торсионной антенны. Это была одна из построенных Тщательником аналоговых раций. Каждая потребовала серьезной работы. Тщательник каждой из них отводил важную роль, гордился ими и устраивал жуткие скандалы, когда пропадала хоть одна.

— Что это? — продолжал спрашивать Чиперс, а на самом деле — вся толпа.

Джоанна подняла глаза:

— Это рация.

При прямой связи ее дистанция будет не больше нескольких километров, но при орбитальной трансляции она может передавать через всю планету — прямо Хранителю и Невилу.

— Где ты ее нашел?

Тройка-Чиперс показала на груду барахла возле

мачт. Ага, там, где она нашла монтировку. Рация предназначалась для задуманного экипажа.

Где-то в толпе кто-то сказал:

— Слышал ее.

Слышал ее?

Джоанна поднесла коробочку ближе к уху. Если она не была на солнце, заряд должен был кончиться, и… она услышала очень далекие голоса! Сильный должен быть сигнал у спутника. Сообщение было на межстайном, простой аккорд, повторяющийся снова и снова:

— Ответь, если слышишь.

— Она не умерла, — подсказал Чиперс.

— …да-да, — ответила Джоанна, лихорадочно думая. Кнопка передачи была отключена. — Но ведь она умирает?

Головы опустились в волне уныния, разошедшейся за пределы ее зрения.

— Наверное. Мы кричим громче и громче, а она не слышит.

Тройка еще задумалась на секунду — может быть, слушая совет большей группы. А потом добавила:

— Голос мертвый.

Да, неудивительно, что передача звучит странно. Несомненно, закольцованный ролик. Сталь-

ные Когти умеют с большой точностью повторять звуки, но делать это снова и снова им надоедает.

— Мы приносим тебе, да? Ты чинишь?

Запросто. Починить — надо подождать рассвета и нажать кнопку передачи. А после этого ее друзья могут болтать с Хранителем и совершенно невинно ему сообщить, что Джоанна появится в Домене через пару-тройку декад.

Она оглянулась на Чиперса и прочих. Придется им соврать. Ближе к Домену рация очень даже может пригодиться, но пока что надо только вывести из строя кнопку передачи, сделанную под нажатие мордой. *Вот это* может быть непросто. Она видала, как свора играет с интересующими ее предметами. Рацию будут перекидывать друг другу, могут даже разбить, но будут еще и дергать и нажимать все, что только можно. Глядя, как свора играет с головоломками, Джоанна вспомнила маленькую Венду Ларнсдот. Ее пытливые ручки постоянно подносили сюрпризы. Однажды она сумела обмануть замок и влезла в отсек шестеренок ткацкого станка своих родителей — хотела там поиграть. Повезло, что жива осталась. Эти ребята либо сломают рацию, либо включат передачу.

Джоанна повертела коробочку так и этак, при-

творяясь, что ее осматривает. И потом сказала:

— Она почти мертвая, но я могу ее вылечить. — По толпе прошла волна радости. — Но понадобится много дней.

Тройка Чиперса приуныла, и когда смысл сообщения Джо разошелся, было видно, что огорчение тоже разошлось. Но Хор верил ей сильнее, чем раньше, и через несколько минут толпа рассеялась. Джоанна очень демонстративно взяла несколько одеял и сделала гнездо для священной реликвии. Потом завернула своими одеялами себя и это гнездо.

Чиперс и его тройка оставались рядом, посмотрели на нее нерешительно.

— Я все время буду за ней ухаживать, — пообещала Джоанна.

Они еще помедлили, может, думая, надо им разойтись или следует этой ночью остаться с ней. Потом закивали и повернулись уходить.

Ф-фух.

— Мы идем, — сказали Чиперс и его друзья. — Слушать другие рации.

— Что?

— В ящиках. Четверки четверок четверок раций.

Глава 24

В «Группе изучения катастрофы» Били Ингва был после Невила Сторхерте вторым. Про себя Били считал, что он — мозг операции, а Невил — ее хорошо подвешенный язык. Потому Били всегда поражался, сколько ж в конце концов приходится ему делать черной работы. Например, кто-то должен поддерживать порядок на «Внеполосном». Звездолет — центр власти в этом мире и наивысшая системная технология на световые годы во все стороны. Потерять над ним контроль — и ГИК через пару дней развалится. Власть в ней захватят предатели, невежды и собакофилы. А еще вероятнее — местный военный вождь перебьет всех людей, не отличая собакофилов от собакофобов. Резчица — смертельная угроза, даже когда она в полной власти «Внеполосного».

Но тот, кто поддерживает порядок, должен иметь по отношению к кораблю полномочия администратора. Невил совершенно правильно никому не доверял этой власти, кроме как себе и Били. Ну и, естественно, Били Ингва оказывался здесь часто по вечерам «властелином мира».

Он переключался с камеры на камеру, подсматривая за Резчицей и Тщательником на их, как они думали, личных территориях. Было бы забавно, не будь это так тягомотно. «Внеполосный» был, вне всяких сомнений, собранием самой тупой автоматики, которую Били только видел. В Верхнем Крае существуют рибосомные плагины поумнее всего этого корабля. Сидение в этом местном Средоточии Всего только напоминало Били, как низко пали они в эту адскую яму. Он даже почти понимал, почему собакофилы так вернулись к природе: если ты с «Внеполосным» хочешь сделать *хоть что-нибудь*, то делать придется вручную. Корабль не способен на тактическое мышление, не говоря уже о стратегическом планировании. Все должен делать Невил — а чаще Били. Звездолет просто слишком туп, чтобы им пользовался реальный гений вроде Ганнона Йоркенруда. А если предоставить этот корабль его собственным установленным по умолчанию параметрам, даже представить себе нельзя, какая дрянь может посыпаться.

Вот тут Били реально не хватало Равны Бергнсдот. О Силы, что за низколобая неандерталка эта тетка со Сьяндры! Нет, выглядит она как человек, но поговори с ней минуту, и ты поймешь, что

пытаешься что-то объяснить мартышке. С другой стороны, эта ее ограниченность превращает ее в идеального партнера для «Внеполосного». Били вспомнил тысячи часов, которые она здесь провела, работая над мелкими подробностями, давшими возможность построить этот поселочек. Черт, ведь именно это он сейчас пытался приспособить для своего проекта. Обидно и противно, что она оказалась так чертовски опасна.

Били вытащил записки, которые составил для плана наилучшего варианта: они сидят здесь, делая лишь простейшие заключения по последним наблюдениям шпионских камер. Джоанна Олсндот и стая Странник определенно в картине отсутствуют. Это ослабило Резчицу не меньше, чем исчезновение этой самой Бергсндот, но очень много осталось неподчищенных концов.

Надо вернуть Ганнона. К сожалению, оказалось, что «Взглядом Сверху — 2» чертовски трудно управлять. В конце концов, эта машина создана еще до рассвета технологий! Вот и вышло, что «Внеполосный» потерял след экспедиции Ганнона. Били сдвинул спутник на несколько градусов к востоку, пытаясь разглядеть получше зону поисков. Пока что ничего не нашел.

Контакты Невила среди врагов Резчицы утвер-

ждали, что Равна Бергсндот мертва или скоро будет мертва. Ну ладно, если уж так должно быть. Но даже без нее Резчица сумела привлечь еще Детей на свою сторону. Если они потребуют новых выборов и если Невил не сможет их обвести языком вокруг пальца, — ну, тогда, как сказал Невил по секрету (одному только Били), придется использовать «Внеполосного» против своих же соучеников. Невил решил, что будет несколько убитых, временная тирания. Кроме того, заметил он, тирания — вполне естественный строй Здесь. Может быть, и так, но Невила очень уж сильно повело на кровь. Сейчас он дополнил лучевую пушку корабля каскадом усиления. *Мы должны защищать человечество.*

Нам нужны все, если мы собираемся подниматься обратно в Переход. Били работал над альтернативным планом подавления нападения Резчицы — таким, который не потребует убийства других Детей, какова бы ни была их лояльность, и позволит «Группе изучения катастрофы» нанести контрудар, не напрягаясь. Надо было только смоделировать это достаточно ясно, чтобы убедить Невила.

Били заставил себя просмотреть бесконечные подробности, необходимые при работе с «Вне-

полосным». Как вообще выжило человечество в темные века программирования в Медленной Зоне?..

Когда он в следующий раз посмотрел на время, было под утро. Так он вообще на ночной образ жизни перейдет. Очевидно, он еще около часа просидел за работой, когда «Внеполосный» стал вести себя странно. Это, конечно, не было необычным. Всегда, когда просишь «Внеполосного» сделать что-то новое, как бы просто оно ни было, получишь в ответ новые глупости. Сперва его последние странности выглядели как очередные глюки: три миллиона строк промежуточного кода ссохлись в несколько заковыристых строк скрипта, которого Били не узнал. Так называемое окно результатов стало гнать предложения на чистом самнорском. Сперва он подумал, что это очередное бесконечное и ненужное обратное прослеживание стеков — такое случалось каждый раз, когда система утверждала, что это *Били* сделал ошибку.

Что-то вспыхнуло дружелюбным оттенком зеленого — предупреждение с монитора ресурсов. Он его поставил, чтобы следить, не хапает ли кто ресурс тайком — та же Бергсндот, к примеру. Сейчас нет ни ее, ни Ристлинга, кто-то другой ба-

луется. Овин Верринг? Овин все больше и больше достает, но не из тех он, кто будет строить козни. Так, стой. Использование ресурса, смотри ты, *выше ста процентов.* Били сперва не понял, что это значит, а «Внеполосный» даже не попытался ему объяснить. Сейчас использование ресурса было 100%… *умноженное на десять тысяч!* Может, это «Внеполосный» нашел новый способ делать ошибки. В следующие пять секунд 100% уже умножились на семь миллионов. И тут он заметил, что этот пользователь в списке значится как… Били Ингва.

Кто-то водит меня за нос.

И это не какая-то дурацкая школьная шуточка. Он стал лихорадочно перебирать возможности. Может он прекратить этот процесс? *Зеленая* тревога расхода ресурса — такого он никогда не видел. Били запросил помощь и раз в жизни получил от корабля адекватный ответ:

Монитор ресурсов отмечает, что корабль модернизирован до стандартных компонентов обработки. В данный момент ваше задание планирования корабль выполняет в состоянии 0, что всего в десять миллионов раз превосходит возможности аварийных процессоров Медленной Зоны. Для получения более разумной

производительности следует подумать о запросе недетерминистских расширений.

— Твою мать, — тихо сказал он.

Это могло значить только одно: великая тьма отхлынула и мир Стальных Когтей уже не в Медленной Зоне. Стены вокруг дрожат и переливаются, просыпаются спящие задачи. Некоторые из них еще десятилетней давности, подвешенные, когда совершил свое убийство Фам Нювен. В зрении Били выросли несколько заданий. Его с трудом составленная программа планирования была переписана, сливалась с техническим архивом «Внеполосного», который теперь работал с каким-то подобием внутренней мотивации.

Несколько секунд Били наблюдал этот процесс, не в силах шевельнуться от потрясения. На дисплеях в основном было ничего не понять, но схемы умозаключений были знакомы. Это была автоматика Среднего Края — быть может, лучшее, на что когда-либо был способен «Внеполосный». Били с удивлением почувствовал у себя на щеках слезы — вот такая простенькая штука могла принести столько радости! *С этим я могу работать*. Он махнул рукой, вызывая интерфейс, но не почувствовал возросшего понимания. *Блин*. Может быть, когда с «Внеполосного» спасали

то, что можно было здесь спасти, разрушили его способности. А может, у него их никогда и не было. Он наклонился вперед, разглядывая схемы. В общем, не важно. Видно, что основные схемы — из Края. И реализация графики должна быть возможна, даже если придется исходить из естественной материи. Он переводил глаза с процесса на процесс, зондировал вопросами, обдумывал ответы и следствия. Основную часть мыслительного процесса все равно приходилось выполнять в голове, но за десять лет он на этом собаку съел.

И тут ему пришла в голову самая важная мысль, и явно это был подарок от Равны Бергсндот: набор простых окон, которые показали ему, куда все время надо было смотреть. Эта стерва знала, что такое может случиться. И она велела «Внеполосному» гонять зонограф, мониторить соответствующие физические законы. Но то, что сейчас случилось, было на порядки больше порогов обнаружения той программы. Эффект был такой, что «Внеполосный» снова запустил свою стандартную автоматику.

Он отодвинул все проекты, вызвал, помахав рукой, больше подробностей и объяснений… Ага, Бергсндот для сдвигов границ зон пользовалась

сейсмической метафорой. Губы Били скривились в улыбке. Это имело смысл, но при учете распределения вероятностей модели. А в этом случае — ха! Может быть, лучшей метафорой было бы прекращение состояния сна. Сдвиг начался сто секунд назад, но рос так быстро, что практически через десять секунд «Внеполосный» смог войти в стандартный режим автоматики. Улучшение выровнялось за следующую минуту, но теперь действовали законы физики Среднего Края. Разумный корабль — и даже этот «Внеполосный-2», если его не выпотрошили, мог бы лететь сейчас на десятках световых лет в час. Для данного региона пространства это было лучше, чем до Фама Нювена. А тогда…

Спасение не через столетия в будущем, отдаленное обещание, которое Бергсндот со своими вывернутыми мозгами считала угрозой. Она всегда говорила, что флот Спасения отсюда в тридцати световых годах. Сейчас на планете зона физики улучшилась и продолжала улучшаться. А что же будет еще на тридцать световых лет выше?

Били вертел программу зонографа так и этак, пытаясь увидеть состояние ближайшего межзвездного пространства. «Внеполосный» был

сейчас достаточно умен, чтобы помочь. Ага. Объяснения привешены к каждому из его различных запросов. Доступные датчики зоны есть только на борту. Если бы у корабля было чуть больше далеких станций — пусть всего в световом годе отсюда, — возможна была бы разумная экстраполяция.

Били возражения отмел и потребовал экстраполяции, основанной на исторических градиентах. Результат пришел в светло-фиолетовом свете крайней недостоверности. Били был предупрежден. И все же… в окнах был флот из десятков звездолетов, перемещающихся на ультрадрайвах. Помощь была в тридцати световых годах над планетой, и фиолетовая оценка показывала псевдоскорость в пятьдесят световых лет в час. От спасения отделяли не столетия и даже не года. Оно здесь будет через час.

Суровые цифры корабельных приборов показывали, что улучшение зоны уходит. Ерунда, ничего! После сегодняшнего дня это изгнание забудется, как кошмарный сон. На работающих ультрадрайвах спасатели их увезут вверх, вверх, до самого Перехода наконец. И там боркнеры вроде Ганнона и Джефри (если этот мир не угробил окончательно его потенциал) восстановят Верх-

нюю Лабораторию, завершат то, о чем мечтали их отцы и все царство Страума.

Не пройдет и часа, как они навсегда распрощаются с этой душегубительной ямой.

Что? На фиолетовом фоне расчетная скорость флота упала до тридцати световых лет в час. Ну, это же приблизительная гипотеза. Зонограф «Внеполосного» все еще показывал — глаза Били пробежали по дисплеям: сплавление данных Здесь оставалось несбыточной мечтой, — *показывал ухудшение местных условий.* Максимальная возможная скорость на ультрадрайве здесь и сейчас была пятнадцать световых лет в час. Двенадцать.

А какая разница? В часе пути спасение или в дне? Или в декаде пути?

Но болезненный холод стал разливаться у Били под ложечкой. Может быть, Сдвиг Зон, созданный Фамом Нювеном, не был болезненным сном. Может быть, правильную метафору выбрала Равна Бергсндот.

Условия продолжали ухудшаться. Твердая местная оценка: пять световых лет в… год. *НЕТ, НЕТ!*

Фиолетовый флот был всего в двадцати световых годах — дистанция широкого прыжка в Верхнем Крае.

Два световых года в год. Повсюду замигали сигналы тревоги: «Внеполосный» в этой гибельной среде не мог поддерживать стандартные вычислительные процессы. Били махнул ему рукой, чтобы пытался.

Впоследствии Били понял, что неумно было предъявлять требования к автоматике Края, когда она работает на предельных режимах: можно и выиграть спор. Расчет зонографа дошел до одного светового года в год — и все дисплеи вокруг переменились или просто рассыпались. Ярче загорелся свет, но Били знал, что на самом деле это он и вся планета рухнули обратно в стигийскую тьму.

Он еще минуту посидел в программных развалинах, слишком потрясенный, чтобы шевельнуться. Всего 193 секунды — согласно уцелевшему окну часов — спасение было рядом. И его выдернули из рук. Просто выть хотелось. Но вместо этого он заставил себя осмотреть повреждения. За эти три минуты «Внеполосный» проделал объем вычислений больше, чем за последние десять лет. Были результаты его планировочного проекта — теперь подкрепленные техническими деталями использования уцелевшего оборудования и политическими вариантами для Невила.

Был протокол только что случившегося броска границы зон. Может быть, удастся из этого узнать, какого можно ожидать развития событий. Были данные… и вот сейчас они теряются! Корабль работал на своих стандартных процессорах, пока на него не обрушилась Медленная Зона. Переход на резервные вычислительные мощности прошел успешно, но перевод данных в пассивный неинтеллектуальный формат прервался. В отсутствие интеллектуальной системы обновления гасли сами устройства физической памяти. То, что осталось, даже пассивные данные требовали немедленного резервного копирования вручную.

Били подался вперед, жестами отдавая команды. *Без паники.* У него большая практика решения задач в этой среде. Не пропускать ни одного этапа, не допускать *ни одной* ошибки. *Без паники*. Были бы сейчас в онлайне Неви и Овин или Мерто, все вместе, удалось бы спасти почти все. Ага, какая там у собак поговорка? «Будь хотения лягвокурами, никто бы голодный не ходил». Знают собаки ограничения своего мира, пусть даже не видят в них ограничений. И где-то на полпути спасения этих данных для программы Лучшей Надежды от дисплеев зонографа пошел запах дыма — классическое диагностическое

обозначение потерянных данных. *Черт побери, я не могу делать все одновременно!* Он пролистал записки Бергсндот. Сама программа была простой и последовательной, нечто такое, что понятно было бы еще первобытно-техническим людям. *Такого* рода наборы инструкций не так легко пропадают. Но фиолетовый анализ и сырые протоколы зонографа — исчезли.

Он наскоро прогнал извержения зонографа через программы лечения и перезапустил программу. А тем временем очень-очень осторожно попытался свернуть выдачу своей программы Лучшей Надежды и наконец сделал то, что (как наверняка будет зудеть Невил) надо было сделать прежде всего.

— Корабль, дай защищенную связь с Невилом.

Били твердо вернулся в режим пещерного человека, даже помнил необходимость указать, что линия должна быть защищена. Среди прочего это значило, что связь будет установлена с наголовным дисплеем Невила или прямой связью направленным лучом.

К сожалению, дисплей такой остался только один, и Невил им пользовался столь же осторожно, сколь и Равна Бергсндот. Прошло почти десять секунд, пока женский голос ответил:

— Да?

— А, Тами, привет. Слушай, можно мне Невила?

— Привет, Били. Невил пошел в Новый замок, в город — ну, знаешь, готовить большой протест против заговора Резчицы. А меня оставил вместо автоответчика. Какое будешь оставлять сообщение?

Интонация выдавала надутые губы. Тами — не Джоанна Олсндот, но может создавать проблемы иными способами. Били не очень понимал, что Невил в ней нашел.

— Да нет, ничего. Все равно его увижу на собрании. Спасибо, Там.

Били еще секунду пялился на дисплей зонографа. Он показывал низкие уровни случайного шума. Скорее всего Медленная Зона снова легла над головой слоями световых годов. *Но это может измениться за секунды… или за годы.* И Невилу надо сказать немедленно. Тем не менее Били несколько минут потратил на проверку, что нигде не работает ничего открытого. Ничего такого, что спалит собственный вывод в случае нового броска границы зон.

Он поспешил прочь от командного пункта, вниз, в большой зал заседаний. Редкий случай —

там было пусто. Как-то Невил убедил всех, и даже твердокаменных собакофилов, прийти на митинг. Может, до людей дошло наконец: когда нет ни Бергсндот, ни Джоанны, у них последняя надежда на спасение — это Невил и ГИК.

Он вышел наружу, в сплошную стену холода. К счастью, воздух был тих и ничего не морозил. Отступив в сравнительное тепло тамбура, Били застегнул куртку. И прямо на его глазах первые лучи утреннего солнца озарили холм наверху, видны стали особняки вдоль Дороги королевы до самых крыш города Новый замок. А дальше стоял мраморный купол замка — Купол Посадочного Модуля.

Обычное совершенно нормальное утро у нижнего конца задницы вселенной, спасибо Фаму Нювену и плесени, что приехала на Модуле. Били знал легенды про день, когда Фам Нювен высоко поднял Медленную Зону, когда померкло солнце и стаи метались в безумном танце. Сегодняшний всплеск — от него никаких следов Били не видел. Скорее всего он единственный в этом мире, кто хоть что-то заметил. Это не была великая перемена во вселенной. Это был лишь легкий сдвиг обратно к естественному равновесию.

Били пустился в долгий путь к городу, и часть

его досады развеялась. Спасение было вырвано из рук в последнюю секунду, но зато стала ясна одна вещь: оно близится. И оно раньше или позже придет, и вероятнее, что раньше.

Глава 25

— Резко сваливаем в сторону и уходим.

Это легче было предложить, чем выполнить. «Сваливание» началось с полуночного тайного перехода не доходя несколько километров до зловещего креста на карте Читиратифора. Перешли вброд речку по быстрым мелям под безжалостным ливнем. Оказавшись на той стороне, Равна решила погоде радоваться — буря могла их скрыть от разведчиков противника. Тучи также означали (наверное), что спутник Невила их тоже не видит. А еще дождь прибил армии комаров, которым так по душе пришлось вчерашнее солнечное тепло.

Тропа, которую нашел на карте Амди, должна была вывести группу через горные перевалы в другую рифтовую долину. «Дикие княжества» располагались в долине менее геологически активной, но ее название говорило о том, что она еще и малоизвестна. Последний глобальный катаклизм случился здесь тысячу лет назад. Потом здесь по одному оседали поселенцы, рискуя лишь катастрофами местного масштаба. Двести

лет назад местный разлом почвы похоронил колонию Резчицы вплоть до последнего элемента. У королевы на такие вещи память хорошая, и она сюда не стала возвращаться.

Геологические риски для Равны и ее спутников были вполне приемлемы по сравнению с иными.

На подъеме из долины налетел ветер, молния била в скалы над головой. Ничего сверху не сыпалось, но тропа была узкая, а керхоги от шума нервничали.

После получаса такого подъема Равна заметила, что молнии почему-то включили сигнал взлома на фонарях в средней телеге. Тревожный узор подмигивал из трещин в ящиках. Это на керхогов никак не влияло, но очень отвлекало Равну и Амди, часть которого правила следующей телегой.

— Все это лампы, — сказал он ей. — Гм, гм. Они совпадают по фазе! Видишь радуги сбоку у твоей телеги?

— Я знаю. Ты не волнуйся, Амди, после бури должно успокоиться. — Разве что у Невила ума хватит зондировать лампы через спутник, но тогда этим он бы себя выдал. — Ты лучше с дороги глаз не спускай.

Такой совет стоило бы дать себе, а не ему, у которого глаз было куда как больше.

Сигнал мигал еще минуту-другую. Потом ветер стих, гроза ушла. Дождь продолжался, иногда такими плотными ледяными полосами, что ничего не было видно дальше ушей керхога. Потом выдавалась минута-другая, когда можно было что-то углядеть на той стороне долины, где буря была больше похожа на ползущий туман. Путешественники оставили лесную зону далеко внизу, распрощались с давящими кустами, стреляющими деревьями и статным корабельным лесом. Здесь деревья были густые, ветвистые, охраняющие медленно тающий под дождем снег.

Один из Амди прилег рядом с Равной. Вид у него был несчастный: дождь сильно глушил мыслезвук. Она надеялась только, что сидящие на задней телеге смогут удержать ее на дороге. Местами тропу обозначали скалы обрыва с одной стороны и неясный туман с другой. Когда дождь ослабевал, открывались жуткие виды — как далеко придется падать, если керхог оступится.

Шелковинт держался кучно, в основном перед телегой Джефри. Вчера он, показав, где карты, больше никакой помощи не оказывал. Когда Амди объяснял ему насчет поворота на восток и

спрашивал, каков риск, что их обнаружат, остаток стаи лишь стоял вокруг, склонив головы во все стороны — аналог саркастического пожатия плеч. Но сегодня помощь от него была реальной. Когда тропа исчезала или раздваивалась, Шелковинт лез вверх и вниз, потом возвращался и вел вперед. Несколько раз приходилось вылезать и сковыривать с дороги большие камни, но отряд все время продвигался — вверх и на восток, метр за метром.

Сейчас Шелковинт направлялся к последней телеге. Элемент Амди рядом с Равной обернулся.

— Я думаю, он хочет посмотреть запасного керхога.

Резервное тягловое животное шло за третьей телегой на короткой привязи.

Когда увечная стая прошла мимо, Равна посмотрела вниз. Как обычно, хромой влиял на общую походку стаи, но… внешний вид стаи ей хорошо примелькался. Два элемента с белыми отметинами поперек головы, симметричными, как у однопометников. Один — тот бедняга, кому она сломала ногу. Из-за хромоты трудно было бы его не заметить или спутать, но сейчас граница белой отметины размазалась… как дешевая краска для волос.

И что это? Без того было мало загадок? — мелькнуло у нее в голове, но тут керхог оскользнулся на полметра по склону, и все внимание Равны вернулось туда, где должно было быть: к задаче выжить сегодня.

* * *

Дождь продолжался и в сумерки, но самая трудная часть подъема осталась позади. Маленький отряд полз по краю альпийских лугов. Если бы не слой туч, камеры спутника наверняка бы могли его заметить. Джефри посулами и уговорами заставил керхогов пройти еще несколько километров и остановился, когда Амди решил, что обрывистый склон защитит их от глаз спутника даже в солнечный день.

— Если Невил его снова не передвинет, — заметила Равна.

— Ага. — Восьмерка беспокойно глянула в небо. — Мне надо подумать. Слишком я сегодня далеко растянулся.

Шелковинт полазил по скалам, возможно, высматривая угрозу камнепада. Вернувшись, он закружился впереди, показывая, куда надо поставить телеги.

У Равны уже была хорошая практика черной

работы. И несмотря на дождь, вскоре корм керхогам был готов. Шелковинт развел огонь, и путники сели есть.

— Даже вареная эта дрянь на вкус как дерьмо, — сказал Джефри.

— А солонина еще хуже, — возразил Амди.

— Ага, — ответила Равна. — Тогда надо радоваться, что провизия у нас на исходе.

Шелковинт в разговоре не участвовал, но жевал неохотно. Сведенный к четверке, он, наверное, не был способен к нормальной охоте. Равна заметила, что он задумчиво поглядывает на одного из керхогов — ближайшее тихое животное, которое шло за телегой Амди. Они с Джефри возились с ним сегодня, вынимая застрявший камень из копыта. Завтра животное уже сможет слегка работать, но у него хватало ума сообразить, что подразумеваемый договор между ним и его плотоядными хозяевами под угрозой. И сейчас беспокойно ловило взгляд Шелковинта.

— Я так понимаю, что мы как раз на середине перехода, — сказал Амди.

Равна вспомнила карту долины, лежащей впереди. Там должны быть отдельные поселки.

— Найдем место, где можно будет остановиться и выменять что-нибудь на еду.

Амди ответил:

— Стальные Когти, которых мы там встретим, вероятно, никогда человека не видели.

Равна перевела взгляд с Амди на Джефа.

— Ты думаешь, они на нас нападут сразу, как солдаты Булата, убившие твоих родителей?

Джефри задумчиво огляделся, потом покачал головой:

— Булат был сумасшедшей стаей работы прежнего Свежевателя, созданной для коварства, предательства и интриг.

— Нет, не как Булат, — ответил Амди. — Но есть куча других неприятных возможностей. Я думаю, жители Княжеств слышали о людях, но…

— Ладно, — сказала Равна. — Может быть, поначалу мы с Джефри можем не светиться. Вы с Шелковинтом выдадите себя за одиноких путешественников. Если надо будет, выменяем лампы, может быть, и другое что. Через первые встречи мы как-нибудь пробьемся, ребята. Вопрос в том, что дальше делать. Надо как можно скорее добраться домой, и чтобы нас не заметили — пока мы не захотим, чтобы нас заметили.

Джефри сидел, ссутулясь, запустив пальцы в волосы. Потом резко выпрямился.

— Не сомневаюсь, что нас бы уже спасли, если

бы Джо и Странник были сейчас в строю. Наверняка Невил выступил не только против тебя, Равна. Может, это нам придется всех спасать.

— Я могла бы это сделать, Джефри. Только дайте мне «Внеполосного».

Он посмотрел на нее странно:

— Ты так легко могла бы перехватить управление? И при этом разрешила Невилу тебя просто отодвинуть?

Равна почувствовала, как начинают гореть щеки.

— Ты меня считаешь дурой?

Джеф отвел глаза. Она не могла сказать, гнев это или презрение, но, когда он заговорил, голос у него был доброжелательный:

— Если считать Невила, сейчас нас ищут три врага. Мы видели, что они вполне готовы предавать друг друга, но точно не знаем, кто из них чего хочет. Может быть, Магнату мы действительно нужны для какого-то зоопарка. Бандит Хранителя был заинтересован тихо нас убить — тебя по крайней мере, — делая вид, что доставляет нас к Магнату. Невил, пожалуй, просто хочет тебя устранить с дороги. Когда тебя не будет, «Внеполосный» будет принадлежать ему полностью. — Он снова посмотрел на нее. — В любом

случае сейчас все эти три деятеля знают, что мы выскользнули. Если подать сигнал бедствия, кто-нибудь из них нас захватит. Места, где спрятаться, у нас нет. Лучшее, что мы можем сделать, — это то, что ты сказала: перевалить через эти горы, добраться домой через Дикие Княжества, а там… а там доставить тебя на «Внеполосный».

Амди издал хнычущий звук — не возражая, но очень недовольный:

— А все разговоры со всеми незнакомцами вести мне!

— Будем надеяться, что к Шелковинту может вернуться межстайная речь, Амди, — ответил Джефри. — Хотя бы частично.

— Может быть, — сказал Амди с некоторой надеждой. — Он всегда…

— А кстати, где он? — спросила Равна.

Где-то в процессе разговора остаток стаи убрел прочь.

Джефри разочарованно вздохнул — вопреки своему только что сказанному оптимистическому замечанию.

— Заскучал, я думаю. Непонятно, насколько ему доступно стратегическое мышление. Надеюсь, что он сам себя назначил в дозор.

Это напомнило Равне о замеченной сегодня

странности, и она рассказала Амди и Джефри о смазанной краске.

— Так что же он скрывает? И сколько там слоев тайны?

Амди осторожно засмеялся:

— Ох уж этот Шелковинт. Очень его расстроило, что его убили, он стал так небрежен в поддержании собственного облика…

Голос Амди осекся, он наклонил несколько голов в сторону и переглянулся с Джефри. Они решали, посвящать ли ее.

Наконец Джефри сказал:

— Это твоя история, Амди.

Стая жестом подозвала их поближе, так что Равна оказалась плечом к плечу с Джефри, а два элемента Амди у них на коленях. Так было очень удобно, когда Амди был маленьким.

— На самом деле здесь две тайны. Ты только не вини меня, Равна, но я… я давно пошел в учение к Свежевателю. — Тот, что лежал у нее на коленях, вывернул шею, чтобы на нее посмотреть. Глаза у него были большие и темные. — Только я не как Невил. Мы никого не предавали, хотя ты и особенно Резчица могли бы посмотреть на это иначе.

— Да, ты на Амди не наезжай за это, Равна. У

всех у нас свои проблемы.

Равна кивнула, сдерживая улыбку.

— Амди, я мало что знаю о том, чего хочет Свежеватель. Он тебе обещал какую-то медицинскую помощь?

Амди пискнул и поднял все головы:

— Откуда ты знаешь?

— Потом, — ответила Равна. — Это, пожалуй, единственный секрет, который я знаю, и я в тот момент ему не поверила.

— Ладно, но ты права. — Амди опустил головы. — Я знаю, что моя проблема — трусость. Вы, люди, — вы смелые, вы столько времени живете со смертью. Я, как вы, был рожден весь сразу, и я так… так *боюсь* умереть.

Равна погладила того, что лежал у нее на коленях.

— Я бы не назвала это трусостью. — Ей было интересно, что же пообещал Амди Свежеватель. — Но ты мне хотел рассказать про Шелковинта, — напомнила она.

— А, да. Насчет его маскировки! — Голос Амди снова несколько ожил. — Помочь Шелковинту — этот проект оказался успешнее. Я горд тем, что сделал, даже если бы Резчица назвала это предательством. Я же знал, что в основе своей

Свежеватель-Тиратект — хороший.

Джефри слегка шлепнул того, кто лежал у него на коленях:

— Ты нарочно Равну дразнишь? Давай к делу!

— Нет, нет! Я кружу вокруг правды. — Он скучился еще теснее, поглядывая в темноту. Дождь пошел снова, но помягче, и ночь была безветренной. — «В основе своей» — это не фигура речи. Три его элемента пришли из школьной учительницы, которую он убил. Она и заправляет всем, пусть даже сама стая этого не осознает.

— Я знаю, — ответила Равна. — Свежеватель даже шутит на эту тему, но с хитринкой, будто это не так.

— Нет, это так. — Сказано было с несвойственной Амди решительностью. — Тот, у кого белые уши, главный коннектор, но вклад дают все три.

— И это я тоже знаю.

В голосе Амди послышались лукавые интонации:

— Но ты наверняка не знаешь, что у всех трех в стае были щенята.

— Что? — Это бы заметили даже сломанные системы наблюдения. Разве что… — Это было, когда Свежеватель уходил на север и пропал?

— Ага.

Пять лет назад. Резчица рвала и метала, чуть не пошла войной на остатки движения Свежевателя.

— Так что стая Свежеватель-Тиратект хочет набирать новых элементов из себя самой, когда придется заменять умершие элементы Тиратект?

— Да, но это как раз и не получилось. У Свежевателя куча объяснений с точки зрения науки псарей, но дело свелось к факту, что остатки прежнего Свежевателя оказались способны отвергать щенков… так что одного он отдал Помойке, а еще двух помог пристроить я.

Равна смотрела в дождливый мрак. Если эта история куда-то клонится, то она может предположить, что стало с двумя щенками.

— А остальной Шелковинт — кто, Амди?

— Мы с Джефри протащили двух щенков в ветеранский Фрагментарий — где сидели под стражей остатки Булата.

— Ага. Я так понимаю, прямо перед его «самоубийством».

— Да, — согласился Амди. — Как-то Свежеватель уговорил Заботницу всех обмануть, включая Резчицу.

— Ага, — подтвердил Джефри. — Мне очень

интересно, на чем он мог Заботницу подловить.

— А мне все равно, — ответил Амди. — Господин Булат был чудовище, но когда я был совсем маленький, он был моим первым другом — то есть я так думал. Как бы там ни было, а все вышло так, как запланировали Свежеватель и Заботница. Остатки господина Булата были безумны, но часть этого безумия связана с тем, что Булат хотел превзойти прежнего Свежевателя, победить его, показать ему, что чего-то стоит. Когда он прекратил попытки убить двух щенков Тиратект, они ему идеально подошли. Отчасти результат *выглядел* как исходный Булат, так что пришлось красить шерсть.

Их всех спасло хитроумие Шелковинта и его кровавая ярость, но вернул Равну к жизни после дней беспамятства его терпеливый уход. Неужто он и есть та стая, из-за которой получили свое название Луга Резни? Такая форма искупления людям недоступна — по крайней мере Здесь.

Минуту все помолчали. Только капал дождь и тихо гасли угли в костре. Наконец Равна спросила:

— И кого же из него убили вчера? Булат наполовину, на три четверти — что осталось?

— А, понял, — слишком жизнерадостно прозву-

чал голос Амди. — Ты не волнуйся. Ты же знаешь, что личность не определяется процентом. Три четверти оставшейся стаи — от Булата. Но вся четверка — это преобразованная душа.

Предмет их обсуждения не появлялся еще несколько часов, хотя Амди говорил, что слышит, как он ходит дозором вокруг лагеря.

— Он считает, что из нас плохие часовые, — сказал Амди. — Уверен, он и спать будет периметром.

Керхогов устроили поудобнее, укрыв от ветра за крутым склоном, где было не суше, чем повсюду. А у людей и стай для сна нашлись несколько непромокаемых плащей и одежда, бывшая на Равне и Джефри за день до того.

Все переоделись, Амди и Джефри разложили плащи и сбились в кучу, как делали в холодные ночи.

— Ты можешь с нами лечь, Равна, — сказал Амди, освобождая ей место.

Джефри замялся, но поддержал:

— Имеет смысл. Так будет теплее.

В предыдущую ночь, когда они успевали только подремать на телегах, такой вопрос не возникал.

— Верно.

Она легла позади Джефри и позволила Амди

окружить себя телами. Этих двух она не обнимала с тех пор, как они были еще совсем малышами. Теперь, когда она обняла Джефри, это было совсем по-другому.

Глава 26

Идти поверху было легче, чем лезть вверх, даже там, где от дождя почва раскисла. Керхоги паслись на нежной луговой траве — хотя вода стояла сразу под зеленью, маскируя глубокие дыры. Лить перестало, но тучи висели плотно — идеальная погода, чтобы двигаться, не боясь наблюдения. Остаток Шелковинта (Булата?) вел себя так же, как накануне, идя дозором перед телегами, указывая подходящие тропы. Хромота снижала его темп, но не сказывалась всерьез на ловкости.

Карты убрали, но Амди их запомнил.

— Эти горы с запада пологие, с востока обрывистые. У нас впереди очень крутой спуск.

Равна это помнила. «Крутой спуск» — это еще было очень мягко сказано. Горизонтали на карте почти сливались — крутой обрыв. Амди этого не отрицал, но сейчас его волновало другое.

— Еще несколько часов — два дня максимум, — и мы выйдем к деревне, к гостинице или просто к стаям-фермерам. Что мы им скажем?

— Зависит от ситуации, Амди, — ответила Равна.

Бедный мальчик. Он пытается запланировать *экспромт*. Ну конечно, пока он об этом думает, ему не надо думать о предстоящем спуске, или о том, что кончается еда (запасы всего, что Равна готова была рассматривать как съедобное), или что за ним охотятся как минимум три разных банды. Сейчас по лугам веял ветер. Может быть, не арктически холодный, но мокрую куртку леденил насквозь. И все они усталые, замерзшие, немытые и…

Надо о чем-то другом думать.

Шелковинт перебрался в арьергард и выглядывал назад из-за больших валунов, рассыпанных по лугу. Его бдительность успокаивала, хотя с каждым днем крепла мысль, что от банды Читиратифора они надежно оторвались. Но Амди не успокаивался и все время крутил головами, отслеживая четверку.

– *Ох!* Мы же можем напороться на местные стаи еще до того, как до спуска доберемся!

Равна заметила, что Джефри придерживает головную телегу и тоже следит за действиями Шелковинта. На самом деле эти луга не слишком отличались от прежних ферм Домена. До появления генетически модифицированных кормовых культур сельское хозяйство для стай было при-

мерно как охрана дичи у людей. Традиционно местный крестьянин только улучшал условия существования дичи, подкармливая животных и защищая их от *других* хищников. У некоторых ферм «изгороди» можно было спутать с естественными полосами леса и нагромождением камней, хотя здесь Равна ничего такого поблизости не видела.

Из-за валунов донесся истошный вопль. *Что-то* размером с элемент вылетело оттуда, уносясь с луга прочь. Эту тварь обошли с фланга три элемента Шелковинта, она резко повернулась, почти опрокинувшись, и устремилась на луг — но там ее ждал хромец Шелковинта. У животного не было выбора — оно еще раз повернулось на месте и понеслось по тропе прямо к телегам. Три элемента Шелковинта быстро его догоняли.

Слишком большая для хорька тварь. И если ты видел одного хорька, то видел и сотню, а тогда почти наверняка попал им на харч. Кроме того, у этого создания были посередине две дополнительных конечности!

Когда оно пронеслось мимо телеги, Равна сообразила, что эти «ноги» — рваные и измазанные в грязи остатки дорожного плаща.

Тут сразу случилось многое. Керхог шарахнул-

ся от бегущей твари, Равна чуть не выпустила вожжи. С передней телеги спрыгнули Джефри и один из Амди.

— Я туда! — сказал тот элемент Амди, что сидел рядом с ней.

И рванулся вперед. Тут же промчался гуртом Шелковинт, а за ним все остальные элементы Амди.

Джефри бросался в стороны, перекрывая твари дорогу к бегству.

Равна приподнялась с козел.

— Осторожно!.. — успела она сказать, но бегун уже вильнул мимо Джефа. Тут его догнали здоровые тела Шелковинта, окружили, заставляя синглета вернуться. А все Амди выстроились перед телегой Равны. Тварь загнали в мешок, скорее всего случайно, но выглядело это как мастерская командная работа. Беглец остановился, припал к земле, все еще чудовищно громко визжа.

Секунду никто не двигался. Три секунды. Шипение прекратилось. Загнанный поглядывал на своих противников, потом сосредоточился на самом малочисленном: Джефри. Стая может быть смертельной — а синглет? Но Джефри был совершенно спокоен. Смотрел он на противника, но слова предназначались не ему.

— Равна, сядь. И смотри, чтобы твой керхог нас не переехал. — Его собственная телега проехала еще метров пятьдесят и свернула на луг. — Амди, отлично все делаешь. Только встань чуть прямее.

Она внезапно заметила, что Амди дрожит. Элементы у него были большие, и было их восемь, но он почти всю свою жизнь провел, мысля как человеческий ребенок, совершенно без внутренних ролевых моделей нормальной стаи. Тем не менее Амди очень старался, и все восемь его тел стояли в настороженных позах. И он говорил, обращаясь и к синглету, и к Шелковинту у Джефри за спиной. Стая подвинулась к человеку и встала вокруг, будто намереваясь вдруг броситься. После слов Амди она чуть подалась назад, блокируя беглецу выход.

— У тебя есть какое-нибудь лакомство, Амди? — спросил Джефри.

— Если это можно так назвать. — Он полез в одну свою седельную сумку и вытащил большой кусок колбасы, зеленый от плесени. — Даже не все мои элементы такое едят.

Он осторожно держал его мягкими кончиками морды.

— А не бросишь ли его вот этому нашему но-

вому другу?

— А! Да, конечно.

Амди что-то сказал синглету, потом бросил колбасу в его сторону. Она упала чуть дальше, чем тот мог достать.

Синглет двинулся к ней не сразу. Он повел головой, осматривая Амди, резко повернулся, подозрительно глядя на Джефри и Шелковинта, снова пристально посмотрел на Амди. Странно было видеть, что элемент так много тратит усилий, просто чтобы посмотреть вокруг.

Еще секунда настороженного внимания — и синглет прыгнул, подбросил колбасу в воздух и вцепился зубами. Сюрприз: еда оказалась тверда как камень. Синглет бросил ее на землю, придерживая лапой, стал яростно грызть. При этом он переступал и поворачивался, стараясь видеть все угрозы сразу.

Вдруг синглет забулькал стайной речью. Плечи его загудели гулкими звуками. Равна узнала аккорд «боюсь». Или это было отрицание: «не боюсь». Бульканье повторилось, превратилось в поток куда более сложных звуков.

— Это наверняка говоритель, — сказал Джефри.

Напряжение спало. Равна дала керхогу свер-

нуть с дороги, пощипать травки.

— Из кого он, интересно, — подумала вслух Равна. — Из возниц?

Уж точно не из Читиратифора. Синглет сильно оголодал, ребра торчали из свалявшейся шерсти. Читиратифор был слишком упитан, чтобы так отощать за три дня.

Джефри опустился на колено посмотреть поближе. Синглет поднял голову, и его захлебывающаяся речь превратилась в пронзительное шипение. Джефри не стал двигаться дальше, синглет огляделся. Потом положил колбасу опять на землю и стал с ней расправляться.

Джефри через минуту сказал:

— Не думаю, что он из возниц. Остатки плаща совершенно не похожи на то, что на них было.

— Я узнаю ее маркировку, — ответил Амди. — Она из Ремасритлфеера. — Он бросил синглету вторую колбаску. — Но Читиратифор заявил, что убил его полностью.

Джефри улыбнулся:

— Читиратифор был хвастливый враль… а эту зверюгу убить нелегко.

Синглета назвали Ритл, хотя Амди не был уверен, что это и есть ее имя.

Она съела обе колбаски, потом ее вырвало, но

она продолжала издавать угрожающие звуки. Потом она попила луговой воды и более или менее рухнула в середине дороги. Лежала молча, только иногда шипела — в основном в сторону остатка Шелковинта.

Амди кружил вокруг и уговаривал Шелковинта отступить. Потом они с Джефри сели и заговорили с синглетом сочувственно.

— Видно, что она из последних сил двигалась, — сказал Джефри.

Равна слезла с телеги и подошла ближе, пока Ритл на нее не зашипела.

— Ты думаешь, она была речевым центром?

— Точно не узнаем, пока она не отдохнет. — Джеф пожал плечами. — Иногда языковые способности не концентрируются в одном элементе.

— У меня так с математикой, — сказал Амди. — Каждый элемент — математик.

— Да, но ты один такой, гений во всем. Властитель Булат… — Джефри запнулся, потому что очень много властителя Булата прямо сейчас у него за спиной мрачно лезло в среднюю телегу. И у Джефри своя жуткая история взаимоотношений с оригиналом. — Властитель Булат создал тебя из щенков величайших гениев, добытых убийством, обманом и похищением.

Джефри осторожно протянул руку в сторону Ритл. Синглет ответил опять же шипением, но так, будто энергия кончалась.

— Не думаю, что Ремасритлфеер когда-нибудь был великим лингвистом.

— Если бы Ритл была дружелюбной, много ли могла бы она нам рассказать про Магната?

— Синглет? Не думаю.

Амди тихо и грустно рассмеялся:

— Наверное, она помнит полезные вещи, но при попытке рассказать получится бессмысленная болтовня.

Равна секунду подумала.

— Вообще-то есть одно очевидное предложение. И оно решило бы обе наши проблемы сразу.

Она оглянулась через плечо. Шелковинт полностью сидел на средней телеге, глядя сверху вниз.

— Ты по-самнорски понимаешь? — спросила она у стаи.

Взгляд Шелковинта остался пристальным и оценивающим, но ответа не было.

— Я не думаю, что Шелковинт понимает язык людей, — сказал Амди. — Даже не уверен, что ему все ясно в межстайном.

— Да я вот просто подумала… если бы то, что осталось от Шелковинта, могло поладить с

Ритл…

Джефри улыбнулся:

— Это была бы неслабая победа, но вряд ли получится. Ритл подчеркнуто враждебна.

— Может быть, она просто боится, — сказал Амди.

Синглет снова стал болтать. Не такой болезненный звук, как шипение, но дружественным ее тон трудно было назвать.

— Да, но Шелковинт тоже не выглядит заинтересованным. Принятие Ритл могло бы означать смену пола стаи, и обычно это проблема. — Джефри нетерпеливо пожал плечами. — Если Ритл не сбежит, будет о чем подумать. А пока что, — он посмотрел на небо, — нам действительно пора двигаться.

— Она просто убежит, если я отойду, — сказал Амди.

— Нет. Ручаюсь, она нас преследовала. Ты же знаешь, как себя ведут синглеты.

— Ну ладно.

Амди сказал что-то умиротворяющее, обращаясь к Ритл, и отодвинулся. Одновременно он говорил с Шелковинтом, может быть, прося его сделать менее угрожающий вид. Джефри пошел обратно к передней телеге.

Синглет смотрел на это все, припав к земле и продолжая болтать взахлеб.

Джефри перевел:

— В основном она нам угрожает. Рассказывает, что с нами будет, если будем плохо себя вести.

Вдруг Ритл вскочила и бросилась прочь — но остановилась, когда решила, что скрылась с глаз в луговой траве.

Джефри и Амди пошли вперед, туда, где пасся первый керхог. Через несколько минут они убедили животное вытащить телегу обратно на дорогу. Амди вернулся править задней телегой, и отряд снова тронулся в путь.

Как обычно, один из Амди сидел с Равной на средней телеге. Когда к вечеру влажность упала, Амди стал думать быстрее. Это не обязательно бывало хорошо.

— Сегодня последний день, когда будет легко, — сказал он. — Слышишь водопад? Мы почти у большого обрыва. — «Крутой спуск» он повысил в звании, дав имя, более соответствующее реальности. — И очень скоро встретим местных.

Она предположила, что он то же самое говорит впереди Джефри. Амди был как параноик на форсаже.

Она переложила вожжи в одну руку, другой

потрепала его по плечу.

— Доберемся — разберемся. А пока что ты бы больше внимания обращал на телегу, которой правишь, да присматривал бы за Шелковинтом и Ритл.

— А я так и делаю, так и делаю. — Он посмотрел на нее, извиваясь под рукой. — Если бы ты могла меня видеть всего сразу, знала бы, что я смотрю во все стороны. Шелковинт, очевидно, понял, что я ему говорил, и держится позади. А с телеги Джефри я вижу, что Ритл чуть-чуть нас опережает. Удирать не стала, хотя пытается не попадаться нам на глаза.

На самом деле Равна без труда следила за синглетом. Тот никогда не уходил более чем на тридцать метров вперед от телеги Джефри, прокрадываясь из укрытия в укрытие. В то же время Ритл пыталась следить за всеми телегами и за Шелковинтом. Иногда она останавливалась прямо на виду, вертя шеей во все стороны, потом видела, что на нее смотрят, — и быстро кидалась в укрытие.

Амди издал человеческий вздох:

— Мне так жалко Ритл. Ты права: если б она и остаток Шелковинта могли друг друга принять, обоим стало бы намного лучше, и сразу. Ты чита-

ешь любовные романы, Равна?

— А? Любовные романы Стальных Когтей? А где ты их…

— Странник меня пускает в библиотеку Резчицы.

Она понятия не имела, что Амди исследовал такие темы.

— А ты читал любовные истории на «Внеполосном»? — спросила она.

Работая в Организации Вриними, Равна заметила интерес клиентов к любовной литературе. Это, наверное, наиболее общая из всех форм письменного искусства. Неудивительно: там, где свет романтического чувства поддается осмыслению, он дает для понимания чужой культуры и души больше всего, что только есть по эту сторону Перехода.

— Среди наших любовных романов нет такой экзотики, как можно найти в библиотеке «Внеполосного», зато у нас куда как больше видов романтики, чем у других рас. Смотри: влюбленность стай, как у Странника и Резчицы. Бывают романы между ранеными стаями, ищущими восстановления целостности, снаружи или изнутри. И бывает, что стая влюбляется в синглета — и наоборот.

— Судя по словам Джефри, в нашем случае до этого как до луны.

— Ага, — согласился Амди. — Может быть, поэтому так популярны романы, где все получается хорошо.

Амди минуту или две ехал молча, опустил длинную шею и положил голову на передние лапы. Обернувшись, Равна увидела, что глаза у него закрыты. Чудо — этот тревожный подросток дал себе перерыв! А может быть, переживает по поводу более серьезных проблем, которые и погнали его к Свежевателю. Потом он поднял голову и продолжал:

— Любовь — очень странная штука. Мы, Стальные Когти, с ее помощью прошмыгиваем мимо смерти. Я думаю, это как и у других рас, только более метафорично. Особенно я читал ваши, человеческие романы. Вот это похищение очень похоже на некоторые твои книги. Событие сводит героев вместе, показывает им, что они друг другу нужны. Ты не видишь разве, как вам было бы хорошо с Джефри?

— Амди!

— А что такое? Что? Я просто хочу вам счастья.

Но тут вмешались события, и дальнейшие смущающие комментарии Амди остались неска-

занными.

Отряд, спускаясь, входил в поросль кустарника, и все глубже становилась грязь. Ручьи перерезали дорогу, и вода растекалась справа по лугу. Насколько помнилось по картам, до «крутого спуска» оставалось несколько сот метров. Шум водопада был громок даже для ушей Равны. Джефри и Амди пошли вперед взглянуть, а Равна осталась при телегах. Ритл нигде не было видно, но Шелковинт патрулировал какой-то периметр.

Равна слезла и обошла телеги, проверяя, что керхоги никуда не денутся. Она явно была в этой экспедиции слабачкой. Стоять было трудно, но слишком все болело, чтобы сесть. Равна прислонилась к средней телеге и изо всех сил постаралась не заснуть. После горячки у нее появился иррациональный страх перед сонным состоянием, которое иногда подбиралось к ней днем. *Что, если я снова лишусь ума?*

Прошло, быть может, минут двадцать. Джефри и Амди вышли из кустов. Амди пыхтел и отдувался, торопясь за другом.

— Карты врут, — сказал Джефри, понизив голос, почти шепотом.

Через несколько секунд подошел Амди.

— Нет, — сказал он так же тихо. — Карты сдела-

ны по данным со спутника. То, чего не видно, они показать не могут.

Джефри пожал плечами. Как и большинство Детей, он склонен был искать за ошибкой мотив.

— Главное в том, — продолжал он так же тихо, — что на дне долины — дома. Похоже на караван-сарай.

— Да, — сказал Амди. — А наверху, на краю обрыва — станция канатной дороги.

Равна заметила, что Шелковинт обходит телеги, теребя керхогов, будто чтобы продолжать путь. И не делает никаких попыток соблюдать тишину.

— Шелковинт вроде бы знает что делает.

Джефри глянул через плечо:

— Я его понял. Он считает, что нас уже заметили. И потому с тем же успехом можем двигаться вперед. Теперь насчет нашей легенды…

— Легенды? — Равна чуть не прыснула. *Двое инопланетян и кучка Стальных Когтей появляются невесть откуда с невероятной историей?* — Прости, верно. Мы, двуногие, должны для начала не лезть на глаза, и пусть говорит Амди.

Они с Джефри оглянулись на восьмерку.

Бедный Амди был вне себя — каждый элемент пытался спрятаться за другими.

— Я не могу! Вы так со мной не поступите!

— Амди, ты единственный, кто говорит на межстайном.

— Ва-а-а! — взвыл Амди. — Так нечестно! — Он замешкался, потом разразился потоком самых нелогичных возражений: — Там впереди могут ждать враги! Хранитель и Магнат ждут, чтобы схватить!

Джефри покачал головой:

— Я думаю, Шелковинт заподозрил бы, а ты на него посмотри.

Остаток стаи сел на передовую телегу и выжидающе смотрел на спутников.

— Мы могли бы вернуться! Могли бы охотиться, ловушки ставить! Я знаю, Шелковинт умеет. И ты мог бы. А я когда-то рыбу поймал!

Равна опустилась на землю посреди Амди. Это не был осознанный жест, и Амди это понял. Она почувствовала, как он сомкнулся, поддерживая ее, не давая упасть. Она обняла его руками за ближайшие шеи, и через секунду головокружение прошло. Ощущался холод от промокающих коленей и прикосновение меха Амди к лицу. Что тут сказать?

— Ты самая умная в мире стая, Амди.

— Это… может быть правдой. Меня господин

Булат так создал. И получил очень, *очень* умного труса.

— Да, возможно, этого и добивался прежний Булат. Я не думаю, что оставшееся от него так считает. — Она кивнула в сторону Шелковинта.

— Может быть, но…

— Булат сделал нечто, умнее себя. Я тебе могу сказать — по личному опыту жителя Среднего Края: это значит, что все остальные его ожидания — пар. Ты — обладатель мощного инструмента, и никто не знает, что ты можешь им сделать.

Ее утверждение относилось в той же степени к равному интеллекту, но Равна слишком устала, чтобы вдаваться в детали.

Амди ничего не говорил, но Равна сквозь мех ощущала гудение.

— Мы пойдем с тобой, — сказал Джефри. — В открытую. Нет смысла нам прятаться, если нас уже видели.

— Сможем дать тебе совет, — поддержала Равна.

Это предложение могло быть бессмысленным, учитывая, насколько важно будет говорить быстро. И все же Амди чуть отступил от Равны и сдвинул головы, интенсивно думая.

— Да, совет. При подходящей легенде… гм. Я

ручаюсь, что у местных стай есть только слухи о людях, истории о сверхъестественной расе со столь мощным разумом, что у них синглеты умны, как целая стая нас. Может, я смогу объявить себя представителем двуногих полубогов.

Ритл подползла издали, села на краю досягаемости мыслезвука Амди. Амди на нее забулькал, и она ответила долгим рокотом.

Амди засмеялся:

— Ритл понравилась идея — хотя она и ни слова не понимает из того, что мы говорим. — Он теперь тоже был полон конструктивных мыслей. — Раз вы боги, тогда я буду посредником, переводчиком между богами и нами! У нас полно времени, чтобы продумать, что врать, даже если будут неожиданности. А потом…

Решили взять с собой первую телегу и трех керхогов. Если встреча окажется удачной, можно будет кого-нибудь нанять на станции и спустить оставшиеся телеги и смирных керхогов. А сейчас надо появиться эффектно.

Заначку ламп — самого экзотического товара на обмен — переложили на первую телегу. Переложили и карты, хотя и совсем не для обмена. Чистой одежды для людей не было, хотя Джеф в тканях с «Внеполосного» выглядел вполне нор-

мально.

И наконец-то нашли применение шикарным нарядам Читиратифора. Из непромокаемых мешков достали один комплект. Ткань была так чиста, что прямо светилась, и тонкие швы обладали почти машинной точностью. Имелась и накидка, и куртка, и даже штаны. Читиратифор был стаей с крупными элементами, но и Амди сейчас тоже крупный. Нарядов нашлось шесть комплектов, и Амди немедленно их надел, подгоняя ремни и пряжки.

Он прошел среди телег, любуясь собой и охорашиваясь. Чувствовал он себя на подъеме; тревога либо забылась, либо была сознательно подавлена. Равна изучала бисерный узор курток. Наверное, он что-то обозначал, хотя смысл мог быть неочевидным тому, у кого нет глаз, расставленных более чем на десять сантиметров.

— Амди, есть шанс, что этот наряд окажется какой-то формой? Вдруг ты теперь полковник Армии Мерзавцев Хранителя?

— О нет, — ответил Амди. — Это всего лишь щегольской наряд богатой стаи. — Он отвел взгляд от себя. — Сейчас надо решить, куда вас, богов двуногих, определить. — Он хотел, чтобы Равна и Джефри держались порознь — пусть местные

увидят, как они самодостаточны даже в виде синглетов. — Потом, когда вы будете вместе, — пусть тогда дрожат перед вами от страха!

Джефри кивал, но поглядывал на Равну серьезно:

— Ты готова идти?

— Да.

Ей не хотелось снова залезать на козлы.

— Тогда все. Я пойду вперед с Амди. Равна, держись возле заднего борта телеги.

— Чтобы в случае чего укрыться? — Она увидела, что он не сразу улыбнулся ее шутке. — А почему больший риск должен брать на себя ты?

— Не устраивай мне тут Век Принцесс, Равна. Это как раз одна из самых неприятных твоих привычек.

Ну ладно. Она действительно здесь самая слабая. Может быть, телега ей пригодится — держаться за нее.

Когда они наконец двинулись вперед, туманным полумраком спустились тучи, и наступили глубокие сумерки.

Лампы с наилучшим зарядом настроили на длинные узкие лучи над спинами керхогов, волокущих телегу. Измотанные животные упирались изо всех сил, и создавалось впечатление, что на

телеге весьма внушительный груз.

Два элемента Амди, которым не досталось костюма, правили упряжкой. Шелковинт шел впереди, ведя себя как телохранитель. За ним следовал почти весь Амди, сверкая расшитыми плащами в лучах прожекторов. После этих шести Амди шел Джефри, не столь шикарный, хотя свет ламп создавал игру интерференции на его одежде. Равна, наверняка невидимая в этом световом неистовстве, шла за телегой. Все, кроме нее, представляли из себя отличные мишени.

Амди теперь был надменно громок, играя нечто вроде веселого напева.

— Это я просто чтобы они стрелять не начали от внезапности.

— Насчет внезапности шансов мало, — возразил Джефри, поглядывая на окружающие деревья. По широким низким ветвям легко было бы взобраться даже элементу. — Уверен, что нас ведут нацеленными стрелами.

Будто в подтверждение этих слов с низкой ветви сорвалось что-то размером с элемент и побежало вокруг самых правых элементов Амди, потом прочь перед Шелковинтом. Стая было бросилась в погоню, затем вернулась.

Это «что-то» была Ритл. Может, это ее хозяин

лежал в засаде.

Но удирать синглет не стал. Примерно за десять метров от Шелковинта она перешла на спокойный прогулочный шаг и стала лопотать про себя. Как будто двери закрывали с треском.

– *О Силы!* Что это животное делает? — спросил Джефри.

— Я думаю, она пытается объявить нас. — Амди поколебался секунду, остановив телегу. — Изображает что-то вроде королевской торжественности, но собственным бессмысленным текстом.

Амди на земле несколько растянулся, и Равна предположила, что он наводит звук на Ритл. Та споткнулась и коротко оглянулась на Амдиранифани. Потом она возмущенно взметнулась и продолжала свою какофонию громче прежнего.

Огни ламп высвечивали толстые деревья по обе стороны пути; висел сверху серой заплатой не до конца погасший свет сумерек. Впереди громко и отчетливо слышался водопад. Деваться уже было некуда: силой вернуть Ритл и начать сначала — такого варианта не было.

Амди, очевидно, заключил так же. Шестеро пошли дальше, двое на телеге осторожно придерживали керхогов на спуске. Равна увидела мелькнувшую «станцию канатной дороги» — как

назвал ее Амди. Она была похожа на небольшой паромный причал — с той только разницей, что висела на обрыве. Рядом с ней стояло что-то вроде большого водяного колеса, темная дуга, вгрызающаяся в реку. Дорога вела к зданию рядом с этим колесом.

— Бойницы видите? — спросил Джефри, но говорил он не о том, что открывалось внизу. Он показывал на обочину дороги впереди, на темные щели в бревенчатой стене. — Мы этого сегодня не видели.

Огни ламп должны были слепить любого, кто окажется поблизости.

— Амди, приглуши свет, — сказала Равна.

Иногда, если слишком перепугать другую сторону, можно погибнуть.

— Сейчас.

Один из его элементов, сидящих на телеге, оглянулся на нее. Звуковые эффекты Амди смолкли, слышно было только, как цветисто грохочет Ритл. Свет остался ярким.

— Ну?

— Ага. Я думаю, что делать!

И он заговорил стайной речью, быстро и неразборчиво.

То ли дело было в звуке за спиной, то ли во

внезапной странной перемене у Амди, но Равна оглянулась — она была не одна. Ближайшая стая держала арбалет с огромным болтом — и его острие было в десяти сантиметрах от ее носа.

Глава 27

Людей и керхогов заставили спуститься вниз в большой сарай, пахучий и набитый сеном. Еще несколько декад назад Равна Бергсндот сочла бы такое обращение серьезным унижением. Но в помещении с керхогами было достаточно тепло. А от сена не воняло компостом.

— Может, у нас еще есть шанс выдать себя за божков, — сказал Джефри, привязанный к столбу в другой половине сарая.

— Да, и нас считают достойными тяжелого оружия.

Две стаи, каждая с большим арбалетом.

— Какие ж мы дураки были…

Ближайшая стая громко зашипела и прикладом ударила Джефри сбоку по голове. Он свалился, не пикнув.

— Джефри!

Равна дернулась, натянула привязь. Охраняющая ее стая ткнула прикладом ей в живот, сбив с ног. Она полежала секунду неподвижно, чуть перекатилась вперед и посмотрела на ту сторону. На балке над Джефри висела масляная

лампа. Для Стальных Когтей света было мало, но Равне хватило. Она увидела, как Джефри рукой показал: «все в порядке». Она ответила тем же жестом — охранники не среагировали. Джефри стал медленно показывать другие жесты.

Этот язык знаков Дети изобрели в первые годы жизни в мире Стальных Когтей. У тех по самой своей природе было колоссальное преимущество в общении по секрету, и Дети выработали свою знаковую систему. Некоторые из их друзей научились понимать ее, но в полутьме стаи просто не видели этих знаков. Равна вспомнила, как ребята фыркали над своим «каналом сообщений». Это было умилительно и глупо… и Равна так и не дала себе труда как следует выучить этот язык.

Через минуту Джефри догадался, что она не понимает. Тогда он снова показал «все в порядке» и затих. Она продолжала еще долго на него смотреть.

«Все в порядке» бывает разное.

Остаток Шелковинта показался через час, конвоируемый другим охранником. Постоянного охранника ему не сочли нужным дать, но он был пленником. Побегал туда-сюда на длину привязей, более разговорчивый, чем был за все время после своей частичной смерти. Кажется, он спо-

рил с охраной. Они его не стали бить, хотя после небольшого разговора один охранник щелкнул в его сторону длинной плетью. Остаток отступил с видом скорее мрачным, нежели испуганным. Устроился в очевидном молчании, разглядывая Джефри и Равну. Джеф перевернулся на бок, чтобы оглянуться, но попытки заговорить не сделал.

Равна тревожно задремывала и просыпалась, смутно слыша, как переступают керхоги возле большой кормушки. Ей снились сны, кажется, слышалась местная музыка. Что там с беднягой Амди?

Тускло и серо вставал над крышами новый день, когда кто-то заколотил в дверь сарая. Два элемента одного охранника отвели дверь в сторону. Равна всмотрелась навстречу свету — скорее даже моросящим утренним сумеркам. Кто-то — Ритл — влетел внутрь, говоря что-то громко и убедительно. За синглетом шел Амди, за ним на вежливом расстоянии другая стая. Амди смотрел во все стороны:

— Джефри? Равна?

— Тут я.

Голос у Джефри был похож на стон.

— А я тут, — сказала Равна.

— Ты ранен!

Амди окружил Джефри, гладил его, трогал его лицо.

— Ой, не надо! Амди, это просто ушиб.

— Ладно. Но они должны были хорошо с вами обращаться.

Два его элемента обернулись к незнакомцу, зашипели на межстайной речи. Никогда Равна не слышала, чтобы Амди кому-то так твердо выговаривал.

Может быть…

— Так что там насчет изображать богов? — спросила она.

— Я… сорвалось. Местные людей побаиваются, но многие не верят, что вы вообще способны думать. Но даже и при том у меня был бы шанс, кабы этот дурацкий *болтливый* синглет держал бы…

Ритл кружилась вокруг Амди, вторгаясь в его личное пространство и все время трубя и булькая. Амдиранифани повернул к ней все свои головы и ударил сфокусированным раздраженным шипением. Синглет присвистнул от боли и забился в дальний угол сарая.

— Прошу прощения, прошу прощения! Никого не хотел обижать, даже эту глупую идиотку, но из-за нее нас чуть не убили.

Он что-то сказал на межстайном охранникам

и третьей стае, и они все разразились громогласным хохотом. Очевидно, продолжал поддерживать два разговора.

Джефри поднялся на колени. Глаза его смотрели на ближайшего охранника и на приклад его арбалета.

— Так как договорились, Амди? Похоже, у тебя что-то на мази с этими ребятами.

— Что-то есть, да. И это лучше, чем ничего. Послушай, я объясню по дороге, ладно? Начальник станции хочет, чтобы мы отправились, пока погода еще позволяет. Если поторопимся, будет время вам сперва поесть горячего. Я договорился…

Теперь Равна учуяла запах. Одна из стай-охранников вкатила две дымящиеся тачки… пойла? Ну, не совсем. Сами тачки, конечно, были для корма скотины, но сейчас в них лежали груды вареного ямса. И кружки бульона, который сами Стальные Когти любят добавлять как гарнир к вареному мясу. У голодного вполне могли слюнки потечь, и даже в нормальных условиях это была бы вполне терпимая еда. Редкий случай пригодности местной кухни для людей.

Столовых приборов не было, даже местных ножей, которые держат пастями. Грязные тачки просто придвинули к лицам — так обращаются

со скотиной, а не с богами. Им дали несколько минут поесть, потом охранники вывели их наружу, все еще держа людей на приличном расстоянии друг от друга.

Телега была впереди, рядом со странного вида деревянным строением, которое и было станцией.

— В туалет — уже на дне долины, — сказал Амди. — Я через минуту буду.

Он направился вперед.

— Амди, на что ты с ними менялся? — крикнул Джефри. — Лампы у нас еще есть?

— И карты?

— Есть, есть. И телега, и два лучших керхога.

— Ух ты, — сказал Джефри.

— Так что же мы все-таки отдали? — спросила Равна.

Другие телеги и керхогов?

Амди прошел через двор и заговорил с парой стай, стоящих возле станции. За спиной Равны Шелковинт выводил двух керхогов из сарая. Кажется, остаток лучше понимал происходящее, чем Равна или Джефри. Когда животные проходили мимо, Шелковинт стоял в основном на нижней стороне дороги, отгоняя их от вкусных трав возле ручья, превращающегося в переполненную реку.

Ритл пристроилась сзади, пощипывая керхогов и издавая пронзительные аккорды, которые могли быть командами, адресованными Шелковинту.

Утро выдалось холодное и сырое, капельки воды оседали на любой открытой поверхности. Наползла дождевая туча, остановилась и хлынула. Равна зашагала по чавкающей слякоти, стараясь сохранить равновесие.

В реке, пробегающей мимо станции, вскипали небольшие полумесяцы белой воды, почти затопившей уже большое колесо. За ним поток встречался с неестественно близким горизонтом, шум падающей воды стал ревом. Сегодня станция канатной дороги смотрелась по-иному. Во-первых, вчера вечером место, где стояла телега, было далеко от края обрыва. Сейчас свободное место было занято зарешеченной платформой, почти беседкой. Верх строения был скрыт приземистой деревянной башней.

Джефри добрался до платформы первым. Охранник толкнул его к дальнему кольцу и привязал к перилам. Шелковинт завел двух керхогов и привязал их сам. Настала очередь Равны.

Керхоги беспокойно переступали по платформе, и она дрожала и покачивалась. На борт взошла местная стая, проверила, как Шелковинт

завязал узлы, и крикнула что-то стаям, оставшимся на твердой земле. Они отступили, сдвинув головы, и на борт взошел Амди.

Большая часть Амди важно расселась вокруг керхогов, чтобы быть с Джефри. Остальные встали у перил возле Равны. Блестящие наряды были во вполне приличном виде, а поза Амди выражала торжественное осознание собственной важности. Но в то же время он веселым уханьем перекрикивался с начальником станции, а детский голосок, обращенный к людям, звучал боязливо и осторожно:

— Простите меня, простите. Любая история, которую я им рассказывал, приводила к еще большим неприятностям.

С другой стороны от керхогов послышался смех Джефри:

— Ты так говоришь, будто ты им самый большой приятель, Амди.

— Я думаю, так и есть, но я знаю, что в конце концов они меня раскусят. Долго мне этот спектакль не протянуть.

— Как же спектакль, Амди? Если мы не боги, то что…

Тпру!

В этот миг платформа оторвалась от причала,

качнулась как минимум на пять градусов. Бревна громко затрещали, керхоги пошатнулись на привязи.

И даже стая-экипаж несколько занервничала. Кто-то с башни крикнул что-то вроде извинения.

Амди крикнул что-то в ответ. Равна узнала аккорд добродушного прощения. Потом на человеческом Амди сказал:

— Начальник станции извиняется. Водяное колесо под слишком сильным напором из-за вздувшейся реки. Система привода очень хитрая, мне показали. Шестерни все деревянные. Я бы сделал все куда безопаснее за несколько дней работы, но…

Платформа пошла вниз рывками по паре сантиметров. Равна понимала, о чем говорит Амди. В свои ранние дни на этой планете она видала такие устройства на фабриках Тщательника. Ее напрягало не столько использование деревянных шестерен, сколько ручное управление. Даже после десяти лет она все еще покрывалась мурашками, очередной раз поняв, что нет программного управления, мониторинга и защиты против капризов техники, дураков и природы.

Рывки стали меньше и быстрее, и вскоре спуск пошел почти ровно. Воздух был полон пены и

шума от водопада, но платформа спускалась по желобу, выдолбленному в камне обрыва. Чуть дальше вытянутой руки находилась скальная стена. Там и сям за нее цеплялись упорные деревья и лианы.

Прошло пятнадцать секунд, гладких как шелк.

— Похоже на пару метров в секунду, — сказал Джефри.

Платформа вынырнула из облачного слоя. Вдруг стали слышны звуки пения далеких птиц, а слева — о Силы! Высота, наверное, метров тысяча. Обрыв уходил дальше, к туманному горизонту. Равна отвернулась. Забавно, что в Крае у нее никогда не бывало головокружений.

Стая-экипаж была достаточно спокойна. Она повисла на перилах, не используя страховочных концов. Остаток Шелковинта сидел на телеге, расслабившись и наслаждаясь видами.

— Ну, я думаю, это должно быть безопаснее, чем кажется, — заметила Равна. — Вот этот местный не волнуется никак. Сколько лет эта система уже работает?

Она повернулась полюбоваться видом.

— Эта? С прошлого лета, — ответил Амди. — Операторы пользуются имуществом Магната на правах аренды — он старается поощрять торгов-

лю между различными долинами.

С прошлого лета? Магнат?

Сколько самых разнообразных пугающих вестей можно вбить в несколько слов. Равна уставилась на каменную стену… и поняла, что смотрит на щепки разбитой платформы, не очень отличной от той, в которой сидит. *Ага, ладно.*

Амди увидел то же самое и добавил в голос деланной бодрости:

— Но на самом деле сегодня должно быть все просто. Начальник мне сказал, что вот эта карета превращается в дурдом, когда в ней лишь пассажиры третьего класса и нет груза. До того как осознали все риски, сюда по десять стай втискивали. Получался Хор, паника, и платформа налетала на скалу… ну вот как сейчас проезжаем.

Все немного помолчали. Равна заметила, что Ритл уселась на перилах между двумя группами Амди. Синглет глядел в пропасть, потом быстро смотрел на Амди и опять в пропасть. Глубоко запустив когти в дерево, Ритл что-то про себя бормотала.

— Спасибо, Амди, утешил, — сказал Джефри. — А теперь, пока у нас несколько минут тишины и покоя, скажи: какую ты историю скормил местным?

Амдиранифани добавил в человеческий голос хныканья:

— Джефри, я сделал все, что мог.

Равна подумала, как трудно было для Амди вообще что-нибудь сделать.

— Ты нас вытащил сюда, Амди. Кем бы ты ни притворился, — она показала на его костюм, на величественную позу, — выглядит восхитительно.

— Да, но что он им соврал?

За недовольным тоном Джефри прятался смех.

— Ладно. Как только мы упадем — то есть спустимся — на землю, начнется суматоха, так что, пожалуй, лучше всего рассказать вам сейчас. История «люди как боги» с самого начала не заладилась. Если вы такие суперсилы, чего вас так легко поймали? Я попытался объяснить, что вы слабы лишь тогда, когда вы порознь. *Тут-то* вас чуть и не убили.

Равна кивнула:

— Да, и потому нас держали раздельно.

— Да, я виноват, и мне жаль.

— Не бери в голову, — ответил Джефри. — Мы все считали, что это классная идея.

— Ага, а вышло, что нынешний план мне пришлось придумывать на месте. — Он повернул все

свои головы к Ритл и глянул сердито: — Еще до засады этот синглет все время мешался. Это она нас сюда втравила.

— Я не думаю, чтобы у нее ума хватило на интриги, Амди.

— Она *животное*, от которого одни неприятности. Ты понимала, что она вчера говорила?

— Когда маршировала впереди? Что-то разобрала. Похоже на придворные цветистости, которые Ремасритлфеер мог подцепить в Восточном Доме. От единственного его элемента их слышать — звучит глуповато.

— Именно. Она никогда не говорит со смыслом и все время только под ногами путается. Вот сейчас сидит посреди меня и мешает думать. — Амди сердито дернулся к синглету одним элементом. Синглет спрыгнул с перил и огрызнулся, шипя. — Вчера ее фоновое бормотание выставило меня дураком! Хуже дурака!

— Мы здесь, живем и дышим, Амди. И мы продолжаем наше важное дело. Наверное, что-то ты сделал правильно.

— Мы потеряли остальные телеги. Но — да, через эту ночь я нас всех провел живыми. Не знаю, удастся ли провести через день. Мы очень глубоко влипли. Все эти стаи работают на Магната — по

крайней мере косвенно. В конце этого спуска есть гостиница — она принадлежит Магнату. Эта стая распространяет свое влияние на все Дикие Княжества без всяких завоеваний. Только делает деньги.

Джефри промолчал, Равна напомнила очевидное:

— Но Магнат за нами охотится.

— Ага. В нашу пользу работает один фактор, хотя и временный: Магнат действует так масштабно, что не успевает уследить за всем. Хе-хе, — изобразил Амди смех Свежевателя. — Начальник станции знает, что люди — дело важное, но не знает, что мы — беглецы. Точно так же хозяин гостиницы внизу. На данный момент они думают, что, помогая нам, угодят Магнату и при этом немножко денег заработают.

Платформа задрожала. Ее плавный ход снова сменился рывками.

Амди что-то сказал стае-экипажу, одновременно высунув голову за ограждение.

— Похоже, осталось всего сто метров, наш пилот говорит, что скоро будем тормозиться. — Он отодвинулся от перил и зашипел на Ритл. — Это невыносимо! Это *чудовище* мне картинки передает! — Он частично пошатнулся, потом устроился

на палубе. — Да, так на чем я остановился?

— Ты объяснял, как убедил местных нам помочь.

— Да. Как только я понял, что они — магнатовцы, а про нас ничего не знают, то подумал: может, можно притвориться тем, кто мы почти есть. Я им показал опознавательную таблицу Читиратифора. — Амди сунул морду в карман и вытащил край инкрустированной пластины. — Я им сказал, что мы были со специальным заданием на севере, что вы — человеческое посольство и подлежите защите.

— Это хорошо, Амди.

При этой фразе Амди просиял.

— И могло даже получиться. Я сомневаюсь, что в этих краях есть наши краденые рации. И пройдут декады, пока Магнат про нас услышит. — Он опустился чуть ниже. — Эта тварь все болтает и болтает, превращая все мои слова в глупую шутку. Начальник станции в конце концов меня поздравил с удачной *ролью*!

— Вот как? — спросил голос Джефри. — Он думает, что ты прикидываешься? В чем же?

Платформа дернулась и остановилась. Стая-экипаж — или пилот? — вылезла по лестнице на крышу. Слышно было, как он там разошелся

по легкой обшивке. Крики его были достаточно громкими и направлены, судя по всему, вверх. В ответ донеслись далекие отклики. Равна выглянула, посмотрела вверх. Трос терялся в мороси и тучах. Она поняла, что здесь крик — единственная доступная система связи. По сравнению с этой техникой первый «Взгляд Сверху» Тщательника был просто идеален.

Но сейчас кабина спустилась почти вровень с фронтонами полубревенчатого строения, повиснув в нескольких метрах над землей. Внизу несколько стай выглядывали из-под тяжелых навесов.

Пилот произнес какой-то повелительный аккорд.

— Все от перил! — перевел Амди.

Платформа двинулась вниз рывками по пять сантиметров. Керхоги таращили глаза, но пугающее шипение Шелковинта заставило их опуститься на колени. Из-под платформы донесся хрустящий звук. Она просела еще на пару сантиметров и чуть перекосилась в сторону Джефри. Завывания аккордов слышались из-за перил со всех сторон, и Равна узнала сочетания «Молодцы, молодцы!». Пилот поспешно спустился по лестнице с видом небрежным и профессиональным.

Равна заметила, что он тоже вздрогнул, как и все, когда захрустела крыша, где он только что стоял. Туда падает слабина кабеля? Может быть.

Но как бы там ни было, треск и хруст прекратились. Начальник станции там, наверху, должен был понять, что работа сделана.

Когда пилот открыл проход в решетке, Шелковинт был весь возле керхогов. Снаружи, под дождем, какая-то стая подгоняла сходни к наклоненному краю платформы. Обычное рутинное приземление небесного парома. Казалось вполне естественным, что именно этот момент выбрала Ритл, чтобы вспрыгнуть на телегу и начать выкрикивать всем приказы.

Амди собрался вместе, поправляя плащи и штаны. Человеческий детский голос иногда срывался на хныканье, но через несколько секунд Амди приобрел не менее импозантный вид, чем был у него утром. Когда пилот платформы вернулся и отвязал живность — керхогов и людей, — Амди неспешно прошел через ворота и грациозно помахал двумя мордами идущим из гостиницы стаям.

— Я пойду вперед. Если вы придете сразу после меня… ну, я тут речь подготовил, историю, на которой в конце концов остановился. В общем,

хозяин гостиницы считает, что мы — бродячий цирк. «Амдиранифани Великолепный, Повелитель Фрагментов и Зомби из Таинственных Земель!» И — воуууу! — первое наше большое представление — *сегодня*!

Глава 28

Джефри и Равну снова поместили в конюшне. Но во всем остальном их положение сильно улучшилось. Амди убедил местных жителей, что люди не могут образовывать богоподобные стаи. Да, они интересные создания — от природы умные синглеты. По пути от станции канатной дороги Джефри и Равна узнали слово «ходячие трупы». Это понятие существовало еще и до людей: невозможно было представить себе мыслящее существо, не издающее звука. И это не могло не повысить интерес к завтрашнему шоу Амди.

В темноте гостиничной конюшни с высоким потолком пахло очень умеренно. Как и вся гостиница, она стояла достаточно далеко от опасного нагромождения камней у подножия обрыва.

— После вчерашнего я даже против этого не возражаю, — сказал Джефри, встряхнув керхожьи путы, связывающие ему руки. Поскольку Амди и гостиничные слуги вышли, он тайком разглядывал чердак и разные экипажи, стоящие на главном дворе. — А сейчас, похоже, мы в наиболее безопасной ситуации за все время после

встречи с Читиратифором.

— Да. — Равна доела ямс, поданный на деревянных тарелках, на которых ели и сами местные. — Полезно иметь друзей среди охранников.

Гостеприимным хозяевам Амди представил Шелковинта охранником. Это было как минимум преувеличение. Остаток Шелковинта вполне был удовлетворен сидением возле двери и рассматриванием улицы через дырки от сучков. На объяснения Джефри он никак не отреагировал, и все же, когда появлялись местные, он сразу становился куда больше похож на охранника и щелкал бичом в сторону Джефри и Равны.

Джефри отошел от привязного столба и присел прямо в метре от остатка стаи.

— Ты сегодня больше собран?

Кнут стаи даже не шелохнулся. Через секунду качнулись ее головы, и Шелковинт булькнул несколько аккордов.

— Ух ты! Похоже, будто он понял твои слова!

— Ага. Он сказал вряд ли больше чем «все в порядке», но ответ был адекватен. — Джефри протянул руку, погладить ближайшее плечо. — Иногда такое случается. Элемент стаи, критичный для той или иной работы, погибает, и остальные постепенно научаются брать на себя

его функции. Особо сообразительным он никогда не будет, но…

Равна посмотрела на смазанную маскировку стаи.

— Но мы знаем, насколько разумные части в нем смешаны.

— Это да.

Весь день с улицы был слышен стук телег и гомон стай. Через дырки от сучков видны были две стаи сразу за стенами. Для чего эти стены: чтобы удержать любопытных снаружи или зомби внутри? Как бы там ни было, а у Равны и Джефри было время для мытья и для раздумий о том, какого рода представление получится у этого фальшивого цирка с двуногими. Ритл спустилась с чердака и болтала, болтала, болтала вопреки явным угрозам от Шелковинта. В основном она жаловалась, что ее тут заперли, но когда настоящие охранники днем открыли дверь, чтобы занести воду, Равна заметила, что синглет старался держаться от дверей подальше. Может, она решила все свои каверзы поберечь для Амди или просто проявила определенную животную осторожность: в некоторых местных культурах синглет был законной добычей для убийства, изнасилования или прессования во временную стаю-раба.

Примерно через час после того, как принесли воду, Шелковинт резко вскочил на ноги. Ритл удивленно тявкнула и быстро убралась на чердак, но внимание Шелковинта было приковано к глазкам в стене конюшни. Он жестом показал Равне и Джефри, чтобы отошли.

Теперь Равна слышала бульканье приближающихся стай. И над этим шумом детским голоском звучали слова:

— Равна, Джефри, ау! Сделайте безобидный вид!

Потом дверь конюшни отъехала в сторону. Помимо тех двоих, что проторчали здесь целый день, за ней оказались еще три стаи, одна из них Амди. Они медленно вошли, теснясь каждый в кучу — нормальная манера для незнакомых. Один из пришедших был развязной шестеркой с элементами не меньше, чем у Амди.

Амди махнул Шелковинту, чтобы отошел и дал место гостям. Он как раз к ним обращался, заливая что-то высокопарное. Одновременно с этим он говорил на самнорском:

— Шестерка — хозяин гостиницы. Хотел вас увидеть до представления. Само понятие двуногого его завораживает, но он вас слегка боится, мне кажется. Если сможем его уговорить, что вы

не опасны, дальше все пойдет куда легче.

— Ты мне можешь скомандовать выйти вперед, Амди. А потом подпусти этого хозяина поближе.

— Ладно, только ты должен выглядеть покорным.

Амди обменялся бульканьем с другими стаями. Говорил медленнее, чем обычно разговаривают стаи, — интересно. Равна догадалась, что у Амди с местным народом свои языковые трудности. В результате у каждого участника разговора речь становилась существенно проще. Глубина нанизываемых слов стала меньше, некоторые слова повторялись. Амди уговаривал собеседников, что людей можно не связывать. Резко махнул Джефри, и тот вышел из тени, встал совсем рядом с ближайшим Амди. Потом опустился на колени. Его лицо оказалось на уровне глаз самых крупных элементов стай.

— Так хорошо?

Амди склонил голову в сторону хозяина гостиницы.

— Не знаю, что можно было бы сделать лучше.

Он что-то сказал хозяину гостиницы ободряющее, а затем отступил весь на шаг и жестом предложил шестерке подойти.

Равна заметила, что затаила дыхание. Ред-

ко она видела Стальных Когтей, незнакомых с людьми, а когда такое бывало, они были не в том положении, чтобы причинять людям вред. А здесь и сейчас перед Джефри стоял опасный незнакомец.

Хозяин гостиницы утратил свою развязность. Глаза у него стали шире, некоторые элементы нервно поигрывали топорами в седельных сумках. Перспектива подойти к Джефри ближе его не манила. Но через секунду стая будто вспомнила, что здесь есть свидетели. Хозяин гостиницы выпрямился и — слава Силам — перестал теребить рукояти топоров. Громовым басом сказав что-то уверенное другим стаям, он окружил Джефри. Теперь он издавал умиротворяющие звуки, которые издают стаи (некоторые — не Шелковинт), когда пытаются успокоить керхога.

Джефри сел на пятки, не стараясь следить за элементами, которые его окружили.

Ближайший элемент хозяина гостиницы был уже в пределах досягаемости Джефри — и вдруг до него это дошло. Стая остановилась, облизала губы. Потом выставила нос, ткнула Джефри в плечо. Джефри только улыбнулся в ответ, не показывая зубов. Шестерка поколебалась в нерешительности, потом сомкнулась вокруг, по-

хлопывая Джефри по спине — щедро, как можно было бы трепать по холке керхога. В то же время большая часть хозяина повернулась лицом к двери и вела громкий разговор с другими стаями.

Амди кое-что перевел:

— Видите? Я ж вам говорил, что оно смирное.

Хозяин улыбался весь, от первого до последнего. Если бы у местных были видеокамеры, он бы точно требовал, чтобы засняли его триумф.

— Теперь он хочет, чтобы я показал, как ты бываешь умен как стая. — Амди что-то забулькал хозяину гостиницы. — Я ему сказал, что придется подождать сегодняшнего большого представления.

Шестерка нетерпеливо запыхтела. Два элемента потянули рубашку Джефри из штанов, исследуя ткань. Минуту Равне казалось, что сейчас начнется спор. Но Амдиранифани Великолепный двинулся чуть ближе и изобразил оскорбленное величие. Если бы Равна не знала его десять лет, могла бы испугаться. А на хозяина гостиницы впечатление он произвел. Еще раз снисходительно похлопав Джефри, одновременно пытаясь оторвать кусок от его рубашки, стая отступила.

Хозяин гостиницы еще немного дружелюбно

поболтал с маэстро. Выглядело это несколько напряженно, потому что хозяин гостиницы в основном наблюдал за Джефри, а две его головы смотрели на Равну, наконец-то заметив и ее в тени. Но он больше не настаивал, а выглядел скорее задумчивым. Спросил, не нужно ли Амдиранифани еще что-нибудь. Амди что-то такое ответил насчет уединения и покоя, и еще… игрушек?

В дневном свете за дверьми собралась толпа местных жителей, стоящих так близко, что даже в самом деле сзади напирали, а спереди отталкивали. Они были настолько близко, что Равна чувствовала их гудение. Хозяин вышел из конюшни и быстро заговорил. Несколько раз Равна услышала аккорды «сегодня большое представление».

Толпа рассеялась. Помощник хозяина вернулся с тачкой, на которой громоздились плащи и цветные мячи. Привез еще два груза какого-то таинственного барахла. Потом они с Амди вместе закрыли дверь.

И остались одни — охранники, наверное, не пускали в конюшню любопытных. Амдиранифани Великолепный мог начать свои тайные приготовления.

Он отвязал Равну и Джефри. Они с Джефри

зажгли пару масляных ламп и повесили их над тачками. Равна уже копалась в «игрушках». Имелись цветные мячи, четыре кнута, плащи и деревянные накладные когти. Это все — в первой тачке. Равна подняла голову, посмотрела на Амди:

— Мы с Джефри пытаемся себе представить, что это будет за большое представление.

Амдиранифани Великолепный скис:

— И я тоже.

Как и всегда, уверенности у Амди хватило ненадолго. Но зато у него были начатки плана. Все это барахло хозяин гостиницы им оставил не без причины.

— Это от последнего проезжавшего здесь цирка, — сказал Амди.

Джефри взял один из цветных мячей, бросил в ближайший столб. Тот резво отскочил — очевидно, мяч из тропического латекса. Такие предметы в местной экономике должны быть недешевы.

— Почему же цирк все это здесь бросил? — спросила Равна.

— Ну, прогорел. Так мне сказал хозяин гостиницы. И он наложил арест на их имущество. — Амди беспокойно посмотрел на Равну и Джефри. — Может, это все никак не поможет труппе гастроли-

рующих стай, но все, что будете делать *вы*, будет новым и волшебным. Я думаю, мы сможем действовать, как те бродячие цирки, что проходят через Домен. Я… я вас объявлю, и вы выйдете, будете жонглировать, ну там, узлы вязать…

Голос его неуверенно затих.

Джефри еще раз поймал отскочивший мяч и посмотрел на Амди.

— Твоя идея на световые годы опережает все, что придумал бы я, но… что бы мы ни делали, как ты думаешь: хозяин гостиницы отпустит нас потом?

— Я… может быть. Я же вижу, как он хочет украсть тебя и Равну. Догадайся он, что вас ищет Магнат, он схватит вас тут же. Но я, кажется, убедил его, что мы под защитой Магната. Если будем вести себя правильно, я думаю, он свое обещание сдержит. Даст нам цирковой фургон, вот эти припасы и половину входной платы.

У Равны проблема была другая.

— Представление будет под открытым небом, Амди?

— Да, на площади позади гостиницы. Ты ее видела с твоей стороны платформы. А что…

— Я знаю, что этого места нет на картах Читиратифора, но с тех пор Невил сдвинул спутник

к востоку…

— А, да! Я об этом подумал, — ответил Амди. — В новом положении мы все равно в прямую видимость не попадаем. Разве что он его *еще раз* не передвинул.

Равна подумала, насколько глуп этот разговор — все равно у них выбора нет. А вслух сказала:

— Ладно, давайте покажем представление этому хозяину. Звучит вроде получше, чем играть со стреляющими деревьями и кустами-душителями.

Это вызвало слабую улыбку на лице Джефри. Она почти слышала, как он собирает присутствие духа.

— Не поспоришь. А когда мне было двенадцать, я отлично умел жонглировать.

Равна улыбнулась ему в ответ. Она это помнила. Несколько декад маленький Джефри выходил из себя и всех из себя выводил, бросая во все стороны палки и мешочки с фасолью. У него даже отношения с Амди несколько испортились, потому что стая научилась жонглировать без всякого труда.

— Ну хорошо, — сказала она. — Одежду мы вычистили. Костюм у тебя все еще в хорошей форме,

Амди. Тебе только надо держаться получше: ты — Великолепный. Что еще ты можешь представить, кроме жонглирования?

— Вязка узлов? Ты сможешь, Равна?

Амди вытаскивал из тачки клубок веревок.

— Конечно. — В любом случае получше синглета. — А где будет юмористическая разрядка?

В представлениях в Домене Резчицы это была одна из главных частей.

У Амди заблестели глаза.

— Я об этом *думаю.* — Три его элемента играли с поводком, укладывая его свободными петлями. — Есть тут один синглет, который то и дело выставлял меня дураком. Может быть, теперь я смогу сделать наоборот…

Во время этого разговора Ритл подобралась по кругу к Амди и болтала все громче и громче. Она уже прилично влезла в его личное пространство. Пять его элементов вдруг повернулись к Ритл, бросив на нее поводок в координированной атаке, и шея, передние и задние ноги синглета вдруг оказались пойманы тремя разными петлями. Ритл взорвалась визжащей яростью, когда Амди дернул ремень и повалил ее набок. Шелковинт ухающе засмеялся с чердака.

Амди отступил, удерживая напряжение всех

петель.

— Так на чем я остановился? — спросил он. — Ах да. Ритл тоже нужен сценический костюм.

Два его элемента подошли к дальней тачке и вытащили конический кожаный ошейник. Он его передал по цепочке, и тот, кто стоял возле Ритл, застегнул воротник у нее на шее.

Ритл забилась, извиваясь, щелкая в воздухе челюстями. От ее шипения болели уши. Конический ошейник сдавил ей голову, резко ограничив поле зрения. Визг стих, когда она осознала свою полную беспомощность.

Амди заметил выражение лица Равны:

— Я ей ничего плохого не сделал, честно. Это обычный костюм клоуна-синглета. Верно, Джефри?

— Да, верно.

Но у Джефри тоже было удивленное лицо. Амдиранифани редко бывал агрессивным — у этой восьмерки всегда было сочувствие к обиженным.

— Ну вот! А теперь нужен клоунский грим. — Он передал парочку красящих мелков Равне: — Я тебе скажу, что рисовать. Только не трогай глаза и мембраны, и ничего с ней не случится.

Равна посмотрела на мелки недоверчиво. Руч-

ки их были специально расширены, чтобы легко можно было держать пастью. У Амди было достаточно свободных элементов, чтобы сделать это самому.

— Равна, давай. Мыслезвук жуть до чего противен, даже от синглета. Не хочу я больше своих элементов ставить возле Ритл.

— Хорошо.

Равна присела возле синглета, погладила Ритл ласково по спине, как гладят Дети своих Лучших Друзей. Ритл визжала и пыталась царапаться, но понемногу успокоилась.

— Теперь начинай с больших розовых колец вокруг плечевых и бедренных мембран…

Это заняло почти пятнадцать минут, и Джефри помогал накладывать другие цвета, но в конце Ритл была разукрашена больше любого элемента, который Равне случалось видеть, даже у Божидара.

Закончив с этой работой, Амди перестегнул поводок на карабин, висевший у Ритл на ошейнике. Потом отпустил его. Ритл секунду стояла неподвижно, потом рванула через всю конюшню туда, где на соломе светился наиболее яркий свет с неба. Синглет завертелся в напрасных попытках рассмотреть, что сделали с его телом. Наконец

бедняжка снова запуталась в поводке и упала.

— Видите? — спросил Амди, хотя и не совсем в полном восторге. — Публика сочтет, что это невероятно смешно. — Он ткнул мордой вверх. — Шелковинт уже сейчас так думает.

На самом деле Шелковинт просто разрывался от удовольствия. Но это резко прекратилось, когда Амди издал последовательность аккордов, означавших нечто вроде «сейчас твоя очередь», и жестом велел остатку стаи спуститься на землю.

Все головы, кроме одной, дернулись назад, скрылись из виду. Равна услышала угрюмое бульканье. Амди ответил чем-то жизнерадостным. Три его элемента собирали мелки, остальные смотрели на Шелковинта и жестами его звали.

Остаток стаи спустился по лестнице один за другим, последним хромой. Четверка сбилась у подножия лестницы, сердито глядя на Амди.

Равна и Джефри переглянулись, и Джефри сказал:

— Амди, поосторожнее. Не забывай, кто это.

— Я… я помню. Я ничего силой его заставлять не буду.

Амди двинулся к дальнему углу конюшни, где висела упряжь. Там было уютно, но места хватило бы двум стаям для разговора наедине. Шелковинт

минуту подождал, потом пошел, подозрительно оглядываясь. Две стаи исчезли за стойками с упряжью. Донесся звук спокойного разговора.

— Не могу понять, что они говорят, — сказал Джефри.

Прошло полминуты, звуков битвы не было. Только слышно было, как переступают в стойлах керхоги и шипит сама себе Ритл.

Снаружи становилось шумно. Равна узнала хриплую музыку, которая объявляла о зрелищных мероприятиях.

Шелковинт и Амди прекратили репетицию. Амди суетился вокруг стола, собирая всех вместе, проверяя, что весь нужный реквизит собран в одной тачке. Шелковинт придвинулся ближе к двери. Его размазанную маскировку стерли — она уже не имела смысла так далеко от Домена Резчицы. На поводке он держал Ритл. Вид у Шелковинта был не очень довольный, но в этом, быть может, была вина Ритл. Равна подошла ободрить стаю, Шелковинт посмотрел на нее и сказал первые самнорские слова после той ночи, когда умер его элемент:

— Мы делаем много смеха. Видишь?

Он слегка ткнул в нее одной головой.

Снаружи в дверь постучала какая-то стая, гром-

ко булькая.

— Готовы, уже готовы! — крикнул Амди. — Равна, держись от меня где-нибудь слева. — Джефри уже стоял с другой стороны восьмерки. — Не волнуйся. Не волнуйся. Я тебе все время буду подсказывать. Все будет нормально!

Вой.

Двери уже разъезжались, музыка зазвучала в быстром темпе. Шелковинт вылетел в свет дня, Ритл поневоле за ним. За музыкантами (все сопровождение генерировали один или оба охранника) Равна увидела широко рассевшуюся толпу — ничего похожего на тесную свору, которая была днем.

Шелковинт все еще хромал одним элементом, но сейчас изображал хромоту еще и с другой стороны. Два его элемента, держащие поводок, шли близко друг к другу, будто страдая от односторонней глухоты. Эту походку они стали отрабатывать сразу, закончив раскраску себя в шахматную клетку. Ритл могла и не играть роль, но ее упрямые старания доставить неудобство «хозяину» были отличным фоном для игры Шелковинта: шут и собака шута. Жестокий средневековый юмор, но хохот толпы заглушил музыку.

Потом на свет дня вышел Амди, сопровож-

даемый по бокам людьми. Хохот толпы затих, послышались удивленные завывания. Двое охранников пошли вперед, расчищая путь. Один из них тащил тачку, похожую на маленькую телегу.

— Идите за охранниками, — велел Амди. — Хозяин гостиницы мне сказал, что это — клиенты, заплатившие двойную плату, чтобы видеть нас здесь, а потом еще и на выступлении.

Охранники шли мощеной дорогой к гостинице. Повсюду располагались телеги, даже возле платформы канатной дороги, стоящей как наклонная башня в реве и тумане водопада.

Еще стаи смотрели от портика гостиницы, но охранники обошли здание подальше, ведя артистов и привилегированную публику по длинному дефиле, которое кончалось огромным амфитеатром — Равна на этой планете не видала похожего.

Труппа Амди прошла под навесами на краю площади, скрываясь от взоров публики.

Хозяин гостиницы вышел на середину. Булыжники были подогнаны хитрым узором, но кое-где попадались темные кляксы пятен, в узор не входящие. *Гм*. Жертвенные животные?

Хозяин гостиницы произносил что-то вроде

речи. Но буквально через секунду после начала заорали сверху, и крик поддержали со всех сторон. Амди держал пару голов на виду у публики, но весь остальной притаился.

— Знаете, что они кричат? «Мы не за то платили деньги, чтобы тебя слушать!»

Хозяин гостиницы на арене с отвращением мотнул головами и удалился в свою ложу величественной походкой.

— Это значит, наш выход? — спросила Равна.

Восьмерка ниже припала к земле.

— Амди? — спросил Джефри ободряющим ласковым голосом с другой стороны этой стаи. — Ты отлично до сих пор действовал, давай дальше!

— Я… я… не было времени составить план. Я…

Публика распевала все громче и громче. Кусок очень гнилого ямса вылетел из-под навеса, расплескался, чуть забрызгав Шелковинта. Тот с омерзением что-то буркнул и выпустил случайно поводок Ритл. Синглет рванулся на волю, забыв прежнюю осторожность. Ритл помчалась широкой дугой, все время что-то громко булькая. Остановилась, оглянулась на миг на собственные задние ноги, за воротником потеряла из виду землю и шлепнулась. Вскочила, не прекращая орать, хвастливо и почти наверняка бессмыслен-

но. Но что самое странное — это было похоже на интонации речи хозяина гостиницы.

Скандирование толпы сменилось хохотом.

Ритл остановилась в смущении, запрыгала взад-вперед, требуя серьезного к себе отношения. Смех только стал громче. Она бросилась на ближайшие ярусы зрителей — и ее дернул назад поводок Шелковинта. Она дернулась в сторону, натягивая поводок. Тем временем Равна заметила, что головы Шелковинта мотаются вверх-вниз, наслаждаясь неожиданной забавой. Он глянул в сторону Амди, а потом — все еще невидимый для публики — совершенно сознательно отпустил поводок.

Бедная Ритл на арене чуть не рухнула снова. Потом, ощутив свободу, побежала вдоль первого ряда, таща за собой длиннющий поводок.

Шелковинт кое-как выбрался на публику. Его элементы были покрыты клетчатым узором, по краям шли хромые. Он побежал за поводком синглета, потрясающе естественно промахиваясь по нему снова и снова. Наконец он всеми четырьмя телами плоско прыгнул на него, зажав где-то внизу. Встал, крепко держа поводок четырьмя парами челюстей, триумфально раскланялся и начал говорить свою собственную речь. Но руч-

ной зверь шута не стал ему помогать: Ритл бегала вокруг четверки все быстрее и быстрее, а поводок укорачивался.

Наконец Шелковинт сам об него споткнулся, зашатался, возмущенно вопя. Публике это показалось еще смешнее. В него запустили еще несколько гнилых овощей, но это, скорее, было выражение одобрения. Один кусок попал Шелковинту в плечо, размазавшись по черно-белым клеткам. Ритл вроде бы над ним смеялась, но ей тоже пришлось уворачиваться от подарка публики, и это не получилось.

Шелковинт заметался в очевидной панике, потом весь повернулся туда, где прятались Амди и компания. На стайном языке жалоба значила что-то вроде:

— Хозяин, Хозяин, иди сюда!

Вот так и должен был выступить Амди. Он издал низкий, прочувствованный вой… и выпрыгнул на арену.

Смех сменился приветственными воплями, и дождь гнилых овощей стих. Амди шел так гордо, как Равна никогда не видела, и те, что шли в середине, задрали морды точно вверх. Если бы так шел человек, он бы задирал вверх руки, привлекая внимание зрителей.

Джефри перешел на место, которое Амди освободил. У него на лице блуждала широкая удивленная улыбка.

— Что он говорит? — спросила Равна.

— Слишком быстро, не разбираю. Обещает что-то…

Учитывая разницу диалектов, Амди, наверное, и для своих слушателей говорил слишком быстро, но это могло способствовать его обаянию. Он величественно махнул Шелковинту и Ритл, и эти двое ушли с площади, все еще оставаясь в образе, хотя Равна понимала, что для одного из них такое поведение — чистое притворство. Шелковинт скользнул под навес и привязал Ритл к деревянному столбу. Он улыбался и ворчал — по очереди, вытирая сок со шкуры. Посмотрел на Равну и Джефри с некоторым злорадством, будто говоря: «Сейчас будет ваша очередь!»

— Джефри! Равна! — Продолжая булькать с интонациями зазывалы, Амди заговорил человеческим голосом. — Я сейчас буду готов вас пригласить. Джефри подойдет ко мне, Равна останется стоять дальше расстояния мыслезвука. Понятно?

В общем, так и договорились еще в конюшне.

— Понятно! — крикнул в ответ Джефри.

Но тут на секунду выглянуло солнце, и в предвечерних лучах Амди засверкал расшитыми плащами и обувью, похожей на настоящие серебряные когти. Где-то посреди остальных были и два его элемента без красивых костюмов, но их Равна не видела.

Амди удивленно глянул на солнце, потом прогудел: «Отлично!» — и заговорил, переводя одновременно:

— Я покажу вам чудеса северного мира, покажу созданий неба, которые умеют мыслить без звука, мыслить каждое само по себе. Я вам представляю… двуногих!

Четыре его элемента держали головы точно вверх, остальные четыре широко повернулись, показывая на скрытых под навесом Равну и Джефри. Потрясающе, но вся восьмерка еще изобразила звук фанфар.

— Как ты думаешь, это нам подсказка? — спросил Джефри.

— Ага, — ответила Равна, тоже испытывая некоторое волнение кулис.

Они вышли из-под навесов и встали в полный рост, видимые сразу всем. Как только они появились из конюшни, публика почти затихла. Джефри и Равна повернулись в разные стороны,

подняли руки, показывая, что они пусты. Равна вглядывалась в публику, пытаясь высмотреть, кто бросался ямсом. Места для зрителей были организованы как в зале заседаний Резчицы в старой столице, только еще больше. Каждый ярус был построен почти прямо над нижним, и «кресла» разделялись в основном обитыми звукопоглотителями и ложами. Осветившее Амди солнце уходило, и места для зрителей постепенно погружались во мрак. Трудно было оценить, сколько стай сюда пришло — они набились теснее, чем Равне приходилось видеть. Головы торчали повсюду, и почти все смотрели вниз — на двух человек.

Они с Джефри повернулись лицом друг к другу. Она тронула его за рукав:

— Никогда не думала, что попаду на арену цирка.

Напряженное лицо Джефа расплылось в улыбке:

— И уж точно ты не думала, что умение жонглировать пригодится в искусстве выживания.

Он на миг задержал ее руку, потом выпустил, и Равна отступила к краю арены.

Амди окружил Джефри, продолжая игру циркового зазывалы. Он уже не переводил, но Равна

расслышала аккорд «пятищупальцевые лапы». Подойдя к тачке, стоявшей в середине арены, Амди бросил Джефри три цветных мяча.

Джефри начал осторожно, просто подкидывая эти три мяча и перебрасывая из руки в руку. Потом стал запускать выше и выше, опускать ниже, ловить после отскока от земли. Амди кинул ему четвертый мяч. На репетициях это получалось отлично, но сейчас Джефри сбился. Нескольких попыток ему стоило удержать все эти мячи в воздухе. Равна посмотрела на трибуны. Все еще не летит ямс, но буря щелкающих звуков — аплодисменты. Этим стаям казалось невероятным, что такой нескладный синглет, качающийся на задних лапах, способен жонглировать.

Самая удачная часть выступления Джефри получилась из-за некоторого везения прямо в конце. Откровенно грубая стая на втором ярусе запустила в Джефри ямсом. Он схватил его из воздуха, не забрызгавшись, — и жонглировал пятью предметами!

— Брось обратно, — велел Амди и крикнул трибунам что-то вроде предупреждения. Джефри опустил все мячи на землю, выпрямился, разглядывая трибуны. Ни одна стая в этих сумерках ничего бы толком не разглядела, но Джефри че-

рез секунду запустил ямс по высокой медленной дуге — и снаряд хлопнулся точно в того элемента, который его бросил.

Равна задержала дыхание. Она понятия не имела, что означает такое оскорбление для этих созданий. Но все смеялись. Кидавший оглядывался, и даже его собственные головы весело закачались. У него были еще другие овощи, и через несколько попыток, когда попался кусок ямса попрочнее, стая и двуногий играли в мяч.

Участие публики не успело стать шире, поскольку Амди Великолепный жестом велел Джефри уйти с арены и другим жестом вызвал Равну.

Начался ее сценический дебют.

Увы, завязывание узлов вышло скомканным. Даже при широких веревках, полученных от хозяина гостиницы, публике мало что было видно, особенно в гаснущем свете дня. С другой стороны, оно никак не требовало от нее чувства равновесия, и никто в нее не бросался гнилым ямсом. Поднимая вверх очередное свое творение, она посмотрела на трибуны. Диких аплодисментов не было, но было ощущение, что ее мрачно и оценивающе рассматривают. Может, она и не показала свой суперсинглетный интеллект, но продемон-

стрировала, что для работы в узком пространстве двуногий удобнее, чем любая полная стая.

Как бы там ни было, а ее выступление вышло короче, чем у Джефри. Амди начал сворачивать программу, махнув Шелковинту, чтобы устроил еще одну комедию положений. Но когда остаток стаи отвязал Ритл, хозяин гостиницы вышел из своей личной ложи на трибуны, и в его бульканье были скользящие обертоны. Он просил чего-то, просил очень вежливо. Его слова были встречены громким одобрением публики.

Амди замер от удивления — на арену выходил Джефри.

— Что такое? Что? — спросила Равна.

Джефри улыбнулся странной улыбкой:

— Мне кажется, наш хозяин просит разрешения для избранных зрителей спуститься и нас… гм… погладить.

Амди перенес внимание на Равну и Джефри, и впервые за все время его поза утратила великолепие.

— Именно так. Ни одна из этих стай раньше людей не видела, если даже некоторые и будут враждебны… как бы ты хотела поступить?

Сейчас все его глаза смотрели на Равну. И Джефри смотрел на нее.

— Я… — Она взглянула на публику. В этот момент подавляющее большинство настроено весьма дружественно. *И нам это может пригодиться завтра, когда попытаемся уехать.* История ее жизни в этом мире — цепь решений с возможными пугающими последствиями, которые нужно было принимать моментально. — Скажи им «да», Амди.

— Хорошо. — Амди гулко выразил согласие, для разнообразия говоря медленно и просто. Потом обратился к Равне и Джефри: — Я им велел подходить строго по одному. Рядом останется стоять охранник хозяина гостиницы, чтобы никто не вздумал грубить.

Стаи первого яруса бросились на поле, маневрируя ради права поближе познакомиться с зомби. Хозяин поставил своих охранников регулировать подход клиентов — и при этом еще немного денег собрать.

Амди расположился в основном позади обоих людей, а Шелковинт вывел Ритл наружу и уселся справа от Равны. Ритл что-то болтала про себя с важным видом, но сбавила тон, когда остаток стаи подтянул ее поближе и стал щелкать на нее челюстями.

Первый из «немногих избранных» прошел ми-

мо охраны. Пятерка приближалась нетерпеливой рысью, потом сбавила ход и даже попятилась. Все пять голов были задраны вверх, напуганные ростом Джефри. Следующий в очереди пискнул досадливо от задержки — но обойти сбоку не стал пытаться.

Джефри опустился на колено и вытянул руку, подзывая стаю поближе.

Амди беспокойно зашевелился.

— Это не хозяин гостиницы, тебе не обязательно рисковать.

— Все нормально, Амди. Это как наша первая экспедиция на Длинные Озера.

Жесты у Джефри были свободны и расслаблены, но голос напряжен.

Пятерка почти минуту рассматривала одежду Джефри, трогала пастями его пальцы и болтала с Амди.

— Он мне говорит комплименты, как я тебя здорово выдрессировал, Джеф, — сообщил Амди, пропуская зрителя дальше к Равне.

Некоторые из клиентов вели себя как этот первый. Другие оборачивались, ища глазами друзей, держащихся поодаль, будто говоря: «Смотри, я совсем рядом со зверем!» Многие пытались разговаривать с Джефри и Амди, повторяя чело-

веческие слова и ожидая ответа.

Сгустились сумерки, в углах арены зажглись огненные круги. Пламя поднялось высоко и ярко — достаточный свет даже для Стальных Когтей. А клиенты продолжали идти. Некоторые из них даже нашли время поблагодарить Шелковинта за *его* выступление. Равна подумала, случалось ли заключенному в остатке стаи Булату быть объектом искренней похвалы. Кажется, остатку благодарность была приятна. Ритл не знала толком, как вести разговор, но явно ощущала себя сущностью, равной получателям комплиментов.

И были немногие, очень немногие, кто подходил поближе ради того, о чем беспокоился Амди. Одна из стай толкнула Джефри. Когда Амди возмутился, стая вроде бы извинилась, протискиваясь мимо Амди к Равне. Стая была семеркой, но тощей и нескладной. Надеть на этого типа клетчатые плащи, и он мог бы изображать злобную версию персонажа Шелковинта. Он подвинулся вокруг нее поближе, весь — желтые глаза и неприятное дыхание. Амди пододвинулся поближе, наблюдая, и переводил бульканье:

— Он говорит, что даже так близко от тебя никакого мыслезвука не слышно.

Равна молчала, и тогда стая, взвизгнув что-то

типа «живое» (или «неживое»), ткнула ее под колени.

Равна упала, но не успела стая сделать еще чего-нибудь, как Джеф и Амди слева и Шелковинт справа ее подхватили. Секунду тела летали во все стороны. Равна встала. Нападавшего рассеяли достаточно далеко, чтобы он не осознавал себя ясно. Его элементы тупо оглядывались, потом столпились у края арены, собрались там, пробежали обратно вместе и исчезли в проеме между трибунами.

— Так, всё! — крикнул Джефри. — Пора закрываться на ночь. — Он протянул руку Равне и спросил тише: — Ты как?

— Да нормально…

Она не пострадала — просто ей напомнили о риске.

Амди обращался поверх толпы к хозяину гостиницы. Этот достойный гражданин стоял рядом со своими сборщиками денег и от слов Амди лихорадочно заплясал, а толпа стай тут же начала протестовать. У Равны замелькали перед глазами кошмарные видения.

— Хозяин обещает нам солнце и луну с неба, если мы еще тут хоть немного побудем, — сообщил Амди.

— Придется остаться, — ответила Равна.

Амди высоко поднял четыре головы и громко забулькал, перекрывая все голоса:

— Я повторяю то, что обещал нам хозяин. Я говорю, что рады пойти ему навстречу, но хотим, чтобы все удостоверились, что он сдержит слово.

Хозяин гостиницы согласно кивал головами. Для его энтузиазма причины были серьезными: седельные сумки его охранников тяжело покачивались от добычи. Для него сегодня была ночь открытия кладов.

Джефри тоже кивал, но не так чтобы с энтузиазмом.

— Ладно, ты права. Придется досмотреть все до конца.

Он вернулся к стае, с которой болтал до скандала. Взаимодействие какое-то время было напряженным, но сейчас уже все смотрели, чтобы никто не хулиганил. Поток клиентов и денег возобновился.

Потом Равна не могла точно вспомнить, насколько поздно они оставались — стаи продолжали приходить. Бывало, какая-нибудь стая смотрела на нее агрессивно, но вели себя все прилично. А все прочее… она начинала понимать, почему Джоанна, Джефри и прочие ребята так

любили опасные походы за пределы Домена. Почти все незнакомые стаи после начальной настороженности к людям начинали ценить в них возможность приблизиться, иметь дело с явно разумным синглетом. Вечер шел своим чередом, в огонь не раз подбрасывали топливо, еще стаи приходили потолковать — то есть повторять слова ее и Джефри. Некоторые, кто уже побывал внутри и видел, что на второй заход не успеют, болтались по краю арены, выкрикивая предложения к новым зрителям, подходившим ближе.

Тут могли быть враги, могли быть чудовища, но были и потенциальные Лучшие Друзья для будущих поколений Детей.

Глава 29

После этого представления их положение изменилось. У них теперь был настоящий цирковой фургон (изъятый за неуплату у его неудачных первоначальных владельцев). В фургоне имелась кабина для пассажиров, и был он так велик, что требовал упряжки из четырех керхогов. Под внимательными глазами посетителей, остававшихся с вечера, хозяин гостиницы выдал им еще припасы и арбалеты. Может быть, столь же важно, что он дал им официального вида письмо, извещающее, что он, как представитель Магната на Нижней Станции Канатной Дороги, от имени Магната и своего собственного покорнейше просит предоставить этим блестящим артистам право прохода и проезда. Это вместе с табличкой Магната, найденной Амди в рухляди Читиратифора, значило очень много. Равна надеялась, что хозяину не слишком сильно достанется, когда до этих мест дойдет истинное слово Магната.

Когда они уходили от Нижней Станции, не меньше дюжины стай хотели их сопровождать, охранять и служить проводниками в пути на

север. Вполне вероятно, что они все были искренни, но Амди всем отказал. Чем шире станут они известны, тем легче будет Магнату, Хранителю и Невилу их найти. В тот момент, когда погоня их настигнет, даже самая честная стая может решить их сдать.

Поэтому они ушли от Нижней Станции, сопровождаемые лишь немногими фанатами, осторожно пробирающимися за несколько сот метров позади циркового фургона.

Первые деревни на север Амди пропустил, обходя их дорогами, найденными на карте. Проезжая мимо каждой деревни, они все больше и больше теряли свиту. Это были обычные стаи Диких Княжеств, крестьяне и мелкие землевладельцы. Как бы их ни интересовали двуногие, но лишнего времени, как у фанатов более технологичных обществ, у них не было.

На третий день Шелковинт разведал местность вокруг и доложил, что последние спутники отстали. Настало время уйти с той дороги, о которой Амди объявил на Нижней Станции.

— На карте альтернативных путей хватает, — сказал Амди. — Проблема в том, что какой бы мы ни выбрали, еда кончится раньше, чем доберемся в Домен.

Надо будет либо заняться квалифицированной работой по дереву… либо дальше давать представления.

Когда этот нелегкий выбор был предложен Амди, он помедлил минуту, а потом весь застенчиво улыбнулся:

— Я… я мог бы, наверное, еще раз побыть Великолепным.

В следующие дни они смотрели на все деревеньки, через которые пришлось проезжать, и Шелковинт разведывал угрозы и определял дружественность, соотнося риск с текущим состоянием продовольственных запасов. Почти все деревни они по-прежнему обходили, но все-таки три раза выступали, один раз в помещении, в зале собраний фермеров, и дважды на открытом поле под облачными небесами. Погода стояла мягкая, бывали холодные дожди и раскисшие дороги, но, в общем, стало приятнее, чем было раньше.

Представления стали лучше. Равна все равно звездой не стала, зато сумела сделать осветительную систему важным компонентом зрелища. Даже Ритл вроде бы нравилось выступать: она пыталась затмить Амди все более и более веселыми способами. Амди уже совсем бегло разговаривал на местном диалекте, и его выступления стали

отшлифованными, вот только на Ритл он злился за ее выходки совершенно искренне. Вершиной любого представления был сеанс «погладить зверей», и при отработанной процедуре это ощущалось как вполне безопасное занятие. Слава опережала труппу: когда они хотели обойти какой-нибудь город, часто к дороге выходили стаи, умолявшие остановиться и дать гастроль.

— Эти места слишком цивилизованны, — сказал Джефри как-то вечером, когда встали лагерем. Луна пробивалась сквозь ветви, но путешественники надеялись, что примитивная оптика спутника их не увидит. — Когда-то здесь была действительно глушь, слишком опасная для путешественников. А теперь всюду торговля. Площадь на Нижней Станции была большая и *новая*.

— И города растут, — поддержал его Амди. — Они даже больше, чем на картах Невила. Карты составляли для честного информирования Читиратифора, но уже устарели.

— Да, — согласился Джефри. — Товары Магната повсюду. Меня уже тошнит от его логотипа Стаи Стай. Чудом будет, если мы доберемся в Домен до того, как известия о нас доберутся до Магната.

Равна мрачно кивнула.

— И я ручаюсь, что впереди ждет Невил, и, быть может, с «Взглядом Сверху — 2».

Амди что-то гудел, что часто являлось признаком рождения удачной мысли.

— Но ведь будет и Резчица, — сказал он.

Это был почти вопрос. И Джеф, и Амди все больше боялись за Джоанну и Странника. А что же Резчица?

Равна вспомнила свой странный финальный разговор с королевой.

— Я уверена, что она все еще правит Доменом, Амди. И ее Невил не обманул.

— Ну вот. Она поставит своих солдат искать нас вдоль всей границы. Если мы пробьемся к ним, сможем доставить тебя на «Внеполосный».

— Если вы меня туда доставите, спектаклю Невила настанет конец.

Это Равна повторяла каждый вечер.

— Хммм, — прогудел Амди. — Так что мы можем сделать такого, что…

Ритл прервала мысль Амди своим громким предложением. Эта тварь, когда могла, тихо подползала, молча и с невинным видом, пока не подбиралась поближе, — и встревала в разговор.

На этот раз она вызвала у Джефри смех:

— Почти имеет смысл, Амди. По крайней мере

имело бы, будь у керхогов крылья.

Амди не было смешно. Он вскочил на ноги:

— Да она же скандалистка, как вы не видите?

Восьмерка бросилась в исчерканную луной темноту.

— Он все сильнее на нее реагирует, — заметила Равна. — Боюсь, не приобрел ли Амдиранифани Великолепный самолюбие настоящего артиста.

— Я вас слышу! — бросил Амди из темноты. — Раз уж не дают думать, могу хотя бы лагерь охранять.

Шелковинт вернулся с обхода лагеря и задавал корм керхогам. Сейчас одна из его голов повернулась вслед ушедшему Амди. Закончив с керхогами, он устроился под фургоном и заметил:

— Ритл из него дурака делает.

Остаток стаи уже довольно много восстановил самнорской речи, но без той дразнящей иронии, которая звучала, когда он был полон.

Равна заглянула за фургон. Обычно Шелковинт привязывал синглета с другой стороны от керхогов.

— Привет, Шелковинт. Ты Ритл привязал?

Стая наклонила головы, посмотрела из-под фургона в другую сторону. Может, даже не соби-

раясь отвечать.

Но нет.

— Она отвязалась, — сказал он.

Джефри тихо засмеялся.

— Наверное, научилась твоим фокусам с веревкой, Равна.

Равна улыбнулась в ответ:

— Отлично умеет вертеться.

Ритл пару раз раньше вылезала из пут, и никто, кроме Амди, по этому поводу шума не поднимал.

— Ритл может оказаться врагом? Ремасритлфеер был врагом — может, не таким страшным, как Читиратифор, но все равно: стая-бандит на службе у Магната. Если будет возможность, предаст она нас?

Даже в темноте она видела улыбку на лице Джефри.

— Паранойя заговорила.

Он пододвинулся чуть ближе к ней вокруг затухающего костра. Как обычно, они свои сиденья положили на расстоянии вытянутой руки. Когда восьмерка Амди заполняла пространство между ними, им хватало теплых тел. Кроме того, несколько последних вечеров кончались неприятным спором. Вчера Равна впервые услышала, как флот Погибели называют *спасательным от-*

рядом. В каком-то смысле услышать такие слова от Джефри — это было страшнее, чем вся история с похищением.

Джефри грел руки над тлеющими углями.

— Что будет делать Ритл, если и когда мы наперемся на Магната, сказать трудно. Прежний Шелковинт говорил, что Ремасритлфеер был одним из ближайших помощников Магната. В зависимости от того, кто за нами будет охотиться, Ритл вполне может нас предать, хотя вряд ли ей ума хватит на что-то большее, чем крикнуть: «Начальник, а они здесь!»

— Ладно, согласна. Действительно глупо об этом волноваться сейчас.

Несколько минут она молча смотрела на Джефри. Она знала его десять лет, видела, как любящее дитя вырастает в исследователя высшей марки. И этот человек поверил в ложь, страшнее которой она себе представить не могла.

Джефри, не слыша ее, поднял глаза.

— Что такое? — спросил он.

Лицо его улыбалось, но в глазах читалась настороженность.

Скажи она одно неверное слово — и они еще раз сцепятся в споре на всю ночь. *Но я должна попытаться*.

— Джефри, у нас ужасное разногласие по поводу Погибели и Контрмеры. Ты знаешь, что думаю я. Ты знаешь, на какие жертвы пошли твои родители, чтобы избегнуть Погибели. С другой стороны…

— С другой стороны Невил, удостоверенный мерзавец. — Джеф говорил сердито. — Но что из этого? Я помню Верхнюю Лабораторию. *Здесь* я лично видел, как Контрмера убила Фама. Даже ты признаешь, что Контрмера подняла Медленную Зону и, вероятно, уничтожила цивилизацию повсюду, куда только достает наш взгляд в ясную ночь. Не важно, кто хороший, а кто нет, Равна. Важна только *правда*.

— Я не про то, кто хороший, Джефри! Я говорю о заслуживающих доверия наблюдениях. Ты был всего лишь…

— Всего лишь ребенок? Это ты вчера уже говорила!

Но им ты и был!

И она никогда не забудет, как Джефри и Амди пытались утешить ее после гибели Фама. Она заколебалась, постаралась придумать, что сказать, что-нибудь разумное, что как-то все исправит.

— Джеф, ты думал когда-нибудь, что могут найтись факты, то, что можно открыть или

проверить, которые могли бы изменить твое мнение?

— Ты хочешь подвергнуть мои верования ревизии? Как это мило. А ты готова пройти то же самое?

— Я…

— Не важно. На этой стадии какие еще могут быть неоткрытые свидетельства? — Джефри повернулся к огню. Он сидел сгорбившись, протянув руки над углями, долго молчал, потом заговорил: — Мы должны протащить тебя мимо Магната и Хранителя, доставить на «Внеполосный». И там ты сделаешь то, что считаешь правильным. Если ты не сможешь убрать Невила, я его уберу сам. — Он снова посмотрел ей в лицо. — Только вот что: «Группа изучения катастрофы» все равно останется. И новым ее руководителем будет не Били Ингва.

Равна дремала. Луна зашла, угли костра остыли и почернели. Иногда слышалось всхрапывающее фырканье керхога, но не было раздражающей болтовни Ритл. Наконец Равна услышала, как кто-то входит в лагерь: это должен быть Амди, пришел будить следующего часового. От этой мысли она проснулась полностью. Обычно Равна брала на себя вторую смену — хотя была уверена,

что ни Амди, ни Шелковинт не доверяют часовому-человеку. Они частично слушали всю ночь.

Далеко и еле слышно доносились звуки, возможно, издаваемые Ритл, но совсем не такие сварливые, как обычно. Потом ночь взорвалась шипением и визгом. Какие-то твари гонялись друг за другом по окружающим кустам и при этом дрались.

— Амди! — крикнул Джеф.

Ответа не было, но Равна услышала, как какая-то стая — Шелковинт? — залезает по встрепенувшимся керхогам и вылезает на крышу фургона.

Визг продолжался, и шумы сближались на дальней стороне фургона.

Равна одну лампу всю ночь держала при себе. Сейчас она ее встряхнула, переводя в режим наблюдения. Свет заиграл псевдослучайными скачками, оглядывая кусты с виду бессистемно, чтобы сбить с толку наблюдателя, пытающегося определить источник.

Шум чудовищной драки продолжался, но атакующих стай не было заметно. Если Ритл выдала путников, то не простой засаде.

— Дай направлю свет.

Это сказал Шелковинт с крыши фургона, где хранилась вторая лампа. Он направил ее луч на

что-то за фургоном. Равна, заглянув под фургон, увидела скребущие ноги Стальных Когтей.

— Это часть Амди!

Джефри побежал вокруг фургона, подняв взведенный арбалет.

С обеих сторон фургона выбежали две стаи-четверки, бросились друг к другу, клацая челюстями. Все они были одеты в простые рабочие плащи вроде тех, что носил в пути Амди.

— Эй! — крикнул Джеф. — Амди?

Вся восьмерка сбилась в кучу, свет лампы полоснул по ней. Да, это был именно Амди.

— Амди, что с тобой? — Равна опустилась на землю возле стаи, рассматривая ее элементы. У них были порезы и царапины, у одного порвано ухо. — Кто это сделал?

И здесь ли он?

Но она видела, что на крыше фургона все элементы Шелковинта смотрят на Амди и по поводу нападения не волнуются.

Амди шипел и плевался, но на фоне всех этих звуков слышался резкий высокий свист. Стая испытывала невыносимую боль. Наконец Амди перешел на самнорский:

— Нападения не было. Не было. Никто за нами не шпионил, хотя Шелковинту следовало встать

на охрану.

Он издал два-три аккорда, Шелковинт что-то пропел в ответ. Остаток стаи спрыгнул с фургона и направился в кусты.

Амди извивался от боли в ярком свете лампы, переглядываясь сам с собой и посматривая на Джефри и Равну.

— Свет уберите, ладно? — Равна убрала свет, и голос Амди звучал в темноте: — Это была Ритл.

— Не понимаю, — ответила Равна. — Если никого больше не было, как она могла столько вреда натворить?

Послышался приглушенный щелчок — Джефри поставил арбалет на предохранитель.

— Я думаю, тут дело посложнее, — сказал он, и она услышала, как он опускается на колени перед стаей.

Амди издавал странную смесь звуков. Слышалось хныканье, почти плач человеческого ребенка. Были аккорды, которых Равна не понимала, был детский голос стаи, говорящий в тонах отвращения к себе.

— Эта тварь Ритл с самого начала мутила воду. Она *не* умная, но все время как в лужу ляпала, когда я выступал. Вы же тоже это видели? Из-за нее мы чуть не погибли на Верхней Станции. И

при этом она лезет в мое личное пространство, как только случай представится.

Джефри сказал тихо:

— Амди, она синглет. Она не может жить отдельно.

Хныканье стало громче. Равна увидела в стае быстрое движение, услышала, как щелкнула в воздухе пара челюстей. Джефри утешительно что-то заговорил.

— Амди, не казни себя.

Через минуту голос мальчика продолжал:

— Ох. Я знал, что Ритл — проблема, с того момента, как она появилась, но думал — надеялся — что получится как в романах. Ритл снова сделает Шелковинта целым! Это бы решило проблемы и его, и ее. Но этот глупый огрызок ею не заинтересовался. Ритл он тоже не нравится. Потом она стала делать мне… ну, авансы. Вот уж не надо, подумал я. Я идеально подобран, и от дополнительного элемента мне никакой пользы не будет, только вред.

Амди минуту помолчал, потом захныкал дальше:

— Сегодня я растянулся через весь лагерь. Это действительно интересный способ быть. Я стал очень глупым, но все видел, и мысли тарахтели

вокруг шаг за шагом, и каждый мой элемент что-то к ним добавлял. — Хныканье стало громче. Этот звук издавала не группа, он исходил от трех элементов, присевших поближе к земле. — Ритл влезла в меня между элементами. Она не подкралась, если точно, я знал, что она здесь. И она стала приставать ко мне, к частям меня, — голос поднялся до визга, — к тем частям, которым она *нравится*. — Он развернулся, клацнув зубами. Джефри опустил руку, рискуя неприятными порезами, погладить головы там и сям. Через минуту к восьмерке вернулась когерентность. — Ритл меня раздирает на части!

Глава 30

Карты показывали город в тридцати километрах впереди на дороге. На других дорогах были города и поближе, но этот был лучшим шансом полностью снарядиться. Отсюда можно было пробираться вперед, разведывая, к какому из приграничных фортов Резчицы безопаснее всего приблизиться.

Это будет последнее их представление, а потом, впереди, настоящая кульминация. А тем временем…

Равна ехала на фургоне. Номинально она им правила, хотя про себя она подозревала, что Равна-со-Звезд не могла бы справиться с упряжкой четырех керхогов. Скорее их координировал остаток Шелковинта, который почти всегда присутствовал и шел вокруг животных, сгоняя их в кучу.

Джефри и Амди шли вместе, отставая больше обычного, и их очертания почти терялись в утреннем тумане. Восьмерка держалась плотно — поза, которую обычно стая поддерживает в толпе, или когда акустические условия плохие,

или когда надо как следует подумать. Один туман такую позу не объяснил бы. После полуночного коллапса Амди держался вот так, безрадостно и тихо, о чем-то разговаривая со своим Лучшим Другом.

Равна слегка хлестнула вожжами, просто давая керхогам понять, что не спит. Посмотрела на свою спутницу, сидящую поблизости:

— Так кто же ты такая, Ритл? Разрушительница стай?

Ритл склонила голову к Равне. Трудно было различить в позе синглета какое-либо выражение, но такое было впечатление, будто животное что-то понимало. *Она надо мной смеется?* Сегодня утром поводок Ритл туго привязали к ограждению груза за козлами возницы. Закинуть ее наверх — пришлось побороться. Кажется, она стала думать после ночных похождений, что достигла привилегированного статуса, и потому еще несколько минут после выезда на дорогу шипела и ругалась. Потом впала почти в молчание, поглядывая назад на дорогу в сторону Амди.

Равна то и дело чувствовала жужжащую вибрацию козел — очевидно, побочный эффект любовных эпитетов, излучаемых Ритл.

Равна продолжала свой безответный разговор:

— Знаешь, у людей считается очень нехорошим действием ломать чужие отношения, даже если тебе самой плохо.

— Очень нехорошим действием, очень нехорошим действием, — повторила Ритл несколько раз. Потом ее взгляд вернулся к объекту ее безнравственных авансов.

Назвать Ритл «разрушительницей стаи» было не просто фигурой речи. Бедняжка Амдиранифани был просто слишком велик, чтобы принять в себя еще один элемент. Так, во всяком случае, он утверждал, и Джефри с ним соглашался. Амди, вероятно, не смог бы и щенка при себе оставить, рожденного в его стае. Принять в состав неродственную взрослую особь — просто расколет восьмерку. Три самца, влюбленные в Ритл, выпадут. И еще Амди сказал, что колеблется одна самка. В любом случае это будет конец Амди.

Шелковинт что-то крикнул, и Равна резко вернулась в настоящее. Керхоги издавали испуганные звуки и тащили фургон в сторону, в подлесок. Шелковинт бросил животных и встал в круг за фургоном. Слов она не слышала, но Амди и Джефри побежали вперед.

Равна сражалась с вожжами: придорожные кусты скрывали канаву и глубокую грязь. Равна

привстала, уперлась ногами и натянула вожжи изо всей силы.

— Помогите кто-нибудь!

И тут она услыхала звук. Он шел из тумана над головой, гудение паровых индукционных турбин. Аэроплан Тщательника!

Воздушное судно скрывалось в тумане, но приближалось.

Амди и Джефри пробежали мимо фургона.

— Надо убраться с дороги, Равна, — сказал ей Джефри, но тихо. Ритл завывала, высказывая недовольство. Амди прошипел ей «тсс!» — и она, как ни странно, замолчала.

Теперь Равна вожжами направляла керхогов, которых Шелковинт, Джефри и Амди тащили в кусты. К счастью, именно в эту сторону керхоги и рвались в общем и целом. Им только нужно было помочь обойти придорожную канаву.

Тем временем шум паровых турбин Тщательника стал громче. Это спасение или банда Невила?

Вопрос этот пришлось отложить, поскольку фургон накренился набок. Равна не выпустила вожжи, но очень наглядно поняла, как ее может выбросить и раздавить.

Передние колеса переползли через дальний край канавы, и Равна снова оказалась на козлах.

По крыше фургона скребли ветки с листьями. Равна, не думая, потянулась спасти Ритл с насеста на крыше. Они обнялись под скребущими ветвями.

— Прошу прощения, — донесся голос Джефри. — Не сообразил, что так низко будет.

— Все нормально. — Равна отталкивала тяжелую мокрую листву. Зато визуальным наблюдением сверху их теперь не обнаружить. Она стала спускаться по лесенке с козел, сзади бурчала Ритл. Голос синглета был тих, но набирал громкости. — Ладно, спускайся и ты.

Равна отстегнула поводок от фургона. Ритл тут же залезла ей на плечи и спрыгнула на землю.

И сразу Равна оказалась по щиколотку в грязи. Она попятилась от фургона, глядя вверх. Гудение двигателей воздушного корабля нарастало, но при тумане и из-под лесного прикрытия видно ничего не было.

— Амди! — Голос Джефри был едва ли громче шепота. — Распределись и посмотри-послушай.

Но Амди остался стоять головами вместе, тихо шипя в сторону Ритл.

— Не могу я двигаться, когда это *животное* так близко, — ответила стая. — Она в меня залезет.

Равна пошла обратно путем, который прошел фургон. Если на воздушном корабле есть настоя-

щая аппаратура наблюдения, то прятать фургон было пустой тратой времени. А если нет, то Равна может что-то выяснить о наблюдателях, не выдавая себя. Она двигалась вдоль канавы, скрываясь где кусты погуще, но выглядывая в небо.

Что-то вылетело на нее из кустов: три… нет, все четыре полностью. Шелковинт. Один дернул ее за штанину и потянул к найденной им поляне. Она опустилась на четвереньки и последовала за ним к краю дороги. Ага. Прямо впереди. Отличное укрытие для шпиона.

— Зззззззззззззззз…

Звук паровых турбин пролетел в нескольких метрах над головой, уходя к югу, но не быстрее, чем мог бы бежать человек. Равна добралась до просвета в кустах и осторожно выглянула, как раз успев увидеть… контур «Взгляда Сверху — 2», исчезнувшего в тумане и оставившего за собой спираль густеющего выхлопа. *Силы его побери!* Секунду назад она могла бы и лица различить!

Шелковинт вокруг нее высунул из кустов пару голов. Она задержала дыхание на долгую секунду, прислушиваясь с надеждой, не повернет ли корабль обратно. Маневр фургона мог оставить следы, заметные с неба.

К добру или к худу, звуки турбин стали затихать

и исчезли на юге. Путники еще несколько минут таились под низкой мокрой листвой, но в конце концов даже Шелковинт, очевидно, решил, что возвращения не будет. Равна и стая пошли обратно к фургону, где у каждого было море вопросов.

— Мы слишком далеко были, ничего не видели и не слышали, — сказал Амди. — А вы?

— Вы их не окликнули, — сказал Джефри. — Это были люди Невила?

— Не рассмотрела, прости. Может быть, переосторожничала.

Может, надо было выбегать на дорогу.

Очень мало кто из отрицателей озаботился бы примитивными приборами; наверняка у Тщательника был экипаж на борту.

Амди и Шелковинт увлеченно булькали между собой. Ритл стояла непристойно близко к восьмерке, вставляя в разговор шум. Наконец Амди обернулся к несносной помехе, визжа и щелкая зубами.

– *Привяжи ее!* Больше я не обязан с ней обращаться по-хорошему!

Синглет отпрыгнул так, что ее было не достать никому, издавая звуки, в которых даже Равна услышала издевку. *Поймай меня, если можешь!*

Джефри нагнулся, поймал поводок синглета

у себя под ногами. Дернул на себя, привлекая внимание Ритл. Животное посмотрело на него дикими глазами и побежало вокруг Амди, стараясь запутать его ноги. Это не было цирковой игрой, и Джефри с Амди сумели синглета скрутить. Несколько секунд — и Ритл, связанная и щелкающая зубами, оказалась наверху фургона, привязанная коротким поводком.

— Давайте к делу, — сказал Амди, не обращая внимания на поток ругани. — Шелковинт слушал самолет, пока Равна его рассматривала. И он говорит, что на борту были Стальные Когти.

Джефри остановился, спускаясь по лестнице:

— Он слышал мыслезвуки?

— Нет, для этого слишком далеко и слишком влажно в воздухе. Но межстайную речь он слышал.

— Я голосов не слышала, но это неудивительно. Он кого-нибудь узнал? Что там говорили?

Шелковинт подошел, мотая головами. Ответил на самнорском:

— Ни смысла. Ни слов. Но звуки, как двуногие могут делать.

Равна присела возле остатка стаи:

— Ты слышал там людей?

Шелковинт минуту подумал.

— Нет.

И пробулькал какие-то уточнения.

— Он говорит, что если там и были люди на борту, они ничего не говорили в тот период, когда он мог слышать отчетливо. Это не меньше двух минут.

Равна подавила грустный смех.

— Надо было им помахать, чтобы спустились.

— Они еще вернутся, Рав.

— Может быть. Или будут продолжать поиски, двигаясь на юг. Как бы то ни было — не вижу, чем это меняет наше положение.

Дважды за утро Амди и Шелковинт утверждали, что слышали шум турбин. Обе стаи растянулись по сторонам дороги, стараясь определить направление на звук. Единственное, что они могли сказать с уверенностью, — что воздушное судно где-то далеко на юге.

Тем временем нужно было готовиться к финальному выступлению. Когда дымка сменилась туманным дождем, Джефри и Равна залезли в фургон и стали работать над костюмами и реквизитом. Шелковинт правил керхогами, и они с Амди по очереди ехали на фургоне — только когда Амди там оказывался, Ритл изгонялась и шла пешком за экипажем на привязи.

Амди в основном беспокоился насчет того, что они будут делать *после* спектакля. Как выбраться из города и добраться до границ Домена.

Равна улыбалась, начищая эмиттеры ламп.

— Знаешь, Амди, будь такое декаду назад, мы бы сейчас только и слышали, что про твой страх перед сценой.

Детский голос Амди донесся из открытого окна фургона:

— Страх перед сценой у меня все равно остался, но сейчас это проблема *решаемая* — как математическая задача определимой сложности. — Он помолчал секунду. — А вот Ритл — это проблема совсем иного сорта. От нее мне надо держаться подальше — тогда смогу не рассыпаться. Пока я сохраняю цельность, проблемы вроде страха перед сценой как-нибудь решу. — Он помолчал дольше и добавил: — И спасибо тебе, что поддерживаешь во мне храбрость, Равна. Я был готов сдаться на Верхней Станции.

А что я такого сказала на Верхней Станции? А, да.

— Я? Я просто сказала тебе правду, Амди. Булат создал тебя ради своих целей. А на Нижней Станции ты обнаружил, что ты это назначение давно перерос.

— Я не про то, что ты *сказала*. Я про то, что ты сделала и делаешь. Ты всего лишь одинокая личность и была невероятно избита и измучена. Там, на Верхней Станции, ты едва могла стоять, но продолжала идти и действовать. Вот и я собираюсь дойти до конца.

Джефри ответил на слова Амди пристальным резким взглядом. Был он раздражен? Удивлен?

— Ты только поосторожнее, Амди.

Приближаясь к месту своего назначения, они поняли, что скромного появления не получится. Далеко на юг от города сельские дороги были забиты телегами и стаями.

— Они говорят, что приехали смотреть выступление двуногих, — сообщил Амди, поговорив с незнакомцами.

Джефри выглянул из-за занавесок, которые натянули поперек окон фургона.

— Приветствие куда масштабнее, чем мы встречали раньше. Кто-то его организовал.

Равна отодвинула занавеску и выглянула. Фургон впереди был раскрашен веселыми цветами. Под закрывающим от дождя навесом лежали штуки холста с печатным изображением вездесущей двенадцатерной стаи. Небольшой знак сообщал, что это — «тонкие плащи». Два эле-

мента возницы смотрели на Равну. Их владелец испустил приветственный вопль и помахал ей — она помахала в ответ.

— Может, мы просто популярны? Амди, ты как думаешь?

Из-под окна прозвучал голос восьмерки:

— Говорят, местный князь разослал гонцов сегодня утром, объявляя день фестиваля, а на завершение — «настоящие мифические двуногие». Ходят слухи, что это как-то связано с большой тварью, летавшей по небу — они слышали воздушный корабль. Послушай, мне надо бы пойти вперед и потолковать с кем-нибудь, с кем можно договориться.

Равна и Джефри переглянулись. Обычно они остановились бы, не въезжая в город, и подождали бы какого-нибудь местного землевладельца, чтобы с ним сговориться. Часто это занимало целый день. План Амди сэкономит время, но оставит их с сомнительными дипломатическими возможностями остатка Шелковинта. Прямо сейчас эта достойная персона находилась на фургоне и следила за разговором.

— Амди, давай.

Джефри выглянул на окружающую пробку экипажей и стай.

— Ладно, Амди. Только давай попроще.

— Так и сделаю. Одно представление, оговоренная плата. И рано утром уходим.

— Будь осторожен, — попросила Равна.

Может быть, она его *слишком* ободрила.

— Эх, а как хорошо будет без Ритл!

Амди уже бежал впереди фургона и кричал что-то одной из немногих показавшихся стай официального вида.

Может, это и была приграничная деревня, но не маленькая. Амди в конце концов вернулся с указаниями, приведшими их к павильону возле городской площади.

— Местный заправила называет это место «Северный Край Цивилизации», — смеялся Амди. — Резчице бы это не понравилось.

Равна обошла фургон, рассматривая центр города. У Резчицы есть свои скульптуры, но впервые в этом мире Равна увидела героические статуи. Каждая работа представляла собой отдельную стаю в величественной позе, залезающей по себе и размахивающей мечами и щитами. Согласно Амди, все они изображали местного владыку по имени «князь Чистота». Это тебе не хозяин гостиницы: Чистота управлял народом из белокаменного замка — он стоял на возвышении к

северу от города. Но это только издали казалось, что это внушительное здание. Амди пожал плечами:

— Если не считать богатства, которое принесла торговля Магната, я думаю, этот тип — пустышка. Почти все постройки новые. Наверняка еще лет десять назад Северный Край был деревушкой.

Джефри оглядывался, кивая:

— И мы знаем, что пятьдесят лет назад тут была необитаемая глушь.

— Чистота клянется, что он тут наследственный правитель со времен легенд.

— Хм, — усомнился Джефри. — Мы такое вранье встречали в некоторых прибрежных царствах. Неудавшиеся Резчики.

Но как бы там ни было, а современный Северный Край был местом оживленным. На той стороне площади плотники возводили деревянные трибуны к сегодняшнему представлению — но все открытое пространство было оккупировано уличными торговцами. Тот, что вез «тонкие плащи», продавал их стаям, что уже залезали на законченные скамьи. И множество голов смотрело на затененный павильон, где стояли люди.

Те части Амди, которые оказались на открытом месте, величественно приветствовали публику,

но голос его звучал лишь поблизости:

— Уменьшенная версия рынка Южного Края, тебе не кажется? — Он весь вернулся в павильон и начал надевать блестящие мундиры Читиратифора. — Но тем не менее это первый виденный нами город, где население действительно боится правителя.

Вопреки зловещему смыслу слов Амди говорил жизнерадостно. Может, потому, что Шелковинт привязал Ритл возле керхогов, достаточно далеко от расстояния мыслезвука.

— Ты думаешь, он может нас надуть с платой? — спросила Равна.

— Не знаю, — ответил Амди, прилаживая последний плащ. Фальшивые когти он еще не натянул, это будет последний штрих, прямо перед выходом. — Мы такого негодяя не видели с тех пор, как ушли от Читиратифора. С другой стороны, я ему показал наш пропуск от Магната. Вот, и еще воздушный корабль здесь летал вчера вечером — я сказал князю, что мы еще и под защитой Резчицы.

— Что он на это сказал?

— Попытался засмеяться недоверчиво, но я видел, что застал его врасплох. — Амди посмотрел на Равну и Джефри. — Если бы он знал, что

Магнат нас ищет, мы бы уже сидели под замком. Я думаю, надо продолжать держать его в неведении, и все будет хорошо.

Представление было лучшим из всех, что до сих пор бывали. Отчасти из-за энтузиазма публики. Слухи о чудесах двуногого цирка здесь успели повариться подольше. А еще отчасти — и это было приятно — из-за того, что все исполнители, и даже Ритл в определенном смысле, по-настоящему сработались.

Начала Ритл, за которой гнался по-клоунски неловкий Шелковинт. Каждый раз, когда элемент Шелковинта, держащий поводок, подбирался ближе, Ритл ускользала, иногда останавливаясь насмешливо у другого его элемента, иногда пробегая вдоль трибун и ведя бессмысленный разговор с ближайшими элементами публики. На втором круге она нашла служебную лестницу шириной в элемент, которая вела к персональной ложе правителя, и затанцевала возле перил, произнося напыщенные речи.

Джефри наклонился к Равне — они были оба еще скрыты от публики.

— Это интонации государственного мужа, — сказал он улыбаясь. — Ритл появилась как монарх с визитом. Мне кажется, она обещает князю луну

с неба, если он удовлетворит ее… просьбы? Или требования?

Равна была не в таком веселье.

— Надеюсь только, что она не подведет нас под топор.

— Да, не хотелось бы.

Публика разразилась громовым хохотом — может быть, это был нервный смех. Личная ложа князя была обита звукопоглощающим материалом, который мог еще служить и броней. Вокруг ложи стояли стаи охранников и слуг, но внутри было темно как в пещере. Может, князь и был чист, но лучезарного света не излучал. Ритл вроде бы ничего не замечала, и ее храбрость была вознаграждена. Равна увидела три коронованных головы, шевельнувшихся в предзакатном свете. Другие головы там тоже были, но оставались в тени. Князь загудел Ритл в ответ; она тут же стала охорашиваться и нести еще больше чуши. Теперь смех публики звучал естественнее — князь Чистота тоже играл на публику. Равна узнала в колебаниях его голов издевательский поклон. Все, кроме Ритл, видели теперь, что элемент Шелковинта с поводком подкрадывается к ней сзади.

И публика заулюлюкала, когда Шелковинт прыгнул и потащил наглого синглета вниз по

лестнице. Шелковинт оббежал арену еще раз, раскланиваясь во все стороны, таща за собой Ритл, которая громко выражала свое недовольство. Равна отметила про себя, что надо будет ее осмотреть, нет ли порезов и ушибов. Для местных такой юмор обычен, но Равна Бергсндот его не находила смешным.

Потом Шелковинт побежал обратно к цирковому павильону, и Ритл перед ним. Проходя мимо затененной двери, она издала бесстыдный писк и бросилась к Амди. Восьмерка отшатнулась, синглет злорадно засмеялся.

— Чертова тварь! — произнес Амди вполголоса.

Он натянул на лапы последние комплекты деревянных шипов и выпрыгнул на арену. На небе висели тяжелые тучи, и риска в применении ламп не было: прожекторы сопровождали Великолепного на пути к центральному помосту. Свет играл и переливался, синтезированный эмиттерами, которые смонтировали Амди и Джефри на краях павильона. Для жителей дотехнической эпохи, вроде этой публики, отрыв света от его источника казался магией. Амди всегда подчеркивал, что без специальных знаний эти приборы бесполезны. И это было близко к истине, хотя

интерфейс управления был весьма интуитивен. Так что никто, кроме Шелковинта-в-роли-идиота, не пытался пока украсть лампы, а попытка Шелковинта была трюком, в котором он убегал с ложными источниками, которые оказывались керхожьими яблоками.

Вершиной представления все еще оставалось выступление «умных синглетов». Это Джефри и его жонглирование, Равна и ее фокусы с веревками и, наконец, некоторые липовые испытания грамотности для впечатления тех, которые утверждали, что интеллект — это побольше, чем жонглирование предметами и вязание узлов. Джефри, как обычно, больше привлекал внимания, хотя представление Равны включало в себя простой фокус с лассо. Она обходила арену, сопровождаемая прожекторами и звуковыми эффектами Амди. Подходила достаточно близко к стаям первого ряда, чтобы они слышали молчание ее разума и видели потрясающую гибкость ее рук. Как и всегда, были выпученные удивленные глаза зрителей, впервые такое видящих: комбинация восхищения, настороженности и интереса.

Потом Равна подошла к ложе князя Чистоты. Охранники под ложей были ребята резкие. Когда

они посмотрели вверх, оценивая ее рост, челюсти дернули арбалеты. На этих ребят лассо лучше не накидывать.

Равна отступила и стала играть для князя в ложе. Высунулись три коронованных головы, и потом еще одна со щенком на плечах. Стая что-то говорила, комплимент ей? Может быть, и нет. Один элемент смотрел назад, в темноту ложи. Почти так, будто там была какая-то еще стая. Кто мог бы быть так близко?

Она привстала на цыпочки, стараясь высмотреть что-нибудь в темноте. *Что, если там человек?* От этой мысли она потеряла равновесие и контроль над лассо и запрыгала, стараясь сделать вид, что так и было задумано.

— Что там с тобой? — крикнул Джефри через арену.

— Все нормально!

Сказать правду она не решилась. Может быть, потому и не было людей на воздушной лодке, что бандиты Невила приземлились здесь и теперь присутствуют!

Равна отодвинулась, танцуя, от ложи князя, но мысли ее сейчас были совсем о другом. Она пару раз споткнулась о собственную веревку и даже ошиблась, отвечая на грамматические вопросы

Амди.

Наконец, слава Силам, Амди перешел к финалу, к якобы экспромтом придуманному приглашению зрителей спуститься и познакомиться («ну просто на ощупь!») с поразительными созданиями из-за свода небес. Князь Чистота что-то сказал из своей ложи, и стаи выстроились в очередь, соблюдая куда больший порядок, чем бывало в других городах. Может быть, дело было в вооруженной охране, материализовавшейся из переулков. *Этих* тоже было больше, чем приходилось видеть раньше. Деятельность князя Чистоты больше напоминала сбор налогов, чем торговлю.

Джефри пришел с другой стороны арены встать рядом с Равной. В этой части выступления «погладить зверей» они всегда были вместе. Сегодня… Равна схватила его за руку, он шагнул ближе, прислонился лбом.

— Что случилось? — спросил он почти шепотом, как-то догадавшись, что это между ними.

Равна приложила губы к его уху и сказала как можно тише:

— Следи за ложей князя. Что ты там видишь в глубине?

— Понял. — Джефри не стал сразу смотреть вверх. Рука об руку они вышли в центр арены,

к Амди и началу очереди. По пути туда Джефри небрежно глянул на трибуны, на ложу князя. — Князь на месте, — сказал он разговорным тоном. — Надеюсь, он тоже спустится погладить зверей. — И очень тихо: — Больше ничего я там не вижу.

Тут нахлынула волна знакомств и приветствий. Больше чем обычно было стай, желавших имитации разговора, повторяющих Равне ее самнорские слова. Может быть, здесь на севере до них доходили слухи о Домене, и если князь Чистота еще не ведет дел с людьми, то скоро будет. Равна посмотрела на публику и подавила стон. Даже если не разрешат подходить по второму разу, церемония может продлиться не меньше, чем представление на Нижней Станции.

А может быть, и нет: охрана князя затрубила.

Амди посмотрел в княжескую ложу.

— Князь Чистота объявил конец публичного представления. И собирается осчастливить нас личной аудиенцией.

Стаям, которые уже заплатили, подход был разрешен, но стража прозрачно им намекала, что лучше бы пройти побыстрее, развернутая болтовня не приветствовалась. Одна голова приближающейся стаи опасливо посматривала на

ложу князя.

Равна заметила, что Джефри что-то поет Амди, вне поля зрения княжеской ложи. Амди вытаращил глаза от удивления. Махнул Шелковинту, чтобы убрал Ритл:

— Нечего ей мешаться в мой разговор с князем.

Он распределился по освободившемуся месту и очень внимательно смотрел, как по своей личной лестнице спускается один за другим князь Чистота.

Джефри стоял рядом с Равной, подобравшись. Он смотрел в сторону князя, но на самом деле *поверх* его элементов. Отсюда лучше было видно, что там в глубине ложи, чем если стоять прямо перед ней. И когда последний из Чистоты сошел по ступеням, не осталось препятствий между Равной и Джефри и той тайной, что пряталась внутри.

— Там ничего столь высокого, как человек, — прошептал Джефри.

Да, но *что-то* там было, и теперь оно частично выступило из тени. Равна все еще не могла толком разглядеть, что это, но похоже было на синглета. В отличие от элементов князя этот был одет в очень темный плащ. И это создание не

пошло за князем вниз по лестнице.

Равна посмотрела на Джефри, он слегка пожал плечами. Если этот синглет все время находился в ложе, князю трудно было сосредоточиться на представлении.

— Разные обычаи? — сказал он тихо. — А может, личные чудачества князя.

Князь шел через арену, и последние простолюдины очистили ему путь. На трибунах тоже никого не осталось, но сколько-то стай еще толпились на улицах, ведущих на площадь, настолько близко друг к другу, насколько это еще комфортно для стай. Другие выглядывали из окошек окрестных домов. Публики было еще много, но как-то она притихла, будто хотела сделать вид, что ее тут нет. Равна заметила, что Амди исподтишка играет с лампами, чтобы прожектор сопровождал идущего через площадь князя. Это должно было выглядеть как жест почета — и одновременно напоминание о том, что существуют силы, ему неизвестные.

Одежда князя Чистоты резко отличала его от простолюдинов. Пелерины и куртки сшиты были из шкур сотен ласок. Равна видала такие меха в Домене, но лишь в виде штанов и одиночных накидок. Процесс отделки мехов создавал белый

цвет, который у Стальных Когтей ценился за чистоту, — хотя для человеческих глаз он больше казался грязновато-бледным, гнойным.

Князь приближался, и две стаи его стражи широким кругом обступили Амди и людей. Амди был вынужден сомкнуться, но к Джефри и Равне стражи не подходили — эта привилегия осталась властителю. Чистота подошел на несколько метров, явно щурясь в свете прожектора. Он был пятеркой, излишне тучной, если не считать щенка, который держался позади, сверкая бусинками глаз над холками других. Четверо взрослых на секунду сели, мотая головами в такой манере, в которой Равна распознала самоуверенную улыбку. В отличие от некоторых стай из публики князь не мог полностью преодолеть настороженность перед двуногими и послал вперед два своих элемента — подойти к Джефри и Равне поближе. Эти двое потерлись о человеческие ноги, пощупали ткань одежды. Отходя, синхронно толкнули Равну — рука Джефри поддержала ее.

— Эй! — пискнул Амди аккордом.

Князь что-то булькнул в ответ. Амди стал переводить речь аристократа. Голос для князя он выбрал подобострастный и хитрый:

— Без дурных намерений, господин хозяин цир-

ка. Должен сказать, эти создания очень шаткие и едва на ногах держатся.

Передовые элементы князя продолжали окружать Равну и Джефри, но на расстоянии вытянутой руки.

Амди фыркнул, сумев сделать возмущенный вид, и его межстайная речь совпала с его же самнорским переводом:

— Мы честные артисты, мой господин. Разве мы не устроили вам выгодное представление?

Амди со значением ткнул головой в корзины с выручкой, которую сейчас пересчитывали княжеские сборщики податей, укладывая в закрытые тачки.

Князь Чистота тихо заухал — смешок, который Амди не счел нужным переводить в человеческий звук. Князь забулькал дальше, Амди синхронно перевел:

— Да, конечно. Мой народ насладился каждой минутой зрелища и щедро заплатил за него. Но вы на несколько часов заняли мою центральную площадь. Перекрыли все движение. Мы — торговый город, дорогой мой цирковой друг. И не можем делать вид, будто не замечаем убытков от вытеснения торговли с рынка.

Амди возмущенно пискнул, на миг выйдя из

образа Великолепного. А тем временем князь продолжал говорить, и синхронный перевод заторопился за ним:

— Так что не следует удивляться, что речь пойдет о дополнительных сборах.

— Разумеется, мы могли бы внести часть нашей оговоренной платы для покрытия этих издержек.

— Прекрасно, прекрасно! — Голос, который Амди придал Чистоте, стал еще противнее. При всем страшном напряжении Амди получал удовольствие, передразнивая этого негодяя. — Уверен, что мы что-нибудь придумаем. Эти законы… в конце концов, их принимаю я. Обсудим завтра подробнее.

— Завтра? Но ваша светлость, если соблаговолите вспомнить, весь смысл нашего выступления был в том, чтобы расплатиться за припасы и утром отправиться в путь.

— О, боюсь, это будет невозможно. Вы слишком ценны для нас, чтобы вот так просто раствориться в ночи.

Амди застыл в нерешительности. Что он мог сделать? Из-под павильона заверещала Ритл. Это не был фокусированный звуковой удар стаи, но визжала она громче любого человека. Она

прыгала на конце поводка, выкрикивая какие-то повелительные слова. Поддерживала она своих коллег-циркачей или же орала что-то вроде «Держи вора!» или «Хватайте их!»?

Амди смотрел во все стороны. Простолюдины вернулись с широких улиц обратно. Некоторые из них налетали друг на друга, борясь за места под навесами и в дверях. Головы смотрели вверх и на юг.

Амди растянулся, вторгаясь в личное пространство двух стай-стражей. После секунды молчания по нему расплылась понимающая улыбка.

— Я вам показывал охранную грамоту, ваше сиятельство.

Князь Чистота пренебрежительно хмыкнул. Если он знает, что они беженцы, охранная грамота ничего не стоит. Но Амди продолжал:

— Я также имел честь сообщить вам, что нахожусь под защитой Домена Резчицы. Эта страна, быть может, кажется отсюда очень далекой, но те звуки, которые слышались над вашим княжеством вчера ночью, издавал магический летающий корабль королевы Резчицы. Вы смеялись, когда я сказал об этой защите. Смеялись, когда я предположил, что этот корабль может вернуться за нами. Теперь прошу вас подумать

об этом еще раз.

И Амди замолчал, будто сделав разгромный, выигрывающий ход.

На самом деле у Чистоты ни одного эффектного ответа не нашлось. Улыбаясь почти той же повелительной улыбкой, что и Амди, он тоже раздвинулся, почти удвоив занимаемую площадь. На миг они смотрелись как два мошенника, пытающихся переблефовать друг друга. А потом Равна заметила, что обе стаи смотрят в ночь, все в одну сторону, как и стаи вокруг площади. Амди и Чистота раздвинулись только потому, что *слушали*.

Равна и Джефри повернулись, посмотрели друг на друга. Уже час, как стояла темная ночь, сквозь плотные тучи не было видно ни звездочки. А сейчас… даже для глухих человеческих ушей… слышались паровые турбины воздушного корабля.

О Силы, только бы не Невил.

Амди и князь стояли в тех же гордых позах, все так же улыбаясь друг другу. Охранники Чистоты натягивали доспехи — может быть, они были не так уверены, как их господин.

Зззззззззззз.

Звучало так же близко, как и утром, но с некоторым фоном, которого тогда не было.

— Их там два, — сказал Амди своим детским голосом.

Звук нарастал, доносясь из тьмы. Воздушный корабль приближался вдоль южной дороги, плавно спускаясь на площадь. Места для посадки кораблям Тщательника хватило бы, но стаи на борту выставили шесты — отталкивать корабль в сторону на край открытого пространства. Восемь элементов — две стаи — вывалились наружу, держа в зубах причальные концы. Они засуетились вокруг, привязывая корабль к изваянию Чистоты.

Амди играл с лампами, и множество прожекторов озаряло корпус корабля цветными пятнами. Корабль был виден людям спереди, но Равна видела конструкцию, созданную «Внеполосным» на основе самолетов мириадов землеподобных миров и оптимизированную для этой планеты.

— Он слишком мал, чтобы… — начал было Амди, но его прервал смех князя. От края площади к кораблю бежал синглет. На секунду Равна подумала, что вырвалась Ритл. Но это создание было побольше и в темной пелерине. И вышло оно из ложи князя. Амди направил на него прожектор, проводил лучом, пока оно не исчезло среди стай, спустившихся из самолета. И когда света было

достаточно, Равна заметила золотистый блеск среди глянцевой черноты пелерины.

Только одна ткань в этом мире могла так выглядеть. Значит, украденные радиоплащи не пропали, а…

Турбины приземлившегося судна загудели и умолкли, а жужжание другого продолжало нарастать. Равна смотрела в темноту над южной дорогой: второе судно было чуть больше первого, и его круглое сечение почти заполнило пространство между зданиями. Амди направил свет лампы на него, настроив на рассеянный свет, чтобы увидеть размеры предмета.

Равна поняла, что Шелковинт был, наверное, прав сегодня утром, говоря, что людей над ними не было. Банда Невила была, вероятнее всего, за двести километров отсюда, все еще в Новом замке на Холме Звездолета. Но там же и Резчица и все, кто мог бы их спасти. Свет лампы Амди показал узор, нарисованный на передних окнах второго корабля: диск планеты, окруженный богоподобной стаей-дюжиной.

Глава 31

Противостояние между Чистотой и Амдирани-фани кончилось не совсем так, как мог бы хотеть князь. Прошло несколько минут, пока экипажи кораблей проверяли привязь: статуи князя были более хрупки, чем казалось на вид. Синглет в радиоплаще переходил от одной наземной команды к другой. Он вел себя совсем не так, как виденные Равной ранее синглеты. Ни громогласной чуши Ритл, ни тупоумного молчания, как у менее речеспособных фрагментов. Кажется, он говорил со стаями вполне разумно.

Наконец со второго корабля спустили лестницу, и вышла стая — четверка с небольшими телами. Каждый ее элемент нес пару палок, похожих на стволы арбалетов. Палки были привязаны к спинам, и металлические трубы чуть не доставали до плеча. Равне зрелище показалось чуть глуповатым, пока она не поняла, что это легкое огнестрельное оружие — очень похожее на то, что она создала вместе с Тщательником. Оруженосная стая приблизилась к князю Чистоте, и синглет в радиоплаще шел с ней почти бок о бок.

Стая и синглет остановились, вежливо не дойдя до князя нескольких метров. Когда синглет заговорил, в ушах у Равны зазвучала речь Амди:

— Похвально, моя добрая стая. Ты задержал беглецов достаточно надолго.

Князь Чистота забулькал в ответ:

— Но ценой больших издержек, господин мой. Мы все пострадали, закрыв нашу Большую Площадь так надолго, притворяясь, будто нам нравится это чудовищное представление. Не сомневаюсь, что мы заслужили справедливое дополнительное вознаграждение за эти неожиданные неприятности.

Равна сурово глянула на Амди:

— Врешь.

— Клянусь, — ответил Амди. — Именно это и сказал Чистота.

— О да. Чистота именно т-так глуп, как говорит твоя восьмерка.

Новый голос принадлежал перепуганной девочке, хотя смысл слов был саркастический. Это синглет говорил по-самнорски.

Амди покачнулся на задних лапах, направив все глаза на синглета:

— Кто ты?

Теперь синглет заговорил взрослым голосом,

смутно знакомым:

— Скоро узнаешь, мой толстый друг.

Радиоплащ покрывал почти всю шерсть синглета, но и вообще трудно идентифицировать стаю по одному элементу. Остаток стаи где-то далеко, и все в радиоплащах.

Но откуда этот голос маленькой девочки?

Князь Чистота смотрел на них на всех, может быть, понимая, что больше ему тут ничего не понять. Он повторил требование денег, но уже осторожнее. Синглет в радиоплаще засмеялся и показал мордой на тачки с уже собранной монетой.

Какое унижение! Чистота встал в героическую позу, гнойного цвета мантии взметнулись, распушившись. Его солдаты вокруг площади взяли арбалеты на изготовку. Но с кораблей спустились еще две стаи с ружьями, и местные громилы пожухли. Очевидно, они уже видали, что эти огнестрельные штуки могут натворить. Чистота обвел взглядом стражу, толпу. Сбавив тон, он пошел прочь с площади, чопорно и с достоинством. Конечно, сегодняшняя история будет переписана в его позднейших речах, но лишь когда противоречащие факты уберутся подальше. Стаи его охраны потащили с площади выручку. Толпа

разошлась, хотя Равна еще видела прячущихся в тени простолюдинов. Они смотрели с боязливым восхищением.

Стаи Магната оставили Джефа, Амди и Равну одних в центре площади, а синглет в радиоплаще руководил обыском павильона и циркового фургона. Обыскивающие взяли оба интерфейса и все эмиттеры ламп, даже те, что были установлены на дальнем конце площади. Красивый цирковой фургон разбили топорами. *Странно,* — подумала Равна, — *никогда не считала крашеное дерево и истертую резьбу красивыми, пока их не разнесли в щепки.* Синглет в радиоплаще явно был равнодушен к народному искусству, но операцией руководил очень продуманно, считая, очевидно, что могут быть найдены и другие волшебные игрушки. Но нашлись только карты.

Тем временем Ритл выпустили из павильона. Она обошла осколки фургона, вид у нее был озадаченный и, быть может, грустный, но вскоре она уже стала давать советы стаям, держащим топоры. Когда стало понятно, что речи ее неинформативны, синглет в радиоплаще отвел ее в сторону. Они коротко поговорили, потом Ритл издала радостный вопль и пустилась, приплясывая, к кораблю с эмблемой Магната. Она пробежа-

ла через центр площади, булькая даже громче обычного. Влетела в личное пространство Амди и бросила какой-то вопрос. Амди кинулся ее выгонять, щелкая зубами.

На той стороне площади синглет в радиоплаще сказал ей что-то повелительное. Ритл попятилась, поглядывая на Амди и склонив голову набок — совсем как собака. Потом она повернулась и побежала дальше к кораблю.

— Амди, что сказала Ритл?

Амди сбился в ощетинившуюся кучку, злобно глядя вслед убежавшей Ритл.

— Не хочу это обсуждать, — сказал он мрачно.

Все технические игрушки, в том числе карты, погрузили на борт корабля с эмблемой Магната. Синглет в радиоплаще вернулся в центр площади. За ним пошла одна из вооруженных стай и Шелковинт. Остаток стаи предъявлял какие-то претензии, и все время возникал аккорд «понимание лояльности». Синглет просто не слушал. Он посмотрел на людей и заговорил взрослым голосом — тем же, что и раньше.

— Такая долгая погоня, и вот — она счастливо закончилась. Пойдемте. — Он двинулся к первому кораблю, потом споткнулся и обернулся. Голосом маленькой девочки объявил: — Поправка. Люди

грузятся на борт корабля Магната…

…писк, треск, бульканье.

Это была команда стаям с ружьями.

Одна из них повела Равну и Джефри через площадь, другая преградила путь Амди и Шелковинту. Синглет обернулся к Амди:

— Не ты, жирненький. Ты на *мой* корабль пойдешь.

Джефри развернулся:

— А ну, минуту! Мы все будем вместе, или…

Он навис над синглетом, тот отпрянул, сел на камни мостовой. Один из элементов вооруженной стаи шевельнул плечами, спаренный ствол сдвинулся вперед, глушители впереди головы. Другой встал сзади, глядя на Джефри вдоль стволов. Равна заметила, что еще один член той же стаи внимательно смотрит на нее.

Синглет неловко встал на ноги, но голос взрослого человека прозвучал весело:

— Значит, вы *не будете* вместе. Толстяк и остаток поедут со мной.

Джефри глянул на уставленные на него дула, и руки его сжались в кулаки.

Амди обошел своего друга, выводя его из противостояния:

— Джефри, надо. Прошу тебя, ничего со мной

не случится.

Но Равна заметила, что Амди дрожит.

Синглет засмеялся, начал было что-то говорить, а потом его голос опять приобрел интонации маленькой девочки:

— Т-ты не б-бойся. Т-тебе мой к-корабль понравится.

Джефри разжал кулаки и отступил. Гнев у него на лице сменился удивлением.

— Этот вот, — он показал на синглета, — вообще никто! Это просто сеть коммуникаторов!

Амди кивал головами:

— Какое тупое применение радиоплащей. Мы даже и думать не могли, что они так…

— Хватит! — скомандовал синглет, и вооруженные стаи стали подталкивать арестованных к их летучим тюрьмам.

У самого корабля воздух вонял нефтяным топливом. Пахло точно так же, как смесь Тщательника. Но промышленный плагиат Магната был неполным: трап был шириной в стаю — грандиозен по сравнению с конструкцией Тщательника.

Интересно, додумались ли они до стабилизации водорода в подъемных мешках?

На середине лестницы она обернулась и посмотрела на площадь. Князя Чистоты не было

нигде видно, но зато присутствовали горожане и крестьяне, наблюдающие из тени. *Потрясающее сегодня было представление.* Эта мысль неотвязно кружилась в мозгу. Синглет в радиоплаще еще стоял на земле у второго корабля, Шелковинт и большая часть Амди уже зашли на борт. Две головы Амди смотрели в сторону людей, и он что-то ободряюще чирикнул.

Джефри нагнулся и выглянул из-под изгиба корпуса, помахал Амди рукой. Потом стая, идущая за Равной, качнула стволами, и Джеф пошел дальше вверх, Равна прямо за ним. В корме загудели, раскручиваясь, турбины.

Корабль Магната был совместным плодом воображения Стальных Когтей и инженерной реальности исходной конструкции «Внеполосного». Пассажирская гондола была грубо разделена на два уровня, и получившийся интерьер декорировали в пышном стиле Восточного Побережья. Главный коридор отделали полированным мягким шпоном (облегчает слушание, сами понимаете), с частыми поворотами с мягкой обивкой — стаи могут между собой разминуться с минимальным ментальным дискомфортом. Потолки в основном высоты метр тридцать — для Стальных Когтей просторно, но человеку не

выпрямиться.

— Интересно мне, что думает Невил, когда прибывает с визитом? — спросил Джефри.

Обоих людей запихнули в… ну, надо отдать справедливость, это можно было назвать отдельной каютой. Расстояние от двери до внешнего корпуса порядка двух метров. Стены с толстой обивкой, достаточно толстой, чтобы стая чувствовала себя уютно, даже когда по обе стороны на расстоянии сантиметров находятся в своих каютах другие пассажиры.

— Похоже, союзники Невила уважают его настолько же, насколько он уважает их, — ответила Равна.

В корпусе имелась пара пятнадцатисантиметровых иллюминаторов — достаточно широко расставленных, чтобы у наблюдающей стаи был хороший параллакс. Корабль повернулся, луна плеснула по каюте светом.

— Тут в углу какая-то металлическая крышка. — Равна подняла ее — слегка запахло туалетом, и шум турбин стал громче. Равна засмеялась: — Отдельная каюта со своим туалетом.

Удобства на борту летающего дворца Магната можно было бы считать адекватными — если не думать о тех, кто живет внизу.

Джефри подполз к корпусу и выглянул в иллюминатор. Его лицо при луне казалось бледным пятном.

— Кажется, летим на юг. Второго корабля я не вижу. — Он еще секунду смотрел, потом отвернулся от иллюминатора. — Ничего нет! Я очень за Амди беспокоюсь.

— Не знаю, Джеф. Вроде бы Магнат обращается с нами достойно.

Но даже саму Равну не убеждал ее наигранный оптимизм.

Джефри покачал головой:

— Это пока что. Две стаи разговаривают с помощью радиоплащей. У той, которая взяла Амди, голос как у обучающих программ «Олифанта». И я ручаюсь, что это Хранитель.

Равна склонила голову.

— А второй голос, девочка…

— Вот это был Магнат. Практически он сам сказал. И имел наглость сказать это голосом одной из своих жертв.

Стаи часто выбирали человеческий голос по своему первому учителю языка, но голос девочки был испуганным, высоким, почти неузнаваемым.

Как долго надо пытать жертву, пока язык не

выучишь?

— Гери Латтерби, — тихо сказала Равна.

Наконец предположения и бесполезные попытки строить планы сменились беспокойной дремотой. Джефри неловко ворочался на подстилке каюты. Конечно, никто из них встать в этом тесном пространстве не мог, но зато хотя бы ширины хватало, чтобы Равна могла лежать ровно. Джефри повезло меньше. Даже упираясь ногами в крышку туалета, он все равно не мог вытянуться.

Ровно гудели двигатели воздушного корабля, и сочувственно отзывались им пол и стены. Наконец пришел сон.

Рассвет оказался на удивление ярким. Равна проснулась, совершенно ничего не понимая. Где это она находится, что солнце играет на расшитых подушках? Потом донеслось гудение двигателей. Равна огляделась. Джефри молча смотрел на нее с другой стороны этой крошечной каюты. А солнце светило из двух иллюминаторов. «Подушки» — это была акустическая обивка каюты, и их мягкая ткань была расшита красивыми ландшафтами… и почему-то Равна заняла на полу почти все место.

— Ой, прошу прощения, — сказала она, отодвигаясь на свою сторону. — Я не хотела так разлечься.

Джефри только пожал плечами, но она заметила, как он быстро занял освободившееся место, придвигаясь к иллюминатору. Через минуту он сказал:

— Повсюду облака, но мы все еще движемся на юг. Так что теория, будто у Магната ставка на Восточном Побережье, похоже, неверна. Я думаю…

Его прервал шум — что-то катилось по главному коридору. Через секунду поднялся засов двери, но сама дверь оставалась закрытой. Кто бы ни был в коридоре, он вежливо стучал, издавая аккорды, которые Равна определила как радостную просьбу разрешения войти.

Джефри повернулся на коленях, подполз к двери и отодвинул ее в сторону. За дверью стояла некрупная четверка, одетая в синие пелерины — очевидно, форма такая. Она отступила чуть испуганно, но потом — может быть, потому, что глаза Джефри были на одном уровне с ее, или потому, что стала изображать храбрость, два ее элемента выдвинулись вперед, держа поднос с едой.

— Двадцать три минуты. Двадцать три мину-

ты, да?

Слова были произнесены голосом Гери Латтерби, но звучали как механически запомненные. Да и не похожа была эта стая на палача.

Еду подали в мягких деревянных мисках, и состояла она из переваренных овощей и супа из сыворотки. Равна решила, что выбирал ее кто-то, знающий из вторых рук о людском питании. Но вкусно было — невероятно. Странно, что в лапах Магната она сейчас ела с большим аппетитом, чем за все время после похищения. На миг она все забыла за едой. Подняв глаза, она увидела, что Джефри уже закончил и смотрит на нее внимательно. Он что-то говорил?

— Ага. Так что, как ты думаешь, должно случиться через двадцать три минуты? — спросила Равна.

Нас поведут на допрос? Или придут за грязной посудой?

— Не знаю. Но пока что давай посмотрим, что тут видно.

Он вернулся к иллюминатору. Равна доела завтрак и подошла к другому окну. Солнце сейчас уже не светило в лицо, и видно было чистое небо над бесконечными сверкающими облаками. За много километров отсюда горизонт перерезал

грозовой фронт. Детали терялись из-за кривого стекла — еще один пример, что получалось, когда Магнат переделывал конструкцию «Внеполосного».

Вдруг шум турбин стал громче и подул холодный ветер.

— Джефри!

Он как-то сумел *открыть* иллюминатор! Теперь Равна заметила металлические петли и замки.

— Преимущества простой техники, — сказал он.

— Ага.

Конечно, это не опасно. Высота не более трех тысяч метров, скорость относительно воздуха — пара десятков метров в секунду. Она открыла щеколду на своем иллюминаторе и втянула стекло внутрь. Рев двигателя стал оглушителен, по каюте закружились вихри холодного воздуха. Зато ничто не мешало смотреть. Равна уставилась в облачную завесу, разглядывая детали.

Джефри смотрел вниз, насколько возможно круче.

— Кажется, они нас везут к Хору!

На миг разум Равны заглянул куда дальше физических окон. Значит, Невил сговаривается

с каждым из противников Домена. Но кто тут главный негодяй?

— Ух ты!

Голос Джефри был приглушен ветром, но вернул ее к теперешней картине. Грозовой фронт стал ближе и становился все больше, громоздился лабиринтом светлого на темном. Летая со Странником на антигравитационной шлюпке, Равна часто пролетала мимо таких штук — Странник любил летать в восходящих потоках больших бурь.

Тембр турбин изменился. Корабль менял курс, уходя от шторма, но при этом теряя высоту. Вскоре облачное одеяло стало туманом, набегало на корабль. Тряска усиливалась.

— Надеюсь, эти ребята свое дело знают, — сказала Равна.

— Может, это и имел в виду стюард, говоря про двадцать три минуты.

Да, вежливое предупреждение.

Облака смыкались вокруг темной стеной. Какое-то время корабль летел вперед, гудя турбинами. Продолжая спуск? Облака вошли прямо в каюту, Равна почувствовала, как конденсируются капли воды на лице и ресницах. Снаружи полыхали синие молнии, размытые плотным

туманом. Загремел гром, палуба накренилась. Миски мотались по всей каюте.

Молнии слабели, и через несколько минут корабль вышел из облаков снизу. Там ниже еще были тучи, но как размытая пена над серовато-зелеными глубинами. Дождь равномерно лупил по корпусу. При повороте и спуске стал виден другой корабль. Он спешил следом, держась примерно в тысяче метров в стороне, но был почти невидим, кроме моментов, когда его подсвечивало сияние далеких молний. Джефри молча глядел в ту сторону.

Постепенно гром и молния отдалились, но прежняя плавность хода корабля не вернулась. Его швыряло вверх и вниз, как лодку на океанской волне, только куда резче и беспорядочнее.

Равна с Джефри почти не отходили от иллюминаторов, глядя, как лес сменяется джунглями и болотами. Летели они так низко, что сквозь тонкую завесу дождя видны были цветы на верхушках деревьев и птицы, расхаживающие по открытым болотам. Очень похоже было на природные зоны экваториальной Ньоры, когда Техники боролись и с эксплуататорами, и с эпидемией, которая выкосила их до последнего. Равна поглядела на Джефри. Как же мало из той

истории можно было перенести сюда!

Джефри будто и не заметил ее взгляда. Он смотрел вниз пристальнее, чем раньше.

— Все равно не могу понять, что здесь делают Хранитель и Магнат. Кажется, мы уже на самом пределе, южнее когерентной стае не уцелеть.

— Откуда ты знаешь?

— Когда мы пролетаем над реками, удается заглянуть под деревья. Там поселения Хора — по крайней мере я думаю, что это они. Проникнуть в конгломерат таких поселений и сохранить разум не может ни одна когерентная стая. Посмотри — вон там, возле деревьев. Похоже, это плавающие обломки.

— Да.

Равна отметила перемену в структуре речного берега. Там и сям возникали угловатые контуры, которые вполне могли быть зданиями. Примерно час они летели над поселками на открытых местах. К сумеркам поселки стали сливаться, а лес сменился бесконечным хаосом растительности, болот и чего-то вроде хижин.

К тому времени как показался стюард, снаружи настала ночь — и в каюте было темно как в пещере. Имелась небольшая масляная лампа, но, кажется, неработающая. Помимо доставки ужи-

на, стюард показал им, как ее зажигать. Очень жизнерадостная была четверка, совсем не такой тюремщик, как могла бы ожидать Равна.

После ужина дождь ослабел и, как ни странно, воздух начал постепенно теплеть. Погасив лампу, люди вернулись к иллюминаторам. Молний больше не было, но не было и ни луны, ни звезд. Время от времени внизу светилось что-то вроде костров. Воздух в иллюминаторах нес слабый запах компоста и сточной канавы.

— Спускаемся, — сказал Джефри. — Очевидно, сядем в самой середине всего этого.

Но миновал час, другой. Под усиливающийся дождь и нарастающие порывы ветра Равна и Джефри уснули.

Щелкнул, открываясь, дверной засов. Кто-то царапался в дверь каюты. Равна с трудом проснулась, мало что соображая. Стюард постучал бы вежливо и запел бы, чтобы они проснулись.

Джефри приподнялся на локтях.

— Что случилось? — спросил он, но очень тихо.

— Может быть, приземляемся наконец?

Равна заметила, что сама тоже шепчет. Бессмысленно — стая по ту сторону двери отлично услышит.

Осторожное царапанье продолжалось.

Равна выставила руку, предупреждая, но Джефри уже был у двери. Коридор за ней освещала единственная керосиновая лампа. Видны были два элемента, но только силуэтами. Один сунул морду внутрь, заглянул. Потом протиснулся мимо Джефри.

Силы над нами, это была Ритл! И такая тихая, какой Равна ее никогда не видела. Синглет оглянулся через плечо и сделал жест кому-то — стае? — снаружи.

Не стая. Это был кусок Радиста, и плащ его отблескивал в свете лампы. Радиосинглет помедлил, очевидно, сообщаясь со своими удаленными работодателями. Потом пролез мимо Ритл и засуетился в темноте, явно не очень умея пользоваться эхолокацией. Каждый раз, наступая людям на ноги, он отдергивался, но тут на полу было слишком мало места, свободного от людей. В конце концов носитель радиоплаща прижался у стены.

Ритл задвинула дверь почти полностью, потом растянулась в ногах Равны и голову прижала к узкой щели в двери, будто слушая, что там в коридоре. При свете лампы из коридора Равна видела хорошо, хотя для Стальных Когтей каюта

должна была казаться темной. Радиосинглет серьезно нервничал. А Ритл? Ну может, она была тихо испугана, но скорее всего это была звериная настороженность.

После паузы Джефри сухо — но тихо! — спросил:

— Ну, так кто тут у нас?

Радиосинглет оглянулся на звук и будто успокоился.

— Джефри, здесь только ты и Равна?

Слова были едва ли громче дыхания… но голос принадлежал Амди.

Джеф тихо охнул:

— Амди? Как ты там? И как…

— Тсс! Надо очень тихо. Если накроют вас, это будет почти так же плохо, как если меня. Но у меня все в порядке, особенно сейчас, раз я с вами говорю. Частично нам повезло, что Хранитель нездоров — какой-то вирус, вызывающий рвоту. Вот почему вы его не видите лично: разговаривает он надменно, но половиной пастей блюет. Как бы там ни было, но двое из меня забились в каютку отдыха Ута. Ут и Ил — это носители радиоплащей на этом корабле. А у вас там — Зек. Как бы там ни было, мы приоткрыли дверь, а остальные мои элементы рядом. Это вполне до-

статочный путь для звука, чтобы я мыслил ясно.

Джефри секунду помолчал, оглушенный таким поворотом событий.

Ритл в другом конце каюты тихо забулькала — не поднимая тревогу, просто ее обычное брюзжание. Усталый голос Амди отметил:

— Ох уж эта Ритл. Даже когда помогает, все равно как гвоздь в стуле. — И вернулся к разговору: — Джефри, нам надо попытаться поговорить. Есть вещи, которые ты должен знать, и другие, которые мы должны продумать.

Равна услышала торопливые и вопросительные интонации в этих словах.

И Джефри, конечно, тоже это услышал.

— Амди, все в порядке. Как ты это сделал? И кто этот самый Радист в плащах?

— Утзекфирфорфуртариил — создание Хранителя, хотя Магнат об этом не знает. Хранитель думает, что он, держа под контролем сеть-Радиста, дергает всех за ниточки.

Равна подозрительно посмотрела на Зека:

— И что тут не так?

Зек протранслировал очень человеческий детский смех Амди:

— Как ты думаешь? Да сам Хранитель. Он умен, но он самый сумасшедший и самый злобный

отпрыск Резчицы. И он все еще полностью самцовый.

— Все еще? — переспросил Джефри. — Любая другая стая такой конструкции себя бы разрушила много лет назад. Это чудо для Хранителя и катастрофа для всех.

– *Не обязательно,* — возразил Амди. — Даже его прислужники его ненавидят. Как бы там ни было, но Хранитель не так умен, как прежний Свежеватель. И уж и близко не так умен, как *я*. — Голос Амди был полон уверенности в себе. — Дня не прошло, а я уже нашел способ разговаривать так, чтобы Хранитель не слышал. Вот так я связался с Утом, под самыми носами Хранителя. Вот так мы и утащили плащ Ута, когда он был не на дежурстве. Конечно, помогло, что большая часть Хранителя в это время блевала. — Голос его поумерился. — Хранитель уже сообразил, кто такой на самом деле Шелковинт. Аж запрыгал от радости, когда понял. Ой, Джефри… — Он просто захныкал, никакой уверенности не осталось. — Джефри, это тут не в цирке выступать. — Хныканье резко оборвалось, и он продолжал: — Это то, что я должен сделать. И я сделаю все, что в моих силах. Обещаю.

Джефри начал говорить какие-то утешитель-

ные слова, но его перебил другой голос:

— Я помогать.

— Кто говорит? — спросила Равна.

Настала минута долгого молчания, полная ощущений тяжелого дыхания и жара животного тела. Потом голос Амди пояснил:

— Уверен, что это какая-то часть Утзекфирфорфуртариила. Хранителя он ненавидит всеми своими элементами.

— Но ведь его используют как линию связи? Сколько же ума у него может быть?

— Как линия, кольцевое соединение или концентратор он совершенно туп — годится только для целей Хранителя. Я думаю, если бы предоставить его самому себе, оказался бы умнее многих стай. Но он не был в сборе с тех пор, как его соединили псари Хранителя.

Джефри присмотрелся к Зеку получше.

— Но даже частично соединенный, он сумел что-то выучить по-самнорски. Или он просто болбочет, как Ритл?

Амди фыркнул (голосом Зека).

— Он куда умнее, чем эта синглетная идиотка. На самом деле — и этого факта Хранитель не знает — большие куски Радиста когда-то имели общую радиосвязь. Сейчас на этом корабле его

всего трое — недостаточно для большого ума. Но он при соответствующих атмосферных условиях может связаться с несколькими другими и быть почти полной личностью. Это нечасто случается, и Радист скрывает это от всех, кто его использует.

— Хм! — сказала Равна. — Интересно, достаточно ли он умен, чтобы сыграть Принцессу-Притворщицу.

— Как? — спросили одновременно Амди и Джефри. И Ритл тоже вставила свой вопрос, повторив за ними.

— Прошу прощения. — Она нарушила свой собственный запрет на Принцесс. — Страумеры это называют «Свой среди врагов».

— О да, — ответил Амди. — Я об этом подумал. Проблема в том, что Хранитель приучил все его элементы следовать определенным протоколам трансляции. Интеллект у Радиста в лучшем случае переменный. В некоторые моменты он может быть достаточно сообразителен для синхронной лжи. А в другие — упустит мяч.

Джефри кивнул:

— И если он хоть раз споткнется, игре конец.

— Верно.

И голос Зека сказал поверх голоса Амди:

— Кроме того, я плохо умею быть личностью, даже если бы мог думать сразу всем собой.

Голос Амди:

— Вся его жизнь — пытка, но если он когда-нибудь себя соберет, я ему буду завидовать. Это наше радиобудущее! А я радиоплащи даже никогда еще не пробовал!

Равна улыбнулась. Амди никогда не оставлял мысли завести собственные радиоплащи. Даже на краю пыточной ямы эта неудовлетворенность не давала ему покоя.

— Амди, когда мы выберемся из этой истории, я тебе обещаю комплект для тебя лично. Ты… все вы сотворили здесь чудо.

Даже Ритл.

— Ага, — кивнул Джефри. — Амди, мы сможем встретиться снова? Без риска?

— Я что-нибудь придумаю, сейчас мы слишком долго говорим. Только еще одно напоследок: и Хранитель, и Магнат оба страшны, но они очень разные, и Хранитель об очень многом Магнату врет. Он не хочет допустить твоего разговора с Магнатом, и ближайшая для тебя опасность — что Хранитель тебя ликвидирует. Он бы тебя убил еще у князя Чесотки, если бы не было так трудно скрыть это от Магната. Когда ты попала

на корабль к Магнату, он был очень зол.

Должна же быть и хорошая сторона?

— Можно ли Магната обратить в союзника?

После долгого молчания пришел ответ:

— Может быть. Но понимаешь, Магнат реально, на самом деле ненавидит людей. И одного человека особенно.

Равна подумала, что мог сделать Магнат с маленькой Гери. Если этак эта тварь поступает со слабыми врагами…

— Так кто же его враг номер один? — спросил Джефри.

— Джоанна.

— Как?

— Почему?

— Не знаю! — Голос у Амди стал жалобный. — Джоанну всегда больше всех людей любили в Домене — прости, Равна, но ты знаешь, что сделала она для ветеранов. Но ты была бы второй!

— Спасибо на добром слове. — Она глянула на Джефри: — Надо во всем этом разобраться.

— И чтобы не убили.

Это, кажется, сказал Радист, но не согласиться было бы трудно.

— Да, — согласился Амди. — А теперь мне пора. Я…

Амди будто замешкался, потом Зек пискнул и свалился поперек Равны. Ритл что-то ему тихо булькала, он молчал.

Джефри погладил Зека лбом, примерно как стая пытается поднять своего раненого элемента. Равна не ожидала особого эффекта от такого жеста в исполнении человека, но через минуту Зек отодвинулся обратно к стене, покачиваясь и не очень соображая.

— Наверное, очень резко потерял связь, — сказал Джефри.

Равна не слышала в коридоре тревоги. Без Радиста их действия какое-то время могли не заметить.

— Там у Амди вполне может быть все в порядке.

Джефри кивнул.

— Но этих двоих надо вернуть туда, где им положено быть.

Он что-то сказал Зеку — нечто похожее на гудение и насвистывание одновременно, но разных мелодий. Равна совершенно не понимала, как это у некоторых Детей получается такая координация. Но Зек непонимающе покачал головой. Джефри Олсндот говорил на межстайном лучше всех, кроме Джоанны, но любая стая не сразу

понимала человеческие попытки говорить на ее языке.

— Ладно, — сказал Джефри, переходя на самнорский. — Ты меня понимаешь?

— Я слышу, — ответил Зек.

— Амди?

— Нет.

— Отвечает осмысленно, — заметила Равна. — Может быть, у него есть связь с кем-то из других элементов.

Джефри кивнул.

— Ты сейчас один?

Зек еще раз непонимающе затряс головой. Джефри глянул на Ритл.

— Вместе эти двое, возможно, могли бы вернуться туда, откуда пришли… по крайней мере если не налетят на кого-нибудь, кто потребует объяснений.

— Сюда они добрались нормально.

— Да, но Радист объединял почти все свои элементы, и с ним был Амди. — Он помолчал. — Но если Зек сейчас почти один, то есть одна вещь, которая может получиться. В конце концов, Ритл — уже отчаявшийся синглет, а Радист — наверняка достаточно свободная душа.

Джефри протянул руку и осторожно погладил

Зека по плечу. Потом сунул руку под плащ и отодвинул его, открыв плечевую мембрану.

Зек дернулся, присвистнув. Куча острых зубов оказались в сантиметрах от лица Джефри.

— Не надо волноваться, — тихо, рассудительно сказал Джефри… кому? — Если плащи такие, как были у Свежевателя, то у Зека вокруг мембраны воспаление. Я постараюсь быть очень осторожным. А Зеку придется мне довериться.

Он снял плащ с левой стороны Зека. Тот дрожал, но не кусался.

Джеф перебросил левую сторону плаща через спину Зека.

— Ты действительно не в контакте сейчас, малыш? — Он посмотрел на Равну. — Попытка наудачу, но ничего другого не могу придумать.

Он махнул рукой Ритл, подзывая ее поближе. Та заколебалась — может быть, еще раз прислушалась к звукам в коридоре, потом поползла к Джефри. Глаза Ритл были устремлены на Зека, голова напряженно поворачивалась из стороны в сторону. Джефри отодвинулся с дороги, потом потянул обоих созданий к себе, сближая их. Теперь они оба почти полностью сидели на Равне.

Ритл издала стайный аналог возгласа отвращения, потом забулькала, тихо возражая. Теперь,

когда Зек выпростался из-под плаща, его мыслезвуки были достаточно громкими для любого рядом находящегося элемента. При такой близости выбор был невелик: драться, бежать, сливаться. Для обычных элементов стаи «сливаться» было бы самым маловероятным исходом. Даже в такой отчаянной ситуации эти двое вели себя как дебютантки, которым предлагают извращение.

— Ну, блин!

Человеческие слова донеслись будто из пространства между элементами.

— Синхронизировались! — Голос Джефри был полон удивления. — Ты меня понимаешь?

— Ну да.

Голос был скорее раздосадованный, чем испуганный. Может, Ритл плюс Зек оказался умнее каждого из них в отдельности, но от радости двойка не прыгала.

— Ты потерял контакт с остальными своими?

— Больно… шум. Радио потерял.

— Зекритл? — позвала Равна. — До своих кают сумеете добраться?

Ответом было озадаченное мотание головами.

Джефри перефразировал:

— Вернуться обратно? Тихо и чтобы никто не видел?

Двойка переглянулась.

— Да. Будем делать.

Они перебрались через Джефри и Равну — сложный танец, имеющий целью, чтобы открытый бок Зека был доступен слуху Ритл. Ритл опустила голову и открыла дверь. Через минуту она уже стояла в коридоре, повернувшись так, чтобы можно было думать совместно.

Зек вышел следом, но зацепился плащом за косяк двери. Джефри помог ему отцепиться. Сам выглянул в коридор, загораживая вид Равне. Она услышала, как кто-то тихо сказал:

— Пока-пока.

Джефри смотрел еще несколько секунд, потом закрыл дверь, вставил засов и покачал головой:

— Силами клянусь, очень похоже, как Тами с Уилмом возвращаются из паба.

Он лег обратно, помолчал.

— Знаешь, может, просто аккумуляторы подсели. Рации Тщательника так отказывают. Если долго не видят солнечного света — сразу *хлоп*! Без сообщений об ошибке, без резервной малой скорости — просто замолкают.

— Да, — согласилась Равна. — Наверняка эти плащи очень долго были в работе и сейчас садятся.

Она еще помолчала, придумывая невинные причины для явно глобального отказа. Такое вполне могло бы быть.

Через минуту Джефри сказал:

— Ох, Амди, Амди. Не надо было тебе быть героем.

Глава 32

На следующее утро к двери пришел стюард, а не вооруженный стражник.

— Наверняка с Амди тоже ничего не случилось, — сказала Равна.

В это надо было верить.

Воздушный корабль шел ниже обычного, облачный покров поредел. Солнце светило косыми туманными лучами, вспыхивая фрагментами радуг, когда находило в зеленоватой темноте дождевые струи.

Город раскинулся насколько хватало взгляда. Он был все еще хаотическим, как свалка, но Равна теперь ощущала скрытые в ландшафте закономерности. Если не смотреть, из какой дряни город построен, можно было говорить о красоте этого столкновения леса и плесени, притворяющегося огромным городом. И даже детали не все были противными. Слышался запах кухонных огней, и еда пахла *отлично*, почти перекрывая висящий в воздухе запах сточных вод.

— О Силы! Равна, посмотри: они там просто роятся!

Большая часть улиц скрывалась в окружающих строениях, но Равна видела… площади? Метров пять-шесть в поперечнике, но они соединялись с кое-где попадающимися открытыми местами пошире. Вдали было видно даже такое открытое место, площадью в гектар, что могло быть вымощено камнем. Стальные Когти были повсюду — на крышах, на улицах, на площадях. Мириады и мириады их, но сбились так тесно, что никак здесь не могло быть стай.

— Десять лет назад тут было иначе, — сказала Равна. — «Внеполосный» сделал снимок, когда подлетал к планете. — Тропики тогда были только на фотографиях всего диска, и в облачном покрове над джунглями почти не было просветов, но… — То, что мы тогда видели, было куда менее населено и выглядело как-то… проще, наверное.

Она молча смотрела, думая. Здесь, на планете, нет возможности, чтобы сам по себе Хор был суперинтеллектом. Если на то пошло, то даже не было технологий связи, позволяющих поддерживать глобальное сознание: мыслезвук через этот мегаполис шел бы несколько минут. И все же это была какая-то форма групповой деятельности. Толпа была то плотнее, то реже, и плотнее не только там, где особи собирались возле куч гни-

ющей растительности, заполнявших площади поменьше. Кое-где видна была земля, и там элементов разделяли метры пустого пространства. Такие открытые места не могли предназначаться для когерентной мысли, поскольку не было никаких стаеподобных скоплений. А было почти как если бы… Она присмотрелась к одной пустой зоне, не отрывая глаз, пока воздушный корабль плыл мимо.

— Видишь эти пустые зоны? Они движутся.

— Что?

— Посмотри сам. — Поскольку у них был лишь свой маленький иллюминатор у каждого, показать рукой она не могла. — Смотри вдоль этой улицы.

Она уходила вдаль, петляя, почти не заслоненная окружающими строениями, и было понятно, что только ее Равна может иметь в виду.

— Хорошо, смотрю… вижу пару разрежений в толпе. — Он посмотрел еще с минуту, пока улица была видна. — Да, — сказал он наконец. — Мне кажется, зоны, где толпа реже, медленно движутся. Хм… Я так понимаю, что тебе случалось видеть такое в дотехнических городах. Там какие-то полицейские распоряжаются движением?

— Я не думаю, что это регулировка движения.

Эти области сжимаются и расширяются, не только движутся. Посмотри вот на эту площадь.

Какой-то момент открылся почти идеальный вид на то, о чем говорила Равна. Разрежение толпы вплыло из боковой дороги, и площадь *вместе* с улицей стали чуть менее запруженными. Стальные Когти слегка сдвигались к краям улицы. Потом они стали двигаться обратно к середине, и там стало так же плотно, как всегда, но разрежение пошло распространяться вдоль боковой улицы.

— Да, — медленно согласился Джефри с удивлением в голосе. — Волны плотности идут через город, просто мы видим их лишь на улицах и площадях.

— Как будто там танцуют под музыку.

И правда Хор.

Корабль стал выполнять медленный плавный поворот, и в иллюминаторе проплыла территория, только что бывшая прямо впереди. Теперь ближайшая земля была скрыта низкими облаками, но вдали сияли столбы солнечного света… и высвечивали такое большое здание, которого Равна на этой планете еще не видела.

— О Силы! — сказала она тихо. — На фотографиях и близко такого не было.

Они находились еще слишком далеко, чтобы рассмотреть подробности, но основное строение имело форму тетраэдра. Края у него были неровные и покосившиеся, но *в целом* пирамида была совершенно прямая. Местами поверхность сияла золотом даже в дымке. Пирамиды поменьше стояли у основания большой, каждая, вполне возможно, больше города Новый замок, — и по углам этих пирамид стояли еще меньшие. Все меньше и меньше — Равна проследила прогрессию до пределов собственного зрения.

Корабль снова стал поворачивать — пирамида скрылась из виду.

— Вон второй корабль, — сказал Джефри.

Второе судно было далеко внизу. Оно спустилось в облачный покров, взвихрило поверхность, как ныряющая рыба морскую пену. Потом корабль скрылся, и через секунду корабль Равны и Джефри последовал за ним в облака и затем вырвался в дождливое серое утро. Земля внизу совершенно не была похожа на лабиринт трущоб или великую пирамиду. Равна увидела шпили и купола, похожие на дворцы правителей Восточного Побережья.

Наверняка именно здесь Магнат и Хранитель играют с местными в богов.

Прямо впереди лежал открытый участок, плоский, как стол. Летное поле можно узнать на любой землеподобной планете с низким уровнем технологий, только это было испорчено руслами дождевых потоков и несколькими большими лужами.

В конце поля высилось пять строений. Они были небольшими по сравнению с пирамидой, но каждое вполне могло вместить воздушный корабль. И двустворчатые двери двух из них сейчас были раздвинуты.

Хранитель стоял у посадочной мачты своего корабля и смотрел, как наземные экипажи зачаливают корабль Магната.

До чего же я ненавижу тропики!

Эта мысль всплывала каждый раз, когда он сюда возвращался. Жара и влажность были хуже, чем ему за всю жизнь приходилось испытывать, и утренняя морось по здешним местам считалась улучшением погоды! Кусачие насекомые, кишечные паразиты, личинки, внедряющиеся в живое мясо, болезни всех видов (сами вызванные микроскопическими хищниками, если верить всегда бодрому компьютеру). Раньше его никогда не рвало, а сейчас это случалось регулярно. За первые годы после переезда сюда Хранитель

двух элементов потерял из-за болезни. И найти подходящие замены было достаточно трудно, несмотря на бесконечный поток сырого материала для выбора.

И все же… часть Хранителя глазела влево, на величественный дворец, построенный для него Магнатом. Такого великолепия Хранитель не мог бы себе позволить на севере, где над ним висел смертный приговор Резчицы. Но теперь, когда два его элемента были тропиканцами, иногда он действительно чувствовал к этому месту безумную привязанность. В компьютере Хранитель читал о естественном отборе. Понятие и замысловатое и очевидное, но совершенно не радует, когда применяешь его к себе. Страшно осознавать, что если его триумф будет отложен на достаточно долгое время, то он эту адову дыру будет ценить выше севера!

А пока приходилось приноравливаться и к климату, и к Магнату. Местный фрагмент Радиста стоял в нескольких метрах, обеспечивая связь с великим Магнатом. Уту было еще хуже, чем Хранителю, — отчасти из-за тяжелого глухого плаща, который этому созданию приходилось носить, отчасти из-за страха в глазах. Ут был обучен бояться, повиноваться и хранить тайну. Уроки по

необходимости приходилось давать закрытые, невидимые тем, кто не принадлежал к внутреннему двору Хранителя. А после вчерашнего Ут смотрел с еще большим страхом. *Что вздумала эта скотина, играя с ключами от каюты?* Стражники сказали, что он был без плаща, значит, все, что он делал, было лишено разума и ограничено кораблем. И это единственное, что спасло Ута от положенного и окончательного наказания, как бы подозрительно ни выглядела его смерть в глазах Магната. Но суровое дисциплинарное взыскание ему вынести пришлось. Никакие отклонения терпимы не будут.

Ут боязливо придвинулся. Когда он заговорил, это была трансляция уверенного и требовательного голоса Магната.

— И не забудь, Хранитель, чтобы обоих двуногих доставили мне. И что осталось от Ремасритлфеера — тоже.

Нет сомнения, что Магнат с комфортом разлегся у себя во дворце. Понятие этого сукина сына о «сохранении стиля» было простым: всю тяжелую работу делает Хранитель. И восемь лет практики не облегчили необходимости приспосабливаться к дураку, но Хранитель сумел ответить уважительно:

— Я вас понял, господин Магнат. Их корабль сейчас причаливают.

— А что там за стаи, которых взяли вместе с людьми?

Хранитель ждал этого вопроса. При правильной игре не будет необходимости их освобождать.

— Преданные им тупицы. Но я в конце концов смогу устранить людское влияние.

Ут передал вздох.

— Вот так очень часто получается с этими двуногими чудищами. Интересно, как они вообще кого-нибудь могут обмануть?

— Их *технология* дает им невероятное преимущество, господин Магнат.

— Это верно. Но в конечном счете от меня она их не защитит.

Хранитель скривился. С Магнатом дольше минуты нельзя поговорить, чтобы он свое «я» не выпячивал. Конечно, в частности из-за этого им так легко манипулировать.

— Ваше время придет, господин… я вижу, на корабле открывается люк. У меня наготове фургон, чтобы доставить людей прямо к вам.

К счастью, дальнейший разговор Магната не интересовал, и больше пресмыкаться не пришлось. Хранитель стоял у посадочной мачты,

но растянулся так, чтобы видеть выходящих из второго корабля пленников.

Ритл. Все, что осталось от Ремасритлфеера. Он смотрел, как величественно идет по бетону синглет — никчемный мусор, но все еще способный доставить хлопоты.

Равна и Джефри. Когда не стало Джоанны, эти двое стали из всех людей самыми опасными. Все, что он создал, они могут развалить. Из допроса Амдиранифани и остатков Булата он узнал, как Читиратифор провалил свое задание.

И все же чистое решение было возможно, если бы Магнат не влез в поиск сбежавших. А теперь? Вероятно, хорошо, что эти двое не у него в тисках. Искушение с ними покончить было бы невыносимым — а он, увы, сильно подорвал к себе доверие, убивая других узников, порученных ему Магнатом.

Он смотрел вслед рикше, увозившей двух человек и синглета. За ней следовал охранник Магната.

Что же в этом разгроме осталось положительного? Амдиранифани. Пожалуй, идеальный заложник и уж точно увлекательная жертва. Раздавить гения — это, пожалуй, самое большое удовольствие, особенно в данном случае, когда

жертва все еще думает, будто может на допросе перехитрить своего палача.

* * *

Когда приземлились корабли, Тимор Ристлинг в своей камере не спал. Раннее утро принесло не только обычный дождь, но еще и приятный ветер. Может быть, сегодня не будет так невыносимо жарко. Он сидел в западном окне, радуясь дождливому ветру и стараясь не обращать внимания на боль старых ран и ушибов. Да, болят, но если им поддаться, никакой жизни не будет.

Тюрьма Тимора находилась в одном из четырех шпилей, окружающих дворец Магната. Это была самая высокая точка в Резервации — хотя пирамида Хора была настолько выше, что солнечным утром почти весь дворец скрывался в ее тени. Из своего западного окна Тимор видел летное поле, пруд с каракатицами, дальше — фабрики. Тимор оплел ногами ближайшую подпорку окна и крепко уперся спиной в стену. Просто сидеть на подоконнике так высоко — уже было восхитительно страшно.

Послышался шум первого воздушного корабля. Он спускался к мачте напротив ангара Хранителя. Ну, на самом деле официально ничего Хранителю

не принадлежало, но он управлял этой землей и пристройкой к дворцу со всеми ее обитателями. Было чудо, что Гери пережила все эти декады.

Причальная команда привязала первый корабль. Тимору они напоминали межпланетные грузовики, летающие на антиграве, и от этого сходства становилось грустно.

Когда-нибудь. Когда-нибудь, только бы у Равны получилось… и мы сможем вернуться в Край.

Из первого корабля вышло несколько стай — и сейчас приземлялось второе судно. Магнат, что было для него необычно, ничем не намекнул, чего следует ожидать. В принципе это должно было значить, что Тимор почти в полном неведении, потому что очень мало стай во дворце Магната говорит по-самнорски. С другой стороны, каракатицы давали ему случайные подсказки в своей бессвязной манере, и Тимор стал специалистом по построению теорий на основе умолчаний и проговорок, хвастовства и милостей Магната. Пять дней назад эти два корабля снялись и улетели. Магнат организовал утечку информации о том, что на борту Хранитель. Значит, вероятнее всего, планировалась акция против людей. Если людей на борту этого второго корабля не будет… что ж, это может быть очень дурной знак.

Из второго корабля кто-то выходил! То ли синглет, то ли маленький человеческий ребенок. Зрение у Тимора было почти такое же плохое, как у среднего элемента стаи, и с уверенностью он мог сказать только то, что этот пассажир — не стая. Тимор слез с подоконника и взял бинокль, который подарил ему Магнат. Прибор был тяжелый и, естественно, без какой бы то ни было стабилизации или усиления. Тимору пришлось подольщаться, чтобы добиться от Магната соединительной рамы — тот брюзжал насчет неудобства работы с ограничениями людей, но Тимор понимал, что втайне он радуется возможности покрасоваться. Он утверждал, что бинокль — изобретение его братской стаи, сделанное больше десяти лет назад.

— На самом деле вы, люди, нам не нужны, и вы это сами знаете.

Это Магнат повторял часто.

Тимор пристроил бинокль на подоконнике и стал в него смотреть, но видел только кусок мокрого от дождя бетона. И никаких признаков маленького первого пассажира. Ага, теперь ему была видна часть воздушного корабля. Главный люк был скрыт под закруглением корпуса, но у входа стояла стая. Она смотрела на что-то, что

считала важным. Тимор пригляделся, изо всех сил стараясь, чтобы оптика не дрожала. По ступеням резво спустилась вооруженная стая, опустив дула вниз, но глядя во все стороны. Похоже было на господина Навскидку, который обычно сторожил Тимора.

Потом вышел человек. Мужчина, высокий. Отсюда трудно было… нет, Джефри Олсндот! *Но я же думал, что он из мерзавцев Невила?* Мысль мелькнула и вылетела, потому что появился второй человек.

Равна!

Тимор сгорбился, на миг отведя бинокль. Когда он снова нашел Равну, она уже спустилась вниз. Кажется, она опиралась на Джефри. Видеть ее здесь — ничего лучше он себе и представить не мог… или ничего хуже? Станет понятно, когда он увидит, куда ее поведут. Навскидку повел Равну и Джефри к небольшой тележке-рикше. Синглет уже сидел там.

Рикша поехала прочь, Навскидку пошел за ней. И направлялись они сюда, к дому Магната! Рикша скрылась из виду под башней. Тимор еще какое-то время смотрел на воздушные корабли, но видел только экипажи и стаи обслуживания.

Тимор соскользнул на пол, забытый бинокль

лежал у него на коленях. Может, надо было смотреть дальше, но он был слишком занят мыслями о том, что это значит и что он должен сделать. Надо было сказать Гери и решить, как говорить с Магнатом. Тимор стал лучше угадывать, как этот воротила будет реагировать на те или иные события — пусть даже *причины* реакций не всегда ясны. Раньше Тимор пытался объяснить, что Равна — очень хорошая и должна быть союзником. Это не очень получалось, хотя Тимор был уверен — или *почти* уверен, — что Магнат ее не убьет на месте, как поступил бы Хранитель.

Вдруг его обуяла жажда действовать — план составится по ходу дела. Он встал на ноги и положил бинокль в футляр с бархатной обивкой. Камера Гери была над его камерой. Взобраться по лестнице всегда было непросто, хотя по ступеням для Стальных Когтей это проще, чем по человеческим. Сетовать по этому поводу не имело смысла — не было способа сделать ступени удобнее для его недоразвитых ног. Если бы Магнат относился к Тимору всерьез, он бы его просто перевел куда-нибудь из башни.

На узкой лестнице было прохладно, стены и ступени отсырели и стали скользкими. Дверь наверху была металлическая с резиновым

уплотнением. Тимор вежливо постучал, потом приоткрыл ее.

— Гери, привет. Это я, Тимор. — Вообще никто другой не мог бы прийти к этой двери. — Можно мне войти?

Ответа не было, но Гери вообще отвечала только в очень хорошие дни. Тимор открыл дверь совсем и вошел в холодную полутьму. На самом деле по меркам Домена здесь было вполне тепло, но на добрых десять градусов холоднее, чем снаружи, и воздух в отличие от того, что на лестнице, был относительно сух. Тимор сам несколько декад прожил в этой комнате — пока его не достало отсутствие окон и неудобства, связанные с выходом на жару и возвращением в камеру. У Гери будут те же проблемы, если… *когда* она достаточно оправится, чтобы выйти оттуда.

— Гери?

Шевельнулись тени, высунулась голова.

— Она здесь. Говорит приходить нет.

Это была тюремщица — не особенно блестящая умом четверка, но одна из немногих стай, кое-как говоривших по-самнорски.

— Привет, Тюремщица!

Он попытался пробулькать-просвистеть ее имя.

Обычно Тюремщица улыбалась — болтала головами, но нравится ей это или забавляет, Тимор никогда не мог понять. Стая собралась вся вместе по одну сторону кровати. Гери начинала метаться, если ее окружала какая-нибудь стая. Тимор сел на другой край кровати, Гери шевельнулась под одеялами, сжалась, отползая от него. Она намеренно смотрела мимо и Тимора, и Тюремщицы. Очевидно, у нее был плохой день, когда она не выносила прикосновений, тем более объятий.

Черт, не повезло. Но кому-то он должен был рассказать. Тимор положил руку на край одеяла, которым была укрыта пятилетняя девочка. Она была на годы моложе Тимора, но он был лишь чуть выше. Когда-то Гери наверняка поняла бы, что Тимор старше, просто так и не вырос. Сейчас она зачастую путала его, кажется, с друзьями по Академии. После проведенного с Хранителем времени она много что путала и о многом отказывалась думать.

— Гери, у меня хорошие новости. Здесь Равна! Я сам ее видел!

Фиалковые глаза повернулись к нему, какая-то далекая эмоция промелькнула на хмуром личике. Тимор любое выражение, кроме страха, считал позитивной переменой. Кажется, девочка

задумалась о его словах.

— Что она говорила?

Хм. Разумный и обескураживающий вопрос. Гери умеет такие задавать. Он вспомнил четырехлетнего ребенка там, в Домене. Как она там все время обо всем спрашивала!

— Я еще с ней не говорил толком. Сейчас пойду к Магнату, может быть, я ей смогу помочь.

Еще пауза, но Гери не отвернулась.

— А можно мне с тобой? А Эдви можно? Мы тоже будем помогать.

Магнат ей нравился, но это был первый раз, когда она заговорила о том, чтобы пойти к нему. Эдви, к сожалению, был мертв почти наверняка.

— Не в этот раз, Гери. Я должен идти к нему прямо сейчас. Но я ему скажу, что тебе нужна Равна.

Интерес в глазах девочки погас, но через секунду она сказала:

— Ладно.

Лестница вела вниз только до веранды на середине башни. Когда Тимор туда добрался и вынырнул в жару, это было как прыгнуть в бассейн с очень теплой водой.

Эта веранда была единственным путем в башню или из нее — и только в том случае, если уговоришь охранников с ружьями тебя пропу-

стить. Одна из этих стай сейчас выстроилась вокруг двери, бесстрастно разглядывая Тимора. Тимор помахал ему рукой и обошел, хромая, несколько метров закругления, где сидела другая стая — сегодня это был господин Снайпер, — сторожа кабину лифта.

— Привет, Снайп! Мне вниз надо, к Магнату.

Снайп покрутил головами с официальным раздраженным видом. Обменялся ухающими и булькающими звуками со стаей у дверей. Стаи-стражники очень не любили оставлять здесь только одного охранника. С другой стороны, Магнат установил правило, что Тимора нельзя отпускать разгуливать одного. В конце концов Снайп — как и следовало ожидать — сдался. Четверо его элементов поднялись, один открыл двери лифта, двое других взяли Тимора за штаны и рубашку, чтобы он не провалился в щель между верандой и кабиной. Эти ребята считали тремор Тимора куда опаснее, чем он был на самом деле. Он только однажды упал, да и то на лестнице…

Трос лифта протянулся от ниши на башне по диагонали вниз к некоторой точке на куполе дворца. Поездка всегда захватывала дух, кабина слегка покачивалась, и ничего не отделяло ее от поднимающегося навстречу купола, кроме

тридцати метров пустого воздуха. Магнат говорил, что лифты — это еще одно изобретение из длинного списка его брата. Может быть, но тонкий трос был создан из обожженных камышовых волокон единственно правильным методом — и *этот* трюк наверняка был украден со звездолета Равны.

Через пять минут он оказался в приемном ангаре на уровне личной резиденции Магната. Господин Снайп не возразил, когда Тимор срезал путь через аквариумный зал, хотя настоял на том, чтобы самому идти и спереди, и сзади.

Они прошли всего шагов пять, как каракатицы его заметили:

— Тимор, привет! Эй, Тимор! Эй, эй, эй!

Писклявые голоса зазвучали поблизости, понеслись от двери, через которую он вошел, вдоль стен аквариума, до самого дальнего конца зала, где эти писклявки его еще даже не видели.

Тимор старался как можно быстрее пройти проход между подтекающими стеклянными емкостями. В любой другой день он бы остановился поглазеть и поболтать. Аквариум соединялся с бассейнами и ручейками летного поля водяной лестницей, так что сюда часто приходили новости из очень далеких мест. Каракатицы — со-

здания совершенно поразительные. Один конец у них покрывали глаза, а остальную часть тела занимали щупальца. Сотни их кувыркались и вертелись, клубясь стаями вслед за ним. *Детки, у меня времени нет!* Приветствия перешли в вопросы. Каракатицы не лишены разума, но он у них другой. Они рассеяны и небрежны по отношению к собственной жизни, но они владеют межстайной речью. Магнат утверждал, что, когда их открыли впервые, они говорили на диалекте стайной речи Южных Морей. Когда Тимор стал с ними разговаривать, они немножко выучили самнорский.

Два элемента Снайпа побежали чуть вперед. Один выглянул за угол в сторону зала аудиенций Магната — и вдруг вся стая будто выстроилась на парад, и ее стальные когти заклацали по полу в унисон. Впереди происходило что-то странное. Тимор сбавил шаг, заработав раздраженное шипение двух задних элементов Снайпа.

Он высунулся из-за угла. Двери зала аудиенций были закрыты! Вряд ли когда Магнат так поступал. Он любил бродить туда-сюда и балагурить с каракатицами. Но не сегодня. Очевидно, он как следует запустил кондиционеры — как бывало, когда он хотел произвести на кого-нибудь впе-

чатление. Что ж, это хорошо.

К сожалению, у дверей стояла стая, сурово глядя на пришедших. Это был начальник Снайпа, который когда-то был канцлером во дворце Резчицы. Тимор вытянулся как только мог и подошел к нему. Два элемента Снайпа подошли за ним строем, потом слились с теми, которые прошли вперед. Все четверо остановились по стойке «смирно». Маневр Снайпа предполагался четким и внушительным, но Тимору это казалось игрой собачек с привязанными к спине игрушечными ружьями.

Он вышел вперед, подошел к стае-начальнику. Ему действительно нужно было войти в эти двери. Если Магнат непредвзято выслушает Равну, они все вернутся домой свободными. Беда в том, что Крупный Деятель иногда бывал в плену предвзятых мнений, и Хранитель этим всегда старался воспользоваться. *А что, если Хранитель тоже там?* Тимор подавил эту мысль.

— Привет, Начальник. — Он показал на двери: — Магнату я нужен прямо сейчас. Помогать подбирать слова.

Начальник смотрел на него бесстрастно. У него не было чувства юмора, а сегодня он еще менее обычного был склонен к веселью. Несколько

его глаз смотрели мимо Тимора на Снайпера. Произошел ворчливый обмен мнениями. Тимор уловил только несколько аккордов, а остальное дополнило воображение.

Начальник: Эй, Снайп, у этого двуногого правда приказ от Главного валить сюда?

Снайпер (изо всех сил стараясь сохранить стойку «смирно»): Никак нет, господин Начальник! Сегодня только Тюремщица в башню поднималась.

Начальник обратил все внимание на Тимора и сказал по-самнорски слова, неожиданные даже для воображения Тимора:

— Туда не ходить. Магнат дал настоящий приказ. Мне, про тебя.

Глава 33

Пусть большой дворец Магната оказался не там, где ожидала Равна, но он был именно так грандиозен, как она воображала: огромный, с куполами и шпилями. К несчастью, они с Джефри провели остаток утра на его дальних скромных окраинах, хотя даже Ритл весело повезли на рикше в какое-то более почетное место. Вооруженная стая отвела Равну и Джефри к величественной лестнице двадцать метров ширины, потом куда-то в сторону, под навес. Им принесли еду (ямс!) и что-то вроде слабого пива. Они сидели и смотрели на летное поле, на воздушные корабли и длинные строения за ними, похожие на казармы. Корабли в конце концов завели в ангары, но возле казарм все время появлялись какие-то стаи. Облака унеслись прочь, и солнце светило и *сильно* нагревало предметы даже под навесом. Джефри бродил — в разрешенных охранником пределах, — разглядывая все вокруг, споря с охранником и с приходившим слугой, хотя вроде бы никто из них не говорил по-самнорски. Наконец он вернулся, приунывший, как и Равна.

— Как ты? — спросил он.

— Ничего.

Обстановка была похожа на декорацию Века Принцесс и послужила еще одним ударом по детским фантазиям.

— Я думаю, это что-то вроде психологической войны, — сказал Джефри.

— Нас хотят ослабить?

— Возможно. — Он огляделся: — Знаешь, вот это все вблизи не так уж царственно выглядит. Плесень, потеки воды… Помимо Хора, есть еще немало причин, почему северяне здесь не селились. Может, Хранитель и Магнат сюда прибыли из-за *слабости*. Может быть, сейчас они передвигают мебель, — он ткнул большим пальцем в сторону главного входа, — и вытирают пыль там, где нам покажут.

Хм. Равна посмотрела на ту сторону летного поля. Двери ангара были закрыты, и возле них ничего не происходило. По эту сторону от загадочных казарм лежали гектары открытого пространства, где были видны одна-две стаи, скорее всего удящие рыбу в декоративных прудах. Эта пустота находилась в середине самого густонаселенного места на планете. Было у кого-то политическое влияние, не слабое. Может, это не

подделка и не фасад, а реальность тропиков.

Солнце перевалило за полдень, когда их наконец повели в большой дворец Магната. Да, внутри он тоже был величественным. Куда ни посмотри, метались туда-сюда стаи, и почти у всех их элементов была плюшевая шерсть северян. Равну и Джефри провели через большие комнаты с ковровыми полами, еще по лестнице в комнаты лишь немного меньшие, задрапированные акустической обивкой. Она замечала те мелкие дефекты, о которых говорил Джефри. Слабый запах плесени, потертости на ковре. Но стены взмывали вверх, купол над головой будто парил. Магнат и компания много переняли трюков у проектировщиков Домена и — по крайней мере косвенно — у «Внеполосного».

После четвертого пролета лестницы Равна была бы счастлива вернуться под уличные навесы.

Здесь, наверху, комнаты уже не были большими. Проводник открыл двери, ведущие в короткий коридор. На его дальнем конце у дверей стояла стая. Она была одета в длинные плащи, которые имели бы смысл в солнечный день на севере, но здесь выглядели глуповато. Вооруженная стая повела стволами, приглашая пройти вперед, а двери за ними закрылись.

Это послужило сигналом к открыванию внутренних дверей. *Почти как воздушный шлюз.* Мысль эта мелькнула почти в тот же момент, как из открытой двери вырвался клуб прохладного воздуха. Равну и Джефри ввели в помещение, где не могло быть выше двадцати пяти по Цельсию. Она споткнулась от неожиданности. Эта внезапная перемена принесла и облегчение, и беспокойство. Джефри помог ей пройти через зал к скамьям, поставленным перед группой тронов. Что-то вроде зала аудиенций.

Сквозь грязное стекло светило солнце. Впервые с момента выхода из корабля открылся вид на восток. Высоко громоздилась пирамида второго уровня, но по сравнению с огромностью главной пирамиды она была как подножие. Равне, чтобы увидеть вершину большой пирамиды, приходилось смотреть в потолочные окна.

Странно было увидеть такое в тронном зале. Равне пришлось заставить себя отвлечься от окон. Прямо перед ней возвышались троны. Совсем рядом — одиночное сиденье. Для синглета? Все сиденья были пусты, но не сам зал: справа на наборе тронов поменьше распределилась какая-то семерка. А от нее справа в нескольких метрах находилась еще одна. Сперва Равна подумала,

что это Божидар — но нет, это был не он, хотя одета была стая с той же кричащей роскошью, с которой одевался Божидар в Домене.

Первая стая что-то булькнула вооруженному охраннику и заговорила по-самнорски:

— Не узнаешь меня? — У двух элементов стаи была кудлатая шерсть тропиканцев. — И даже голос, который я использую?

Хранитель. По крайней мере этот голос они слышали от Зека в городе князя Чесотки.

Джефри посмотрел на него каменными глазами:

— Где Амди и Шелковинт?

По стае пробежала улыбка:

— Гостят у меня в пристройке. Помогают моему расследованию. Бояться им нечего. И вам бояться нечего, если и вы поможете. — Он тыкал в них мордами, пока говорил, теперь остановился и сел в позу, выражающую достоинство. — Через несколько минут вам будет оказана честь лицезреть великого Магната.

Тропиканская стая встряла в разговор:

— Я не сомневаюсь, что мы чудесно, чудесно с вами поладим, если будем друг другу помогать.

Речь была живая, не угрожающая, *но где этот тип так хорошо выучил самнорский*?

Но вопрос тут же забылся, потому что охранник весь вытянулся по стойке «смирно» и затрубил, произнося пышный монарший титул. Через секунду за тронами распахнулись двери шириной в стаю, и неспешно вошел единственный элемент, одетый в радиоплащ. Вид у него был сытый, отдохнувший, и это никак не был Зек. Он прошел к низкому сиденью рядом с тронами, и тут же, когда синглет уселся, в дверь вошла массивная восьмерка.

Равна видала столь многочисленные стаи — Амди тоже был восьмеркой, — но несколько элементов этого индивида были крупными, больше, чем Шрам Странника, пусть даже у них был не такой крутой вид. Стая была одета в простые шелковые плащи, которые смотрелись бы элегантно, если бы не пятна потертости. Вошедший расселся на тронах, и все его глаза неумолимо сосредоточились на Равне и Джефри. Значит, вот это и есть стая, стоящая в центре всех проблем за последние годы. Что за личность могла вступить в заговор с Хранителем — и после стольких лет остаться в живых?

Фанфары охранника замолчали, но эстафету подхватил Хранитель:

— Поклонитесь великому…

Из-за тронов раздался сердитый визг, и в зал вошло еще одно существо. Может ли такая многочисленная стая, как Магнат, воспитывать в себе щенка? Нет, это была Ритл — громогласная, как всегда. Она тащила за собой табурет, и Равна поняла ее писк как что-то вроде: «Могли бы и помочь!» Ритл протащила табурет по ковру, к тронам Магната, поставила неприлично близко к Магнату, потом залезла и огляделась. Физиономии у одиночных элементов не особо выразительны, но Ритл как-то сумела выглядеть самодовольной.

Равна посмотрела на Магната — он все еще весь смотрел на нее и Джефа. Стая ждала, когда утихнут Хранитель и Ритл, а когда Магнат заговорил, послышался совершенно неподходящий, полный унижения голос Гери, который они уже слышали от Радиста:

— Я слишком долго этого ждал. — Он переключился на миг на межстайную речь и тут же вернулся на самнорский: — Хранитель, кто из них главный? Кого низложила эта твоя марионетка?

— Меньший из двоих, господин. Равна Бергсндот. Она вела программу разработки изобретений в Домене.

Магнат тихо заухал — аналог хихиканья.

— А, да. Оператор машины. — Он показал на Джефри: — А этот большой? Это и правда…

Хранитель ответил на межстайном. Равна узнала имя «Джоанна» и маркер связи.

Джефри понял:

— Да, я брат Джоанны.

Магнат подался вперед и глядел всеми глазами на Джефри полных десять секунд, а тем временем Хранитель продолжал булькать, уговаривая Магната… что-то сделать. Наконец Магнат встряхнул головами — раздраженный отказ. Отчасти он смотрел на Равну, один его элемент поглядывал на Ритл.

— Вам двоим положено было здесь быть семь декад тому назад. Вместо этого вы убили лучшего помощника Хранителя. Вы убили почти полностью Ремасритлфеера. Потом сумели добраться почти до самого своего драгоценного звездолета. Это была какая-то магическая технология, или же вы куда опаснее, чем даже мой друг Хранитель твердит каждый день?

Джефри помрачнел.

— Ни то ни другое, и ты говоришь ложь. Мы…

— А что рассказывает Ритл? — перебила Равна.

Указанная особа мрачно смотрела на Хранителя — стычка на нижнем уровне. Но необычно

большой процент Хранителя смотрел на нее в ответ. Равне пришло в голову, что Ритл — одно из немногих существ, на которых Хранитель не имеет возможности надавить.

Магнат подался чуть вниз и сфокусировал на ней тихий ухающий звук. Ритл извернулась на него посмотреть, а он сказал:

— Бедняжка Ритл. Я пытался ее перед этой встречей расспросить. Она — разговорщица, но сама не очень умна. Вполне возможно, что она не помнит, как именно погибла остальная ее стая.

Хранитель что-то булькнул.

— Говори на людском, — велел Магнат. — Пусть эти двое нас понимают.

— Слушаюсь, господин. Я только сказал, что мы в конце концов выясним, что сделали эти двое. У меня же есть их слуги для допроса.

Восьмерка отмахнулась от него:

— Хотя вам и удалось сбежать, вы только повредили этим своему делу. Некоторые события прошли мимо вас.

— Не сбежали бы — были бы сейчас мертвы, — возразил Джефри.

— Чушь! — возмутился Хранитель. — Цель его сиятельства в этой экспедиции была показать Равне, что для нее единственный выбор — встать

на сторону Магната.

У Равны возникло чувство, что убийство и заговор здесь идут рука об руку. Она коснулась руки Джефри. *Засунь свою олсндотскую вспыльчивость в бутылку, если нетрудно.* Он помедлил секунду, потом сел на скамью, поняв молчаливый намек.

Равна посмотрела на Магната:

— Ты говоришь, что мимо нас прошли некоторые события. Так чего же ты хочешь от нас сейчас?

— От брата Джоанны — ничего. — Наверное, Магнат не заметил сам, что вцепился когтями в свои троны. — Но от тебя… хочу тебя убедить, что идти против меня и… — Он глянул на Хранителя: — Как зовут эту куклу?

— Невил Сторхерте, ваше сиятельство.

— Да. Выступать против меня и Невила — самоубийство. Вы с Резчицей должны принять грядущий альянс… Да, ты же про это тоже ничего не знаешь?

Равна попыталась улыбнуться:

— Как ты и сказал, мы были оторваны от мира. Какое значение может иметь, буду против или нет?

— Тебе по-прежнему принадлежит лояльность

большей части двуногих. У тебя есть технические знания, которые нам помогут работать с машинами двуногих. И у тебя есть влияние на Резчицу.

Значит, Резчица еще королева, а Невила припер-ли к стене. Он в таком отчаянии, что наконец обнародовал своих иностранных союзников.

Она попыталась выпрямиться, сделать вид, что обладает в мире какой-то силой.

— Со всем должным уважением, господин Магнат, хотела бы поинтересоваться: как вы намереваетесь меня убедить?

Магнат посмотрел на себя, оглядел еще раз в некотором замешательстве.

— Ты смотрела в окна, когда тебя сюда везли?

— Да. Мы видели километры хаоса, потом Резервацию, которую вы построили в середине всего этого. Мы не заметили какое-то секретное оружие?

— Полагаю, что это секретное оружие — *я*. — Голос исходил с другой стороны зала, от тропиканца в пестрых плащах. — Более точно было бы сказать, что я представляю секретное оружие. Я — дар Хора.

— Божидар? — спросила Равна. — Мы тебя другого знали на севере.

— Вы его другого убили на севере, — сказал

Магнат.

Джефри рядом с ней весь дрожал от ярости.

Ложь и правда — как их расплести?

Местная версия Божидара смотрела на них пристально.

— Не трудись отрицать убийство, — сказал он ровным голосом. — Часть того Божидара ускользнула, и ее хватило нам сообщить, что он часть себя оставил для переговоров. Мы знаем, что случилось. Не великая важность. Мы, дары, появляемся и исчезаем, вроде пищевых глыб на городской площади, хотя мы более редки и глобально значимы.

Стая слезла с сидений и обошла другие стаи, обступив людей. Охраннику пришлось отодвинуться, давая место.

Тропиканец подошел к ним без настороженности, как стая, либо знакомая с людьми, либо не боящаяся утратить разум, растворившись в других. В любом случае он не принимал агрессивных поз Магната или Хранителя.

— Наше секретное оружие все время вокруг тебя. Это Хор.

Он показал в высокие окна, на горную цепь пирамид.

— И твоими устами говорит ваш бог?

В голосе Джефри слышалась нотка сарказма. Божидар наклонил голову:

— Нет, нет. Разве что косвенно. Но сегодня к вечеру Хор будет знать все, что здесь говорится. — Стая показала снова на пирамиды: — Вы же видите это собрание?

Равна выглянула в грубо сделанное оконное стекло. Свет солнца падал почти отвесно, играя на золотой поверхности огромной пирамиды.

Голос Джефри прозвучал тихо и пораженно:

— Смотри, Равна! Эти тени — я думаю, это толпы Стальных Когтей.

Отдельные элементы были видны как точки на ближайшей пирамиде второй ступени. На большой пирамиде тысячи смотрелись как тонкие пигментные пятнышки, ползущие все выше и выше. Это превосходило самые невероятные рассказы Странника о Хоре.

— Впечатляет? — спросил Магнат. — Меня — да, а я не слишком впечатлителен.

Равна отвела взгляд от окон.

— ...да, — сказала она. — Но как это может служить секретным оружием? Я знаю, что Тропический Хор существует столь же долго, как и северные цивилизации, но никогда ничего не значил — только барьер на пути по суше между

севером и югом. И никак не может быть, чтобы Хор был хоть чуть умнее отдельной стаи или человека.

Здесь, в Медленной Зоне. В Крае групповые разумы существуют, но даже там они — оцепенелые гедонисты. Чтобы добиться большего, надо уходить в Переход — а там большие групповые разумы лишь один из многих путей к настоящей Силе.

— Ха-ха! — сказал Магнат высоким голосом, будто ребенок дразнится. — Они сомневаются в божественности твоего Хора.

Божидар расселся на ковре вокруг людей и сейчас засмеялся.

— И ты тоже сомневаешься в божественности Хора, о Магнат!

Стая замельтешила в своих клетчатых плащах. В спутанной шерсти были пятна проплешин, вполне соответствующие кричащей одежде. Неуютно должно быть этому Божидару под кондиционерами во дворце Магната. А Божидар продолжал неуверенно, но с некоторой хитрецой:

— Если честно, то все, что помню от Хора я, — это всепоглощающее ощущение благополучия. Мне жаль вас, северные стаи, которые такому

не могут отдаться. Мне еще более жаль людей, которые физически не могут войти в него, даже если бы хотели. И ты, и они так озабочены убийствами, которые совершили люди. Как же мало вам есть что терять, если вы так трясетесь то над элементом, то над стаей. — Он помолчал. — Я подозреваю, что, если говорить о фактах без эмоций, Равна Бергсндот верно про нас сказала. Хор *не умнее* одиночной стаи. Но бывает место и время — бывают каждый день по миллиону раз, — когда он почти столь же умен. И иногда дары Хора — вроде меня — держатся дольше. И это жертва, потому что на какое-то время я остаюсь таким же ограниченным, как вы. Так что — да, Хор как целое может не обладать интеллектом в вашем понимании, но это куда более приятный путь узнавать реальность, чем ваше скудное существование. — Божидар замолчал еще на минуту, почти весь глядя на пирамиду, отлично изображая задумчивость. Вдруг стая встрепенулась. — Мне только что пришла мысль, что вы, люди, могли бы удовлетворить свое любопытство насчет Хора так, как ни одна унитарная стая.

Магнат подался вперед:

— Что это они такое могут, чего не могу *я*?

— Вы, господин, — ответил Божидар, — *могли*

бы испытать ощущение Хора, но маловероятно, что ваши части потом соберутся в стаю с той же индивидуальностью, которую вы так цените. Они же, — он показал лапой на людей, — вполне могли бы подняться туда с толпами. Они могли бы увидеть высочайшую вершину Хора, когда мириады стоят в пределах единой песни, в которой растворятся даже такие, как я. Их разум выживет — из-за того факта, что они, увы, никогда не могут влиться в нечто большее, чем они. И они могут потом рассказать о том, что пережили!

— По-моему, блестящая идея! — подпрыгнул Хранитель.

Магнат сдвинул головы, очевидно, всерьез обдумывая эту мысль.

— Не думаю, что это так просто, как ты говоришь. Несколько лет назад я велел Ремасритлфееру построить закрытую рикшу с мягкой обивкой — такую, чтобы двигать ее можно было изнутри. Идея была примерно такая, что ты предлагаешь, но без людей — и, конечно, рикша не могла бы подняться на пирамиды. Но даже и так проект оказался провальным. Ремасритлфеер не успел отъехать двадцати метров за границу Резервации, как толпы налетели на рикшу и перевернули ее. — Магнат смотрел на Ритл, но

та продолжала равнодушно чистить когти. — Он погиб бы в этом эксперименте, но у нас был привязан к рикше трос, и мы его вытащили до того, как толпа до него добралась.

— Но подумай, какого восторга он лишился! — сказал Божидар, уносимый экстазом впаривания собственной идеи. — Похоже, будто Хор попросту пытался освободить элемента, которого счел пленником. У вас, северян, ходят о Хоре самые страшные мифы, но на самом деле, если не считать пограничных стычек и иногда жертвоприношений на пирамидах, Хор редко убивает иностранцев. Для людей опасности должно быть еще меньше — у этих существ нет мыслезвуков, могущих спровоцировать агрессию.

— Гм, — сказал Магнат. Его любознательность слегка напомнила Равне Тщательника: ничего не казалось ему отталкивающим, если открывалась возможность для эксперимента. — А с двуногими не обойдутся просто как с трупами или с животными, забредшими куда не следует?

— О нет, сомневаюсь, что так может быть. — Божидар махнул головами так, что ветерок пошел. — Я склонен думать, что ни один человек никогда не пострадает в сердце Хора.

Равна глянула на Хранителя, увидела, как тень

улыбки пробежала по тем членам стаи, которые Магнату не были видны. Значит, Хранитель знал, что тропиканец лжет. Они вдвоем отлично постарались вывести ее и Джефри в первый ряд кресел на тропиканских жертвоприношениях. У этого Божидара не было ощутимой ауры злобности, как у Хранителя, поэтому он, быть может, был наиболее опасным из этих двоих.

А Божидар продолжал увлеченно трещать, то ли не видя, то ли игнорируя хитрую улыбку Хранителя.

— Скажу я вам, даже немного жаль, что я не человек. Вы можете подняться на самый верх. Можете увидеть все, что следует там видеть, — и остаться существовать, это запомнив! Может, там есть что-то другое, кроме звуков разума, но так или иначе — вы будете *знать!*

Равна подняла руку:

— Нет, я думаю, мы пас. — Она заметила, что Джефри энергично кивает. — В другой раз, быть может. — *Когда мы не будем пленниками и нам не будет грозить пытка и смерть.* — Как бы там ни было, я поняла тебя так, что Хор и есть секретное оружие Магната.

— Фу! Ты хочешь вдаваться в тупые подробности.

В голосе стаи звучала обида, что не удалось продать им пеший тур на холм жертвоприношения.

— Хватит этой религиозной болтовни, — вмешался Магнат. — Тупые подробности — это очень важная часть. Тут мы сидим, в уюте и прохладе, посреди необъятной смерти разума. Я из безопасности Резервации *веду дела* с Хором. Сочетание его многочисленности и моего гения сделало из меня величайшую в мире силу. — Он показал на элемента в радиоплаще, молча сидящего рядом на табуретке. — С помощью моей радиосети я наблюдаю рыночный домен, десятикратно превосходящий по размерам ваш королевский Домен. Мои фабрики создают больше товаров, чем все прочие предприятия мира, вместе взятые. Я полагаю, вы сами некоторые из них видели. Мое присутствие просто уже невозможно скрывать. Мои изобретения меняют весь…

Ритл сидела до сих пор непривычно тихо, а сейчас вдруг недовольно защебетала.

Джефри наклонился к уху Равны:

— Ритл говорит, что Магнат слишком много бахвалится!

Магнат обернулся к синглету парой голов и булькнул довольно мягкий вариант выражения «сиди тихо». Ритл заворчала, почти как бывало у

костра, но села обратно на сиденье.

Магнат какое-то время смотрел на нее слегка озадаченно.

— Вот этот вот был хорошим работником, когда был целым. — Он переглянулся сам с собой, будто ловя упущенную мысль. — Невил Сторхерте понимает ситуацию. Не пройдет и декады, как мы с ним объявим о нашем союзе. Но даже сейчас, если я смогу тебя убедить в моей силе, тебе найдется место в новом порядке вещей.

— Я была бы рада убедиться, господин Магнат. — *Может ли это быть? Неужто у меня и правда есть способ воздействия на этого воротилу? Ну ладно.* — Нас всегда потрясали твои успехи, хотя мы понятия не имели, как ты их добиваешься.

Стая была польщена.

— Ха. Ну, готовься тогда это узнать. Сегодня я тебе покажу одну свою фабрику. Умножь на тысячу — и ты поймешь, против чего ты выступила Сегодня. Умножь на миллион — и представишь себе Завтра. Ты можешь стать ценным младшим партнером.

— Благодарна. — Интересно, кто дал ей рекомендацию на работу? — Но это вопрос доверия…

— Человек, ты не в том положении, чтобы ста-

вить условия.

— И все же остаются три человека молодого возраста, которых вы взяли.

Хранитель ответил с другого конца зала:

— Обоих людей вернут невредимыми.

— Обоих? — вскинулся Джефри. — Ты сволочь и убийца! А стаи, убитые и изувеченные при похищении?

— Убийств не было, — ответил спокойно Хранитель. — Наши стаи не убивали никого. Разумеется, что мог натворить Невил Сторхерте, мы знать не можем.

Головы Магната без необходимости поворачивались туда-сюда между Джефри и Хранителем.

— Да, — сказал он. — Люди не особенно считаются с жизнью стай. Личинки мерзопакостные… прошу понять правильно: я не люблю двуногих как расу, но считаю, что в деловом сотрудничестве можно объединиться с любым. — Головы дернулись в сторону Джефри. — Почти с любым.

Джефри замотал головой:

— Э, ты хоть скажи нам имена выживших…

Магнат подался вперед, головы вытянулись в сторону Джефри:

— Ты смеешь предъявлять мне требования, ты, Джефри, брат Джоанны? — Голос Гери возвысился

до визга, перешел в нечеловеческое шипение: — Джефри, брат Джоанны, убившей моего брата!

Джефри вскочил со скамьи, но его гнев смыло волной ошеломляющего понимания.

— Брата? Силы над нами, ты брат Описателя Джакерамафана?

Магнат весь бросился на Джефри. Может, спас Джефри тот факт, что Божидар все еще сидел вокруг него. Эта стая издала удивленный писк и брызнула во все стороны, случайно оказавшись на пути нападавших и опрокинув Джефа через скамейку.

Равна нырнула вдоль скамьи, пытаясь блокировать нападение. Она почувствовала, как два элемента Магната ударили в нее, увидела мельком, как другие его элементы лезут под скамью, протягивая когти. Рядом с местом драки неуверенно маневрировал охранник — искал возможность точного выстрела?

— Стойте! Прекратите! — заорала она, но это безумие уже прекратилось само. Продолжалось оно вряд ли больше пары секунд, иначе бы ее тут не было, кричать было бы некому. Магнат обступил ее со всех сторон, но зубы не щелкали. Четверо его элементов оказались по ту сторону скамьи. Они подняли Джефри Олсндота с пола

и посадили на скамью за спиной у Равны. От когтей проступили пятнышки крови на одежде, а две пары челюстей остановились прямо возле горла Джефри.

Джефри сидел совершенно неподвижно. Равна вспомнила, что в детстве Джефри и Амди затевали потешную возню, она переходила иногда в драку, и Джефри запомнил, что самое безопасное — застыть тихо и покорно. И сейчас это точно была правильная стратегия.

Магнат несколько секунд крепко его держал, и голос восьмерки гремел по комнате, шипя и вопя — не на самнорском точно, но и не на межстайном. Наконец Магнат встряхнул Джефри как следует и отступил. Все восемь смотрели на человека еще секунду, потом стерли пену, капающую из некоторых пастей. В конце концов Магнат повернул пару голов к вооруженному охраннику, который стоял, несколько растерянный, и что-то ему булькнул. Равна узнала повелительное наклонение и слово «тюрьма».

Так что сегодня, может быть, экскурсия отменяется.

Глава 34

«Тюрьма» оказалась на самом деле многокомнатным номером возле зала аудиенций. Здесь был водопровод и кондиционер. Есть в этом дворце хоть одно закрытое помещение *без* кондиционера? Принесли ужин — снова ямс и еще пиво.

Когда они остались одни, Равна обошла элитное жилье по кругу.

— Я так понимаю, что к этим стенам снаружи прижаты уши?

Джефри пожал плечами:

— Правда — это как раз то, что надо бы услышать этому ослу. — У Джефри на лице остался длинный кровавый порез от когтей Магната. Секунду подумав, он крикнул: — Джо не убивала твоего брата, черт возьми!

— Но ты и правда думаешь, что он брат Описателя Джакерамафана?

Джефри сел на стул. У сиденья даже была спинка, но не совсем такая, которая была бы удобна человеку.

— Сперва я подумал, что да. А сейчас я вижу,

что эта стая — новодел.

— Что-что?

— Такое слово придумала Джоанна для того, что видала иногда во Фрагментарии. Иногда стая — обычно богатая и глупая — пытается воспроизвести предыдущую форму своей личности, принимая в себя нескольких новых членов.

— А разве это не будет сборная стая?

У этих созданий больше режимов репродукции, чем у любой дюжины рас, которые она знала в Крае.

— Не совсем. Новоделы куда реже. Псари подбирают щенков с высокой вероятностью обрести те же умения и стили мышления, что были в прежней личности клиента. Потом клиент пытается слить себя с этими щенками, получив то, что было раньше. Ты заметила, что четыре элемента Магната намного моложе четырех других?

Равна покачала головой:

— Мне они все кажутся взрослыми.

— Да, они взрослые, но моя теория такова, что четверо старших были когда-то близнецом Описателя Джоанны, получившимся в результате деления. Эта вот стая пытается восстановить то, что было до расщепления. — Лицо Джефа исказилось грустной улыбкой: — Описатель и Странник

были первыми в этом мире друзьями Джо. Ты знаешь, как она его всегда называла: Описатель Джакерамафан, сумасшедший изобретатель. Он был свежим продуктом расщепления и слегка по этому поводу огорчался — как жалеет человек о распавшемся браке.

— И похоже, что другая половина расщепления испытывает те же чувства.

Равна промолчала. Вот типичная история для Амди и его коллекции любовных романов!

Джефри кивал:

— Это многое объяснило бы: построение коммерческой империи — от прежней предпринимательской половины, сумасшедшая изобретательность — это то, что стая воображает про Описателя, и даже смертельная ненависть к людям — как-то Хранитель убедил его, что Описателя убила Джоанна.

Так что Магнат, может быть, и не негодяй… или не от природы.

Минуту они просидели молча.

— Ну ладно, — прервала молчание Равна. — Мы знаем, с чем имеем дело. Это уже как-то лучше. Мы должны убедить его, что говорим правду…

— Не вызывая более насилия. — Он еще раз улыбнулся, теперь уже не безнадежно. — Буду

вести себя очень прилично, без единой провокации.

— И я буду вести себя уважительно. Мы должны выяснить, кто из детей еще жив.

— Да, — кивнул Джеф. — Я за Гери боюсь. У Магната самнорский лексикон взрослый, он явно книги читал. Но голос Гери, когда Магнат его использует, это как признание в…

По крайней мере в пытке, — подумала Равна. Она подняла палец к губам. Если уши прижаты к стенам, то есть много такого, чего не следует говорить.

— И еще одно: как-то мы должны больше узнать о Джоанне.

Джефри слегка кивнул, тщательно подбирая слова:

— Да. Магнат хочет ее гибели — то есть он думает, что она жива. Но вроде бы не знает, где она. И о Страннике тоже никто слова не сказал.

Они переглянулись. Когда Странник и Джоанна отсутствовали вместе, обычно они летали на разведку на антигравитационной шлюпке. Она говорила Джефри о предстоящей экспедиции в устье Шкуры. Джоанне со Странником случалось по целым декадам скрываться возле чужих городов. Скрываться на территории действий

Магната было бы намного труднее, но вполне возможно, что сейчас эти двое… она наклонилась к Джефри и нарисовала круг с точкой на подлокотнике его кресла. Вот здесь.

Он еще раз коротко кивнул:

— Вполне возможно. Надо будет и в эту сторону посматривать.

На следующее утро их разбудила стая, принесшая завтрак. Она нетерпеливо ждала, пока они оденутся и поедят, а потом погнала их из прохладной «тюрьмы» и вниз по всем лестницам, по которым приходилось карабкаться вчера.

Ночью шел дождь, но сейчас небо над головой сияло голубизной. И великую пирамиду, и восход все еще скрывали грозовые тучи. Воздух сочился влагой, но это был, вероятно, лучший момент тропического дня. Но так как в тюрьме было намного суше и прохладнее, Равна не могла как следует оценить момент.

Они с Джефом влезли в рикшу и покатили через летное поле, сопровождаемые обычной вооруженной стаей. С северной стороны поля стояли открытыми два ангара. Возле кораблей возились стаи, но что они делали — с такого расстояния сказать было невозможно.

Может быть, это и не имело значения, поскольку

ку возница туда не свернул. Наверное, это была экскурсия на фабрику, о которой объявил Магнат. Путь их лежал к югу, иногда по мостам, наведенным через ливневые потоки, которые они видели сверху. Утренний воздух был намного чище, чем когда они прилетели, и то, что терялось в облачной дымке, сейчас было видно. Десятки длинных зданий, похожих на бараки. Но даже сейчас Равне самые дальние не были видны.

Когда подъезжали к первому зданию, Равна увидела, что в нем не менее пятнадцати метров от пола до конька крыши и в ширину почти сорок метров. Земля вокруг завалена большими кучами… чего? Отходов? Нет. Совсем рядом — пиломатериалы и полированная металлическая штамповка, все более или менее аккуратно разложено по поддонам. Цепи тропиканцев таскали носилки туда-сюда, перенося… в общем, сырье, чем бы оно ни было, к главному входу. Рикша свернула еще дальше на юг, чтобы не мешать движению.

Они снова повернули и подкатили прямо к углу входа, так чтобы не мешать носильщикам. Под портиком стояла восьмерка: Магнат встречал их лично. И при нем — его радиосинглет и стая-Божидар. В тени — еще одна вооруженная

стая, охранник.

— Слава Силам, — сухо заметил Джефри, — что я не вижу здесь Хранителя.

Насколько можно было заметить, в свиту входила лишь еще одна стая, худощавая четверка.

Вылезая из рикши, Равна услышала детский человеческий голос. Она сперва решила, что это Магнат, но голос вопил:

— Равна! Равна!

Она обернулась — это был…

– *Тимор!*

Мальчик прошел между Магнатом и спешил, прихрамывая, к ней, раскрыв объятия. Равна бросилась по бетону к нему навстречу, Джефри за ней. Они встретились всего в нескольких метрах от поджидающих стай. Равна присела, обняла мальчика, подхватила на руки, прижала его к себе, как ребенка — каким он и выглядел. Сегодня он не стал возражать.

— Как я рада тебя видеть!

— Как я рад тебя видеть!

Поставив Тимора на землю и отпустив, она увидела бегущие по его лицу слезы. Он то ли плакал, то ли смеялся — может быть, все сразу. Через минуту он отвернулся от Равны и шагнул к Джефри.

— Привет, Тимор, — сказал Джефри серьезно и протянул руку. — Как жизнь?

Тимор пожал ему руку:

— Нормально. Ты теперь помогаешь Равне?

— Я… — Джеф глянул на Равну. — Да, Тимор. — И он еще кивнул в подтверждение: — На самом деле помогаю.

— Ты видел Гери и Эдви, Тимор? — спросила Равна. — Как они?

— Гери получше. Мы оба в камерах в главной башне. — Он махнул рукой в сторону дворца. — А Эдви, боюсь… Эдви…

— Эдви Верринг пал жертвой какой-то болезни вроде водянки. Я делал все, что мог, но увы…

Равна подняла голову и увидела, что Магнат в полном составе внимательно на них смотрит. Но голос — голос был тем, которым обычно говорил Хранитель, а синглет в радиоплаще стоял рядом с Магнатом. Равна не смогла удержаться от злобного взгляда на это ни в чем не повинное существо.

— Значит, Хранитель, — сказала она, — Эдви был на твоем попечении? Кто-нибудь видел тело, подтвердил твой диагноз?

При этих ее словах Тимор взял ее за пальцы и сжал их, предупреждая.

Но Хранителя вопрос не смутил. Он ответил с

печальным придыханием:

— Диагноз был очевиден. Впрочем, я сохранил останки, ты вполне можешь их проинспектировать.

Тимор не отпускал руку.

— Непосредственной необходимости нет, — ответила она.

— Ну и хорошо, — нетерпеливо вмешался Магнат. — Тут не ты главная, Равна Бергсндот, — продолжал он. — Я тебя сюда привез выяснить, можешь ли *ты* работать *на меня*.

Часть его смотрела поверх ее плеча на Джефри.

Таким образом, начало экскурсии прошло не слишком гладко, но настроение у Магната менялось так же часто и быстро, как пробегали по небу облака, закрывая иногда солнце.

Людей провели через зал и вверх на длинную платформу, что шла вдоль всей сборочной линии. Магнат настоял, чтобы Равна шла с ним и впереди группы. Теперь в речах восьмерки часто слышались интонации Тщательника, голос гордого инженера, показывающего тонкие детали работы, имеющего мнение решительно обо всем. Его морды мотались, показывая на весь зал:

— Здесь тысяча двести метров в длину, и здесь

две тысячи Стальных Когтей работают полную смену. Этот цех из самых старых, так что электричество сюда не подведено. Вся тяга — от паровых двигателей. Но я ручаюсь, что в вашем Домене нет ничего столь грандиозного, как одна вот эта фабрика.

Да, он даже похвастливее Тщательника. И все же такое настроение Магната было предпочтительнее многих иных возможных.

— Вы совершенно правы, сударь, — ответила она чистую правду.

Дальний конец помещения просто терялся из виду. Сюда влезли бы все производства и лаборатории Тщательника, и еще бы место осталось. На полу внизу не было видно когерентных стай, но Стальные Когти столпились почти плечом к плечу у рабочих мест вдоль линии. Работа шла быстрая, сложная, неустанная, как в той потогонной системе, которую свергли Принцессы. Равна подумала, что бы такое сказать приятное — может быть, восхищенный вопрос? *Стоп*. Была некая деталь картины, не влезающая ни в один из древних файлов. Поток воды по эту сторону сборочной линии, почти прямо под приподнятой дорожкой. Канал точно такой же, как на летном поле, и вроде бы по всей длине зала. Когда солн-

це сквозь застекленную крышу светило в воду, видны были мечущиеся в струе мелкие зверьки, похожие на спрутов.

— А кто эти водяные создания, сударь? — спросила она.

— Это каракатицы! — прозвучал тонкий голос Тимора.

Магнат пожал плечами:

— На межстайном они называются… — Он булькнул простой аккорд. — Это значит «маленькие пловцы с глазами по бокам и хватателями, струящимися с одной стороны тела». Вот эта их разновидность может запоминать и повторять простые фразы. Я их использую для передачи коротких сообщений, когда в нужном месте нет ни одной стаи.

Равна высунулась чуть дальше и посмотрела прямо вниз. Да, у этих созданий огромные стеклянные глаза. Щупальца длинные и все время шевелятся. И почему-то Магнат не находит в них повода побахвалиться? Интересно. Равна снова перевела взгляд на сборочную линию:

— Что делают на этой фабрике?

— Сегодня? Сегодня эта линия настроена на садовые водостоки. Хм. — Он что-то недовольно захмыкал про себя, будто сообразив, что это не

подходит к его величественному образу. Повернул голову и затрещал на межстайном, обращаясь к своему радиосинглету. Как показалось Равне, с вопросом. Синглет несколько секунд помолчал, но когда ответил, бульканье прозвучало куда музыкальнее, чем обычная межстайная речь. Равна поняла, что он пропевает числа, упакованные в аккорды. Табличные данные. Магнат резюмировал по-самнорски: — Та сообщает, что в день делается двести тонн продукта, то есть пять тысяч дождевых водостоков в час. Но на эту партию все равно уйдет еще четыре дня. — Где-то у Магната был радиосинглет, сидящий среди армии клерков. — Дождевые водостоки используются в основном в регионе Хора. Сегодня внутренние продажи — мой самый большой источник дохода, когда сырье поступает бесперебойно. А через четыре дня мы будем делать здесь уже что-то другое. Гибкое производство!

— Да, сударь, — ответила Равна. — Мы видели ваши товары всех видов в Диких Княжествах. — Это была лесть, но притом абсолютная правда — и еще одна разрешенная загадка. — Но как вы организуете выполнение конкретных работ…

Если бы она говорила с «Внеполосным», использовала бы термин «технологический процесс».

Магнат величественно взмахнул головой:

— Вот здесь вступает в игру моя гениальность в деталях. Во мне есть парящий в эмпиреях изобретатель и есть вот этот мой интерес к мельчайшим деталям… — Два его элемента оглянулись назад, и вдруг он сменил тему: — Тимор! Ты меня задерживаешь!

Магнат еще при входе в цех отделил Тимора от Равны. С тех пор мальчику приходилось хромать, поспешая, за синглетом Та.

— Извини, — ответил Тимор, припустив вперед.

— Где твоя рикша? — спросила восьмерка.

— Там осталась… ой, а вот другая. — Тимор показал на небольшую вагонетку у внешней стены.

Магнат послал элемента и прикатил красную вагонетку к Тимору:

— Залезай. А то все время тормозить будешь. — Два его элемента глянули на Равну. — Обычно у меня есть слуга, который этим занимается, но в этой толпе для него мало места. — Он показал на следующие за ними стаи и тут будто впервые заметил Джефри. — Ты! — сказал он. — Иди сюда, будешь тянуть вагонетку.

— Слушаюсь, сударь.

Джефри поклонился, имитируя движение элемента, и вышел вперед. Равне показалось, что под этой серьезной манерой прячется улыбка.

— Так, на чем я остановился? — спросил Магнат, идя по помосту. — Да. Детали! На самом деле я открыл себе для этого помощника. Тимор отлично умеет учитывать детали, лучше любой стаи — кроме меня. Он даже разработал методы, чтобы планировать, что именно придется учитывать. Просто замечательно.

Равна глянула на Тимора, который теперь ехал на вагонетке. Тимор посмотрел на нее, нерешительно улыбаясь:

— Я надеюсь, ничего плохого, Равна. Это вроде того, что делаешь ты, только у тебя получается гораздо лучше.

Она улыбнулась:

— Это когда у меня «Внеполосный» рядом. А ты молодец, Тимор.

Теперь она знала, кто дал ей такие блестящие рекомендации.

Джеф тащил Тимора, а мальчик показывал различные моменты технологического процесса: как вносят промежуточные узлы через боковые двери, как стойки на главной линии с паровой тягой держат детали так, что каждый шаг сборки

выполняется простыми доступными действиями. И самое большое чудо — Магнат молчал, предоставив хвастаться кому-то другому.

Джефри кивнул, глядя вниз, в толпу. Потом поднял глаза на Магната.

— Они там работают все вплотную? Я не вижу ни единой стаи.

Вопрос и тон были совершено вежливы, но Равна затаила дыхание.

Магнат несколько секунд шел вперед, не отвечая, — может быть, ожидал, что ответит Тимор. Когда восьмерка заговорила, то так, будто вопроса и не было.

— Знаешь, я же первый в мире придумал и сделал сборочную линию. Исходная идея была у меня еще на Длинных Озерах, до расщепления. А воплотил я эту идею, когда переехал в Восточный Дом. Там на востоке народ незашоренный, у них даже была эта мысль в примитивной форме. Понимаешь, почти никакая работа не требует разума полностью. На самом деле, если приходится всерьез думать о том, что делаешь, можно будет с ума сойти от скуки. И я про себя подумал: почему не взять идею цепи-часового и не усложнить ее несколько? Дать каждому элементу простую повторяющуюся работу?

Равна кивнула:

— У нас в Домене есть нечто подобное. Уличные землекопы работают большой командой. Когда кончается смена, расходятся снова по отдельным стаям, получают плату и свободный вечер.

Магнат издал раздраженный звук:

— Я же сказал, что в примитивной форме эта идея была всегда. В Восточном Доме я довел ее до степени высокого искусства. Уверен, что в Домене слышали о том, что я там делал. Проблема была с этими надоедливыми трудовыми гильдиями, да и местных аристократов надо было подкупить…

— А прочие изобретения вашего сиятельства слишком были величественны для такой маленькой страны, как Восточный Дом.

Та говорил голосом Хранителя:

— Да-да. Я тебя не забыл, Хранитель. Твои, так сказать, советы насчет моих других изобретений были необходимы даже тогда. Мне нужно было найти источники рабочей силы побольше, без этих мелких свар — и так, чтобы не было видно из Домена Резчицы.

Впереди помост открывался на что-то вроде террасы, достаточно широкой, чтобы — если даже две вооруженных стаи встанут по ее краям — вся остальная партия могла стоять вместе.

Магнат остановился здесь, и некоторые его элементы подошли к краю террасы, махнув Равне, чтобы шла за ними.

— Вот здесь, в тропиках, лучшее место для моих идей. Рабочие могут сливаться в любые коллективы, подходящие для моих целей. Ни одна северная фабрика так идеально работать не может… — Он слегка наклонил к ней головы: — Ты и правда не слышишь?

Тут *много чего* можно было слышать: далекий топот паровых машин, ровный шлепающий стук сборочной линии, стук колес вагонеток по полу цеха. Прямо внизу стояли несколько Стальных Когтей, сдвинув головы, почти как когерентная стая. Может, они и были ею: от них туда, где стояла Равна, вела крутая лестница. Но межстайного бульканья слышно не было.

— Чего именно? — спросила она.

— Мыслезвуков! По всей этой линии, в обе стороны. Вся фабрика ими ревет. — Он ткнул мордой в направлении молчаливой маленькой четверки, шедшей за ними по помосту: — Тебя не заинтересовало, кто это?

— Ну…

Вопрос казался совершенно не связанным с предыдущим.

Четверка что-то пискнула на межстайном, но так высоко, что почти неслышно.

Радиосинглет вздохнул голосом Хранителя:

— Да, мой господин, мне сказали, что вы указываете на Аритармо. Я признаюсь в собственной слабости — я никогда не мог зайти на фабрику лично. Рация дает мне голос и слух, чтобы сопровождать моего господина Магната. Мой ассистент Аритармо пересылает описания всего, что видит, — того, что радиосинглет мог бы и не заметить.

Он еще что-то булькнул на межстайном.

— Совершенно верно, Хранитель, — рассмеялся Магнат. — Но я на самом деле хотел сказать, что вот эта фабрика — мягкий вариант Хора. И не любая стая может ее вынести.

Божидар до этого времени молчал — по крайней мере в слышимом человеку диапазоне. Он столпился поближе к перилам и весь смотрел вниз.

— На самом деле, господин мой Магнат, — сказал он, — это территория Хора, а не часть вашей Резервации.

— Гм, да. И ведь верно. — Почти про себя он добавил: — Не постичь мне, как многомиллионная толпа может помнить мелкий шрифт, который

какой-то Божидар видел семь лет назад.

Он тоже почти весь подошел к перилам, высунул пару голов, потом отступил назад.

— Слышать этот рев — требует истинной силы характера. Тест на собранность и самодисциплину… Так вот, я хочу сказать, что эти фабрики в корне отличны от фабрик севера. Эти фабрики знают свою цель, могут управлять потоками входящего сырья и исходящей продукции. По всем производственным площадям гуляют волны наблюдения и принятия решений. Общий надзор осуществляют мои помощники, но все детали, все мелочи работы выполняет сама толпа. Смотри вон туда, видишь, как пять членов Хора сдвинули головы? Наверняка там образовалось узкое место, требующее когерентного внимания. Эти пятеро — нечто вроде Божидара.

— Очень временного, — отметил тот Божидар, что стоял у перил.

— Насколько велика их гибкость? — спросила Равна. — Ты говоришь, теперешняя настройка фабрики будет держаться лишь еще четыре дня, но сколько времени занимает перенастройка на что-нибудь совершенно иное?

— Совершенно иное? По-разному, — ответил Магнат. — Чего Хор не может — это создать ориги-

нальную конструкцию или изобретение, как бы ни хвастались Божидары. Это мой гений поднял Хор из вечного ничтожества.

И где шляется эта Ритл, когда она нужна? — подумала Равна.

— Хор никогда не был в ничтожестве, — возразил Божидар.

— Об этом можно спорить, друг мой. Я припоминаю, как вы жили, когда я начал с вами переговоры о Резервации. Если честно — то сейчас вы живете прямо-таки в раю по сравнению с тем.

— Если в материальном смысле, то да. — Божидар пренебрежительно отмахнулся. — Хор никогда бы не стал с вами сотрудничать, если бы это не было правдой.

— Ну, как бы там ни было, — закончил Магнат, покрутив головами — жест недовольства, — самое трудное в освоении любого нового продукта — убедить Хор, что это необходимо. Для этого приходится применять комбинацию маркетинговых технологий и дрессировки животных. И я отлично научился это делать. Ты понимаешь теперь, почему я больше не могу скрываться от Домена, даже если бы хотел?

Магнат весь теперь смотрел на Равну, будто счи-

тал, что произвел на нее впечатление. *И правда произвел*, — подумала она про себя. Бахвальство Магната обернулось огромной недооценкой. Без капли реальной автоматики он создал мощную раннетехническую цивилизацию. И сделал почти все, что пыталась сделать она за последние десять лет.

В тот же вечер в кондиционированной и наверняка наблюдаемой тюрьме происходил следующий разговор.

— На самом деле у Магната автоматика есть, — сказал Джефри. — Он убедил Хор стать его автоматикой. О Силы! Такое прежнему Свежевателю и присниться не могло!

— Эта стая — не Свежеватель. Магнат — он…

Равна посмотрела на стены и передумала произносить слова «наивный бахвал».

Джефри засмеялся:

— Это даже не надо говорить вслух. Да, Магнат — не Свежеватель, ни прежний, ни новый. Но достиг он гораздо большего. — Джефри глянул на Равну: — Вот что мне хотелось бы знать, как он вообще подобрался к Хору. Стаи пытаются проникнуть в тропики уже… ну, не первый век. Прибывали исследовательские экспедиции — возвращались остатки. Фрагменты, синглеты и

небольшие толпы. Полно легенд о безумии, жертвоприношении элементов, экстазе — но нигде даже и намека на разум. С натяжкой можно было назвать торговлей случайные крушения кораблей, заплывающих в Домен. Пусть не следует удивляться, что Хор справляется со сложными процедурами, если видит смысл в их результатах, — но как Магнат подобрался достаточно близко, чтобы его, Хор, убедить?

— Это мог сделать человек.

— Ха! Ни один из нам известных, раз эта работа ведется так долго, как утверждает Магнат.

Равна задумалась, гадая, озвучивать ли свои подозрения насчет «каракатиц». Потом пожала плечами:

— Да, загадки тут еще остаются. Я могла бы его спросить прямо. Думаю, что он, несмотря на все свое… — *бахвальство*, — на всю свою гордость и уверенность, на самом деле очень ценит технические знания людей.

— Ага, твои в особенности. — Джеф улыбнулся. — Можешь отчасти сказать за это спасибо Тимору.

Равна вздохнула:

— Тимор выступил лучше всех нас. Ты с ним больше сегодня говорил, чем я. — Мальчика к

вечеру просто выгнали — очень неприятный конец странного дня. — Как ты думаешь, как он?

— Я думаю, нормально. Он меньше тебя расстроился, когда Магнат его выставил. Наверное, он хотел вернуться к Гери… не думаю, что у нее все хорошо. Боюсь, что совсем не хорошо.

— Нам надо ее увидеть. — Равна запнулась, стараясь изо всех сил не смотреть на стены. *Надеюсь, это не прозвучит как заранее продуманное.* — Знаешь, Джефри, после того, что я сегодня видела, думаю, я могла бы работать на Магната. То, чего он здесь достиг — если бы мы могли применить такое при сборке продукции Тщательника в лаборатории Холодной Долины, мы бы столетний путь проделали в десять лет. С другой стороны, если мы не увидим Гери, если мы не сможем вернуть всех похищенных ребят, то я не уверена, что имеет смысл связываться с Магнатом и… — мысленно поднося палец к шляпе, — Хранителем.

Самое страшное в этой короткой речи было то, что она почти вся состояла из правды.

* * *

Фабрика, куда они поехали на следующий день, находилась почти за десять километров от дворца. На этот раз экипаж тянули керхоги — первые

большие животные, увиденные в тропиках. Проехали по летному полю, мимо южного конца десятков фабричных корпусов, через короткий утренний ливень. Прямо слева от дороги земля представляла собой городское болото, совсем так, как было видно при подлете. За спиной, на востоке, скрылись из виду дворцы и ангары. Великая пирамида поднималась над туманом как далекая гора.

Наконец приехав, они увидели, что Магнат и его свита уже их ждут. Восьмерка заговорила, не ожидая, пока Равна кончит здороваться с Тимором.

— Ты думаешь, это дальний путь? Может, еще год-другой назад так оно и было, но фабрик становится все больше. У меня есть Резервации поменьше в сотне километров отсюда. Но к ним надо лететь. Ладно, пошли, хватит тетешкать Тимора. Я очень многое должен тебе показать.

Он протащил всех через очередной дождь, чтобы показать угольную электростанцию. Эти фабричные корпуса в паровых машинах не нуждались — все станки и машины приводились в движение разного рода электродвигателями. Соседняя фабрика была, очевидно, чем-то вроде кузнечного цеха. Как сказал Магнат, фабрика с

другой стороны — цех гальванопластики. Равна подумала, что это и может быть причиной такого долгого путешествия, пока не вошла внутрь и не увидела, что выпускает эта фабрика.

Рации.

Они лежали стопками у выходных ворот фабрики. Магнат взял одну из приготовленного к отгрузке ящика, встал сам себе на плечи, положил прибор Равне в руки. Она повертела его, не сразу узнав. Может быть, потому, что он казался золоченым, зеркального совершенства поверхность. Равна перевернула рацию, увидела темный блеск обычной солнечной батареи — такой же, как на рациях северной работы. Ага. Если не считать ненужного золочения, такая же аналоговая рация, какую она сама создала по чертежам и описаниям архива «Внеполосного». Тщательник, вероятнее всего, сделал за последние пару лет десятки таких устройств. Вот как. Она посмотрела поверх Магната. В ящике, перед которым он стоял, таких раций могла быть тысяча.

Единственный вопрос, который пришел ей в голову, был такой:

— А зачем золотить?

Вдруг Магнат уставился в самые разные стороны, только не на нее.

— Ну, этот мой местный рынок любит золоченые.

Равна приподняла бровь:

— Хор?

Божидар наблюдал с веселым интересом:

— Кто же, кроме Хора, может знать, что действительно ценно?

Магнат досадливо хмыкнул и выхватил рацию из рук Равны.

— Они любят блестящее, — сказал он. — Это не важно. Мы куда больше делаем обычных. Пошли, покажу тебе этапы процесса.

Внутри было куда чище и — для ушей Равны — тише, чем в корпусе вчерашней фабрики. Это было неудивительно, если учесть, что здесь производились технические устройства, а привод был электрический. Магнат был полон детальных описаний. Это здание служило местом окончательной сборки раций. Здесь более, чем при производстве дождевых водостоков, было заметно, что производство зависит от инфраструктуры, от бесперебойной правильной поставки сырья, компонентов и узлов сборки на вот такую фабрику. Без сомнения, каждый этап был плагиатом у «Внеполосного» и Тщательника, но сама сеть была достижением проектирования.

Хотя Магнат такого не говорил, Равна решила, что планирование этих сетей было еще и главным его тормозом.

— А планы я переделывал, — говорил Магнат, — не для таких глупостей, как золочение. Я работаю над восстановлением проекта полного радиоплаща. Ты только посмотри, как я пристроил к делу единственный набор плащей, который Невил для нас… гм… достал. Если бы радиоплащи были многочисленны и доступны и мы бы могли безопасно ими пользоваться, в моей работе это была бы революция!

Равна на это чуть не рассмеялась. *У тебя планы улучшения? Значит, Невил оказался не способен нарыть исходную конструкцию плащей?*

Они прошли еще несколько метров, Равна — молча, Магнат — не переставая говорить. По другую сторону стаи Джефри тащил вагонетку с Тимором. Прямо за ними шел синглет Та, почти так же близко двигались Аритармо и Божидар. Еще пара вооруженных стай плелась позади.

— Ведь так? — спросил Магнат.

Опа!.. Последняя похвальба закончилась вопросом.

— Прошу прощения, сударь, что вы…

— Мои изобретения превосходят ваши успехи?

Может быть, пришло время приблизиться к реальности.

— Сударь, вы и Хор достигли чудес в производстве…

Магнат расцвел.

— …но лежащие в его основе изобретения — все из Домена.

— Чушь! — Весь Магнат смотрел на нее сердитыми глазами, но головами не вертел: это не была убийственная ярость первой встречи. Через секунду часть его голов отвернулась. — Ну, отчасти — от очень малой части — ты права. Многим в своем успехе я обязан Хранителю и его потрясающей службе разведки.

— Благодарю вас, господин, благодарю!

Это был Хранитель, говорящий посредством Та. Этот злодей считает, наверное, экскурсию очень важной и потому слушает каждое слово.

Магнат сделал изящный жест, чтобы Аритармо видел.

— Известно, — продолжал он, — что когда я был целым, я был гением изобретательства. За последние семь лет я этот гений восстановил. У меня все время идеи. Изобретения для полета, для подводного плавания. У меня их целые тетради. Но я всего лишь одна стая и знаю теперь, что

есть миллион мелких вопросов, которые нужно решить, чтобы от идеи дойти до воплощения. На самом деле на этом и сломался исходный я. Мой теперешний успех имеет в своей основе три вещи: мой гений и жажду деятельности, Хор — и намеки и детали, которые доставляет мне разведка Хранителя.

— От нас, людей? — уточнила Равна.

Магнат пожал плечами:

— Из украденных вами архивов. Сомневаюсь, что вы, люди, вообще когда-нибудь что-нибудь сами изобрели.

Судя по выражению лица Джефри, слова показались ему неожиданными и несправедливыми. *Джеф, спокойно!* Но нет:

— Люди изобрели в той или иной форме все, что ты сделал, все до единого. И тысячи лет назад! Каждая цивилизованная раса через это проходит, а уж потом переходит к *серьезным* вещам!

Магнат секунду помолчал:

— К *серьезным* вещам?

Он был больше заинтригован, чем оскорблен.

— Всегда есть что еще делать, сударь, — вставила Равна и подарила Джефу взгляд, советующий ему заткнуться.

— Да-да, — понял Магнат. — Звездолеты.

— Да, сударь.

— Но у меня и на эту тему есть идеи. — Они прошли еще несколько шагов, и то ли честность, то ли здравый рассудок заставил его добавить: — Конечно, я знаю, что на них может уйти еще несколько лет работы. Это и есть то, что Джоанна-брат называет «серьезными» проблемами?

— Нет, конечно, — ответил Джефри.

— Что тогда?

Хранитель встрял с ответом:

— Мы говорили уже об этом, господин. Небесные личинки пытаются стать богом.

— А! — затрубил Магнат. — Это вот насчет бога. — Он покосился на Равну. — Это и был тот клин, который нам помог влезть в дела людей, — религиозная война между вашими двумя фракциями.

Хранитель забулькал с согласным энтузиазмом, потом переключился на самнорский.

— На самом деле сами их суеверия — лучшее доказательство, что они глупцы.

Божидар, как обычно, брел вдоль края помоста, в основном глядя вниз на сборочную линию. Теперь он поднял головы и сказал очень ласково:

— Я возражаю против такого пренебрежения религией. *Мой* бог достаточно реален. Если ты в

этом сомневаешься, приглашаю тебя прогуляться по полу этого цеха.

Настроение Магната по мере прохода вдоль сборочной линии улучшилось, а Равна сумела избежать дальнейших сомнений в оригинальности его изобретений. На самом деле это было нетрудно: очень многое заслуживало самой искренней похвалы. Когда процессия дошла до середины корпуса, снова пошел дождь, застучал по металлической крыше, как далекий барабан, и даже стеклянные окна в крыше потемнели, озаряемые лишь случайными молниями. В критических местах сборочной линии включились дуговые лампы — будто автоматическая система среагировала на изменение условий.

Как и на вчерашней фабрике, на середине помоста открывалась терраса. Сегодня Магнат дал другим стаям знак оставаться позади и вывел Равну на террасу, будто для разговора наедине. Она оглянулась на свиту. Разговор по секрету? Конечно, Тимор и Джефри не услышат, что они тут будут говорить, но остальные?

Ударил раскат грома, шум дождя стал сильнее. Ладно. Если Магнат сфокусирует голос как следует, остальные вряд ли разберут его слова. С другой стороны, это может и не иметь значения.

— Знаешь, — сказал он, — ты могла бы отлично со мной работать.

— Большая честь, сударь, но я не уверена, что…

— Я думаю, ты понимаешь: я отлично умею оценить потенциального работника. Ты мне указала на слабости в моей работе, я, откровенно говоря, с тобой согласен. — Он помолчал, ожидая, пока его похвала дойдет. — Ты знаешь, что я на пороге заключения союза с Невилом Сторхерте и Доменом?

— Да, вы что-то об этом говорили. А как же Резчица?

Он отмахнулся:

— Это деталь. Я через пару дней лечу в Домен, чтобы выполнить официальную часть. Мое приземление должно произойти одновременно с прибытием груза в 1024 рации — дар, показывающий размах моих операций. Хранитель меня заверяет, что на Резчицу произведут впечатление возможные последствия. Сотрудничество со мной и с Невилом будет ей невероятно выгодно. А что до меня — ну, выйти наконец из тени будет так же важно, как исходный альянс с Невилом. Теперь он сможет мне дать полный и прямой доступ ко всем архивам на этом звездолете «Внеполосный».

— Ага.

Слово «альянс» Магнат произносил не совсем верно, но мысли и намерения выражал более чем ясно.

— Ага. И *тебе* тоже будет более чем выгодно как моему работнику. Ты получишь защиту от Невила. Получишь доступ к архивам «Внеполосного». Получишь доступ к производственным мощностям Хора для своих религиозных проектов — хотя это потребует отдельных переговоров с Хором. В ответ я попрошу две главных вещи. Первое: свою фракцию среди двуногих ты уговоришь перестать сопротивляться Невилу. А во-вторых… гм… во-вторых, ты воспользуешься возможностями «Внеполосного» для решения моих разных производственных проблем. Как ты заметила, мне нужна серьезная помощь на пути от моего творческого гения к промышленному продукту. Невил в чем-то мне помогал, но я пришел к выводу, что там, где дело касается архивов вашего корабля, мастер — ты. — Он помолчал, давая ей время осознать комплимент. — Так что скажешь?

Могла бы повторить речь, которую произнесла при Джефри, но ты наверняка ее знаешь.

За окнами фабрики гром и молния выросли до

настоящей бури. Над ней вполне мог быть воздух холодный, сухой, разрежающийся до вакуума межпланетного пространства. Где-то в тридцати световых годах отсюда… идет своим путем Погибель, конец этому миру и всем его обитателям, а может быть, не только ему.

И я никогда не была ближе к возможности ее остановить, чем здесь и сейчас.

Она вернулась мыслями в здесь и сейчас, к восьмерке, ждущей ее ответа.

— А что будет с Невилом?

— За ним останется общее руководство всеми двуногими. Я не предам теперешнего союзника, чтобы приобрести нового. — Он усмехнулся — помотал головами вверх-вниз. — Можешь радоваться: Хранитель говорит, что Невилу такое устройство понравится не больше, чем тебе.

Хм. Она посмотрела на другой край террасы, где стояли Джеф с Тимором. Стояли в тени, но их вдруг осветила сине-белая ослепительная молния. Оба они смотрели на нее. А прямо перед ними распределился пошире Аритармо, явно стремясь подслушать.

Она обернулась и посмотрела на Магната — на всех и каждого.

— Я хочу возвращения украденных Детей.

— Тимора и Гери. Разумеется. Я… я выражаю сожаление по поводу третьего человека, хотя смерть произошла случайно.

Он хотел сказать еще что-то, наверное, какие-то оправдания привести. Одно она поняла про Магната точно: он терпеть не может быть на неправой стороне.

— И больше не убивать, — сказала она.

— Конечно. — Но тут по стае прошла дрожь. — Больше не убивать — кроме как по требованию правосудия. Джоанна Олсндот убила моего брата. И за это она должна понести наказание. Никаких компромиссов ни под каким предлогом.

И снова полыхнула молния. Равна подождала, пока стихнет гром, потом ответила спокойно и твердо:

— Разберись тогда с Хранителем. Твоего брата убил он.

Магнат тихо заухал, но все его глаза смотрели на нее:

— Ты лжешь или повторяешь чужую ложь. У меня годы доказательств, и не только от Хранителя. Невил Сторхерте — он же был для Джоанны как стая-любовник? — он сам сообщил ее признание. Я иногда думал, не это ли заставило его против нее обратиться. Может быть, у него есть какое-то

уважение к жизни стаи… Я вижу, у тебя открыт рот, но ты ничего не говоришь. Ты удивлена?

— Н-нет. — На миг ей показалось, что сейчас ее вывернет прямо на Магната. Но вместо того она проглотила слюну и ответила: — То, что говорит Невил, — ложь. То, что говорит Хранитель, — ложь.

— Так что, я окружен лжецами? — Магнат пожал плечами. Два его элемента обернулись на Джефри и всех прочих. — Знаешь ли ты, где сейчас Джоанна Олсндот?

— Нет, — ответила Равна, что не было ложью, поскольку у нее были только догадки.

— Вот и я не знаю. И Хранитель не знает. Ни ее, ни ее друга Странника, ни их машину не видели с той ночи, когда мы тебя увезли. Я подозреваю, что она скрывается в Домене под защитой Резчицы. Хранитель же считает, что она, вероятно, погибла наконец при катастрофе этой дурацкой летательной машины. *Если ее не найдут, я не буду знать покоя!* — Он слегка взвизгнул, что могло выражать отчаяние. — Но Хранитель предложил решение. Он мне сказал, что Джоанна-брат может отлично знать, что случилось с убийцей моего брата, а если знает, то несколько дней профессионального допроса откроют нам факты.

— Но ты же не…

— Хранитель утверждает, что Джоанна-брат, вероятно, выживет после допроса, но гарантий не дает.

Все его глаза смотрели на Равну.

Она шагнула в середину стаи, чуть не наступая на лапы. Теперь почти весь Магнат должен был ей смотреть прямо в глаза.

— Больше не убивать!

Магнат собрался в кучу, в пирамиду, поставив две своих головы выше уровня глаз Джоанны. Наклонился вперед, сплошь зубы и зловонное дыхание, придвинул голову к самому лицу:

— Так вот, человек, чтобы не было неясностей. Я найду Джоанну Олсндот. Если при этом погибнет ее брат, это будет проявлением справедливости. Брат за брата.

Глава 35

Через два дня экспедиция в Домен, о которой столько бахвалился Магнат, была готова к выходу. В патовой ситуации между Равной и восьмеркой ничего не изменилось. Хорошая сторона — Джефри по-прежнему был невредим и не в когтях Хранителя. Плохая сторона… пока еще не выяснилась полностью и, вероятно, зависела от планов Магната в этой поездке.

Как только взошло солнце, рикша повезла их на летное поле. Привычный охранник с пистолетами трусил следом. На широких полосах бетона стояли лужи от недавнего дождя, но небо над головой прояснилось, и корабли уже вытащили из ангаров.

Посреди голого поля рядом с дождевой лужей они остановились. Охранник не возразил, когда Джефри вылез из рикши. Через секунду за ним последовала Равна, хотя с земли наверняка открывался вид хуже, чем сверху. Джеф обошел вокруг рикши.

Равна затенила глаза ладонью и всмотрелась в корабли. С такого расстояния подробности те-

рялись, но…

— Похоже, они правда готовятся к отлету. А мы остановились совсем не близко.

Джефри подошел и встал рядом.

— Я думаю, это психологическая война. Магнат тебя здесь не оставит — ты ему на самом деле нужна.

Равна ничего на это не ответила. Может быть, Джеф прав. За последние четыре дня у нее возникло такое ощущение от похвальбы и хвастовства Магната — и его кровожадных приступов гнева. Она ожидала еще одной конфронтации до отлета Магната, и даже успех в ней мог быть окрашен в темные тона.

В какой корабль они поместят Джефри? И где…

— А где Тимор, Гери, Амди и Шелковинт? — спросил Джефри, будто прочитав ее мысли. — Тимора мы не видели с тех пор, как ты послала Магната к чертям.

Джефри ее беспощадно песочил по поводу их последней стычки. И в то же время он восхищался этим «недостатком сдержанности» больше всех прочих ее поступков за долгое время.

Несколько секунд они стояли, глядя на суету вокруг ангаров, наблюдая, как прибывают все

новые экипажи из дворца и почти столь же величественной пристройки Хранителя. На просторе влажного бетона стояла жутковатая открытая тишина, будто символизируя смирение перед высящимися пирамидами. Сквозь облака на востоке пробивались солнечные столбы, вспыхивая на позолоченной поверхности великой пирамиды. Солнце поднималось над грозовыми тучами, и лавина света хлынула на поле, яркая и веселая… и невыносимо жаркая.

— Магнат нас расплавить хочет, — сказал Джефри. — Полезли обратно в рикшу.

Там была тень, и возница частично под нее отступил.

— Да, — согласилась Равна и огляделась еще раз. От солнца вид стал резко контрастным. Мелкая дождевая лужа, которую она раньше заметила, была дальше, чем Равна думала. И не была она мелкой. — Джефри, знаешь что? Тут всего сорок метров до этого пруда с каракатицами.

Она направилась туда, Джефри следом. Охранник испустил резкий звук удивления, побежал впереди и позади них, будто желая их повернуть — но дула держал вниз и вел себя скорее раздраженно, чем повелительно.

Добравшись до пруда, Джефри отметил:

— Смотри, вон экипаж только выехал из дворца. Спорим, что это Магнат?

Она посмотрела в ту сторону. Экипаж, казалось, вообще стоит на месте. Ага, и направлен *сюда*, а не поперек, к ангарам. Да, последняя стычка. Она не боялась спора с Магнатом — боялась последствий проигрыша этого спора. На этот раз партия может кончиться не вничью.

Она присела у пруда, надеясь, что не покажется подозрительной, если за ней наблюдают. У открытой воды, как ни странно, рои кровососущих насекомых были не гуще, чем всюду. Может, у них нет водной личиночной стадии. А может быть… Там и сям на поверхности воды мелькало какое-то движение, взлетали щупальца, хватая что-то. Кроме прочих достоинств, эти каракатицы еще и насекомых едят.

Она наклонилась к краю пруда, глядя прямо вниз. Бетонная стена была крутой, и даже рядом с ней глубина казалась от метра до двух. Похожее на осьминога существо. И еще одно. И тут же они роем заклубились у ног Равны.

— Кажется, мы их привлекаем, — сказал Джефри.

— Ага.

Она сунула руку в теплую воду.

— Эй, осторожнее!

Джеф схватил ее за руку, не пуская.

— Ничего, все нормально. С элементами они ладят.

А еще ей хотелось проверить одну теорию.

— Но ты же не знаешь, что еще там в этом пруду.

Маленькие тела закувыркались вокруг руки, большие стеклянные глаза с любопытством глядели из-под воды. Щупальца осторожно тянули ее за пальцы. Равна покрутила рукой, подняв одно создание из воды. Слишком мало, чтобы быть разумным, но…

— Привет, привет, привет! — запищало существо, и вокруг него зазвенели другие голоса:

— Привет, человек. Привет, люди!

Тот, который касался руки щупальцами, отпустил. Вся гурьба разлетелась прочь, и через секунду вернулась с новыми. Десятки голосов пищали простые самнорские приветствия.

Джефри отпустил руку Равны и сам опустился на бетон рядом.

— Так они и правда разговаривают? Интересно, как они по сравнению с синглетами.

— Я думаю, они существенно умнее.

Все это была еще теория, но… Равна посмотрела

на ту сторону летного поля. Экипаж приблизился, его тащила вооруженная стая. Равна узнала прихотливые украшения кареты — это был Магнат. Может, настало время теорию не проверять, а *применить*.

Они с Джефри встали, но остались возле пруда. Карета Магната замедлила ход и остановилась возле рикши. Равна и Джефри не двинулись, послышалось нетерпеливое бульканье. Через минуту возница Магната подвез его к пруду.

Восьмерка вытекла из кареты потоком, за ней радиосинглет — эй, он же похож на Зека! За ним еще более ожидаемый спутник — Ритл. В обычной своей форме, громко скандаля о чем-то или обо всем сразу. Когда Магнат послал ей фразу: «Тихо!» — она переключилась на спорадическое бормотание. Прошла с Зеком несколько шагов и тут заметила пруд. Побежала вокруг него, и на время воздух очистился от ее бурчания.

Магнат свернул к ним с видом великого лидера, навещающего трущобы в сопровождении свиты. *Ну, хорошо хоть нет ни Хранителя, ни даже Аритармо*, — подумала Равна.

— Д-день обещается жаркий, — сказал Магнат голосом Гери, как всегда, неуместным.

— Я тоже так думаю, сударь, — ответила Равна.

Восьмерка кивнула с улыбкой.

— Хотя это и не важно. Сегодня я улечу. Знаешь, на высоте сотен метров воздух уже прохладный. У природы свои кондиционеры. Надеюсь, что *мне* будет вполне комфортабельно.

— То есть нас вы не берете? — спросила Равна, пытаясь говорить небрежным тоном.

— Список пассажиров и пункт назначения еще не определены полностью.

Два его элемента многозначительно смотрели на Джефри.

Равна продолжала подыгрывать:

— Хранитель летит?

— Конечно. На втором корабле. — Он показал мордой в направлении ангаров. — Для Аритармо места нет, но сеть все равно будет. Я буду по ней руководить своей работой в масштабе планеты.

— А Ритл? — спросил Джефри таким тоном, будто просто убивает время.

Магнат раздраженно хмыкнул:

— Ритл — нет. Видеть вблизи это маленькое чудовище — то есть этот остаток лояльного работника — слишком невыносимо. — Все его головы теперь повернулись к Равне: — Но это не самый важный вопрос в том, что касается вас двоих.

Равна встретила этот взгляд, как могла, имея

только одну голову.

— Да, конечно. Здесь мы с Джефри, но есть еще и Дети, которых вы украли, Гери и Тимор, и…

— Нет. — Это был решительный отказ, пусть и произнесенный высоким детским голосом. — Они останутся здесь.

— Но…

— Я не хочу, чтобы они там мешались. Я… — В стае произошло какое-то шевеление. Равна почти представила себе, что какая-то часть испытывает неловкость и желает откровенности. — Тимор хороший работник, уважаемый не меньше любой стаи. Ему ничего здесь не грозит. И Гери тоже. Для меня важно обеспечить их безопасность, хоть они и люди. Тебе следует знать, что Хранитель еще больше моего не любит людей, и иногда я думаю, понимает ли он, насколько вы хрупкие. Даже мне трудно понять, что это значит, — быть совершенно новым разумом, такое состояние неестественно. Я обещаю в конечном счете их вернуть. А тем временем буду их держать подальше от Хранителя. — Он ткнул мордой в сторону Равны: — В мои намерения входит взять тебя с собой. Стаи, которые были захвачены вместе с тобой, полетят на север с Хранителем. Это будет хорошая перекрестная проверка твоих заявле-

ний.

— А Джефри? — спросила Равна.

— Это зависит от него и от тебя. Я хочу найти Джоанну Олсндот. Вы двое что-то скрываете; я слышал, как вы вчера о чем-то сговаривались в тюрьме. Сознайтесь, откройте мне правду — и полетите на моем корабле оба.

— Мы сказали правду, — ответил Джеф, — и ни о чем мы не сговаривались!

Но они несколько часов провели, стараясь решить, что говорить, когда до этого дойдет. Наполовину беседа состояла из беззвучных движений губ и завуалированных аллюзий.

Слова Джефа перекрыл голос Магната, не прекратившего свою речь:

— В противном случае будет так, как я говорил тебе позавчера. Джефри полетит на север с Хранителем.

— Уверен, что смогу заставить Джоанна-брата говорить, ваше сиятельство.

Голосом Хранителя говорил Зек.

Равна посмотрела на Джефри, увидела его нетерпеливый взгляд. Результат их «заговора» был прост: ситуация безвыходная, если тебе не в чем сознаваться, но этот факт отвергается. Что ж, в этом случае можно отсрочить самое страш-

ное, сделав ложное признание. Джеф мог бы уже начать врать, но она его убедила первый ход предоставить ей. *Должен быть какой-то другой выход. Еще бы чуть-чуть времени мне*. Как будто в ее распоряжении не было целиком вчерашнего дня, чтобы найти выход, если он вообще существует.

Она отвернулась от Магната, Джефри и Зека и посмотрела на пруд. Там в середине было что-то такое, чего она раньше не заметила. То и дело в воздух вылезали щупальца, медленно шевелились. Они не хватали насекомых. Были они больше и куда более похожи на крону, чем ранее виденные. *Вот твердое доказательство ее теории о каракатицах*. Равна почувствовала, как улыбнулись губы. В другой ситуации она бы завопила от радости.

Она оглянулась на Магната. У нее не было ничего, кроме легенды, которую они с Джефри согласовали, но черта с два она будет ее излагать, пока еще может тянуть время.

— На таком большом летном поле вы нас привезли именно сюда. Хотели, чтобы мы увидели этот пруд? Зачем?

Зек издал возмущенный аккорд. Это, очевидно, был Хранитель, которому не понравилась смена

темы. Магнат, благословенны будь различные его фрагменты, отвлекся легче. Он разошелся вокруг пруда, частично кидая взгляды в воду. Когда он заговорил, слышно было, как он все сильнее увлекается этой темой.

— Я заметил, что ты никогда не задаешь конкретных вопросов про каракатиц, никогда о них много не говоришь, даже когда ты наедине с Джоанна-братом. Мне интересно было, сообразишь ли ты, насколько важная у них роль в моей программе.

— Была у меня теория, — кивнула Равна. — А теперь я думаю, что знаю о каракатицах куда больше вашего.

— Да ну? — Магнат подошел ближе с вызывающим видом. Он не рассердился, но огромное самолюбие дельца и изобретателя было задето. — И что же это ты такое знаешь?

— Каракатицы не просто повторяют бездумно. Они выучили ваш язык, а недавно и мой. И на обоих говорят со смыслом.

— Так, и что?

— Именно они позволили установить первый контакт с Хором, связаться с ним, чего не могла до сих пор сделать ни одна стая.

Магнат испустил серию щелчков — негромкие

аплодисменты:

— Отлично. Ты абсолютно права. — Он уселся, продолжая почти коммуникабельно: — Видишь, там Ритл с ними играет? — На той стороне пруда носилась туда-сюда Ритл, яростно булькая в сторону воды. Ей отвечали тоненькие голоса. — Это Ремасритлфеер их привез с Южных Морей, а использовать их для общения с Хором была моя идея. Ремасритлфеер делал попытку за попыткой, и они терпели неудачу. Не знаю, сколько этих созданий съели — хотя им, кажется, собственная жизнь безразлична. Наконец Ремасритлфеер сдался — но я потребовал, чтобы он вернулся и стал пытаться снова. Как обычно, моя настойчивость и инициатива окупились. — Он поднял самодовольный взгляд. — Это была мелочь, но мы нашли кое-что на обмен и смогли выторговать первую крошечную Резервацию на этом месте. — Он показал широким жестом на летное поле, дворцы, фабрики. — Остальное уже история.

— Никогда вас не удивляло, что такое странное создание может говорить, иметь разум?

— В общем, да, конечно. Я всегда думаю о глубоких смыслах. На раннем этапе у меня была теория, что это, наверное, ювенильные формы китов. Известно, что киты умнее хорьков и по-

чти так же умны, как синглеты, и они плавают косяками, которые могут обладать еще более высоким интеллектом.

За последние десять лет к берегам Домена прибивало иногда трупы «китов». Равна руководила вскрытием двух таких туш. Похожи на морских млекопитающих. Она прогнала результаты через простую филогенетическую программу и пришла к выводу, что эти животные — дальние родственники Стальных Когтей, которые так и не вернулись к жизни на суше.

— Это совершенно невозможно. Каракатицы — не ювенильные формы китов.

– *Грм*. Я знаю. Через некоторое время стало очевидным, что эти создания в конечном счете теряют разумность. Немногие выжившие более года укореняются, как растения, и становятся бессмысленными генераторами яиц — создают новое поколение каракатиц. Мы чуть всю работу не загубили, пока поняли. Я снарядил экспедицию в Южные Моря, нашел тот атолл, где они произрастали, и выковырял всех половозрелых яйцекладущих, которых мы нашли. Вон, посмотри, верхушки высовываются из воды.

— Я их видела. — Теперь кроны выступили из воды выше, и больше их повернулось широкой

стороной к людям и стаям на краю пруда. Такое знакомое зрелище, такое радостное… *ладно, Фам, ты прав. И такое тревожное.* Под ярким солнцем даже были видны пятна глаз на кронах. Неразумные или полуразумные, но свидетельство, что выжили дети друга. Равна медленно пошла по берегу туда, где было ближе всего к лесу крон. — Вы их выкопали? Привезли сюда? Повезло вам, что они выжили. Они предпочитают прибой открытого моря этой илистой солоноватой воде.

— Как? А откуда ты знаешь?

В голосе Магната слышались и злость, и любопытство. Сидевшие на земле элементы поднялись и пошли вслед за Равной.

Джефри был полон недоверчивого изумления:

— Равна, этого не может быть! Каракатицы выглядят совсем иначе. Глаза и…

— Они — личинки наездников, Джеф. Я никогда не видела потомства наездников, поэтому не была уверена, но посмотри, какими они вырастают.

Она показала на кроны.

Магнат окружил ее:

— Откуда тебе знать? Ты решила, что если их привезли с океана, то там идеальная для них среда? Да будет тебе известно, что, когда я перевез их в устье Шкуры, они стали размножаться в сто

раз быстрее.

Хранитель спросил голосом Зека:

— Ваше сиятельство, что там происходит?

Его речь прозвучала жалобной мольбой.

Бедняга Хранитель, — подумала Равна. — *Он уже приготовился к сеансу пыток, а время все тянут и тянут.*

Вопрос был в том, как эту задержку продлить подольше. Об этом Равна понятия не имела.

Она только могла попытаться говорить с Магнатом, обращаясь к его любознательности. Посмотрев на восьмерку, стоящую перед ней, она сказала:

— Позвольте спросить, господин Магнат, представляете ли вы себе, насколько редкое явление — возникновение двух разумных рас и их сосуществование на одной планете?

— Вполне представляю! Агенты Хранителя нам сообщают такое о других мирах. Множественность разумных рас встречается сплошь и рядом.

Равна покачала головой:

— На планетах Края, сударь, где существуют быстрые межзвездные путешествия и приличная технология. А Здесь — где эволюция идет с биологической скоростью, старым своим кровавым способом, — Здесь нововозникший разум кон-

куренции не терпит. Если естественным путем возникают две разумных расы, одна вытесняет другую до полного вымирания — и обычно еще тогда, когда ни у одной из них письменной истории нет.

— Чушь! — Но он собрался в кучу, серьезно задумался, близко сдвинув головы. — Так что или нам невероятно повезло, или…

— Или ваши каракатицы, как и мы, люди, недавно прибыли из космоса. На самом деле это дети и внуки двух моих спутников на корабле.

Магнат раздвинулся.

— Невероятно. Но я не вижу, что ты могла бы выиграть от такого вранья. В конце концов, какая разница? У этих созданий техники нет. Взрослые — яйцекладущие — вообще не разговаривают, это растения. — Он заухал. — Ничего себе спутники у тебя на корабле были. Ты их держала как декоративные растения? Ты…

Он замолчал, потом что-то булькнул на межстайном — какой-то вопрос. Две вооруженных стаи ответили отрицательно, но распределились так, чтобы… наблюдать? Слушать?

Равна не особо обратила внимание. Она смотрела на наездников в укорененной стадии, навеки засевших там, куда посадила их судьба по имени

Магнат. Это, наверное, поколение, следующее за Зеленым Стеблем. Без тележек, даже без тех самоделок, которые были у Зеленого Стебля, у них почти не было возможности запоминать новое. Они должны быть простодушны и почти лишены ума, как было до взлета их расы.

Но я рада, что выжили твои дети, Зеленый Стебель.

— Что это за звук?

— А? — Равна отвернулась от воды, увидела, что Магнат распределился по берегу пруда в позе напряженного слуха. — Я ничего не слышу.

Магнат досадливо хмыкнул:

— Часть этих звуков в диапазоне, слышном даже тебе. И все громче и громче.

— Я что-то слышу, — отозвался Джефри.

— Что у вас там?

Голос у Хранителя был совершенно недоуменный.

Теперь Равна тоже слышала это… жужжание. Очень знакомый звук. И совершенно здесь невозможный. Она посмотрела на пруд, на кроны, обозначавшие неподвижных взрослых. Несколько тонких длинных листьев поднялись выше, за последние секунды… Невозможно. Невозможно. Но проверяемо.

Равна помахала рукой и сделала несколько быстрых шагов вдоль берега, чуть не налетев на одного из Магната. Высокие кроны повернулись, следуя за ее движением. Они издавали шум, листья-ветви терлись друг о друга — как свой язык, которого Равна не знала. Но это не важно. Жужжание превратилось в распознаваемую речь синтезатора, хотя и приглушенную слоем воды.

— Равна, о, Равна!

— Зеленый Стебель?

— Это что такое? Яйцекладущие не разговаривают!

Магнат вокруг Равны вскочил на ноги. Часть его лап легли ей на плечи, и он смотрел в воду с максимально возможной высоты. По другую сторону от Равны вооруженные стаи приблизились к воде. Равна едва заметила, как Магнат жестом велел им отойти.

Может быть, есть пределы чудесам. Зеленый Стебель снова назвала Равну по имени, но синтезатор гулял вверх и вниз, слоги были почти не различимы. Разладился от бездействия или испортился? Если Магнат не заметил тележек, то, вероятно, их отрезали при пересадке. Равна протянула руки, замахала подруге.

— Двигаться они тоже не могут! — завизжал

Магнат.

Та его часть, что опиралась Равне на плечи, потеряла равновесие и рухнула в пруд. Остальная стая свесилась вниз и вытащила упавшего элемента из воды, но все глаза Магната и Равны смотрели на высокие кусты крон, торчащие из воды. Они двигались, дергаясь, метр вперед, полметра назад. Когда наездник подкатился ближе, Равна рассмотрела его тело под водой. Расширение на стебле, нижние кусты ветвей. Плоская платформа тележки… есть, но скрыта. Неудивительно, что работники Магната не видели механики. А Равна теперь видела гладкие композитные поверхности там, где от усилий Зеленого Стебля отвалились кораллы, наросшие за годы сидения на маленьком атолле.

Еще прежде, чем Зеленый Стебель добралась до берега, ее ветви обвились вокруг рук Равны, ощупывая и разглядывая в одном движении.

— Я долго видела сны… — Гудение затерло пару слов синтезатора. — И я не там, где начинала их видеть. Всегда гадала, что дальше с тобой было… — Снова гудение. — У меня столько детей, а сейчас еще и детей моих детей. Прости меня, Равна. Среди немногого, что я помню, — твоя доброта и мое обещание сдержать себя. Я виновата.

Равна улыбнулась:

— Я тоже помню это обещание. Но сюда тебя пригласили друзья. — Она показала на Магната, стоящего вокруг нее. — А твои дети под защитой, и выросло их гораздо больше, чем ты могла бы ожидать. — Равна посмотрела на Магната: — Я говорю правду, сударь?

Магнат весь припал к земле, каждый глаз смотрел на это магическое подвижное явление. Впервые показалось, что он боится. Две его головы повернулись к Равне:

— Прошу прощения, нельзя ли повторить вопрос?

— Я сказала, что вы — друг, что вы пригласили Зеленого Стебля и ее детей жить здесь и множиться. Я правильно сказала?

— Я, гм, никогда не думал об этом в таких терминах. Но я же никогда не думал и того, что эта… гм…

— Зеленый Стебель, — подсказала Равна.

— …Зеленый Стебель — личность, с которой можно говорить. — Его взгляд разделился между Равной и Зеленым Стеблем. Наконец он загромыхал: — Разумеется! Ты подтвердила очевидное. Я друг Зеленого Стебля, я в восторге, что она здесь и делает то, что делает.

Зеленый Стебель обернула лист-щупальце вокруг ближайшей головы Магната.

— Благодарю вас, сударь. Я медленно думаю и много сплю. Моя тележка не облегчает воспоминаний, но я и мой народ будем хорошими… слугами? Гражданами?

— Работниками, — твердо ответил Магнат.

— Я так рада снова увидеться с Равной. Сколько же…

— Много лет, — ответила Равна. — Я не могла тебя найти.

— Время для меня не очень много значит. Ты сейчас среди друзей?

Равна посмотрела на Магната, на Зека, который наверняка транслировал эту беседу Хранителю. Правду сейчас нельзя было сказать, и она бы не была понята. Не одна декада ушла бы у Равны, чтобы объяснить Зеленому Стеблю ситуацию, повторять и снова повторять, пока воспоминание не закрепится. Она повернулась к Зеленому Стеблю:

— Вот Магнат. Он мой друг.

И она показала рукой на восьмерку.

Синтезатор загудел. Это был бы жизнерадостный смех, если бы прибор не был такой старый и не находился под водой.

— Хорошо. Это хорошо. Я рада. Сядь и повтори мне это несколько раз.

Равна посмотрела на север — куда как дальше пруда. Пока шел разговор, большой воздушный корабль Магната уже извлекли из ангара. Он плавал над землей, привязанный к мачте причальным концом и десятками тросов. Она глянула на Магната.

— Это потребует времени, — сказала она.

Магнат переглянулся сам с собой и весь обернулся к Зеленому Стеблю. Помолчав, спросил:

— Итак, Зеленый Стебель, эта Равна Бергсндот — твой друг?

— Она мой самый дорогой друг во всей вселенной.

Экспедиция Великого Магната в Домен была на один день отложена. Почти все это время Равна, Джефри и Магнат сидели вокруг пруда каракатиц — пруда *личинок наездников* — и объясняли, что они ненадолго уедут, но вернутся с интересными новостями и проектами. Одного дня повторения, наверное, будет достаточно. Зеленый Стебель запомнит и будет помогать разными способами, которые заранее заинтриговали Магната и как дельца, и как изобретателя.

Ни в какой момент Магнат не шел ни на какие

уступки, даже когда Равна говорила с ним наедине. Но когда два корабля наконец взлетели, Джефри и Равна были на борту корабля Магната.

Глава 36

У Равны Бергсндот, дочери Края, все, что было до космических полетов и автоматизированных вычислений, сливалось в аморфный романтический туман «дотехнологических времен». Годы, проведенные среди Стальных Когтей, были нескончаемым открытием на тему, как мелкое улучшение может в корне изменить жизнь. Воздушный корабль Магната был невероятно примитивной машиной, но Равне пришлось много *ходить* по земле, над которой сейчас она пролетала. Места, где нужно было потратить декаду мучительных усилий, она пролетала теперь за считанные часы. Это был бы восторг, если бы не то, что в первые сутки она была заперта в той же знакомой крошечной каюте.

Утром второго дня продвижение замедлилось. Появились воздушные ямы, тени в облаках показывали не в ту сторону — где-то ночью Магнат изменил курс корабля. Вдали было видно судно Хранителя. Оно шло сзади и вчера показывалось редко.

Четверка-стюард постучал в дверь, но не ради

завтрака.

— Сюда, сюда, — позвал он.

Равна вылезла в люк. Справа от нее стюард уже уходил вперед, иногда только на нее оборачиваясь. Стая-охранник шла от Равны слева. На борту охранник был вооружен короткоствольным оружием и дула держал вниз.

— Осторожно, пистолеты, — сказала она, обернувшись к Джефри.

— Привет, друг!

Джеф помахал стае рукой, выходя в коридор.

Между стюардом впереди и охранником сзади люди двигались медленно. Через равные промежутки в стенах были люки — каюты, очевидно. Лампы у всех поворотов были зажжены. Не в первый раз Равна про себя повторила как молитву: *Очень надеюсь, что они не забыли украсть технику стабилизации водорода.*

Коридор был длиннее пассажирского отсека и плавно изгибался вдоль брюха корабля, уводя к носу. А где же еще расположил бы свой двор Магнат?

Пассажирский отсек наконец кончился. Проход открывался в поперечный коридор, идущий поперек гондолы. Обычные пятнадцатисантиметровые иллюминаторы с каждой стороны,

масляные лампы бледнели в свете солнца. Посреди открытого места расположилась местная версия винтовой лестницы — похожая на вентилятор спираль колец, вполне подходящая для подъема стаи цепочкой по одному. Стюард послал наверх один из своих элементов. Равна услышала его бульканье, объявляющее о прибытии людей. Через секунду он скатился вниз.

— Наверх идти прошу, пожалуйста.

Равна двинулась вверх, закручиваясь, как актер в какой-нибудь комедии с обитаемыми базами инопланетян, но нигде не застряла. В конце концов она вылезла на ковер верхнего уровня и увидела яркий солнечный свет.

О Силы! С помощью самой примитивной технологии Магнат добился визуального эффекта, который сделал бы честь конструктору из Нижнего Края.

У этого типа мания величия, но воображение ей под стать.

Носовой зал аудиенций Магната тянулся почти на десять метров от штирборта до бакборта. Потолок изгибался, следуя корпусу дирижабля, вверх и кое-где был так высок, что человек мог стоять. Иллюминаторов из мутного стекла не было. Магнат еще не сплагиатил изготовление

больших листов ясного стекла, но свои небольшие иллюминаторы использовал полностью. Их было сотни. Стекла встроены в тонкую металлическую сетку, окружавшую носовую переборку. Неудивительно, что Магнат сидел на тронах, представая во всей красе. Два его элемента смотрели, кажется, на нее, остальные наружу, откуда бил такой яркий дневной свет, что превращал их в силуэты.

От этого внушительного зрелища ее отвлекла недовольная ругань Джефри. Он был на середине лестницы, полностью обернулся вокруг первого поворота, но слишком был велик, чтобы пролезть.

Она нагнулась, схватила Джефри за обе руки, уперлась ногами и потянула его на себя. Он стал отталкиваться ногами, и так его втягивали по сантиметру за раз. Со звуком щелкнувшего металла Джефри освободился, растянулся на ковре верхней палубы и сел.

Кто-то заговорил голосом Хранителя:

— Этот большой человек ломает лестницу? Когда я говорил, что люди разрушают все, к чему прикасаются, я не ожидал такого буквального подтверждения.

Кто-то другой булькнул что-то, будто отмах-

нулся от этих слов. Равна обернулась. Ага, на отдельном насесте сидел Зек, завернутый в свой радиоплащ. Значит, есть другие слушатели, предлагающие советы. Где они присутствуют физически? У себя за спиной она видела одну-две головы охранника, высовывающиеся с лестницы. Так-так… Есть еще один, не стая и не элемент в радиоплаще: это Ритл. Она сидела на солнце с носовой стороны тронов Магната. Что-то в ней было самодовольное, будто ей какая-то каверза с рук сошла.

Равна показала на синглета.

— Я думала, вы хотите оставить Ритл в тропиках? — спросила она.

Магнат раздраженно хмыкнул:

— Да. Эта тварь ночью вылезла из ящика. Ремасритлфеер был прекрасным работником, но, кажется, я слишком чту его память. — Он оценивающе и недобро посмотрел на остаток своего работника. Ритл беззаботно повернулась на своем бархатном насесте и испустила несколько аккордов, которые даже Равне показались наглыми.

Магнат не обратил на это внимания, а сделал величественный жест вперед:

— Мы приближаемся к Домену.

Оттуда, где сидела Равна, ей было видно только

небо. Она поднялась на колени, выглянула в окна носовой части. Увидела до боли яркий свет, пятна тени и темный камень. Ледники и пики Ледяных Клыков расстилались перед кораблем. Равна вспомнила карты. Амди планировал последний этап бегства через эти горы. Долина, лежащая внизу, выходила на один из южных пограничных постов Домена.

— Я смотрю, еще надо через эти горы перебраться, — заметил Джефри.

— Радуйся задержке, человек, — ответил Зек голосом Хранителя. — Очень скоро попадешь к Невилу.

Магнат произнес какую-то повелительную фразу и перешел на самнорский:

— Это буду решать я, а не Невил.

— Виноват, господин! — тут же опомнился Хранитель. — Разумеется, у Невила тут никакой власти нет.

Кто-то из восьмерки смотрел на Джефри. Даже глядя против пылающего дня, можно было рассмотреть, что взгляд недружелюбный.

— Через горы перелетим самое позднее к завтрашнему дню. Ветер меняется куда чаще, чем приливы и отливы.

Великий Магнат минуту помолчал. Все восемь

разглядывали сверкающие снежники и зазубренные черные скалы. Немножко зная Магната, можно было понять, что это героическая поза, рассчитанная в основном на зрителей. Кажется, Ритл тоже так подумала и высказала несколько уничижительных замечаний. Магнат рассмеялся, отмахнулся от ее уколов.

Приглушенное жужжание турбин из кормы стало чуть громче. Экипаж Магната — находящийся предположительно в гондоле управления — снова менял курс. Равна подумала, что опоздание на один день может изменить планы Магната и Невила. *Насколько часто эти экипажи перелетали Ледяные Клыки?* Этого не было до ее похищения: «Внеполосный» сразу бы обнаружил нарушителей.

Длинный и плавный поворот вдруг прервался, палуба ушла из-под ног Равны, потом подпрыгнула, сбив с ног. Джефри подхватил ее под руки, и как-то они смогли удержаться в этих тридцати секундах турбулентности.

Стальные Когти перенесли это легче. Привязных ремней не было, но у всех насестов имелись деревянные перила, и Равна видела, как каждая лапа обхватила их когтями.

Магнат что-то булькнул Зеку. Джефри перевел:

— Он сообщает Хранителю про турбулентность.

Зек что-то пискнул в ответ. Радиоплащ сбился на сторону, отодвинулся от мембраны. Бедняга дергал плечами так и этак, наконец смог поправить плащ и медленно произнес несколько звуков, похожих на имена элементов. Проверяет связь с остальными своими телами?

Снова на линии оказался Хранитель:

— У нас все в порядке, но еще потряхивает. Сообщите людям, что их стая щенят несколько скисла от погоды…

Угроза, значит. Может быть, Хранитель решил, что она может сказать Магнату нечто такое, что настроит господина против него.

Магнат хмуро кивнул — пропустив мимо ушей значение, которое услышала Равна.

— Надо полетать туда-сюда перед этими горами. Я уверен, что есть перевалы в воздухе, как есть перевалы для наземных путников. Разница в том, что воздушные пути надо угадывать, и они то и дело меняются. Я повторяю: к утру мы будем за этими горами.

Он говорил с уверенностью хозяина, не знающего возражений.

Курс пришлось поменять еще два раза, долго

и медленно проплывая мимо Ледяных Клыков. Если не считать быстрых встречных потоков воздуха, найти не удалось ничего, уж тем более пути через горы. Это время Магнат использовал, чтобы удовлетворить свое любопытство, вытаскивая из Равны сведения о «высоких пространствах».

— Всегда интересовался, что там за небосводом, — говорил он, — но от этого не было ни унции прибыли, и я эту непродуктивную часть воображения подавил. Теперь жалею, что не оказался умнее. Вы, люди, даете нам новые идеи и в то же время делаете чудовищные вещи. Придет время, и мы будем исследовать глубины пространств, а не карабкаться через горы.

— Вы правы, сударь, — отвечала Равна. — Звезды не так уж и высоко.

В таких разговорах они провели еще одну смену курса. Он считал ее сообщения о Зонах и ограничениях скорости света наивным негативизмом и еще меньше интереса проявлял, когда она пыталась объяснить, что такое Погибель.

— Хватит этих религиозных бредней! — заявил он. — Мне нужны люди практического ума, открытые новым концепциям. С моими идеями, с твоим умением работать с машиной, с невиловским черт его знает чем…

— И без вмешательства Резчицы, — вставил Хранитель.

— Да, конечно. — Пара голов Магната глянула на горы. Предвечерние тени потянулись через ледники и скалы. — Это нестерпимо! — сказал он. — Ночь будет лунная, но я не могу рисковать подлетать так близко, как днем.

Ритл что-то булькнула.

— Тихо ты! — ответил ей Магнат. Восьмерка и близко не была сейчас так терпелива с Ритл, как утром. Он ткнул мордой в сторону Зека: — Каковы будут последствия задержки еще на день?

Хранитель ответил, но куда более осторожно, чем обычно.

— Боюсь, что Невил Сторхерте сейчас довольно… настойчив. Он сказал, что объявил общее собрание, причем с помощью различных интриг и уговоров убедил Резчицу присутствовать. Если мы не появимся завтра ко второй половине дня, он говорит, что может быть катастрофа.

— Чертовы двуногие. Мне надо с ним поговорить напрямую!

— Это может не подействовать, мой господин. Я думаю, в этом Невил правдив. Я знаю, что у Резчицы очень трудно выиграть.

— А там одна только Резчица? Не появлялась

Джоанна? Или Странник?

— Нет, мой господин.

— Смотри, чтобы сюрпризов не было. — Магнат минуту помолчал. — Невил или не Невил, но завтра мы должны быть. Надо еще учесть наш морской флот. Там тонны груза, в том числе 1024 рации, *дар*, который произведет впечатление и на людей, и на сторонников Резчицы. Да в конце концов с тем же успехом мы могли привезти тысячу стволов на спинах стай-стрелков. Ты уверен, что флот будет к полудню?

— Да, мой господин. Он продвигается уверенно. Невил его отслеживал, а теперь мои агенты тоже его обнаружили.

— Отлично. — Магнат энергично закивал. — Я в маркетинге поднял одну вещь: объявления, продвижение и поставка продукта должны быть полностью координированы. Я…

Его перебил Зек, но голос принадлежал не Хранителю.

— Чего я не понимаю, почему мы непосредственно от флота ничего не получили? У них есть рации, мы можем просто их попросить, чтобы они задержались с высадкой, пока она не впишется в общую схему.

Неизвестному ответил Хранитель:

— Это верно, прямой связи у нас не было. В конце концов, Хор — скорее обстоятельство, нежели союзник, а эти плоты — очень малый фрагмент его. Флот не должен был отплывать так рано, но весь коммерческий груз был уже у него на борту.

— Кому это ответил Хранитель? — спросила Равна — слова просто сами выскочили. Кто бы это ни был, он очень неплохо говорил по-самнорски, и голос был странно знаком.

— Это отчасти тот Божидар, которого ты знала в Домене, передает с юга через Зек-Ут-Та-Фур-Ри. Я его просил заменить обычного тропического советника. Он даже сейчас понимает север лучше, чем большинство из нас.

— Вот это да! — Джефри был поражен не меньше Равны. — Как я рад, как я рад, что он добрался домой!

Зек встряхнулся и что-то быстро булькнул. Потом добавил по-самнорски:

— Я выжил в основном, но лучшие разговорщики — нет. Спасибо вам, люди-убийцы. Будь это Джоанна…

Зек прервался, не успев договорить, аккорды перебили самнорскую речь. Бедняга Зек извивался, будто его током бьют. Равне показалось, что он сжимается, пытаясь закрыться от невидимых

ударов. Но тут же он пришел в себя и заговорил голосом Хранителя:

— Прошу прощения, попали в воздушную яму. Господин, у меня есть предложения, как изменить процедуру в связи с нашим поздним прибытием… но если вы настаиваете, чтобы эти два человека при нем присутствовали, я хотел бы поговорить с вами по секрету.

Магнат и его дальние советники быстро обменялись несколькими репликами на межстайном. По крайней мере четыре элемента Магната смотрели на закатные цвета, густеющие на ледяных полях. Магнат что-то булькнул вооруженной стае — и Равну с Джефри повели вниз по закрученной лестнице.

Проползая по главному коридору в сторону камеры, Джефри сказал:

— Эх, были бы мы хоть вполовину такими умными, как Хранитель говорит.

Джоанна была в море уже шесть декад. С тех пор как нашлись ящики с рациями, никогда не прекращалась ее борьба за то, чтобы не подпускать к ним толпу. Слава небесам, рации были только на этом главном плоту. (Но зачем их *столько?* Она все никак не могла этого понять.) Своих спутников она уговорила заделать трещину в

расколотом ящике, так что единственной рацией на свободе осталась только та, что выпала, та, которую она продолжала «защищать».

Можно было бы подумать, что одурачить Хор будет либо невозможно, либо элементарно. На самом деле различные ассоциации Чиперса действительно верили каждому ее слову. Они снова и снова защищали ее от нападок и мелких укусов, а однажды — от визжащей толпы недоверчивых.

Одно время у Джоанны был соблазн выбросить рацию за борт: дождаться только штормовой ночи и надеяться, что никто из команды не услышит, как она это сделала. Но она заметила, что иногда Стальные Когти что-то вынюхивают возле ящиков с рациями. Такие время от времени возникающие «поперечники» были главным источником творчества в Хоре. В тех случаях, когда они не погибали по собственной глупости, эти фрагменты открывали вещи, о которых никто другой не думал. Даже если толпа останется в целом лояльной, в конце концов кто-нибудь вломится в эти ящики — и радиомолчание флота взорвется грохотом.

Так что она решила собственную рацию сохранить. Это заняло несколько ночей работы, возни под одеялами, но Джоанна сумела открыть

устройство и убрать пружину из переключателя передача-прием. Она не очень понимала действие механических пружин, что их заставляет толкать или тянуть, когда ты их толкаешь или тянешь, и потому удалила все мелкие движущиеся детали. И решила про себя, что даже распределенный интеллект своры не сможет заставить эту кнопку работать.

После этого она вытащила рацию на солнце. Свора немедленно заклубилась вокруг, на удивление тихая. Стальные Когти слушали так внимательно, как только они могут. Через некоторое время они перестали так интенсивно слушать, и Чиперс сказал Джоанне:

— Звучит вот так.

Он воспроизвел звук с усилением — щелчки и дребезжание, которые Джоанне показались случайным шумом. Может быть, Невил уже забыл свой робот-запрос, но тут из коробочки послышались громкие шумы, прервавшие передачу Чиперса. Голос на межстайном снова и снова запрашивал ответ. Свора из кожи вон лезла, стараясь ответить — разумеется, безуспешно.

Примерно через пять минут передача прекратилась. Еще через час снова закрутился закольцованный голос, и еще через час. Хранитель и

Невил наудачу прощупывали эфир в надежде, что коммуникаторы включат. Джоанна про себя улыбнулась. *Этого* не будет, но некоторое применение для рации она найдет.

Они миновали бывшую прибрежную столицу Резчицы. К востоку высились знакомые обрывы и долины Домена в обрамлении ледников, знакомые места… родины. С запада кончилось открытое море. Потянулись маленькими группами острова севера, их постепенно появлялось все больше и больше, полузатонувших гор, превративших этот угол моря в сеть проливов. Очень скоро они выйдут к Скрытому Острову или к Береговой, и тут начнется действительно интересное. Так или иначе, уже не придется пить вонючую воду и выбирать между копченым мясом и сырой рыбой.

Как-то днем показались мультилодки под цветами Домена. Они крейсировали вдоль материковой части пути флота, но на расстоянии, не приближаясь. Когда Джоанна их впервые увидела, она чуть не бросилась к вершине плота, чтобы махать и кричать. Не могли же Невил и Хранитель захватить Домен? Точно не могли?

На самом деле она этого не знала, а потому затаилась, чтобы ее видно не было.

На следующий день рация все еще получала ежечасные запросы от Невила или Хранителя, но теперь были и более интересные звуки. Почти все они терялись в шуме, но Чиперс и его друзья их ей ясно повторяли. Человеческие голоса, голоса близких приятелей Невила.

Разговоры были отрывочные и односторонние. Невил использовал «Внеполосного» или спутник для связи с индивидуальными рациями, а также чтобы отлавливать их слабые сигналы. Джоанна не слышала Невила, кроме тех случаев, когда он направлял ей свое автоматическое сообщение, но чем ближе подходили плоты к сердцу Домена, тем чаще она оказывалась в диапазоне передачи других раций.

— Слышь, Невил, тут десять барж, как ты и говорил. Что?.. А откуда я знаю? С виду все похоже на хлам. — Это была Тами Ансндот — ее хлебом не корми, дай поругаться. — Одна половинного размера, будто пополам раскололась… Ну так сгоняй Тщательника на его пузыре, пусть посмотрит.

Тщательник жив!

Последствия, последствия…

Наступила пауза — очевидно, Невил объяснял, почему Тщательник не может помочь. Джоанна прикусила губу, пытаясь вообразить, какую ложь

он сейчас выдумывает и что она прикрывает. *Не сломай я кнопку, я бы сейчас Тами малость ума вложила!* Плохо, что Тами — отрицатель, но куда хуже, что она верит и прочему невиловскому вранью.

Она узнала все голоса — отрицатели с опытом работы в лесу. Невил, видимо, придает значение этим плотам. Так, а где голос ее брата?

Весь остальной день Джоанна продолжала слушать. Там и сям пробивалась полезная информация. Да, ее флотилия была действительно важна, каким-то образом она всем покажет, что Резчица — «дура и обструкционистка, как мы всегда подозревали». Это сказал какой-то идиот, явно повторяющий невиловскую пропаганду. Будет окончательно заключен какой-то важный договор, эти десять плотов послужат закреплением сделки и покажут дорогу в новое будущее.

Ага, но это только если они смогут управлять моими сворами!

В какой-то момент Тами сказала нечто вроде:

— Только жалко Джо и Равну. Были бы они здесь — могли бы убедиться, как они во всем ошибались.

Джоанна была почти рада, что не смогла услышать захлебывающееся фальшивое горе, которое

продемонстрировал Невил.

— Мимо меня прошел последний плот. — Это был новый голос, похожий на Били Ингву. Нет, не он — его младший брат. Мерто, наверное, знал про все предательства и убийства, но не умел этого так хорошо скрыть, как Били или Невил. Сейчас его голос звучал заговорщицки. — Нет, я уже тебе сказал. Никаких признаков человека ни на одном судне. Ну пошли ты кого-нибудь проверить их заранее?.. Да, понимаю. Ну ничего, завтра это все уже будет по-другому.

Глава 37

Следующие двадцать часов корабль Магната гудел туда и обратно, стучась в воздушные двери гор и надеясь наконец найти ветры, уснувшие или хотя бы дующие в нужную сторону. Где-то перед рассветом стратегия Магната дала результат — а может быть, Невил сообразил, как скоординировать наблюдения спутника с программами «Внеполосного», и вывел корабль на нужный горный перевал в нужное время.

Как бы там ни было, но еще до следующего полудня оба корабля перебрались через Ледяные Клыки и спускались к земле. По эту сторону гор башни облаков, сгрудившихся сверху и снизу, прикрывали от света мрачный день. Болтанка и прыжки вызывались не возмущениями в чистом воздухе, а шквалами в грозовых тучах.

Когда стюард корабля прибыл за Равной и Джефри, свет все еще был тусклым, как на восходе, — только иногда вспыхивала молния. Все трое, сопровождаемые сзади стаей-охранником, двинулись по главному коридору, болтанка была куда сильнее обычного.

Равна ввинтилась по спиральной лестнице в носовой зал Магната. Джефри вслед за ней поднялся почти так же легко. Очевидно, Магнат распорядился убрать часть перил, расширив лестницу для Джефри.

Как обычно, открывался величественный вид, но на этот раз не было ослепляющих под солнцем ледников. Корабль Магната пробивался сквозь нижний слой облачности. Иногда видимость была нулевой — потом появлялись лесистые долины, луга, до невозможности зеленые под толстыми тучами и дождем.

Большая часть Магната глазела на небо, притворяясь, как всегда, что такая мелочь, как прибытие пленников, недостойна его внимания. Вдоль обоих бортов выстроились облака километр за километром. Между ними и лежащей внизу землей играли молнии. Каждые несколько секунд носовые окна освещались ослепительной вспышкой и гром потрясал сетку стекла. Магнат вздрогнул, потом повернул пару голов к Равне и Джефри:

— Бояться совершенно нечего. Хранитель мне говорит, что мы выйдем из зоны шторма в пределах получаса.

За этим заверением последовало пятнадцать

минут очень сильной тряски. Магнат и его удаленные советники обменивались иногда замечаниями, но только на межстайном. Через Зека говорили не менее четырех стай. Одной из них явно был Хранитель, другая, похоже, тот Божидар, что выходил в сеть накануне. То и дело всплывало имя Невила.

— Магнату все меньше и меньше нравятся советы Невила, — прошептал ей Джефри.

Два элемента Магната обернулись на эти слова, но никак больше стая не дала понять, что их слышала.

Прошло двадцать минут. Земля скрылась из виду. Кто мог знать, какой горный пик притаился прямо впереди? Но не прошло и десяти секунд, как корабль пробился через фронт шквала, вынырнул из яркой стены облаков. Это было уже в глубине Домена, за скудными фермами скотоводов и земледельцев, поближе к самым высокогорным богатым имениям. На земле виднелись пятна снежников и потоки мутной воды.

Весна в Домене Резчицы — это декады грязи и дождя. Это время года еще даже до середины не миновало, но сегодня выдался один из тех чудесных дней, когда бури объявляют перемирие и повисает бесконечное синее небо, дразнящее

обещание лета. Первые цветы среди тающего снега и грязевых потоков выкрасили луга во все цвета, доступные глазу (в том числе и в те, которых не видят бедняги Стальные Когти). Сквозь промытый ветрами и дождем воздух видно было до самого горизонта, сверкающего серебряной линией с редкими темными зубцами.

Разговор между Магнатом и его советниками превратился во взаимные поздравления. Торжествующе затрубив, Магнат обратился к Равне:

— Не ожидала? У Хранителя радиоконтакт с Невилом, и сейчас нас поддерживает вся мощь вашего звездолета. Не надо больше прятаться по углам, чтобы ты нас не увидела.

— Абсолютно верно, ваше сиятельство, — поддержал Хранитель. — Ваше решение похитить Равну Бергсндот было гениальным ходом, господин Магнат. Революцией в наших действиях.

— Ну, это было твое предложение, Хранитель. — Он вздернул носы вверх в одобрительном жесте, который, наверное, потерялся в передаче Зека. — Я тебя хвалю.

Джефри закатил глаза, но, слава Силам, промолчал, а Хранитель продолжал свой анализ:

— И теперь все солнечно и ясно во всем. Мы в графике и успеваем на обнародование альянса с

Невилом, как планировалось. Флотилия плотов уже сейчас у Скрытого Острова.

— Все равно еще надо разобраться с фракцией Равны, — напомнил Магнат.

— Доверьтесь мне, господин. Вспомните наши беседы по этому поводу. Мы с Невилом просто должны как следует подать наше приземление. Откровенно говоря, у Равны никогда не было мощной поддержки, если не считать отсутствующих Джоанны и Странника. У Резчицы нашлись свои причины не любить Равну. Если мы верно разыграем нашу партию, Резчице придется принять новый порядок вещей.

— Все равно еще останется Свежеватель, — возразил Магнат. — Пусть он наш союзник и я всегда им восхищался, но я подозреваю, что он играет в свою игру.

— Да. — Голос Хранителя перешел в задумчивое шипение. — Свежеватель всегда будет проблемой… можно один раз искренне?

Все это время Джефри пристально смотрел на горизонт.

— Вон он! Вижу Китовый Остров!

Равна посмотрела, куда он показывает. Всего два небольших пятнышка на краю мира, но она узнала Зазубрину и Арку.

— Взять на полградуса направо, — продолжал Джеф, — и мы увидим Холм Звездолета.

Направление было понятно, но видела Равна только пятна зеленого, серого и белого.

— Наконец-то правильное применение для людей! — сказал Магнат. — Как впередсмотрящих… если бы им еще можно было верить.

Он вытащил два длинных медных цилиндра и установил их на вертикальных стойках возле своих элементов, расположенных по краям. Четыре других элемента, лицом к Равне, разглядывали разложенные перед тронами карты. Двое крайних элементов стали согласованно водить подзорными трубами.

— Хранитель, вижу звездолет! И правда такой волшебно-зеленый и глянцевый, как ты говорил. — Он еще полюбовался телескопическим видом, потом будто взволновался по поводу предстоящих опасностей. — Здесь мы наверняка найдем человека, которому можно будет верить. — Один его элемент посмотрел на Равну: — Это правда, что твой корабль может уничтожить нас мгновенно и даже на таком расстоянии?

— …Да-а, — ответила Равна не сразу.

Если Невил установил каскад усиления, луче-

вое ружье может сжечь все в радиусе прямой видимости. А в отсутствие Равны сисадминские права Невила были бы достаточны, чтобы использовать его как оружие.

У Хранителя по этому поводу были свои мысли:

— Еще одна причина держать Равну в плену. Да, Невил — тоже двуногий, но ему мы нужны.

Флотилия Джоанны вытянулась в цепь. Как и всегда, ее плот оказался впереди. Она оглядывалась на остальные — они растянулись слегка изогнутой дугой на две тысячи метров. Ха. Как следует прищуриться — и они покажутся большими военными кораблями, которые показывала Равна, когда еще думала, что ньоранская история может что-то значить для страумеров. (Само собой, сказки о Принцессах Джоанна любила еще с пяти лет.)

Всего на борту плотов флотилии было около двух тысяч Стальных Когтей. Оказавшись на берегу, они тут же станут проблемой, как всегда бывало с потерпевшими крушение тропиканцами, только теперь десятикратной. А может быть, и нет. Потому что они — ее, Джоанны, союзники.

Миновали южную оконечность Китового Острова. Впереди лежал Скрытый Остров на западе

и материковые обрывы к востоку. Моряки Джоанны стали настоящими специалистами. Сейчас все их умение было посвящено идеальному «вдеванию нитки в иголку» — проходу точно посередине Проливов.

Вдруг ожила рация. Это было уже не неразборчивое бормотание подслушанных разговоров, а слова на языке Стальных Когтей, посланные прямо с «Внеполосного» или со спутника.

— К земле. К земле на восток. На восток.

Аккорды были понятны даже Джоанне.

— Там-там-там!

Ассоциация Чиперса кричала по-самнорски, показывая в сторону материковых обрывов, но севернее причалов Береговой. Джоанна увидела узкий пляж перед крутым откосом, а на откосе стояли люди и махали кусками цветной материи.

Вокруг Джоанны вскинулись головы. Стальные Когти зашевелились вокруг мачт. Элементы палубной команды тянули тросы, и весь корабль стал поворачивать в сторону этих сигнальщиков.

Голос Мерто:

— Эгей, получилось! Они сворачивают к Скалистой Гавани!

К югу от плота Джоанны весь строй стал сдвигаться вправо, к узкой полосе Скалистой Гавани. Джоанна прищурилась, чтобы видеть получше. Здесь она не бывала после кораблекрушения на втором году, еще до создания тропиканского посольства. Здесь теперь не было так смертельно опасно — берег несколько выровняли, а стаи Резчицы взорвали порохом самые опасные скалы, но все-таки это не была настоящая гавань.

Ну понятно! Вот почему Невил хочет, чтобы тропиканцы высадились здесь. Непричастных зрителей можно будет держать на расстоянии, а тропиканцы и весь груз окажутся во власти того, кого сюда пошлют Невил и Хранитель.

А меня поймают раньше, чем кто-нибудь узнает, что я вообще жива.

До каменистого берега оставалось меньше тысячи метров. Джоанна застыла на секунду. Потом схватила рацию и бросилась знакомым путем вверх по нагромождению груза у основания самой высокой мачты. После всех этих декад она так натренировалась, что двигалась быстро, безопасно и так, что каждый шаг был скрыт от наблюдения со спутника.

Но от наблюдателей с берега она не скрыта.

— Эй, эй, эй, слушайте!

Человеческий голос Джоанны был еле слышен, но ничего другого у нее не было. Стальные Когти смотрели на Скалистую Гавань, тянули паруса, чтобы свернуть на восток. Джоанна подпрыгивала, махала руками, и Чиперс и кое-где еще головы повернулись к ней, и Хор постепенно переводил внимание на нее.

— К западу! К западу! — Она показала сперва на Скалистую Гавань, потом описала рукой полукруг, тыча в Скрытый Остров. Это была наилучшая имитация того, что может показать синглет мордой и шеей. — *К западу!*

И она повторила жест.

Рация у ног молчала. Везение не покинуло ее: она пока не была замечена наблюдателями Невила.

Свора на миг закрутилась без толку. Из рации были получены ясные указания. В такой ситуации они могли отказаться принять ее подачу. Но сейчас она даже умела узнавать танец ряби, показывающий возбуждение фракций разума. Рация молчала, и все больше и больше клочков сознания в своре усиливали указание Джоанны.

А потом она увидела координированное единство. По всему плоту зубы сжались на тросах и рукоятях, потянули как надо, реагируя на резуль-

тат, чтобы корректировать и продолжать маневр. Плот снова повернулся, величественно дрейфуя к западу поперек проливов.

Это уже заметили и с берега. Рация ожила двумя-тремя людскими голосами:

— Черт побери, головной плот потерял управление!

Сигнальщики, махавшие руками в Скалистой Гавани, отчаянно запрыгали. Джоанна слышала долетавшие с берега крики, все — человеческие голоса. Пусть Невил заводит шашни с Хранителем, но все равно он расист.

— Что там случилось? — Это был голос Тами. — Силы небесные, Невил, там на головной барже что-то странное. Какой-то пучок лохмотьев прыгает у главной мачты!

Спасибо, Там, за оценку моего костюма.

Джоанна не устояла перед соблазном: на минуту перестала подбадривать Хор и обернулась к обрывам. Можно было только догадываться, где там Тами, но Джоанна радостно помахала в ту сторону.

Тут же зазвучал голос Тами:

— Ой, Невил! Оно *живое*! Там на барже человек… это *Джоанна*! Что значит «не может быть», я же вижу! Наконец мы узнаем, зачем она делала

все эти ужасные вещи.

Рация замолчала. Джо снова помахала рукой, но ответа со стороны Тами не вызвала. Она посмотрела на юг. Следующий за ней плот повторил ее маневр — и следующий за ним тоже! Может быть, все десять уйдут от милого рандеву, которое приготовил им Невил.

Плот Джоанны был уже ближе полутора тысяч метров от причалов Южной Стороны Скрытого Острова. Уже были видны там стаи и люди, собиралась толпа.

Рация у ног Джоанны ожила, забулькала на межстайном. Кое-где поднялись морды. Аккорды звучали как то же самое требование… ага. Именно оно — запись требования повернуть плот к Скалистой Гавани. Глупо, Невил. Точное повторение будет сочтено бездумным. И верно — не больше десятка из всей своры обратили внимание. А когда сообщение повторилось еще раз, не повернулась ни одна голова.

На причалах Южной Стороны народу прибавилось. С такого расстояния трудно было кого-нибудь узнать, но было полно Детей и полно стай. Джоанна выпрямилась во весь рост и махала рукой. Даже если у них нет биноклей, они увидят, что среди тропиканцев есть человек.

Джоанна смотрела, как по мере приближения к Скрытому Острову меняется перспектива. Прилив был попутный, пролив сужался, и поднялся ветер. Плот шел, наверное, метра три в секунду. И все остальные плоты шли следом. На востоке отчаянно махали сигнальщики в Скалистой Гавани, никем не замечаемые. Впереди на материковой стороне видны были крутые ступени фуникулера вдоль обрыва. Весенние водопады сверкали радугами на крутых спусках, а сверху виднелись на фоне неба силуэты домов. Холм Звездолета и Новый замок видны не были, но через несколько секунд она увидит «Внеполосный».

И он ее!

Даже низко пригнувшись, Джоанна заметила блеск радужной зелени — один из шипов ультрадрайва «Внеполосного». Она схватила рацию и спустилась по западной стороне штабеля груза, чтобы ее не видно было с обрыва и с корабля. Они с Джефом единственные из Детей видели, как лучевое ружье было использовано для куда более серьезной работы, чем нагрев водяных баков в жилых домах. Джоанна помнила, что оно может сделать, имея каскад усиления, помнила расплескавшийся металл и взорванные тела. Но ведь Невил не посмеет пойти на убийство в присут-

ствии стольких свидетелей? Да, не посмел бы, но ведь эти, на Южной Стороне, ничего толком и не увидят? Так что он может рискнуть. Придумать скользкое и сумасшедшее объяснение. В конце концов, разве Тами не сказала, что там на барже «что-то», похожее на тряпичный манекен?

Так что сыграй надежно, не высовывайся, пока не окажешься на берегу, чтобы все видели неопровержимую правду.

Она бросила рацию в воду — пусть Невил голову ломает, куда девался прибор.

Джоанна переползла на западную сторону плота, стараясь не попадаться под ноги тропиканцам, работавшим с парусами и румпелем. Внимание своры было сосредоточено на безопасном подходе к причалу, и тот факт, что Джоанна перестала подбадривать команду, значения уже не имел. Она заползла на один из ящиков, которые взломала в поисках теплых плащей. Отсюда отлично был виден приближающийся причал.

И Бен Ларсндот там был! Он стоял в смешанной толпе — люди служили достаточной прокладкой, чтобы стаи не влезали в пространство друг друга. Все они вооружились кто чем мог: бревна, багры, шесты. Джоанна помахала как можно более заметно:

— Эй, Бен! Привет всем! Эти тропиканцы — друзья, не трогайте их!

Ее голос потерялся на морском ветру.

Чья-то морда ткнулась ей в плечо — Чиперс. Джоанна погладила его по плечам:

— Повторишь, что я сейчас сказала?

Ее слова загремели над водой, повторенные ее же голосом. И другие Стальные Когти на плоту подхватили клич. Распев стал громче, она зажала уши от боли. Орали, к счастью, недолго, но когда подошли ближе, эхо ее голоса отразилось от дальнего обрыва. Теперь намного труднее было бы отрицать ее появление!

Больше она ничего не говорила — уши не выдержат повторения крика. Вместо этого она поползла дальше вдоль «палубы» грузовых ящиков.

До причала оставалось тридцать метров. В такой близости к берегу нормальные стаи убрали бы паруса и взялись за причальные тросы и шесты, чтобы медленно остановить плот. Своре это было безразлично, тропиканцы привыкли к мягким мусорным кучам по берегам Шкуры. Паруса оставались поднятыми, но экипаж творил чудеса с ветром и замедлял движение судна по мере приближения к берегу. Там и люди, и стаи подались

назад, крича своре, чтобы спустила паруса.

Джоанна посмотрела вперед и вниз, на причал. У нее не будет трудностей с выходом, и людей вокруг полно. Когда она окажется на берегу, Невилу придется перебить кучу народу, чтобы до нее добраться. *Но он вполне может пойти даже на это.* Как-то надо будет убраться с причала и спрятаться в городе.

А если перед грядущим столкновением спрятаться *под* причал? Совершенно сумасшедшая мысль, но… Она заглянула в тень под причалом. *Может быть.*

— Чиперс!

Чиперс и еще несколько подошли к ней.

— Оставайтесь тут. Все оставайтесь на плоту, понятно? Тут все друзья.

Потом Джоанна сползла с грузовых ящиков, ниже уровня взгляда тех, кто стоял на пирсе. Никто не увидит точно, куда она направилась. И уж никто точно не подумает, что у нее хватит дури…

Она головой вперед нырнула из-под выступающего груза, метя в просвет между сваями причала.

Цепенящая пытка. Она выплыла на поверхность, почти парализованная холодом. Арктическая весна. Снова уходя под воду, едва способная

шевелиться, Джоанна вдруг очень ясно вспомнила, как когда Дети были все маленькие, Равна и Странник им объясняли, как быстро может потонуть человек в такой воде.

Она заставила себя вскинуть руки, ударилась обо что-то твердое. Косая скрепа свай. Еще одну она задела ногой, подтянулась к горизонтальной перекладине. На миг повисла, высунувшись из воды по бедра. Ноги не слушались, сил не хватало выбраться на руках. Не отпуская рук, провела по плечу лбом, чтобы отбросить с глаз волосы. Вокруг торчали обросшие ракушками сваи. Некуда было встать, невозможно было двигаться под пирсом к твердой земле. Руки соскользнули на сантиметр. И почему нет подмостков, когда они нужны!

Подмостки были, и как раз ближайшие в метре слева — затопленные поднимающимся приливом. Джоанна качнулась из стороны в сторону. Ей повезло — пальцы разжались как раз в нужный момент, она плюхнулась на четвереньки — на что-то твердое и плоское. Мостки, закрытые на десять сантиметров водой.

Она с трудом поднялась на ноги, а плот врезался в причал. Свора замедлила его ход до метра в секунду или меньше, но он был такой массивный,

что это ничего не решало. Дерево врезалось в дерево, передние сваи затрещали — и рассыпались в стороны.

Джоанна пошла, шатаясь, по мосткам, держась за сваи.

Плот наконец остановился. Причал еще трясся, но уже не выворачивался и не кренился, все-таки не развалившись. Слышны были крики, даже некоторые приветственные возгласы от Детей.

Джоанна пошла быстрее. Где-то под темными бревнами впереди уже был берег. Джефри и Амди любили играть на этих причалах, и ей приходилось спускаться сюда и их перехватывать. У дальнего конца пирса должна быть лестница — закрытый переход в склады. А там что? Может быть, удастся скрыться на несколько дней, пока она не выяснит, что происходит, свяжется с Резчицей, Тщательником, Джефри — если Джефри пришел в разум.

Пробираясь по мосткам, она слышала сверху голоса людей и стай. Крики по-самнорски, но с нечеловеческой громкостью:

— Джоанна, ты где?

— Говоришь, она в воду нырнула?

— Так где она теперь?

Она добралась до лестницы и обнаружила

неожиданную трудность. Обычно по лестнице для Стальных Когтей идешь через три ступеньки, но сейчас Джоанне приходилось поднимать онемевшие ноги руками и аккуратно смотреть, на что ставить совершенно ничего не чувствующую стопу. Как на ходулях. К счастью, лестница была шириной всего в один элемент, и можно было, прислонившись к стене, поднимать ноги поочередно.

Она сбросила с себя последний из ледяных плащей. В ближайшее время надо будет где-то просушиться и согреться. Забыв на минуту обо всем, она преодолела последние ступени.

И оказалась наверху, в закрытом переходе. На внешней двери было мутное стеклянное окно. Джоанна подошла ближе и оглянулась — просто посмотреть, кто там что делает. И не важно, что ни на что другое у нее бы сил не хватило.

Сейчас в мастерских Тщательника научились делать прозрачное стекло квадратными метрами, и это маленькое окошко осталось от прежних лет, но для целей Джоанны оно вполне годилось. Видны были люди и стаи, сгрудившиеся возле плота. К нему подходил уже второй плот и третий. Когда прибудет весь флот, гавань Южной Стороны превратится в свалку вроде устья Шкуры.

Можно выйти из-под причала и помахать ребятишкам. С «Внеполосного» ее все равно видно не будет, а прочую паранойю ко всем чертям.

Она потянулась к дверной ручке и увидела, что на пирс вылезают несколько тропиканцев, идут к Детям. Они нашли рацию!

Нет!

Боковой взрыв от лучевого ружья швырнул ей в лицо осколки стекла. Стену тряхнуло, Джоанну сбило с ног. Она перевернулась, встала на колени, в ушах звенел удар. Теперь уже ни дверь, ни окно не были нужны — с бревенчатого каркаса стен местами сбило деревянные панели. В тридцати метрах дальше из дыры в настиле причала поднималось облако пара.

Встав на ноги, Джоанна безуспешно пыталась вытереть кровь с лица. Были выжившие, были кучи раненых. Джоанна сделала пару шагов к открытому причалу.

Я должна помочь!

Ага, и дать этому психу Невилу повод стрелять еще.

Она повернулась в другую сторону и пошла, шатаясь, по переходу в склад.

Глава 38

У Хранителя корабль был чуть поменьше, чем у Магната. Пусть Магнат верит, что он — звезда этой операции, но изнутри… это совсем другая история. Сюда Магнат не придет, и Хранитель может поступать как хочет. У него — каюты и кубрики экипажа. У Хранителя — трюмы для груза, клетки и оружие. А спать экипаж может на постах. У Магната командный пункт высоко на носу, нарушает равновесие корабля и изолирует господина от слуг. Хранитель командует из гондолы управления, заизолированной обшивкой настолько, что экипаж не мешает думать. Дисциплину можно поддерживать непосредственно. И никакие дурацкие переговорные трубы Хранителю не нужны. Он часто думал, что командный пункт Магната — это так восьмерка себе воображает человеческую автоматику. Хотя Магнат это отрицает с пеной на губах, на самом деле он рабски поклоняется почти всему человеческому. Тем больше причин не дать людям и Магнату подружиться.

— Господин, позвольте доложить: «Стая Стай»

удаляется от нас.

Известие сообщил капитан корабля Хранителя, сфокусировав звук на ближайшем элементе хозяина.

— Отлично, — ответил Хранитель.

Как он и велел, его корабль держался позади, относительно близко к земле. Хранитель смотрел в двойную подзорную трубу, следуя за Магнатом, в блаженном неведении летящим прямо в челюсти богомолов. Хранитель не очень хотел следовать за ним, но вскоре ему придется подставиться под те же челюсти.

Подавив дрожь страха, он сосредоточился на радиоприеме от Ута. Синглет сидел на своем насесте, существенно поодаль от экипажа. Последние несколько лет его цель в жизни была очень проста. Свою тюрьму он носил на собственных плечах, и радиоплащ поблескивал намеком на золото. Но Ут должен быть доволен — с ним обращались лучше, чем с большей частью экипажа.

Магнат непрестанно бахвалился сетью радиоплащей. На самом же деле это Хранитель уговорил Невила эти плащи дать. Это Хранитель перебрал сотни синглетов, пока нашел тех, кто может ходить в радиоплаще и выжить. Это Хранитель держал в лапах все нити этой сети.

Все эти восемь жили в страхе перед ним. Хранитель научил их разговаривать только по тем направлениям, которые он указывал, и только тогда, когда он приказывал говорить. И он с той же тщательностью следил, чтобы у них никогда не было случая сдвинуть головы. Сейчас они были его ушами по всей империи: сегодня он уже говорил по цепочке Ут-Та-Фур-Ил с Аритармо в тропической Резервации.

Через час он беседовал с Декутомоном на материковой стороне Скрытого Острова по цепочке Ут-Фор-Фир, а сейчас слушал через Ута — Зека, как Магнат использует сеть для последних приготовлений к посадке на Холме Звездолета.

Разнообразные речи и указания Магната в основном относились к его экипажу. На это Хранитель обращал мало внимания, в основном его интересовало, как бы эта тварь двуногая чего-нибудь не затеяла. Вдруг он понял, что Магнат обращается *к нему*!

— Хранитель, куда ты, к чертям, подевался? Мои наблюдатели сообщают, что тебя не видно.

Да чтоб тебя черти взяли, не хочу я быть идеальной мишенью в небе!

Но вслух он сказал:

— Виноват, ваше сиятельство, виноват! У нас

тут были неполадки с механикой, высоту не могли набрать.

На самом деле по обе стороны от корабля возвышались стенами горы — тысячи футов камня между его драгоценными элементами и богомоловским лучевым ружьем.

— Падать, что ли, будешь? — спросил Магнат. — Я ж тебе говорил, больше внимания уделять ремонту. Глупо было заводить собственные ремонтные бригады.

— Беспокоиться не о чем, мой господин. Мои механики нашли решение, скоро вы нас увидите.

Хранитель посмотрел на дисплей компьютера. На карте позиционирования было видно, что кончаются горы, за которыми можно прятаться. Вскоре надо будет решать, доверять Невилу Сторхерте — или же выходить из игры.

— Ну и отлично! — Разговор шел на межстайном и потому без дурацких замечаний насекомых. — Еще одно. Мне нужно говорить с Невилом напрямую. Окончательное решение…

— Я уверен, господин мой, что все предусмотрел.

Хранитель изо всех сил старался быть посредником во всех контактах между Магнатом и людьми, особенно между ним и Невилом Стор-

херте. К счастью, Сторхерте искренне не любил говорить со стаями. Не дать Магнату говорить с Невилом было куда проще, чем удержать восьмерку от разговоров с выжившими пленниками.

Но не сегодня.

— Не сомневаюсь, Хранитель, что ты сделал все, что мог, но ты тянешься сзади, а у меня меньше часа до приземления. Я хочу задать Невилу несколько вопросов о том, кто присутствует и каков текущий статус таких, как Резчица, Свежеватель и…

Голос Магната поднялся на пару октав.

— Слушаюсь, мой господин. Вы пробовали обычную рацию? Невил все время слушает через спутник. Если…

— Я пытался! Двуногие не отвечают!

— Я разберусь, ваше сиятельство. У меня есть агенты на земле.

И иные средства связи.

— Надо быстро, Хранитель. Как тебе известно, Равна, двуногая, очень много неприятных вещей говорила про Невила. Сейчас неподходящее время ей оказаться правой.

— Совершенно верно, господин. Я сейчас же вам доложу. Мне придется отключиться на несколько минут от связи с вами.

— Понимаю. Можешь использовать сеть плащей и все вообще, что понадобится.

Хранитель махнул Уту, чтобы перестал транслировать на корабль Магната. *Черт побери.* Слишком много вдруг навалилось проблем. И к одной из них ему надо приготовиться немедленно. Он посмотрел с платформ вниз:

— Суперкарго!

— Я, господин!

— Наших особых пленников — сюда. Четверка в обычной клетке, а вот Амдиранифани — заковать вокруг носового люка.

Суперкарго слегка сжался, потом быстро выгнал названных из камер. Он уже проделывал эту процедуру.

Теперь более серьезные проблемы: как выйти на контакт с Невилом? Что, если этот червяк затеял новую игру? Он считал, что понимает все ходы Невила, но перспектива оказаться под лучевым ружьем вызвала у него желание еще раз все переосмыслить. *Декутомон близко к «Внеполосному». Можно, чтобы он взял Фира и навестил богомола.* Если бы времени было больше, это был бы наилучший подход: дать Невилу знать, что у Хранителя агенты всюду, даже прямо под дверью Невила.

А может, попытаться связаться с Невилом по обычной рации через его небесный спутник? Нет, это было бы раболепство, да и у Магната не вышло. Кроме того, обычную рацию может подслушать Магнат на борту «Стаи Стай».

Хранитель посмотрел на компьютер. Прямо сейчас он высвечивал карту пройденного пути, горные гряды по обе стороны корабля с отметкой высоты и расстояния. В ранние годы изгнания этот компьютер — «Олифант» называла его Джоанна — был самым ценным его имуществом, истинной причиной, по которой так его ценил Магнат. После альянса с Невилом компьютер уже и близко не был так важен как источник информации, и в то же время приходилось волноваться, нет ли у Невила возможности испортить этот прибор. Все же компьютер, как и коммуникатор, был галактической технологией, уравнивающей Хранителя с этими насекомыми. Теперь, когда Невил командует звездолетом, это самый секретный канал связи между ними.

Хранитель высунул пару носов и ввел последовательность инструкций, превращающих Олифант из атласа в коммуникатор. У Джоанны это всегда получалось куда ловчее, но она всю свою человеческую жизнь пользовалась этим

прибором, и Хранитель законно гордился тем, как *он* научился делать то же самое. Вот так, в режим коммуникатора, и…

Он заметил, что мигает красный огонек внизу дисплея. Этот сигнал установил он сам: *Невил* пытается вызвать *его!*

Хранитель бросился действовать. Ближайшие к Уту его части потянули за веревки, уронившие тяжелые ткани со всех сторон сиденья синглета. Он проверил сверху и снизу — да, теперь звуки определенной частоты Ут не услышит. Не то чтобы Радио-стая посмела намеренно предать Хранителя, но она сейчас растянута по всему континенту, а ее индивидуальные части всего лишь ретрансляторы. Хранитель этим фактом пользовался, чтобы вести разведку за сотни лиг — но жил он в ужасе, что могут случайно открыться самые его скрытые тайны.

Он постучал мордой в компьютер, инициируя вызов, но звуки ушли в такой высокий диапазон, что едва не стали интерферировать с мыслями. Такой писк никогда не проникнет сквозь ткань вокруг Ута, и никак наш милый Магнат не будет обеспокоен ненужной трансляцией.

— Хранитель слушает, — сказал он, пища тихо и на самой высокой частоте. У компьютера Оли-

фанта слух как у элемента стаи. Где-то внутри он преобразовывал голос Хранителя в *цифровой* (что бы это ни значило) вид и гнал к Невилу. У Хранителя головы болели при попытке себе представить то, что этот компьютер делает автоматически. *Где-то там,* среди звезд, есть вещи, которых стоит бояться.

Прошло несколько секунд. Придется оставлять сообщение?

Но тут из компьютера донесся сдвинутый вверх голос Невила:

— Какого черта ты так низко летишь?

Хранитель подавил рычание, а вслух издал ни к чему не обязывающий человеческий шум.

— Ладно, ерунда, — продолжал Невил. — У нас тут проблема. Ты мне говорил, что Джоанну убрали с поля.

— Естественно. Разорвали на части.

Но вдруг у Хранителя возникло очень нехорошее предчувствие.

— Так вот, она тут, с твоим дурацким флотом!

— Но я сам видел, как она погибла. *Ты* сам это слышал.

— Так вот, я только что видел ее вживую, в надежном видео. Понятно теперь, почему не удавалось установить связь с плотами. Силы

небесные, Хранитель, как ты мог?

Хранитель щелкнул челюстями. Будь эта тварь здесь, остался бы без своего единственного горла.

— Ты считаешь, что я создал это осложнение намеренно?

— Я? Н-нет. — Голос Невила прерывался, будто он бежал вверх по лестнице. Люди — такие примитивные животные, что не могут такие вещи скрыть. — Послушай, обстановка получается несколько опасная. Если мы это все выложим, Резчица будет так дискредитирована, что не осмелится захватывать власть. Мои братья и сестры будут в безопасности. И в этом жалком нашем изгнании мы сможем как-то устроиться — конечно, с твоей помощью. Потом, когда мы закончим свои дела, весь этот чертов мир останется тебе, но…

Агенты Хранителя часто сообщали, что Невил до изумления убедителен для своих собратьев-богомолов. Поверить в это было трудно. Хранитель всегда видел в нем лишь грубого манипулятора.

В определенном смысле это было утешительно.

Хранитель дал Невилу потрепаться еще пару минут. Когда инсект сделал естественную паузу, у Хранителя было что сказать разумного и кон-

структивного.

— Все это, разумеется, так. Вопрос в другом: что нам делать с этим неприятным сюрпризом?

— А, мы уже сделали все необходимое. Это одна из причин, почему я так злюсь. — Невил объяснил, как он превратил Джоанну и толпу инсектов в перегретый пар. — Луч убил шестерых моих братьев и сестер. Мы, Дети, дорожим каждым, Хранитель! Мне они все нужны, чтобы со мной работать!

Он на минуту замолчал. Ждал ответа? Хранитель не мог придумать такого, чтобы в нем не было сарказма. Потом ответил так:

— Значит, это повредило твоей репутации.

Невил мрачно засмеялся:

— Я не идиот. При таком применении лучевого ружья цели просто взрываются. Ну как бомбы. Я поднял большой шум насчет террористического крыла среди тропиканцев — все сегодняшнее собрание про «мирный договор» будет на эту тему. Версия такая: диссиденты с флотилии барж пытались испортить щедрый дар Магната. Там не все гладко, но я это им скормлю. Это даже может усилить нашу позицию — но не в этом дело!

— Естественно, не в этом, — согласился Хранитель. — Значит, сейчас ты реально *видел* гибель

Джоанны?

— Ну… — У этого человека хватило такта отметить иронию. — Не совсем так. Похоже было, что толпа на пирсе пошла куда-то к берегу. А когда я выстрелил, «Внеполосный» потерял контакт со сломанной рацией, которую мы отслеживали.

— Звучит еще менее достоверно, чем то, что я сделал в тропиках. — Хранитель давно, очень давно ненавидел Джоанну Олсндот. Именно она в самом реальном смысле была повинна в разгроме десятилетней давности. Магнат бы удивился, узнав, что Хранитель ненавидит Джоанну еще сильнее, чем он, и по куда более существенной причине. — Я думаю, Невил, что проблема может оказаться куда серьезнее, чем объяснить небольшую пушечную пальбу. Во всяком случае, следует учитывать возможность, что Джоанна здесь и активно ищет союзников.

Невил секунду помолчал. Похоже было, что он отошел от дверей или включил эти свои механические гасители звука. Потом сказал:

— Ага… Били примерно то же самое говорит. Он считает, что нужно переходить к резервному плану.

Хранитель сердито пожал плечами и вложил в голос определенное деланное раздражение:

— Чушь и пораженческие настроения.

Без технической поддержки Равны и при теперешней активной оппозиции Резчицы положение Невила в Домене становилось все более и более трудным. В определенных смыслах это было хорошо: инсектом легче будет вертеть. К несчастью, это означало, что будет расти его интерес к резервному плану. Эта схема в долгосрочной перспективе имела смысл — для Невила, — но для Хранителя делала его почти бесполезным.

— Невил, я… очень тебя прошу держаться нашего главного плана. Давай подумаем о других возможностях на случай возникновения проблем.

— Хорошо. Допустим, Магнат приземляется и ведет себя еще более по-дурацки, чем обычно. Допустим, он потребует, чтобы Бергсндот и младший брат Джо были с ним на сцене, на глазах всех Детей. А потом…

— Да, это было бы плохо, но…

Невил продолжал, не давая себя перебить:

— А потом предположим, что Джоанна чудом выжила и объединилась с Резчицей. Она же переиграет нас всех, а *всех* убить я не могу!

Хранитель презрительно затрубил:

— Джоанна пикнуть не успеет, как Магнат ей

перервет горло.

Невил просто не понимал, насколько Магнат ненавидит эту конкретную двуногую.

— Худший вариант, Хранитель. Я говорю о наихудшем варианте. Я знаю, что эта стерва Равна — идиотка. Она благожелательную публику не сумеет убедить, что завтра встанет солнце. Джефри Олсндот — ведомый, а не лидер. Но ведь у них было несколько дней трепа с *твоим* идиотом?

Хранитель скрипнул зубами.

— Я следил за этим трепом. Ситуация у меня под контролем.

— Слишком много зависит от верности этого утверждения, друг мой. Что будем делать, если им удалось переубедить Магната?

Над этим Хранителю долго думать не пришлось:

— В конце концов, Магнат — просто инструмент. Очень ценный, но инструмент. Если он как-то узнает всю правду, то должен быть немедленно уничтожен… гм… — *А что это будет значить в нынешней ситуации?* — Если мы с тобой скоординируемся, то сможем… адекватно действовать в любых вариантах. Если я увижу, что Магнат ушел не в ту сторону, немедленно сообщу тебе. И если материализуется твой «наи-

худший сценарий»…

— То мне поджарить их обоих? Согласен. Я смогу сказать, что пытался Джоанну защитить, но случился сбой в программах «Внеполосного». Оружие Здесь Внизу действует так неточно, что история вполне может пройти.

— Хорошо. Но помни: убивать Магната — это действительно последнее средство. Он мне нужен так, как ты и не догадываешься. Даже если Джоанна перед ним выскочит из-под земли, не убивай его. Уверен, что он сам тут же ее растерзает, но если нет, я тебе дам сигнал.

— Ага. И тогда ты выйдешь из тени?

Хранитель вздохнул:

— Естественно. Буду кружить над головами в честь этой исторической встречи наших рас.

Они кратко обговорили детали, и Хранитель вспомнил требование Магната о разговоре с Невилом.

— Да, я заметил, что он ко мне прозванивается. — Невил на секунду замолчал. Откуда-то доносились голоса — похоже, человеческие. Невил заговорил снова: — Не хочу я сейчас разговаривать с этим кретином. Мне надо самому выходить на сцену. О чем он вообще хочет беседовать?

— Я думаю, ему нужны какие-то последние заверения по поводу ситуации с Резчицей и Свежевателем.

— Вот идиот! Не может быть никаких последних заверений, и вот почему очень важно правильно провести это собрание. Ладно, так. Я с ним буду говорить, когда окажусь на сцене.

И Невил вышел из сети — по крайней мере так показал дисплей компьютера. Насколько мог судить Хранитель, компьютер не вел скрытой передачи для двуногих. Учитывая, что «Олифант» был игрушкой Джоанны и никогда не бывал в руках Невила, Хранитель был склонен думать, что Невил не мог ничего в нем испортить. Но с игрушками двуногих никогда не знаешь точно. Так что когда Хранитель делал такое, чего Невил знать не должен был, он запирал компьютер и пользовался сетью радиоплащей. Десять лет опыта показали ему, что звездолет не умеет отслеживать мыслезвуки.

Кстати, надо сообщить Магнату о своей заслуге — будущем звонке Невила…

Эту мысль прервали свистящие крики ожидаемой боли. Суперкарго вытащил Амдиранифани на пустое место под Хранителем, потом пристегнул ошейники стаи к перильцам, опоясывающим

носовой люк. Суперкарго пошел за вторым пленником, а Хранитель наклонил вниз одну голову, осматривая Амдиранифани. Восьмерка услыхала его и сжалась, попятилась.

Хранитель улыбнулся. Чем умнее жертва, тем всегда интереснее. Она тогда думает, что может перехитрить палача, — а когда ее сломаешь, ее собственное воображение становится твоим ближайшим союзником. А такой талантливой, такой блестящей жертвы, как Амдиранифани, у Хранителя никогда не было. Эта восьмерка прошла долгий-долгий путь вниз. В первые пару дней она пыталась сагитировать экипаж и радистов тайной речью, посылая звуки, не доходящие до слуха Хранителя. Очень самоуверенно это было со стороны щенка — думать, будто это у него может получиться. Хранитель три дня дал ему тешиться этой надеждой. Ожидание было сладким, а наказание точно настроено на жертву: Хранитель выковырял у Амдиранифани два глаза. Всего два, и всего лишь глаза — и предложил жертве *вообразить*, насколько серьезнее могло бы быть наказание. Для этой стаи с ее воображением эффект был такой же разрушительный, как пробить половину всех ее мембран или просто убить элемента. Мягкое наказание оставило Хранителю

еще столько разнообразных возможностей…

Амдиранифани тихо повизгивал, собирая в себе мужество заговорить.

Хранитель задрал один нос — жест, который обычно во время допроса предшествовал суровому наказанию. Амдиранифани застыл в ужасе, лишившись дара речи.

— Ах, дорогой мой Амдиранифани! Какой же грустный у тебя здесь вид… но ты не беспокойся, кое-что интересное ты еще можешь *услышать*. Вот одна очень важная вещь: думай тихо. Речи чтобы не было слышно, кроме тех случаев, когда я позволю тебе говорить. — Он поднял второй нос — тоже сигнал, используемый во время допросов, когда отдавался непререкаемый приказ. Все, что могло бы сказать это создание, ничего не меняло, но Хранитель хотел, чтобы выкрики боли уходили в радиосеть только тогда, когда он это разрешал. — Если ты ослушаешься — ну, я думаю, ты знаешь, где стоишь. — Хранитель показал на носовой люк в середине Амдиранифани: — Считай это своим отсроченным приговором. Я с удовольствием тебя скоро увижу семеркой, шестеркой или даже пятеркой. Очень приятно будет частично выбросить тебя за борт, а Магнату я скажу, что ты пытался сбежать и слишком себя

растянул. Ты мне веришь?

Амдиранифани отчаянно закивал дрожащими головами, подтверждая слова Хранителя. Только этой ночью Хранитель выбросил в люк один элемент из своего экипажа — причем так, чтобы Амдиранифани видел все детали этого дисциплинарного взыскания. При работе с отдельным элементом или с целой стаей такие наказания всегда доставляли Хранителю удовольствие. Обычно жертва была из пленников, но ликвидация элементов недостаточно старательных членов экипажа творила чудеса в смысле повышения трудового энтузиазма у остальных.

Суперкарго привел четверку — все, что осталось от властителя Булата. *Этим* пленником вертеть уже не так легко. Он был зол так, что для страха не осталось места, а умен не слишком — обычно такое сочетание не очень интересно. У остатка Булата с каждым днем росло кровожадное безумие — возможно, воспоминание прежней ненависти. И безумие вспыхивало, как только он оказывался в пределах видимости или слышимости Амдиранифани. Четверка бросалась на стены клетки, ища выхода, визжа в жажде убийства восьмерки. Остаток Булата и собственное воображение держали Амдиранифани на

грани срыва.

Эх, если бы я мог так же держать людей, что сейчас с Магнатом.

Хранитель посмотрел на Амдиранифани задумчиво. Осуществится или нет «худший сценарий» Невила, может определяться вопросом: станут ли молчать инсекты Джефри и Равна, если альтернативой будет дождик из их дорогого друга, сыплющийся с небес?

Теперь видны стали город Новый замок и звездолет. Магнат (с подзорными трубами) и Джефри оба утверждали, что на пустоши к юго-западу от города собрались толпы.

— Я их тоже вижу, — донесся голос Хранителя. Его корабль быстро нагонял. — Там должно произойти большое собрание, ваше сиятельство. Невил там построил помост и освободил летное поле, как мы договаривались.

— Он сообщит, когда прибудет? — спросил Магнат.

— Да, мой господин, прямо на обычную вашу рацию. Есть ли у вас…

— Алло? Алло?

Это был голос Невила, звучащий из аналоговой рации возле тронов Магната. Фоном слышались людские голоса и шум ветра.

Наклонившись к рации, Магнат произнес:

— Приветствую тебя, властитель Невил.

Торжественные слова звучали диссонансом с голосом перепуганного ребенка.

— А… да. И я тебя приветствую. — Голос Невила то появлялся, то пропадал. Слышались обрывки уверенных советов, которые он кому-то рядом давал. А, Невил должен быть в единственной оставшейся тиаре, используемой для ведения двух потоков разговора. — Да, я здесь. Ваши корабли теперь видны всем. Вам машут. Я сейчас поднимусь на сцену, подогрею народ слегка. Резчица тоже здесь, но она согласна сотрудничать — слишком многим другим нужен этот альянс. Все под контролем и в рамках наших прежних обсуждений. — Равна чуть не улыбнулась. Никогда не слышала, чтобы Невил Сторхерте звучал так… измотанно. — И ты тоже готов к встрече, властитель Магнат?

— Мы тоже идем по графику, — ответил Магнат, — но у меня есть несколько вопросов.

— Рад буду их услышать.

— Первый: прячешь ли ты Джоанну Олсндот?

Вся стая уставилась на Равну и Джефри?

— Что? Нет! — Голос Невила пресекся от возмущения. — Во имя неба, как ты можешь такое

спрашивать? Разве я не…

— Ты в прошлом очень много помог в этом вопросе, и за это я тебе благодарен. — Магнат все так же не сводил глаза с Равны и Джефа. — Но при этом я знаю, что ты был с Джоанной связан… взаимным обещанием? Сексуальными отношениями? Даже у людей должны быть какие-то формы лояльности, в силу чего я и хотел спросить.

— Достойный собеседник! Смею тебя заверить, что после того, что сделала Джоанна, никакой лояльности у меня к ней нет!

— Что ж, это хорошо. Я только хотел спросить.

— Остальные твои вопросы столь же интересны?

— Об этом ты сможешь судить сам.

Магнат пустился в тонкости, кто где будет сидеть на сцене, могут ли быть при Резчице стаи охраны, как они будут вооружены. Да, Хранитель будет кружить в небе, когда властитель Магнат приземлится. Наконец Магнат подвел итог:

— Все это очень хорошо звучит, властитель Невил. Благодарю тебя, и через несколько минут мы увидимся на земле.

— Да, властитель Магнат. С нетерпением жду, когда мы объявим наш альянс официально. —

Вроде бы он снова заговорил уверенным голосом дипломата. — Да, еще одна мелочь. Для вящего эффекта я бы рекомендовал тебе не говорить этим человеческим голосом. Если на межстайном — не кажется ли тебе, что так будет больше достоинства?

Магнат наклонил головы набок:

— Я плохо говорю на вашем языке?

— Отнюдь! — решительно возразил Невил. На самом деле Магнат говорил по-самнорски лучше многих стай с Холма Звездолета. Невил, очевидно, волновался из-за голоса Гери: это одно уже разоблачило бы его ложь. — Нет, просто… говорить на своем языке — как-то это более достойно. Проявление большей силы.

— Я буду рад переводить, естественно, анонимно, — вставил Хранитель.

Магнат еще немного собой полюбовался.

— Да… я понимаю, что ты хочешь сказать. Пусть будет так.

— Прекрасно. Мне сейчас надо подняться на сцену. Вскоре будем говорить лично.

Через секунду из аналоговой рации послышался фон помех, никто ничего не передавал. Два элемента Магната подняли устройство, третий нажал кнопку на нем сбоку, и даже помехи за-

тихли.

Магнат положил рацию и оглядел командный пункт.

— Разумеется, про Джоанну он соврал.

— А? — удивился Джефри. Хранитель тоже булькнул что-то удивленное и добавил какой-то вопрос.

— Да, Хранитель. Вполне можешь спросить. — Взгляд Магната вернулся к Равне и Джефри. — Видишь ли, с тех пор как мы добыли образцы, я пристально изучаю человеческую натуру. На самом деле их не так трудно понять — очень простые создания с очень простой мотивацией. Разговаривая с Невилом, я смотрел на вот этих двух. Оба они понимали, что Невил лжет.

Он говорил с уверенностью специалиста — или одержимого местью маньяка.

— Видишь? — Он показал на Джефри. — Джоанна-брат лишился речи. Я его вижу насквозь. А ты, Равна, можешь ли мне честно сказать, что Невил говорит правду?

Откуда мне знать? Не уверена, что слышала хоть когда-нибудь, как он это делает.

Страх и надежда боролись в ней, и она также лишилась речи, как Джефри.

Хранитель такого стеснения не испытывал:

— Мой господин, я бы никогда не предположил подобного, но… но так может быть. В ближайшие часы я буду высматривать признаки, не лжет ли он еще в чем-нибудь.

До Холма Звездолета оставалось километров десять. Равна здесь когда-то летала достаточно часто — и со Странником, и недавно с Тщательником, на его маленькой лодочке. Внизу лежали слившиеся фермы долины Маргрума. К западу теперь четко выделялась линия береговых обрывов. Прямо на этой стороне ее вдоль Дороги королевы стояли коттеджи. К северу протянулся город Новый замок, поднимаясь к мраморному куполу самого замка.

Внимание Магната распределилось между несколькими задачами: переговоры по трубам с собственными пилотами, наблюдение за тем, что впереди, иногда разговоры с советниками. Хранитель говорил, что Амди на мостике его корабля и его удалось уговорить давать информацию.

— Конечно, ни в чем критическом я бы этой стае не доверился, — сказал Хранитель, — но он всю жизнь прожил возле Холма Звездолета. И он знает, что ложь будет строго наказана.

— Не знаю, — ответил Магнат, продолжая при этом разговаривать со своей командой по пере-

говорным трубам. — Я в такой момент не стал бы доверяться слову пленника.

— Да, но у меня есть агенты и на земле.

— Декутомон?

— Он самый главный среди них, мой господин. Сейчас он находится возле точки приземления, и с ним радиоплащ Фир.

— Отлично! Я все думал, что ты сделал с Фиром! Так что Невил не слышит, что нам докладывает Декутомон?

— Разумеется, мой господин.

Магнат булькнул что-то вроде «ой» и быстро скорректировал то, что уже передал своим пилотам. По-самнорски он сказал:

— Молодец, Хранитель. А теперь мне надо заняться приземлением.

Магнат смотрел в основном вперед, два его элемента — через бинокль. Очевидно, он собирался командовать приземлением лично, по переговорным трубам давая экипажу детальнейшие указания. Типично магнатская дурь.

К счастью, Хранитель и другие советники какое-то время молчали. Только Зек каждые секунд пятнадцать передавал информацию о приземлении в точных самнорских единицах:

— Высота 750 метров, расстояние до приземле-

ния 3300 метров.

— Высота 735 метров, расстояние до приземления 3150 метров.

— Высота 720 метров, расстояние до приземления 3005 метров.

Магнат не оглянулся ни одним элементом, но утвердительно хмыкнул:

— Молодец, Хранитель! Информация о дистанции сильно облегчает работу.

Равна не видела никаких признаков, что в работе Магната используется какая-то технология локации, кроме естественного сонара, с которым Стальные Когти рождаются. Откуда же тогда идут цифры?

Джефри чуть толкнул ее локтем и кивнул в сторону Зека. Синглет оглянулся на них, повернулся, уставился на расстилающийся впереди ландшафт…

— Высота 705 метров, расстояние до приземления 2850 метров.

И его глаза снова вернулись к Равне и Джефри. Синглет чуть ли не трясся от напряжения, будто *повелевая* им понять что-то большее, чем числа. *Что же в этих глазах?* Два корабля разделяло расстояние меньше километра, и Зек с Утом были фактически вместе. Фир Декутомона был,

вероятно, ближе, чем когда бы то ни было. А это значило, что Радист стал как минимум тройкой. И остальные два, вероятно, вполне близко — одного используют для дальней трансляции Фиру и одного в начале цепочки в тропиках. Сейчас радиостая легко могла стать полностью соединенной пятеркой, и даже более разумной, чем в тот вечер, когда соединила их с Амди.

Может быть, такая стая не способна еще подменять сообщения, но единственное, что ей надо сделать, — это передавать не все, что она здесь слышит. Если она согласна рисковать жизнью…

Равна посмотрела на Джефри — он тоже побледнел, пораженный той же мыслью. И кивнул ей, показывая понимание.

А Зек тем временем пристально смотрел на них. Он сделал смелое предложение — хорошо. Равна кивнула ему и задала вопрос, который мог бы прозвучать вполне невинно, даже будь он транслирован дальше:

— Сколько тебя?

— Где-то между пятью и восемью, — ответил Радист, — в зависимости от восприятия отраженного от неба сигнала. Надо действовать быстро.

Магнат был занят переговорными трубами и биноклем, но теперь один его элемент поднял

голову, заинтересованный странным разговором. Булькнул вопрос, нанизанный на межстайное слово, означающее «Хранитель».

Зек съежился на своем насесте, но ответил по-самнорски:

— Сейчас это не Хранитель, господин. Это я, Радист.

Поднялась еще одна голова.

— Значит, ты действительно единый разум? Примечательно. А что думает по этому поводу Хранитель?

Зек прижался чуть пониже.

— Хранитель не знает, господин. Я не передаю этот разговор.

Магнат удивленно хмыкнул. Направил несколько голов в переговорные трубы и выдал один аккорд, означающий «продолжайте». И все его внимание вернулось к Зеку:

— Почему?

— Я… я его жертва, господин. И я умоляю вас не передавать ему этот разговор.

Магнат пожал плечами:

— Может быть. Значит, ты, наверное, передаешь Хранителю ложь?

— Нет, нет! Я говорил вашим голосом, но лишь чтобы развить то, что вы сказали, — что вам

необходимо сосредоточиться на посадке.

— А цифры, которые ты мне сообщал? Тоже вранье?

— Нет, они получены соединением того, что видят мои Ут, Зек и Фир. Как только я начал обман, я утратил часть себя и боялся вообще что-либо вам говорить. Амдиранифани думал…

— Амдиранифани, — понял Магнат. — Значит, он орудует под самыми носами Хранителя? Потрясающе!

Голос Зека стал чуть увереннее:

— Да, господин. Я не мог бы этого сделать без него и сумасшедших путей звука, по которым он танцует в гондоле управления. Когда мой радиоразум ослабевает, предложения вносит он.

Половина Магната сейчас смотрела на Джефа и Равну. Весь внешний вид стаи был жестокой улыбкой.

— Понимаю. Амдиранифани еще замечательнее, чем говорит Хранитель. Он из моей радиосети сделал *марионетку*.

— Нет, прошу вас, не говорите так! Я не марионетка…

Голос Магната перекрыл возражение:

— Так слушай же, Амдиранифани!

Он схватил свою рацию голосового диапазона

и махнул в сторону Зека. Корабли были сейчас настолько близко, что устройство наверняка будет работать.

— Нет, нет, нет! Не выдавайте меня!

Зек с самнорского перешел на межстайный, потом просто какое-то бурление послышалось изо рта синглета — никогда Равна не слышала от Стальных Когтей такого звука.

Джефри вскочил, что-то крича. За его спиной выкатилась с лестницы стая-охранник.

Но они оба были сметены шквалом ярости, прилетевшим с другой стороны зала: Ритл спрыгнула с насеста, оря так же громко и нечленораздельно, как при первой встрече с Равной. Она подскочила к тронам Магната, визжа на него на всех сразу. Потом запрыгала в сторону, оказалась перед Зеком и обернулась, воинственно щелкая зубами.

Магнат жестом велел охраннику отойти. Потом слегка переменил положение и сосредоточил на Ритл мощный рев. На таком уровне звук становился оружием — синглета сбило с ног. Даже у Равны, которая не была в фокусе удара, в ушах вспыхнула боль.

Ритл свалилась на спину, задергалась. Потом перевернулась все же и поползла на брюхе к своему насесту — Магнат сверлил ее взглядом.

Оказавшись под частичной защитой своего насеста, она вякнула что-то обидное.

Магнат посмотрел на нее долгим взглядом. Потом положил аналоговую рацию и сказал Зеку:

— Говори.

Зек ответил не сразу. Вид у него был ошарашенный — может быть, его захлестнуло ревом Магната, а может быть, от ужаса прошедшей секунды.

— Благодарю, господин. — Он запнулся. — Нас будут перебивать. Я не смогу полностью замаскировать…

Вдруг он забулькал на межстайном, задавая какой-то вопрос. Магнат ответил на самнорском:

— Хранитель, погоди минуту. Приземление сложное.

Он жестом велел Зеку передать эти слова.

— Конечно, ваше сиятельство! — тут же ответил Хранитель. — Простите, что помешал.

Равне казалось, что команда «Стаи Стай» отлично справляется без детальных указаний Магната. До точки приземления оставалось не более тысячи метров. А впереди знакомая земля, Луга Резни, — ближайшая к городу открытая местность. Пустошь сегодня украсилась флагами, и собралась толпа народа.

Но Магнат продолжал говорить:

— На самом деле, быть может, еще слишком большая высота. Я сделаю еще круг и зайду на посадку снова. Это мне даст время еще раз осмотреть посадочную площадку.

— Как пожелаете, господин Магнат, — ответил Хранитель, и тут же его голос стал веселее: — Я себе представляю, как такой маневр впечатлит подданных Резчицы.

— Тогда делай, как я.

Магнат замолчал, но смотрел на Зека.

— Я снова стал подделывать трансляцию, господин Магнат, — сказал Радист.

— Это хорошо. Тогда у нас есть пара минут поболтать.

Вид у Магната был почти восторженный: авантюриста в нем пьянил этот обман. Он что-то сказал в переговорную трубу, и двигатели тут же зажужжали громче. Корабль повернулся, стал виден раскинувшийся под ним город Новый замок.

Магнат посерьезнел, пристально посмотрел на Зека:

— Ну? Есть немного времени, говори.

Зек сел прямее.

— Благодарю, господин. Я редко бываю личностью, и никогда долго, но сейчас я восьмерка.

Хранитель не может утаить от меня свои тайны или может не все. Он царь лжи и царь смерти. Он убивает и убивает — убивает своих!

— Ну так свергните его.

— Вы не очень много знаете об убийствах, господин? Если убиваешь часто и с умом, то можешь построить дворец террора. Когда-нибудь, быть может, он рухнет, но пока что даже за мысль об этом тебя могут убить.

— Так было, пока не появился Амдиранифани?

Зек кивнул — синглет, одной головой.

— Пока не появился Амдиранифани и хорошие условия радиосвязи, которой так ждали мои фрагменты последнюю декаду. Одно слово от вас, господин, всего одно слово надежды. Оно может все решить, оно может свергнуть Хранителя.

Магнат недоверчиво хмыкнул:

— Я знаю, что Хранитель к своим пленникам суров. К работникам иногда тоже. Его худшие эксцессы я сдерживаю. Но его шпионы дают результаты. *Он* дает результаты. Можешь ты на это возразить?

— Да! — Но Зек, похоже, потерял нить разговора, глаза помутнели. — Прошу прощения. Меня осталось три. Минуту.

Под кораблем проплывали Луга Резни. Сей-

час уже виден был спуск к Скрытому Острову и дальше, но по-настоящему зрелищно смотрелся «Внеполосный». Воздушный корабль должен был пролететь вдоль звездолета, и шпили двигателей стояли поникшие, а нижние были раздавлены, но все равно звездолет полыхал яркой зеленью. Даже стаи, которые не знали, каким когда-то был этот корабль, были потрясены его красотой. Равна заметила, что элементы Магната все смотрят на звездолет, почти так же забывшись, как Зек, но по иным причинам.

Радист возобновил речь:

— Хранитель убил [*бульк*] и [*бульк*], — этих имен на межстайном Равна не узнала, — когда они слишком много приобрели вашего расположения. Он убил того человека, Эдви Верринга, загнал его на землю Хора, а вам сказал, что он умер от болезни.

Магнат повернулся одной головой к Зеку и заметил:

— Хранитель предложил нам осмотреть останки.

— Уловка, господин. Вспомните: он предложил это Равне и Тимору. Тимора он убедил, что Эдви может быть еще жив. Хранитель для всего использует заложников, и даже когда заложники

уже мертвы, он их все равно использует.

— За уши притянуто. Я тоже мог попросить показать мне останки.

— Могли, но не стали, — коротко ответил Радист. — И если бы попросили, Хранитель бы дал вам объяснения, которые *вы* бы приняли. За тот год, что я помню, вашей доверчивости не было границ. — Он запнулся, Зек сжался, припал к земле. — Ой, простите, простите…

Магнат не реагировал — только поднял одну морду иронически:

— Скажешь сейчас, что это были радиопомехи?

— Нет, господин, — прозвучал тихий ответ. — Это все был я. — Может быть, но вид у Зека был сейчас недоуменный. — За то время, что у меня есть, я не совсем знаю, что еще сказать. — Он поглядел на Джефри и продолжал: — Есть одно убийство и одна ложь, которые сделали возможным все прочие убийства и всю прочую ложь. Хранитель убил Описателя Джакерамафана. И солгал, объявив Джоанну…

— Да-да, можешь не повторять. — Магнат кивнул в сторону Джефри. — Я это слышал от твоего друга Амдиранифани. — Но по голосу не было слышно, чтобы Магнат разозлился. Он почти

весь смотрел наружу. Закрывая весь вид, проплывал мимо «Внеполосный» с его изящными обводами, шпили двигателей изгибались так близко, что, казалось, потянись — и достанешь. В позе Магната читалось некое потрясение зрелищем. — Описателю бы вы, люди, понравились. Он был таким наивным, таким *непрактичным*. До того как мы разделились, я — мы то есть — были куда изобретательнее любой стаи, занимающейся коммерцией. Нам сопутствовал такой успех, что мы не могли угнаться за собственными предприятиями. И потому мы решили разделиться на двоих: одна стая будет специализироваться на практических вопросах, а другая — предастся воображению. Трезвый делец и парящий в облаках мечтатель. У Описателя были целые тетради его изобретений. А я работал и расширял наши предприятия, пока он творил.

У него в тетрадках были машины-птицы, машины-землекопы, подводные корабли. И была только одна проблема: переход от идеи в тетради к рыночному продукту. А это не одна, а десять тысяч миллионов проблем. Почти для всех его изобретений нужны были материалы, которых не существует, двигатели мощнее, чем можно было построить, точность изготовления,

для которой у него самого слов не было. Он вел нашу компанию от провала к провалу. Как мы до того хорошо работали… — Магнат потупил все головы. — В конце концов я — деловые соображения и здравый смысл — не смог больше выносить бесконечные и блестящие катастрофы Описателя. Я заставил его выйти из дела. Он не особенно возражал… я думаю, понимал, почему так пришлось. Получил свою долю и ушел на запад. — Магнат ткнул мордой в сторону Джефа и Равны: — Я знаю, что с вашим народом Описатель подружился. Я знаю, что он оказался слишком умным и слишком наивным, чтобы пережить эту встречу. Что же он такого узнал? Зачем этой Джоанне надо было рубить его на куски, пока не погибли все его элементы?

Бедняга Джефри. Это было уже за гранью возмущения — может быть, даже за гранью ярости. Он сел, рот у него открывался и закрывался в безмолвном потрясении. Равна обняла его за плечи.

Дай мне попытаться еще раз.

Она посмотрела на Магната:

— Я не знала Описателя Джакерамафана. Но я много слышала о нем от Джоанны. Она его любила, и более всего на свете ей стыдно, что недостаточно уважала его. Он погиб, пытаясь

защитить ее, но убил его Хранитель. Вы никогда не рассматривали такой возможности? Даже после того, как один… работник рискнул своей жизнью, чтобы вам рассказать?

Магнат задумался.

— Если это действительно мой работник, а не просто переговорная труба Амдиранифани… Мы с тобой об этом уже говорили. Я всегда относился к таким вопросам серьезно. Я опрашивал свидетелей. Сам Невил…

Зек перебил долгим бульканьем, выражая недовольство.

Магнат на глазах подобрался. Два его элемента свесились с тронов, глядя почти прямо вниз через носовой шпиль.

— Да, Хранитель. Вижу.

Зек забулькал снова.

— Вот как? — спросил Магнат. — Так думает Резчица? Ну так скажи Невилу, пусть ей передаст…

И он тоже перешел на межстайный.

Равна посмотрела на Джефри. Он чуть качнул головой, но промолчал. Через секунду она увидела, что обсуждается — третий воздушный корабль, впереди и внизу. Это была маленькая лодочка Тщательника, первый «Взгляд Сверху». И этот кораблик летал по кругу над полем.

«Стая Стай» шла своим курсом, и корабли сближались, но теперь маленькая лодка отвернула, направляясь к Внутренним Проливам — вероятно, к лабораториям Тщательника на Скрытом Острове.

Она увидела в гондоле стаю — та бесстыдно выставила и спрятала один элемент. *Наверняка это сам Тщательник.* Было понятно, что они с Резчицей изо всех сил пытаются затормозить невиловский «Альянс ради мира».

От Зека послышались звуки искреннего смеха. Потом он заговорил по-самнорски голосом Хранителя:

— Воздушный шарик Резчицы смылся, мой господин. Одной угрозы от Невила хватило для этого.

— Да понятно, — ответил Магнат, хотя смотрел вслед уходящей лодке всего одной парой глаз. Весь остальной он глядел вперед. — Меньше полукруга осталось нам до точки приземления, Хранитель.

— Мы держимся строго за вами, мой господин. Будем держать тот же курс, когда вы сядете. Прошу вас поддерживать связь по сети.

Магнат повернул пару голов к Зеку. Бедное существо свалилось на свой насест, вид у него был

усталый настолько, что для когерентного страха места не было. Насколько понимала Равна, сейчас он был способен только транслировать. Еще несколько голов Магната обернулись к Джефри и Равне, склонившись набок в нерешительности. Он хочет выдать Зека и всю его стаю? Но он сказал другое:

— Хорошо. Я буду держать Зека при себе.

* * *

Воздушные корабли были с виду похожи на самолеты Края, но единственное сходство — и те, и другие могли держаться в воздухе. Воздушные корабли — надувные шарики, рабы атмосферы. Посадить такой корабль — исключительно неуклюжая работа. Во всяком случае, если нет соответствующей автоматики или обученных наземных команд.

Корабль спускался на луг, и Магнат выставил шесть голов, глядя вперед и вниз. На этот раз он не стал теребить своего пилота. Каждый метр спуска достигался игрой балласта и тонким маневрированием. Сейчас корабль спустился так низко, что почти весь город Новый замок был выше его. Помост Невила под открытым небом находился на дальнем конце поля, но десятки

людей и еще больше стай бежали по земле, сопровождая корабль. Впереди столпились младшие Дети, отпущенные с уроков в Академии. Одеты все были весело и нарядно, будто собрались встречать вернувшихся издалека путешественников.

Внезапно турбины загудели сильнее, палуба затряслась под ногами. Прямо за носовыми иллюминаторами стали видны мелкие цветы вереска. Корабль, все еще под тягой, застыл неподвижно. Учитывая количество стравленного пилотом газа, корабль мог висеть в воздухе, подобно семенам чертополоха. Потом двигатели смолкли. Послышался хруст растительности под днищем.

Люди и стаи привязывали перед носом корабля якорные грузы. Равна узнала лица — это были рабочие из наземной бригады Тщательника. Магнат смотрел на них, нервно подергиваясь.

Зек передавал заверения на межстайном — предположительно от кружащего наверху Хранителя, но Магната больше интересовало то, что он видит глазами и слышит по переговорным трубам от своего экипажа. Сейчас он спрыгнул со своих тронов и потрусил мимо Равны и Джефри к винтовой лестнице. По дороге он раздавал во все стороны приказы, хотя Равна понимала из них немногое.

А вот Джефри удивился, услышав слова стаи.

— Послушай, кажется, Магнат хочет, чтобы мы его сопровождали!

Зек слез с насеста и чуть не упал, запутавшись в плаще. Ритл подбежала к нему, стараясь подбодрить. Зек как-то не особенно напугался. Он поправил на себе плащ и подошел к Равне и Джефри.

— Да, вот вы, люди… что бы с вами сделать? Его сиятельство утверждает, что вас можно выводить наружу, что ваше присутствие разоружит Резчицу и ей подобных.

Охранник высунул с лестницы две головы, махнул мордой в сторону Зека, явно подзывая его. Зек двинулся к лестнице, но будто получал противоречивые приказы. Остановился передать еще одну речь Хранителя.

— Я надеюсь, что его сиятельство Магнат в данном случае прав, но учтите, что сверху за вами присматриваю *я*. И с помощью Амдиранифани постараюсь гарантировать, что вы ничего не устроите.

И Зек пошел вниз по лестнице следом за охранником.

Глава 39

В этот день Джоанна Олсндот нашла себе несколько настоящих друзей. Неожиданностью, спасительным чудом было то, что таким другом оказался каждый, кого она встречала. Не прошло и десяти минут после стрельбы Невила по причалу, как она уже оказалась в квартире Ларсндотов над швейной мастерской в переулке Малышей. Бен Ларсндот увидел ее, когда она ковыляла закоулками.

— Я как раз впереди стоял. Видел, как ты выглянула с штормовых мостков, а потом все взлетело на воздух. — Он ее наполовину поддерживал, наполовину нес. — Эти тропиканцы вытащили на берег бомбу?

— Нет. Это было… лучевое ружье.

Она едва слышно произносила слова, которые надо было бы орать в голос. Но Бен все равно был поражен:

— Но… но даже Невил бы такого не сделал!

— Но это правда.

В этом разговоре — вся история жизни Невила.

Бен после этого много не говорил, но ярость его

ощущалась. Добравшись до дома, он только сообщил жене, что случилось, и тут же пошел обратно на пирс. Венда после его рассказа поджала губы, но удерживать его не стала. Она посмотрела на Джоанну:

— Бен должен пойти помогать. С другой стороны, у нас в семье в политике разбираюсь я, а не он.

Джоанна лежала на диване под теплым мягким одеялом. Смутно осознавала присутствие где-то рядом Венды-младшей и Силки. Они не были испуганы — просто ошеломлены внезапной деятельной суматохой.

— Разбираешься в политике — именно это мне сейчас и нужно. Я хочу, чтобы стало известно, что случилось, и чтобы никто больше зря не погиб.

Венда ей выдала чистую одежду, теплую и удобную для пешего перехода. За следующие два часа Джоанна узнала, что на самом деле может сделать семейство портных. И действительно, все эти годы Ларсндоты потратили на то, чтобы сделаться местными. Венда и ее дети знали все глухие закоулки Южной Стороны. Они были параноидальны в разумной степени: телефоном не пользовались, но насчет автоматического наблюдения не беспокоились. Их дети, особенно

Венда-младшая, будто знали заранее, куда могут смотреть отрицатели, и не раз уводили Джоанну в обход, чтобы избежать разоблачительных встреч.

— Мы теперь в эти игры каждый день играем, — сказала Венда-старшая. — У нас тут на Южной Стороне отрицателей не жалуют. С тех пор как ты пропала, а Равну похитили, все стало…

Джоанна еще прихрамывала, но за этими тремя успевала без труда.

— А Джефри? Про него и про Амди что известно?

Венда-старшая отвернулась.

— Оба пропали. В ту самую ночь, как схватили Равну. Мы… нам про них ничего не известно, Джо. Ты же знаешь, что у этих двоих были дела с Невилом и Ганноном Йоркенрудом. Ганнон тоже пропал.

Они шли в глубокой темноте по узкому переулку между полукаркасными зданиями в местном стиле. Они были построены после приземления Детей — как и большая часть Южной Стороны, — но на средневековый лад.

Из темноты, впереди и сзади, материализовались две стаи. Впереди был Гибкарь, позади — Развалюха.

Джо сбилась с шага. Гибкарь — самый надежный помощник Резчицы, но…

— Послушай, Развалюха — он…

Венда кивнула, жестом показывая, что надо идти дальше.

Сзади пришел голос Развалюхи:

— Ага, так и есть. Шелковинт пропал, и я теперь у Свежевателя помощник и охранник номер один.

Младшая и Силка тихо хихикнули. Младшая шагнула вперед, чтобы идти за Гибкарем. Силка отступила назад и пошла среди четверки-Развалюхи. Прошли несколько крутых поворотов, зацепили край Паромного рынка и пошли вниз по склону. Здесь ощущался запах мусора. Силка попросила, чтобы мама взяла ее на руки. Бревенчатые строения сменились двух-трехэтажными домами из каменных блоков. Время от времени дорогу переходили стаи, но людей Джо не видела. Да и звуки рынка почти не были слышны — может быть, и неудивительно.

Последний поворот — и переулок вывел к паромным причалам, на высоте пары метров над водой. Проливы пересекали пейзаж ровной серебристой линией. В обычный день у стенки стоял бы паром или два, еще один где-нибудь на

глади Проливов и еще парочка — на материковой стороне. Сегодня ни одного парома не было у Скрытого Острова. Джо посмотрела на ту сторону, на Береговую, до которой была пара тысяч метров. Там она насчитала пять паромов.

Гибкарь усадил рядом с ней один свой элемент.

— Вот туда все и поехали. Рвутся оказаться на Холме Звездолета, где Невил ниспошлет мир нам всем.

Гибкарь говорил по-самнорски отлично и сарказм голосом передавать умел.

— Но если бы мы успели туда, может быть, был бы у нас шанс разоблачить его вранье.

Это сказал Развалюха, разлегшись вокруг Ларсндотов слева от Джоанны.

Джо посмотрела на одного, на другого.

— Резчица и Свежеватель стали *союзниками?*

Гибкарь кивнул, но не слишком уверенно:

— Считается, что так.

Развалюха проявил больше энтузиазма:

— Конечно, мы союзники! Мы всегда ими были, пусть даже твоя королева Резчица нам не верила.

Гибкарь изобразил фырканье:

— Вы еще и Магнату союзники, и Хранителю.

— Ложные, но да. А где бы вы теперь были, Гибкарь, без добытых нами сведений?

Справедливо знаменитая скользкая натура Свежевателя. Джоанна посмотрела на Гибкаря:

— Резчица решила доверять Свежевателю?

Гибкарь покрутил головами — аналог недоуменного пожатия плеч.

— Ага. Резчица всегда слишком мягко относилась к своему неудачному отпрыску — может быть, это ее фатальная ошибка. Я бы возражал против этого союза, да только, — он глянул в сторону Развалюхи, — положение действительно отчаянное. — Все его глаза устремились на Джоанну. — В любом случае *я* никак не могу тебя переправить через Проливы.

— Понятно.

Если Джоанна не доберется до материка и вверх по обрывам к Холму Звездолета, великое противостояние придется отложить до другого раза. А похоже, этот другой раз будет уже после победы отрицательных героев.

Она посмотрела на причалы паромов. Кое-где привязаны служебные катамараны. На одном из них она могла бы переправиться на материк — не подставляясь под выстрел лучевого ружья. Паромная переправа как раз его слепое

пятно, и Равна Бергсндот по этому поводу всегда беспокоилась.

Развалюха проследил за ее взглядом:

— Ты только даже на минуту не думай, что это тебя выводит из-под удара, Джоанна.

— Почему?

Но она догадывалась, что он имеет в виду. Развалюха все равно пояснил:

— Есть другие способы убивать врага, кроме лучевых ружей. И чтобы тебя засечь, не нужны супертелескопы «Внеполосного». Если Невил знает, что ты на Скрытом Острове, он будет ждать, что ты попытаешься перебраться. Тут больше километра открытой воды, и если ты даже в ящике поплывешь на ту сторону, лодку он увидит и перехватит нас при высадке.

Джоанна мрачно глянула на стаю. Даже прислужники Свежевателя обладали его талантом злить до печенок. Было еще много малых причалов вдоль восточной стороны Скрытого Острова, но ни один не был менее открыт, чем этот. Альтернатива — идти через весь город на западную сторону, потом по островам, кружным путем через север — километров тридцать прятаться. Двухдневный путь.

— Хорошо, у тебя есть способ получше? — Она

увидела, как по Развалюхе расползается радостная улыбка. — Вижу, вижу, что есть.

Улыбка захватила весь его облик.

— О да! Мой повелитель, Свежеватель, эти десять лет не терял даром. Резчица его держала в загоне своими несправедливыми попытками домашнего ареста. Что он мог сделать при таких ограничениях? Вот он и прокопал несколько туннелей. — Развалюха показал одним носом на паромную переправу. — Я тебя могу провести прямо *под* проливами.

Венда Ларсндот издала удивленный писк.

— Так вот откуда столько дешевой земли-наполнителя! — ахнула она.

Джоанна посмотрела на Гибкаря:

— Резчица про это знала?

— Нет… до самого последнего времени. Свежеватель все ей выложил, когда похитили Равну и пропали вы со Странником.

Развалюха кивнул:

— Он это сделал, чтобы завоевать наконец доверие Резчицы.

— И чтобы спасти собственные шеи, — добавил Гибкарь. Он показал за Проливы, на серпантин ведущей вверх тропы. — Там, видишь ли, не только туннель под проливом, хотя наверняка это

была самая тяжелая часть работы. Свежеватель еще прокопал лестницу под обрывами, прямо на один склад в Новом замке… А мы не догадались, хотя должны были бы. Слишком часто Свежеватель скрывался из поля зрения.

— Ага.

Значит, туннели на материке — это была еще только *часть* всей конструкции Свежевателя. Резчица не ошиблась, оценивая его скрытность.

— А сейчас мы совершенно откровенные друзья, — сказал Развалюха. — И я могу тебя доставить в Новый замок. На самом деле, если хочешь, я тебя могу провести контрабандой на самую сцену, где будет Невил.

— Это все ты делаешь с разрешения Свежевателя?

— Ну, как сказать… сегодня утром он только слухи слышал, что ты здесь. Так что я несколько… интерполирую. Когда попадем на место, узнаем больше, правда ведь?

Гибкарь смотрел достаточно сердито, но ничего не говорил. Джоанна посмотрела на Венду — та пожала плечами:

— Джо, тут у нас Скрытый Остров, а Свежеватель все время был вполне достойным землевладельцем. Последний из его монстров умер несколько

лет назад.

Джо никогда в Свежевателе не была особенно уверена, но…

— Ладно, тащите меня тогда в город, в Новый замок.

Там уже она хотя бы сообразит, что надо делать.

* * *

С Ларсндотами она рассталась у паромного причала. Младшая сильно разозлилась, но Венда-старшая сумела ее сдержать. Самой большой проблемой оказался Гибкарь.

— Я с тобой.

Но что он сможет сделать, если дело обернется плохо? В частности, если Развалюха обернется не тем, за кого себя выдает?

— Оставайся здесь и будь под рукой, чтобы рассказать правду.

— Я с тобой. Если… как только мы окажемся на Холме Звездолета, я найду Резчицу.

Он мрачно посмотрел на Развалюху.

Ученик нео-Свежевателя улыбнулся:

— Я согласен.

Венда-старшая увела двоих дочерей обратно в переулок. Когда они скрылись из виду, Развалюха

повел Джоанну и Гибкаря по извилистой тропе между мусорными баками и по переходам, похожим больше на щели между домами, в отлично замаскированную дверь и вниз по крутой лестнице. Темнота была абсолютная.

— Джоанна, иди пригнувшись. Не для двуногих построено.

— Догадалась, — ответила она. Пальцами она нащупала над головой камень. В постройках Стальных Когтей всегда стоит беречь голову. — А что света нет совсем — нарочно?

— Тебе свет нужен? — спросил Развалюха. — Я принес фонарь.

Впереди загорелся свет, выделив силуэт пары элементов. Развалюха даже не обернулся — просто положил фонарь на землю и пошел дальше.

— Спасибо.

Джоанна подобрала фонарь. Его свет помогал избегать неровностей в потолке, хотя виден был в основном задний элемент Развалюхи.

Несколько минут они так шли — достаточно долго, чтобы неудобство от согнутого положения начало переходить в нестерпимую боль в пояснице. Развалюха, весело болтая, трусил впереди и говорил, что слышит, как плещется сверху вода. И был более чем уверен, что никто там впереди

не затаился.

— Я же слышу весь путь до самого выхода.

Когда они вышли на лестницу материковой стороны, Гибкарь тоже заговорил, интересуясь, как это Свежеватель с компанией сумел уберечь туннель от затопления. У Джоанны слишком болела поясница, чтобы этот вопрос ее заинтересовал.

— Ура! — произнес голос Развалюхи. — Мой передний элемент дошел до материка! — Еще несколько шагов. — Видишь? Здесь ты можешь стоять во весь рост.

Райское блаженство!

Джоанна выпрямилась, блаженно потянулась, ни на что не натыкаясь.

— Вот сейчас немножко надо будет подняться по этой симпатичной лестнице.

Ага. Метров так на пятьсот с лишним.

Лестница петляла без всякой системы, следуя естественным руслам стекающей воды. Бывали пролеты по тридцать — сорок метров, где ручьи превращались почти в водопады, струящиеся по боковым канавам. Здесь Джоанна шла лучше, чем стаи, — и Гибкарю, и Развалюхе приходилось приспосабливаться к шагу пожилых элементов, которые очень скоро стали пыхтеть и задыхать-

ся.

До верха пришлось добираться почти час. Тем временем Джоанна получила достаточно полное изложение той фигни, что тут без нее творилась. И получила от первых помощников Резчицы и Свежевателя.

— Больше декады Резчица и Невил балансировали на грани гражданской войны, — сказал Гибкарь, перекрывая хриплое дыхание своих элементов. — Ходили слухи о твоем флоте, тебя видели, когда вы проходили мимо старой столицы.

— Тропиканцы только привезли товары для торговли.

— Это то, что заявляет Невил… официально. А неофициально отрицатели говорят: «А что, если там все пистолеты?» Они говорят, что Магнат пришпорил наш мир, ввел его в раннюю технологическую стадию, и если мы с ним не заключим мира, то нас сметут.

— Это не Магнат, это Хранитель! Я его видела там, на юге. Мы со Странником искали Магната годами и найти не могли. Я думаю, это просто выдумка Хранителя.

— Ага, — согласился Гибкарь.

— Кто-то на юге сотворил чудо, — возразил

Развалюха. — Ты правда думаешь, что это Хранитель? Мой начальник так не считает.

— Так Свежеватель видел когда-нибудь Магната?

— Ну, нет, пожалуй. — Развалюху несколько смутило, что его начальник, великий Предатель-Всего-и-Всех, мог чего-то не знать. — Но он должен поджидать нас наверху. Можешь его спросить сама.

В здании склада, куда выводила лестница, стояла карета, запряженная четверкой керхогов. Внутри сидел Свежеватель-Тиратект, одетый для приема. Тележка инвалида сверкала позолотой.

Джоанна влезла и устроилась среди него. Развалюха захлопнул дверцу снаружи и побежал проверить керхогов. Наклонившись к открытому окну, Джоанна помахала Гибкарю. Он почти весь лежал на брюхах и пытался отдышаться после подъема. Помахав ей в ответ, он с трудом поднялся на ноги.

— Я уведомлю Резчицу, что ты здесь, — сказал он и неуклюже удалился.

Свежеватель выставил голову в окно, глядя ему вслед, потом стая задумчиво сказала:

— Не могу тебе передать, как меня нервирует, что в моих тайных туннелях не просто посторон-

ние, а доверенные агенты Резчицы, небо меня разрази! Таких трудов и времени стоило мне сделать эти проходы и держать их в секрете… ну, что уж теперь.

Он закрыл окно тяжелой шторой. Все его элементы устроились поудобнее, и карета тронулась. Джоанна слышала снаружи межстайное булькань-ье, звук отползающей в сторону тяжелой двери. Когда карета выехала из склада, через матовые мембраны, встроенные в крышу и стенки, стал проникать свет. Голос Свежевателя продолжал говорить, только уже тише:

— Сейчас можно разговаривать, только очень тихо. Хранитель мне доверяет примерно настолько же, насколько раньше доверяла Резчица. Если он или Невил тебя обнаружат, то мне тебя никак не спасти… м-да. Себя, пожалуй, тоже. Разве что я скажу, что ты меня похитила.

Джоанна почувствовала, как закипает внутри смех, но смогла сдержаться.

— Такую ложь даже ты вряд ли сумеешь продать. Послушай, меня отлично сейчас проинформировали Гибкарь и Развалюха. Я знаю про сегодняшний большой сбор. Судя по твоему парадному виду, ты там почетный гость. Все, что мне нужно, — чтобы ты меня доставил туда, где я

смогу вспрыгнуть на сцену. Отрицатели, если не считать невиловского внутреннего круга, вполне приличные ребята. Из них больше половины — мои друзья. На глазах у всех Невил не посмеет меня убить, и я смогу наконец сказать правду.

Головы Свежевателя качнулись в улыбке:

— Сказать правду, которую нельзя отрицать?

— Да.

Карета запрыгала по неровной запущенной мостовой. Наверное, окраина города, может быть, на краю Лугов Резни. Недалеко ехать скорее всего.

— Я мог бы сделать так, как ты предлагаешь, Джоанна, но есть проблема. На той сцене будет присутствовать лично Магнат.

— Так он существует? Ну хорошо, а в чем проблема?

Свежеватель жестом попросил Джоанну умерить голос.

— Понимаешь, если даже Невил не решится действовать, то Магнат… в общем, я сильно опасаюсь, что он тебя разорвет на части, как только поймет, кто ты.

– *ЧТО?* Прощу прощения. — Она понизила голос до шепота. — Даже Хранитель не так глуп.

Вокруг теперь звучали голоса, много голосов, и межстайное бульканье, и людская речь. Свежева-

тель поднял голову, как мог бы человек поднять ладонь, призывая минутку подождать ответа. Снаружи шел какой-то спор, голос сверху — Развалюха на козлах? — с кем-то спорил. Что-то насчет того, разрешено ли проехать на керхогах под чем-то там. Под сценой?

Карета свернула и медленно стала подниматься по склону. Свежеватель весь повернулся к Джоанне, заговорил тихо, сфокусированным голосом:

— Ты права. Хранитель далеко не так глуп… — Он снова замолчал, прислушиваясь к доносящимся голосам сверху. — Понимаешь, есть одна вещь, которой мы о Магнате не знали. Он — брат Описателя Джакерамафана.

Джоанна не сразу поняла смысл сказанного — оно соединяло две очень разные части ее жизни. *Описатель?* Она знала, что у него был брат по разделению, отчужденный. В последний вечер, когда она видела его живым, он ей и рассказывал. Когда она отлупила по шеям эту несчастную ни в чем не повинную стаю. Джоанна пару раз открыла и закрыла рот — не потому, что боялась сказать что-то громко, а просто голоса лишилась. Она одними губами сказала:

— Но… но…

Свежеватель продолжал — голосом, легче бабочки касавшимся ушей, но смысл бил молотом:

— Честно говоря, я и сам этого не знал, пока Магнат не направился сюда. Хранитель изо всех сил старался не допустить моего контакта с Магнатом. Я знаю, что Магнат именно такой гений организации, как мы и думали. Он сотворил из тропиканцев невероятно чудесный механизм, а Хранителю дал рычаг, чтобы перевернуть мир.

Джоанна помнила: Описатель говорил, что его брат по расщеплению — потрясающий делец. Что же изменилось? И зачем Магнату так хочется убить ее?

— Зачем… — начала она так тихо, что сама своего голоса не слышала.

Но Свежеватель, конечно же, услышал, и более того — понял, что она хочет спросить.

— Ну как ты думаешь? Хранитель сказал ему, что это ты убила Описателя. В центре всей этой интриги стоит Хранитель, и он хитрее, чем я был даже в лучшие времена. И не может не быть хитрым, потому что хитрость — единственное средство, которое у него есть. Для выполнения его планов ему нужен был Магнат, нужно было, что Магнат возненавидел людей, а особенно — тебя.

В голосе Свежевателя звучало почти восхи-

щение.

Да. Хранитель в лучшем своем проявлении. Таким совершенством Свежеватель действительно мог залюбоваться.

Карета остановилась, дернулась вперед еще на несколько сантиметров и остановилась снова. Послышалось царапанье когтей Развалюхи, спускающегося с козел. В дверь постучали условным стуком, Свежеватель открыл, и Развалюха заглянул одним элементом:

— Приехали, старший. Прямо под платформой. Ха, прямо посреди легендарной охраны Невила.

Свежеватель уже вытекал из дверей:

— Не сомневайся: если бы тут командовал Хранитель, вышло бы далеко не так просто. Невил в наших примитивных злодействах новичок.

Он весь сейчас старался вытащить из кареты увечного элемента. Белоухий внимательно смотрел на Джоанну, но, как и всегда, в речевые звуки заметного вклада не вносил.

— Мне полагается быть на сцене, — сказал Свежеватель. — Это место подъезда должно было облегчить мне доступ — мои условия ограниченны, как сама видишь. С тобой я оставлю Развалюху. Если не будешь кричать или вопить, тебе ничего не грозит.

Он повел мордой, приглашая Джоанну выходить.

Сквозь щели помоста пробивалось солнце. Пахло свежеструганным деревом. Карета стояла посреди вереска Лугов Резни, повсюду вокруг нее высились деревянные столбы, поддерживающие помост. Свежеватель стоял рядом, повернув тележку Белоухого на дорожку, выводящую из полумрака.

— Слышишь этот шум, Джоанна? — спросил он.

В общем, слышала — фанфары в местном исполнении. Свежеватель продолжал:

— Кто-то только что посадил воздушный корабль и будет на помосте с минуты на минуту — а я опоздаю приветствовать. — Медленные части Свежевателя уже уходили прочь. — Если это Магнат, то тебе туда подниматься — смерть. Оставайся здесь, в безопасности.

— Если я решу рискнуть, как мне попасть прямо на сцену?

— Ага. — Головы Свежевателя повернулись, выискивая что-то в светящихся щелях над головой. — Развалюха?

Часть его помощника глянула вверх, рассматривая подпорки.

— Нормально. У нас был контракт на сборку этой хреновины. Делали в спешке, много накосячили. Смотрите, вон там. — Он показал туда, где сходились косые подпорки. — С виду незаметно, но туда легко залезть, — он показал вверх и вниз, — к выбиваемой панели, прямо посередине сцены.

Свежеватель усмехался — та самая поза скрываемой радости, которая так раздражала Резчицу.

— Ты сможешь устроить весьма театральное и очень-очень короткое появление — во всяком случае, если Магнат окажется рядом. Некая часть моей личности была бы очень рада видеть… — Он прервал речь, собрался — в буквальном смысле. Ушедшие вперед элементы остановились и потащили тележку обратно. — Гм. Нет, Джоанна, серьезно. Не появляйся там, пока не услышишь — и Развалюха тоже, — что это безопасно. Если там даже будет только Невил, подумай как следует. Я вот однажды рискнул, вышел на публику в Длинных Озерах — и вот видишь, что со мной сталось.

Джоанна оторвалась от рассматривания изнанки помоста.

— Да, я понимаю.

На самом деле совет Свежевателя был вполне

разумен — по крайней мере если вычеркнуть реплику, не относящуюся к делу.

— Вот и хорошо. А мне пора бы.

Он догнал свои остановившиеся элементы, и вскоре вся пятерка скрылась во мраке.

К карете подошли оставшиеся элементы Развалюхи.

— Никого рядом. Можешь выходить из кареты, если хочешь. Но будь готова по моему слову запрыгнуть обратно.

Джоанна спустилась по ступенькам, остановилась на влажном дерне, где нога увязала по щиколотку. Он был сильно утоптан и затенен, но кое-где пробивалось солнце, выхватывая из темноты увядающие цветы. Луга Резни. Похоже, судьба каждый раз ее приводит сюда, когда ситуация сильно накаляется.

— Значит, это там наверху Магнат. «Стая Стай». По звуку судя, его там восемь, и все ребята здоровые!

Развалюха обходил карету широкими кругами, глядя и слушая во все стороны. Один его элемент все время оставался при Джоанне даже сейчас, когда она шла к нагромождению свай и перекладин, которое он раньше показывал.

Джоанна посмотрела в темноту с яркими ще-

лями сверху.

— Так что же он говорит, Развалюха?

— Там все еще Невил говорит. Ну и балаболка. «Мир, процветание, наши новые друзья, с нападениями покончено, ля-ля, ля-ля…»

— Ты же знаешь, Развалюха, он так часами может.

— Ага. Но сегодня это было бы глупо. Публика что-то не так терпелива, как обычно. — Он мотнул мордой в сторону невидимых полей. — А одна конкретная личность вообще без терпения.

— Я, — уточнила Джоанна.

— Не только ты. Восьмерка, о которой я думаю, что это Магнат, ерзает, будто блох у нее полные задницы. — Развалюха замолчал. Джоанна оглянулась, увидела, что его элементы сдвинулись, выравнивают головы и плечи, строят звуковой образ того, что наверху творится. — Странно, — сказал Развалюха. — Кажется, с Магнатом люди. По звукам похоже, Равна и Джефри.

Джоанна подавила крик.

— Как? Но тогда же опасности нет!

— Это если они не пленники.

— Но там же Резчица и Свежеватель?

— Да. — Развалюха показал в тень, туда, куда несколько минут назад ушел Свежеватель. Это

было слева на сцене, если она правильно представила себе расположение предметов. — Они не выходили встречать Равну. Слышно, что с Магнатом стая или две. Ручаюсь, что это его прихвостни с оружием.

Через минуту раздался голос, будто что-то кричал человеческий ребенок. Развалюха отпрянул в удивлении:

— Ха! Это же Магнат! Он хочет говорить.

Сверху послышался топот множества ног. В других обстоятельствах Джоанна могла бы засмеяться. Ни разу, пожалуй, никто не мог переиграть Невила на публичных выступлениях.

Детский голос сверху был громок, но слов Джоанна не могла разобрать. А интонации — страх, одиночество и… гнев?

Развалюха ухватил ее за рукав и потащил обратно к карете.

— Что такое? — спросила Джоанна. — Что говорит Магнат?

— Говорит о мире, но не особенно довольным голосом. Не в том дело, Джоанна. Я слышу, как под помост идут стаи и еще несколько человек.

— Солдаты и люди Резчицы?

— Нет, это отрицатели и те подонки из Стальных Когтей, которым платит Невил. У нас пара

минут — я могу тебя увести отсюда.

Остальные его элементы, слушавшие голоса, уже собрались вместе, к Джоанне, молча подталкивая и таща ее к карете. Но она не поддавалась, и Развалюха отступил, нерешительно склонив головы набок.

— Черт побери, старший знал, что так будет. Ты не поняла? Он тебя подставил.

Может быть. Так что из того?

Джо еще раз подняла глаза вверх. Ей было видно начало тропы, на которую показывал Развалюха. Она кончалась возле панели — довольно тонкой и хлипкой с виду по сравнению с окружающими стенами. *Там, наверху, брат Описателя*. В ранние годы она задумывалась об этом безымянном брате, думала, знает ли он, что сталось с Описателем, и интересно ли это вообще этой отделенной стае. Если Свежеватель прав, то Магнату это очень даже интересно. Ложь, внушенная ему Хранителем, насчитывает за собой десятилетнюю историю. Хранитель убил Описателя и превратил это убийство в чудовищный переворот. В душе Джоанны поднялся прежний гнев — тот, который она ощущала с той самой минуты, как Хранитель избег казни, а потом и тюрьмы.

Это не должно так остаться.

— Давай куда-нибудь в безопасное место, Развалюха.

— Отлично, пошли! — сказал он. И увидел, как она идет к лестнице. — Ох же ж мать…

Она посмотрела вниз, увидела, как он сгрудился у подножия лестницы, один элемент потянулся за ней, остальные все смотрели куда-то ей за спину. Трое глянули вверх, замахали головами, но не решились звать ее вслух. Потом тот, что полез на лестницу, скатился вниз, на вереск, и все они бросились прочь.

А наверху продолжал завывать голос маленькой девочки, и Джо не могла разобрать слов. Конечно, горе в голосе было иллюзорным. И все равно Магнат имел право знать, как близко подошел его брат к величию, как его совершенно сумасшедшая доброта довела его до гибели.

Она была у вершины лестницы. Качнувшись в сторону, она дотянулась до деревянной панели — та была кое-как пришита гвоздями. Одним ударом можно было ее вышибить. Джоанна заколебалась, стала разжигать в себе злость, чтобы придать себе сил. Где-то в голове зазвучал голос, но не голос осторожности: эта трусиха была связана и валялась с кляпом во рту. Бал правила сумасшедшая девчонка-сорванец с Холма Звез-

долета.

Глава 40

Равна спустилась с лестницы, под ногами был мокрый вереск. Полозья корабля ушли сантиметров на тридцать в почву. Главный корпус нависал прямо над головами. Люди стояли в тени корабля, почти закрытые от собравшегося народа. Но даже здесь дневной свет был ярок, радостен и привычен.

Охранник подтолкнул их идти за Зеком и Магнатом. Равна шагнула раз, другой, неуверенно после столь долгого пребывания под низкими потолками. Выйдя прямо на солнце, она оступилась и снова бы поползла, если бы Джеф не подхватил ее, обняв за талию. Вместе они прошли еще несколько шагов, потом постояли вертикально, наслаждаясь такой возможностью.

Ветер принес приветственные крики — Равна обернулась. Наземные команды убрались, и, если не считать свиты Магната, ближайшие встречающие были за тридцать метров. Приветствия выкрикивали Дети и Лучшие Друзья, и Равна не сразу сообразила, что приветствуют они Джефри и ее.

Она помахала им в ответ, а потом стая-охранник стала подталкивать ее и Джефри, понуждая догнать Магната. Но шли они через поле медленно — отчасти потому, что Равну пошатывало, отчасти же потому, что ноги вязли в почве по щиколотку.

Из Детей никто не побежал им навстречу — все остались за низким заграждением. Несколько старших Детей — люди Невила — не давали энтузиастам выбегать на поле. Ради общей безопасности, разумеется. Очень многое изменилось с тех пор, как Равну похитили.

Свита Магната обогнула нос его корабля и величественно следовала к середине сцены. Равна и Джефри тащились сзади. Голос Невила был слышен даже здесь — конечно, он использовал «Внеполосного» для усиления.

— …и сегодняшний утренний теракт не должен помешать нашему собранию. Наконец-то перспектива мира становится реальной…

Но голос Невила был сфокусирован в основном на публике, и больше Джоанна ничего не расслышала.

Невил стоял за высокой трибуной на краю сцены. С ним было три человека и две стаи, одна в коронах. Внизу, за сценой, виден был «Внепо-

лосный II» во всей своей радужной красе. Невил поставил сцену так, чтобы все участники оказывались в секторе обстрела лучевого ружья. Он полагал, что со своими полномочиями администратора может здесь убить любого, стаю или человека. При желании — выжечь весь луг начисто. Неужто Невил способен на такие злодейства? *Лучше считать, что да.* Именно этим грозит он тем, кто его по-настоящему знает.

Разве что я ему смогу помешать.

У «Внеполосного» хватит интеллекта узнать человека в лицо. А Невил, поставив всю эту сцену в пределах видимости корабля, гарантировал, что Равну он увидит…

Она оперлась на Джефри, он ее поддерживал, не давая упасть. Посмотрев на «Внеполосный», она тихо сказала:

— Корабль! Дай милливатт красного, если меня слышишь.

Голос тут же унесло ветром. Джефри, похоже, не слышал ее.

Шагая дальше, Равна глянула украдкой на звездолет. Ничего — даже не блеснуло красное. Ну что ж, она и не особо надеялась.

Магнат добрался до края толпы. Охранники Невила расчистили ему путь, отодвинув людей и

стаи с дороги Магната, Зека и Ритл. Ритл? Синглет важно рысил, как официальный член делегации.

Теперь, когда Магнат миновал заграждения, часть младших Детей подалась вперед, смела и охранников Невила, и старших Детей, которые пытались их остановить. Магнат подался назад, но потом все же двинулся дальше, не показывая отвращения, которое наверняка испытывал. Он даже отреагировал на приветствия каким-то подобием сердечности. И справлялся с этим куда лучше многих, кто впервые видит людей, — Равна помнила по цирку.

Зек поотстал от Магната и обратился к Равне и Джефу голосом Хранителя:

— Не забудь, не забудь, в небе, высоко в небе.

Да. Там Хранитель и Амди.

Второй корабль пролетел над головами, заходя на очередной круг.

Толпа сомкнулась вокруг Равны и Джефа, ребята бросились к ним, протягивая руки. Некоторые отшатнулись, увидев ее лицо, другие продолжали подходить. Она обняла одного-другого, хотя морды охранника подталкивали ее в колени.

Ближе к сцене она заметила кое-что новое. С одной стороны сидели люди вроде Уилма и Поул Линден, никогда не одобрявшие Невила и

компании. С другой — те, кто избегал ее после голосования. Мир людей разделился на два лагеря, и нависла угроза гражданской войны. Все были напряжены, шарахались от Магната. Кое-кто вздрагивал, увидев лицо Равны.

— Что они с ней сделали? — послышался голос кого-то из Детей.

Равна шла вперед, стараясь улыбаться, сдерживая слова, которые ей хотелось крикнуть всем. Надела на себя невидимую узду.

Наверх вели деревянные ступени, крутые, скорее для людей, чем для Стальных Когтей. Очевидно, Невил таким образом заявлял о верховенстве людей, заставляя Магната и его свиту карабкаться вверх.

Лестница выводила на платформу, еще на двенадцать ступеней ниже главной сцены. Наверху стояли трое старших Детей, все из приятелей Невила. Странно, что Били Ингвы среди них не было. Выпал из фавора? Когда Магнат тяжело забрался на площадку, эти трое несколько нервно отступили в сторону. Равна слышала тихое возмущенное шипение, которое направил к ним Магнат. Зек и Ритл взобрались следом, а за ними Равна и Джефри.

Она тяжело посмотрела на Невила, потом заме-

тила, что у него на голове последний наголовный дисплей — связь с «Внеполосным». Глаза отметили хрустальные грани устройства, потом Равна заставила себя отвести взгляд.

Свежеватель сидел неподалеку, вид у него был довольный и беспечный. Справа от него, за усилителем звука, сидела Резчица. Все ее головы смотрели на Джефри и Равну — весь вид стаи выражал напряженное ожидание. И гнев. На плечах одного из элементов сидел Адский Щенок, но… нет, еще и *второй* щенок застенчиво выглядывал из-под брюха другого элемента. Королева стала восьмеркой!

Равна встала на платформу, сдвинулась от Магната в сторону и вперед. Резчица чуть раздвинулась, и Равна услышала ее шепот:

— Что со Странником?

Равна слегка мотнула головой.

Голос Невила гремел над собранием:

— И мы приветствуем Магната, проделавшего столь дальний путь от самого Восточного Побережья! Непродуманная политика прошлого посеяла среди нас вражду с народом, который готов был стать нашим другом. Сегодня мы объединимся против тех, кто несет нам войну! Сегодня…

Слова были бессмысленной чушью, хотя ис-

кренность и откровенность почти те же, как Равна помнила, — но именно почти. Хотя Невила никто не похищал и не гонялся за ним по лесам, он несколько потерял вес. Время после захвата власти не было к нему благосклонно, и это было так еще даже до похищения Равны. Очевидно, положение с тех пор не улучшилось. И что это за разговоры — что *сегодня утром* был теракт?

Невил еще какое-то время продолжал говорить. В публике внизу было какое-то шевеление, особенно среди оппозиции, но никто не ушел и никто не кричал возражений. Невил так держал аудиторию, как Равне и не снилось.

— Поэтому соглашения, которые мы сегодня подпишем с Магнатом, возвращают тех, кто был от нас взят, — он грациозным жестом показал на Равну и Джефри, — и кладут начало технологическому союзу ради процветания.

Произнося последние слова, Невил уже спешил ретироваться: Магнат был восьмеркой и каждый его элемент — крупным созданием. Неудержимую целеустремленность он мог излучать получше любого в этом мире — а сейчас он шел к трибуне. Единственное, что спасло достоинство Невила, — приближение Магната не было видно собравшейся публике.

Резко понизив голос, Невил наклонился вниз, будто вежливо обращаясь к стае. Рукой показал на Равну и Джефри:

— Зачем же надо было тащить сюда вот их?

— Демонстрация моей доброй воли, — ответил Магнат.

— Тогда надо было детишек сюда везти. — Быстрый взгляд в сторону Равны: — А это же Равна, это сплошная головная боль!

Головы Магната кивнули в мрачной улыбке:

— От нее может быть польза.

Невил опустил голову, минуту смотрел невидящими глазами. Может быть, он кому-то что-то говорил, но слов Равна не слышала.

Вплотную за Магнатом шел Зек. Он неуклюже протолкался сквозь восьмерку и тихо заговорил с Невилом — голосом Хранителя:

— Все нормально, продолжаем как раньше. Мой коллега слишком прямолинеен…

Магнат наградил Зека пинком:

— Я не прямолинеен, и ты за меня не говори. — Он подался вперед, оттесняя Невила, запрыгнул на себя, прислонившись к трибуне. Стая выстроилась пирамидой, видимая всем. И слова его загремели даже без усиления:

— Я — Магнат!

Вот тебе и обещание не говорить на человеческом. Голос, гремящий на весь луг, принадлежал перепуганной маленькой девочке, это был голос Гери Латтерби, преображенной силой и надменностью личности Магната.

— Невил Сторхерте говорит, что все мы хотим мира. Он хочет мира. Я хочу мира. И будет война, если вы не сделаете все как надо!

Реакция была совсем не та, что на невиловскую улыбчивую чушь. Поднялись крики. Пронзительный женский голос — Эльспа Латтерби — завизжал:

— Гери? Гери! Отдай Гери!

Магнат продолжал говорить, и его слушали.

— Нельзя исправить *все* плохое, но мы — вы и я — *исправим* то, что можем. Иначе война. — Он что-то булькнул Зеку, и через секунду корабль Хранителя взвыл турбинами и перелетел по небу, повиснув чуть к западу от сцены. Невил смотрел на перемещение корабля, будто не веря своим глазам. Он снова с кем-то говорил — с «Внеполосным»? с Хранителем? Но звездолет не стрелял.

Магнат подождал, пока стихнут крики. Потом он сказал:

— Я отдам вам то, что может быть возвращено. Мы приносим вам богатство, сейчас и в будущей

торговле. Взамен вы мне даете доступ к «Внеполосному». И самое главное: вы отдаете мне человека, который убил половину меня! Джоанну Олсндот. Отдаете здесь и *сейчас*!

Магнат вертел головами во все стороны, яростно щелкая зубами.

Все присутствующие на помосте застыли в ужасе — нет, не все. Кроме Свежевателя. Он прилег, но головами покачивал и кивал. Как будто радовался стыдливой радостью, которую приносил ему хаос.

Невил осторожно обошел Магната, приближаясь к трибуне. Похоже, что его хорошо встряхнуло, поскольку впервые Равна увидела, как он прикидывает шансы, решая, что нужно сделать, чтобы остаться наверху. Он заговорил, и голос звучал напряженно и серьезно:

— Друзья мои, мы уже несколько дней знаем об этом требовании. И у Магната есть для него серьезные причины.

— Магнат похитил наших Детей! — раздался из толпы голос, но еле слышный и унесенный ветром. Здесь у Невила не было такого акустического контроля, как на борту корабля, но ветер на открытом воздухе справлялся не хуже.

— Магнат имеет право просить выдачи пре-

ступницы, как бы ни была она любима мной. Нами.

Казалось, что Невила душат эти слова. Стоящий рядом Джефри дрожал, и глаза его смотрели то на Невила, то на нависший сверху корабль. У каждого есть свой предел — у Джефа он уже остался далеко позади.

Невил снова смог говорить, будто сдерживая слезы:

— Я всю свою жизнь был с Джоанной рядом. Да, влюблен до безумия, понимаю теперь. Но я любил ее, и она, насколько на это способна, любила меня. А теперь… Магнат представил мне доказательства, и я помню ее собственные неосторожные слова, мне сказанные… значит, я ошибался в любви и доверии. И сожалею об этом. — Он помолчал, потом повернулся к Магнату, все еще стоящему пирамидой выше человеческого роста, и заговорил твердым голосом государственного мужа: — Милостивый государь! Как бы ни были справедливы ваши требования, их невозможно удовлетворить. Джоанна Олсндот уже несколько декад отсутствует и от нее нет никаких вестей.

— Лжешь! Выдай ее! — заревела стая.

Невил приглушил звук так, что Равна едва расслышала.

— Ты спятил? — прошипел он. — Слушай, она мертва. Могу тебе показать тело. Только…

Джефри бросился на него с криком:

— Ты, кровавый…

Друзья Невила его перехватили, не дав добраться до своего главаря. Магнат спрыгнул с себя и рассыпался вокруг схватки, булькая что-то охраннику. Тот попятился, повернув стволы так, чтобы они не смотрели на Джефри.

Джефри потащили вниз по лестнице, рядом с Равной стало на секунду свободно, и чей-то неузнанный голос шепнул ей в ухо:

— Смотри на стенку возле меня.

Равна резко обернулась.

Резчица? Может быть. Свежеватель!

И Магнат тоже поднял головы и двинулся по сцене, вопросительно глядя на Свежевателя и Резчицу. Он слышал слова Свежевателя?

Послышался треск дерева. Кусок стены подался на сантиметр вперед, потом треснуло еще раз, еще раз и еще…

Магнат отпрянул. Деревянная панель вылетела, упала на сцену и… держа в руках кусок жерди, из дыры вышла Джоанна. Она запыхалась, фиалковые глаза вылезали из орбит — и она очень даже была жива. Отбросив деревяшку,

она обратилась к восьмерке, стоящей перед ней с разинутыми пастями:

— Милостивый государь, Джоанна Олсндот — это я.

При виде предмета своей ненависти Магнат замялся, отступил, затоптался на месте, как новичок, которых Равна видала в цирке. Или как убийца, смакующий момент.

Джо опустилась перед ним на доски и откинула голову назад, имитируя покорного синглета, насколько это для человека возможно.

По обе стороны ее горла защелкали зубы, Магнат столпился, толкая сам себя — задние элементы пытались тоже до нее добраться. Две пары челюстей схватили Джоанну за руки и потащили на пустое место на правом краю сцены.

— Умрешь потом, сперва *поговорим*, — сказал он.

— Но…

Невил устремился за ними и остановился, поняв, видимо, что если стрелять он не собирается, то ничего сделать не может.

Пока Магнат тащил Джоанну через сцену, щенки Резчицы спрыгнули и что-то толкнули по доскам к Свежевателю. Два элемента Свежевателя толкнули это дальше к Магнату.

То ли рефлекторно, то ли из любопытства, но Магнат взял этот предмет. Это было что-то вроде книги из тех, которые у Стальных Когтей печатались «вручную» до появления Детей. Очень старая была книга — или же обожженная огнем. Скрепленные металлическими кольцами страницы почернели и завернулись. Равна успела глянуть до того, как Магнат столпился вокруг книги. На миг он застыл совершенно неподвижно, потом направился дальше к краю сцены.

Зек смотрел молча, нервно отодвигаясь с пути, когда надо было. Сейчас он секунду постоял тихо, будто прислушиваясь, потом булькнул что-то отчаянное, возражающее и бросился через сцену к Магнату. Тут же за ним устремилась Ритл.

Магнат не слушал. Он махнул когтями в сторону Ритл, а на Зека зашипел:

— Назад! Это мое дело.

Как бы ни был Хранитель решительно настроен подслушать последние слова Джоанны, бедняга Зек никак не мог бы добиться выполнения этой его воли. Оба синглета отступили.

Противостояние Джоанны и ее будущего палача могло быть кратким, но никак не могло оказаться не публичным. Они стояли вдвоем среди бела дня на дальнем краю сцены, видимые

почти всей публике и всем, кто на сцене. По ступеням взбегали Овин Верринг и братья Линден, за ними устремились другие. Дружки Невила были вымуштрованы и своими посохами сталкивали ребят с лестницы. Вилма подхватил брат, и они попытались снова прорваться. Толпа смешалась, кое-где вскипели драки. Прочие зрители просто стояли, пораженные ужасом.

И Невил тоже смотрел как завороженный, но при этом что-то бормотал… кому? «Внеполосному»? Равна придвинулась ближе. У Невила звук не был подавлен полностью. Глядя на корабль Хранителя и чуть повысив голос, он спросил:

— Так это уже крайний случай или еще нет?

Он покосился в сторону, заметив приближение Равны.

Его гориллы были заняты у лестницы, и она *действительно* могла что-то сделать!

— Все развалилось, Невил. Скажи Хранителю, что…

Губы Невила скривились презрительной гримасой:

— Заткнись. Ты помнишь, что у меня есть админские права? Я тебя прямо на месте могу сжечь.

Может быть. Равна сумела сдержаться и не

поправить его — по крайней мере не сказать правду — и в последний момент заменила ее словами:

— На глазах у всех собравшихся? Сомневаюсь.

Невил глянул на нее злобно, но потом раздраженно пожал плечами. Оглянулся — вероятно, хотел поручить кому-нибудь из своих громил ее оттащить. Увы, они все еще были заняты. Если бы Равна могла только чуть ближе к нему подобраться… *Сосредоточься на нем.*

Она отвернулась от того кошмара, что творился на краю сцены, и якобы невзначай двинулась к Невилу.

— Назад! — зашипел, как змея, Невил, водя глазами то на Магната, то на Равну. Он ждал какого-то сигнала. А до тех пор — что ж, ему очень повезло, что собравшиеся его не слышат. Он был разъярен до потери рассудка. — Сука ты! Ты все страумское давила. Даже кретинов, которые тебя любят, от твоей веры выворачивало. — Он показал в сторону Магната. — Ты все время разделяла нас, ребят, и мне пришлось заключать союз с этими *дикарями*. И сейчас из-за тебя еще будут умирать люди. Отойди, или я тебя сожгу на месте!

На другом краю сцены стояла на коленях Джо-

анна. Рукава ее промокли от крови, четыре пары челюстей застыли возле ее горла. Прямо перед ней лежала обугленная книга, два элемента Магната ее открыли, а третий читал текст — классическая поза для стаи. Четвертая морда тыкала в текст, пока остальные бомбардировали Джоанну вопросами.

Что же это за книга такая?

Кажется, Джоанна это знала. Она, опустив голову, что-то в ней показала, потом осторожно приподняла страницу и показала на то, что было под ней. Те, что держали книгу, посмотрели на нее, а остальные головы стаи сдвинулись вокруг лица Джо.

Свежеватель и Резчица сползли со своих насестов, но Магнат зашипел на них, заставляя молчать. Зек озабоченно метался, стараясь держаться на безопасном расстоянии. Закутанный в свой радиоплащ, он слышал даже меньше, чем Резчица и Свежеватель. Отвернувшись от Магната, он побежал — похромал — к Невилу и Равне, сжался в комок, как под невидимыми ударами, и свалился у ног Невила.

— Я не слышу, что говорит Магнат, — сказал он. Это была речь Хранителя, но канал связи терзался такой болью, что голос растянулся на

несколько октав, почти неразборчивый. — *Ты* мне это скажешь!

— Как? Я же не могу подойти близко, а отсюда не слышу.

Очевидно, Невил не знал, как пользоваться тиарой для подслушивания.

Наверное, Хранитель это сообразил, и голос его стал чуть спокойнее, но был полон параноидальной уверенности:

— Ты, животное по имени Равна. Ты всегда была умнее. Покажи Невилу, как это делается. Скажи мне, что они говорят. Прекрати это, или я убью Амди — сперва один кусок, потом всех остальных. У тебя на глазах.

Зек извивался на досках от боли — маленький синглет, транслирующий страшные угрозы. Невил отступил от него в неуверенности.

Лучшего шанса у Равны быть не могло. Она сделала три шага к Невилу и бросилась на него. В смысле физического нападения зрелище было жалкое, но она не выпускала Невила, крича ему в лицо:

— Корабль! Захватчик, захватчик!

От ударов кулаками в лицо она упала спиной на доски, и это было так же больно, как сами удары. На миг перехватило дыхание. Она под-

няла глаза — Невил показывал на нее, бормоча про себя. И ничего не случилось. Он снова ткнул рукой в ее сторону.

Но Равна оставалась жива. «Внеполосный» теперь ее внимательно слушал. С трудом набрав воздуху, она смогла выдохнуть:

— Корабль! Уничтожить все полномочия Невила. Уничтожить…

У Невила глаза полезли из орбит: он понял, что теперь в перекрестье прицела оказался он. Он попятился, повернулся и бросился вниз по лестнице, скрываясь от глаз Равны — и «Внеполосного».

Она подползла к Зеку. Ритл его обнюхивала, лизала морду. Зек катался на брюхе, пытаясь поправить на себе плащ. Слова выскакивали у Равны сами — лишь бы задобрить это чудовище.

— Хорошо, Хранитель, скажи мне только, что ты хочешь услышать…

Странный звук — низкий стон, идущий со всех сторон. *От всей толпы.*

Равна посмотрела — головы людей и элементов смотрели все в одну сторону. И не на Равну. Не на сцену Джоанны и Магната. Они смотрели в небо.

Равна резко обернулась. От воздушного корабля падал какой-то маленький темный предмет.

Живой, дергал конечностями. Элемент стаи, страдающий излишним весом. Он падал, падал, падал, и все еще живой. Потом его не стало видно со сцены.

Равна опустила глаза к Зеку.

— Зачем? — спросила она. — Ты же мне даже не дал шанса!

Зек посмотрел вверх, голова его болталась почти вслепую, тело дергалось. Он выдавал булькающие аккорды, но Равна не понимала их.

— Слушай! — крикнула она. — Я же делаю то, что ты хочешь! Не убивай больше Амди!

Она бросилась бежать к Магнату. Амди — восьмерка… то есть был восьмеркой. Он мог бы и семеркой остаться почти той же личностью.

Послышались отдельные крики. В небе появилось второе тело, одетое как первое, падающее с корабля. Бешено суча ногами, оно падало, будто пытаясь за что-то зацепиться.

Джоанна встала над Магнатом, глядя в небо. Стая окружила ее, потянула вниз. Магнат поволок Джоанну по сцене к главной лестнице. Охранник шел перед ним цепью, держа под прицелом Резчицу и Свежевателя, а теперь еще и Равну.

Возле Зека Магнат остановился и булькнул какой-то резкий вопрос. Синглет что-то ответил,

но продолжал биться в судорогах. Магнат на секунду задумался — он еще *думать* мог посреди всего этого, — ухватил Зека за воротник плаща и двинулся дальше к лестнице. Когда восьмерка проходила мимо, Равна потянулась к Джоанне, но клацнули челюсти, отгоняя ее назад.

— Сейчас увидишь, как я поступаю с лжецами и убийцами, — сказал ей Магнат.

И спустился по лестнице с Зеком и Джоанной. Охранник расчищал ему путь.

Еще крики. Из-за Джоанны, а может быть… Равна обернулась на запад. Все еще летели с неба элементы Амди. Три тела падали, кувыркаясь, а может, четыре — два элемента крепко обняли друг друга. Еще… и еще… Теперь, когда Амди почти весь мертв, Хранитель просто сбрасывает остаток.

Равна опустилась на помост.

А я даже не ранена. Совсем. Почему так?

Враги победили. Все лучшие намерения этого мира ничего не переменят.

— Равна? Равна?

В нее осторожно тыкались чьи-то морды. Резчица. Равна обернулась, обняла ближайшую. Она никогда себе не позволяла таких жестов с королевой, но сейчас надо было за кого-то держаться.

Щенок — Адский Щенок? — прополз по спине другого элемента и ткнулся Равне в щеку. И мурлыкающей вибрацией прозвучал голос Резчицы от всех ее элементов сразу:

— Равна, соберись. Прошу тебя, Равна, — очень еще много надо сделать.

Глава 41

Когда корабль Хранителя уже улетал на восток, в большее судно загружались последние участники отряда Магната. Помогали ему только люди Невила, но корабль взлетел без проблем. Он был уже на высоте метров сорока, проходил над сценой — направляясь к западу, к Проливам. Такие корабли не умеют разворачиваться на месте, но не было сомнений, что Магнат развернется и будет преследовать Хранителя.

Равна, не обращая внимания на корабль, огляделась. Приятели Невила отвечали на ее взгляд неуверенно. Они и вся масса отрицателей уходили с летного поля. Большинство направлялось вверх, к городу Новый замок. Их никто не останавливал, но Равна заметила, что вдруг появилось очень много солдат Резчицы. А самого Невила нигде не было видно.

Она повернулась к «Внеполосному» и выкрикнула в воздух несколько команд. Реакции не было.

— Нужна связь с «Внеполосным», — сказала она Резчице.

— Я знаю. Я послала гонца за рацией.

— А у тебя с собой не было? — спросила Равна.

— Нет. — Три головы Резчицы обернулись к Равне, и ее слова прозвучали на фоне рассерженного шипения: — Невил потребовал, чтобы мы пришли без них. Он с помощью «Внеполосного» вывел из строя все рации, которые использовались не так, как он хотел. Большинство народу все еще было на моей стороне — он надеялся на сегодняшнем собрании это поменять. Вы с Джоанной несколько изменили ситуацию.

Они смотрели вслед кораблю Магната, по широкой дуге проплывающему над Внутренними Проливами. Вокруг них метались Дети и стаи, крича, плача, показывая пальцами, воображая, что падает еще тело — человеческое. Но нет: Магнат — негодяй иного рода. Очень хочется надеяться, что иного.

Через толпу протолкался Пол Линден, даже прямо через Резчицу.

— Равна!.. — Он запыхался, и слова выходили у него не сразу. — Прости. Я не смог его задержать.

— Кого?

— Невила! Я увидел за сценой, как он выскочил и побежал прочь, но мне с ним было не справиться.

— Покажи, что он бросил, Пол!

Уилм нетерпеливо размахивал руками.

— А, да. — Он протянул тиару: — Это твое.

У Невила хватило глупости ее не вывести из строя, но хватило и ума, чтобы не оставить при себе.

Равна приняла хрустальную тиару, и Дети вокруг замолчали. Благоговея? *Не хотелось бы,* — подумала Равна. Момент из тех, по которым потом пишут большие полотна и слагают мифы о Принцессах. — *А я поклялась больше этим мусором мозги не забивать*.

Равна надела тиару.

— Корабль! — сказала она.

Получить поддержку «Внеполосного» — это было как выйти из темноты на свет. Задачи, которые отняли бы часы и дни, решались за минуту. К несчастью, самые важные вещи были все еще ей недоступны.

Два вражеских корабля уверенно уходили на восток, не отвечая ни на какие радиопротоколы, которые раньше использовал Невил. Она была властна над жизнью и смертью обоих кораблей, и этот факт абсолютно ничего не значил.

Спутник тоже не отвечал — что, быть может, и неудивительно. Там у Невила все еще были

особые права. Равна сумела поговорить с Тщательником на борту «Взгляда Сверху», убедив его не гнаться сейчас за Магнатом.

Здесь, на земле, вокруг нее клубились Дети и их Лучшие Друзья. Они последние несколько минут проявили невероятное терпение, но сейчас задавали тысячи вопросов, плакали — и требовали мести.

Равна подняла руки над головой, и шум почти сразу стих.

— Пусть отрицатели вернутся в Новый замок, в свои дома. Это все еще их дома. Они — почти половина человеческой расы, и они нам нужны.

— Согласна! — гулко ухнула Резчица. — Ни одна стая их не тронет. Но никто из нас не обязан больше мириться с Невилом. И вообще где он?

Вопрос относился ко всем, но ответы были невнятные и противоречивые. Конечно, это проблема из самых легких. Пусть Невил прячется от прямого взгляда «Внеполосного», но его люди пользуются рациями, и Равна рано или поздно будет точно знать, где он. Сейчас наиболее вероятное его местонахождение обозначалось в тиаре яркой точкой. Странно.

— Похоже, что Невил уходит из города…

Уходит на северо-восток, к лесу в долине.

— Следи за ним!

— Слежу.

«Внеполосный» следит. А тем временем…

Джефри нашли за сценой. Живого. Люди Невила бросили его в грязи, связанного по рукам и ногам. Наверное, не нарочно они сделали так, что он был вынужден смотреть на запад. Когда пришла Равна, его уже развязали, и он сидел спиной к доскам, таращась в пустоту. Спереди рубашка заляпана рвотой — он этого не замечал.

Рядом с ним присели несколько Детей, тихо что-то ему говоря.

Равна обошла его вокруг, встала перед ним, закрыв вид вниз.

— Джефри? Мы думаем, Джоанна еще жива. Мы ее вернем.

Взгляд Джефа поднялся к ее лицу. Никогда не видела она его таким безрадостным — даже в минуты величайшего его стыда. Прозвучал его голос — тихий и хриплый:

— Мы сделаем все, что можем? Да, но… — *Но что нам с этого пока что толку?* Он с трудом поднялся на ноги — с чужой помощью. — Все, что могу сделать я, — пойти найти, что осталось от Амди.

Он двинулся, шатаясь, прочь по лугу, но его

остановили.

Удержать Джефри от этого поиска она не могла. *И меня тоже от него никто не удержит.*

— Все пойдем, — сказала она.

Оказалось, что некоторые из Детей и Лучших Друзей уже проехали на фуникулере часть пути к воде, потом по сваям добрались до обрыва. Теперь они там могли застрять и из спасателей превратиться в спасаемых. Равна и Резчица послали за ними ребят постарше с инструкцией, чтобы всех вытащить живыми.

Были и менее опасные пути вниз по обрыву, и это была подходящая причина для Равны, чтобы повести отряд. Обрыв был вне прямой видимости «Внеполосного», но за много лет эту местность обследовали тщательно. Равна с тиарой была, пожалуй, лучшим вожатым скаутов, чем кто-либо другой.

Они шли от карниза к карнизу, поднимаясь серпантином по скальному склону. До строительства фуникулера путешествие со Скрытого Острова в город Новый замок занимало добрую часть дня. Утесы сами по себе были смертельным аттракционом, где за эти годы погибли двое Детей и одна стая осталась изувеченной. Сегодня вокруг зеленела весенняя листва, смягчая суровость

пейзажа, скрывая клыки камней.

— Эй, держи!

Резчица передала Равне страховочную веревку. Стая шла в основном позади Равны, но близко. Сейчас Резчица стала молодой — может быть, даже слишком молодой для таких упражнений, с двумя щенками, — но вроде бы трудностей не испытывала. Королева на ходу окликала стаи, находящиеся над ней, — по-своему Резчица тоже координировала действия.

Равна взяла страховочный конец, передала оставшиеся витки Овину — единственному человеку, который в этом отряде шел впереди нее.

— Как ты думаешь, есть ли шанс… — начала Равна тихо, обращаясь только к Резчице. Слава Силам, Джефри сумели убедить остаться с Магдой и Эльспой в середине отряда.

— …что от Амди что-то осталось живое? — договорила королева. — Не представляю себе как. Эти весенние листья — паутинка, а хвойные под ними — как стальные прутья. Но этот… поиск все равно следует выполнить.

Равна кивнула:

— Можем сделать его безопаснее.

Следующие несколько минут было не до трепа. Наголовный дисплей скоординировался с ее

положением, стали видны деревья на топографической карте «Внеполосного», и Равна смогла направлять Овина Верринга туда, где безопаснее. Одновременно она в других окнах следила за другими событиями. Люди Невила не делали попыток сбить «Внеполосного» с толку, но от купола Первого Приземления поднимались клубы горячего воздуха. У Равны даже было видео из самого замка! Очевидно, Невил все камеры переключил на шпионство — вот почему у Равны была лишь очень грубая информация о траекториях тел. Но можно было осмотреться вокруг замка. Били — или кто-то другой начинили посадочный модуль горючим и подожгли. Пожарные Резчицы уже сбили пламя, и похоже, что гибернаторы не повреждены.

Равна стала снова смотреть на скалы впереди:

— Овин, туда не надо.

Полка повыше была более узкой, но переходила через несколько метров в настоящую тропу.

— Понял.

Равна сползла на полку вслед за ним, и тут в тиаре возник красный флажок тревоги. За спиной Резчица разговаривала с невидимыми стаями наверху обрыва. Потом она перевела для Равны:

— Они говорят, что-то там происходит, в городе

Новый замок.

— Ага.

Вот именно этот флажок. Идя вслед за Овином, она его открыла: это был вид на северную дорогу, выводящую из города. Дети-отрицатели после разгрома на Лугах Резни вернулись в свои дома, но теперь снова двинулись — и не назад на Луга Резни, и не к «Внеполосному». Корабль насчитал семьдесят Детей, в том числе Били и Мерто, но Невила среди них не было. У старших были рюкзаки или сумки с ремнями. Несколько телег, но в основном все шли пешком, прочь из города, к северо-востоку.

— Знаешь, кажется, у некоторых из них оружие.

Именно пистолеты для людей, как Равна описывала Невилу.

— У моих солдат оружия больше, — ответила Резчица. —

Я могу их задержать. Это похоже на массовое похищение?

Равна всмотрелась в эту сцену внимательнее:

— Нет.

— Тогда я предлагаю отпустить этот народ. Без гражданской войны.

Равна вдруг поняла, что, пока ее внимание было

обращено на другую сторону Холма Звездолета, сама она шла по полочке, сузившейся до тридцати сантиметров, и Резчица осторожно отводит ее от края. Остановившись, Равна прислонилась к крутой каменной стене.

— Уже почти на месте, Равна. Дай мне руку.

Равна подняла глаза и увидела Овина. Он дошел до расширения тропы, обещанного топографической картой. Через секунду она уже стояла с ним, присела на минуту и стала ждать, пока подтянутся остальные. Резчица плотно ее обсела. Новый щенок едва достиг возраста, когда мог уже быть конструктивным участником стаи. Он выглядывал из щенячьего кармана, а маленький Гвн ехал на плечах другого элемента, постарше.

Королева заметила ее взгляд:

— Новый щенок? Это чтобы уравновесить параноидальную натуру Гвна — старомодный псарский рецепт. Предложение Странника… и его последний дар. — Резчица помолчала, а потом сказала вслух, обращаясь ко всем: — Я слышу воздушную лодку Тщательника.

Равна кивнула. Она следила за ее движением через посредство «Внеполосного».

— А что случилось с его большим воздушным кораблем?

— Ушел в историю, — ответила Резчица, крутя головами. — Невил посадил на него свой экипаж, состоящий из одних людей, и они его разбили в первом же полете. Жертв не было, но искать тебя стало не на чем. Есть разные мнения — была эта катастрофа подстроена Невилом или нет.

— Вот как?..

Теперь моторчик лодки стал слышен уже и человеческим ушам. Ее не было видно сквозь весеннюю листву, пока она не оказалась прямо над головой. Равна успела заметить ее невооруженным глазом — и две головы Тщательника, выглядывающие через борт.

Год назад я там была с Тщательником, преследуя невиловских воров. Только мы думали, что гонимся за тропиканцами.

Через «Внеполосный» она передала: «Тщательник, мы находимся… — и точку на карте. — Пол Линден и вторая группа на другой тропе метрах в пятидесяти за нами».

Вторая тропа была безопаснее, но не уходила глубоко в ту зону, где «Внеполосный» предполагал место падения большинства тел.

— Линдена я видел, а вас нет, — раскатисто донесся с неба голос Тщательника. Он не дал себе труда говорить по рации.

— Понятно. Ты видел какие-то следы… падения тел?

Тщательник ответил своим обычным мрачным тоном:

— Птицы знают. В трех местах стали скоплять-ся. У меня тут камера дерьмовая, но я послал «Внеполосному», чего вижу.

Это видео уже крутилось в окнах у Равны.

Снизу поднялись два лесника Резчицы, а потом, пошатываясь, появился Джефри, глядя только вверх и никого вокруг не видя.

— Тщательник! — крикнул он. — Сколько мы ищем тел?

Пришел ответ:

— Почти все говорят, что восемь, но некоторые из младших Детей говорят, что семь, и одно держит какой-то предмет размером с элемент.

Джефри молчал, глядя в небо. Потом двинулся вверх по тропе, минуя Равну. Она встала, протянула руку, чтобы его остановить. Секунду ей казалось, что он стряхнет руку с плеча. А потом она его обняла и почувствовала, как он дрожит.

— Я проведу туда наш отряд, Джефри. Ты увидишь все, что увидим мы, но держись пока в середине. Хорошо?

Магда и Эльспа догнали Джефри и стали его

тихо уговаривать пропустить вперед Равну и Резчицу.

Равна обернулась идти за Резчицей — и услышала сердитую скороговорку межстайной речи. С нижней полки поднимался одинокий элемент.

— Ритл? Какого черта…

Синглет величественно кивнул Равне, испустив аккорд, означавший что-то вроде «опять ты», и прошествовал мимо.

Следующей поднялась снизу Хейда Ойслер — последний вопрос Равны она приняла на свой счет.

— Да, извини. Мы думали, это часть Магната. Ну она же была к нему вплотную, и эмблемы на ней те же. И даже разговаривает как начальник — ну, мы прихватили ее с собой. — У ребят, поднявшихся за ней, был несколько смущенный вид. Может быть, это было решение всей группы. — А выходит, мы просто подобрали чью-то собачонку.

О господи, ну нет сейчас времени с этим возиться!

— Но сюда вы ее зачем привели?

Хейда посмотрела на синглета сердито:

— Это не наше было решение.

Снятое Тщательником видео имело такое низкое разрешение, что наверняка было сделано с

помощью его самодельной камеры. Но понятно было, что он все равно этим устройством очень гордится. А когда «Внеполосный» наложил изображения на свою карту — это было как раз то, что нужно поисковым партиям.

Птицы кружили в трех местах. На картинках не было видно, что там на земле под ними, но топографическая карта Равны показала, что одно из этих мест лежит на маршруте группы Пола Линдена. Резчица крикнула ему, куда идти, а группа Равны стала выходить на самую высокую из точек падения, где птиц пока не заметили. Впереди ожидался трудный подъем, но пока что Равна и Овин шли почти рядом, иногда лишь между ними растягивалась Резчица.

На ходу Равна еще раз перебирала мысленно список заданий. Рации Невила остановились на той стороне Нового замка, под прикрытием леса. Либо он их выбросил, либо ждал, пока его догонят «его люди». Детей-отрицателей видели на северной дороге, они шли к лесной долине, и за ними следили войска Резчицы. К этой группе добавились еще телеги, и караван вели несколько стай. Декутомон и его компания? Трудно было бы уйти от вывода, что это запланированный исход. Либо Невил сошел с ума, либо собирается

как-то сыграть на опережение Равны и Резчицы.

Но каков бы ни был план Невила, не похоже было, что он предусматривает скорое рандеву с его основными союзниками: Хранитель и Магнат оба уходили в восточное небо, постепенно набирая высоту и приближаясь к Ледяным Клыкам. Если они думали, что вышли из зоны действия лучевого ружья, то это была их роковая ошибка. Они еще долго будут видимы «Внеполосному», разве что решатся на рискованную игру в прятки в горных долинах. Даже сейчас Равна еще могла бы пересчитать все заклепки на гондолах турбин Магната. Одно слово — и «Внеполосный» поджарит оба корабля, как цыплят.

Эти бесплодные мечтания прервал Овин:

— Э, а вот это откуда?

Он наклонился у края тропы и поднял что-то желтое и яркое.

Два элемента Резчицы протиснулись поближе:

— Золотая монета. Чеканка Длинных Озер.

Овин повертел монету в руках, подбросил на ладони. Как и многие Дети, он стал туземцем в смысле бережного отношения к тяжелым металлам. Серебро и золото можно было обменять на вещи, которых звездный народ пока что делать не умел.

— Когда я был маленький, мы тут часто бродили, — сказал он, глянув на Равну.

— Все прощено и забыто, — ответила она.

Вот негодяй!

Овин мимолетно улыбнулся:

— Но я хочу сказать, мы никогда здесь ничего такого не видели. А если бы увидели, хапнули бы тут же.

— Э-хе-хе, — вздохнула Резчица. — Может быть, не такая уж тут загадка. Наверняка с тех пор как мы тебя и твоих друзей снимали с обрывов, Хранитель и Невил превратили их в свое тайное шоссе.

Мимо прошел Джефри, ничего вокруг не видя. Магда и Эльспа устремились за ним следом, едва глянув на монету. Эти трое помнили, что важно.

— Пойдем, — сказала Равна остальным.

— Эй, там, наверху! Кучу золотых монет видели?

Вопрос задала какая-то стая из группы Линдена.

— Одну только, — гулко ответила Резчица.

— Мы их десяток нашли, и на камнях, и в деревьях застрявшие.

От этих слов Джефри припустил рысью, его едва смогли сдержать предостережения Магды

и Эльспы.

— Ага, и я вижу желтое! — прозвенел голос Тщательника. — Эй, на верхней тропе! Чуть дальше! Птицы его еще не нашли, но в листве пробоины…

Джефри и его спутницы исчезли за поворотом. Когда Равна и остальные их догнали, они увидели, что первая тройка остановилась, глазея. Не на горсть золотых монет, а сотни монет и камней, россыпь золота и драгоценностей поперек тропы. Под ярким прямым солнцем. А в весенней листве — две больших пробоины. И там, куда попадал свет, зеленоватый полумрак сменился яркими деталями. *Но где ты, Амди?* Или, как в волшебной сказке, погибший друг превратился в груду драгоценных камней?

Джефри вскарабкался по скале, упираясь ногами в стволы деревьев. Провел рукой по ветвям, не замечая сыплющихся вокруг золотых монет. Упало что-то большое и угловатое, застрявшее в камнях.

Предмет подпрыгнул и упал на тропу. Это был сундук, когда-то крепкий. Там, где он не раскололся, поверхность блестела лаком.

Равна почувствовала прикосновение к плечу. Обернулась. Мрачный и суровый, за ней стоял

Овин. Он показал глазами вверх, Равна посмотрела туда. В верхних ветвях застряло что-то темное и размером с элемент. Ритл металась внизу, не сводя глаз с этого предмета. И молчала, перестав выдавать комментарии.

У Равны пересохло во рту. Она посмотрела на Джефри, все еще стоящего враспор между скалой и стволами деревьев.

— Джефри, сойди, пожалуйста.

Она старалась говорить ровным и дружеским голосом.

— Рав, мы должны его найти.

— Найдем. Я обещаю. — Потребовалось усилие воли, чтобы не смотреть на неподвижный темный предмет среди ветвей, где Джефу было не дотянуться. — Но ты не должен там стоять, это опасно. Я тебя прошу спуститься.

Он смотрел на нее расширенными глазами. Такой взгляд она видела у него очень, очень давно — задолго до того, как он вырос, связался с отрицателями, предал ее и спас ее. Взгляд ребенка, которого спас Фам на Лугах Резни.

Джефри вздохнул.

— Да, — сказал он и осторожно спустился.

Все молчали. Но к тому времени, когда Джефри добрался до земли, почти все уже заметили в

ветвях тело.

В снятии тела самое трудное было — не дать Джефри в этом участвовать.

Тело. *Так и думай о нем: тело, существо, труп — только не часть Амдиранифани.* Что это *существо* мертво, сомневаться не приходилось. Беднягу насадило на торчащую ветвь у верхушки дерева, где не росла хвоя. Это копье пронзило тело по всей длине, и там, где оно остановилось, ширина его была сантиметров пятнадцать.

Когда тело начали снимать, Резчица крикнула группе Линдена, сообщая о находке.

— Понял! — донесся ответ. — Мы тут отгоняем стаю — блин, ну упрямые! — птиц. Кружатся над чем-то прямо впереди нас.

Магда и Эльспа сидели на земле рядом с Джефри. Наконец-то они сумели его успокоить. Равна прислонилась к большому камню и передавала «Внеполосному» кучу явно ненужных деталей. По видео, полученным от Тщательника, корабль уже определил местонахождение семи тел, все наверняка мертвы, хотя сегодня можно будет добраться только вот до этого и того, который нашла группа Линдена. *Значит, можно теперь подумать о других вещах*. Но мозг никак не хотел отвлекаться от пронзенного тела и остальных

окон просто не замечал.

Один из лесников пилил дерево, другой привязывал веревки к верхним ветвям. Ритл кружила внизу, так похожая на обычную собаку, как никогда не бывает у Стальных Когтей, даже у синглетов. Она почти все время молчала, казалась заинтересованной, заинтригованной, и — раз в жизни — глупой, какой наверняка и была. Но собаки, которых Равна помнила, бывали достаточно умны, чтобы понимать, когда их хозяева расстроены — а Ритл не могла не помнить Амди. Она ему, бедняге, кучу проблем создавала. Равна только надеялась, что бедная тварь не будет переживать так, как Джефри и другие друзья Амдиранифани.

Когда тело спустили на землю, Джефри стряхнул с себя Магду и Эльспу. Все, кроме Ритл, при его приближении отступили. К счастью, голова трупа была повернута в другую сторону — похоже, лицо проткнула ветка дерева. Тело было обернуто длинным плащом. Джефри склонился над ним, Ритл двинулась вперед, всматриваясь в тело с подозрением. Джефри жестом отогнал синглета, потянулся к плащу…

С пронзительным визгом Ритл метнулась мимо него и вцепилась трупу в горло, вопя от ярости.

Джефри будто и не заметил. Он упал на колени и смотрел в полном оцепенении. Магда и Эльспа подскочили схватить Ритл, но та откатилась от трупа, залетела в подлесок с верхней стороны тропы, издавая странные ухающие звуки. Через минуту Равна поняла, что это. Очень малая часть *смеха*.

Джефри не поднял глаз, но когда он заговорил, голос был полон удивления:

— Это никакая не часть Амди.

И наконец Равна присмотрелась к растерзанному мертвому предмету. Из-под плаща высунулась лапа. Когти были накрашены, и что-то вроде браслета казалось серебряным. Но главное — седеющая морда этого существа показывала, что оно старше любого элемента Амди.

Резчица смешалась с людьми вокруг трупа. Полностью стянув плащ, она долго смотрела на тело, потом отошла в сторону.

— Ты знаешь, кто это? — спросила Равна, но Резчица не ответила. Другие стаи подошли поближе, насколько можно было.

— Я этого не видел никогда, — сказала одна стая по-самнорски.

— Это может быть недавнее добавление к кому-то знакомому.

— Не похоже. Слишком старое.

— Надо собрать другие тела, пока птицы их не расклевали.

Теперь, когда этот вот оказался просто огромной загадкой, такие слова легче было произнести.

В кустах, в стороне от тропы, Ритл все еще фыркала. Потом успокоилась и забулькала громко, в своем обычном стиле.

И тут уж ей уделили внимание. Взметнулись головы, уставились друг на друга в оцепенении. И через секунду даже Равна поняла простые аккорды:

— Хранитель сдох. Хранитель сдох! Хранитель сдох!!!

Глава 42

В самнорском нет слова, чтобы охарактеризовать последующие двадцать четыре часа. Резчица сказала, что есть такие аккорды в межстайной речи: некоторый йодль, означающий коренную перемену, время, наполненное спрессованными событиями, которые могут привести к полному крушению или же к катастрофе ограниченного масштаба, а могут — к величайшему триумфу. Для Равны эти сутки стали непрерывным потоком проблем и решений, прерываемым лишь короткими минутами дремы, еды и лечением у Лисл Армин на аппаратуре лазарета «Внеполосного».

— У тебя обезвоживание, голодание и полузажившие порезы и ссадины по всему телу. Отдых, питание и наша аппаратура это выправят. Еще «Внеполосный» видит сотрясение. Это тоже не должно быть проблемой, если ты не будешь напрягаться, но средств вылечить его сразу в лазарете может не быть. Но зато, — просияла Лисл, — твой сломанный нос и кости лица починить можно на месте! Мне только нужно будет

несколько часов твоего времени и чтобы ты себя поберегла…

Равна прервала ее речи. Не время сейчас для косметических штучек…

Корабль вывел ее из дремы в середине следующего дня. Она чувствовала себя куда лучше, но первое собрание оставшихся Детей должно было начаться внизу через пятнадцать минут. Выходя из командного пункта, она просматривала журнал и последние новости «Внеполосного». Звездолет проследил корабли Магната до посадки на каком-то аванпосте к востоку от Ледяных Клыков. Для дозаправки? Как бы там ни было, корабли снова взлетели и пошли на юг. Ближе к дому Тщательник поднял свою воздушную шлюпку — последний оставшийся воздушный корабль Домена, — чтобы обогнать караван Невила.

Почти что первым делом Равна протестировала «Внеполосный» на предмет грубых ошибок и вандализма. Аккуратно сняла усилительный каскад с лучевого ружья Фама: было слишком страшно думать, как программный глюк превращает город Новый замок в окалину. С другой стороны, она не стала тратить время на невиловское убранство интерьера, и когда она появилась в Новом зале, выяснилось, что там перемени-

лось многое. Исчезла дружественная атмосфера, которую установил Невил, когда изображал демократа. Исчезли игровые антуражи, и остались лишь одна-две точки доступа к компьютеру. Невил безжалостно ободрал весь корабль, чтобы установить системы наблюдения, замеченные Равной накануне. На стенах был новый узор — звездное небо, вид в галактической плоскости, но где-то очень далеко, на краю бездны, скорее всего в Нижнем Переходе.

Вид из Верхней Лаборатории Страума.

На фоне межгалактической тьмы стоял подиум с сиденьем для Невила, почти таким же внушительным, как трон, который он когда-то построил для Равны. Сейчас она осторожно подошла туда, но садиться не стала. Ее встречали улыбки и приветствия, но радости не было.

На этот раз в зале собрались двадцать стай и примерно семьдесят Детей. Странно было, как они смотрели на Равну — а потом отводили глаза. С отвращением? Она знала, во что превратилось ее лицо, но они как-нибудь привыкнут. На стаи ее вид действовал намного меньше.

В публике Равна заметила Резчицу и Свежевателя. Ага, и еще Джефри, с неподвижным лицом, сидящий чуть поодаль от всех.

— Нам более чем когда-либо нужно сейчас говорить, — начала она. — Учитывая состояние интерфейсов, — она обвела рукой зал, — это может быть затруднительно. Я хочу, чтобы вы все знали, что я делаю, что видит «Внеполосный». И еще… еще я хочу услышать, каковы ваши цели, что вас больше всего волнует.

Венда — старшая Ларсндот уже стояла, подняв руку. Тут же вскочила Гиске Гискнсдот:

— Я хочу говорить про Невила! Вчера мы потеряли половину человеческого населения!

— Хотели уйти — скатертью дорога.

Равна не видела говорившего, но замечание не было задумано как анонимное. По всему залу Дети закивали согласно.

— Да! — крикнула Эльспа Латтерби. — А гнаться нам надо за этим типом, Магнатом! Он украл мою сестренку!

И Амди, и Тимора, и Джо, и Странника, и Шелковинта, и…

Вокруг закипели споры, разногласия, противоречия. И снова Равна почувствовала, что ничего она не умеет с этими Детьми, как всегда.

Она подняла руку — осторожная просьба соблюдать порядок, и…

И все замолчали.

Как я это сделала?

На миг Равна сама лишилась дара речи.

— Послушайте меня. По некоторым из названных проблем у меня есть кое-какая информация. Но я прошу вас, давайте не будем хвататься за все сразу и все сразу кричать. Венда, кажется, ты была первой?

— Ага, спасибо. Немного не по теме, но мне кажется, это важно. Я вчера говорила с Джоанной, до того как она пришла на Холм Звездолета. — Снова молчание стало полным. — Она мне сказала кое-что, что мы должны знать, и кое-что другое, что честь обязывает нас сделать. Прежде всего: никаких «тропиканских террористов» на плотах не было. И не было бомбы: взрыв был вызван лучевым ружьем «Внеполосного».

— Мы догадались.

Ровный голос Овина был полон смертельной угрозы.

Уилм Линден махнул Равне рукой:

— Но ведь ты можешь это доказать? Должны были остаться записи.

— Да. — Если не было сбоя программ, она может вскрыть все попытки Невила замаскировать свои действия. — Я достану протоколы, но боюсь, что Невил объявит их поддельными.

Венда отмахнулась:

— Главное, на что напирала Джо, — это что мы у тропиканцев в долгу. Пусть у них нет такого разума, как у стаи или человека, но она говорит, что их решение ее выручить и их жертвенность спасли ей жизнь. И она просит — на самом деле она говорила «требую» — чтобы мы с ними обращались хорошо и помогли им вернуться домой, если поймем, что этого они хотят.

Резчица подняла несколько голов и посмотрела в сторону Равны:

— Позволь мне?

— Да, пожалуйста.

— Почти всех тропиканцев я уже переместила в старое посольство. Экипажи десяти плотов — это больше любого прошлого кораблекрушения. Адекватно расширить это учреждение будет очень дорого… но я велю это сделать. Отчасти потому, что они ни в чем не повинны, — кивок в сторону Венды, — а отчасти потому, что если мы будем плохо обращаться с союзниками Магната, увеличим риск для моего Странника и всех прочих бедняг, которых Магнат удерживает у себя.

Равна кивнула:

— Благодарю, Резчица. Что-нибудь еще, Венда?

— А, да! Еще мы переучитываем товары на

Южной Стороне. Одна вещь, про которую Невил *не* соврал, — это главный груз плотов.

— О да! — заметил кто-то из собравшихся. — *Мирные дары* Магната.

— Называйте как хотите, но это не мусор. Там примерно пятнадцать тонн ткани. — Венда огорченно закатила глаза. — Не хуже любой, которую мы сейчас делаем. И еще другие вещи, мы еще все не разобрали. Пока что мы нашли девятьсот пять раций голосового диапазона.

Видел бы Магнат эти поглупевшие лица по всему залу — он был бы доволен. Венда пожала плечами:

— Ну вот и все мои новости.

И она села.

Один за другим стали высказываться все. Большинство присутствующих вроде бы поняли, во-первых, что Магнат сейчас вне досягаемости, а во-вторых — что с ним вообще непонятно, что делать. А тревога по поводу исхода отрицателей была иного рода. Гиске сказала так:

— Отрицатели были всегда, но Невил этот идиотизм сделал смертельным. Мой Рольф был очень хороший человек — иначе я бы за него не пошла. Но глотал все, что Невил ему скармливал. Мы каждую ночь с ним спорили, особенно когда

уже Равна пропала. А сейчас у него мои дети, и их надо вернуть!

По залу прошло согласное бормотание — не только по поводу детей Гиске. Вопрос об отрицателях и ушедших касался каждого.

Равна посмотрела на Джефа. Тоже очень хороший человек, но этого для решения проблемы мало.

— Да сами обратно приползут в конце концов! — сказала Венда Ларсндот куда резче, чем изъяснялась обычно. — Эти отрицатели не дали себе даже труда научиться жить *здесь*. Чтобы они смогли выжить на природе? Не смешите меня.

— Не о том речь! — возвысила голос Гиске. — Пока что *никто* не сумел переоценить способностей Невила к злодействам. Может, он из тех психов, которые, утратив бешеную популярность, уводят своих последователей в глушь и там убивают! *Я хочу вернуть своих детей, сейчас же!*

Собрание длилось еще полчаса, потом были отдельные разговоры с Резчицей и многими Детьми. Но не с Джефри: он ушел сразу, как кончилось собрание.

У Тщательника отказала рация, но «Внеполосный» видел, что обе лодки и Тщательник вполне в удовлетворительном состоянии. Он должен

был в течение часа вернуться — может быть, что-нибудь скажет за или против неприятной теории Гиске. Равна неверной походкой пошла немножко поспать.

Устроившись в своей прежней комнате возле командного пункта, она снова удивилась своему успеху на собрании. С тех пор еще, как Дети были маленькие, не видела она от них такой почтительности, да и тогда редко. Может быть, они теперь видели в ней умельца и героя, побывавшего в аду и вернувшегося оттуда. Ха. Знали бы они, какая это ерунда по сравнению со всем остальным, что ей пришлось делать. И все еще было неприятно, когда ребята вздрагивали при виде ее изломанного носа и скулы. Ну а если это не отвращение, а они в этом увечье видят доказательство неимоверной жертвы? Тогда их сочувствие и восхищение работают ей на руку. Будь на ее месте Невил, он бы это преимущество использовал до конца. Она об этом подумала, пытаясь сдержать сон. Быть может, это будет глупый поступок, но…

— Корабль!

— Да, Равна?

— Позвони, пожалуйста, Лисл Армин и скажи ей, что я согласна на восстановление лица.

И она провалилась в сон.

* * *

Наблюдательные полеты Тщательника не подтвердили наихудшего варианта Гиске. В конце концов, может быть, Невил действительно так безумен, как она опасается, но караван отрицателей был отлично экипирован и отлично подготовлен. Учитывая, сколько они сперли всякой аппаратуры, «отлично экипирован» не удивляло. А вот что отлично подготовлен — тут уж, наверное, постарался Били Ингва. Записи показали, что Били много времени проводил в командном пункте, занимаясь планированием. Он узнал кое-какие приборы в Посадочном Модуле — которые Равна по ошибке считала ломом, — и сообразил, что ограниченно функционировать они могут и здесь. Вот этим и были вызваны странные кражи в катакомбах города Новый замок. А что они подожгли Модуль — Невил и Били действительно верили в Контрмеру. Подробности потерялись в испорченных файлах регистрации, но явно из-за системной ошибки, а не шифрования. Может быть, потом можно будет разобраться в этой мешанине, но сейчас Равна была занята установлением связи с Магнатом и

попытками пробиться к спутнику.

Тем временем Невил прощупывал возможность выйти на «Внеполосный». Главный отрицатель (самое вежливое слово, которым она его могла назвать) унес с собой большую часть коммуникаторов и доступ к спутнику. Равна сознательно оставила аккаунты отрицателей, но в виртуальных клетках. Невил все время в них залезал, пытался нащупать дыры в системе безопасности, размещал свою пропаганду. Это неумелое хакерство давало очень много информации — для Равны.

Резчица послала за отрицателями разведчиков с флагами перемирия. Их приняли без враждебности, разрешили говорить с каждым, с кем хотят. Они даже шестерых человек из каравана сагитировали вернуться.

Но Равна, проходя по улицам Нового замка, видела повсюду пустые дома — разрывы в тонкой ткани человечества. Отрицание увело с собой половину всей человеческой расы, и до сих пор еще тонкой струйкой уходили из города Дети в расчете догнать основную группу.

Через пять дней исход Невила достиг цели — системы пещер с термальными источниками в ста с лишним километрах к северо-востоку.

Резчица узнала место и сказала Равне, что знает о его существовании уже примерно век, но всегда считала, что там слишком опасно для постоянного поселения.

До этих пещер маленькой лодочке Тщательника было не долететь. Прошли три дня, когда единственным источником информации об ушедших были реляции Невила и радостные сообщения его последователей. Он теперь обещал каждый день картинки, и когда они пришли через спутник, Равна прокрутила видео в Новом зале.

На первом показе присутствовали Равна и Резчица с почти всеми оставшимися Детьми и их Лучшими Друзьями.

Поселок Невила «Лучшая Надежда» расположился на краю ущелья, пролегшего в стене речной долины Стремительной, в Ледяных Клыках, где кончалась территория, объявленная Резчицей своей. Местные охотники-фермеры не особенно любили эти горы, но Невил был полон оптимизма. Первое видео показывало его примерно в середине долины Стремительной.

— Земля идеальная для людей, для независимости и роста. Приезжайте посмотреть через год. Здесь будут зеленые кусты нашей новой кормо-

вой травы, изумрудный ковер до самого края Северного ледника.

— Флаг в руки, дубина! — крикнул кто-то из аудитории. — Вы, пока здесь жили, *ни хрена* не вырастили.

Камера неровно повернулась, прочь от ледника, через реку, к северной стене долины. Кто-то из Стальных Когтей издал удивленный звук.

— Эй, посмотрите! — сказал Овин. — Вот почему, наверное, они это выбрали!

Камера показывала то, чего, наверное, не видели идущие обычным путем вдоль Стремительной: вертикальная щель в темной скальной стене боковой долины.

— Там что, высота двадцать метров? — спросил кто-то.

На фоне комментариев в зале рокотал дружелюбный голос Невила:

— …очевидно, стаи не понимали, что горячие ключи поддерживают систему пещер. Это открытие воистину человеческое. — Он снова вошел в поле зрения. — К счастью, группа, нашедшая эти источники, была предана лучшим идеалам человечества. Джефри Олсндот сообщил о своем открытии непосредственно мне.

Зал взорвался:

— Вот гад!

— Все это время, изображая «великого путешественника», он на Невила работал!

Равна уже проверила, что Джефри в зале не было. Невил на экране поднял руки, будто зная, какой переполох вызовет его заявление:

— Знаю, знаю. Это не могло быть чисто человеческое открытие — Джефри сопровождала стая по имени Амдиранифани. Дружба со Стальными Когтями была и остается для нас самым важным делом. Мы ищем дружбы с Резчицей. Мы установили дружеские отношения с Магнатом из Тропиков.

Раздался злобный смех.

— Своего приятеля не забудь, Хранителя покойного!

— А всего декаду назад он еще был «Магнат с Восточного Побережья»!

Невил продолжал говорить:

— Но, друзья мои, перед нами встают сейчас вопросы морали, и откладывать их решение нельзя. Слишком долго мы слушали советы сбитых с толку людей и стай. Люди, которые действительно хотят мира, — с нами, в нашем поселке Лучшей Надежды. Нет нужды в непрестанных приготовлениях к апокалипсису, которыми заставляли вас

заниматься Равна Бергсндот и стаи Домена Резчицы. То были времена, когда мы были слишком малы и слишком исполнены отчаяния, чтобы понимать истинное положение вещей. Равна, Резчица и Свежеватель спасли нам жизнь, всем нам, малолетним беженцам, которые уцелели после их же изначальной резни. И мы им очень, очень обязаны. Но в то же время у нас есть долг перед *родителями.* Они погибли в Верхней Лаборатории в благородном порыве, в высочайшем стремлении, когда-либо владевшем людьми. И мы не должны предаваться разрушительной ненависти, которую проповедует Равна.

— Все то же, все то же! — отозвалась Гиске. — У нас есть записи.

Равна услышала ответ Овина:

— Наверняка у Невила скоро будут свои записи.

— К тому же никто не знает на самом деле, что случилось в Верхней Лаборатории, — сказал кто-то, кого Равна не видела.

— Мы даже не знаем, что в ближнем космосе случилось десять лет назад!

— А ты заткнись!

Голос Невила вел дальше, оставляя за собой кильватерный след мелких споров:

— Я надеюсь, что когда вы честно рассмотрите все факты, верность прошлому не затмит ваш взгляд и вы, и ваши друзья — в том числе Лучшие Друзья, Стальные Когти, — придете к нам, на этот редут Страума. Все, кто придет с чистым сердцем, будут встречены как братья. Но согласны вы с нами или нет — об одном *умоляю* вас! Каковы бы ни были разногласия, мир между двумя частями человечества просто необходим. Быть может, только мы и остались от всей нашей расы. После галактического геноцида десять лет назад только мы, может статься, и остались от всего Верхнего Края.

Невил шел по склону вверх, к входу в свой «редут». Его люди выходили ему навстречу, сплошь улыбки и смех. Невил, окруженный знакомыми лицами, обернулся, посмотрел в камеру:

— Так что даже если мы останемся разделенными, даже при самых глубоких наших разногласиях… давайте работать вместе, чтобы выжить. У вас в Домене — огромные ресурсы. У вас — «Внеполосный» и сокровища Нового замка. Это общее наследие нашей родины — Края. Давайте использовать их вместе.

Первое видео заставило ребят спорить весь день. Второе и третье были так похожи на него,

что, когда показывали четвертое, Равна просто наблюдала за их реакцией с мостика. Общее собрание в Новом зале не устраивали, потому что послание можно было пересмотреть в любой момент. И присутствовали только грустные Дети, надеющиеся на несколько секунд увидеть любимые лица.

Но четвертое послание Невила было иным.

Видео начиналось картинками новых жилищ отрицателей внутри пещер. Строились они без помощи технологий «Внеполосного», но теперь Равна видела, как отрицатели пустили в дело снаряжение, снятое с посадочного модуля Страума. Да, это оказался не лом — она просто не могла сообразить, какой там интерфейс пользователя! Сухие и теплые пещеры озарял искусственный солнечный свет. Уже построили три «дома участия» — так их назвал Невил. Повсюду лежали штабеля свежих бревен, распиленных и измеренных, готовых лечь в стены новых зданий. Бревна и пиломатериалы наверняка были поручены от Магната через посредство Декутомона. Как-то Невил смог согласовать все вопросы с оставшимся у него союзником.

Собравшаяся в Новом зале горстка Детей уже сообщала по рации другим о только что уви-

денном. К тому времени как начала собираться толпа, Невил уже закончил показывать и рассказывать про чудеса Лучшей Надежды и переходил к банальностям. Как всегда, его окружали улыбающиеся лица. Но сейчас Равна не особенно обращала внимание: всю остальную речь она могла бы произнести сама. Ну, точно…

— Так что хотя у нас глубокие разногласия… скооперируемся ради выживания. У вас в Домене огромные ресурсы. У нас в Лучшей Надежде — добрая воля Стальных Когтей от тропиков до самых Длинных Озер и Восточного Побережья. Мы заключили мир с когда-то страшным врагом: Магнатом. Завоевав его доверие и добрую волю, мы договорились об освобождении всех, кого он удерживает. Это освобождение…

Глаза Равны метнулись к дисплею. Внизу послышались удивленные ахи и потом захлебывающийся голос:

— …будет безусловным. Этого мы добились тем, что мы — в отличие от Равны и Резчицы — показали Магнату, что не желаем ему зла. — Невил сделал паузу. Отрицатели вокруг него разразились приветственными криками. Внизу в звездолете Дети тоже возликовали, но как-то без особого энтузиазма. — Мы рассчиты-

ваем, — продолжал Невил, — что большая часть освобожденных предпочтет остаться с нами, в Лучшей Надежде. — Он снова сделал паузу, давая слушателям подумать о последствиях *такого* поворота. — Но мы сознаем, что для самых крайних сподвижников Равны это уничтожило бы все ростки доброй воли, которую должны породить наши усилия. — Он помрачнел — один из редких моментов, когда Невил позволял себе быть гневным на публике. — Не подумайте неправильно: мы не поступимся свободой ни одного из этих Детей. Мы никого не заставим вернуться к Равне, Резчице и Свежевателю. Но мы примем посланцев мира из Домена. Кто хочет, может прийти. Этим посланцам будет дана возможность без ограничений общаться со всеми освобожденными. И вы сами сможете определить желания освобожденных Детей и стай.

Равна увидела, что Эльспа Латтерби разразилась слезами, и не она одна. Сама Равна уже бежала с мостика, направляясь в Новый зал.

Глава 43

Присутствовать при Великом Освобождении Пленников хотели все. Резчица воспользовалась частью своих прежних полномочий и попросила Равну прийти в Новый замок для частной беседы. Встретились они в тронном зале Резчицы. Гвн уже вырос достаточно, чтобы у него был свой трон. Второй щенок устроился на плечах другого элемента.

— Невил украл половину человеческой расы и все оборудование, что не было прибито гвоздями. Я не хочу, чтобы вы, остальные, тоже попали к нему в когти.

Равна кивнула. Она весь остаток дня разговаривала с ребятами и волновалась на ту же тему.

— Но ты же дашь военный эскорт?

— Само собой! И если только у Невила нет магии, о которой мы не знаем, у моих солдат полное превосходство в оружии. Но подумай: про это соглашение мы знаем только со слов Невила (прямой связи с Магнатом все еще не было), и если между этими двумя заключена какая-то сделка, то мы понятия не имеем о чем. Насколько

я понимаю, Магнат может выставить такое войско, которое побьет мое. Нет такого коварства, которого не ожидала бы я от этих двоих.

В этом и оставшиеся Дети тоже были согласны.

— Хорошо. Я думаю, что смогу убедить большинство Детей остаться. — Равна больше не выглядела жертвой садистского избиения, но ребята все равно были с ней на удивление предупредительны. Приходилось следить за собой — малейшее ее замечание понималось как приказ. — Но сама я пойду.

Резчица издала вздох:

— Вот этого я и опасалась. Боюсь, что это сводит на нет все наши предосторожности.

Равна улыбнулась:

— Я так понимаю, что ты не пойдешь?

— Я не сумасшедшая. — Голос Резчицы был мрачен. — Помимо всего прочего, есть шанс, что все это финт, а Магнат собирается напасть на нас *здесь*.

Равна кивнула. Слова Резчицы имели смысл, но…

— Знаешь, я думаю, что еще есть шанс для Странника. От Венды я узнала, что Джо и Странник рухнули как раз в центре деятельности Магната. И знаю, что Магнат этого не знал! Есть

возможность, что Странник все еще там скрывается. А Магнат совсем не такое чудовище, как покойный Хранитель. Даже если он схватил Странника, я думаю, тому ничего не грозит.

Резчица села ровнее. Все ее глаза смотрели на Равну, кроме щенков, которые смотрели друг на друга. Так они обычно поступали, когда прежняя Резчица хотела сказать что-то по-настоящему неприятное.

Когда Резчица заговорила, голос ее звучал печально:

— Но Джо не сказала Венде, что сталось со Странником. А когда мы все были на сцене, тоже ничего не узнали: Магнату не терпелось ее разорвать на части. Смотри правде в глаза, Равна. И Джо, и Странника нет в живых.

Такого мрачного взгляда Резчица на публике не демонстрировала. Может быть, этот пессимизм был полностью влиянием маленького Гвна, может быть, корни его были глубже.

— Ты ведь и по Хранителю тоже горюешь, Резчица?

Она резко вскинула головы:

— Да. Я горюю по стае-чудовищу, в которой после столетия практически не осталось моей крови. И даже мои собственные советники назы-

вают это чувство «безумием королевы».

— Нет… не безумие. — Но Равна помнила свой ужас, когда был раздавлен Ганнон. Горе Резчицы было иным. — Вы, стаи — в частности, ты, — сделали нечто такое, чего не могут сделать другие цивилизации до тех пор, пока им не удается экстернализовать мышление. Вы взяли биологический отбор за глотки и заставили служить идеям. Твои стаи-отпрыски — величайший твой эксперимент.

— И две из них были самыми жуткими чудовищами всех времен.

— Верно, — согласилась Равна. — Но вот ты о чем подумай. Старый Свежеватель изменил северо-запад почти так же сильно, как ты, и он создал и воссоздал Булата, а Булат спроектировал и направил Амдиранифани.

— Давным-давно, — ответила Резчица, помолчав, — я представляла себе Хранителя как оружие против Свежевателя. Это оружие сорвалось с цепи, очень многих убило. Убило, вероятно, и ту стаю, которую особенно любили мои элементы. И все же, как бы ни ненавидела я Хранителя, общую радость по поводу его тотальной смерти я разделить не могу.

Равна кивнула, безуспешно пытаясь себе пред-

ставить измененного Хранителя:

— Так что теперь больше прислушивайся к своим элементам. И надейся, что все еще возможно.

* * *

Эта поездка в долину Стремительной, разумеется, совсем была не похожа на путешествие с Читиратифором. Экспедиция как следует запаслась провизией и хорошими палатками. Вокруг и впереди шли разведчиками солдаты Домена. Страдали из путешественников только Дети, которые больше всего стремились туда попасть. Овин отказывался верить, что не увидит больше Эдви. У Эльспы больше было надежды увидеть свою сестру Гери, хоть она и слышала с ужасом голос Магната. Джефри говорил, что мысли по поводу Амди у него оптимистические, но по его виду это не было заметно. Гиске Гискнсдот вообще о своих чувствах не говорила, но просто излучала гнев. Сразу после своего сенсационного заявления Главный Отрицатель «великодушно» ей разрешил поговорить с мужем. Гиске знала, что *никто* из заложников с ней домой не вернется, что Рольф твердо намерен оставить их двоих сыновей при себе.

— Силы прокляни все, я просто хочу их *ви-*

*дет*ь! — кричала она Равне, умоляя, чтобы ее взяли в экспедицию. В конце концов Равне пришлось согласиться, хотя она волновалась, как бы Гиске не устроила чего-нибудь, встретившись лицом к лицу с Рольфом и Невилом.

Единственным путешественником, которого ничего не беспокоило, была Ритл, хотя она ворчала как всегда, особенно оказываясь рядом с Равной. Синглету не особенно был предоставлен выбор ехать или нет, но и в Домене она тоже осталась не по собственному выбору. Судьба бросала бедное животное с места на место, но она — в пределах своего интеллекта — видимо, что-то искала. Равна надеялась, что Магнат будет благодарен за ее возвращение — или хотя бы не будет иметь за это возвращение зуб на Равну.

Проведя пять дней в дороге, экспедиция подошла на расстояние прямой видимости из высокогорной долины Невила. Солдаты Гибкаря отслеживали периметр, и путешественники разбили лагерь у реки. Пока все нетерпеливо ждали знака сверху, Свежеватель-Тиратект растянулся на теплых от солнца камнях у реки. Он привез с собой несколько подзорных труб и сейчас лениво убивал время, разглядывая нависшую сверху долину. И радовался жизни, похоже.

— Ручаюсь, что Невил не пригласит нас в свои пещеры. Помню время, когда я был с ним в заговоре. — Головы, кроме той, что разглядывала высоты, мотнулись в улыбке. — Он никогда не доверял мне точное местоположение, но было ясно, что Хранитель и, вероятно, Магнат его знали. И я предсказываю, что Магнат поддержит эту его «Лучшую Надежду» как раз в той степени, чтобы она для нас была проблемой.

Равна подошла и села рядом возле элемента с белыми кончиками низкочастотных ушей. Это создание, как бы ни старалось, по скалам не взберется, но весь остальной Свежеватель держал его рядом с собой. Равна погладила Белоухого по шее, почти как собаку. Ему всегда такое проявление нежности было приятно — одна из причин, почему у Равны возникало желание довериться Свежевателю-Тиратект. Белоухий громогласно замурлыкал, и весь Свежеватель стал несколько менее саркастичным, чем пару минут назад.

— Значит, ты думаешь, что освобождение пленников произойдет здесь? — спросила Равна. — Я что-то тут никого, кроме нас, не вижу.

От палаток подошел Джефри и с ним еще несколько человек. Вопреки его неоднозначной репутации — некоторые лояльно настроенные

Дети считали, что он секретный агент Равны, другие же были убеждены, что он предатель, — среди людей Джеф оказался в этом путешествии главным советником. Как только стало ясно, что он действует по плану Равны, все охотно пользовались его опытом. Без Джефри и Гибкаря лагерь бы не поставили так быстро и так уютно.

За Джефом шла Эльспа. Она спросила у Свежевателя:

— Отрицатели так и не показывались?

— К сожалению.

Он повел подзорными трубами. Сегодня у него зрение было лучше всех.

Эльспа опустилась на землю рядом с Равной.

— Только бы… только бы они мою Гери привезли.

Джефри обошел Равну справа и встал возле Белоухого, потом сказал, но так, что слышали его только Равна и стая:

— Если они не привезут Амди, никакие оправдания приняты не будут.

Свежеватель ответил еще тише, едва слышным жужжанием, которое Равна скорее не услышала, а почувствовала пальцами, которыми гладила Белоухого:

— И лучше пусть привезут Шелковинта.

Какое-то время отряд находился у реки, строя предположения, иногда споря. Обед положил конец дискуссии, но настроение не изменилось. Потом Джефри ушел на время, вместе с Гибкарем отправился проверять посты и дозоры. Время от времени показывалась Ритл — она тоже была занята какой-то разведкой.

Равна связалась с тайным участником экспедиции: Тщательник со своей воздушной лодкой спрятался на горном перевале, указанном «Внеполосным». Он служил ретранслятором: отражение от ионосферы сегодня было недостаточным. Равна хотела иметь надежную связь с Резчицей и «Внеполосным». Тщательник все время встревал в связь, но не мешал главному потоку информации.

— Поразительно, — сказал он. — С этой высоты смотреть на восток — так чувствуешь себя Стаей Стай. Ледники и вершины до края мира, как каменное море. Странник всегда взахлеб рассказывал.

— Все еще не получаю изображения, Тщательник.

Тиара давала звук, но никаких окон от «Внеполосного».

— Очень жаль, — ответил он. — Может, твоя

тиара наконец сдохла? Мы отличные получаем картинки от камеры Уилма Линдена.

— Ладно тогда.

Аудио плюс камера Уилма — этого на сегодня должно быть достаточно. Она через Тщательника обратилась к звездолету:

— Корабль, что ты видишь?

Тот ответил:

— Мой радар показывает в основном чистое небо, несколько стай птиц. В глубину долин мне не видно…

— Ага, — перебил его Тщательник. — Чертов Невил, не сломали бы его кретины «ВС-2», мы бы сейчас свой радар имели, смотрящий вниз.

Он еще несколько минут побурчал в адрес криворуких отрицателей. У Тщательника были свои теории, что у Невила не в порядке.

Солнце давно уже перевалило за полдень, когда стаи, дальше всего находящиеся от шума реки, подняли тревогу. Это даже была не совсем тревога — гулкие раскаты аккордов:

— Шум воздушного корабля! Шум воздушного корабля!

Свежеватель тут же начал сканировать горизонт.

— Я ничего не вижу. — Подзорные трубы смот-

рели на ту сторону долины, где был поселок Невила, но в остальных его элементах что-то изменилось. Он *слушал* изо всех сил. — Слишком я близко к реке, здесь не лучшая слышимость… да, точно. Воздушные корабли.

Теперь кричали уже и другие стаи, они носились вокруг, не глядя никуда конкретно.

Ребята, намекнули бы! — подумала Равна. — *Куда мне смотреть?*

Гибкарь бежал вдоль опушки, тыча мордами в юго-восточном направлении.

Равна посмотрела туда — ничего. И не слышала даже малейшего звука двигателей… но «Внеполосный» доложил, что вторичное эхо радара может быть воздушным судном, идущим вдоль контура долины Стремительной.

Прошла минута. *Вот!* Прямо там, где ледниковая долина поворачивала дальше на юг, над режущей глаз белизной появились две темных точки.

Свежеватель танцевал вокруг своих наблюдателей с трубами, и у него уже были свои новости:

— Эй, смотрите! Из этой долины Невила выходят двуногие!

Все глаза повернулись к верхнему краю обрыва. Не менее десятка крошечных фигурок спускались

по стене долины. Это внезапное и одновременное появление произвело именно тот театральный эффект, который наверняка запланировали Невил и Магнат.

Один из кораблей был похож на тот, на котором летели Равна и Джефри: у него на носу была изображена дюжина — Стая Стай. Но и второй корабль был не меньше. Места хватило бы для всех пленников.

Корабли приземлились не сразу. Они покружили по вытянутым орбитам над группой Равны, отклоняемые в стороны ветрами долины.

Овин сделал в сторону кораблей грубый жест:

— Эти долболобы садиться не будут, пока им Великий Невил не даст команды.

Свежеватель в одну трубу смотрел на спускающихся людей, в другую — на корабли. Но замечание Овина до него дошло:

— Хе! Именно так и заявил бы милейший Невил. Но я помню приземление «ВС-2». Без наземной команды это непростая штука.

— Да, — согласилась Магда Норасндот. — Овин, веди себя прилично. Грубости мы себе позволить не можем.

Они с Эльспой Латтерби уже обсуждали, где сядут корабли, — хотели быть в первых рядах

встречающих.

Гибкарь, бегавший обратно в лес, появился снова с кем-то из своих солдат, сопровождая отряд отрицателей. Невила Сторхерте Равна узнала и без подзорной трубы. Как ему удается сохранять такую чистую одежду? Негодяй приближался уверенным шагом, и, когда он подошел ближе, Равна увидела у него на лице широкую, добродушную улыбку.

— Привет, привет! — крикнул Невил, и лоялисты-Дети побежали к нему навстречу. Он остановился достаточно далеко от Равны — поговорить с теми, кто нетерпеливее других ждал вестей.

В его отряде было пятнадцать отрицателей. Тами Амсндот и еще некоторые несли видеокамеры и коммуникаторы, были похожи на съемочную группу древнего телевидения. Вели они себя так, как будто каждый, на кого они направляют камеру, начинает играть более важную роль.

Невил выбрал из толпы Эльспу. Равна напрягла слух, чтобы его слышать, — тиара сегодня не могла помочь.

— Да, — говорил Невил, — связь ужасна. Получить лучшие коммуникаторы — это для нас сейчас одна из главнейших задач. Но я знаю, что

твоя Гери среди тех, кого нашел Магнат. И знаю достоверно, что она на первом корабле… — Он повернулся к Магде, коснувшейся его руки, кивнул ей и обнял. — И надеюсь, что Норасндоты тоже там будут. Скоро уже узнаем.

Некоторые Дети плакали, не таясь.

Опа. А где Гиске?

Она не полезет в гущу всего этого, если только у нее ножа при себе нет. Равна быстро огляделась. Да, вот она — метрах в тридцати, спорит с Били Ингвой.

Невил отступил на шаг и заговорил, обращаясь уже к более широкой аудитории:

— Пожалуйста, дайте нам несколько минут. Надо надежно посадить корабли. — Он посмотрел в небо, на дальний корабль, как раз сейчас закладывающий поворот в дальнем конце маршрута. — Сначала я посажу тот, где наши друзья. Второй — резервный.

Он сообщил о своем разочаровании так небрежно, что слушатели едва ли заметили. Неужто можно было бы усадить всех пропавших в один из этих кораблей?

Невил коснулся уха, будто актер в древней драме. Кроме того, что им украдено, у него еще есть лучшие коммуникаторы от Магната. Огля-

девшись, он сделал разрешающий жест рукой. Почти все отрицатели бросились на заболоченную равнину у реки. Ага, впереди Дел Росндот, описывающий рукой большой круг. Остальные Дети разошлись, освобождая место, — первый корабль спускался к ним.

Гудение корабля поднялось до высоких частот. Нос опустился, длинный контур корабля будто стал короче в перспективе, спускаясь к земле. Все разговоры смолкли. Немножко похоже было на то, что бывает в цивилизации, только там корабль был бы сплошной массой тонн в сто тысяч — корабль для перелетов между солнечными системами.

Когда первое судно сбросило причальные концы и команда Детей закрепила якоря, второе спускалось в ста метрах позади него. Равна заметила, что Гибкарь расположил своих солдат вокруг, незаметно определяя для них секторы обстрела.

В этот момент почти все бросились вперед на заболоченный луг. Гибкарь был взбешен: кто-то из его солдат присоединился к толпе. Здесь, вдали от всего, что только есть, пара десятков человек и несколько стай отлично имитировали толпу. Джефри — который был уже у первого

корабля — расставил нескольких солдат возле главного люка. Вперед пробился Уилм Линден со своей камерой.

Свежеватель спустился с приречных камней, разрешил Равне помогать тащить тачку Белоухого, и они медленно пошли по влажной земле. За ними плелась Ритл — может быть, сообразила, что в толпе ее могут и затоптать.

Все расступились, пропуская Невила. Проходя мимо Джефри, Невил обменялся с ним парой слов, но Равна стояла слишком далеко и не слышала. Она посмотрела на Свежевателя, наблюдавшего за этим разговором.

— Не расслышал, — сказал он.

Может, Невил и помрачнел при словах Джефри, но тут же широко улыбнулся и вроде бы сказал что-то ободряющее. Точно так же, сияя улыбкой, обернулся к толпе.

О Силы, даже импровизируя, он держался отлично, как когда-то в Новом зале.

— Друзья! — крикнул он, напрягая голос, уносимый ветром. — Друзья, прошу вас, чуть сдайте назад. Я не знаю, в каком порядке будут выходить наши близкие…

Но он махнул рукой Эльспе, подзывая ее вперед.

Равна и Свежеватель подошли к задним рядам толпы. Равна попыталась заглянуть мимо них, но Ритл не очень этому способствовала. Она бегала вокруг Равны, тычась в ноги, ноя и жалуясь — кажется, на ту тему, что *она* ничего не видит. Если не считать того, что она скандалила, очень было это поведение на нее не похоже. Почему она не бросалась на толпу, не пролезала ужом между Детьми, пробиваясь в первые ряды зрителей?

Уилм Линден высоко над головой держал камеру, принадлежащую Домену, и водил ею по толпе. Потом повернулся к закрытому люку.

— Получаешь видео от Уилма? — спросила Равна у своего ретранслятора.

— Ага, — вернулся голос Тщательника, и через секунду пришло подтверждение от Резчицы:

— Равна, наши с тобой разговоры слышит только Тщательник. Мы передачу с камеры Уилма показываем в зале «Внеполосного», а также то видео, что отрицатели посылают через спутник. Ловим каждое слово Невила.

Она булькнула довольно мягкое ругательство.

Равна усмехнулась, но отвечать не стала. Рядом с ней Свежеватель выстроился пирамидой, и теперь у него пара глаз смотрела поверх голов и все видела. Гибкарь остался на земле. Она заметила,

что он три стаи поставил наблюдать что-то *вне* арены главных событий.

Оба корабля заглушили двигатели. Невил застыл, держа паузу, полную ожиданий. Момент захватил Равну не менее всех прочих. Даже Ритл, мельтешащая у ног, замолчала. Самым громким звуком стал посвист ветра в долине.

За левым бортом раздался скрип, повернулось колесо люка. Равна шагнула в сторону, наконец увидев что-то между головами. Открылась наружу секция корпуса, выпал главный трап.

— Так что там внутри? — спросил Свежеватель свистящим шепотом.

— Темно, не видно.

Вход был в тени нависшего сверху корпуса.

По каналу связи пришел голос Резчицы:

— «Внеполосный» как-то обработал изображение. Там кто-то есть — по крайней мере один синглет наверху лестницы.

Кто-то толкнул Равну в бок, лизнул руку. Ритл!

— Ты что, с ума сошла? — обратилась Равна к животному. — Беги, посмотри сама!

С чего это Ритл вдруг такая стеснительная? Она тихо и отчаянно посвистывала, и это отвлекало даже больше, чем ее обычное сварливое бурчание.

— Ладно, — согласилась Равна, — только ты уж не царапайся.

Нагнувшись, она подхватила Ритл под передние лапы и подняла ее — как Дети поднимали щенков своих Лучших Друзей. Конечно, это было не очень просто, потому что Ритл была вполне взрослой самкой средних размеров. Равна пошатнулась, переступила на месте, сохранила равновесие. По крайней мере это существо не пыталось держаться когтями, но теперь у Равны перед лицом находилась масса острых зубов и ее обдавало зловонным дыханием. Потом Ритл завертела головой, оглядывая воздушный корабль.

Минуту она сохраняла тишину вместе со всеми, глядя туда, на верх лестницы. Потом выскочил тот синглет, о котором сообщала Резчица. Неудивительно, что его трудно было разглядеть — плащ на нем был черен как ночь. Золотое шитье радиоплаща не видно было в тени.

Это был Зек. Выглядел он куда лучше, чем когда Равна его в последний раз видела. Он огляделся с осознанностью и самообладанием, свидетельствовавшими о хороших условиях радиосвязи. Кивнул Невилу и гулко стал произносить слова:

— Моими устами говорит Магнат.

Голос не был голосом Магната — это был голос

перепуганной маленькой девочки. На самом деле он звучал как один из голосов Амди. Амди говорил этим голосом, когда изображал взрослого, имеющего вес и влияние.

Невил не смог скрыть удивление, но ответ его был уверенным, как всегда:

— Как мы с вами договаривались, милостивый государь, я привел людей и стаи из Домена. Сегодня мы можем урегулировать множество вопросов, отравлявших некогда наши отношения. Привезли вы тех, кого спасли из джунглей?

— Разумеется. — Зек дернул головой вверх-вниз, что могло означать циничную усмешку. — Мой работодатель послал меня со всеми людьми и Стальными Когтями Домена, которых мы *спасли* по твоему поручению.

Зек шагнул в сторону, давая дорогу тем, кто был за ним. Равна заметила, что Невил подталкивает вперед Эльспу, чтобы она оказалась у подножия лестницы и в поле зрения всех его камер.

Наверху возникла человеческая фигурка. Эльспа с криком бросилась вперед — но это не была Гери Латтерби. Это был Тимор Ристлинг, в четырнадцать лет почти такой же маленький, как Гери. Он помахал Эльспе, улыбнулся, не поняв, быть может, откуда такое разочарование у нее

на лице. Повернувшись к темному люку, он поманил к себе кого-то, и появился человек такой же маленький, взял Тимора за руку. Глядящее на толпу лицо было таким бледным, каким только может быть лицо страумера.

— Гери!

Эльспа взбежала по лестнице, подхватила сестру на руки, качнулась наверху, потом спустилась на несколько ступеней, оперлась коленом на верхние. Минуту она просто качала ребенка в своих объятиях и плакала, не в силах ничего сказать. Сама Гери была куда спокойнее. Она потянулась к Тимору, и Эльспа обняла его вместе с сестрой.

Эльспа стала спускаться по лестнице, толпа придвинулась ближе, операторы Невила с камерами впереди. Равна почувствовала, как загудела, напрягаясь, Ритл — она не сводила глаз с лестницы, с люка. Там стоял только Зек — но он не сводил глаз с Равны, глядя на нее поверх голов. А может быть, он смотрел на Ритл. Она рванулась из рук Равны, бросилась в толпу. *Психованная тварь!* А может быть, Ритл решила почему-то, что там Амди и что сейчас его выпустят.

Равне надоело стоять позади. Она коснулась Белоухого и сказала Свежевателю:

— Пойду поближе.

Ни один элемент Свежевателя к ней не обернулся, но стая ответила:

— Отлично. Посмотри, как там Гери. Мне не кажется, что она послужит для Невила пропагандистским козырем.

Из корабля вышли три стаи. Первые две были городские стражи, пропавшие еще до первого похищения людей. Они были побитыми, в шрамах, хотя раны в основном уже зажили. Третий был фрагмент — все, что осталось от Помойки — Лучшего Друга Эдви Верринга. При виде следов такого обращения по солдатам Гибкаря прошел гневный ропот.

Из другого корабля спустились несколько стай Магната. Они выглядели как солдаты, но близко подходить не стали. Единственным членом экипажа, вышедшим из первого корабля, был Зек. Он так и остался стоять наверху лестницы, говорил немного — просто выводил из дверей каждого пленника. А говорил Невил. Чтобы обратить события в свою пользу, ему нужно было все его искусство.

Равна пробивалась через толпу к бугорку, на котором сидела Эльспа.

— Равна! — Тимор ее увидел и бросился к ней. Равна его подхватила и обняла. Тимор говорил

быстро, горячо: — Я так за тебя волновался, Равна! Нас держали в основном в камерах, но Магнат сказал…

Он осекся, будто решил, что не следует говорить больше, или подумал, что Равна не слушает.

Но я слушаю, — подумала Равна и пригладила ему волосы. Его лицо осветилось улыбкой, которую Равна помнила.

Он потащил ее туда, где сидела Эльспа с Гери на коленях. Рядом с ней сидели Магда и Лисл, не обращая внимания на столпившихся у лестницы.

Эльспа Латтерби сидела, склонив голову, не выпуская из объятий сестренку. Опустившись на влажную траву рядом с ней, Равна посмотрела на девочку. Такой был когда-то радостный ребенок. Но после того как Равна услышала от Магната ее испуганный голос, ее не отпускал страх за девочку.

Гери не плакала — сидела с отстраненным выражением лица, почти не реагировала на прикосновения сестры. Но пусть она ничего не говорила — Равна видела глазами. На правой руке не хватало двух пальцев. Левая лежала под странным углом. Одета она была в чистое теплое платье… которое не скрывало шрамов на шее.

— Ее пытали, — сказала Марта с таким лицом,

будто стекло жевала. — Магнат за это ответит.

— Нет! — возразил Тимор. — Он ей только помог…

Но Дети его не слушали, и он замолчал.

* * *

Невил Сторхерте переходил с места на место, в основном среди отрицателей. Его съемочная группа разделилась: часть следила за ним, часть за входом в корабль. Гиске нигде не было видно, но Равна заметила, что Джефри и Овин приближались к Главному Отрицателю. Если это уже все освобожденные, то добром не кончится.

— Прошу прощения, прошу прощения, — говорила она, проталкиваясь через толпу к Невилу и говоря тем временем по радио: — Это все, кого мы получим?

Люк корабля был открыт, но Зек со своего поста у лестницы куда-то скрылся.

Вернулся голос Резчицы:

— Возможно… но пока подождем. Умнее будет сперва посмотреть, как Невил будет объяснять отсутствие остальных пленников, а *потом* уже решить, как действовать.

— Боюсь, такого варианта уже нет. Джефри и Овин сразу начнут его колотить.

Как бы там ни было, Невил заметил ее приближение и помахал рукой:

— Люди, давайте пропустим Равну Бергсндот!

Вот, значит, она подставилась. *Ладно, пусть так*. Кивнув как можно более небрежно, она шагнула на открытое место перед Невилом.

Тот улыбался так же изящно, как в тот день, когда устроил ей засаду в Новом зале, — но на этот раз атаковала Равна:

— Невил, я только что говорила с Эльспой Латтерби. Ее сестра Гери, спустившаяся по трапу первой…

Сторхерте моргнул, но ее тон его достаточно насторожил, чтобы он перебил:

— Да, я просил Магната выпустить Гери самой первой. — Его улыбка выражала теперь сочувствие, заботу, тревогу. — Боюсь, что у некоторых Стальных Когтей враждебность к людям сумасшедшая. И кто-то из них добрался до Гери прежде, чем Магнат смог ее выручить.

По Лучшим Друзьям и солдатам Гибкаря пробежал ропот. Голос Резчицы у Равны в ухе тихо сказал:

— Пока тебя не было, мне приходилось много гасить таких разговоров о «безумных ненавистниках».

Но отрицатели сочувственно кивали, и даже некоторые лоялисты соглашались видимым образом со словами Невила. И на самом деле эти слова были справедливы — хотя Невил явно решил имя Хранителя вообще не произносить.

— Ладно, — сказала Равна, — но все равно не хватает трех стай и пяти человек. Что со Странником? Что с Джоанной? Ты ее помнишь — женщину, которая тебя настолько любила, что предложила брак. Мы сегодня кого-нибудь из них увидим?

Невил чуть закинул голову назад, демонстрируя «искреннее» возмущение.

— Что бы ты ни думала, я Магнатом не командую. Он — мой союзник и настолько же заслуживает уважения, насколько твоя Резчица. Все вы знаете, что это значит. — Он сделал паузу, чтобы слова дошли до сознания, превращая напряженное молчание в ложь. И за миг до того, как Равна оправилась от ошеломленного возмущения, продолжал: — Все мы были на собрании на Лугах. Оно не очень хорошо кончилось. Иногда ужасы прошлого так велики, что мешают видеть истину. Я думаю, так случилось тогда и с Магнатом. Сегодня нам не вернут Джоанну. Магнат заявляет, что она жива, но не знаю, увидим ли

мы ее снова. — Вид у него был почти молящий. — И если мы ее получим обратно, *нам* выпадет участь ее судить. Я… я не думаю, чтобы я смог это сделать.

Радист — то есть его часть, представленная Зеком, — стоял наверху трапа, без сомнения, передавая каждый звук туда, в тропики. Взгляд Зека метался между Равной и Невилом.

Равна глянула на синглета свирепым взглядом, но главное ее внимание было обращено на Невила.

— Ты громоздишь ложь на ложь, даже не знаю, с чего начать разгребать эту кучу. Так вот, Резчица — *не такая*, как Магнат. Зарубите себе на носу — и ты и он: чтобы с нами был мир, Джоанну надо вернуть. А тем временем — что ты скажешь про остальных? Что они тоже преступники?

— Да! Что с Эдви?

Это крикнул Овин Верринг.

— А где семья моей сестры? — выкрикнула Магда Норасндот.

Невил поднял руки:

— Послушайте, мы же ничего практически не знали до вот сегодняшнего приземления. Магнат понимает вас не хуже всякого другого. Он тоже хочет справедливости — но не все наши пропав-

шие друзья вообще были у него. Про Странника он не знает ничего. Он обыскал леса и тропики, включил все свои связи. Он нашел кузена Овина, но слишком поздно. Останки Эдви на борту его корабля. Яны и Басла Норасндотов и их младенца Кима нигде нет и следа. Мне очень жаль, Магда.

Бойкого соболезнования Овину он выражать не стал — понимал, наверное, что это может кончиться взрывом.

Слушая Невила, Магда отвернулась. Она смотрела куда-то вдаль, может быть, во что-то веря. Норасндоты пропали еще до похищений. Эти двое молодых родителей поехали небольшим торговым отрядом до самой прежней столицы Резчицы, через дикие места, где, как известно, были гнезда хорьков. Отряд к месту назначения не прибыл. Спасатели нашли следы засады хорьков, но человеческих тел не было.

— А что тогда с теми *стаями*, про которые мы *знаем*, что они у Магната?

Джефри! Как-то он проскользнул между отрицателями и встал рядом с Невилом. Левой рукой он обнял Невила за плечи. Можно было принять это за приятельский жест — Джеф улыбался, — но Равна видела, что пальцы его впились в плечо Невила, а другая рука сжимает что-то под курткой.

Мерто Ингва и его приятели подались вперед, суя руки в сумки на ремне. Обе стороны были вооружены, но пока что никто еще пистолетами не размахивал. Невил улыбнулся Мерто и его компании вымученной улыбкой.

— Ребята, все путем. — Улыбаясь уже более уверенно, он обернулся к Джефри: — Джеф, у тебя есть опыт общения с Магнатом. Он ведь бывает одержим, правда?

Очевидно, Джефри сильнее сжал пальцы, Невил слегка ахнул. Может, это и есть правильный способ убеждения Невила? Сторхерте продолжал слегка придушенным голосом:

— Магнат пока что освобождает пленников примерно в обратном порядке их захвата — наиболее нуждающихся первыми. Кажется, так?

Джефри пожал плечами:

— Я пока жду результатов.

— Да, эти разговорчики затягивают последние освобождения. — Невил повернул голову к Зеку: — Приведи две оставшиеся стаи.

Зек скрылся, и через минуту высунулся какой-то элемент стаи. Он вприпрыжку спустился, за ним еще трое его товарищей. Их почти полностью покрывали плащи, но Равна узнала Остаток Шелковинта — вплоть до краски для шерсти.

И Свежеватель-Тиратект тоже узнал. Из-за спин толпы он заревел так, что больно стало. *«Я ИДУ!»* — означал этот звук, и даже наивный человек понимал, что надо убраться с дороги. Два элемента катили тележку с Белоухим, так что бежать стая не могла — не важно. Шелковинт бросился прыжками по хлюпающей траве, встретив своего создателя на полпути. Две стаи остановились в паре метров друг от друга, так близко, что связно мыслить вполне могло быть затруднительно. Из остатка один приблизился, втягивая носом воздух, сдвинул накидку, чтобы лечь на траву. Свежеватель его обошел по дуге, почти касаясь других, вылизывая и поглаживая того, кого мог коснуться.

— Вы это видите? — спросила Равна по удаленной связи.

Голос Резчицы ответил:

— Да. И не знаю, что и думать. Все еще злюсь на Свежевателя за то, что воскресил Булата.

Но голос у нее был скорее грустным, чем раздраженным.

Джефри еще чуть подался к Невилу, и в улыбке его уже было меньше смертельной угрозы, чем несколько секунд назад.

— Еще одного, — сказал он.

Зек снова исчез. Значит, следующим должен быть Амди. Все глаза смотрели на трап, но что-то заставило Равну обернуться назад, на толпу, глянуть на уровне щиколоток. Последние шесть декад научили ее остерегаться низколетящих сюрпризов. Ага. Чья-то одиночная морда высовывалась между парой Детей — Ритл затаилась в засаде.

Снова появился Зек. Оглядел собравшихся, вроде бы остановился при виде Ритл. Потом выгнул шею и помахал тем, кто находился за ним.

Появившиеся элементы не были так тяжелы, как помнилось Равне, и одна из голов была слегка деформирована.

— Амди! — вскрикнул Джеф, отворачиваясь от Невила.

Весь остальной Амди поспешно вылетел из люка, чуть не сбив Зека вниз. Все его элементы смотрели на Джефри. Амди что-то говорил по-самнорски, о Джоанне, но так сфокусировал звук на Джефри, что Равна не могла ничего разобрать.

Трап был широкий, но не на восемь элементов, и Амди скатился лавиной.

Ритл вылетела из толпы, громко жалуясь на обиду, резко развернулась перед Джефри и свер-

нула к Амди. На миг и Джефри, и Амди опешили, а Ритл честила Амди на все корки, а может быть, насмехалась над ним.

Амдиранифани сжался, не отвечая.

Ритл выдала резкий пренебрежительный звук — и побежала через Амди *насквозь.* Стая не рассеялась, но закружилась, сбитая с толку этим фрагментом разума, меха, гендера, проталкивающимся мимо ее элементов. Щелкали зубы, вертелись головы, и когда Ритл вынырнула на другой стороне, некоторые элементы Амди устремились за ней. Но Ритл не останавливалась, и все они отстали, глядя ей вслед. Ритл шла так же уверенно, но помедленнее. Она издавала те же оскорбительные звуки, но сейчас голову высокомерно задрала вверх. Взлетев по трапу, она повернулась и встала поближе к Зеку.

Сейчас булькали уже все стаи. У Детей вид был озадаченный, но Равна внезапно представила себе людскую аналогию. Амди был как парень лет шестнадцати, отвергающий авансы назойливой девчонки. И вот она в один прекрасный день проходит мимо него впритирку, треплет его по волосам, широко улыбается и уходит — прочь из его жизни. А парнишка стоит, оглядываясь, вздыхает с облегчением — и неожиданно для

себя грустит по упущенному.

Джефри, наверное, заметил то же самое. Он смеялся — когда бежал к Амди и когда Амди приходил в себя и окружал его.

Значит, это были все пленники, которых сейчас отпускают.

Джефри прервал объятия с Амди и сердито зашагал к Невилу. Равна могла предположить причину: у двух элементов Амди были на голове темные повязки. Снова пытки?

Амди бежал рядом с Джефом, оттаскивая его за манжеты брюк, будто пытаясь удержать.

— Эй, Невил!

Крик донесся сверху, от опушки леса. Кричал Били Ингва. Прямо у него за спиной стояла Гиске, и с ней — оба ее сына! Старший держал ее за руку, младшего она несла на бедре. За этой троицей шел Рольф. Они подошли ближе, и стало видно, что и она, и Рольф улыбаются. Гиске была невероятно рада, не могла глаз оторвать от своих мальчиков.

Они дошли до края зоны, где приречная трава становилась болотом. Невил и большинство Детей бросились ей навстречу.

— Что это? — спросил Невил полным удивления голосом.

Били ответил ему, сияя:

— Гиске приняла решение.

Он ободряюще кивнул ей.

— Да, — подхватила она, оглядывая своих слушателей. — Били мне показал, что вы сделали в этих пещерах. Там и правда так уютно, как у нас, ну, на побережье. И так хорошо было вновь увидеться с мужем. — Рольф потрепал ее по плечу. — И быть с сыновьями — это просто чудо! — Посмотрев на детей, она расцвела улыбкой. — Я думаю, что Лучшая Надежда — действительно лучшая надежда человечества. Позвольте мне остаться с вами.

В толпе заахали. Невил был так же удивлен, как все прочие.

— Конечно, Гиске, добро пожаловать к нам. — Он шагнул вперед, будто хотел обнять ее, потом обернулся лицом к толпе: — Все, кто приходит сюда с доброй волей, — милости просим в Лучшую Надежду!

Может быть, Равне только показалось, но в этот миг она увидела пробежавшую по лицу Гиске гримасу отвращения. Гиске многое отбросила прочь, чтобы быть с сыновьями, но то, во что верит, она не отбросила. И все же она отвечала на вопросы из толпы, так же улыбаясь, будто

искренне убеждая даже ближайших друзей, что рада своему решению.

Невил после этого выглядел очень довольным собой. Очевидная перемена настроения у Гиске дала ему идеальную платформу для рекламы его Лучшей Надежды и отвлекла от всего прочего.

— Отношения с Магнатом у нас отличные, друзья мои. Если мы все — и те, кто живет под Резчицей и Равной, и те, кто с нами в Лучшей Надежде, — если мы все дружно постараемся, то сумеем убедить Магната, что негодяи среди людей редки. И когда-нибудь, хочется надеяться, что уже скоро, даже Джоанна Олсндот вернется к нам.

Несколько нелогично, но он так сформулировал, и даже среди лоялистов его слушали серьезно.

Заткнулся бы он поскорее, — подумала про себя Равна. Не было у нее настроения слушать эту сволочь. Надо убраться отсюда, поговорить со Свежевателем и Резчицей, решить, как реагировать на отказ Магната освободить Джоанну.

Но тут Невил глянул в ее сторону, и она поняла, что не успела уйти.

— И вот я обращаюсь к тебе с покорнейшей просьбой, Равна. Вы с Резчицей будете работать с

нами, жителями Лучшей Надежды?

Равна набрала воздуху.

Мира не будет без Джоанны! Без известий о Страннике.

Но к добру или к худу, загремели слова из люка корабля:

— Ничего подобного! Вопрос таков: будет ли Равна работать со стаями Магната?

Это был Зек. По крайней мере звук издавал он.

Невил повернулся к кораблю — он был явно ошарашен.

— Э-э, да… конечно, я хотел сказать…

Невил мямлил, не находя слов! Это было очень приятно, хотя, чтобы такое случилось, понадобился сумасшедший вроде Магната.

Слова Невила перекрыл уверенный голос Зека:

— Какими мы бы ни были союзниками, у нас есть и независимые интересы. Я хочу знать намерения Равны и Резчицы…

— Да, разумеется…

— …и я думаю, что мне следует встретиться с ними с глазу на глаз.

Лицо у Невила застыло. Он обернулся, быстро и энергично поговорил с Били. Когда он повернулся обратно к публике, на лице у него была улыбка — хорошая мина при плохой игре.

— Я согласен, сударь. — Он сделал жест в сторону Равны: — Надеюсь только, что у Равны найдется достаточно доверия для встречи с вами.

Равна оказалась в центре внимания.

— Я с удовольствием побеседую с господином Радистом. Что касается уединения, мы приглашаем его в нашу палатку.

— Отлично, — сказал в ухе у Равны голос Резчицы.

— Этого недостаточно. — Голос Зека не допускал компромиссов. — Прошу вас подняться на борт. Мой работодатель гарантирует вашу безопасность. Вы можете покинуть корабль в любую секунду.

— Нет! — зашипела Резчица. — У Магната уже Джоанна в лапах, и он явный псих.

Свежеватель еще был виден на другой стороне поля, хотя за пределами слышимости фокусированного звука. Он смотрел на Равну и сделал ей незаметный ободряющий жест. То есть величайший в мире специалист по коварству считал, что ей следует доверять Магнату, но хотел, чтобы она этот совет сохранила в тайне?

Равна медленно подошла к трапу. Эти секунды не дали ей никаких догадок, но Тщательник и

Резчица были полны тревожных возражений. Подбежали Гибкарь и Овин.

— Одна ты не пойдешь, — заявил Овин.

Где Джефри?

С верхней площадки трапа на нее глядел Зек:

— Я сказал «с глазу на глаз», Равна. Оставь этих внизу.

У Невила был вид недоуменный, но более довольный. События шли не по его плану, но он вроде бы решил, что они ему на руку.

– *Тсс!* — прошипела Резчица. — Что говорит Амди?

Джефри и Амди стояли еще с другими освобожденными, тоже за пределами слышимости сфокусированного звука. Как и все прочие, они только… смотрели. Джефри сидел среди Амди, глядя на Равну. И вид у них был почти такой, как тогда, среди стреляющих деревьев.

— Ничего со мной не случится, Овин, — сказала она тихо. И добавила громче, для всех: — Я иду.

В корабле пахло содержащимися в тесноте людьми и стаями. Это был тот самый корабль, в котором прилетели Равна и Джефри, она узнала выбоины и царапины. Забавно, что тогда она не чувствовала запаха. У нее за спиной кто-то зловеще захлопнул люк. А, нет. Это не охранник,

это безобидный стюард.

Зек свернул налево и повел ее вдоль главного коридора в сторону носа. Ритл держалась с ним рядом, издавала мелодичный шум, который вряд ли что-нибудь значил. Зек время от времени испускал аккорд, который приблизительно можно было понять как: «Ну тише уже».

Новый человеческий голос Зека объявил:

— Мы будем говорить в командном пункте. Он хорошо защищен мягкой обивкой, нас там никто не подслушает.

Голос Резчицы прозвучал в ухе очень тихо, вряд ли слышимый Зеку:

— Кроме меня и Тщательника! Ты просто притворись, что нас там нет.

— Хорошо, — сказала Равна. Это можно было понять как ответ на слова Зека. Она посмотрела на синглета: — Зек, так от чьего имени ты сейчас говоришь?

Он издал совершенно натуральный звук человеческого смеха.

— На самом деле это сейчас всего лишь я, Радист. Рад тебя видеть, Равна.

Вот как?

Они дошли до конца коридора. Зек двинулся по винтовой лестнице вверх, Ритл рядом с ним. У

Равны возникли обычные трудности закручивания на этой спирали. А наверху…

Наверху на одном из насестов Магната сидела Джоанна и улыбалась до ушей.

Наверное, Равна вскрикнула, потому что Джоанна приложила к губам палец.

— Мы защищены экранами, но они имеют свой предел, и я не хочу, чтобы подумали, будто тебя пытают. — Она вскочила, и они крепко обнялись, ничего не говоря.

Равна шагнула назад, не в силах произнести ни слова. Ей приходилось сталкиваться с неожиданностями, но редко они были так приятны. Сейчас у нее просто слова застряли в горле. На тайном канале связи Резчица и Тщательник были ошеломлены еще больше Равны.

— Это Джоанна, — сказала Равна наконец.

— Ага, и правда я. Я живая, невредимая и очень рада тебя видеть.

— И ты не пленница?

— Нет… могла бы прямо сейчас уйти. Но не уйду. — Джо больше не улыбалась. Она обернулась и выглянула сквозь полупрозрачные занавески на носовых иллюминаторах. Солнце светило так ярко, что можно было разглядеть лежащий перед кораблем ландшафт. — Прошу прощения,

что ввела в заблуждение друзей, хотя Джефри наверняка уже знает правду. — Она показала на Тиару Равны: — И Резчица, конечно, тоже.

Равна кивнула и коснулась тиары. Голос Резчицы стал слышным:

— Да, я на связи. И Тщательник тоже. Кажется, я поняла, что происходит. Все это для того, чтобы установить с Магнатом тайное сотрудничество?

— В основном. А я здесь, чтобы убедить вас в доброй воле Магната.

— Она отлично выглядит, Резчица, — вставила Равна.

— А Странник? — спросила Резчица.

Веселье Джоанны испарилось. Как будто вдруг она налетела на стену.

— Я… Я думаю, Странник убит. Во всяком случае, расчленен. Хранитель загнал его в Хор. Резчица, можем мы с тобой об этом поговорить — только с глазу на глаз? Только ты и я?

Голос Резчицы ответил после едва заметной паузы:

— Да, но позже.

— Н-ну ладно. — Джоанна отвернулась к окнам и долго ничего не говорила. Видны были двое солдат Гибкаря, патрулирующие местность. — Я думаю, этот маневр обманул Невила. — В ее го-

лос вернулась прежняя задиристость. — Маг, ты слушаешь?

Зек ответил другим голосом. Как у Тимора, только ворчливее:

— Слушаю, конечно. Хочешь, чтобы я объяснил перемену настроения?

— Да. Ты годы затратил, чтобы меня найти и убить. Что случилось, что изменило твое намерение? Только покороче, потому что снаружи ждут Равну.

— Хорошо. Только пусть никто не думает, что я легко меняю точку зрения. Моя целеустремленность почти бесконечна — иначе бы я ничего не добился в тропиках. И все же некая часть моего сознания всегда относилась к Хранителю с подозрением — даже когда он был мне невероятно полезен. Я заметил, что люди, с которыми я ознакомился, не чудовища. Когда Радист говорил от имени людей, он пробудил у меня любопытство достаточное, чтобы не убивать Джоанну на месте.

— И спасибо тебе за это, — вставила Джоанна.

— Но это поставило меня в трудное положение, — продолжал Магнат. — К счастью, я очень быстро соображаю. Мне нужно было уйти от Невила с его лучевым ружьем. Исходя из того,

что дальность его действия достигает сотен километров, мне нужны были часы безопасного полета. Поэтому я захватил Джоанну и взлетел, оставляя Невилу надежду, что я все еще хочу вести с ним дела.

Джо кивнула:

— У нас с Магом был очень… напряженный день. Ну, как вы видели на той сцене у Невила, только на несколько часов. Я думаю, все решила записная книжка Описателя с изобретениями.

— Описатель когда-то доставал меня до печенок с этими своими книжками. Разговаривая с Джоанной, я понял, что ее он злил точно так же. Она его не убила, ей просто хотелось это сделать. Мы оба его отшили — и оба годами об этом жалели. И я в Джоанне ошибался. Я не часто делаю ошибки, но если такое случается, они бывают чудовищны. За прошедшие декады я пересмотрел свои планы.

Голос Тщательника прозвучал скептически, но как мелочная придирка:

— Если у тебя столько часов ушло на пересмотр отношения к Джоанне, не было ли слишком порывистым решение выбросить Хранителя за борт? Ты же едва успел взлететь.

— Ну, я же сказал, что умею соображать очень

быстро. В данном случае…

Голос Зека резко поменялся в середине фразы — Радист заговорил вместо своего начальника:

— В данном случае служащие Магната предвосхитили его желания. Видишь ли, Хранитель умер в результате… гм… увечья. Ты знаешь, Равна, что Амдиранифани помогал Уту и другим моим фрагментам, с которыми мог установить связь. Но это еще не все. Хранитель всегда работал на грани увечья. Он наслаждался этим и годами совершенствовался в этой игре. Амдиранифани решил, что победит, воздействуя на экипаж. Первая попытка стоила ему двух глаз — но от этого он только поумнел. Моим элементам случалось видеть жертвы Хранителя. И жертва пыток его *никогда* перехитрить не могла — до Амдиранифани.

Амди? Робкий Амди?

Равна чуть не сказала эти слова вслух. Радист продолжал:

— В тот день над Холмом Звездолета, когда мы открыли сбросовый люк, Хранитель собирался выбросить кого-то частично — вероятно, Амдиранифани. Амдиранифани передавал звуки по всей гондоле управления, и ни разу Хранитель его не смог поймать. Амдиранифани так почти все время переговаривался с остатком Бу… остатком

Шелковинта, а эта четверка все время передвигалась в клетке, не давая Хранителю возможности понять, что значат эти звуки. Потом Хранитель отправил один свой элемент вниз открыть люк и велел Суперкарго расковать часть Амдиранифани. Я — Ут — сделал именно то, что задумал для нас Амди: слез с насеста, взял у Суперкарго ключи и отпер клетку Шелковинта. Эта четверка — законченный убийца, ты это знаешь? Эти твари превратили гондолу в ад, рубя Хранителя и всех, кто был ему еще лоялен. Суперкарго выбросил в люк один элемент Хранителя, а Хранитель поймал меня сзади и перерезал горло. После этого помню только, как лежу на палубе и истекаю кровью насмерть.

Голос Радиста продолжал звучать ровно, но глаза у Зека стали огромными, и его трясло. Равна протянула к нему руку.

— Можно не рассказывать, — сказала она тихо. — Остальное мы знаем.

Когда Магнат заговорил снова, он уже не был так полон бахвальства.

— Они поступили правильно, и я благодарен им.

— Да, — сказала Джоанна с мрачным удовлетворением. — Под конец Хранитель получил

примерно то, что сделал с беднягой Описателем. — Она помолчала. — Вот так это и было. И лучше бы нам скрывать это от Невила как можно дольше.

— Да? — удивился Тщательник. — Мне всегда приятно обдурить Невила, но в чем смысл? Если Магнат действительно *наш* союзник, какая нам разница, что думает Невил, — лишь бы Равна и ее экспедиция добрались обратно до Нового замка.

Зек издал звук отрицания, а потом заговорил голос Магната:

— Вы не так поняли. Джоанна Олсндот мой советник — а еще с ней просто весело, — но я *не ваш союзник*. Если необходимо, считайте Джоанну вашим послом при мне. Я же вижу в Домене конкурента на рынке, и хотя я Невила… недолюбливаю, торговать с ним я тоже буду.

Тщательник вышел из себя:

— Это абсурд! Тебе сейчас уже нет смысла конфликтовать с Резчицей. Если хочешь знать *мое* мнение…

Голос его осекся, не получив поддержки от Резчицы.

Равна испытующе посмотрела на Джоанну:

— Джо, ты правда свободно можешь уйти?

— Может, конечно! — ответил Магнат.

Джоанна улыбнулась:

— Рав, я тут все разведала. Надо было бы — могла бы прорваться с боем.

— Могла бы?

В голосе Магната слышалось некоторое ошеломление.

— Ага.

— Ну хорошо. — *К черту дипломатическую недосказанность.* — Действительно ли для тебя безопасно вернуться в тропики и находиться во власти этого правителя?

На *этот* счет у Равны был свой опыт.

— Гм. — Голос Джоанны прозвучал задумчиво… и радостно. Иногда у нее бывал такой голос — когда она сидела со Странником, поглаживая его, как свору дружелюбных собак. — Считаю ли я, что мне безопасно будет вернуться в Дом Магната? Не совсем так. Магнат может вести себя с тобой как сука, если убежден, что *ты* сука. Но он спас Тимора и Гери, и от них я кое-что узнала. Факты *могут* в конце концов пробить себе дорогу сквозь его толстые черепа. Он меня ненавидел больше, чем можно себе представить. А сейчас? В общем, с ним я чувствую себя безопаснее, чем, скажем, со Свежевателем. Реформированный Свежеватель — парень хороший. Вероятно, он

мне жизнь спас, подсказав Резчице принести тот блокнот, но он скрытен до непредсказуемости. — Она помедлила. — Такой удачи восстановления стаи, как Магнат, я никогда не встречала. Он десять лет провел, стараясь восстановить то, что утерял. И говорить с ним — это почти как найти утраченного друга.

— Я еще только на полпути к этому, — сказал Магнат.

— Маг, — тихо ответила ему Джоанна, — весь путь ты никогда не пройдешь. Но я думаю, что Описатель был бы горд, если бы ты сделал из его воспоминаний что-то еще лучшее. Это именно тот большой скачок, который бы его восхитил.

— Хм… а ведь ты права.

— Ну значит, так, — сказала Равна. — Мы не союзники, но торговые партнеры и конкуренты. Но меня все равно настораживает продолжающаяся поддержка Невила со стороны Магната.

Она ожидала, что этот вопрос поднимет Резчица, но та хранила молчание.

Джоанна и Магнат заговорили одновременно.

— Позволь я скажу, — попросила Джоанна, когда они оба остановились. — Это *Невил* думает, что у него есть союз, но на самом деле ему просто повезло, что Магнат недостаточно его ненавидит,

чтобы убить на месте. Конечно, Невил никому из стай не друг, и наверняка он думает, что это *он* использует Магната. Чем дольше он будет в заблуждении об отношениях между Магнатом и Доменом, тем лучше. В конечном счете Магнат хочет сделать торговлю с Невилом надежным человеческим противовесом Домену, причем таким, который своим существованием обязан тем, что играет в одной команде с Магнатом.

— Даже менее дипломатично, чем я бы высказал, — буркнул Магнат.

— Еще бы. Пока я твой советник, с моими друзьями из Домена можешь ожидать полной откровенности.

Тщательник возмущенно залопотал:

— Если бы такой план был машиной, он бы развалился сразу! — Еще булькнув несколько осуждающих аккордов, он вернулся к самнорскому: — Если мы — тайные друзья, я требую демонстрации доброй воли. Магнат должен вернуть то, что украл Хранитель, в частности компьютер «Олифант».

Это был самый любимый прибор Тщательника вне корабля.

— Прости, Тщат, — ответила Джо. — Не получится. Магнату моя старая игрушка нравится не

меньше, чем тебе.

Тщательник издал еще несколько раздраженных звуков:

— Мы отказываемся от многого, нас просят терпеть Невила и даже обогащать его. В ответ мы получаем обещание беспощадной конкуренции. Причем лишь в том случае, если поверим этому агрессивному психу из тропиков. Из этого может быть толк?

Равна подумала о том, что она видела на юге, о тянущихся на километры фабриках, которые могут спасти этот мир.

— Ты еще и друг Хора, Джо, можно сказать, наш представитель там.

— Я… ну да, конечно.

— Про эксплуатацию ты знаешь?

— Как на Ньоре в Век Принцесс?

Она улыбнулась. Равна на улыбку не ответила:

— Я не хочу, чтобы здесь так было, Джо.

Девушка на миг была озадачена, потом очень серьезно кивнула:

— Обещаю, Равна. Хор никто эксплуатировать не будет.

Когда Равна ушла с борта «Стаи Стай», Джоанна осталась на мостике. Наступал вечер. Солнце вскоре должно было зайти, но света пока хватало,

чтобы видеть сквозь прозрачные шторы, которые она с корабельным стюардом повесила на носовые иллюминаторы. Если наклониться вперед и посмотреть в сторону, будет виден почти весь отряд Равны. Там же Джефри и Амди. Сейчас Джеф уже знает, что она жива и здорова. Но есть еще Гиске, и Магда, и Овин. Пока Джоанна будет играть с Невилом эту комедию, почти все ее друзья будут считать ее погибшей. Такую цену Джоанна согласна была заплатить, но не учла, во что это обойдется другим: душевная боль ожидания и страх перед открытием ужасной правды… Она видела Овина, сидящего перед гробиком Эдви. *Надо было рискнуть и шепнуть словечко тем, кто по-настоящему страдает.* А они с Магом думали только о том, как обдурить Невила. И преуспели в этом, но сейчас Джоанне хотелось только смыться отсюда.

Мысли ее перебил новый голос Магната:

— Я бы сказал, что нам пора стартовать домой.

Джоанна обернулась. Зек сидел у нее за спиной на одном из тронов.

Урра!

Вслух же она сказала:

— А я думала, ты хотел еще несколько часов запугивания извлечь из этой поездки.

— Хотел, но не слышу, чтобы это происходило. Лучше вернуть мой флагман к зарабатыванию денег.

— Ты оставишь корабль с войсками? — спросила она.

— Конечно. Невил может объявлять меня своим союзником, но больше никогда и никто не будет совершать убийства и говорить, что оказывает этим мне услугу.

— Ну, тогда поехали.

И побыстрее, пожалуйста!

Зек вышел, направляясь к главному люку корабля. Через минуту поднялся по винтовой лестнице Та — наверное, из гондолы пилотов. Это были два элемента Радиста на борту «Стаи Стай». Та по переговорным трубам с мостика передал экипажу какие-то уточняющие указания. Очевидно, пришел сюда на случай, если Магнат захочет что-нибудь сказать.

Послышалось далекое гудение паровых турбин и через минуту чуть громче — голос Зека из главного люка. Официальный представитель Магната объявлял об отлете и просил наземные команды Невила помочь.

Через десять минут Джоанна почувствовала, что отдали последние швартовы. «Стая Стай»

свободно качнулась и стала подниматься над долиной. Мелькнули в последний раз экспедиция Равны и группа Невила. Отрицатели торжественно махали руками, отряд Равны просто смотрел. Амди и Джефри Джоанна заметить не успела.

Набрав достаточную высоту, корабль повернул и полетел вдоль огромной долины Стремительной. Равна отодвинула шторы, чтобы Та и Зек могли рассмотреть как следует.

— Вот эта расщелина в стене долины — это и есть вход в пещеры Невила?

Голос принадлежал Радисту.

— Ага. Если Резчица о нем знает, то будет возможность получить какие-нибудь карты.

Голос Магната буркнул:

— В список первоочередных задач включу создание видеопередатчиков.

Не прошло и минуты, как проплыла внизу крысиная нора Невила. До самого горизонта тянулись лед, скалы и снежники, подсвеченные закатным солнцем. При полете на этой высоте горючего хватит для беспосадочного возвращения, но полет займет всю ночь и часть следующего дня.

Времени более чем хватит на исправление одной неправильности. Джоанна посмотрела на Зека:

— Так куда вы засунули коммуникатор?

Та и Зек ткнули носами на один из низких ящиков, стоящих вдоль стен. Он был не заперт. Джоанна вытащила коммуникатор — один из двух, попавших наконец в лапы Магната.

— Что ты делаешь? — спросил Магнат.

— Хочу поболтать с Резчицей.

Радист возмущенно залопотал — наверняка транслируя Магната.

— Невил услышит!

— Не-а, — ответила Джоанна. — Сигнал коммуникатора зашифрован, и мы так высоко, что я могу передавать на побережье непосредственно. Невил даже знать не будет.

Магнат секунду помолчал и сказал потом:

— Ладно. Рано или поздно нам все равно придется с этой Резчицей поговорить подробно.

— И это правда. — Джоанна поставила коммуникатор и посмотрела на Та и Зека. — Но понимаешь, Магнат, я не так планировала этот разговор. Нам с Резчицей надо обсудить личные вопросы. Если ты мне откажешь, я злиться не буду, но… не можешь ли ты оставить меня одну и даже не подслушивать?

Такой проверки Джоанна не собиралась устраивать, само вышло. Она не ожидала от Магната,

что он будет ей настолько доверять.

Магнат ответил не сразу.

— Это про ту стаю? Странника?

— Да.

Долгое молчание.

— Хорошо. — Та и Зек двинулись к лестнице. — Но обо всем остальном мне подробный доклад!

И они тут же исчезли из виду, спустившись вниз.

Джоанна повозилась с коммуникатором, пытаясь начать сеанс. Поскольку устройство не знало, где находится, а разрешить ему запрашивать спутник Джоанна не хотела, это было не слишком просто. Но через несколько минут засветился зеленый сигнал, и почти сразу…

— Резчица слушает. Джоанна, ты?

— Да. Я сказала, что нам нужно говорить. Сейчас тебе как?

— Сейчас нормально. Я в тронном зале одна.

— Я тоже одна. Я хотела… рассказать тебе о Страннике.

Она описала последний полет антиграва и аварию. Потом воспоминания, которые она старалась не вызывать. Может быть, было сумасшествием вспоминать сейчас каждую смерть, пересказывать все, что она видела, но она рас-

сказывала, а Резчица слушала. Она не понимала, когда закончила, что получилось и можно ли извлечь смысл из ее рассказа. Резчица смогла. Она задавала вопросы, она хотела узнать все.

Когда все было изложено и рассказ Джоанны перешел в рыдания, Резчица сказала:

— Да, он расчленен, это несомненно. — Ее человеческий голос звучал почти нормально — может быть, чуть медленнее обычного. — Мертв ли он полностью? Вероятно. Но это Странник. Когда вернешься в укрытие Магната в тропиках…

— Я буду смотреть и искать, Резчица. Я это так не оставлю.

Они еще немного поговорили о Страннике. О нем были и другие воспоминания — у Джоанны за последние десять лет, у Резчицы — периодические встречи с гораздо более ранних времен.

Проговорили они, наверное, часа два. Ледяные Клыки за окном потемнели, над горизонтом запылали звезды. «Стая Стай» продолжала подъем, приближаясь к перевалам. Воздух был спокойным — совсем не таким, как бывало при перелете через эти горы.

Воспоминания перешли в предположения, как бы поступил в этой ситуации Странник, потом в общее обсуждение линии поведения. Да, у Джо-

анны будет что доложить Магнату.

Но решение стратегических вопросов требовало и обсуждения самого Магната.

— Ты уверена, что он не подслушивает наш разговор? — спросила Резчица.

— Я… — Она глянула на переговорные трубы. Они все были заткнуты. Оттуда, где она сидела, видно было, что внизу в помещении перед лестницей никого нет. — Я правда верю, что он не подслушивает, но это скорее вопрос доверия, нежели чего-нибудь другого…

— Если так, — сказала Резчица, — то, во что ты веришь, может быть существенно. Я очень давно гадаю: что он такое, этот сумасшедший?

Джоанна задумалась на секунду.

— Он необычный. Многочисленный и необычный. Иногда напоминает Описателя, но бывает ворчливым и мелочным, как Тщательник. И еще — в нем очень сильна деловая жилка. Представь себе, каким был бы Свежеватель, если бы целью его жизни было продавать тебе безделушки и подержанные запчасти для телег.

Резчица издала множественное гудение, означавшее удивленный смех.

— Как ты думаешь, мы с ним могли бы поговорить?

Глава 44

Прошло семь декад.

Невила удавалось держать в заблуждении, так что Джоанне пришлось остаться в тропиках. Это было самое захватывающее время в ее жизни. Каждый раз, входя в Хор, она обнаруживала что-нибудь новое. Она возвращалась в устье Шкуры, смотрела, как приходят и уходят плоты. (Чиперс и другие вернулись через шестьдесят дней после нее!) Она бывала в цехах огромной фабрики. Когда-нибудь она возьмет шест и на катамаране пройдет вверх по Шкуре до Первой Северной Резервации… но когда она это предложила Магнату, с него тут же слетела наигранная брутальность, и он попросил ее не быть дурой. Ну может, он насчет такой экспедиции и прав… но она же уже плавала с речниками Чиперса!

Пока что у нее оставалась Великая Пирамида Хора. Ходить на Пирамиду Джоанне нравилось. Для того была сотня причин, в том числе будоражащее дуновение опасности.

Сегодня она тихо выбралась из Дома Магната прямо перед рассветом, в самое прохладное вре-

мя суток. Черт, было больше тридцати восьми по Цельсию, и дождь неожиданно прекратился. Но надо было встать раньше, чем поднимется сам Магнат. Половина его очень переживала из-за опасностей ее экскурсов за пределы Резервации, а вторая половина тем же опасностям очень завидовала. Лучше было просто уйти от неизбежных споров.

Зек и Ритл ее застукали, как раз когда она думала, что уже выбралась. Радиста трудно было обвести вокруг пальца, когда связь была хорошей… и когда с ним была эта извращенка Ритл.

— Опять наверх пойдешь? — спросила двойка почти на безупречном самнорском. Наверное, участвовала почти вся стая.

— Ага. Никому не говори, — попросила Джоанна. Они вышли через один из многочисленных служебных входов и стояли в относительной прохладе утра. Джоанна показала на небо, почти сплошь синее, но верхушки облаков уже ловили первые лучи солнца. — Отличный день, чтобы побывать в Хоре.

— Для тебя — может быть. — Двойка пристроилась спутником к Джоанне до самого края Резервации, для разнообразия не ворча по поводу ее, Джоанны, увлечений, могущих иметь нездо-

ровые последствия. — Вообще-то я хотел просить тебя об одолжении, — сказал Радист. — Мы этой ночью потеряли изображение с камеры, глядящей на север.

— Да, я знаю. Ее сбили. Наверняка это было случайно. Приду туда — поставлю снова.

— Спасибо.

Кажется, Радист лучше Магната понимал, насколько важными могут оказаться увлечения Джоанны. И у него были еще и собственные идеи. В это утро они касались того, что делать с будущим избытком аналоговых камер, как можно будет обрабатывать их выходной сигнал, не транслируя его Невилу.

Она глядела на эту двойку и пыталась скрыть улыбку. Радист был уникумом. Здесь — физически — это была двойка, которой полагалось быть ментальным калекой. Но истинный ум Радиста был распределен на сотни километров, управляя столь сложным предприятием, как крупная фабрика на заре цивилизации. Джоанна принимала это легко: как только Тщательник соорудит более безопасные плащи, такие стаи будут возникать одна за другой. Когда появится цифровая техника с мультиплексированием пользователей, количество их начнет измеряться миллионами. Но

этой двойке уникальность придавала Ритл, на которой радиоплаща не было. Чтобы быть частью стаи, ей приходилось держать голову поближе к Зеку или, того лучше, Зеку надо было пускать ее к себе под плащ. В результате общение получалось несколько отрывочным. Маленьким чудом было уже одно то, что стая терпит такой хрупкий и временный брак. Неудивительно, что Ритл с такой старательностью учится носить плащ Ута.

Они дошли уже почти до главных ворот Резервации. Как и ограда, это была хилая конструкция — по сути, символ. Иногда Хор переливался через границу, и это было похоже на бешеную атаку, живое цунами, грозящее смыть величественные планы Магната, но на самом деле это не было нападением: Хор просто забывался, и волна его возбуждения переливалась через край Резервации. Потом стаи Магната чинили разорванную проволоку и раскиданные бревна, и все становилось как раньше.

Сегодня толпа выглядела спокойной — лишь немногие особи подходили к границе ближе пяти метров. За десять метров до нее толпа бурлила так же густо, как всегда, но несущихся стад не было.

— Хор наблюдает за нами, — сказал Радист.

Джоанна пожала плечами и махнула охранни-

кам Магната, чтобы открыли калитку.

— Сейчас не так, как когда я приходил сюда с Магнатом, — пояснил Радист. — Сейчас толпа наблюдает за нами сознательно, почти как стая. — Двойка чуть расступилась, Ритл частично выскользнула из-под плаща, мембрана слушала мыслезвуки из-за изгороди. — Я… я слышу Хор, — сказал Радист. — Он более осмыслен, чем обычно бывает. И наблюдает *за тобой*.

— Ну и нормально, — ответила Джоанна.

Сама она слышала лишь какофонию бульканья и шипения, которую вполне могли бы создавать и животные, но она знала, что Радист прав. Так бывало всегда, когда она приходила к калитке.

Она обвела взглядом малые возвышения фрактальной пирамиды. То, что неопытному глазу могло показаться хаосом, было повторением одного и того же узора во все меньших и меньших масштабах. Джоанна научилась узнавать в этих узорах настроение и иногда даже намерение. И то, что она видела сейчас, было очень большим… ожиданием.

Она подошла к открытой калитке, не обращая внимания, что охранники Магната собираются в кучку и жмутся к земле. Они всегда нервничали при открытой калитке: когда она закрыта, легче

думать, будто она как-то их защищает.

За спиной Радист издал повелительный писк, означавший что-то вроде: «Вернись!»

Она обернулась. Ритл освободилась от Зека и целеустремленно шла к Джоанне и калитке. Если не считать этих дурацких госпиталей, редко приходилось Джоанне видеть такое бесстыдство у синглета, стремящегося стать частью стаи. Ритл была девушка целеустремленная. Обычно это Джоанну в ней умиляло, но сейчас заставило за нее бояться.

Джоанна остановилась в калитке, не обращая внимания на наблюдающие за ней толпы. Ткнула рукой в Ритл, стараясь как можно лучше изобразить стайный жест предупреждения:

— Стой! Тебе туда нельзя, Ритл. Мне безопасно, а тебе нет.

Самое меньшее — что Ритл просто не вернется из этого приключения.

Синглет продолжал идти, игнорируя булькань Радиста и самнорские слова Джоанны. Джо никогда бы не подумала, что именно Ритл так податлива на зов сирен Хора. Но Ритл будто заставляла себя идти вперед. Радист не двинулся с места, но был очень встревожен. Ритл игнорировала и его, и Джоанну. Все ее внимание было

устремлено вперед, к Хору. И двигалась она все медленнее и медленнее, будто мыслезвук Хора создавал физическое препятствие. И наконец она остановилась точно на границе Резервации, подняла лапу, будто пытаясь сделать еще шаг, застыла в нерешительности, попробовала еще раз… ее трясло от усилий.

И наконец Ритл сказала по-самнорски громко и очень четко:

— Черт, блин! Блин и еще раз блин!

Потом она бросилась вперед и постучала мордой по земле за воротами, на территории Хора. Джоанне это напомнило ребенка в игре, обозначающего, что добрался до нужной точки. И, закрепив свою победу, Ритл метнулась обратно в Резервацию.

Джоанна помахала двойке, потом повернулась и вышла на открытое место. У нее за спиной охранники быстро закрыли калитку.

Обычно, чтобы добраться до вершины центрального пика, требовался час. Дорога шла зигзагом по западной грани, по ней можно было даже идти, а не карабкаться. Поверхность пирамиды была разнообразна — от необработанного гранита до резного кварца и яшмы. Медного, золотого, серебряного покрытия могло набраться

с гектар, но это покрытие встречалось пятнами и полосами на элементах фрактального узора. Эту пирамиду Магнат изучал уже семь лет (с воздуха и из собственного дворца). Если не считать рекурсивной природы пирамиды, он не находил в ней системы, хотя видно было, что она становится все больше и прочнее. Исходная, которую видел Ремасритлфеер, по сравнению с ней смотрелась бы кучкой грязи.

Дорога виляла из стороны в сторону, устремляясь вверх, и с нее многое можно было увидеть. Дом Магната и то, что было пристройкой Хранителя, превосходили размером любой дворец севера, но даже подножие Пирамиды поднималось выше этих строений. Летное поле лежало к западу от дворцов. Видны были пруды с детенышами наездников, хотя полная сеть прудов не считалась с границей Резервации. Современный Хор был весьма терпим к «говорящим каракатицам». Это было справедливо, поскольку именно детеныши наездников были тем связующим звеном, без которого ничего бы этого не было.

Над полем разворачивался один из кораблей Магната, держа после взлета курс на север. Это был личный шатл, приземлявшийся на каждой из дальних Резерваций. С другой стороны

подлетал ежедневный рейс из Диких Княжеств, собираясь приземлиться. Большая часть грузов шла водным путем и караванами, но радиосвязь и эти воздушные корабли позволяли Магнату синхронизировать рынки.

За летным полем протянулись серые ряды первых тропических фабрик Магната. Сейчас они покрывали практически каждый квадратный метр Западной Стороны. А за западным краем Резервации виднелись дикие фабрики Хора. Эти на живую нитку сшитые халупы все время разрушались и восстанавливались. И когда уже казалось, что этот мартышкин труд ничем не кончится, вдруг фабрика выплевывала продукцию, сделанную тяп-ляп, кривую и перекошенную, в основном мусор… но бывало — как с зеркалами и вообще стеклянными изделиями — лучше, чем у Магната.

Джо была уже на третьем крутом спуске перед подъемом, на высоте сотни метров над Резервацией. Толпа была здесь так же густа, как всюду, Стальные Когти кишели на сети мелких троп, ответвлявшихся от главной, по которой шла Джоанна. Вокруг нее они оставляли свободное пространство, но не то чтобы соблюдали четкую границу. То и дело они ее задевали, проходя мимо.

По ней колотили звуки Хора, бульканье, шипение и гогот, обрывки межстайной речи, смешанные с имитацией грома и дождя. За всем этим шумом ощущалось что-то более громкое, отдававшееся гулом в груди и в голове, — то, что мог человек ощутить от мыслезвука.

В основном эти создания не обращали на нее внимания, но некоторые адресовали ей то писк, то гоготание. Сказать они могли только: «Привет, Джоанна!» — но иногда бывало и больше — слова, которые могли дойти по длинной цепочке издалека, могли быть реминисценцией путешествия с флотом плотов. Примерно каждый пятый говоривший отличался северной плотностью шерсти, но попадались и совсем безволосые тропиканцы, утверждавшие, что помнят фрагментарий Резчицы.

Иногда при виде необычайно большого, покрытого мехом тела или черно-белого узора шерсти она вспоминала Странника. Дважды она гналась за такими сквозь толпу, не обращая внимания на тех, кого сталкивала с пути, лишь бы подобраться поближе к знакомому облику. И оба раза она убеждалась, что видит его впервые. Но все же части Странника могли здесь быть, выжившие в виде синглетов. Отдельные черты его поведения

она находила иногда у элементов Хора.

Последний спуск-подъем составлял всего лишь двадцать метров, но прямые солнечные лучи и чистое небо разогрели воздух до температуры парового котла. Пот лил с Джоанны ручьями, будто ей и вправду пришлось лезть по стене. Дойдя до вершины, она была готова уже остановиться и хлебнуть из фляжки воды. Джоанна прислонилась к золоченому столбику ограды узкой площадки. Если в пирамиде была какая-то логика, то это открытое место должно быть чем-то вроде святая святых. Для Джоанны это был лишь маленький клочок грязи, и поднимавшиеся к вершине Стальные Когти обычно ее избегали.

Ослепшая видеокамера находилась с другой стороны от вершины и, естественно, была сбита. Джоанна перешла лужайку и подняла устройство — полностью аналоговое, спроектированное «Внеполосным». Оно было таким простым, что фабрики Магната могли бы делать его миллионами, если бы Хор был достаточно этими устройствами заворожен — или кто-нибудь другой ими восхищался и имел на что их выменять.

Джоанна подняла камеру, стерла грязь с объектива. Вдруг коробочка заговорила с ней по-самнорски.

— Долго ты, — сказал новый голос Магната. Голос Гери по-прежнему Магнату нравился (он называл его «красивым»), но он принял к сведению, что у людей такой голос создает неверное впечатление. — Ты нормально себя чувствуешь? Мне пришлось снизить темп некоторых работ в порту. Такие солнечные дни даже тропиканцам не очень нравятся.

— Тем, у кого слишком много бледной кожи. Вот у нас, людей, кожа всюду темная — для жаркой солнечной погоды отлично.

— Вот как. Верно. Понимаешь, иногда Хор не слишком о себе заботится. Вот интересно мне… — Магнат загудел про себя — несомненно, очередная сумасшедшая идея. Потом, снова переключившись в режим начальника, сказал: — Но это к делу не относится. Нам нужна та камера, что у тебя в руках. И *на этот раз* закрепи ее как следует, чтобы не сшибли!

— Слушай, Маг, если ты хочешь, чтобы она была выше всего, что здесь есть, то ее всегда могут случайно сбросить. — Джоанна установила камеру и поправила треногу. На самом деле конструкция была прочной и утяжеленной внизу. И нужно было столкновение с крупным элементом — или согласованные усилия группы, — чтобы ее опро-

кинуть.

Но здесь сердце Хора. И наверняка много здесь происходит странных действий — быть может, церемоний.

Джоанна с усилием сдвинула треногу и камеру ближе к краю парапета, чтобы ничто ей вид не загораживало. При этом вокруг нее сгрудилась дюжина тропиканцев, но никто из них не возражал — они только толкали друг друга. Совершенно было не похоже на координированные действия настоящей стаи, но было понятно, что они пытаются помочь двигать треногу, дергая ее так и этак, фактически переставляя ее на каменный парапет.

Она их отогнала и окончательную установку сделала сама, на этот раз проверив, что треножка заклинена между золочеными столбиками ограды. Может быть, Магнат следил за ней в подзорные трубы *и* с помощью камеры.

— Ты поосторожнее. Если они подумают, что ты ломаешь Пирамиду…

Джоанна, работая над треногой, поглядывала на толпу с той же мыслью.

— Никто пока не возражает. Ты же знаешь, что у Хора ко мне особое отношение.

Может быть, это так и есть. Во всяком случае,

приятно было подразнить Магната.

Магнат ответил ворчливо, но на межстайном, а потом перешел на самнорский:

— Я не возражаю, если мои работники рискуют жизнью. Но я хочу, чтобы они при этом понимали, что делают! А теперь, раз ты здесь, не направишь ли камеру так, чтобы она давала полезную информацию? Мне хочется видеть северную дорогу.

— Я тебе советник, а не работник! — возразила она, но все же направила камеру на северо-запад. «Дорога» представляла собой систему просек, меняющихся с каждой декадой, но тянулась она почти на тысячу километров в глубь непроходимых джунглей бассейна Шкуры. На первый взгляд Хор был хаотической сатурналией, как всегда заявляли северные стаи, но на самом деле в нем творилось что-то более сложное, чем нескончаемое веселье. Для существования побережья необходим был обширный тыл на суше. И с помощью вот таких камер — и удаленных Резерваций — Магнат начал выяснять, как что происходит.

Порядок жизни в тропиках не менялся уже сотни лет, но Резервация Магната породила революцию — свидетельством тому Великая Пирамида. Теперь эта революция развивалась

ускоренно. Сырье текло потоком на фабрики, оттуда выходили миллионы изделий, заливающих Домен Резчицы, как морской прилив. Для Равны это означало, что ее проекты за пару лет проходят путь, намеченный на десятилетия. Джоанна знала, что виденное северянами — лишь малая часть того, что производят фабрики Магната. И большая часть этой продукции — и вся продукция новых, диких фабрик — использовалась *внутри* Хора. Достаточно встать у выходных ворот фабрики, смотреть на телеги ткани, раций, солнечных батарей, которые увозят по северной дороге и по Шкуре. В ясный день, вроде сегодняшнего, такая камера может проследить движение на дороге на много километров, показать, как поток расходится по рукавам, даже заглянуть в каждый укромный уголок территории Хора.

Комбинация Хора, Магната и технологических подсказок «Внеполосного» породила что-то совсем новое, невиданное. Джо это знала, знал Магнат. Он никогда не уставал хвастаться размерами своих «новых рынков», и делец в нем в буквальном смысле потирал носы друг о друга от радости. Магнат все время старался предсказывать и предугадывать нужды клиентов, и этой задаче служили и эта камера, и доклады Радиста

из новых Резерваций.

— Вот так, да, — донесся голос из камеры. — Поверни чуть-чуть к югу. Вот так, хорошо! Пусть у Невила есть глаза на небе, но что происходит на земле — знаю я. А когда я приделаю к этой камере подзорную трубу получше… — Голос Магната пресекся, его уносили волны технической фантазии. Когда он снова заговорил, это было беспокойство о Джоанне. — А теперь надо бы тебе вернуться. У меня по рации из «Северной-Один» доложился какой-то Божидар и говорит, что там настроение меняется в игривую сторону. Если доберется до нас, то на Пирамиде может случиться сексуальный хаос.

Джоанна посмотрела вниз, на Дом Магната. Зал приемов был обозначен рядом окон. Новые достигали трех метров в высоту, но отсюда казались крошечными. Наверняка Маг оттуда на нее смотрел. Она ему помахала рукой:

— Не беспокойся, ерунда. Я уже такое видала. — «Ерунда» — это было некоторое преувеличение. — И вообще я сюда лезла не твою дурацкую камеру поправлять. Хочу посидеть и посмотреть как следует.

– Гррмп! Ммбл!

Спикер камеры только так мог передать ответ

Магната, где слышалось и возмущение, и тревога за Джоанну, и зависть.

Джо еще раз махнула рукой дворцу и села на парапет. В этой духоте самым крупным предметом одежды на ней была шляпа от солнца, и Джоанна натянула ее на голову. Темные волосы и темная кожа — это хорошо, но все равно защита от солнца нужна.

Джоанна выглянула, но смотрела не на *физическую* картину. Ей хотелось сказать Магнату, что сейчас ей ясно видны самые глубокие мысли Хора. Маг плевался, что она несет суеверную чушь, но потом видел, как пробегают по тропикам настроения, подобные сверхбыстрому погодному фронту. А это уже была маркетинговая информация.

Здесь, в Городе Хора, все это сходилось вместе в миллион раз большем масштабе, чем видела Джоанна на плотах. Опершись локтями на колени, она всматривалась в северный горизонт. Этот мир находился в Медленной Зоне, не в Крае, не в Переходе. Почти вся разумная жизнь в Галактике происходила из этой первобытной тины. Ничего разумнее человека Здесь выжить не могло. И потому Хор никак не мог быть сверхчеловеческим разумом. Верно ведь?

Такие вопросы вызывали у Джоанны сожаление, что она так мало знает об ограничениях Медленной Зоны. В Верхней Лаборатории эта тема была непопулярна — взрослые слишком были заняты превращением себя в бога, чтобы тратить время на проблемы низших умов.

Очень скоро игру с Невилом придется прекратить: сотрудничество между Магнатом и Резчицей слишком заметно, чтобы его замаскировать. *Мои друзья узнают, что я жива. Я смогу к ним приехать!* Равна сможет приехать сюда и увидеть Зеленый Стебель, увидеть, каков на самом деле Хор. Разговоров по коммуникатору для этого мало. Есть вещи, которых Равна не понимает — вроде того обещания, которое она взяла с Джоанны: не допустить эксплуатации Хора. В некотором смысле его очень легко сдержать. Но на уровне отдельных особей, на уровне Чиперса — проблема именно та, о которой Джоанна спорила с Гармонием красные куртки и даже со Странником…

Джоанна высунулась чуть дальше, прикрываясь широкой шляпой. Если можно будет вернуться в Домен — отлично, но людей в этом мире очень мало, и трудно представить, что она найдет себе кого-нибудь. Даже у Равны положе-

ние лучше. *По крайней мере если мой глупый братец наконец разберется сам с собой.* Пока что, насколько видела Джоанна, Джеф считал, что Равна для него слишком хороша, и одновременно рассматривал ее как агента абсолютного зла.

Наконец солнце стало припекать слишком уж сильно. Джоанна стала медленно спускаться с вершины. Очень часто у нее бывал эмоциональный спад именно в момент спуска с пирамиды. Иногда она думала, что изменяется настроение Хора. *Может быть, они огорчаются, когда я ухожу!* Абсурд, конечно же. И все же, утратив Верхнюю Лабораторию, потеряв родителей, потеряв надежду на брак с Невилом… потеряв все, она обрела судьбу, которую можно было бы назвать замечательной. Она знала, что банда Невила обзывает ее «собачницей». Ну что ж, они правы. У нее есть фрагменты, есть стаи, есть Хор. Может быть, на этот странный выбор она обменяла человеческую жизнь и наплевать ей на все прочее.

Глава 45

Наступил самый длинный день лета. Во многих странах Стальных Когтей это был большой праздник. Здесь, в Домене Резчицы, его тоже отмечали, но он приходился на середину тех семи декад, когда солнце вообще не заходило. И этот день, растянувшийся на декады, всегда был временем непрестанной и зачастую радостной деятельности. Солнце вызывало неустанный энтузиазм, который могла умерить лишь полнейшая измотанность. И Дети, и Стальные Когти работали практически без остановки, чуть снижая темп, когда солнце опускалось низко, когда в иное время года только звезды бы светились в темноте. Но и при этом иногда под низким солнцем усталая молодежь собиралась *потанцевать*.

В этот самый длинный день Равна тоже сделала перерыв — если не ночной, то при низком солнце. Выйдя через свой личный вход «Внеполосного», она прошла западным краем Лугов. На этой тропе ее не должны были заметить веселящиеся ребята, но на этот раз она прошла мимо группы Детей и стай, испытывающих планеры, недавно постро-

енные Тщательником. Она на миг остановилась, увлеченная зрелищем, забыв, зачем вышла. Овин Верринг бежал прямо к обрыву, подпрыгнул на краю, распахнул крылья. У Равны екнуло сердце. Да, конструкцию планера синтезировал «Внеполосный», имея в распоряжении опыт тысячи цивилизаций, она была оптимизирована точно для местных условий, — но на борту этого аппарата не было ни малейшей автоматики! Он мог закувыркаться и упасть, а ей уже приходилось видеть падающие с неба тела. Но крылья не стали кувыркаться, планер плавно снижался, устремляясь вперед. А потом Овин — разум вместо автоматики — перевел планер в пологий вираж в поисках восходящих потоков, стал подниматься в них, пока не оказался *над* точкой старта, паря почти как на антиграве.

Дети на земле вздохнули — возможно, вспоминая утерянное наследие. А потом разразился взрыв приветственных кликов, а стаи ворчали, потому что *им* никак было не поучаствовать в этом приключении. *Очень опасно,* — подумала Равна.

Кто-то обернулся и увидел ее. Год назад она сочла бы своим долгом это прекратить, и ребята это знали бы, и всем было бы неприятно, неловко,

и было бы всеобщее раздражение. Совсем недавно, после возвращения, было бы еще хуже: они бы безропотно повиновались! А теперь они ее увидели и помахали приветственно, она помахала в ответ… и через несколько секунд еще один планер парил над пропастью. Равна не стала подходить ближе, наблюдая взлеты издалека. Она насчитала в воздухе пять аппаратов, они кружились вдоль обрыва и над ним. Эти аппараты никогда ни для чего серьезного не будут использоваться. *А вот пилоты — может быть*. Все зависит от того, как быстро будет развиваться другая техника.

Она еще несколько минут посмотрела, потом выбралась из толпы и пошла куда собиралась. Возбужденные возгласы за спиной становились тише, впереди низкое солнце отражалось от северной оконечности Скрытого Острова, слепя глаза. Сам остров смотрелся темным силуэтом на сверкающей глади. А путь Равны вел к северо-западному склону Холма Звездолета.

К единственному в своем роде месту.

Кладбище для Детей и Стальных Когтей. После возвращения она была здесь только раз — на похоронах Эдви Верринга и Норасндотов. В одиночку она после того дождливого и преда-

тельского вечера с Невилом сюда не приходила. *Пожалуй, та встреча должна была меня излечить от пристрастия к этому кладбищу.* На самом деле важный урок был другой: встретив здесь кого бы то ни было, надо очень серьезно задуматься над таким совпадением.

И если честно, сейчас она пришла не из-за отчаяния. Все обстояло *хорошо*. В грядущую зиму Холодная Лаборатория Тщательника изготовит первые микропроцессоры. Когда они попадут в поточное производство Магната, начнется триумфальное шествие техники и до некоторого подобия цивилизации будет рукой подать.

И даже у Джефри дела обстояли неплохо. Они с Амди и восстановленный Шелковинт работали над строительством дорог для перевозки грузов. И Резчица, и Свежеватель были уверены, что Джеф не работает на Невила. Все больше и больше было похоже, что он на стороне Домена.

Равна шла между рядами надгробий, утопающих в поле губчатого мха. У памятника она заметила несколько новых камней, помимо тех, что лежали над Эдви и Норасндотами. Цветы лежали на могилах Белль Орнрикак и Помойки Пели. Дети — по крайней мере некоторые из тех, что остались в Домене, возвращались к древним

формам поминовения. И обсуждали это между собой.

Сегодня — в этот вечер — только одного человека ей хотелось вспомнить. Камень Фама, большой валун неправильной формы, лежал на дальнем конце поля. И можно было посидеть на Северной Стороне, прислонившись спиной к нагретому камню.

Она обошла камень — и ее встретили восемь голов стаи, глядящей прямо на нее.

— А, здравствуй, Амди.

— Привет, Равна! Какое совпадение!

Стая заняла почти все плоские места на Северной Стороне камня. Амди снова набрал прежний вес и носил на двух головах щегольские наглазные повязки. Ее появление не было для него неожиданным. Наверняка он еще за сорок метров услышал ее приближение.

Амди сдвинулся, освобождая ровное место, как раз достаточное для человека. Когда Равна села, он спросил:

— Пришла поговорить с Фамом?

Иронии в голосе не было.

Равна кивнула.

Собиралась.

Она посмотрела на ближайшую голову Амди.

Он уже подвинулся к ней, прижался, устраиваясь поудобнее.

— А ты что тут делаешь, Амди?

— А я сюда сейчас часто прихожу. Знаешь, так… посидеть и подумать.

Амди полюбил одиночество и созерцание?

Мог ли он настолько измениться?

Он положил одну голову ей на колени и посмотрел на нее.

— Нет, правда. Ну, впрочем, сегодня причина другая. Я тут кое-кого жду.

Она потрепала рукой плюшевую шерсть:

— Я настолько предсказуема?

Значит, не совпадение.

Амди пожал плечами:

— Ты — та, кто стоит того, чтобы к ней подстраиваться.

— Так зачем ты меня ждал?

— Ну, — сказал он с некоторой хитрецой в голосе, — я же не сказал, что ждал именно тебя.

Но отрицать этого он тоже не стал.

Они какое-то время посидели, греясь на солнышке, глядя, как сверкает оно на волнах проливов. Здесь был мир, хотя он ощущался не совсем обычным, когда Амди был сверху, снизу и по бокам.

Амди потянулся к ней другой головой. Погладив ее, Равна почувствовала под шерстью глубокий шрам, от горла почти до переднего края мембраны. Тоже, значит, работа Хранителя.

— Ничего страшного, — сказал Амди. — Все зажило, лучше нового.

— Это хорошо.

Но не два глаза. Это так легко не вылечишь, как другие его раны или сломанные лицевые кости Равны.

На море не было ни суденышка, земля дальше к северу терялась в солнечном свете. Как будто Равна и Амди — единственный человек и единственная стая в мире.

Не совсем так. С юга выплыл планер, поймал отличный воздушный поток и поднялся в самое небо, огибая Холм Звездолета. Поворачивая обратно, он будто недвижно застыл в небе.

Амди показал мордой в ту сторону:

— Кстати, еще одна причина, по которой нам нужны радиоплащи. Одиночный элемент стаи куда меньше человека и может отлично летать, оставив прочих на земле — или на других планерах!

Выведенная из созерцательного настроения, Равна улыбнулась стае:

— Я помню свое обещание, Амди. Ты получишь свои радиоплащи. Тщательник работает сейчас над вторым комплектом, но ты же знаешь, какие там проблемы. Хранитель очень жестокие вещи делал, создавая стаю, способную носить эти плащи.

— А вот Свежеватель их прямо так надевал, — возразил Амди. Это было одиннадцать лет назад, в Битве на Холме Звездолета. С самых своих щенячьих лет, когда Равна еще его не знала, Амди с ума сходил по радиоплащам. Она помнила его бесконечное нытье, чтобы ему разрешили их надеть. Сейчас он стал спокойнее. — Мы научимся. Ты только подожди, Равна, радиоплащи сделают нас, стаи, подобным богам!

— Хм…

Проблема у Амди была в том, что опыт общения с настоящими богами был у него ограничен.

А он продолжал бурчать:

— И если мы этого не сделаем, то сделает Магнат. Ты же знаешь, что Радист у него ближайший советник? После Джоанны.

— Слушай, но Джоанна на нашей стороне.

— Советник, друг, называй как хочешь. Я веду к тому, что из стай его ближайший советник — Радист. А он по поводу плащей еще больший

энтузиаст, чем я. Он считает, что хорошим псарничеством можно вывести десятку — если не дюжину, — которая будет иметь когерентный интеллект.

Двенадцать. Как Стая Стай на логотипе Магната.

— Здесь, в Медленной Зоне, есть иные ограничения на разум. Поднять интеллект до уровня намного более высокого, чем у самых выдающихся гениев человечества, можно только в Переходе.

— Ну ладно, пусть так. Но способ, которым радиостаи смогут использовать свои умы, — это потрясающе. Вот Радист уже здорово умен. И снова восьмерной. Знаешь, что он нашел Уту замену?

Вопрос был задан застенчиво, почти смущенно, со взглядами в сторону.

— Ритл? — спросила Равна. — Смогла надеть плащ Ута?

Амди кивнул, неуверенно улыбаясь.

— Ну, это хорошо! Я помню, Амди, она тебе создавала проблемы. Но она была в отчаянии и не желала тебе вреда.

— Ничего себе — не желала вреда! Она меня пыталась разбить на части, я был в ужасе. Но —

да, она была в отчаянном положении. Часть моей личности по ней скучает, но в целом стало куда легче, когда она ушла. Она, знаешь, оказалась ключевым элементом Радиста; от нее он стал умнее и мыслит куда отчетливее. Я с ним общаюсь, когда он сюда достает. Теперь, когда Ритл не рвется найти партнеров… отличный парень получился этот Радист. История его и Ритл могла бы лечь в основу любовного романа… если бы я писал любовные романы, чего я, естественно, не делаю.

Равна медленно оглядела его, сделав полный оборот. Может быть, он и в самом деле теперь в мире сам с собой.

— А как твои проблемы, Амди?

— Ну… прогресс есть. Состоя из одних щенков, я был слишком человеком. Не знаю, как вы, двуногие, можете принимать смерть. Тот ее вариант, который приключается со стаями, достаточно неприятен. — Амди помолчал, глядя в основном вниз. — И от Хранителя я тоже кое-что узнал. Узнал, что смерть может быть наименьшей из твоих проблем. Его одурачить было не так уж трудно, но когда он начал выковыривать мне глаза… вот тогда найти в себе мужество и дальше действовать по своему плану оказалось труднее,

чем я мог себе даже представить.

Он говорил тихо и мрачно. Равна заметила, что весь он глядит на нее. Как будто занавес отдернули. Амди побывал в аду и вернулся. Это может случиться с каждым, кому сперва не повезет, а потом повезет, но Амди свое возвращение *организовал*. За страшные дни, проведенные во власти Хранителя, его детская душа стала глубже, спокойнее — и сильнее.

Равна кивнула, погладила его.

— Так что же у тебя дальше задумано, Амди-ранифани?

Амди отвернулся, и она почувствовала, что момент абсолютной открытости миновал. Он задвигался, меняя позы, потом спросил:

— Вот ты, я и Джефри — в общем, хорошо нам было?

Ага, Амди.

И она ответила в том же тоне:

— В смысле когда не надо было спасать шкуру и когда мы с Джефри не играли во взаимную вражду?

— Да. Я-то никогда не был бы твоим врагом, а Джефри… ну, ты же знаешь, что Джефри тебя любит?

— Вы оба меня любили, когда были маленьки-

ми, Амди.

— Равна, я про сейчас.

Вот этого я и боялась, что ты про сейчас.

Пришла ее очередь смущенно смотреть вниз:

— Амди, я…

Амди вокруг нее напрягся, ближайший к ее лицу легонько коснулся щеки.

— Тсс! — прошептал он. — Сюда кто-то идет.

Равна, естественно, ничего не слышала. И на холме внизу тоже никого не было видно. Даже планер скрылся из виду, оставив небо птицам и низкому солнцу. Равна потрепала Амди по холке ближайшего элемента и прислонилась спиной к скале.

Да, кто-то поднимался по южной тропе, отсюда не видный. Судя по хрусту камешков под ногами, шел один человек.

Равна и Амди сидели полминуты молча. Шаги обошли западную сторону надгробия Фама — но пришедший направлялся не туда.

Это был Джефри Олсндот. Он направился к двум надгробиям, ближайшим к оконечности выступа. Здесь они с Джоанной выбрали место для своих родителей. Не меньше, чем Фам Нювен, сражались с Погибелью Сьяна и Арне Олсндоты.

Так во что же ты веришь, Джефри, и что ты

отрицаешь?

Джефри опустился на землю между камнями, положил руку на каждый из них, глядя на сверкающую морскую рябь. Долго так сидел, потом встряхнулся, будто проснувшись или вспомнив о делах. Встал, обернулся — и увидел Амди и Равну, глядящих на него от скалы Фама.

— Привет, Джефри! — сказал Амди и осторожно помахал парой голов.

Джефри подошел размеренным шагом, остановился в трех метрах от камня, глядя недобрыми глазами на человека и стаю.

— Что она здесь делает, Амди?

Голос звучал ровно и зло.

— Просто совпадение.

Стая посмотрела на Равну, прося подтверждения.

— Так ты мне сказал, Амди.

Она посмотрела на эти головы, глядящие куда угодно, только не на нее. Сейчас Амди напомнил ей не по годам разумного подростка. Впрочем, он фактически и был им.

Но в реакции Джефри не было ни капли добродушия. Он придвинулся к наиболее дальним от Равны элементам Амди:

— Это ты предложил встретиться здесь. Это ты

выбрал время. Я прихожу на полчаса раньше, и оказывается, что ты и вот она, — кивок в сторону Равны, — меня здесь ждете?

— Джефри, прости меня! — Голос Амди стал высоким, как у ребенка. — Просто мне невыносима мысль, что ты… то есть что мы… — Он секунду помешкал, а потом голос его зазвучал по-новому: как у зазывалы или продавца. Эту роль он освоил в цирке. — Нам нужно это обсудить. Обязательно нужно.

Тот, что лежал на уступе над Равной, сдвинулся, и тот, что держал голову у нее на коленях, занял освободившееся место. А третий похлопал по освободившемуся месту рядом с Равной:

— Вот давай ты сядешь, и мы всё друг другу нормально объясним…

Речь несколько потеряла свою убедительность на слове «объясним», потому что Джефри сгреб того, что приглашал его сесть, и со злостью толкнул поближе к Равне.

— Ой, прошу прощения, — сказал Амди, обращаясь к ней.

Она видела, как эти двое играли в такие жесткие игры с самого возвращения из тропиков, но сейчас в поведении Джефри игры не было. Если бы он так поступил с незнакомой стаей, большой

и крупной, как Амди, это могло бы стоить ему жизни.

— Ладно, давай поговорим.

Он сел.

Теперь один из элементов Амди был зажат между ним и Равной. Остальная стая их окружала. В целом Амди казался несколько растерянным. Он переглянулся сам с собой, потом осторожно погладил Джефри и подобрался поближе к старому другу. Джефри не ответил, и тогда Амди продолжил свою речь — все тем же голосом конферансье, но пониженным до тихого мурлыканья:

— Да, сознаюсь. Хотя это и совпадение, я несколько ему помог: не сомневался, что Равна придет сюда при низком солнце. Если бы она не пришла, я бы придумал что-нибудь другое, чтобы нам собраться. Ведь мы втроем столько пережили. Я не хочу, чтобы Равне казалось, будто мы с Джефом смылись по-тихому…

— Что?! — спросила Равна.

— Амди, черт возьми, ты не имеешь права…

— Вы уходите, Джеф? Я думала… я думала, вы остаетесь с нами. С Доменом.

Джефри не глядел ей в глаза. Может быть, он был слишком занят тем, что сердито смотрел

на Амди.

— Мы не смываемся по-тихому. Амди тебе просто голову морочит.

— Неправда! Я не морочу.

Джефри наконец посмотрел на Равну:

— Это может показаться очередным предательством, но я говорил на эту тему с Резчицей и Свежевателем. Как раз сегодня. Вы бы с Джоанной достаточно скоро узнали, но спорить об этом я не хотел ни с ней, ни с тобой. — Он повернулся к Амди и сказал уже ему: — Как ты мог так меня подставить?

— Вы собрались в Лучшую Надежду?

Силы небесные, как же я ненавижу это название!

Джеф кивнул:

— Но не в том смысле, в каком ты подумала. От меня тут никакого толку. Никто мне по-настоящему не доверяет. Ты…

— Я доверяю, — сказала она. *По крайней мере пока ты здесь, я могу надеяться.* — Почему ты туда уходишь, Джефри?

Он заколебался, потом ответил:

— Ладно, скажу. Помнишь, на дороге, ты мне предложила поискать проверяемое свидетельство насчет Погибели. Но что я мог найти — Здесь,

да еще десять лет спустя? Сейчас… сейчас есть шанс. Били вынес с посадочного модуля аппаратуру, которую я, кретин, не узнал. Я знаю Били, а сейчас я даже и Невила знаю. Следя за ними, за тем, что они будут делать с этой аппаратурой… так или иначе, я соображу, что делать мне.

— Это… — *Идиотизм.* — Это неразумно, Джефри. После того как ты меня спас, у Невила меньше оснований доверять тебе, чем любому другому.

— Я это учел. Хранителя нет. Читиратифора и его шайки нет. На той стороне никто не знает, что было с тобой и со мной, кроме работников Магната. А Магнат просто счастлив будет скормить Невилу легенду, которая мне подойдет.

— Какую?

— В прошлый раз, когда здесь был Радист, я попросил Амди проработать подробности.

Амди слегка сжался. Теперь на него гневно смотрела Равна.

— Да все будет хорошо, Равна, — сказал он.

Джефри кивнул, увлеченный своим безумным шпионским планом.

— Верить нам Невил не будет, но мы отлично послужим его пропагандистским целям. Я… я буду отзываться о нем хвалебно. Он захочет, чтобы мы были рядом с ним. А для связи у нас будет спо-

соб, защищенный от перехвата. Амди получил комплект прототипов новых радиоплащей от Тщательника, сейчас тренируется с ними работать. Он будет послом Резчицы у отрицателей.

Ха!

Она посмотрела вокруг себя, на Амди:

— А что ты *на самом деле* думаешь об этом плане Джефри?

Амди не отвел взгляда в сторону. Ни одного взгляда.

— Я думаю, что это лучшее, что мы можем сделать. И это *наш* план.

— Вот как. — Ей их не остановить. Она оперлась спиной о камень, вспоминая бесконечные и бесплодные споры. И это предложение, превратившееся в такую неимоверно опасную безнадежную попытку… Она глянула на Джефри и вспомнила его обещание насчет Невила и «Группы изучения катастрофы». — Джефри…

Джефри покачал головой:

— Понимаешь теперь, почему не было смысла сейчас встречаться?

Амди смотрел на них со всех сторон. Тот, что был между Равной и Джефри, поднял морду к ним, его взгляд перебегал туда-обратно. Он высвободился, спрыгнул на землю. Те, что стояли за

Равной, подтолкнули ее, будто заботливая рука, к Джефри. Один из тех, что сидел над Джефри, шлепнул его резко по голове.

— Скажи то, чего никогда не говоришь! — потребовал Амди взрослым и повелительным голосом.

И внезапно стая скрылась.

Джеф сердито мотнул головой, он был удивлен не меньше Равны. Почти десять секунд он молчал, отведя взгляд. А потом повернулся к Равне и спросил сдавленным голосом:

— Ты все еще считаешь меня восьмилетним?

— Что?

— Глупым маленьким мальчиком с пагубными ложными верованиями?

— Джефри! Я…

Он криво улыбнулся:

— Ну так я уже не восьмилетний, а верования мои в стадии пересмотра, но… — Он перестал улыбаться, глядел прямо и сердито. — Я был просто идиотом, и ты из-за моей дубинноголовости чуть не погибла.

Равна была так потрясена, что не находила слов, — только лишь слегка покачала головой. А Джефри говорил:

— Я видел тебя семь декад, совсем рядом, в

страшных обстоятельствах. Я узнал о тебе, чего не знал раньше, чего ты и сама не знала. Понимаешь, права ты или нет насчет Погибели, но ты действительно во всем именно такая принцесса, как те, о которых ты рассказывала… и по сравнению с тобой я действительно бестолковый малыш.

Он замолчал и отвернулся. Почему-то Равна не думала, что он ждет от нее ответа, — и это было хорошо, потому что она понятия не имела, как и что тут можно сказать.

Он снова обернулся к ней:

— Но я — сын Сьяны и Арне. И, как непрестанно напоминал Магнат, брат Джоанны. Настанет время, когда ты обо мне будешь думать лучше.

И тут Джефри закончил эту дискуссию новым способом: его руки обхватили ее, притянули к себе в старательном и бескомпромиссном поцелуе.

Амди и Джефри ушли, Равна осталась еще посидеть на камне. В конце концов, она пришла сюда обдумать самые важные вещи: ближайшую тысячу лет. А теперь еще и последние пять минут.

Небо слишком ярко светилось, чтобы можно было рассмотреть какие-либо звезды, кроме опускающегося солнца. Но это и не важно. На мостике «Внеполосного» Равна держала отметку на одной

конкретной точке. И даже здесь, даже без тиары, она могла показать, где это — всего тридцать световых лет отсюда, наиболее вероятное местоположение флота Погибели. Пока что была только одна подвижка границ Зоны — тогда, на втором году.

Только бы были со мной Джефри да стаи, да было бы время приготовиться. И это преимущество у нас Здесь есть.